J. TOURGUÉNEFF

ŒUVRES

I-2

Tourgueneff

Николаю Ивановичу

Муравьеву

в знак искренняго и глубокаго
уважения

от автора.

Париж 1862.

12
30 1-2.

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ИСПРАВЛЕННЫЯ И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ТОМЪ I.

Изданіе Н. А. Основскаго.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА
1860.

266589. кар

Библиотека ИРЛИ
(Пушкинский дом)
АН СССР

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 30 дня 1860 года.

Цензоръ *И. Гиляровъ-Платоновъ.*

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ.

—

Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и Калужской породой. Орловскій мужикъ невеликъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ подлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти. Калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близь оврага, кое-какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой.... Калужская деревня, напротивъ, бо́льшею частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью.... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣд-

ніе лѣса и площадя (*) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять, а болотъ и въ помин нѣтъ; въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица—тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ Калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, на-примѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, не смотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Пинну;* заикался; называлъ свою собаку астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе;* и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла, въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны—порохомъ; за то ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба, или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ:—пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья.)

(*) Площадями называются въ Орловской губерніи большія сплошныя массы кустовъ. Орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своебытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ.... Онъ отсюда близехонько.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Ѳедя! дома Хорь? спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ. — Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю. — «Все дѣти Хоря!» замѣтилъ Полутыкинъ. — «Все Хорьки», подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо; «да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ.... Смотри-же, Вася,» продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру: — «духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!» — Остальные Хорьки усмѣхнулись отъ выходки Ѳеди. — «Посадить астронома!» торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя, не безъ удовольствія, под-

нялъ на воздухъ принужденно-улыбавшуюся собаку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ возжи лошади. Мы покатили.—«А вотъ это моя контора», сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой низенькій домикъ:—«хотите зайдти»?—«Извольте».—«Она теперь упразднена», замѣтилъ онъ, слѣзая:—«а все посмотрѣть стоитъ».—Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ съ задворья.—«Здравствуй, Миняичъ», проговорилъ г-нъ Полутыкинъ: «а гдѣ же вода»?—Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. «Отвѣдайте», сказалъ мнѣ Полутыкинъ:—«это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, при чемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ.—«Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать», замѣтилъ мой новый пріятель. «Въ этой конторѣ я продалъ купцу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну».—Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ:—отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій.—Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ? — Да ужь такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужь не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете.—Пятьдесятъ рублевъ въ годъ!—Извольте.—Да безъ недоимокъ у меня, смотри.—Извѣстно, безъ недоимокъ.... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужь ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, эй, откупись!... А, онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ, денегъ, дескать, нѣту.... Да, какъ-бы не такъ!...

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: «Калинычъ»!—«Сей-часъ, батюшка, сейчасъ», раздался голосъ со двора:—«лапоть подвязываю».—Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой. Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченье дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ.—Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня.... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ,

мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. «Калинычъ—добрый мужикъ,» сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ:—«усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ.... Какое ужь тутъ хозяйство,—посудите сами». — Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г–нъ Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный—самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ–подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ.... Онъ со мной все какъ–будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности.... Вотъ вамъ обращикъ нашего разговора:

— Послушай–ка, Хорь, говорилъ я ему: — отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю.... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ? замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина....

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя:—кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода: борода—трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ.... Что же телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ-на-умѣ», подумалъ я.—Нѣтъ, сказалъ я вслухъ:—телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ послать тебѣ простыню и положить подушку.—Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:—сюда, бабы!... А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать.... я наконецъ задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился; да и, сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.—«Что у тебя за рослый народъ!» замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару: — на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вонъ одинъ, пострѣлъ, не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который по-прежнему прислонился къ двери. Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Ѳедя:—мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что ли?

— Ну, ужь ты.... ужь я тебя знаю! кольца серебряныя носишь.... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться.... Полноте, безстыдники! продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ.—Ужь я тебя знаю, бѣлоручка ты эдакой!

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба—работница, важно замѣтилъ Хорь.—Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

— Ну, жени меня, коли такъ. А? что! Что жъ ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, не бось.... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой....

— Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ,—и Калиныч вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ «нѣжностей» отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе

обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то есть: обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ.... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же—къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ: изъ разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ — полтора рубля ассигнаціями ; въ долгъ — три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только-что скошенъ, стало быть, заплатить есть чѣмъ; онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ,

и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ уныніе: ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина–продавца: «а что, малый, коса–то не больно того»? — Тѣ же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницей, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самаго продавца до необходимости, для ихъ же пользы, поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матеріяла на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются иногда «орлами». Такой орелъ получаетъ отъ купца рублей двѣсти асс. и отправляется на добычу. Но, въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло: напротивъ, «орелъ» прибѣгаетъ къ хитрости и лукавству. Онъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ–нибудь въ кустахъ около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ да по задамъ, словно прохожій какой–нибудь, или просто праздношатающійся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближенье и крадутся къ нему на встрѣчу. Въ торопяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную понёву. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности «замашки», — важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности «орловъ». Но за то мужики, въ свою очередь, навострились, и при малѣйшемъ подозрѣніи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи «орла», быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ дѣло,—и они ее точно продаютъ—не въ городѣ, — въ городъ надо самимъ тащиться,—а пріѣзжимъ торгашамъ, которые, за неимѣньемъ безмѣна, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей—а вы знаете, что̀ за горсть и что̀ за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ «усердствуетъ»! — Такихъ разсказовъ я,

человѣкъ неопытный и въ деревнѣ не «живалый» (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ, онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я былъ за границей, и любопытство его разгорѣлось.... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку:—«Что у нихъ это тамъ есть также, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ-же?»...—«А! ахъ, Господи, твоя воля!» восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа. Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что «дескать это у насъ не шло-бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ».—Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели, — убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій, именно, въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положенье. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ—умѣлъ. «Этому шалопаю грамота далась», замѣтилъ Хорь:—«у него и пчелы отродясь не мерли».—«А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?»—Хорь помолчалъ.—«Ѳедя знаетъ».—«А другіе?»—«Другіе не знаютъ».—«А что?»—Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за

нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: «какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой.....» Я разъ было-вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что «охота-де вамъ такими.... пустяками заниматься,—пускай бабы ссорятся.... Ихъ что разнимать — то хуже, да и рукъ марать не стоитъ.» Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: «сюды, сюды, собачка!» и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и «лаялась», какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однакоже, боялась и, по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина.—«Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай», говорилъ Калинычъ.—«А что-жь онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» возражалъ тотъ.—«Эка, сапоги!... на что мнѣ сапоги? Я мужикъ....»—«Да вотъ и я мужикъ, а вишь....» При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи. —«Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!» отвѣчалъ Калинычъ.— «Ну, хоть-бы на лапти далъ: вѣдь, ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти».—«Онъ мнѣ даетъ на лапти».— «Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ».—Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки изчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: «доля ты моя, доля!» Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. «Чего, старикъ, разжалобился?» Но хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю.... За то, въ другое время, не было

человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ нибудь копается— телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что «надо-де избѣ жильемъ пахнуть».

— Посмотри-ка, возразилъ я ему: — какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы-бъ жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что, спросилъ онъ меня въ другой разъ: — у тебя своя вотчина есть?— «Есть». — «Далеко отсюда?»—«Верстъ сто».—«Что-жъ ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?»— «Живу».—«А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?»—«Признаться, да».—«И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще».

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. «Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ, сказалъ я..... Прощай, Ѳедя».—«Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ». Мы поѣхали; заря только-что разгоралась.—«Славная погода завтра будетъ», замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо.—«Нѣтъ, дождь пойдетъ», возразилъ мнѣ Калинычъ:—«утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ».—Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зорю....

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА.

.... Вечеромъ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на «тягу».... Но, можетъ-быть, не всѣ мои читатели знаютъ, что̀ такое тяга. Слушайте-же, господа.

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу, съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете себѣ мѣсто гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ. Четверть часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда.... Вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ, къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ.... Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки.

Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ.... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосокъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ—но одни охотники поймутъ меня—вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и шипѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ,—и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы на-встрѣчу вашему выстрѣлу.

Вотъ что значитъ «стоять на тягѣ».

И такъ, мы съ Ермолаемъ отправились на тягу, но, извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худаго, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазками, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синія шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, раззорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дроби, — другой сзади—для дичи; хлопки-же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому, неистощимой шапки. Онъ-бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья,—и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванью Валетка, преудивительное созданье. Ермолай никогда ея не кормилъ. «Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ:—притомъ песъ—животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье». И, дѣйстви-

тельно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положенье, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанья покинуть своего хозяина. Разъ какъ-то въ юные годы онъ отлучился на два дня, увлеченный любовью; но эта дурь скоро съ него соскочила. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ.... Еслибъ рѣчь шла не о собакѣ я-бы употребилъ слово: разочарованность. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужь и съѣдалъ его съ наслажденьемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику стариннаго покроя. Помѣщики стариннаго покроя не любятъ «куликовъ» и придерживаются домашней живности. Развѣ только въ необыкновенныхъ случаяхъ, какъ то: во дни рожденій, именинъ и выборовъ, повара старинныхъ помѣщиковъ приступаютъ къ изготовленію долгоносыхъ птицъ и, войдя въ азартъ, свойственный русскому человѣку, когда онъ самъ хорошенько не знаетъ, что дѣлаетъ, придумываютъ къ нимъ такія мудреныя приправы, что гости большей частью съ любопытствомъ и вниманіемъ разсматриваютъ поданныя яства, но отвѣдать ихъ никакъ не рѣшаются. Ермолаю было приказано доставлять на

господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а, впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка ни на какую работу не годнаго—«лядащаго», какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ,—и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шестьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало, и пойдетъ.—«Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ».—А въ Чаплино.—«Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино, за десять верстъ»? — А тамъ у Софрона-мужичка переночевать. — «Да ночуй здѣсь».—Нѣтъ ужь, нельзя. И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты да водомойни; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей. За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ съ «лѣшевой дудкой», съ «кукушкинымъ перелетомъ» (*)... Одного онъ не

(*) Охотникамъ до соловьевъ эти названья знакомы: ими обозначаются лучшія «колѣна» въ соловьиномъ пѣньи.

266589
Библиотека КРДИ
(Пушкинский дом)

умѣлъ: дрессировать собакъ; терпѣнья не доставало. Была у него и жена. Онъ ходилъ къ ней разъ въ недѣлю. Жила она въ дрянной полуразвалившейся избенкѣ, перебивалась кой-какъ и кой-чѣмъ, никогда не знала наканунѣ—будетъ-ли сыта завтра, и вообще терпѣла участь горькую. Ермолай, этотъ беззаботный и добродушный человѣкъ, обходился съ ней жестоко и грубо, принималъ у себя дома грозный и суровый видъ, — и бѣдная его жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда, на послѣднюю копѣйку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалясь на печи, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Мнѣ самому не разъ случалось подмѣчать въ немъ невольныя проявленія какой-то угрюмой свирѣпости: мнѣ не нравилось выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу. Но Ермолай никогда больше дня не оставался дома; а на чужой сторонѣ превращался опять въ «Ермолку», какъ его прозвали на сто верстъ кругомъ, и какъ онъ самъ–себя называлъ подъчасъ. Послѣдній дворовый человѣкъ чувствовалъ свое превосходство надъ этимъ бродягой,—и, можетъ быть, потому именно и обращался съ нимъ дружелюбно; а мужики сначала съ удовольствіемъ загоняли и ловили его, какъ зайца въ полѣ, но потомъ отпускали съ Богомъ и, разъ узнавши чудака, уже не трогали его, даже давали ему хлѣба и вступали съ нимъ въ разговоры... Этого–то человѣка я взялъ къ себѣ въ охотники, и съ нимъ-то я отправился на тягу въ большую березовую рощу, на берегу Исты.

У многихъ русскихъ рѣкъ, на подобіе Волги, одинъ берегъ горный, другой луговой; у Исты тоже. Эта небольшая рѣчка вьется чрезвычайно прихотливо, ползетъ змѣей, ни на полверсты не течетъ прямо, и въ иномъ мѣстѣ, съ высоты крутаго холма, видна верстъ на десять съ своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракитникомъ и густыми садами. Рыбы въ Истѣ бездна, особливо головлей (мужики достаютъ ихъ въ жаръ изъ–подъ кустовъ руками). Маленькіе кулички–песочники со свистомъ перелетываютъ вдоль каменистыхъ береговъ, испещренныхъ холодными и свѣтлыми ключами; дикія утки выплываютъ на середину прудовъ и осторожно озираются; цапли торчатъ въ тѣни, въ заливахъ, подъ

обрывами.... Мы стояли на тягѣ около часу, убили двѣ пары вальдшнеповъ и, желая до восхода солнца опять попытать нашего счастья (на тягу можно также ходить по утру), рѣшились переночевать въ ближайшей мельницѣ. Мы вышли изъ рощи, спустились съ холма. Рѣка катила темносинія волны; воздухъ густѣлъ, отягченный ночной влагой. Мы постучались въ ворота. Собаки залились на дворѣ. «Кто тутъ?» раздался сиплый и заспанный голосъ.—«Охотники: пусти переночевать». Отвѣта не было.—«Мы заплатимъ».—«Пойду скажу хозяину... Цыцъ, проклятыя!.. экъ на васъ погибели нѣтъ.» — Мы слышали, какъ работникъ вошелъ въ избу; онъ скоро вернулся къ воротамъ. «Нѣтъ», говоритъ, «хозяинъ не велитъ пускать».— Отчего не велитъ?—«Да боится; вы охотники: чего добраго, мельницу зажжете; вишь, у васъ снаряды какіе».—«Да что за вздоръ!—«У насъ и такъ въ запрошломъ году мельница сгорѣла: прасолы переночевали, да, знать, какъ-нибудь и подожгли».—Да какъ-же, братъ, не ночевать же намъ на дворѣ!— «Какъ знаете....» Онъ ушелъ, стуча сапогами.

Ермолай посулилъ ему разныхъ непріятностей. «Пойдемте въ деревню», произнесъ онъ, наконецъ, со вздохомъ. Но до деревни было версты двѣ.... «Ночуемъ здѣсь», сказалъ я:— «на дворѣ ночь теплая; мельникъ за деньги намъ вышлетъ соломы».—Ермолай безпрекословно согласился. Мы опять стали стучаться.—«Да что вамъ надобно?» раздался снова голосъ работника:—«сказано, нельзя». — Мы растолковали ему, чего мы хотѣли. Онъ пошелъ посовѣтоваться съ хозяиномъ и вмѣстѣ съ нимъ вернулся. Калитка заскрипѣла. Появился мельникъ, человѣкъ высокаго роста, съ жирнымъ лицомъ, бычачьимъ затылкомъ, круглымъ и большимъ животомъ. Онъ согласился на мое предложеніе. Во ста шагахъ отъ мельницы находился маленькій, со всѣхъ сторонъ открытый, навѣсъ. Намъ принесли туда соломы, сѣна; работникъ на травѣ подлѣ рѣки наставилъ самоваръ, и, присѣвъ на корточки, началъ усердно дуть въ трубу.... Уголья, вспыхивая, ярко освѣщали его молодое лицо. Мельникъ побѣжалъ будить жену, предложилъ мнѣ самъ, наконецъ, переночевать въ избѣ; но я предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ. Мельничиха принесла намъ молока, яицъ, картофелю, хлѣба. Скоро закипѣлъ самоваръ, и мы принялись

пить чай. Съ рѣки поднимались пары, вѣтру не было; кругомъ кричали коростели; около мельничныхъ колесъ раздавались слабые звуки: то капли падали съ лопатъ, сочилась вода сквозь засовы плотины. Мы разложили небольшой огонекъ. Пока Ермолай жарилъ въ золѣ картофель, я успѣлъ задремать.... Легкій, сдержанный шопотъ разбудилъ меня. Я поднялъ голову: передъ огнемъ, на опрокинутой кадкѣ, сидѣла мельничиха и разговаривала съ моимъ охотникомъ. Я уже прежде, по ея платью, тѣлодвиженіямъ и выговору, узналъ въ ней дворовую женщину — не бабу и не мѣщанку; но только теперь я разсмотрѣлъ хорошенько ея черты. Ей было на видъ лѣтъ тридцать; худое и блѣдное лицо еще хранило слѣды красоты замѣчательной; особенно понравились мнѣ глаза, большіе и грустные. Она оперла локти на колѣни, положила лицо на руку. Ермолай сидѣлъ ко мнѣ спиною и подкладывалъ щепки въ огонь.

— Въ Желтухиной опять падежъ, говорила мельничиха:—у отца Ивана обѣ коровы свалились.... Господи помилуй!

— А что ваши свиньи? спросилъ, помолчавъ, Ермолай.

— Живутъ.

— Хоть бы поросеночка мнѣ подарили.

Мельничиха помолчала, потомъ вздохнула.

— Съ кѣмъ вы это? спросила она.

— Съ бариномъ—съ Костомаровскимъ.

Ермолай бросилъ нѣсколько еловыхъ вѣтокъ на огонь; вѣтки тотчасъ дружно затрещали, густой бѣлый дымъ повалилъ ему прямо въ лицо.

— Чего твой мужъ насъ въ избу не пустилъ?

— Боится.

— Вишь, толстый брюхачъ.... Голубушка, Арина Тимофѣевна, вынеси мнѣ стаканчикъ винца!

Мельничиха встала и исчезла во мракѣ. Ермолай запѣлъ въ полголоса:

Какъ къ любезной я ходилъ,—
Всѣ сапожки обносилъ....

Арина вернулась съ небольшимъ графинчикомъ и стаканомъ.

Ермолай привсталъ, перекрестился и вышилъ духомъ. «Люблю!» прибавилъ онъ.

Мельничиха опять присѣла на кадку.

— А что́, Арина Тимофѣевна, чай, все хвораешь?

— Хвораю.

— Что́ такъ?

— Кашель по ночамъ мучитъ.

— Баринъ-то, кажется, заснулъ, промолвилъ Ермолай послѣ небольшаго молчанія. — Ты къ лекарю не ходи, Арина: хуже будетъ.

— Я и то не хожу.

— А ко мнѣ зайди погостить.

Арина потупила голову.

— Я свою-то, жену-то, прогоню на тотъ случай, продолжалъ Ермолай.... Право-ся.

— Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петровичъ: видите, картофель испекся.

— А пусть дрыхнетъ, равнодушно замѣтилъ мой вѣрный слуга: набѣгался, такъ и спитъ.

Я заворочался на сѣнѣ. Ермолай всталъ и подошелъ ко мнѣ.—«Картофель готовъ-съ, извольте кушать».

Я вышелъ изъ-подъ навѣса; мельничиха поднялась съ кадки и хотѣла уйдти. Я заговорилъ съ нею.

— Давно вы эту мельницу сняли?

— Второй годъ пошелъ съ Троицына дня.

— А твой мужъ откуда?

Арина не разслушала моего вопроса.

— Откелева твой мужъ? повторилъ Ермолай, возвыся голосъ.

— Изъ Бѣлева. Онъ Бѣлевскій мѣщанинъ.

— А ты тоже изъ Бѣлева?

— Нѣтъ, я господская.... была господская.

— Чья?

— Звѣркова господина. Теперь я вольная.

— Какого Звѣркова?

— Александра Силыча.

— Не была ли ты у его жены горничной?

— А вы почему знаете?—Была.

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ и участьемъ посмотрѣлъ на Арину.

— Я твоего барина знаю, продолжалъ я.

— Знаете? отвѣчала она въ полголоса—и потупилась.

Надобно сказать читателю, почему я съ такимъ участьемъ посмотрѣлъ на Арину. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я случайнымъ образомъ познакомился съ г. Звѣрковымъ. Онъ занималъ довольно важное мѣсто, слылъ человѣкомъ знающимъ и дѣльнымъ. У него была жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая — дюжинное и тяжелое созданье; былъ и сынокъ, настоящій барченокъ, избалованный и глупый. Наружность самого г. Звѣркова мало располагала въ его пользу: изъ широкаго, почти четвероугольнаго лица лукаво выглядывали мышиные глазки, торчалъ носъ большой и острый, съ открытыми ноздрями; стриженые, сѣдые волосы поднимались щетиной надъ морщинистымъ лбомъ, тонкія губы безпрестанно шевелились и приторно улыбались. Г. Звѣрковъ стоялъ обыкновенно, растопыривъ ножки и заложивъ толстыя ручки въ карманы. Разъ какъ-то пришлось мнѣ ѣхать съ нимъ вдвоемъ въ каретѣ за-городъ. Мы разговорились. Какъ человѣкъ опытный, дѣльный, г. Звѣрковъ началъ наставлять меня на «путь истины».

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, пропищалъ онъ, наконецъ:—вы всѣ, молодые люди, судите и толкуете обо всѣхъ вещахъ на-обумъ; вы мало знаете собственно свое отечество; Россія вамъ, господа, незнакома,—вотъ что!... Вы все только нѣмецкія книги читаете. Вотъ, на-примѣръ, вы мнѣ говорите теперь и то и то на-счетъ того, ну, то-есть, на-счетъ дворовыхъ людей.... Хорошо, я не спорю, все это хорошо; но вы ихъ не знаете, не знаете, что это за народъ. (Г-нъ Звѣрковъ громко высморкался и понюхалъ табаку.) Позвольте мнѣ вамъ разсказать, на-примѣръ, одинъ маленькій анекдотецъ: васъ это можетъ заинтересовать. (Г-нъ Звѣрковъ откашлянулся.) Вы, вѣдь, знаете, что у меня за жена: кажется, женщину добрѣе ея найти трудно, согласитесь сами. Горничнымъ ея дѣвушкамъ не житье, — просто рай вочію совершается.... Но моя жена положила себѣ за правило: замужнихъ горничныхъ не держать; оно и точно не годится: пойдутъ дѣти, то, сё, — ну гдѣ-жь

тутъ горничной присмотрѣть за барыней, какъ слѣдуетъ, наблюдать за ея привычками: ей ужь не до того, у ней ужь не то на умѣ. Надо по-человѣчеству судить. Вотъ-съ, проѣзжаемъ мы разъ черезъ нашу деревню, лѣтъ тому будетъ — какъ-бы вамъ сказать, не солгать—лѣтъ пятнадцать. Смотримъ, у старосты дѣвочка дочь, прехорошенькая; такое даже, знаете, подобострастное что-то въ манерахъ. Жена моя и говоритъ мнѣ: Коко, — то есть. вы понимаете, она меня такъ называетъ, — возьмемъ эту дѣвочку въ Петербургъ; она мнѣ нравится, Коко.... Я говорю: возьмемъ, съ удовольствіемъ. Староста, разумѣется, намъ въ ноги; онъ такого счастья, вы понимаете, и ожидать не могъ.... Ну, дѣвочка, конечно, поплакала сдуру. Оно дѣйствительно жутко сначала: родительскій домъ.... вообще.... удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Однако, она скоро къ намъ привыкла; сперва ее отдали въ дѣвичью; учили ее, конечно. Что-жъ вы думаете?... Дѣвочка оказываетъ удивительные успѣхи; жена моя просто къ ней пристращивается, жалуетъ ее, наконецъ, помимо другихъ, въ горничныя къ своей особѣ.... замѣчайте!... И надобно было отдать ей справедливость—не было еще такой горничной у моей жены, рѣшительно не было: услужлива, скромна, послушна—просто, все что̀ требуется. За то ужь и жена ее даже, признаться, слишкомъ баловала: одѣвала отлично, кормила съ господскаго стола, чаемъ поила.... ну, что̀ только можно себѣ представить! Вотъ эдакъ она лѣтъ десять у моей жены служила. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ, входитъ Арина—ее Ариной звали—безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ,—и бухъ мнѣ въ ноги.... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство, не правда ли? — Чего тебѣ? — «Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу». — Какой? — «Позвольте выйдти замужъ». — Я, признаюсь вамъ, удивился.—Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нѣту?—«Я буду служить барынѣ по-прежнему.»—Вздоръ! вздоръ! барыня замужнихъ горничныхъ не держитъ.—«Маланья на мое мѣсто поступить можетъ.»—Прошу не разсуждать!—«Воля ваша....» Я, признаюсь, такъ и обомлѣлъ. Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ни что меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ небла-

годарность.... Вѣдь вамъ говорить нечего — вы знаете, что у меня за жена: ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая.... Кажется, злодѣй—и тотъ бы ее пожалѣлъ. Я прогналъ Арину. Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете-ли, вѣрить злу, черной неблагодарности въ человѣкѣ. Что-жъ вы думаете? Черезъ полгода опять она изволитъ жаловать ко мнѣ съ тою-же самою просьбой. Тутъ я, признаюсь, ее съ сердцемъ прогналъ и погрозилъ ей, и сказать женѣ обѣщался. Я былъ возмущенъ.... Но представьте себѣ мое изумленіе: нѣсколько времени спустя, приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался. — Что такое случилось? — «Арина....» Вы понимаете.... я стыжусь выговорить.—Быть не можетъ?... кто-же? — «Петрушка лакей». Меня взорвало. Я такой человѣкъ ... полумѣръ не люблю!... Петрушка.... не виноватъ. Наказать его можно, но онъ, по-моему, не виноватъ. Арина.... ну, что-жъ, ну, ну, что-жъ тутъ еще говорить? Я, разумѣется, тотчасъ-же приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но дѣлать было нечего: безпорядокъ въ домѣ терпѣть, однакоже, нельзя. Больной членъ лучше отсѣчь разомъ.... Ну, ну, теперь посудите сами,—ну, вѣдь, вы знаете мою жену, вѣдь, это, это, это.... наконецъ, ангелъ!... Вѣдь она привязалась къ Аринѣ,—и Арина это знала, и не постыдилась.... А? нѣтъ, скажите.... а? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ, дѣлать было нечего. Меня-же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки. Что ни говорите.... сердца, чувства — въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.... Впередъ наука! Но я желалъ только доказать вамъ...

И г. Звѣрковъ, не докончивъ рѣчи, отворотилъ голову и завернулся плотнѣе въ свой плащъ, мужественно подавляя невольное волненіе.

Читатель теперь, вѣроятно, понимаетъ, почему я съ участіемъ посмотрѣлъ на Арину.

— Давно ты за-мужемъ за мельникомъ? спросилъ я ее, наконецъ.

— Два года.

— Что-жъ, развѣ тебѣ баринъ позволилъ?

— Меня откупили.

— Кто?

— Савелій Алекѣевичъ.

— Кто такой?

— Мужъ мой. (Ермолай улыбнулся про себя.) А развѣ вамъ баринъ говорилъ обо мнѣ? прибавила Арина послѣ небольшаго молчанья.

Я не зналъ, что̀ отвѣчать на ея вопросъ. «Арина!» закричалъ издали мельникъ. Она встала и ушла.

— Хорошій человѣкъ ея мужъ? спросилъ я Ермолая.

— Ни што.

— А дѣти у нихъ есть?

— Былъ одинъ, да померъ.

— Что-жъ, она понравилась мельнику, что-ли?... Много-ли онъ за нее далъ выкупу?

— А не знаю. Она грамотѣ разумѣетъ; въ ихъ дѣлѣ оно... того.... хорошо бываетъ. Стало быть, понравилась.

— А ты съ ней давно знакомъ?

— Давно. Я къ ея господамъ прежде хаживалъ. Ихъ усадьба отселѣва не далече.

— И Петрушку лакея знаешь?

— Петра Васильевича? Какъ-же, зналъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— А въ солдаты поступилъ.

Мы помолчали.

— Что̀ она, кажется, не здорова? спросилъ я, наконецъ, Ермолая.

— Какое здоровье!... А завтра, чай тяга, хороша будетъ. Вамъ теперь соснуть не худо.

Стадо дикихъ утокъ со свистомъ промчалось надъ нами, и мы слышали, какъ оно спустилось на рѣку недалеко отъ насъ. Уже совсѣмъ стемнѣло и начинало холодать; въ рощѣ звучно щелкалъ соловей. Мы зарылись въ сѣно и заснули.

МАЛИНОВАЯ ВОДА.

—

Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимые. Въ это время отъ двѣнадцати до трехъ часовъ самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться, и самая преданная собака начинаетъ «чистить охотнику шпоры», т. е., идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и увеличенно высунувъ языкъ; а въ отвѣтъ на укоризны своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается. Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. Долго противился я искушенію прилечь гдѣ нибудь въ тѣни, хоть на мгновеніе; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустамъ, хотя сама видимо ничего не ожидала путнаго отъ своей лихорадочной дѣятельности. Удушливый зной принудилъ меня, наконецъ, подумать о сбереженіи послѣднихъ нашихъ силъ и способностей. Кое-какъ дотащился я до рѣчки Исты, уже знакомой моимъ снисходительнымъ читателямъ, спустился съ кручи и пошелъ по желтому и сырому песку въ направленіи ключа, извѣстнаго во всемъ околодкѣ подъ названіемъ «Малиновой воды». Ключь этотъ бьетъ изъ разсѣлины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокій оврагъ, и въ двадцати шагахъ оттуда съ веселымъ и болтливымъ шумомъ впа-

даетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа; на травѣ лежала черпалка изъ бересты, оставленная прохожимъ мужикомъ на пользу о́бщую. Я напился, прилегъ въ тѣнь и взглянулъ кругомъ. У залива, образованнаго впаденіемъ источника въ рѣку, и оттого вѣчно покрытаго мелкой рябью, сидѣли ко мнѣ спиной два старика. Одинъ, довольно плотный и высокаго роста, въ темнозеленомъ опрятномъ кафтанѣ и пуховомъ картузѣ, удилъ рыбу; другой — худенькій и маленькій, въ мухояровомъ заплатанномъ сюртучкѣ и безъ шапки, держалъ на колѣняхъ горшокъ съ червями и изрѣдка проводилъ рукой по сѣдой своей головкѣ, какъ-бы желая предохранить ее отъ солнца. Я вглядѣлся въ него попристальнѣе и узналъ въ немъ Шумихинскаго Степушку. Прошу позволенія читателя представить ему этого человѣка.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни находится большое село Шумихино, съ каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобныхъ Козьмы и Даміана. Напротивъ этой церкви нѣкогда красовались обширныя господскія хоромы, окруженныя разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющихъ, цвѣточными оранжереями, качелями для народа, и другими, болѣе или менѣе полезными, зданіями. Въ этихъ хоромахъ жили богатые помѣщики, и все у нихъ шло своимъ порядкомъ, —какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорѣла до-тла. Господа перебрались въ другое гнѣздо; усадьба запустѣла. Обширное пепелище превратилось въ огородъ, кой-гдѣ загроможденный грудами кирпичей, остатками прежнихъ фундаментовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ бревенъ на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочнымъ тесомъ, купленнымъ лѣтъ за десять для построенія павильйона на готическій манеръ, и поселили въ ней садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семью дѣтьми. Митрофану приказали поставлять на господскій столъ, за полтораста верстъ, зелень и овощи; Аксиньѣ поручили надзоръ за тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но, къ сожалѣнію, лишенной всякой способности воспроизведенія, и по-

тому со времени пріобрѣтенія не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатаго дымчатаго селезня, единственную «господскую» птицу; дѣтямъ, по причинѣ малолѣтства, не опредѣлили никакихъ должностей, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало имъ совершенно облѣниться. У этого садовника мнѣ случалось раза два переночевать; мимоходомъ забиралъ я у него огурцы, которые, Богъ вѣдаетъ почему, даже лѣтомъ отличались величиной, дряннымъ водянистымъ вкусомъ и толстой желтой кожей. У него-то увидалъ я впервые Стёпушку. Кромѣ Митрофана съ его семьей да стараго глухаго ктитора Герасима, проживавшаго Христа-ради въ коморочкѣ у кривой солдатки, ни одного дворовaго человѣка не осталось въ Шумихинѣ, потому что Степушку, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателя, нельзя было считать ни за человѣка вообще, ни за дворовaго въ особенности.

Всякій человѣкъ имѣетъ хоть какое-бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, такъ называемое «отвѣсное»: Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва-ли числился. Ходили темные слухи, что состоялъ онъ когда-то у кого-то въ камердинерахъ; но кто онъ, откуда онъ, чей сынъ, какъ попалъ въ число Шумихинскихъ подданныхъ, какимъ образомъ добылъ мухояровый, съ незапамятныхъ временъ носимый имъ, кафтанъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ, — объ этомъ рѣшительно никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да, и правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дѣдушка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привести. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенія хлѣбомъ-солью, гречишными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю,—даже и въ эти дни Степушка не являлся къ выставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской

рукѣ, не выпивалъ духомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою прикащика;—развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замасленнаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клети, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ, и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ Орловцы, «притулился» у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его, не сказалъ ему: живи у меня, да и не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безо всякаго шуму; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха, вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботься онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи,—умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать по-утру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдьку гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащитъ и кряхтитъ; то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ; то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устроиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла: глядь, ужь и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ.... Смотришь, ужь онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ ни больше. Вотъ этого-то Степушку я встрѣтилъ на берегу Исты въ обществѣ другаго старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Степушки я узналъ тоже знакомаго: это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича ***, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у Болховскаго чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой Орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди (купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатыя перины, не до того) до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недальнемъ разстояніи отъ большаго села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосолъ, богатый вельможа стараго вѣку. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на-славу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей; и, вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомянетъ минувшія времена и минувшую молодость. Долго пировалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобострастныхъ гостей; но имѣнья его, къ несчастію, не хватило на цѣлую жизнь. Разорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста и умеръ въ номерѣ гостинницы, не дождавшись никакого рѣшенія. Туманъ служилъ у него дворецкимъ и еще при жизни графа получилъ отпускную. Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди Екатерининскаго времени—добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ, тоже, не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— Ну что, Михайло Савельичъ, началъ я:—наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть: двухъ окуньковъ залучилъ да головликовъ штукъ пять... Покажь, Степка.

Степушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— И.... и.... и.... ни.... ничего–о, батюшка, помаленьку, отвѣчалъ Степанъ, запинаясь, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка–какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся.

— Да плохо что–то клюетъ, заговорилъ Туманъ:—жарко больно; рыба-то вся подъ кусты забилась, спитъ.... Надѣнько червяка, Стёпа. (Степушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючокъ, поплевалъ и подалъ Туману.) Спасибо, Степа.... А вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—охотиться изволите?

— Какъ видишь.

— Такъ-съ.... А что это у васъ пёсикъ аглицкій, или фурлянскій какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя: дескать, и мы живали въ свѣтѣ!

— Не знаю, какой онъ породы, а хорошъ.

— Такъ–съ.... А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

Туманъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Оно точно; иной до сабакъ охотникъ, а иному ихъ даромъ не нужно. Я такъ думаю, по простому моему разуму: собакъ больше для важности, такъ сказать, держать слѣдуетъ.... И чтобы все ужь и было въ порядкѣ: и лошади чтобъ были въ порядкѣ, и псари, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, и все. Покойный графъ—царство ему небесное!—охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, а собакъ держалъ и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Соберутся псари на дворѣ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство выдти изволятъ, и коня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а главный ловчій имъ ножки въ стремена вдѣнетъ, шапку съ головы сниметъ и поводья въ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство арапельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псари загогочутъ да и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графомъ поѣдетъ, а самъ на шолковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ собачекъ держитъ и этакъ наблюдаетъ, знаете.... И сидитъ–то онъ, стремянный–то, высоко,

высоко, на казацкомъ сѣдлѣ, краснощокій такой, глазищами такъ и водитъ.... Ну, и гости, разумѣется, при этомъ случаѣ бываютъ. И забава, и почетъ соблюденъ.... Ахъ, сорвался, азіятецъ! прибавилъ онъ вдругъ, дернувъ удочкой.

— А что, говорятъ, графъ таки пожилъ на своемъ вѣку? спросилъ я.

Старикъ поплевалъ на червяка и закинулъ удочку.

— Вельможественный былъ человѣкъ, извѣстно—съ. Къ нему, бывало, первыя, можно сказать, особы изъ Петербурга заѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ. Ну, да ужь и угощать былъ мастеръ. Призоветъ, бывало, меня: «Туманъ», говоритъ, «мнѣ къ завтрешнему числу живыхъ стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь». — «Слушаю, ваше сіятельство.» — Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколонъ перваго сорта, табакерки, картины этакія большущія, изъ самаго Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ, — Господи, владыко живота моего! фейвирки пойдутъ, катанья! Даже изъ пушекъ палятъ. Музыкантовъ однихъ сорокъ человѣкъ на лицо состояло. Кампельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ, да зазнался больно нѣмецъ, съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ, такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его съ Богомъ: у меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло понимаютъ. Извѣстно: господская власть. Плясать пустятся—до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ—матрадура.... Э.... э.... э.... попался братъ! (Старикъ вытащилъ изъ воды небольшаго окуня.) На—ко, Степа.—Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ, баринъ, продолжалъ старикъ, закинувъ опять удочку:—и душа была тоже добрая. Побьетъ, бывало, тебя; смотришь, ужь и позабылъ. Одно: матресокъ держалъ. Охъ, ужь эти матрески, прости Господи! Онѣто его и раззорили. И, вѣдь, все больше изъ низкаго сословія выбиралъ. Кажись, чего бы имъ еще? Такъ нѣтъ,—подавай имъ что ни на есть самаго дорогаго въ цѣлой Европіи.... И то сказать: почему не пожить въ свое удовольствіе,—дѣло господское... да раззоряться-то не слѣдъ. Особенно одна: Акулиной ее называли; теперь она покойница—царство ей небесное! Дѣвка была простая, Ситовскаго десятскаго дочь, да такая злющая. По щекамъ, бывало, графа бьетъ. Околдовала

его совсѣмъ. Племяннику моему лобъ забрила: на новое платье шеколатъ ей обронилъ.... и не одному ему забрила лобъ. Да.... А все-таки хорошее было времячко! прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ, потупился и умолкъ.

— А баринъ-то, я вижу, у васъ былъ строгъ? началъ я, послѣ небольшаго молчанія.

— Тогда это было во вкусѣ, батюшка, возразилъ старикъ, качнувъ головой.

— Теперь ужь этого не дѣлается, замѣтилъ я, не спуская съ него глазъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ боку.

— Теперь, вѣстимо, лучше, пробормоталъ онъ—и далеко закинулъ удочку.

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго, потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами на другомъ берегу желтѣло овсяное поле, кой-гдѣ проросшее полынью, и хоть-бы одинъ колосъ пошевельнулся. Не много пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали какъ-бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крылами и распустивъ хвостъ вѣеромъ. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ. Вдругъ, позади насъ, въ оврагѣ раздался шумъ: кто-то спускался къ источнику. Я оглянулся и увидалъ мужика лѣтъ пятидесяти, запыленнаго, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Онъ подошелъ къ ключу, съ жадностію напился и приподнялся.

— Э, Власъ! вскрикнулъ Туманъ, вглядѣвшись въ него:— здорово, братъ! Откуда Богъ принесъ?

— Здорово, Михайла Савельичъ, проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ:—издалеча.

— Гдѣ пропадалъ? спросилъ его Туманъ.

— А въ Москву сходилъ, къ барину.

— Зачѣмъ?

— Просить его ходилъ.

— О чемъ просить?

— Да чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что–ли.... Сынъ у меня умеръ,—такъ мнѣ одному теперь не справиться.

— Умеръ твой сынъ?

— Умеръ. Покойникъ, прибавилъ мужикъ, помолчавъ:—у меня въ Москвѣ въ извощикахъ жилъ; за меня, признаться, и оброкъ взносилъ.

— Да развѣ вы теперь на оброкѣ?

— На оброкѣ.

— Что–жь твой баринъ?

— Что баринъ? Прогналъ меня. Говоритъ, какъ смѣешь прямо ко мнѣ идти: на то есть прикащикъ; ты, говоритъ, сперва прикащику обязанъ донести.... да и куда я тебя переселю? Ты, говоритъ, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчалъ вовсе.

— Ну что-жь, ты и пошелъ назадъ?

— И пошелъ. Хотѣлъ, было, справиться, не оставилъ–ли покойникъ какого по себѣ добра, да толку не добился. Я хозяину–то его говорю: я, молъ, Филипповъ отецъ; а онъ мнѣ говоритъ: а я почемъ знаю? Да и сынъ твой ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу. Ну, я и пошелъ.

Мужикъ разсказывалъ намъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Что–жъ ты теперь домой идешь?

— А то куда? Извѣстно, домой. Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ.

— Да ты бы.... того.... заговорилъ внезапно Степушка,—смѣшался, замолчалъ, и принялся копаться въ горшкѣ.

— А къ прикащику пойдешь? продолжалъ Туманъ, не безъ удивленія взглянувъ на Степу.

— Зачѣмъ я къ нему пойду?... За мной и такъ недоимка. Сынъ–то у меня передъ смертію съ годъ хворалъ, такъ и за себя оброку не взнесъ.... Да мнѣ съ полагоря: взять–то съ меня нечего.... Ужь братъ, какъ ты тамъ ни хитри, — ша–

лишь! Безотвѣтная моя голова! (Мужикъ разсмѣялся). Ужь онъ тамъ какъ ни мудри, Кинтильянъ–то Семенычъ,—а ужь....

Власъ опять засмѣялся.

— Что–жь?—это плохо, братъ Власъ, съ разстановкой произнесъ Туманъ.

— А чѣмъ плохо? Нѣ.... (У Власа голосъ прервался). Эка жара стоитъ, продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ.

— Кто вашъ баринъ? спросилъ я.

— Графъ ***, Валеріанъ Петровичъ.

— Сынъ Петра Ильича?

— Петра Ильича сынъ, отвѣчалъ Туманъ. Петръ Ильичъ, покойникъ, Власову–то деревню ему при жизни удѣлилъ.

— Что, онъ здоровъ?

— Здоровъ, слава Богу, возразилъ Власъ. Красный такой сталъ, лицо словно обложилось.

— Вотъ, батюшка, продолжалъ Туманъ, обращаясь ко мнѣ:— добро–бы подъ Москвой, а то здѣсь на оброкъ посадилъ.

— А почемъ съ тягла?

— Девяносто пять рублевъ съ тягла, пробормоталъ Власъ.

— Ну, вотъ, видите; а земли самая малость, только и есть, что господскій лѣсъ.

— Да и тотъ, говорятъ, продали, замѣтилъ мужикъ.

— Ну, вотъ, видите... Степа, дай–ка червяка.... А, Степа? что ты, заснулъ, что-ли?

Стёпушка встрепенулся. Мужикъ подсѣлъ къ намъ. Мы опять пріумолкли. На другомъ берегу кто–то затянулъ пѣсню, да такую унылую.... Пригорюнился мой бѣдный Власъ....

Черезъ полъ–часа мы разошлись.

УѢЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ.

—

Однажды осенью, на возвратномъ пути съ отъѣзжаго поля, я простудился и занемогъ. Къ счастью, лихорадка застигла меня въ уѣздномъ городѣ, въ гостинницѣ; я послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса, явился уѣздный лекарь, человѣкъ небольшаго роста, худенькій и черноволосый. Онъ прописалъ мнѣ обычное потогонное, велѣлъ приставить горчишникъ, весьма ловко запустилъ къ себѣ подъ обшлагъ пятирублевую бумажку, — при чемъ однако сухо кашлянулъ и глянулъ въ сторону, — и уже совсѣмъ было собрался отправиться во свояси, да какъ-то разговорился и остался. Жаръ меня томилъ; я предвидѣлъ безсонную ночь и радъ былъ поболтать съ добрымъ человѣкомъ. Подали чай. Пустился мой докторъ въ разговоры. Малый онъ былъ неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странныя дѣла случаются на свѣтѣ: съ инымъ человѣкомъ и долго живешь вмѣстѣ и въ дружественныхъ отношеніяхъ находишься, а ни разу не заговоришь съ нимъ откровенно, отъ души; съ другимъ-же едва познакомиться успѣешь—глядь: либо ты ему, либо онъ тебѣ, словно на исповѣди, всю подноготную и проболталъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ довѣренность моего новаго пріятеля,—только онъ, ни съ того, ни съ сего, какъ говорится, «взялъ» да и разсказалъ мнѣ довольно замѣчательный

случай; а я вотъ и довожу теперь его разсказъ до свѣдѣнія благосклоннаго читателя. Я постараюсь выражаться словами лекаря.

— Вы не изволите знать, началъ онъ разслабленнымъ и дрожащимъ голосомъ (таково дѣйствіе безпримѣснаго березовскаго табаку):—вы не изволите знать здѣшняго судью, Мылова, Павла Лукича?... Не знаете.... Ну, все равно. (Онъ откашлялся и протеръ глаза). Вотъ, изволите видѣть, дѣло было этакъ, какъ-бы вамъ сказать, не солгать, въ великій постъ, въ самую ростепель. Сижу я у него, у нашего судьи, и играю въ преферансъ. Судья у насъ хорошій человѣкъ и въ преферансъ играть охотникъ. Вдругъ (мой лекарь часто употреблялъ слово: вдругъ), говорятъ мнѣ: человѣкъ васъ спрашиваетъ. Я говорю: что̀ ему надобно? Говорятъ, записку принесъ, — должно быть отъ больнаго. Подай, говорю, записку. Такъ и есть: отъ больнаго.... Ну, хорошо,—это, понимаете, нашъ хлѣбъ.... Да вотъ въ чемъ дѣло: пишетъ ко мнѣ помѣщица, вдова; говоритъ, дескать, дочь умираетъ, пріѣзжайте, ради самаго Господа Бога нашего, и лошади, дескать, за вами присланы. Ну, это еще все ничего.... Да живетъ-то она въ двадцати верстахъ отъ города, а ночь на дворѣ, и дороги такія, что фа! Да и сама бѣднѣющая, больше двухъ цѣлковыхъ ожидать тоже нельзя, и то еще сумнительно, а развѣ холстомъ придется попользоваться да крупицами какими-нибудь. Однако долгъ, вы понимаете, прежде всего:—человѣкъ умираетъ. Передаю вдругъ карты непремѣнному члену Калліопину и отправляюсь домой, гляжу: стоитъ телѣжченка передъ крыльцомъ; лошади крестьянскія,—пузатыя, препузатыя, шерсть на нихъ—войлоко настоящее, и кучеръ, ради уваженья, безъ шапки сидитъ. Ну, думаю, видно, братъ господа-то твои не на золотѣ ѣдятъ.... Вы изволите смѣяться, а я вамъ скажу: нашъ братъ, бѣдный человѣкъ, все въ соображенье принимай.... Коли кучеръ сидитъ княземъ, да шапки не ломаетъ, да еще посмѣивается изъ-подъ бороды, да кнутикомъ шевелитъ—смѣло бей на двѣ депозитки! А тутъ вижу дѣло-то не тѣмъ пахнетъ. Однако, думаю, дѣлать нечего; долгъ прежде всего. Захватываю самонужнѣйшія лекарства и отправляюсь. Повѣрите ли, едва дотащился. Дорога адская: ручьи, снѣгъ, грязь, водомоины, а тамъ вдругъ плотину прорвало — бѣда!

Однако пріѣзжаю. Домикъ маленькій, соломой крытъ. Въ окнахъ свѣтъ: знать, ждутъ. На-встрѣчу мнѣ старушка, почтенная такая, въ чещѣ; спасите, говоритъ, умираетъ. Я говорю: не извольте безпокоиться.... Гдѣ больная?—Вотъ сюда пожалуйте. —Смотрю: комнатка чистенькая, въ углу лампада, на постелѣ дѣвица лѣтъ двадцати, въ безпамятствѣ. Жаромъ отъ нея такъ и пышетъ, дышетъ тяжело:—горячка. Тутъ же другія двѣ дѣвицы, сестры, — перепуганы, въ слезахъ. — Вотъ, говорятъ, вчера была совершенно здорова и кушала съ аппетитомъ; по-утру сегодня жаловалась на голову, а къ вечеру вдругъ вотъ въ какомъ положеньи.... Я опять-таки говорю: не извольте безпокоиться, — докторская, знаете, обязанность, — и приступилъ. Кровь ей пустилъ, горчишники поставить велѣлъ, микстурку прописалъ. Между тѣмъ я гляжу на нее, гляжу, знаете:—ну, ей Богу, не видалъ еще такого лица.... красавица, однимъ словомъ! Жалость меня такъ и разбираетъ. Лицо такое пріятное, глаза.... Вотъ, слава Богу, успокоилась; потъ выступилъ, словно опомнилась; кругомъ поглядѣла, улыбнулась, рукой по лицу провела.... Сестры къ ней нагнулись, спрашиваютъ: что съ тобою?—Ничего, говоритъ, да и отворотилась... Гляжу—заснула. Ну, говорю, теперь слѣдуетъ больную въ покоѣ оставить. Вотъ мы всѣ на цыпочкахъ и вышли вонъ; горничная одна осталась на всякій случай. А въ гостиной ужь самоваръ на столѣ, и ямайскій тутъ же стоитъ: въ нашемъ дѣлѣ безъ этого нельзя. Подали мнѣ чай, просятъ остаться ночевать.... я согласился: куда теперь ѣхать! Старушка все охаетъ. Чего вы? говорю, будетъ жива, не извольте безпокоиться, а лучше отдохните-ка сами: второй часъ. — Да вы меня прикажите разбудить, коли что случится?—«Прикажу, прикажу.»—Старушка отправилась, и дѣвицы также пошли къ себѣ въ комнату; мнѣ постель въ гостиной послали. Вотъ я легъ,—только не могу заснуть,—что за чудеса! Ужь на что, кажется, намучился. Все моя больная у меня съ ума не йдетъ. Наконецъ, не вытерпѣлъ, вдругъ всталъ; думаю, пойду посмотрю, что дѣлаетъ пацiентъ? А спальня-то ея съ гостиной рядомъ. Ну, всталъ, растворилъ тихонько дверь, — а сердце такъ и бьется. Гляжу: горничная спитъ, ротъ раскрыла и храпитъ даже, бестія! а больная лицомъ ко мнѣ лежитъ, и руки раз-

метала, бѣдняжка! Я подошелъ.... Какъ она вдругъ раскроетъ глаза и уставится на меня!... «Кто это? кто это?» — Я сконфузился.—Не пугайтесь, говорю, сударыня: я докторъ, пришелъ посмотрѣть, какъ вы себя чувствуете.—«Вы докторъ?»—Докторъ, докторъ.... Матушка ваша за мною въ городъ посылали; мы вамъ кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать, а дня этакъ черезъ два мы васъ, дастъ Богъ, на ноги поставимъ.—«Ахъ, да, да, докторъ, не дайте мнѣ умереть.... пожалуйста, пожалуйста».—Что́ вы это, Богъ съ вами!—А у ней опять жаръ, думаю я про себя; пощупалъ пульсъ: точно, жаръ. Она посмотрѣла на меня,—да какъ возьметъ меня вдругъ за руку.— «Я вамъ скажу, почему мнѣ не хочется умереть, я вамъ скажу, я вамъ скажу.... теперь мы одни; только вы, пожалуйста, никому.... послушайте».... Я нагнулся; придвинула она губы къ самому моему уху, волосами щеку мою трогаетъ,—признаюсь, у меня самаго кругомъ пошла голова,—и начала шептать.... Ничего не понимаю.... Ахъ, да это она бредитъ.... Шептала, шептала, да такъ проворно и словно не по русски, кончила, вздрогнула, уронила голову на подушку и пальцемъ мнѣ погрозилась.—«Смотрите же, докторъ, никому».... Кое-какъ я ее успокоилъ, далъ ей напиться, разбудилъ горничную и вышелъ.

Тутъ лекарь опять съ ожесточеньемъ понюхалъ табаку и на мгновеніе оцѣпенѣлъ.

— Однако, продолжалъ онъ, — на другой день больной, въ противность моимъ ожиданіямъ, не полегчило. Я подумалъ, подумалъ и вдругъ рѣшился остаться, хотя меня другіе паціенты ожидали.... А вы знаете, этимъ неглижировать нельзя: практика отъ этого страдаетъ. Но, во-первыхъ, больная дѣйствительно находилась въ отчаяніи; а во-вторыхъ, надо правду сказать, я самъ чувствовалъ сильное къ ней расположеніе. Притомъ же и все семейство мнѣ нравилось. Люди они были хоть и неимущіе, но образованные, можно сказать, на рѣдкость.... Отецъ-то у нихъ былъ человѣкъ ученый, сочинитель; умеръ конечно въ бѣдности, но воспитаніе дѣтямъ успѣлъ сообщить отличное; книгъ тоже много оставилъ. Потому-ли, что хлопоталъ-то я усердно около больной, по другимъ-ли какимъ-либо причинамъ, только меня, смѣю сказать, полюбили въ домѣ, какъ

роднаго.... Между тѣмъ распутица сдѣлалась страшная: всѣ сообщенія, такъ сказать, прекратились совершенно; даже лекарство съ трудомъ изъ города доставлялось.... Больная не поправлялась.... День за день, день за день.... Но вотъ-съ.... тутъ-съ.... (Лекарь помолчалъ). Право, не знаю, какъ-бы вамъ изложить-съ.... (Онъ снова понюхалъ табаку, крякнулъ и хлебнулъ глотокъ чаю). Скажу вамъ безъ обиняковъ, больная моя.... какъ-бы это того.... ну, полюбила, что-ли, меня.... или нѣтъ, не то, чтобы полюбила.... а, впрочемъ.... право, какъ это, того-съ.... (Лекарь потупился и покраснѣлъ).

— Нѣтъ, продолжалъ онъ съ живостью:—какое полюбила! Надо себѣ, наконецъ, цѣну знать. Дѣвица она была образованная, умная, начитанная, а я даже латынь-то свою позабылъ, можно сказать, совершенно. На счетъ фигуры (лекарь съ улыбкой взглянулъ на себя) также, кажется, нечѣмъ хвастаться. Но дуракомъ Господь Богъ тоже меня не уродилъ: я бѣлое чернымъ не назову; я кое-что тоже смѣкаю. Я, напримѣръ, очень хорошо понялъ, что Александра Андреевна—ее Александрой Андреевной звали—не любовь ко мнѣ почувствовала, а дружеское, такъ сказать, расположеніе, уваженіе, что-ли. Хотя она сама, можетъ быть, въ этомъ отношеніи ошибалась, да вѣдь положеніе ея было какое, вы сами разсудите.... Впрочемъ, прибавилъ лекарь, который всѣ эти отрывистыя рѣчи произнесъ, не переводя духа и съ явнымъ замѣшательствомъ:—я, кажется, немного зарапортовался.... Этакъ вы ничего не поймете.... а вотъ, позвольте, я вамъ все по порядку разскажу.

Онъ допилъ стаканъ чаю и заговорилъ голосомъ болѣе спокойнымъ.

— Такъ такъ-то-съ. Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже. Вы не медикъ, милостивый государь; вы понять не можете, что происходитъ въ душѣ нашего брата, особенно на первыхъ порахъ, когда онъ начинаетъ догадываться, что болѣзнь-то его одолѣваетъ. Куда дѣнется самоувѣренность! Оробѣешь вдругъ такъ, что и сказать нельзя. Такъ тебѣ и кажется, что и позабылъ-то ты все, что зналъ, и что больной-то тебѣ не довѣряетъ, и что другіе уже начинаютъ замѣчать, что ты потерялся и неохотно симптомы тебѣ сообщаютъ, изъ

подлобья глядятъ, шепчутся.... э, скверно! Вѣдь, есть же лекарство, думаешь, противъ этой болѣзни, стоитъ только найдти. Вотъ не оно-ли? Попробуешь—нѣтъ, не оно! Не даешь времени лекарству, какъ слѣдуетъ, подѣйствовать.... то за то хватишься, то за то. Возьмешь, бывало, рецептурную книгу.... вѣдь тутъ оно, думаешь, тутъ! Право слово, иногда на-обумъ раскроешь, авось, думаешь, судьба.... А человѣкъ межь тѣмъ умираетъ; а другой-бы его лекарь спасъ. Консиліумъ, говоришь, нуженъ; я на себя отвѣтственности не беру. А ужь какимъ дуракомъ въ такихъ случаяхъ глядишь! Ну, со временемъ обтерпишься, ничего. Умеръ человѣкъ, — не твоя вина: ты по правиламъ поступалъ. А то вотъ что̀ еще мучительно бываетъ: видишь довѣріе къ тебѣ слѣпое, а самъ чувствуешь, что не въ состояніи помочь. Вотъ именно такое довѣріе все семейство Александры Андреевны ко мнѣ возымѣло:—и думать позабыли, что у нихъ дочь въ опасности. Я ихъ тоже, съ своей стороны, увѣряю, что ничего, дескать; а у самаго душа въ пятки уходитъ. Къ довершенію несчастія, такая подошла распутица, что за лекарствомъ по цѣлымъ днямъ, бывало, кучеръ ѣздитъ. А я изъ комнаты больной не выхожу, оторваться не могу, разные, знаете, смѣшные анекдотцы разсказываю, въ карты съ ней играю. Ночи просиживаю. Старушка меня со слезами благодаритъ; а я про себя думаю: не стою я твоей благодарности. Признаюсь вамъ откровенно—теперь не для чего скрываться—влюбился я въ мою больную. И Александра Андреевна ко мнѣ привязалась; никого, бывало, къ себѣ въ комнату, кромѣ меня, не пускаетъ. Начнетъ со мной разговаривать,—распрашиваетъ меня, гдѣ я учился, какъ живу, кто мои родные, къ кому я ѣзжу? И чувствую я, что не слѣдъ ей разговаривать; а запретить ей, рѣшительно этакъ, знаете, запретить не могу. Схвачу, бывало, себя за голову:—что̀ ты дѣлаешь, разбойникъ?... А то возьметъ меня за руку и держитъ, глядитъ на меня, долго, долго, глядитъ, отвернется, вздохнетъ и скажетъ: какой вы добрый! Руки у ней такія горячія, глаза большіе, томные.—Да, говоритъ, вы добрый, вы хорошій человѣкъ, вы не то, что̀ наши сосѣди.... нѣтъ вы не такой, вы не такой.... Какъ это я до сихъ поръ васъ не знала! — Александра Андреевна, успокойтесь, говорю.... я, повѣрьте, чувствую, я не знаю

чѣмъ заслужилъ.... только вы успокойтесь, ради Бога, успокойтесь.... все хорошо будетъ, вы будете здоровы.—А между тѣмъ, долженъ я вамъ сказать, прибавилъ лекарь, нагнувшись впередъ и поднявъ кверху брови: — что съ сосѣдями они мало водились оттого, что мелкіе имъ не–подъ–стать приходились, а съ богатыми гордость запрещала знаться. Я вамъ говорю: чрезвычайно образованное было семейство, — такъ мнѣ, знаете, и лестно было. Изъ однѣхъ моихъ рукъ лекарство принимала.... приподнимется, бѣдняжка, съ моею помощью, приметъ, и взглянетъ на меня.... сердце у меня такъ и покатится. А между тѣмъ ей все хуже становилось, все хуже: умретъ, думаю, непремѣнно умретъ. Повѣрите–ли, хоть самому въ гробъ ложиться; а тутъ мать, сестры наблюдаютъ, въ глаза мнѣ смотрятъ.... и довѣріе проходитъ. «Что? Какъ?» —Ничего–съ, ничего–съ;—а какое ничего–съ, умъ мѣшается. Вотъ-съ, сижу я однажды ночью, одинъ опять, возлѣ больной. Дѣвка тутъ тоже сидитъ и храпитъ во всю ивановскую....Ну, съ несчастной дѣвки взыскать нельзя: затормошилась и она. Александра-то Андреевна весьма не хорошо себя весь вечеръ чувствовала; жаръ ее замучилъ. До самой полуночи все металась, наконецъ, словно заснула; по крайней мѣрѣ не шевелится, лежитъ. Лампа въ углу передъ образомъ горитъ. Я сижу, знаете, потупился, дремлю тоже. Вдругъ, словно меня кто подъ бокъ толкнулъ, обернулся я.... Господи, Боже мой! Александра Андреевна во всѣ глаза на меня глядитъ.... губы раскрыты, щеки такъ и горятъ.—Что̀ съ вами? — «Докторъ, вѣдь я умру?»—Помилуй Богъ! — «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, пожалуйста, не говорите мнѣ, что я буду жива.... не говорите.... еслибъ вы знали.... послушайте, ради Бога, не скрывайте отъ меня моего положенья!» — а сама такъ скоро дышетъ.—«Если я буду знать навѣрное, что я умереть должна.... я вамъ тогда все скажу, все!» — Александра Андреевна, помилуйте!—«Послушайте, вѣдь я не спала нисколько, я давно на васъ гляжу.... ради Бога.... я вамъ вѣрю, вы человѣкъ добрый, вы честный человѣкъ, заклинаю васъ всѣмъ, что̀ есть святаго на свѣтѣ — скажите мнѣ правду! Еслибъ вы знали, какъ это для меня важно.... Докторъ, ради Бога скажите, я въ опасности?»—Что̀ я вамъ скажу, Александра Андреевна,

помилуйте! — «Ради Бога, умоляю васъ!» — Не могу скрыть отъ васъ, Александра Андреевна—вы точно въ опасности, но Богъ милостивъ....—«Я умру, я умру».... И она словно обрадовалась, лицо такое веселое стало; я испугался. «Да не бойтесь, не бойтесь, меня смерть нисколько не страшаетъ». Она вдругъ приподнялась и оперлась на локоть.—«Теперь.... ну, теперь я могу вамъ сказать, что я благодарна вамъ отъ всей души, что вы добрый, хорошій человѣкъ, что я васъ люблю».... Я гляжу на нее, какъ шальной; жутко мнѣ, знаете....—«Слышите-ли, я люблю васъ».... — Александра Андреевна, чѣмъ же я заслужилъ?—«Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не понимаете... ты меня не понимаешь».... И вдругъ, она протянула руки, схватила меня за голову и поцаловала.... Повѣрите ли, я чуть-чуть не закричалъ.... бросился на колѣни и голову въ подушки спряталъ. Она молчитъ; пальцы ея у меня на волосахъ дрожатъ; слышу: плачетъ. Я началъ ее утѣшать, увѣрять.... я ужь, право, не знаю, что̀ я такое ей говорилъ. — Дѣвку, говорю, разбудите, Александра Андреевна.... благодарю васъ... вѣрьте.... успокойтесь.—«Да полно же, полно», твердила она. «Богъ съ ними со всѣми; ну проснутся, ну придутъ — все равно: вѣдь умру же я.... Да и ты чего робѣешь, чего боишься? подними голову.... Или вы, можетъ быть, меня не любите, можетъ быть, я обманулась.... въ такомъ случаѣ, извините меня».—Александра Андреевна, что вы говорите?... я люблю васъ, Александра Андреевна. — Она взглянула мнѣ прямо въ глаза, раскрыла руки—«Такъ обними же меня».... Скажу вамъ откровенно: я не понимаю, какъ я въ ту ночь съ ума не сошелъ. Чувствую я, что больная моя себя губитъ; вижу, что не совсѣмъ она въ памяти; понимаю также и то, что не почитай она себя при смерти,—не подумала бы она обо мнѣ; а то, вѣдь, какъ хотите, жутко умирать въ двадцать пять лѣтъ, никого не любивши: вѣдь вотъ что̀ ее мучило, вотъ отъ чего она, съ отчаянья, хоть за меня ухватилась,—понимаете теперь? Но не выпускаетъ она меня изъ своихъ рукъ. — Пощадите меня, Александра Андреевна, да и себя пощадите, говорю. — «Къ чему», говоритъ, «чего жалѣть? Вѣдь должна же я умереть».... Это она безпрестанно повторяла. «Вотъ если-бы я знала, что я въ живыхъ оста-

нусь и опять въ порядочныя барышни попаду, мнѣ-бы стыдно было, точно стыдно.... а то что?» — Да кто вамъ сказалъ, что вы умрете?—«Э, нѣтъ, полно, ты меня не обманешь, ты лгать не умѣешь, посмотри на себя.»—Вы будете живы, Александра Андреевна, я васъ вылечу; мы испросимъ у вашей матушки благословеніе.... мы соединимся узами, мы будемъ счастливы.—«Нѣтъ, нѣтъ, я съ васъ слово взяла, я должна умереть.... ты мнѣ обѣщалъ.... ты мнѣ сказалъ».... Горько было мнѣ, по многимъ причинамъ горько. И посудите, вотъ какія иногда приключаются вещицы: кажется ничего, а больно. Вздумалось ей спросить меня, какъ мое имя, то-есть не фамилія, а имя. Надо-же несчастье такое, что меня Трифономъ зовутъ. Да-съ, да-съ; Трифономъ, Трифономъ Иванычемъ. Въ домѣ-то меня всѣ докторомъ звали. Я, дѣлать нечего, говорю: Трифонъ, сударыня. Она прищурилась, покачала головой и прошептала что-то по-французски,—охъ, да не доброе что-то, и засмѣялась потомъ, не хорошо тоже. Вотъ, этакъ-то я почти всю ночь провелъ съ ней. Поутру вышелъ, словно угорѣлый; вошелъ къ ней опять въ комнату уже днемъ, послѣ чаю. Боже мой, Боже мой! узнать ее нельзя: краше въ гробъ кладутъ. Честью вамъ клянусь, не понимаю теперь, не понимаю рѣшительно, какъ я эту пытку выдержалъ. Три дня, три ночи еще проскрышѣла моя больная.... и какія ночи! Что она мнѣ говорила!... А въ послѣднюю-то ночь, вообразите вы себѣ,—сижу я подлѣ нея и ужь объ одномъ Бога прошу: прибери, дескать, ее поскорѣй, да и меня тутъ-же.... Вдругъ старушка мать — шасть въ комнату.... Ужь я ей наканунѣ сказалъ, матери-то, что мало, дескать, надежды, плохо, и священника не худо-бы. Больная, какъ увидѣла мать, и говоритъ: — ну вотъ, хорошо, что, пришла.... посмотри-ка на насъ, мы другъ друга любимъ, мы другъ другу слово дали. — «Что это она, докторъ, что она?» Я помертвѣлъ. — Бредитъ-съ, говорю, жаръ.... А она-то:—«полно, полно, ты мнѣ сейчасъ совсѣмъ другое говорилъ, и кольцо отъ меня принялъ.... что притворяешься? Мать моя добрая, она проститъ, она пойметъ, а я умираю—мнѣ не къ чему лгать; дай мнѣ руку».... Я вскочилъ и вонъ выбѣжалъ. Старушка, разумѣется, догадалась.

— Не стану я васъ однако долѣе томить, да и мнѣ са-

мому, признаться, тяжело все это припоминать. Моя больная на другой же день скончалась. Царство ей небесное! (прибавилъ лекарь скороговоркой и со вздохомъ.) Передъ смертью попросила она своихъ выдти и меня наединѣ съ ней оставить.—«Простите меня», говоритъ, «я, можетъ быть, виновата передъ вами.... болѣзнь.... но, повѣрьте, я никого не любила болѣе васъ.... не забывайте-же меня.... берегите мое кольцо»....

Лекарь отвернулся; я взялъ его за руку.

— Эхъ! сказалъ онъ, давайте-ка о чемъ-нибудь другомъ говорить, или не хотите-ли въ преферансикъ по маленькой? Нашему брату, знаете-ли, не слѣдъ такимъ возвышеннымъ чувствованіямъ предаваться. Нашъ братъ думай объ одномъ: какъ бы дѣти не пищали, да жена не бранилась. Вѣдь я съ тѣхъ поръ въ законный, какъ говорится, бракъ вступить успѣлъ.... Какъ-же.... Купеческую дочь взялъ: семь тысячъ приданаго. Зовутъ ее Акулиной; Трифону-то подъ стать. Баба, долженъ я вамъ сказать, злая, да благо спитъ цѣлый день.... А что-жъ преферансъ?

Мы сѣли въ преферансъ по копѣйкѣ. Трифонъ Иванычъ выигралъ у меня два рубля съ полтиной и ушелъ поздно весьма довольный своей побѣдой.

МОЙ СОСѢДЪ РАДИЛОВЪ.

—

....Осенью вальдшнепы часто держатся въ старинныхъ липовыхъ садахъ. Такихъ садовъ у насъ въ Орловской губерніи довольно много. Прадѣды наши, при выборѣ мѣста для жительства, непремѣнно отбивали десятины двѣ хорошей земли подъ фруктовый садъ съ липовыми аллеями. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, много семьдесятъ, эти усадьбы, «дворянскія гнѣзда», понемногу исчезали съ лица земли, дома сгнивали или продавались на свозъ, каменныя службы превращались въ груды развалинъ, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись. Однѣ липы по прежнему росли себѣ на славу, и теперь, окруженныя распаханными полями, гласятъ нашему вѣтренному племени о «прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ». Прекрасное дерево — такая старая липа.... Ее щадитъ даже безжалостный топоръ русскаго мужика. Листъ на ней мелкій, могучіе сучья широко раскинулись во всѣ стороны, вѣчная тѣнь подъ ними.

Однажды, скитаясь съ Ермолаемъ по полямъ за куропатками, завидѣлъ я въ сторонѣ заброшенный садъ и отправился туда. Только-что я вошелъ въ опушку, вальдшнепъ со стукомъ поднялся изъ куста; — я выстрѣлилъ, и въ тоже мгновенье, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, раздался крикъ: испу-

ганное лицо молодой дѣвушки выглянуло изъ-за деревьевъ и тотчасъ скрылось. Ермолай подбѣжалъ ко мнѣ. «Что вы здѣсь стрѣляете: здѣсь живетъ помѣщикъ.»

Не успѣлъ я ему отвѣтить, не успѣла собака моя съ благородной важностью донести до меня убитую птицу, какъ послышались проворные шаги, и человѣкъ высокаго росту, съ усами, вышелъ изъ чащи и съ недовольнымъ видомъ остановился передо мной. Я извинился, какъ могъ, назвалъ себя и предложилъ ему птицу, застрѣленную въ его владѣніяхъ.

— Извольте, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: — я пріму вашу дичь, но только съ условіемъ: вы у насъ останетесь обѣдать.

Признаться, я не очень обрадовался его предложенью, но отказаться было невозможно.

— Я здѣшній помѣщикъ и вашъ сосѣдъ, Радиловъ, можетъ, слыхали, продолжалъ мой новый знакомый: — сегодня воскресенье, и обѣдъ у меня, должно быть, будетъ порядочный, а то-бы я васъ не пригласилъ.

Я отвѣчалъ, что отвѣчаютъ въ такихъ случаяхъ, и отправился вслѣдъ за нимъ. Недавно-расчищенная дорожка скоро вывела насъ изъ липовой рощи; мы вошли въ огородъ. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣли круглые, блѣдно-зеленые кочаны капусты; хмѣль винтами обвивалъ высокія тычинки; тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ; большія плоскія тыквы словно валялись на землѣ; огурцы желтѣли изъ подъ запыленныхъ, угловатыхъ листьевъ; вдоль плетня качалась высокая крапива; въ двухъ или трехъ мѣстахъ кучами росли: татарская жимолость, бузина, шиповникъ, — остатки прежнихъ «клумбъ». Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднѣлся колодезь, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ-же лѣниво щипала траву, изрѣдка закидывая хвостъ на худую спину. Дорожка повернула въ сторону; изъ-за толстыхъ ракитъ и березъ глянулъ на насъ старенькій, сѣрый домикъ съ тесовой крышей и кривымъ крылечкомъ. Радиловъ остановился.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, добродушно и прямо посмотрѣвъ мнѣ въ лицо:—я теперь раздумалъ; можетъ быть, вамъ вовсе не хочется заходить ко мнѣ: въ такомъ случаѣ....

Я не далъ ему договорить и увѣрилъ его, что мнѣ, напротивъ, очень пріятно будетъ у него отобѣдать.

— Ну, какъ знаете.

Мы вошли въ домъ. Молодой малый, въ длинномъ кафтанѣ изъ синяго толстаго сукна, встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Радиловъ тотчасъ приказалъ ему поднести водки Ермолаю; мой охотникъ почтительно поклонился спинѣ великодушнаго дателя. Изъ передней, заклеенной разными пестрыми картинами, завѣшенной клѣтками, вошли мы въ небольшую комнатку—кабинетъ Радилова. Я снялъ свои охотничьи доспѣхи, поставилъ ружье въ уголъ; малый въ длиннополомъ сюртукѣ хлопотливо обчистилъ меня.

— Ну, теперь пойдемте въ гостиную, ласково проговорилъ Радиловъ:—я васъ познакомлю съ моей матушкой.

Я пошелъ за нимъ. Въ гостиной, на середнемъ диванѣ, сидѣла старушка небольшаго росту, въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, съ добренькимъ и худенькимъ лицомъ, робкимъ и печальнымъ взглядомъ.

— Вотъ, матушка, рекомендую: сосѣдъ нашъ ***.

Старушка привстала и поклонилась мнѣ, не выпуская изъ сухощавыхъ рукъ толстаго гаруснаго ридикюля въ видѣ мѣшка.

— Давно вы пожаловали въ нашу сторону? спросила она слабымъ и тихимъ голосомъ, помаргивая глазами.

— Нѣтъ-съ, недавно.

— Долго намѣрены здѣсь остаться?

— Думаю, до зимы.

Старушка замолчала.

— А вотъ это, подхватилъ Радиловъ, указывая мнѣ на человѣка высокаго и худого, котораго я при входѣ въ гостиную не замѣтилъ:—это Ѳедоръ Михѣичъ.... Ну-ка, Ѳедя, покажи свое искусство гостю. Что ты забился въ уголъ-то?

Ѳедоръ Михѣичъ тотчасъ поднялся со стула, досталъ съ окна дрянненькую скрышку, взялъ смычокъ—не за конецъ, какъ слѣдуетъ, а за середину, прислонилъ скрышку къ груди, закрылъ глаза и пустился въ плясъ, напѣвая пѣсенку и пиликая

по струнамъ. Ему на видъ было лѣтъ семьдесятъ; длинный нанковый сюртукъ печально болтался на сухихъ и костлявыхъ его членахъ. Онъ плясалъ; то съ удальствомъ потряхивалъ, то, словно замирая, поводилъ маленькой лысой головкой, вытягивалъ жилистую шею, топоталъ ногами на мѣстѣ, иногда, съ замѣтнымъ трудомъ, сгибалъ колѣни. Его беззубый ротъ издавалъ дряхлый голосъ. Радиловъ, должно быть, догадался, по выраженію моего лица, что мнѣ «искусство» Ѳеди не доставляло большаго удовольствія.

— Ну, хорошо, старина, полно, проговорилъ онъ:—можешь пойдти наградить себя.

Ѳедоръ Михѣичъ тотчасъ положилъ скрипку на окно, поклонился сперва мнѣ, какъ гостю, потомъ старушкѣ, потомъ Радилову и вышелъ вонъ.

— Тоже былъ помѣщикъ, продолжалъ мой новый пріятель:—и богатый, да раззорился,—вотъ проживаетъ теперь у меня.... А въ свое время считался первымъ по губерніи хватомъ; двухъ женъ отъ мужей увезъ, пѣсельниковъ держалъ, самъ пѣвалъ и плясалъ мастерски.... Но не прикажете-ли водки? вѣдь, ужь обѣдъ на столѣ.

Молодая дѣвушка, та самая, которую я мелькомъ видѣлъ въ саду, вошла въ комнату.

— А вотъ и Оля! замѣтилъ Радиловъ, слегка отвернувъ голову:—прошу любить и жаловать.... Ну, пойдемте обѣдать.

Мы отправились въ столовую, сѣли. Пока мы шли изъ гостиной и садились, Ѳедоръ Михѣичъ, у котораго отъ «награды» глазки засіяли и носъ слегка покраснѣлъ, пѣлъ: «Громъ побѣды раздавайся». Ему поставили особый приборъ въ углу на маленькомъ столикѣ безъ салфетки. Бѣдный старикъ не могъ похвалиться опрятностью, и потому его постоянно держали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ общества. Онъ перекрестился, вздохнулъ и началъ ѣсть, какъ акула. Обѣдъ былъ дѣйствительно недуренъ и , въ качествѣ воскреснаго, не обошелся безъ трепещущаго желе и испанскихъ вѣтровъ (пирожнаго). За столомъ Радиловъ, который лѣтъ десять служилъ въ армейскомъ пѣхотномъ полку и въ Турцію ходилъ, пустился въ разсказы; я слушалъ его со вниманіемъ и украдкой наблюдалъ за Ольгой. Она не очень была хороша собой; но рѣшительное и спокойное

выраженіе ея лица, ея широкій, бѣлый лобъ, густые волосы и, въ особенности, каріе глаза, небольшіе, но умные, ясные и живые, поразили-бы и всякаго другаго на моемъ мѣстѣ. Она какъ-будто слѣдила за каждымъ словомъ Радилова; не участіе,— страстное вниманіе изображалось на ея лицѣ. Радиловъ, по лѣтамъ, могъ бы быть ея отцомъ; онъ говорилъ ей: ты, но я тотчасъ догадался, что она не была его дочерью. Въ теченіи разговора онъ упомянулъ о своей покойной женѣ — «ея сестра», прибавилъ онъ, указавъ на Ольгу. Она быстро покраснѣла и опустила глаза. Радиловъ помолчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Старушка во весь обѣдъ не произнесла слова, сама почти ничего не ѣла и меня не подчивала. Ея черты дышали какимъ-то боязливымъ и безнадежнымъ ожиданьемъ, той старческой грустью, отъ которой такъ мучительно сжимается сердце зрителя. Къ концу обѣда Ѳедоръ Михѣичъ началъ было «славить» хозяевъ и гостя, но Радиловъ взглянулъ на меня и попросилъ его замолчать; старикъ провелъ рукой по губамъ, заморгалъ глазами, поклонился и присѣлъ опять, но уже на самый край стула. Послѣ обѣда мы съ Радиловымъ отправились въ его кабинетъ.

Въ людяхъ, которыхъ сильно и постоянно занимаетъ одна мысль или одна страсть, замѣтно что-то общее, какое-то внѣшнее сходство въ обращеньи, какъ-бы ни были, впрочемъ, различны ихъ качества, способности, положеніе въ свѣтѣ и воспитаніе. Чѣмъ болѣе я наблюдалъ за Радиловымъ, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Онъ говорилъ о хозяйствѣ, объ урожаѣ, покосѣ, о войнѣ, уѣздныхъ сплетняхъ и близкихъ выборахъ, говорилъ безъ принужденья, даже съ участьемъ, но вдругъ вздыхалъ и опускался въ кресла, какъ человѣкъ, утомленный тяжкой работой, проводилъ рукой по лицу. Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена однимъ чувствомъ. Меня уже поражало то, что я не могъ въ немъ открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ вину, ни къ охотѣ, ни курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучей болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной и билліардной игрѣ, ни къ танцовальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и

столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свеклосахарнымъ заводамъ, ни къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ, подпоясаннымъ подъ самыми мышками, къ тѣмъ великолѣпнымъ кучерамъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, отъ каждаго движенія шеи глаза косятся и лѣзутъ вонъ.... «Что-жь это за помѣщикъ, наконецъ!» думалъ я. А между тѣмъ онъ вовсе не прикидывался человѣкомъ мрачнымъ и своею судьбою недовольнымъ; напротивъ, отъ него такъ и вѣяло неразборчивымъ благоволеньемъ, радушьемъ и почти обидной готовностью сближенья къ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Правда, вы въ тоже самое время чувствовали, что подружиться, дѣйствительно сблизиться онъ ни съ кѣмъ не могъ, и не могъ не оттого, что вообще не нуждался въ другихъ людяхъ, а оттого, что вся жизнь его ушла на время внутрь. Вглядываясь въ Радилова, я никакъ не могъ себѣ представить его счастливымъ ни теперь, ни когда-нибудь. Красавцемъ онъ тоже не былъ; но въ его взорѣ, въ улыбкѣ, во всемъ его существѣ таилось что-то чрезвычайно привлекательное,—именно таилось. Такъ, кажется, и хотѣлось бы узнать его получше, полюбить его. Конечно, въ немъ иногда высказывался помѣщикъ и степнякъ; но человѣкъ онъ все-таки былъ славный.

Мы начали было толковать съ нимъ о новомъ уѣздномъ предводителѣ, какъ вдругъ у двери раздался голосъ Ольги: «Чай готовъ». Мы пошли въ гостиную. Ѳедоръ Михѣичъ по прежнему сидѣлъ въ своемъ уголку, между окошкомъ и дверью, скромно подобравъ ноги. Мать Радилова вязала чулокъ. Сквозь открытыя окна изъ саду вѣяло осенней свѣжестью и запахомъ яблоковъ. Ольга хлопотливо разливала чай. Я съ бо̀льшимъ вниманіемъ смотрѣлъ на нее теперь, чѣмъ за обѣдомъ. Она говорила очень мало, какъ вообще всѣ уѣздныя дѣвицы; но въ ней, по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ желанья сказать что нибудь хорошее, вмѣстѣ съ мучительнымъ чувствомъ пустоты и безсилія; она не вздыхала, словно отъ избытка неизъяснимыхъ ощущеній, не закатывала глазъ подъ лобъ, не улыбалась мечтательно и неопредѣленно. Она глядѣла спокойно и равнодушно, какъ человѣкъ, который отдыхаетъ отъ большаго счастья

или отъ большой тревоги. Ея походка, ея движенья были рѣшительны и свободны. Она мнѣ очень нравилась.

Мы съ Радиловымъ опять разговорились. Я уже не помню, какимъ путемъ мы дошли до извѣстнаго замѣчанья: какъ часто самыя ничтожныя вещи производятъ бо̀льшее впечатлѣнье на людей, чѣмъ самыя важныя.

— Да, промолвилъ Радиловъ: — это я испыталъ на себѣ. Я, вы знаете, былъ женатъ. Не долго.... три года; моя жена умерла отъ родовъ. Я думалъ, что не переживу ея; я былъ огорченъ страшно, убитъ, но плакать не могъ—ходилъ, словно шальной. Ее, какъ слѣдуетъ, одѣли, положили на столъ—вотъ въ этой комнатѣ. Пришелъ священникъ; дьячки пришли, стали пѣть, молиться, курить ладономъ; я клалъ земные поклоны и хоть бы слезинку выронилъ. Сердце у меня словно окаменѣло и голова тоже,— и весь я отяжелѣлъ. Такъ прошелъ первый день. Вѣрите-ли? ночью я заснулъ даже. На другое утро вошелъ я къ женѣ,—дѣло было лѣтомъ, солнце освѣщало ее съ ногъ до головы, да такъ ярко,—вдругъ я увидѣлъ.... (Здѣсь Радиловъ невольно вздрогнулъ). Что̀ вы думаете? Глазъ у нея не совсѣмъ былъ закрытъ, и по этому глазу ходила муха.... Я повалился, какъ снопъ и, какъ опомнился, сталъ плакать, плакать,—унять себя не могъ....

Радиловъ замолчалъ. Я посмотрѣлъ на него, потомъ на Ольгу.... Въ вѣкъ мнѣ не забы̀ть выраженія ея лица. Старушка положила чулокъ на колѣни, достала изъ ридикюля платокъ и украдкой утерла слезу. Ѳедоръ Михѣичъ вдругъ поднялся, схватилъ свою скрипку и хриплымъ и дикимъ голосомъ затянулъ пѣсенку. Онъ желалъ, вѣроятно, развеселить насъ; но мы всѣ вздрогнули отъ его перваго звука, и Радиловъ попросилъ его успокоиться.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ:—что̀ было, то̀ было; прошлаго не воротишь, да и наконецъ.... все къ лучшему въ здѣшнемъ мірѣ, какъ сказалъ, кажется, Во̀льтеръ, прибавилъ онъ поспѣшно.

— Да, возразилъ я:—конечно. Притомъ, всякое несчастье можно перенести, и нѣтъ такого сквернаго положенія, изъ котораго нельзя было бы выйдти.

— Вы думаете? замѣтилъ Радиловъ.—Что̀-жь, можетъ быть,

вы правы. Я, помнится, въ Турціи лежалъ въ госпиталѣ, полумертвый: у меня была гнилая горячка. Ну, помѣщеніемъ мы похвалиться не могли,—разумѣется, дѣло военное,—и то еще слава Богу! Вдругъ къ намъ еще приводятъ больныхъ,— куда ихъ положить? Лекарь туда, сюда, — нѣтъ мѣста. Вотъ подошелъ онъ ко мнѣ, спрашиваетъ фельдшера: «живъ»? Тотъ отвѣчаетъ: «утромъ былъ живъ». Лекарь нагнулся, слышитъ: дышу. Не вытерпѣлъ пріятель. «Вѣдь, экая натура-то дура», говоритъ: — «вѣдь, вотъ умретъ человѣкъ, вѣдь непремѣнно умретъ, а все скрипитъ, тянетъ, только мѣсто занимаетъ да другимъ мѣшаетъ». Ну, подумалъ я про себя, плохо тебѣ, Михайло Михайлычъ.... А вотъ выздоровѣлъ и живъ до сихъ поръ, какъ изволите видѣть. Стало быть, вы правы.

— Во всякомъ случаѣ я правъ, отвѣчалъ я:—еслибъ вы даже и умерли, вы все-таки вышли бы изъ вашего сквернаго положенія.

— Разумѣется, разумѣется, прибавилъ онъ, сильно ударивъ рукою по столу.... Стоитъ только рѣшиться.... Что толку въ скверномъ положеніи?... Къ чему медлить, тянуть....

Ольга быстро встала и вышла въ садъ.

— Ну-ка, Ѳедя, плясовую! воскликнулъ Радиловъ.

Ѳедя вскочилъ, пошелъ по комнатѣ той щеголеватой, особенной поступью, какою выступаетъ извѣстная «коза» около ручнаго медвѣдя, и запѣлъ: «Какъ у нашихъ у воротъ»....

У подъѣзда раздался стукъ бѣговыхъ дрожекъ, и черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ въ комнату старикъ высокаго росту, довольно плотный, однодворецъ Овсяниковъ.... Но Овсяниковъ такое замѣчательное и оригинальное лицо, что мы, съ позволенія читателя, поговоримъ о немъ въ другомъ отрывкѣ. А теперь я отъ себя прибавлю только то, что на другой-же день мы съ Ермолаемъ чѣмъ-свѣтъ отправились на охоту, а съ охоты домой,—что черезъ недѣлю я опять зашелъ къ Радилову, но не засталъ ни его, ни Ольги дома, а черезъ двѣ недѣли узналъ, что онъ внезапно исчезъ, бросилъ мать, уѣхалъ куда-то съ своей заловкой. Вся губернія взволновалась и заговорила объ этомъ происшествіи, и я только тогда окончательно понялъ выраженіе Ольгина лица во время разсказа Радилова. Не

однимъ состраданіемъ дышало оно тогда: оно пылало также ревностью.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ деревни я посѣтилъ старушку Радилову. Я нашелъ ее въ гостиной; она играла съ Ѳедоромъ Михѣичемъ въ дурачки.

— Имѣете вы извѣстіе отъ вашего сына? спросилъ я ее, наконецъ.

Старушка заплакала. Я уже болѣе не разспрашивалъ ее о Радиловѣ.

ОДНОДВОРЕЦЪ ОВСЯНИКОВЪ.

—

Представьте себѣ, любезные читатели, человѣка полнаго, высокаго, лѣтъ семидесяти, съ лицомъ, напоминающимъ нѣсколько лицо Крылова, съ яснымъ и умнымъ взоромъ подъ нависшей бровью, съ важной осанкой, мѣрной рѣчью, медлительной походкой: вотъ вамъ Овсянниковъ. Носилъ онъ просторный синій сюртукъ съ длинными рукавами, застегнутый до верху, шолковый лиловый платокъ на шеѣ, ярко вычищенные сапоги съ кистями, и вообще съ виду походилъ на зажиточнаго купца. Руки у него были прекрасныя, мягкія и бѣлыя; онъ часто въ теченьи разговора брался за пуговицы своего сюртука. Овсянниковъ своею важностью и неподвижностью, смышленостью и лѣнью, своимъ прямодушіемъ и упорствомъ напоминалъ мнѣ русскихъ бояръ до-петровскихъ временъ... ферязьбы къ нему пристала. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ людей стараго вѣка. Всѣ сосѣди его чрезвычайно уважали и почитали за честь знаться съ нимъ. Его братья, однодворцы, только-что не молились на него, шапки передъ нимъ издали ломали, гордились имъ. Говоря вообще, у насъ до сихъ поръ однодворца трудно отличить отъ мужика: хозяйство у него едва-ли не хуже мужицкаго, телята не выходятъ изъ гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная. Овсянниковъ былъ ис-

ключеніемъ изъ общаго правила, хоть и не слылъ за богача. Жилъ онъ одинъ съ своей женой въ уютномъ, опрятномъ домикѣ, прислугу держалъ онъ небольшую, одѣвалъ людей своихъ по-русски и называлъ работниками. Они же у него и землю пахали. Онъ и себя не выдавалъ за дворянина, не прикидывался помѣщикомъ, никогда, какъ говорится, «не забывался», не по первому приглашенію садился и при входѣ новаго гостя непремѣнно поднимался съ мѣста, но съ такимъ достоинствомъ, съ такой величавой привѣтливостью, что гость невольно ему кланялся пониже. Овсяниковъ придерживался старинныхъ обычаевъ не изъ суевѣрія (душа въ немъ была довольно свободная), а по привычкѣ. Онъ, напримѣръ, не любилъ рессорныхъ экипажей, потому что не находилъ ихъ покойными, и разъѣзжалъ либо въ бѣговыхъ дрожкахъ, либо въ небольшой красивой телѣжкѣ съ кожаной подушкой, и самъ правилъ своимъ добрымъ гнѣдымъ рысакомъ. (Онъ держалъ однѣхъ гнѣдыхъ лошадей.) Кучеръ, молодой краснощекій парень, остриженный въ скобку, въ синеватомъ армякѣ и низкой бараньей шапкѣ, подпоясанный ремнемъ, почтительно сидѣлъ съ нимъ рядомъ. Овсяниковъ всегда спалъ послѣ обѣда, ходилъ въ баню по субботамъ, читалъ однѣ духовныя книги (при чемъ съ важностью надѣвалъ на носъ круглыя серебряныя очки), вставалъ и ложился рано. Бороду, однако же, онъ брилъ и волосы носилъ по-нѣмецки. Гостей онъ принималъ весьма ласково и радушно, но не кланялся имъ въ поясъ, не суетился, не подчивалъ ихъ всякимъ сушеньемъ и соленьемъ. «Жена!» говорилъ онъ медленно, не вставая съ мѣста и слегка повернувъ къ ней голову: — «принеси господамъ чего-нибудь полакомиться». Онъ почиталъ за грѣхъ продавать хлѣбъ—Божій даръ, и въ 40-мъ году, во время общаго голода и страшной дороговизны, раздалъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ; они ему на слѣдующій годъ съ благодарностью взнесли свой долгъ натурой. Къ Овсяникову часто прибѣгали сосѣди съ просьбой разсудить, помирить ихъ и почти всегда покорялись его приговору, слушались его совѣта. Многіе, по его милости, окончательно размежевались.... Но послѣ двухъ или трехъ сшибокъ съ помѣщицами, онъ объявилъ, что отказывается отъ всякаго посредничества между особами жен-

скаго пола. Терпѣть онъ не могъ поспѣшности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и «суеты». Разъ какъ-то у него домъ загорѣлся. Работникъ въ попыхахъ вбѣжалъ къ нему съ крикомъ: «пожаръ! пожаръ!» — «Ну, чего-же ты кричишь?» спокойно сказалъ Овсяниковъ:—«подай мнѣ шапку и костыль»... Онъ самъ любилъ выѣзжать лошадей. Однажды рьяный битюкъ (*) помчалъ его подъ гору къ оврагу. «Ну, полно, полно, жеребенокъ малолѣтній,—убьешься», добродушно замѣчалъ ему Овсяниковъ и, черезъ мгновенье, полетѣлъ въ оврагъ вмѣстѣ съ бѣговыми дрожками, мальчикомъ, сидѣвшимъ сзади, и лошадью. Къ счастью на днѣ оврага грудами лежалъ песокъ. Никто не ушибся, одинъ битюкъ вывихнулъ себѣ ногу.—«Ну, вотъ, видишь», продолжалъ спокойнымъ голосомъ Овсяниковъ, поднимаясь съ земли: — я тебѣ говорилъ». И жену онъ выскалъ по себѣ. Татьяна Ильинична Овсяникова была женщина высокаго росту, важная и молчаливая, вѣчно повязанная коричневымъ шелковымъ платкомъ. Отъ нея вѣяло холодомъ, хотя не только никто не жаловался на ея строгость, но, напротивъ, многіе бѣдняки называли ее матушкой и благодѣтельницей. Правильныя черты лица, большіе темные глаза, тонкія губы и теперь еще свидѣтельствовали о нѣкогда-знаменитой ея красотѣ. Дѣтей у Овсяникова не было.

Я съ нимъ познакомился, какъ уже извѣстно читателю, у Радилова и дня черезъ два поѣхалъ къ нему. Я засталъ его дома. Онъ сидѣлъ въ большихъ кожаныхъ креслахъ и читалъ Четьи-Минеи. Сѣрая кошка мурлыкала у него на плечѣ. Онъ меня принялъ, по своему обыкновенью, ласково и величаво. Мы пустились въ разговоръ.

— А скажите-ка, Лука Петровичъ, правду, сказалъ я между прочимъ:—вѣдь прежде, въ ваше-то время, лучше было?

— Иное точно лучше было, скажу вамъ, возразилъ Овсяниковъ:—спокойнѣе мы жили; довольства больше было, точно.... А все-таки теперь лучше; а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ.

(*) Битюками или съ битюка называются особенной породы лошади, которыя развелись въ Воронежской губерніи, около извѣстнаго «Хрѣноваго» (бывшаго коннаго завода гр. Орловой).

— А я такъ ожидалъ, Лука Петровичъ, что вы мнѣ старое время хвалить станете.

— Нѣтъ, стараго времени мнѣ особенно хвалить не изъ чего. Вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, вы помѣщикъ теперь, такой-же помѣщикъ какъ вашъ покойный дѣдушка, а ужь власти вамъ такой не будетъ; да и вы сами не такой человѣкъ. Насъ и теперь другіе господа притѣсняютъ; но безъ этого обойтись, видно, нельзя. Перемелется — авось, мука́ будетъ. Нѣтъ, ужь я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся.

— А чего бы, напримѣръ?

— А хоть бы, напримѣръ, опять таки скажу про вашего дѣдушку. Властный былъ человѣкъ! обижалъ нашего брата. Вѣдь вотъ вы, можетъ, знаете, — да какъ вамъ своей земли не знать,—клинъ-то, что̀ идетъ отъ Чаплыгина къ Малинину?... Онъ у васъ подъ овсомъ теперь.... Ну, вѣдь онъ нашъ,— весь, какъ есть, нашъ. Вашъ дѣдушка у насъ его отнялъ; выѣхалъ верхомъ, показалъ рукой, говоритъ: мое владѣнье,— и завладѣлъ. Отецъ-то мой, покойникъ (царство ему небесное!), человѣкъ былъ справедливый, горячій былъ тоже человѣкъ, не вытерпѣлъ, — да и кому охота свое доброе терять? — и въ судъ просьбу подалъ. Да одинъ подалъ, другіе-то не пошли,— побоялись. Вотъ вашему дѣдушкѣ и донесли, что Петръ Овсяниковъ, молъ, на васъ жалуется: землю, вишь, отнять изволили... Дѣдушка вашъ къ намъ тотчасъ и прислалъ своего ловчаго Бауша съ командой.... Вотъ и взяли моего отца, и въ вашу вотчину повели. Я тогда былъ мальчишка маленькій, босикомъ за ними побѣжалъ. Чтожъ?... Привели его къ вашему дому да подъ окнами и высѣкли. А вашъ-то дѣдушка стоитъ на балконѣ да посматриваетъ; а бабушка подъ окномъ сидитъ и тоже глядитъ. Отецъ мой кричитъ: «матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только знай приподнимается да поглядываетъ. Вотъ и взяли съ отца слово отступиться отъ земли и благодарить еще велѣли, что живаго отпустили. Такъ она и осталась за вами. Подите-ка, спросите у своихъ мужиковъ: какъ, молъ, эта земля прозывается? Дубовщиной она призывается, потому что дубьемъ

отнята. Такъ вотъ отъ этого и нельзя намъ, маленькимъ людямъ, очень-то жалѣть о старыхъ порядкахъ.

Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову, и не смѣлъ взглянуть ему въ лицо.

— А то другой сосѣдъ у насъ въ тѣ поры завелся,—Комовъ, Степанъ Никтополіонычъ. Замучилъ было отца совсѣмъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Пьяный былъ человѣкъ и любилъ угощать, и какъ подопьетъ да скажетъ по-французски: «се бонъ», да облизнется—хоть святыхъ вонъ неси! По всѣмъ сосѣдямъ шлетъ просить пожаловать. Тройки такъ у него наготовѣ и стояли; а не поѣдешь,—тотчасъ самъ нагрянетъ.... И такой странный былъ человѣкъ! Въ «тверезомъ» видѣ не лгалъ; а какъ выпьетъ—и начнетъ разсказывать, что у него въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный съ одной трубой, другой желтый съ двумя трубами, а третій синій безъ трубъ,—и три сына (а онъ и женатъ-то не бывалъ): одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, третій самъ по себѣ.... И говоритъ, что въ каждомъ домѣ живетъ у него по сыну, что къ старшему ѣздятъ адмиралы, ко второму генералы, а къ младшему все англичане. Вотъ и поднимется и говоритъ: «за здравіе моего старшаго сына, онъ у меня самый почтительный!»—и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказываться станетъ. «Застрѣлю!» говоритъ:—«и хоронить не позволю!»... А то вскочитъ и закричитъ: «пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!» Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало, всю ночь, какъ есть, до утра хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А станутъ уставать,—голову на руки положитъ и загорюетъ: «охъ, сирота я сиротливая! покидаютъ меня, голубчика!» Конюха тотчасъ дѣвокъ и пріободрятъ. Отецъ-то мой ему и полюбись; что прикажешь дѣлать? Вѣдь чуть въ гробъ отца моего не вогналъ, и точно вогналъ-бы, да самъ, спасибо, умеръ: съ голубятни въ пьяномъ видѣ свалился.... Такъ вотъ какіе у насъ сосѣдушки бывали!

— Какъ времена-то измѣнились! замѣтилъ я.

— Да, да, подтвердилъ Овсяниковъ.... Ну и то сказать: въ старые-то годы дворяне живали пышнѣе. Ужь нечего и говорить

про вельможъ: я въ Москвѣ на нихъ насмотрѣлся. Говорятъ, они и тамъ перевелись теперь.

— Вы были въ Москвѣ?

— Былъ, давно, очень давно. Мнѣ вотъ теперь семьдесятъ третій годъ пошелъ, а въ Москву я ѣздилъ на шестнадцатомъ году.

Овсяниковъ вздохнулъ.

— Кого-жь вы тамъ видѣли?

— А многихъ вельможъ видѣлъ,—и всякъ ихъ видѣлъ; жили открыто, на славу и удивленіе. Только до покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго не доходилъ ни одинъ. Алексѣя-то Григорьевича я видалъ часто; дядя мой у него дворецкимъ служилъ. Изволилъ графъ жить у Калужскихъ воротъ, на Шаболовкѣ. Вотъ былъ вельможа! Такой осанки, такого привѣта милостиваго вообразить невозможно и разсказать нельзя. Ростъ одинъ чего стоилъ, сила, взглядъ! Пока не знаешь его, не войдешь къ нему—боишься точно, робѣешь; а войдешь—словно солнышко тебя пригрѣетъ, и весь повеселѣешь. Каждаго человѣка до своей особы допускалъ, и до всего охотникъ былъ. На бѣгу самъ правилъ и со всякимъ гонялся; и никогда не обгонитъ сразу, не обидитъ, не оборветъ, а развѣ подъ самый конецъ переѣдетъ; и такой ласковый, — противника утѣшитъ, коня его похвалитъ. Голубей-турмановъ держалъ первѣйшаго сорта. Выдетъ, бывало, на дворъ, сядетъ въ кресла и прикажетъ голубковъ поднять; а кругомъ, на крышахъ, люди стоятъ съ ружьями противъ ястребовъ. Къ ногамъ графа большой серебряный тазъ поставятъ съ водой; онъ и смотритъ въ воду на голубковъ. Убогіе, нищіе сотнями на его хлѣбѣ живали.... и сколько денегъ онъ передавалъ! А разсердится,—словно громъ прогремитъ. Страху много, а плакаться не на что: смотришь, — ужь и улыбается. Пиръ задастъ— Москву споитъ!... И вѣдь умница былъ какой! вѣдь, Турку-то онъ побилъ. Бороться тоже любилъ; силачей къ нему изъ Тулы возили, изъ Харькова, изъ Тамбова, отовсюду. Кого поборетъ—наградитъ; а коли кто его поборетъ—задаритъ вовсе и въ губы поцалуетъ.... А то въ бытность мою въ Москвѣ, затѣялъ садку такую, какой на Руси не бывало: всѣхъ, какъ есть, охотниковъ со всего царства къ себѣ въ гости пригла-

силъ и день назначилъ, и три мѣсяца сроку далъ. Вотъ и собрались. Навезли собакъ, егерей,—ну, войско наѣхало, какъ есть, войско! Сперва попировали, какъ слѣдуетъ, а тамъ и отправились за заставу. Народу сбѣжалось тьма-тьмущая!... И что̀ вы думаете?... Вѣдь вашего дѣдушки собака всѣхъ обскакала.

— Не Миловидка-ли? спросилъ я.

— Миловидка, Миловидка.... Вотъ, графъ его и началъ упрашивать: «продай мнѣ, дескать, твою собаку: возьми, что̀ хочешь».—«Нѣтъ, графъ», говоритъ, «я не купецъ: тряпицы ненужной не продамъ, а изъ чести хоть жену готовъ уступить, только не Миловидку.... Скорѣе себя самаго въ полонъ отдамъ». И Алексѣй Григорьевичъ его похвалилъ: «люблю», говоритъ. Дѣдушка-то вашъ ее назадъ въ каретѣ повезъ; а какъ умерла Миловидка, съ музыкой въ саду ее похоронилъ—псицу похоронилъ и камень съ надписью надъ псицей поставилъ.

— Вѣдь, вотъ Алексѣй Григорьевичъ не обижалъ-же никого, замѣтилъ я.

— Да оно всегда такъ бываетъ: кто самъ мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ.

— А что̀ за человѣкъ былъ этотъ Баушъ? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ-же это вы про Миловидку слыхали, а про Бауша нѣтъ?... Это былъ главный ловчій и доѣзжачій вашего дѣдушки. Дѣдушка-то вашъ его любилъ не меньше Миловидки. Отчаянный былъ человѣкъ, и что̀ бы вашъ ни приказалъ—мигомъ исполнитъ, хоть на ножъ полѣзетъ.... И какъ порскалъ —такъ стонъ въ лѣсу, бывало, и стоитъ. А то вдругъ заупрямится, слѣзетъ съ коня и ляжетъ.... И какъ только перестали собаки слышать его голосъ—кончено! Горячій слѣдъ бросятъ, не погонятъ ни за какія блага. И вашъ дѣдушка разсердится. «Живъ быть не хочу, коли не повѣшу бездѣльника! На изнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!» А кончится тѣмъ, что пошлетъ узнать, чего ему надобно, отчего не порскаетъ? И Баушъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно потребуетъ вина, выпьетъ, поднимется и загогочетъ опять на славу.

— Вы, кажется, также любите охоту, Лука Петровичъ?

— Любилъ-бы.... точно, — не теперь: теперь моя пора прошла,—а въ молодыхъ годахъ.... да знаете, не ловко, по причинѣ званія. За дворянами нашему брату не приходится тянуться. Точно, и изъ нашего сословія иной, пьющій и неспособный, бывало присосѣдится къ господамъ.... да что за радость!... Только себя срамитъ. Дадутъ ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дѣло шапку съ него на земь бросаютъ; арапникомъ, будто по лошади, по немъ задѣваютъ; а онъ все смѣйся, да другихъ смѣши. Нѣтъ, скажу вамъ: чѣмъ мельче званіе, тѣмъ строже себя держи, а то какъ разъ себя замараешь.

— Да, продолжалъ Овсяниковъ со вздохомъ: — много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ живу: времена подошли другія. Особенно въ дворянахъ вижу я перемѣну большую. Мелкопомѣстные—всѣ либо на службѣ побывали, либо на мѣстѣ не сидятъ; а что покрупнѣй—тѣхъ и узнать нельзя. Насмотрѣлся я на нихъ, на крупныхъ-то, вотъ по случаю размежеванія. И долженъ я вамъ сказать: сердце радуется, на нихъ глядя: обходительны, вѣжливы. Только вотъ что мнѣ удивительно: всѣмъ наукамъ они научились, говорятъ такъ складно, что луша умиляется, а дѣла-то настоящаго не смыслятъ, даже собственной пользы не чувствуютъ: ихъ-же крѣпостной человѣкъ, прикащикъ, гнетъ ихъ куда хочетъ, словно дугу. Вѣдь, вотъ вы, можетъ, знаете Королева, Александра Владиміровича,—чѣмъ не дворянинъ? Собой красавецъ, богатъ, въ университетахъ обучался, кажись, и заграницей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ. Знаете?... ну, такъ слушайте. На прошлой недѣлѣ съѣхались мы въ Березовку, по приглашенію посредника, Никифора Ильича. И говоритъ намъ посредникъ, Никифоръ Ильичъ: «надо, господа, размежеваться; это срамъ, нашъ участокъ ото всѣхъ другихъ отсталъ: приступимте къ дѣлу». Вотъ и приступили. Пошли толки, споры, какъ водится; повѣренный нашъ ломаться сталъ. Но первый забуянилъ Овчинниковъ Порфирій.... И изъ чего буянитъ человѣкъ?... У самаго вершка земли нѣту: по порученію брата распоряжается. Кричитъ: «нѣтъ! меня вамъ не провести! нѣтъ, не на того наткнулись! планы сюда! земле-

мѣра мнѣ подайте, христопродавца подайте сюда!»—«Да какое, наконецъ, ваше требованіе?» — «Вотъ дурака нашли! эка! вы думаете: я вамъ такъ-таки сейчасъ мое требованіе и объявлю?... нѣтъ, вы планы сюда подайте,—вотъ что!» А самъ рукой стучитъ по планамъ. Мароу Дмитревну обидѣлъ кровно. Та кричитъ: «какъ вы смѣете мою репутацію позорить?»—«Я», говоритъ, «вашей репутаціи моей бурой кобылѣ не желаю». Насилу мадерой отпоили. Его успокоили,—другіе забунтовали. Королевъ-то Александръ Владимірычъ сидитъ, мой голубчикъ, въ углу, набалдашникъ на палкѣ покусываетъ, да только головой качаетъ. Совѣстно мнѣ стало, мочи нѣтъ, хоть вонъ бѣжать. Что, молъ, объ насъ подумаетъ человѣкъ? Глядь, поднялся мой Александръ Владимирычъ, показываетъ видъ, что говорить желаетъ. Посредникъ засуетился, говоритъ: «господа, господа, Александръ Владимірычъ говорить желаетъ». И нельзя не похвалить дворянъ: всѣ тотчасъ замолчали. Вотъ и началъ Александръ Владимірычъ и говоритъ: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались, что хотя размежеваніе, безспорно, выгодно для владѣльцевъ, но въ сущности оно введено для чего?—для того, чтобъ крестьянину было легче, чтобъ ему работать сподручнѣе было, повинности справлять; а то теперь онъ самъ своей земли не знаетъ и не рѣдко за пять верстъ пахать ѣдетъ,—и взыскать съ него нельзя. Потомъ сказалъ Александръ Владимірычъ, что помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи крестьянъ, что наконецъ, если здраво разсудить, ихъ выгоды и наши выгоды — все едино: имъ хорошо — намъ хорошо, имъ худо — намъ худо.... и что, слѣдовательно, грѣшно и неразсудительно не соглашаться изъ пустяковъ.... И пошелъ, и пошелъ.... да, вѣдь, какъ говорилъ! за душу такъ и забираетъ.... Дворяне-то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, въ старинныхъ книгахъ такихъ рѣчей не бываетъ.... А чѣмъ кончилось? Самъ четырехъ десятинъ моховаго болота не уступилъ и продать не захотѣлъ. Говоритъ: я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на немъ заведу, съ усовершенствованіями. Я, говоритъ, ужь это мѣсто выбралъ: у меня на этотъ счетъ своя воображенія.... И хоть бы это было справедливо, а то просто,—сосѣдъ Александра Владимірыча, Ка-

расиковъ Антонъ, поскупился Королевскому прикащику сто рублевъ ассигнаціями взнести. Такъ мы и разъѣхались, не сдѣлавши дѣла. А Александръ Владимірычъ по сихъ поръ себя правымъ почитаетъ и все о суконной фабрикѣ толкуетъ, только къ осушкѣ болота не приступаетъ.

— А какъ онъ въ своемъ имѣньи распоряжается?

— Все новые порядки вводитъ. Мужики не хвалятъ, — да ихъ слушать нечего. Хорошо поступаетъ Александръ Владимірычъ.

— Какъ-же это, Лука Петровичъ? Я думалъ, что вы придерживаетесь старины?

— Я—другое дѣло. Я вѣдь не дворянинъ и не помѣщикъ. Что мое за хозяйство?... Да я иначе и не умѣю. Стараюсь поступать по справедливости и по закону,—и то, слава Богу! Молодые господа прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю.... Пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ, какъ съ куклой, поступаютъ: повертятъ, повертятъ, поломаютъ да и бросятъ. И прикащикъ, крѣпостной человѣкъ, или управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ, опять крестьянина въ лапы заберетъ. И хотя-бы одинъ изъ молодыхъ-то господъ примѣръ подалъ, показалъ: вотъ, молъ, какъ надо распоряжаться!... Чѣмъ-же это кончится? Неужто-жь я такъ и умру и новыхъ порядковъ не увижу?... Что за притча?— старое вымерло, а молодое не нарождается!

Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову. Онъ оглянулся, придвинулся ко мнѣ поближе и продолжалъ вполголоса:

— А слыхали про Василья Николаича Любозвонова?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что за чудеса такія? Ума не приложу. Его-же мужики разсказывали, да я ихъ рѣчей въ толкъ не возьму. Человѣкъ онъ, вы знаете, молодой, недавно послѣ матери наслѣдство получилъ. Вотъ пріѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину. Собрались мужички поглазѣть на своего барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаичъ. Смотрятъ мужики,— что за диво! — ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой ; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, а на головѣ така шапонька мудреная, и лицо такое мудреное,—

пьянъ, не пьянъ, а и не въ своемъ умѣ. «Здорово», говоритъ, «ребята! Богъ вамъ помощь». Мужики ему въ поясъ, —только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: «я-де русскій», говоритъ, «и вы русскіе; я русское все люблю.... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская».... Да вдругъ какъ скомандуетъ: «а ну, дѣтки, спойте-ка русскую, народственную пѣсню!» У мужиковъ поджилки затряслись; вовсе одурѣли. Одинъ было смѣльчакъ запѣлъ, да и присѣлъ тотчасъ къ землѣ, за другихъ спрятался.... И вотъ чему удивляться надо: бывали у насъ и такіе помѣщики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одѣвались, почитай, что кучерами и сами плясали, на гитарѣ играли, пѣли, пили съ дворовыми людишками, съ крестьянами пировали; а вѣдь этотъ-то, Василій-то Николаичъ, словно красная дѣвушка: все книги читаетъ, али пишетъ, а не то вслухъ канты произноситъ, — ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай-себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ или груститъ. Прежній-то прикащикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился: передъ пріѣздомъ Василья Николаича дворы крестьянскіе обѣгалъ, всѣмъ кланялся, — видно чуяла кошка, чье мясо съѣла! И мужики надѣялись, думали: «шалишь, братъ!—ужо тебя къ отвѣту потянутъ, голубчика; вотъ ты ужо напляшешься, жила ты эдакой»!... А вмѣсто того вышло — какъ вамъ доложить? — самъ Господь не разберетъ, что такое вышло! Позвалъ его къ себѣ Василій Николаичъ и говоритъ, а самъ краснѣетъ, и такъ, знаете, дышетъ скоро: «будь справедливъ у меня, не притѣсняй никого, — слышишь?»—Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ! Въ собственной вотчинѣ живетъ, словно чужой. Ну, прикащикъ и отдохнулъ, а мужики къ Василью Николаичу подступиться не смѣютъ: боятся. И, вѣдь, вотъ опять, что удивленія достойно: и кланяется имъ баринъ, и смотритъ привѣтливо,—а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ. Что за чудеса такія, батюшка, скажите?... Или я глупъ сталъ, состарѣлся, что-ли,—не понимаю.

Я отвѣчалъ Овсяникову, что, вѣроятно, господинъ Любозвоновъ болѣнъ.

— Какое болѣнъ! Поперегъ себя толще, и лицо такое,

Богъ съ нимъ, окладистое, даромъ, что молодъ... А, впрочемъ, Господь вѣдаетъ! (И Овсяниковъ глубоко вздохнулъ.)

— Ну, въ сторону дворянъ, началъ я: — что вы мнѣ объ однодворцахъ скажете, Лука Петровичъ?

— Нѣтъ, ужь вотъ отъ этого увольте, поспѣшно проговорилъ онъ: — право... и сказалъ бы вамъ.... да что! (Овсяниковъ рукой махнулъ.) Станемте лучше чай кушать.... Мужики, какъ есть, мужики; а, впрочемъ, правду сказать, какъ-же и быть-то намъ?

Онъ замолчалъ. Подали чай. Татьяна Ильинична встала съ своего мѣста и сѣла поближе къ намъ. Въ теченіи вечера она нѣсколько разъ безъ шума выходила и также тихо возвращалась. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Овсяниковъ важно и медленно выпивалъ чашку за чашкой.

— Митя былъ сегодня у насъ, вполголоса замѣтила Татьяна Ильинична.

Овсяниковъ нахмурился.

— Чего ему надобно?

— Приходилъ прощенья просить.

Овсяниковъ покачалъ головою.

— Ну, подите вы, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — что прикажете дѣлать съ сродственниками? И отказаться отъ нихъ невозможно.... Вотъ и меня тоже Богъ наградилъ племянничкомъ. Малый онъ съ головой, бойкій малый, спору нѣтъ; учился хорошо, только проку мнѣ отъ него не дождаться. На службѣ казенной состоялъ — бросилъ службу: вишь, ему ходу не было.... Да развѣ онъ дворянинъ? И дворянъ-то не сейчасъ въ генералы жалуютъ. Вотъ теперь и живетъ безъ дѣла.... Да это-бы еще куда ни шло,—а то въ ябедники пустился! Крестьянамъ просьбы сочиняетъ, доклады пишетъ, сотскихъ научаетъ, землемѣровъ на чистую воду выводитъ, по питейнымъ домамъ таскается, съ мѣщанами городскими да съ дворниками на постоялыхъ дворахъ знается. Долго-ли тутъ до бѣды? Ужь и становые и исправники ему не разъ грозились. Да онъ, благо, балагурить умѣетъ: ихъ-же расмѣшитъ, да имъ-же потомъ и наваритъ кашу.... Да полно, не сидитъ-ли онъ у тебя въ коморкѣ? прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:

—я, вѣдь, тебя знаю: ты, вѣдь, сердобольная такая,—покровительство ему оказываешь.

Татьяна Ильинична потупилась, улыбнулась и покраснѣла.

— Ну, такъ и есть, продолжалъ Овсяниковъ.... Охъ ты баловница! Ну, вели ему войдти, — ужь такъ и быть, ради дорогаго гостя, прощу глупца.... Ну, вели, вели....

Татьяна Ильинична подошла къ двери и крикнула: «Митя!»

Митя, малый лѣтъ двадцати восьми, высокій, стройный и кудрявый, вошелъ въ комнату и, увидѣвъ меня, остановился у порога. Одежда на немъ была нѣмецкая, но одни неестественной величины буфы на плечахъ служили явнымъ доказательствомъ тому, что кроилъ ее не только русскій—россійскій портной.

— Ну, подойди, подойди, заговорилъ старикъ:—чего стыдишься? Благодари тетку: прощенъ.... Вотъ, батюшка, рекомендую, продолжалъ онъ, показывая на Митю:—и родной племянникъ, а не слажу никакъ. Пришли послѣднія времена! (Мы другъ другу поклонились.) Ну, говори, что ты тамъ такое напуталъ? За что на тебя жалуются, сказывай.

Митѣ видимо не хотѣлось объясняться и оправдываться при мнѣ.

— Послѣ, дядюшка, пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, не послѣ, а теперь, продолжалъ старикъ.... Тебѣ, я знаю, при господинѣ помѣщикѣ совѣстно: тѣмъ лучше—казнись. Изволь, изволь-ка говорить.... Мы послушаемъ.

— Мнѣ нечего стыдиться, съ живостью началъ Митя и тряхнулъ головой. Извольте сами, дядюшка, разсудить. Приходятъ ко мнѣ Рѣшетиловскіе однодворцы и говорятъ: заступись, братъ. — Что такое? — А вотъ что: магазины хлѣбные у насъ въ исправности, то есть, лучше быть не можетъ; вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ чиновникъ: приказано-де осмотрѣть магазины. Осмотрѣлъ и говоритъ: въ безпорядкѣ ваши магазины, упущенья важныя, начальству обязанъ донести.— Да въ чемъ упущенья?—А ужь про это я знаю, говоритъ.... Мы было собрались и рѣшили: чиновника, какъ слѣдуетъ, отблагодарить,—да старикъ Прохорычъ помѣшалъ, говоритъ: этакъ ихъ только разлакомишь. Что, въ самомъ дѣлѣ? или ужь нѣтъ намъ расправы никакой?... Мы старика-то и послушались,

а чиновникъ-то осерчалъ и жалобу подалъ, донесеніе написалъ. Вотъ теперь и требуютъ насъ къ отвѣту. — Да точно-ли у васъ магазины въ исправности и законное количество хлѣба имѣется?... Ну, говорю, такъ вамъ робѣть нечего,—и написалъ бумагу имъ.... И еще неизвѣстно въ чью пользу рѣшится.... А что̀ вамъ на меня по этому случаю нажаловались,— дѣло понятное: всякому своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Всякому, да видно не тебѣ, сказалъ старикъ вполголоса.... А что̀ у тебя тамъ за каверзы съ Шутоломовскими крестьянами?

— А вы почему знаете?

— Стало быть, знаю.

— И тутъ я правъ, — опять-таки извольте разсудить. У Шутоломовскихъ крестьянъ сосѣдъ Безпандинъ четыре десятины земли запахалъ. Моя, говоритъ, земля. Шутоломовцы-то на оброкѣ, помѣщикъ ихъ за границу уѣхалъ — кому за нихъ заступиться, сами посудите? А земля ихъ безспорная, крѣпостная изъ-поконъ-вѣку. Вотъ и пришли ко мнѣ, говорятъ: напиши просьбу. Я и написалъ. А Безпандинъ узналъ и грозиться началъ: «я, говоритъ, этому Митькѣ заднія лопатки изъ вертлюговъ повыдергаю, а не то и совсѣмъ голову съ плечъ снесу».... Посмотримъ, какъ-то онъ ее снесетъ: до сихъ поръ цѣла.

— Ну, не хвастайся: не сдобровать ей, твоей головѣ, промолвилъ старикъ:—человѣкъ-то ты сумасшедшій вовсе!

— А что-жь, дядюшка, не вы-ли сами мнѣ говорить изволили....

— Знаю, знаю, что ты мнѣ скажешь, перебилъ его Овсяниковъ:—точно: по справедливости долженъ человѣкъ жить и ближнему помогать обязанъ есть. Бываетъ, что и себя жалѣть не долженъ.... Да ты развѣ все такъ поступаешь? Не водятъ въ кабакъ, что-ли? не по̀ютъ тебя, не кланяются, что-ли: Дмитрій Алексѣичъ, дескать, батюшка, помоги, а благодарность мы ужь тебѣ предъявимъ,—да цѣлковенькій или синенькую изъ-подъ полы въ руку? А? не бываетъ этого? сказывай, не бываетъ?

— Въ этомъ я точно виноватъ, отвѣчалъ, потупившись, Митя:—но съ бѣдныхъ я не беру и душой не кривлю.

— Теперь не берешь, а самому придется плохо — будешь брать. Душой не кривишь.... эхъ, ты! знать, за святыхъ все заступаешься!... А Борьку Переходова забылъ?... Кто за него хлопоталъ? кто покровительство ему оказывалъ? а?

— Переходовъ по своей винѣ пострадалъ, точно....

— Казенныя деньги потратилъ—шутка!

— Да вы, дядюшка, сообразите: бѣдность, семейство....

— Бѣдность, бѣдность.... Человѣкъ онъ пьющій, азартный— вотъ что!

— Пить онъ съ горя началъ, замѣтилъ Митя, понизивъ голосъ.

— Съ горя! Ну, помогъ-бы ему, коли сердце въ тебѣ такое ретивое, а не сидѣлъ-бы съ пьянымъ человѣкомъ въ кабакахъ самъ. Что онъ красно говоритъ, — вишь невидаль какая!

— Человѣкъ-то онъ добрѣйшій....

— У тебя всѣ добрые.... А что, продолжалъ Овсяниковъ, обращаясь къ женѣ:—послали ему.... ну, тамъ, ты знаешь....

Татьяна Ильинична кивнула головой.

— Гдѣ ты эти дни пропадалъ? заговорилъ опять старикъ.

— Въ городѣ былъ.

— Небось, все на билліардѣ игралъ, да чайничалъ, на гитарѣ бренчалъ, по присутственнымъ мѣстамъ шмыгалъ, въ заднихъ комнаткахъ просьбы сочинялъ, съ купецкими сынками щеголялъ? Такъ вѣдь?... Сказывай!

— Оно, пожалуй, что такъ, съ улыбкой сказалъ Митя.... Ахъ, да! чуть было не забылъ: Кунтиковъ, Антонъ Парѳенычъ, къ себѣ васъ въ воскресенье проситъ откушать.

— Не поѣду я къ этому брюхачу. Рыбу дастъ сотенную, а масло положитъ тухлое. Богъ съ нимъ совсѣмъ!

— А то я Ѳедосью Михайловну встрѣтилъ.

— Какую это Ѳедосью?

— А Гарпенченки помѣщика, вотъ, что Микулино сукціону купилъ. Ѳедосья-то изъ Микулина. Въ Москвѣ на оброкѣ жила въ швеяхъ и оброкъ платила исправно, сто-восемдесятъ-два рубля съ полтиной въ годъ.... И дѣло свое знаетъ: въ Москвѣ заказы получала хорошіе. А теперь Гарпенченко ее выписалъ, да вотъ и держитъ такъ, должности ей не опредѣ-

ляетъ. Она бы и откупиться готова, и барину говорила, да онъ никакого рѣшенья не объявляетъ. Вы, дядюшка, съ Гарпенченкой-то знакомы,—такъ не можете-ли вы замолвить ему словечко.... А Ѳедосья выкупъ за себя дастъ хорошій

— Не на твои-ли деньги? ась? Ну, ну, хорошо, скажу ему, скажу. Только не знаю, продолжалъ старикъ съ недовольнымъ лицомъ:—этотъ Гарпенченко, прости Господи, жила: векселя скупаетъ, деньги въ ростъ отдаетъ, имѣнья съ молотка пріобрѣтаетъ.... И кто его въ нашу сторону занесъ? Охъ, ужь эти мнѣ заѣзжіе! Не скоро отъ него толку добьешься,—а, впрочемъ, посмотримъ.

— Похлопочите, дядюшка.

— Хорошо, похлопочу. Только ты, смотри, смотри у меня! Ну, ну, не оправдывайся.... Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!... Только впередъ, смотри, а то, ей-Богу, Митя, не сдоброватъ тебѣ,—ей-Богу пропадешь. Не все-же мнѣ тебя на плечахъ выносить.... я и самъ человѣкъ не властный. Ну, ступай теперь съ Богомъ.

Митя вышелъ. Татьяна Ильинична отправилась за нимъ.

— Напой его чаемъ, баловница, закричалъ ей вслѣдъ Овсяниковъ.... Не глупый малый, продолжалъ онъ: — и душа добрая, только я боюсь за него.... А впрочемъ, извините, что такъ долго васъ пустяками занималъ.

Дверь изъ передней отворилась. Вошелъ низенькій, сѣденькій человѣкъ въ бархатномъ сюртучкѣ.

— А, Францъ Иванычъ! вскрикнулъ Овсяниковъ:—здравствуйте! какъ васъ Богъ милуетъ?

Позвольте, любезный читатель, познакомить васъ съ этимъ господиномъ.

Францъ Иванычъ Лежёнь (Lejeune), мой сосѣдъ и Орловскій помѣщикъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ достигъ почетнаго званія русскаго дворянина. Родился онъ въ Орлеанѣ, отъ французскихъ родителей, и вмѣстѣ съ Наполеономъ отправился на завоеваніе Россіи, въ качествѣ барабанщика. Сначала все шло, какъ по маслу, и нашъ французъ вошелъ въ Москву съ поднятой головой. Но на возвратномъ пути бѣдный mr. Lejeune, полузамерзшій и безъ барабана, попался въ руки

смоленскимъ мужичкамъ. Смоленскіе мужички заперли его на ночь въ пустую сукновальню, а на другое утро привели къ проруби, возлѣ плотины, и начали просить барабанщика de la grande armée уважить ихъ, т. е. нырнуть подъ ледъ. Mr. Lejeune не могъ согласиться на ихъ предложеніе и, въ свою очередь, началъ убѣждать смоленскихъ мужичковъ, на французскомъ діалектѣ, отпустить его въ Орлеанъ. «Тамъ, messieurs», говорилъ онъ, «мать у меня живетъ, une tendre mère». Но мужики, вѣроятно по незнанію географическаго положенія города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествіе, внизъ по теченію извилистой рѣчки Гнилоторки, и уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки, какъ вдругъ, къ неописанной радости Лежёня, раздался звукъ колокольчика, и на плотину взъѣхали огромныя сани съ пестрѣйшимъ ковромъ на преувеличенно-возвышенномъ задкѣ, запряженныя тройкой саврасыхъ вятокъ. Въ саняхъ сидѣлъ толстый и румяный помѣщикъ въ волчьей шубѣ.

— Что вы тамъ такое дѣлаете? спросилъ онъ мужиковъ.

— А французя топимъ, батюшка.

— А! равнодушно возразилъ помѣщикъ и отвернулся.

— Monsieur! Monsieur! закричалъ бѣднякъ.

— А, а! съ укоризной заговорила волчья шуба:—съ двунадесятью языкъ на Россію шелъ, Москву сжегъ, окаянный, крестъ съ Ивана Великаго стащилъ, а теперь—мусье, мусье! а теперь и хвостъ поджалъ! По дѣламъ вору и мука.... Пошелъ, Филька-а!

Лошади тронулись.

— А, впрочемъ, стой, прибавилъ помѣщикъ.... Эй, ты, мусье, умѣешь ты музыкѣ?

— Sauvez moi, sauvez moi, mon bon monsieur! твердилъ Лежёнь.

— Вѣдь вишь народецъ! и по-русски-то ни одинъ изъ нихъ не знаетъ! Мюзикъ, мюзикъ, савэ мюзикъ ву? савэ? Ну, говори-же! Компренэ? савэ мюзикъ ву? на фортопьяно жуэ савэ?

Лежёнь понялъ, наконецъ, чего добивается помѣщикъ, и утвердительно закивалъ головой.

— Oui, monsieur, oui , oui , je suis musicien: je joue tous les instruments possibles! Oui, monsieur.... Sauvez moi, monsieur!

— Ну, счастливъ твой Богъ, возразилъ помѣщикъ.... Ребята, отпустите его; вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Лежёня посадили въ сани. Онъ задыхался отъ радости, плакалъ, дрожалъ, клянялся, благодарилъ помѣщика, кучера, мужиковъ. На немъ была одна зеленая фуфайка съ розовыми лентами, а морозъ трещалъ на славу. Помѣщикъ молча глянулъ на его посинѣвшіе и окоченѣлые члены , завернулъ несчастнаго въ свою шубу и привезъ его домой. Дворня сбѣжалась. Француза на-скоро отогрѣли, накормили и одѣли. Помѣщикъ повелъ его къ своимъ дочерямъ.

— Вотъ, дѣти, сказалъ онъ имъ:—учитель вамъ сысканъ. Вы все приставали ко мнѣ: выучи-де насъ музыкѣ и французскому діалекту: вотъ вамъ и Французъ, и на фортопьянахъ играетъ.... Ну, мусье, продолжалъ онъ, указывая на дрянныя фортепьянишки , купленныя имъ за пять лѣтъ у жида , который, впрочемъ, торговалъ одеколономъ: — покажи намъ свое искусство: жуэ!

Лежёнь съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ на стулъ: онъ отъ роду и не касался фортепьянъ.

— Жуэ-же, жуэ-же! повторилъ помѣщикъ.

Съ отчаяньемъ ударилъ бѣднякъ по клавишамъ , словно по барабану, заигралъ, какъ попало.... «Я такъ и думалъ», разсказывалъ онъ потомъ, «что мой спаситель схватитъ меня за воротъ и выброситъ вонъ изъ дому». Но , къ крайнему изумленію невольнаго импровизатора , помѣщикъ , погодя немного, одобрительно потрепалъ его по плечу. «Хорошо, хорошо», промолвилъ онъ, «вижу, что знаешь; поди теперь отдохни».

Недѣли черезъ двѣ отъ этого помѣщика Лежёнь переѣхалъ къ другому , человѣку богатому и образованному , полюбился ему за веселый и кроткій нравъ , женился на его воспитанницѣ, поступилъ на службу, вышелъ въ дворяне, выдалъ свою дочь за Орловскаго помѣщика Лобызаньева, отставнаго драгуна и стихотворца, и переселился самъ на жительство въ Орелъ.

Вотъ этотъ-то самый Лежёнь, или, какъ теперь его называютъ, Францъ Иванычъ, и вошелъ при мнѣ въ комнату Овсяникова, съ которымъ онъ состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ....

Но, быть можетъ, читателю уже наскучило сидѣть со мною у однодворца Овсяникова, и потому я краснорѣчиво умолкаю.

ЛЬГОВЪ.

—

— Поѣдемте-ка въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды, уже извѣстный читателямъ, Ермолай: — мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣньемъ пока другой дичи (дѣло было въ началѣ сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бѣгать по полямъ за куропатками мнѣ надоѣло), я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ—большое степное село съ весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кой-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то-и-дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! — Мы пошли-было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во первыхъ, у самаго берега утка, птица осто-

рожная, не держится; во вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошнаго майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ, Ермолай:—дѣло не ладно: надо достать лодку..., Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ, намъ на встрѣчу, изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дрянная лягавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтовато-томъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блен-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами,—небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали,—все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:—я здѣшній охотникъ—Владиміръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ, занимающій роли первыхъ любовниковъ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почи-

тывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами; волокита тоже, должно быть, былъ страшный и, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣвалъ: русскія дѣвушки любятъ краснорѣчіе. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно, но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ неслишкомъ образованный и уже вовсе не «субтильный», началъ-было его «тыкать». Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-съ....

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, возразилъ онъ:—это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать—въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, при чемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка̀ есть дощаникъ (*), замѣтилъ Влидиміръ:—да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви. Разсматривая могилы на кладбищѣ, наткнулся я на почернѣвшую, четыреугольную урну съ слѣдующими надписями: на одной сторонѣ, французскими буквами: «Ci gît Théophile Henri, vicomte de Blangy; на другой: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло французскаго подданнаго, графа Бланжія; родился 1737,, умре 1799 года всего житія его было 62 года»; на третьей: «миръ его праху»; а на четвертой:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ французскій эмигрантъ;
Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ.
Супругу и семью оплакавъ избіянну,
Покинулъ родину, тиранами попранну;
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостепріемный кровъ;
Училъ дѣтей, родителей покоилъ....
Всевышній судія его здѣсь успокоилъ».

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ—прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный, Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ:—да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай: — паклей заткнуть можно.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыбаловъ.

(*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Какъ-же это ты рыбаловъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю:—поди достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ. Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья:—да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины (*).

— Однако-же, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ:—такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ,—а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличья, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ, по старой привычкѣ, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, началъ я:—давно ты здѣсь рыбакомъ.

— Седьмой годъ пошелъ, отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

— А прежде чѣмъ ты занимался?

— Прежде ѣздилъ кучеромъ.

— Кто-жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

(*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

— А что̀ насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофѣвна, толстая такая.... не молодая.

— Съ чего-жъ она вздумала тебя въ рыбаловы произвести?

— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ.... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: кучеромъ.—Кучеромъ? ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, а будь у меня рыболовомъ и бороду сбрѣй. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?... Съ тѣхъ поръ вотъ я въ рыболовахъ и числюсь.—Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ.... А какъ его содержать въ порядкѣ?

— Чьи-же вы прежде были?

— А Сергѣя Сергѣича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами недолго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то вотъ я кучеромъ и ѣздилъ.... да не въ городѣ—тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.

— И ты съ молоду все былъ кучеромъ?

— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ,—но не городскимъ тоже поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.

— У кого-жь ты былъ поваромъ?

— А у прежняго барина, у Аѳанасія Неѳедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Аѳанасій Неѳедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣичу имѣнье-то по наслѣдствію досталось.

— У кого купилъ?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вотъ, что̀ въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ... то-бишь подъ Карачевымъ, въ дѣвкахъ... И замужемъ не бывала. Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча. Она таки долгонько нами владѣла.... годиковъ двадцать.

— Что-жь ты и у ней былъ поваромъ?

— Сперва точно былъ поваромъ, а то и въ кофишенки попалъ.

— Во что?

— Въ кофишенки.

— Это что̀ за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время былъ кофишенкомъ?

— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.

— Неужели?

— Какъ-же, былъ.... на кеятрѣ игралъ. Барыня наша кеятръ у себя завела.

— Какія-же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что̀ ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори, — я и говорю. Разъ слѣпаго представлялъ.... Какъ-же!

— А потомъ чѣмъ былъ?

— А потомъ опять въ повара поступилъ.

— За что̀ же тебя опять въ повара разжаловали?

— А братъ у меня сбѣжалъ.

— Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?

— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.

— Доѣзжачимъ?... И съ собаками ѣздилъ?

— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадью упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій: велѣлъ меня выпороть, да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.

— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?

— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ.

— Какое-жь тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?

— Стало быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ,—меня въ деревню и вернули.

— Когда-же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучокъ приподнялъ свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.

— Да развѣ этому учатся?... Стряпаютъ-же бабы!

— Ну, примолвилъ я:—видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что-жь ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другаго, такого-же, какъ я, старика—Андрея Пупыря—въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть.... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ!... А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало говоритъ: вѣдь живу-же я такъ, въ дѣвкахъ; что за баловство! чего имъ надо?

— Чѣмъ-же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!... Харчи выдаются,—и то слава Тебѣ, Господи! много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка, произнесъ онъ сурово. Ступай за шестомъ—ты!...

Сучокъ побѣжалъ за шестомъ. Во все время моего разговора съ бѣднымъ старикомъ, охотникъ Владиміръ поглядывалъ на него съ презрительной улыбкой.

— Глупый человѣкъ-съ, промолвилъ онъ, когда тотъ ушелъ:—совершенно необразованный человѣкъ-съ, мужикъ-съ, больше ничего-съ. Дворовымъ человѣкомъ его назвать нельзя-съ... и все хвасталъ-съ.... Гдѣ-жь ему быть актеромъ-съ, сами

извольте разсудить–съ! Напрасно изволили безпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать–съ.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ дощаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегуді–ила.) Намъ не очень было ловко, но охотники народъ не разборчивый. У тупого, задняго конца стоялъ Сучокъ и «пихался»; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самого носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, «срывались» съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними, и весело было видѣть, какъ эти кургузыя, тяжелыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли, иныя, убитыя на–повалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все–таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно, я — довольно плохо по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: «вонъ, вонъ еще утица»!—то и дѣло почесывалъ спину—не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молніе Ермолай.

— Тьфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку:—что это у тебя за лодка?

— Виноватъ, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты....

Но Владиміру было ужь не до возраженій: онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся: кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ,

росли тростники ; вдали, надъ ихъ верхушками , виднѣлся берегъ. «Плохо»! подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ , посмотримъ; не ночевать–же здѣсь, отвѣтилъ онъ. На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду сыщу бродъ , продолжалъ Ермолай, съ увѣренностью, какъ–будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ,—взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ–за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь , совершенно успокоенный , только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ–съ, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межь собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами , иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, «коломъ», и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ , къ неописанной нашей радости , Ермолай вернулся.

— Ну, что ?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ.... Пойдемте.

Мы хотѣли–было тотчасъ–же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку , привязалъ убитыхъ утокъ за лапки , взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ–сотъ шаговъ. Ермолай

шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: «лѣвѣй, — тутъ на право колдобина!» или: «правѣй,—тутъ на лѣво завязнешь».... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри.—«Ну, ну, ну!» грозно кричалъ на него Ермолай,— и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно подчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся.) Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, по-видимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ.... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мелче и мелче, словно вымытая, расчесанная волна.... На селѣ раздавались пѣсни.

БѢЖИНЪ ЛУГЪ.

—

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце—не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное—мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра.... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи,—и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями, подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы. Они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ:

нигдѣ ни темнѣетъ, ни густѣетъ гроза, развѣ, кой-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы,—то сѣется едва замѣтный дождь. Къ-вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось, такъ-же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «пàритъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты—несомнѣнный признакъ постоянной погоды—высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба....

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Черньскомъ уздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ—направо и низенькой бѣлой церковью—въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной, возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся.... «Эге!» подумалъ я, «да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатерью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая

влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. «Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ», думалъ я про себя, «тутъ сейчасъ и будетъ дорога,—а съ версту крюку я далъ!»

Я добрался наконецъ до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошеные, низкіе кусты широко разстилались передо мной, а за ними, далёко, далёко, виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. «Что̀ за притча?... Да гдѣ-же я?» — Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіи дня.... «Э! да это Парахинскіе кусты»! воскликнулъ я наконецъ; «точно! вонъ это дожно быть Синдѣевская роща.... Да какъ-же это я сюда зашелъ такъ далеко?... Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ, съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то не торная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало,—одни перепела̀ изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрёлъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ, за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Побѣднѣвшее небо стало опять синѣть,—но то̀ уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что̀ я было принялъ за рощу оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. «Да гдѣ-же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго

совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—казалось, они сползлись туда для тайнаго совѣщанія,—и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—на-удалую.... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ-роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался—было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка обгибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы....

Я узналъ наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится

въ нашихъ околодкахъ подъ названіемъ Бѣжина Луга.... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости,— я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ; но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два–три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой–нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ–будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ. Острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда,

когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что̀ дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума.... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной.... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ-же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ, слегка визжали, какъ-бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь-же познакомить съ ними читателя.)

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полу-веселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубинькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голени-

щами были точно его сапоги—не отцовскіе. У втораго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый,—что̀ и говорить!—а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились, — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ,—на его языкѣ покрайней мѣрѣ,—не было словъ. Онъ весь былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

И такъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все-также на-

пряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда–то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ–бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что-жъ ты, такъ и видѣлъ домоваго?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица: — а слышалъ.... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ (*).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какже, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ (**).

— Вишь ты—фабричные!...

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? спросилъ Ѳеда.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки: всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ, что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой прійдетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдей–отъ, проговорить, какъ вдругъ кто–то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали–то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ

(*) «Рольней» или «черпальней» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Она находится у самой плотины, подъ колесомъ.

(**) «Лисовщики» гладятъ, скоблятъ бумагу.

по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца–то (*) спущены. Дивимся мы:—кто-жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ.... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего.... Вдругъ, глядь, у одного чана форма (**) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ей полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто–то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ.... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли.... Ужь какже мы напужались о ту пору!

— Вишь, какъ! промолвилъ Павелъ. Чего-жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что, спросилъ Ѳедя:—картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки:—должно быть, щука.... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ: — послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да, знаемъ.

— А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все мол-

(*) «Дворцомъ» называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

(**) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

читъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ куды зашелъ. Ужь онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найдти дороги; а ужь ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ: кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ,—опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется.... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ,—все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный.... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ эдакъ рукой зоветъ. Ужь Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ.... А ужь какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои, говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается.... Ахъ, ты эдакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ.... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что̀ твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься-бы тебѣ», говоритъ, «человѣче, жить-бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся-же и ты до конца дней.» Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйдти.... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья: — да какже это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить,—онъ-же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты! сказалъ Костя. И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?... А знать онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! подхватилъ Ильюша. Какже! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя: — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно,—рѣка близко.

Всѣ смолки. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, — и какъ-будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ-будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули....

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ:—чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся.) Что-же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, рѣбятки, началъ Ильюша: —что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужь нечистое

мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли (*) водются.

— Ну что такое случилось? сказывай....

— А вотъ—что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ.... Вотъ, на дняхъ зоветъ прикащикъ псаря Ермила: говоритъ, ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужь онъ хмѣленъ. А ночь и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ!... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужь его дорога вышла. Ѣдетъ онъ эдакъ, псарь Ермилъ, и видитъ у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки.... Но а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю, что, молъ, не помню я, чтобы эдакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего, сталъ онъ его эдакъ по шерсти гладить,—говоритъ: «бяша, бяша»! А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша»....

Не успѣлъ разскащикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся.... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго та-

(*) По Орловскому: змѣи.

буна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!»... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека.... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ-бы выжидая, что-то будетъ.... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? спросили мальчики.

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:— такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка.... «Что за славный мальчикъ!» думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что-ли, волковъ-то? спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь мно́го, отвѣчалъ Павелъ: да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Илюшка, страхи разсказывалъ, заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ-же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять. А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы?... Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все эдакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ по-

встрѣчалъ.—Что, молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ-же послѣ этого Трофимычъ.... Ну, и что-жь тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо—разрывъ-травы.

— А на что тебѣ, батюшка Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?

— Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ: вонъ хочется, вонъ....

— Вишь какой! замѣтилъ Ѳедя:—мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! промолвилъ Костя:—я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья.... Но а въ родительскую субботу ты можешь и живаго увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну и видѣла она кого-нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какже. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала.... только все какъ-будто собачка эдакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то.... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ....

— Тотъ, что умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ.... А узнала его Ульяна.... Но, а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться,—ахъ, ты, Господи!—сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? спросилъ Ѳедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну что-жь, вѣдь, она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженныя концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись бѣлый голубокъ, — налетѣлъ прямо въ это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ. Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, промолвилъ Костя:—не правѣдная-ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя:—что у васъ тоже въ Шалашовѣ было видать предвидѣнье-то небесное (*)?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какже.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ-та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: «кому теперь ѣсть», говоритъ, «наступило свѣтопреставленіе». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей есть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку (**) увидятъ.

— Какого это Тришку? спросилъ Костя.

(*) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

(**) Въ повѣрьи о «Тришкѣ», вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

— А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Ильюша:—ну, братъ, откентелева–же ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужь точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который прійдетъ, а прійдетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужь будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадютъ, на–примѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется—они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій....ну а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего.... Ужь такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ:—такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и прійдетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что̀ будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ Слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная.... всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!» да кто куды. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою-же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ; присѣлъ, да и давай кричать перепѣломъ: «авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ.» Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на от-

крытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли.... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе....

Костя вздрогнулъ.... «Что это?»

— Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, повторилъ Костя.... А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного:— ты, можетъ быть, знаешь....

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью (*) выходитъ,—тамъ, вѣдь, есть бучило (**); знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у.... у-у.... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ-бы и заплакалъ.... Что-бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, замѣтилъ Павлуша: — такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза.... Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я-бы еще не такъ напужался.

(*) Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

(**) Бучило—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, продолжалъ Павелъ:—которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки.... какія это.... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой.) Экъ ее! невольно произнесъ Костя:—словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, подхватилъ Ильюша:—онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ....

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что-ли? насмѣшливо перебилъ его Ѳедя,

— Нѣтъ не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другіе видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны.... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный эдакъ, словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ....

— Эхъ ты! воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ плечами:—пфу!...

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ! — не понимаю.

— Не бранись: смотри, услышитъ, замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и нескоро опустились.

— А что, Ваня, ласково заговорилъ Ѳедя:—что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?...

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ?

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужь лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою головку на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть? сказалъ Ѳедя:—онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду.... А какое упалъ?... Во–вонъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда–ли, спросилъ Костя: — что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ.... Какова теперь! Но а, говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

— А, говорятъ, продолжалъ Костя: — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Оттого самого.

— А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ, отвѣчалъ Костя: — въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужь какой-же мальчикъ былъ! ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужь какъ-же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться,— она такъ вся и встрепещится. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на земь и станетъ его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!» — И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ-же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужь одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ:—прійдетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все таку пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится....

— А вотъ Павлуша идетъ, молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что, ребята, началъ онъ, помолчавъ:—неладно дѣло.

— А что? торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты? пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъподъ воды: «Павлуша, а, Павлуша, подь сюда». Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь, это тебя водяной звалъ, Павелъ, прибавилъ Ѳедя.... А мы только-что о немъ, о Васѣ-то говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ-бы собираясь спать.

— Что это? спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда-жь они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все также великолѣпна, какъ и прежде.... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ-бодто разливалась сырость.... Не долги лѣтнія ночи!... Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями.... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть-брезжущемъ, слабо-льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы.... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой

дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

— Я кивнулъ ему головой и пошелъ во свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойдти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ....

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ-же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

КАСЬЯНЪ СЪ КРАСНОЙ МЕЧИ.

—

Я возвращался съ охоты въ тряской телѣжкѣ и, подавленный душнымъ зноемъ лѣтняго облачнаго дня (извѣстно, что въ такіе дни жара бываетъ иногда еще несноснѣе, чѣмъ въ ясные, особенно, когда нѣтъ вѣтра), дремалъ и покачивался, съ угрюмымъ терпѣніемъ, предавая всего себя на съѣденіе мелкой, бѣлой пыли, безпрестанно поднимавшейся съ выбитой дороги изъ-подъ разсохшихъ и дребезжавшихъ колесъ,—какъ вдругъ вниманіе мое было возбуждено необыкновеннымъ безпокойствомъ и тревожными тѣлодвиженіями моего кучера, до этого мгновенія еще крѣпче дремавшаго, чѣмъ я. Онъ задергалъ возжами, завозился на облучкѣ и началъ покрикивать на лошадей, то-и-дѣло поглядывая куда-то въ сторону. Я осмотрѣлся. Мы ѣхали по широкой распаханной равнинѣ; чрезвычайно пологими, волнообразными раскатами сбѣгали въ нее невысокіе, тоже распаханные холмы; взоръ обнималъ всего какихъ-нибудь пять верстъ пустыннаго пространства: вдали—небольшія березовыя рощи своими округленно-зубчатыми верхушками однѣ нарушали почти прямую черту небосклона. Узкія тропинки тянулись по полямъ, пропадали въ лощинкахъ, вились по пригоркамъ, и на одной изъ нихъ, которой въ пяти-стахъ шагахъ впереди отъ насъ приходилось пересѣкать нашу дорогу, различилъ я какой-то поѣздъ. На него-то поглядывалъ мой кучеръ.

Это были похороны. Впереди телѣги, запряженной одной лошадкой, шагомъ ѣхалъ священникъ; дьячокъ сидѣлъ возлѣ него и правилъ; за телѣгой четыре мужика, съ обнаженными головами, несли гробъ, покрытый бѣлымъ полотномъ; двѣ бабы шли за гробомъ. Тонкій, жалобный голосокъ одной изъ нихъ вдругъ долетѣлъ до моего слуха; я прислушался: она голосила. Уныло раздавался среди пустыхъ полей этотъ переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напѣвъ. Кучеръ погналъ лошадей: онъ желалъ предупредить этотъ поѣздъ. Встрѣтить на дорогѣ покойника—дурная примѣта. Ему дѣйствительно удалось проскакать по дорогѣ прежде чѣмъ покойникъ успѣлъ добраться до нея; но мы еще не отъѣхали и ста шаговъ, какъ вдругъ нашу телегу сильно толкнуло: она накренилась, чуть не завалилась. Кучеръ остановилъ разбѣжавшихся лошадей, махнулъ рукой и плюнулъ.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

Кучеръ мой слѣзъ молча и не торопясь.

— Да что такое?

— Ось сломалась.... перегорѣла, мрачно отвѣчалъ онъ, и съ такимъ негодованіемъ поправилъ вдругъ шлею на пристяжной, что та совсѣмъ покачнулась-было на бокъ, однако устояла, фыркнула, встряхнулась и преспокойно начала чесать себѣ зубомъ ниже колѣна передней ноги.

Я слѣзъ и постоялъ нѣкоторое время на дорогѣ, смутно предаваясь чувству непріятнаго недоумѣнія. Правое колесо почти совершенно подвернулось подъ телѣгу и, казалось, съ нѣмымъ отчаяніемъ поднимало кверху свою ступицу.

— Что теперь дѣлать? спросилъ я наконецъ.

— Вонъ кто виноватъ! сказалъ мой кучеръ, указывая кнутомъ на поѣздъ, который успѣлъ уже свернуть на дорогу и приближался къ намъ:—ужь я всегда это замѣчалъ, продолжалъ онъ:—это примѣта вѣрная—встрѣтить покойника.... Да.

И онъ опять обезпокоилъ пристяжную, которая, видя его нерасположеніе и суровость, рѣшилась остаться неподвижною, и только изрѣдка и скромно помахивала хвостомъ. Я походилъ немного взадъ и впередъ и опять остановился передъ колесомъ.

Между-тѣмъ покойникъ нагналъ насъ. Тихо свернувъ съ

дороги на траву, потянулось мимо нашей телѣги печальное шествіе. Мы съ кучеромъ сняли шапки, раскланялись съ священникомъ, переглянулись съ носильщиками. Они выступа́ли съ трудомъ; высоко подымались ихъ широкія груди. Изъ двухъ бабъ, шедшихъ за гробомъ, одна была очень стара и блѣдна; неподвижныя ея черты, жестоко искаженныя горестью, хранили выраженіе строгой, торжественной важности. Она шла молча, изрѣдка поднося худую руку къ тонкимъ, ввалившимся губамъ. У другой бабы, молодой женщины лѣтъ двадцати-пяти, глаза были красны и влажны, и все лицо опухло отъ плача; поровнявшись съ нами, она перестала голосить и закрылась рукавомъ.... Но вотъ покойникъ миновалъ насъ, выбрался опять на дорогу, и опять раздалось ея жалобное, надрывающее душу пѣніе. Безмолвно проводивъ глазами мѣрно колыхавшійся гробъ, кучеръ мой обратился ко мнѣ.

— Это Мартына плотника хоронятъ, заговорилъ онъ:—что̀ съ Рябой.

— А ты почему знаешь?

— Я по бабамъ узналъ. Старая-то его мать, а молодая—жена.

— Онъ боленъ былъ, что-ли?

— Да.... горячка.... Третьяго дня за дохтуромъ посылалъ управляющій, да дома дохтура не застали.... А плотникъ былъ хорошій; зашибалъ маненько, а хорошій былъ плотникъ. Вишь баба-то его какъ убивается.... Ну, да, вѣдь, извѣстно: у бабъ слезы-то некупленныя. Бабьи слезы таже вода.... Да.

И онъ нагнулся, пролѣзъ подъ поводомъ пристяжной и ухватился обѣими руками за дугу.

— Однако, замѣтилъ я:—что̀-жь намъ дѣлать?

Кучеръ мой сперва уперся колѣномъ въ плечо коренной, тряхнулъ раза два дугой, поправилъ сѣделку, потомъ опять пролѣзъ подъ поводомъ пристяжной и, толкнувъ ее мимоходомъ въ морду, подошелъ къ колесу—подошелъ и, не спуская съ него взора, медленно досталъ изъ-подъ полы кафтана тавлинку, медленно вытащилъ за ремешекъ крышку, медленно всунулъ въ тавлинку своихъ два толстыхъ пальца (и два-то едва въ ней умѣстились), помялъ-помялъ табакъ, перекосилъ заранѣе носъ, понюхалъ съ разстановкой, сопровождая каждый пріемъ

продолжительнымъ кряхтѣніемъ, и, болѣзненно щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился въ глубокое раздумье.

— Ну, что? проговорилъ я, наконецъ.

Кучеръ мой бережно вложилъ тавлинку въ карманъ, надвинулъ шляпу себѣ на брови, безъ помощи рукъ, однимъ движеніемъ головы, и задумчиво полѣзъ на облучекъ.

— Куда-же ты? спросилъ я его не безъ изумленія.

— Извольте садиться, спокойно отвѣчалъ онъ и подобралъ возжи.

— Да, какъ-же, мы поѣдемъ?

— Ужь поѣдемъ-съ.

— Да ось....

— Извольте садиться.

— Да ось сломалась....

— Сломалась-то она, сломалась; ну а до выселокъ доберемся.... шагомъ, то есть. Тутъ вотъ за рощей направо есть выселки: Юдиными прозываются.

— И ты думаешь, мы доѣдемъ?

Кучеръ мой не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Я лучше пѣшкомъ пойду, сказалъ я.

— Какъ угодно-съ....

И онъ махнулъ кнутомъ. Лошади тронулись.

Мы дѣйствительно добрались до выселковъ, хотя правое переднее колесо едва держалось и необыкновенно странно вертѣлось. На одномъ пригоркѣ оно чуть-чуть не слетѣло; но кучеръ мой закричалъ на него озлобленнымъ голосомъ, и мы благополучно спустились.

Юдины выселки состояли изъ шести низенькихъ и маленькихъ избушекъ, уже успѣвшихъ скривиться набокъ, хотя ихъ, вѣроятно, поставили недавно; дворы не у всѣхъ были обнесены плетнемъ. Въѣзжая въ эти выселки, мы не встрѣтили ни одной живой души; даже куриц не было видно на улицѣ, даже собакъ; только одна, черная, съ куцымъ хвостомъ, торопливо выскочила при насъ изъ совершенно высохшаго корыта, куда ее должно быть загнала жажда, и тотчасъ, безъ лая, опрометью бросилась подъ вороты. Я зашелъ въ первую избу, отворилъ дверь въ сѣни, окликнулъ хозяевъ,—никто не отвѣчалъ мнѣ. Я кликнулъ еще разъ: голодное мяуканье разда-

лось за другой дверью. Я толкнулъ ее ногой: худая кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ во тьмѣ зелеными глазами. Я всунулъ голову въ комнату, посмотрѣлъ: темно, дымно и пусто. Я отправился на дворъ, и тамъ никого не было.... Въ загородкѣ теленокъ промычалъ; хромой, сѣрый гусь отковылялъ немного въ сторону. Я перешелъ во вторую избу,—и во второй избѣ ни души. Я на дворъ....

По самой серединѣ ярко освѣщеннаго двора, на самомъ, какъ говорится, припёкѣ, лежалъ, лицомъ къ землѣ и накрывши голову армякомъ, какъ мнѣ показалось, мальчикъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, возлѣ плохой телѣженки, стояла, подъ соломеннымъ навѣсомъ, худая лошаденка въ оборванной сбруѣ. Солнечный свѣтъ, падая струями сквозь узкія отверстія обветшалаго намета, пестрилъ небольшими свѣтлыми пятнами ея косматую красно-гнѣдую шерсть. Тутъ-же, въ высокой скворешницѣ болтали скворцы, съ спокойнымъ любопытствомъ поглядывая внизъ изъ своего воздушнаго домика. Я подошелъ къ спящему, началъ его будить....

Онъ поднялъ голову, увидалъ меня и тотчасъ вскочилъ на ноги.... «Что? что надо? что такое?» забормоталъ онъ съ-просонья.

Я не тотчасъ ему отвѣтилъ: до того поразила меня его наружность. Вообразите себѣ карлика лѣтъ пятидесяти съ маленькимъ, смуглымъ и сморщеннымъ лицомъ, острымъ носикомъ, карими, едва замѣтными, глазками и курчавыми, густыми, черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко сидѣли на крошечной его головкѣ. Все тѣло его было чрезвычайно щедушно и худо, и рѣшительно нельзя передать словами, до чего былъ необыкновененъ и страненъ его взглядъ.

— Что надо? спросилъ онъ меня опять.

Я объяснилъ ему, въ чемъ было дѣло; онъ слушалъ меня, не спуская съ меня своихъ медленно моргавшихъ глазъ.

— Такъ нельзя-ли намъ новую ось достать? сказалъ я наконецъ:—я-бы съ удовольствіемъ заплатилъ.

— А вы кто такія? охотники, что-ли? спросилъ онъ, окинувъ меня взоромъ съ ногъ до головы.

— Охотники.

— Пташекъ небесныхъ стрѣляете, небось?... звѣрей лѣс-

ныхъ?... И не грѣхъ вамъ Божьихъ пташекъ убивать, кровь проливать неповинную?

Странный старичекъ говорилъ очень протяжно. Звукъ его голоса также изумилъ меня. Въ немъ не только не слышалось ничего дряхлаго,—онъ былъ удивительно сладокъ, молодъ и почти женски нѣженъ.

— Оси у меня нѣтъ, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—эта вотъ не годится (онъ указалъ на свою телѣжку), —у васъ, чай, телѣга большая.

— А въ деревнѣ найдти можно?

— Какая тутъ деревня!... Здѣсь ни у кого нѣтъ.... Да и дома нѣтъ никого: всѣ на работѣ. Ступайте, промолвилъ онъ вдругъ, и легъ опять на землю.

Я никакъ не ожидалъ этого заключенія.

— Послушай, старикъ, заговорилъ я, коснувшись до его плеча:—сдѣлай одолженіе, помоги.

— Ступайте съ Богомъ ! Я усталъ: въ городъ ѣздилъ , сказалъ онъ мнѣ, и потащилъ себѣ армякъ на голову.

— Да сдѣлай-же одолженіе, продолжалъ я: — я.... я заплачу.

— Не надо мнѣ твоей платы.

— Да пожалуй-ста, старикъ....

Онъ приподнялся до половины и сѣлъ, скрестивъ свои тонкія ножки.

— Я-бы тебя свелъ, пожалуй, на ссѣчки (*). Тутъ у насъ купцы рощу купили,—Богъ имъ судья, изводятъ рощу-то, и контору выстроили, Богъ имъ судья. Тамъ-бы ты у нихъ ось и заказалъ, или готовую купилъ.

— И прекрасно! радостно воскликнулъ я. Прекрасно!... пойдемъ.

— Дубовую ось, хорошую, продолжалъ онъ, не поднимаясь съ мѣста.

— А далеко до тѣхъ ссѣчекъ?

— Три версты,

— Ну что-жъ! мы можемъ на твоей телѣжкѣ доѣхать.

(*) Срубленное мѣсто въ лѣсу.

— Да нѣтъ....

— Ну, пойдемъ, сказалъ я: — пойдемъ, старикъ! Кучеръ насъ на улицѣ дожидается.

Старикъ неохотно всталъ и вышелъ за мной на улицу. Кучеръ мой находился въ раздраженномъ состояніи духа: онъ собрался было попоить лошадей, но воды въ колодцѣ оказалось чрезвычайно мало, и вкусъ ея былъ нехорошій, а это, какъ говорятъ кучера, первое дѣло.... Однако, при видѣ старика, онъ осклабился, закивалъ головой и воскликнулъ:

— А, Касьянушка? здорово!

— Здорово, Ерофей, справедливый человѣкъ! отвѣчалъ Касьянъ уныломъ голосомъ.

Я тотчасъ сообщилъ кучеру его предложеніе; Ерофей объявилъ свое согласіе и въѣхалъ на дворъ. Пока онъ, съ обдуманной хлопотливостью, отпрягалъ лошадей, старикъ стоялъ, прислонясь плечомъ къ воротамъ, и невесело посматривалъ то на него, то на меня. Онъ какъ-будто недоумѣвалъ: его, сколько я могъ замѣтить, неслишкомъ радовало наше внезапное посѣщеніе.

— А развѣ и тебя переселили? спросилъ его вдругъ Ерофей, снимая дугу.

— И меня.

— Экъ! проговорилъ мой кучеръ сквозь зубы. — А знаешь, Мартынъ-то плотникъ.... ты, вѣдь, Рябовскаго Мартына знаешь?

— Знаю.

— Ну, онъ умеръ. Мы сейчасъ его гробъ повстрѣчали.

Касьянъ вздрогнулъ.

— Умеръ? проговорилъ онъ и потупился.

— Да, умеръ. Что-жъ ты его не вылѣчилъ, а? Вѣдь, ты, говорятъ, лечишь: ты лѣкарка.

Мой кучеръ видимо потѣшался, глумился надъ старикомъ.

— А это твоя телѣга, что-ли? прибавилъ онъ, указывая на нее плечомъ.

— Моя.

— Ну, телѣга.... телѣга! повторилъ онъ, и, взявъ ее за оглобли, чуть не опрокинулъ кверху дномъ.... Телѣга!...

А на чемъ-же вы на ссѣчки поѣдете?... Въ эти оглобли нашу лошадь не впряжешь: наши лошади большія,—а это что такое?

— А не знаю, отвѣчалъ Касьянъ: — на чемъ вы поѣдете: развѣ вотъ на этомъ животикѣ, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— На этомъ-то? подхватилъ Ерофей и, подойдя къ Касьяновой кляченкѣ, презрительно ткнулъ ее третьимъ пальцемъ правой руки въ шею. — Ишь, прибавилъ онъ съ укоризной:— заснула ворона!

Я попросилъ Ерофея заложить ее поскорѣй. Мнѣ самому захотѣлось съѣздить съ Касьяномъ на ссѣчки: тамъ часто водятся тетеревà. Когда уже телѣжка была совсѣмъ готова, и я кое-какъ вмѣстѣ съ своей собакой уже умѣстился на ея покороблennомъ лубочномъ днѣ, и Касьянъ, сжавшись въ комочекъ и съ прежнимъ унылымъ выраженіемъ на лицѣ, тоже сидѣлъ на передней грядкѣ,—Ерофей подошелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— И хорошо сдѣлали, батюшка, что съ нимъ поѣхали. Вѣдь, онъ такой; вѣдь онъ юродивецъ, и прозвище-то ему Блоха. Я не знаю, какъ вы понять-то его могли....

Я хотѣлъ было замѣтить Ерофею, что до сихъ поръ Касьянъ мнѣ казался весьма разсудительнымъ человѣкомъ, но кучеръ мой тотчасъ продолжалъ тѣмъ-же голосомъ:

— Вы только смотрите, того, туда-ли онъ васъ привезетъ. Да ось-то сами извольте выбрать: поздоровѣе ось извольте взять.... А что, Блоха, прибавилъ онъ громко:—что у васъ, хлѣбушкомъ можно разжиться?

— Поищи; можетъ найдется, отвѣчалъ Касьянъ, дернулъ возжами, и мы покатили.

Лошадка его, къ истинному моему удивленію, бѣжала очень недурно. Въ теченіи всей дороги Касьянъ сохранялъ упорное молчаніе и на мои вопросы отвѣчалъ отрывисто и нехотя. Мы скоро доѣхали до ссѣчекъ, а тамъ добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей надъ небольшимъ оврагомъ, на скорую руку перехваченнымъ плотиной и превращеннымъ въ прудъ. Я нашелъ въ этой конторѣ двухъ молодыхъ купеческихъ прикащиковъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой рѣчью и сладкоплутоватой улыбочкой, сторговалъ у нихъ ось и отправился на ссѣчки. Я думалъ, что

Касьянъ останется при лошади, будетъ дожидаться меня, но онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ.

— А что, пташекъ стрѣлять идешь? заговорилъ онъ:—а?

— Да, если найду.

— Я пойду съ тобой.... Можно?

— Можно, можно.

И мы пошли. Вырубленнаго мѣста было всего съ версту. Я, признаюсь, больше глядѣлъ на Касьяна, чѣмъ на свою собаку. Недаромъ его прозвали Блохой. Его черная, ничѣмъ не прикрытая головка (впрочемъ, его волосы могли замѣнить любую шапку) такъ и мелькала въ кустахъ. Онъ ходилъ необыкновенно проворно и словно все подпрыгивалъ на ходу, безпрестанно нагибался, срывалъ какія-то травки, совалъ ихъ за пазуху, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ. Въ низкихъ кустахъ, «въ мелочахъ», и на ссѣчкахъ часто держатся маленькія сѣрыя птички, которыя то-и-дѣло перемѣщаются съ деревца на деревцо и посвистываютъ, внезапно ныряя на лету. Касьянъ ихъ передразнивалъ, перекликался съ ними; поршокъ (*) полетѣлъ, чиликая, у него изъ-подъ ногъ, — онъ зачиликалъ ему вслѣдъ; жаворонокъ сталъ спускаться надъ нимъ, трепеща крылами и звонко распѣвая— Касьянъ подхватилъ его пѣсенку. Со мной онъ все не заговаривалъ....

Погода была прекрасная, еще прекраснѣй, чѣмъ прежде; но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія и продолговатыя, какъ опустившіеся паруса. Ихъ узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновеніемъ: они таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни. Мы долго бродили съ Касьяномъ по ссѣчкамъ. Молодые отпрыски, еще не успѣвшіе вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почернѣвшіе, низкіе пни; круглые губчатые наросты съ сѣрыми каймами, тѣ самые

(*) Молодой перепелъ.

наросты, изъ которыхъ вываривaютъ трутъ, лѣпились къ этимъ пнямъ; земляника пускала по нимъ свои розовые усики; грибы тутъ-же тѣсно сидѣли семьями. Ноги безпрестанно путались и цѣплялись въ длинной травѣ, пресыщенной горячимъ солнцемъ; всюду рябило въ глазахъ отъ рѣзкаго металлическаго сверканія молодыхъ, красноватыхъ листьевъ на деревцахъ; всюду пестрѣли голубые гроздья журавлинаго гороху, золотыя чашечки куриной слѣпоты, на половину лиловые, на половину желтые цвѣты ивана-да-марьи; кой-гдѣ, возлѣ заброшенныхъ дорожекъ, на которыхъ слѣды колесъ обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дровъ, тоже потемнѣвшихъ отъ вѣтра и дождя, сложенныя саженями; слабая тѣнь падала отъ нихъ косыми четвероугольниками,—другой тѣни не было нигдѣ. Легкій вѣтерокъ то просыпался, то утихалъ: подуетъ вдругъ прямо въ лицо и какъ-будто разыграется,—все весело зашумитъ, закиваетъ и задвижется кругомъ, граціозно закачаются гибкіе концы папортниковъ,—обрадуешься ему.... но вотъ ужь онъ опять замеръ, и все опять стихло. Одни кузнечики дружно трещатъ, словно озлобленные, — и утомителенъ этотъ непрестанный, кислый и сухой звукъ. Онъ идетъ къ неотступному жару полудня; онъ словно рожденъ имъ, словно вызванъ имъ изъ раскаленной земли.

Не наткнувшись ни на одинъ выводокъ, дошли мы наконецъ до новыхъ сѣчекъ. Тамъ недавно срубленныя осины печально тянулись по землѣ, придавивъ собою и траву и мелкій кустарникъ; на иныхъ листья еще зеленые, но уже мертвые, вяло свѣшивались съ неподвижныхъ вѣтокъ; на другихъ они уже засохли и покоробились. Отъ свѣжихъ, золотистобѣлыхъ щепокъ, грудами лежавшихъ около ярко-влажныхъ пней, вѣяло особеннымъ, чрезвычайно пріятнымъ, горькимъ запахомъ. Вдали, ближе къ рощѣ, глухо стучали топоры, и по временамъ, торжественно и тихо, словно кланяясь и разширяя руки, спускалось кудрявое дерево....

Долго не находилъ я никакой дичи; наконецъ, изъ широкаго дубоваго куста, насквозь проросшаго полынью, полетѣлъ коростель. Я ударилъ; онъ перевернулся на воздухѣ и упалъ. Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядилъ ружья и не поднялъ коростеля.

Когда-же я отправился далѣе, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ упала убитая птица, нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня.... Я слышалъ послѣ, какъ онъ шепталъ: «Грѣхъ!... Ахъ, вотъ это грѣхъ!»

Жара заставила насъ наконецъ войдти въ рощу. Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ, и ихъ жидко-зеленоватыя тѣни тихо скользили взадъ и впередъ по его щедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ,—по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы. Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается надъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плёса, какъ-будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака, — и вотъ, вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагренные солнцемъ—все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ и поднимется свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь—вы глядите, и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите,— та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама, какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что

взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины....

— Баринъ, а баринъ! промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— Что тебѣ? спросилъ я.

— Ну для чего ты пташку убилъ? началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ для чего?... Коростель — это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да, вѣдь, ты самъ, небось, гусей или курицъ, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель — птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой, — и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла.... А человѣку пища положена другая, пища ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностію, изрѣдка закрывая глаза.

— Такъ и рыбу по твоему грѣшно убивать? спросилъ я.

— У рыбы кровь холодная, возразилъ онъ съ увѣренностію:— рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится: рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая.... Кровь, продолжалъ онъ, помолчавъ—святое дѣло кровь. Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется.... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ.... Охъ, великій!

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдины,

и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ обдуманно торжественный и странный.... Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— Скажи, пожалуйста, Касьянъ, началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвшагося лица: — чѣмъ ты промышляешь?

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновеніе.

— Живу, какъ Господь велитъ, промолвилъ онъ наконецъ:— а чтобы, то есть, промышлять—нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразумѣнъ я больно, съ мальства; работаю пока мочно,— работникъ-то я плохой.... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю.

— Соловьевъ ловишь?... А какъ-же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать?

— Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ хоть-бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и не долго жилъ и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ.... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжитъ, да и отъ нея не убѣжишь, да помогать ей не должно.... А я соловушекъ не убиваю, — сохрани Господи! Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселье.

— Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?

— Хожу я и въ Курскъ и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ ночую да въ залѣсьяхъ, въ полѣ ночую одинъ, во глуши: тутъ кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни стрекочутъ.... По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой кусты.... Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко-жалостно даже.

— И продаешь ты ихъ?

— Отдаю добрымъ людямъ.

— А что-жъ ты еще дѣлаешь?

— Какъ дѣлаю?

— Чѣмъ ты занятъ?

Старикъ помолчалъ.

— Ничѣмъ я эдакъ не занятъ.... Работникъ я плохой. Грамотѣ однако разумѣю.

— Ты грамотный?

— Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь да добрые люди.

— Что, ты семейный человѣкъ?

— Нѣту-ти, безсемейный.

— Что такъ?.... Перемерли, что-ли?

— Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ,—вотъ что! Богу угоденъ, то есть.

— И родни у тебя нѣтъ?

— Есть.... да.... такъ....

Старикъ замялся.

— Скажи, пожалуйста, началъ я: — мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылечилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лечить?

— Кучеръ твой справедливый человѣкъ, задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ: — а тоже не безъ грѣха. Лекаркой меня называютъ.... Какая я лекарка!... и кто можетъ лечить? Это все отъ Бога. А есть.... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ, точно. Вотъ хоть череда, напримѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ подорожникъ тоже; объ нихъ и говорить не зазорно: чистыя травки — Божія. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой, развѣ.... Ну, конечно, есть и слова такія.... А кто вѣруетъ—спасется, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ты ничего Мартыну не давалъ? спросилъ я.

— Поздно узналъ, отвѣчалъ старикъ.—Да что!—кому какъ на роду написано. Не жилецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жилецъ на землѣ: ужь это такъ. Нѣтъ ужь, какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другаго, и хлѣбушекъ тому не въ прокъ, —словно что его отзываетъ.... Да, упокой Господь его душу!

— Давно васъ переселили къ намъ? спросилъ я, послѣ небольшаго молчанія.

Касьянъ встрепенулся.

— Нѣтъ недавно: года четыре. При старомъ баринѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила.

Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ,— царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно ужь такъ пришлось.

— А вы гдѣ прежде жили?

— Мы съ Красивой Мечи.

— Далеко это отсюда?

— Верстъ сто.

— Что́–жь, тамъ лучше было?

— Лучше.... лучше. Тамъ мѣста привольныя, рѣчныя, гнѣздо наше; а здѣсь тѣснота, сухмень.... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой–то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь—и Господи, Боже мой, что́ это? а?... И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ какъ далеко видно.... смотришь, смотришь, ахъ ты, право! Ну, здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошій суглинокъ, говорятъ крестьяне, да съ меня хлѣбушка–то всюду вдоволь народится.

— А что̀, старикъ, скажи правду, тебѣ, чай, хочется на родинѣ–то побывать?

— Да, посмотрѣлъ-бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что̀! много, что-ли, домато высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь, подхватилъ онъ, возвысилъ голосъ:—и полегчеитъ право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу–то ты виднѣй, и поется–то ладнѣй. Тутъ, смотришь, — трава какая ростетъ; ну, замѣтишь — сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя.... А то за Курскомъ пойдутъ степи, эдакія степныя мѣста, вотъ удивленье, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія–то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки ростутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости.... И вотъ ужь я–бы туда пошелъ.... Вѣдь, я мало-ли куда ходилъ! И въ Ромёнъ ходилъ, и въ Синбирскъ–славный градъ, и въ самую Москву–золотыя маковки: ходилъ на Оку–кормилицу, и на Цну–голубку, и на Волгу–матушку, и много

людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ.... Ну вотъ, пошелъ-бы я туда.... и вотъ.... и ужь и.... И не одинъ я грѣшный.... много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ.... да!... А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ,— вотъ оно что....

Эти послѣднія слова Касьянъ произнесъ скороговоркой, почти невнятно; потомъ онъ еще что-то сказалъ, чего я даже разслышать не могъ, а лицо его такое странное приняло выраженіе, что мнѣ невольно вспомнилось названіе «юродивца». Онъ потупился, откашлянулся и какъ будто пришелъ въ себя.

— Эко, солнышко! промолвилъ онъ въ полголоса:—эка благодать, Господи! эка теплынь въ лѣсу!

Онъ повелъ плечами, помолчалъ, разсѣянно глянулъ и запѣлъ потихоньку. Я не могъ уловить всѣхъ словъ его протяжной пѣсенки; слѣдующія послышалися мнѣ:

А зовутъ меня Касьяномъ,
А по прозвищу Блоха....

« Э! » подумалъ я: — « да онъ сочиняетъ ».... Вдругъ онъ вздрогнулъ и умолкъ, пристально всматриваясь въ чащу лѣса. Я обернулся и увидѣлъ маленькую крестьянскую дѣвочку, лѣтъ осьми, въ синемъ сарафанчикѣ, съ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ и плетенымъ кузовкомъ на загорѣлой, голенькой рукѣ. Она, вѣроятно, никакъ не ожидала насъ встрѣтить, какъ говорится, наткнулась на насъ, и стояла неподвижно въ зеленой чащѣ орѣшника, на тѣнистой лужайкѣ, пугливо посматривая на меня своими черными глазами. Я едва успѣлъ разглядѣть ее: она тотчасъ нырнула за дерево.

— Аннушка! Аннушка! поди сюда, не бойся, кликнулъ старикъ ласково.

— Боюсь, раздался тонкій голосокъ.

— Не бойся, не бойся, поди ко мнѣ.

Аннушка молча покинула свою засаду, тихо обошла кругомъ, ея дѣтскія ножки едва шумѣли по густой травѣ, — и вышла изъ чащи подлѣ самого старика. Это была дѣвушка не осьми лѣтъ, какъ мнѣ показалось сначала, по небольшому ея росту,

по тринадцати или четырнадцати. Все ея тѣло было мало и худо, но очень стройно и ловко, а красивое личико поразительно сходно съ лицомъ самого Касьяна, хотя Касьянъ красавцемъ не былъ. Тѣже острыя черты, тотъ-же странный взглядъ, лукавый и довѣрчивый, задумчивый и проницательный, и движенья тѣже.... Касьянъ окинулъ ее глазами; она стояла къ нему бокомъ.

— Что́, грибы собирала? спросилъ онъ.

— Да, грибы, отвѣчала она съ робкой улыбкой.

— И много нашла?

— Много. (Она быстро глянула на него и опять улыбнулась.)

— И бѣлые есть?

— Есть и бѣлые.

— Покажь-ка, покажь... (Она спустила кузовъ съ руки и приподняла до половины широкій листъ лапуха, которымъ грибы были покрыты.)—Э! сказалъ Касьянъ, нагнувшись надъ кузовомъ:—да какіе славные! Ай да Аннушка!

— Это твоя дочка, Касьянъ, что́-ли? спросилъ я. (Лицо Аннушки слабо вспыхнуло.)

— Нѣтъ, такъ сродственница, проговорилъ Касьянъ съ притворной небрежностью.—Ну, Аннушка, ступай, прибавилъ онъ тотчасъ:—ступай съ Богомъ. Да смотри....

— Да зачѣмъ-же ей пѣшкомъ идти? прервалъ я его.—Мы-бы ее довезли....

Аннушка загорѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, ухватилась обѣими руками за веревочку кузовка и тревожно поглядѣла на старика.

— Нѣтъ, дойдетъ, возразилъ онъ тѣмъ же равнодушно лѣнивымъ голосомъ.—Что̀ ей?... Дойдетъ и такъ.... Ступай.

Аннушка проворно ушла въ лѣсъ. Касьянъ поглядѣлъ за нею вслѣдъ, потомъ потупился и усмѣхнулся. Въ этой долгой усмѣшкѣ, въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннушкѣ, въ самомъ звукѣ его голоса, когда онъ говорилъ съ ней, была неизъяснимая, страстная любовь и нѣжность. Онъ опять поглядѣлъ въ сторону, куда она пошла, опять улыбнулся и, потирая себѣ лицо, нѣсколько разъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ ты ее такъ скоро отослалъ? спросилъ я его:—я-бы у нея грибы купилъ....

— Да вы тамъ, все равно, дома купите, когда захотите, отвѣчалъ онъ мнѣ, въ первый разъ употребляя слово вы.

— А она у тебя прехорошенькая.

— Нѣтъ.... какое.... такъ.... отвѣтилъ онъ, какъ-бы нехотя, и съ того-же мгновенья впалъ въ прежнюю молчаливость.

Видя, что всѣ мои усилія заставить его опять разговориться оставались тщетными, я отправился на ссѣчки. Притомъ-же и жара немного спала; но неудача или, какъ говорятъ у насъ, незадача моя продолжалась, и я съ однимъ коростелемъ и съ новой осью вернулся въ выселки. Уже подъѣзжая ко двору, Касьянъ вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Баринъ, а баринъ, заговорилъ онъ:—вѣдь, я виноватъ передъ тобой; вѣдь это я тебѣ дичь-то всю отвелъ.

— Какъ-такъ?

— Да ужь это я знаю. А вотъ и ученый песъ у тебя и хорошій, а ничего не смогъ. Подумаешь, люди что̀, люди, а? Вотъ и звѣрь, а что̀ изъ него сдѣлали?

Я-бы напрасно сталъ убѣждать Касьяна въ невозможности «заговорить» дичь, и потому ничего не отвѣчалъ ему. Притомъ-же мы тотчасъ повернули въ ворота.

Въ избѣ Аннушки не было; она уже успѣла прійдти и оставить кузовъ съ грибами. Ерофей приладилъ новую ось, подвергнувъ ее сперва строгой и несправедливой оцѣнкѣ; а черезъ часъ я выѣхалъ, оставивъ Касьяну немного денегъ, которыя онъ сперва было не принялъ, но потомъ, подумавъ и подержавъ ихъ на ладони, положилъ за пазуху. Въ теченіи этого часа онъ не произнесъ почти ни одного слова; онъ по прежнему стоялъ, прислонясь къ воротамъ, не отвѣчалъ на укоризны моего кучера и весьма холодно простился со мной.

Я, какъ только вернулся, успѣлъ замѣтить, что Ерофей мой снова находился въ сумрачномъ расположеніи духа.... И въ самомъ дѣлѣ, ничего съѣстнаго онъ въ деревнѣ не нашелъ, водопой для лошадей былъ плохой. Мы выѣхали. Съ неудовольствіемъ, выражавшимся даже на его затылкѣ, сидѣлъ онъ на козлахъ и страхъ желалъ заговорить со мной, но, въ ожиданіи перваго моего вопроса, ограничивался легкимъ ворчаньемъ въ полголоса и поучительными, а иногда язвительными рѣчами, обращенными къ лошадямъ. — «Деревня!» бормоталъ

онъ:—«а еще деревня! Спросилъ хошь квасу—и квасу нѣтъ... Ахъ ты, Господи!... А вода — просто, тьфу! (Онъ плюнулъ вслухъ). Ни огурцовъ, ни квасу — ничего. Ну ты, прибавилъ онъ громко, обращаясь къ правой пристяжной:—я тебя знаю, потворница этакая! Любишь собѣ потворствовать, небось.... (И онъ ударилъ ее кнутомъ).—Совсѣмъ отлукавилась лошадь, а, вѣдь, какой прежде согласный былъ животъ.... Ну-ну-ну, оглядывайси!...»

— Скажи, пожалуй–ста, Ерофей, заговорилъ я: — что за человѣкъ этотъ Касьянъ?

Ерофей нескоро мнѣ отвѣчалъ: онъ вообще человѣкъ былъ обдумывающій и неторопливый; но я тотчасъ могъ догадаться, что мой вопросъ его развеселилъ и успокоилъ.

— Блоха–то? заговорилъ онъ наконецъ, передернувъ возжами:—чудный человѣкъ: какъ есть, юродивецъ. Такого чуднаго человѣка и нескоро найдешь другого. Вѣдь, напримѣръ, вѣдь, онъ ни дать ни взять нашъ вотъ саврасый: отъ рукъ отбился тоже.... отъ работы, то–есть. Ну, конечно, что онъ за работникъ,—въ чемъ душа держится,—ну а все таки.... Вѣдь, онъ съ-измальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну, а потомъ знать наскучило — бросилъ. Сталъ дома жить, да и дома-то не усиживался: такой безпокойный,—ужь точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый—не принуждалъ. Вотъ онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная. И, вѣдь, такой удивительный, Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ,—а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. Несообразный человѣкъ, какъ есть. Поетъ, однако, хорошо. Эдакъ важно—ничего, ничего.

— А что, онъ лечитъ, точно?

— Какое лечитъ!... Ну, гдѣ ему! Таковскій онъ человѣкъ! Меня, однако, отъ золотухи вылечилъ... Гдѣ ему! глупый человѣкъ, какъ есть, прибавилъ онъ помолчавъ.

— Ты его давно знаешь?

— Давно. Мы имъ по Сычовкѣ сосѣди, на Красивой-то на Мечи.

— А что это, намъ въ лѣсу попалась дѣвушка Аннушка, что она ему родня?

Ерофей посмотрѣлъ на меня черезъ плечо и осклабился во весь ротъ.

— Хе!... да, сродни. Она сирота; матери у ней нѣту, да и неизвѣстно, кто ея мать-то была. Ну, а должно быть, что сродственница: больно на него смахиваетъ.... Ну, живетъ у него. Вострая дѣвка, нѣча сказать; хорошая дѣвка, и онъ, старый, въ ней души не чаетъ: дѣвка хорошая. Да, вѣдь, онъ, вы вотъ не повѣрите, а, вѣдь, онъ, пожалуй, Аннушку-то свою грамотѣ учить вздумаетъ. Ей-ей, отъ него это станется: ужь такой онъ человѣкъ неабнакавенный. Непостоянный такой, несоразмѣрный даже.... Э-э-э! вдругъ перервалъ самого себя мой кучеръ и, остановивъ лошадей, нагнулся на бокъ и прянялся нюхать воздухъ.—Никакъ гарью пахнетъ? Такъ и есть! Ужь эти мнѣ новыя оси.... А, кажется, на что мазалъ.... Пойдти водицы добыть: вотъ кстати и прудикъ.

И Ерофей медлительно слѣзъ съ облучка, отвязалъ ведерку, пошелъ къ пруду и, вернувшись, не безъ удовольствія слушалъ, какъ шипѣла втулка колеса, внезапно охваченная водою... Разъ шесть приходилось ему на какихъ нибудь десяти верстахъ обливать разгоряченную ось, и уже совсѣмъ завечерѣло, когда мы возвратились домой.

БУРМИСТРЪ.

Верстахъ въ пятнадцати отъ моего имѣнья, живетъ одинъ мнѣ знакомый человѣкъ, молодой помѣщикъ, гвардейскій офицеръ въ отставкѣ, Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ. Дичи у него въ помѣстьи водится много, домъ построенъ по плану французскаго архитектора, люди одѣты по англійски, обѣды задаетъ онъ отличные, принимаетъ гостей ласково, а все-таки неохотно къ нему ѣдешь. Онъ человѣкъ разсудительный и положительный, воспитанье получилъ, какъ водится, отличное, служилъ, въ высшемъ обществѣ потерся, а теперь хозяйствомъ занимается съ большимъ успѣхомъ. Аркадій Павлычъ, говоря собственными его словами, строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ — для ихъ-же блага. «Съ ними надобно обращаться, какъ съ дѣтьми», говоритъ онъ въ такомъ случаѣ:—«невѣжество, mon cher; il faut prendre cela en considération». Самъ-же, въ случаѣ такъ называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и гòлоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: «вѣдь, я тебя просилъ, любезный мой», или: «чтò съ тобою, другъ мой, опомнись»; при чемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ. Роста онъ небольшаго, сложенъ щеголевато, собою

весьма недуренъ, руки и ногти въ большой опрятности содержитъ; съ его румяныхъ губъ и щекъ такъ и пышетъ здоровьемъ. Смѣется онъ звучно и беззаботно, привѣтливо щуритъ свѣтлые, каріе глаза. Одѣвается онъ отлично и со вкусомъ; выписываетъ французскія книги, рисунки и газеты, но до чтенія небольшой охотникъ: «Вѣчнаго жида» едва осилилъ. Въ карты играетъ мастерски. Вообще Аркадій Павлычъ считается однимъ изъ образованнѣйшихъ дворянъ и завиднѣйшихъ жениховъ нашей губерніи; дамы отъ него безъ ума и въ особенности хвалятъ его манеры. Онъ удивительно хорошо себя держитъ, остороженъ, какъ кошка, и ни въ какую исторію замѣшанъ отъ роду не бывалъ, хотя при случаѣ дать себя знать и робкаго человѣка озадачить и срѣзать любитъ. Дурнымъ обществомъ рѣшительно брезгаетъ—скомпрометироваться боится; за то въ веселый часъ объявляетъ себя поклонникомъ Эпикура, хотя вообще о философіи отзывается дурно, называя ее туманной пищей германскихъ умовъ, а иногда и просто чепухой. Музыку онъ тоже любитъ; за картами поетъ сквозь зубы, но съ чувствомъ; изъ Лючіи и Сомнамбулы тоже иное помнитъ, но что-то все высоко забираетъ. По зимамъ онъ ѣздитъ въ Петербургъ. Домъ у него въ порядкѣ необыкновенномъ; даже кучера подчинились его вліянію и каждый день не только вытираютъ хомуты и армяки чистятъ, но и самимъ-себѣ лицо моютъ. Дворовые люди Аркадія Павлыча посматриваютъ, правда, что-то изъ подлобья,—но у насъ на Руси угрюмаго отъ заспаннаго не отличишь. Аркадій Павлычъ говоритъ голосомъ мягкимъ и пріятнымъ, съ разстановкой и какъ-бы съ удовольствіемъ пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные, усы; такъ-же употребляетъ много Французскихъ выраженій, какъ-то: «Mais c'est impayable!» «Mais comment donc!» и пр. Со всѣмъ тѣмъ, я, по-крайней-мѣрѣ, не слишкомъ охотно его посѣщаю и, если-бы не тетерева и не куропатки, вѣроятно, совершенно бы съ нимъ раззнакомился. Странное какое-то безпокойство овладѣваетъ вами въ его домѣ; даже комфортъ васъ не радуетъ, и всякій разъ, вечеромъ, когда появится передъ вами завитый каммердинеръ въ голубой ливреѣ съ гербовыми пуговицами и начнетъ подобострастно стягивать съ васъ сапоги, вы чувствуете, что если-бы вмѣсто его блѣдной и

сухопарой фигуры внезапно предстали передъ вами изумительно-широкія скулы и невѣроятно-тупой носъ молодаго дюжаго парня, только-что взятаго бариномъ отъ сохи, но уже успѣвшаго въ десяти мѣстахъ распороть по швамъ недавно пожалованный нанковый кафтанъ—вы бы обрадовались несказанно и охотно-бы подверглись опасности лишиться вмѣстѣ съ сапогомъ и собственной вашей ноги вплоть до самаго вертлюга.... Несмотря на мое нерасположеніе къ Аркадію Павлычу, пришлось мнѣ однажды провести у него ночь. На другой день я рано по утру велѣлъ заложить свою коляску, но онъ не хотѣлъ меня отпустить безъ завтрака на англійскій манеръ и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. Вмѣстѣ съ чаемъ подали намъ котлеты, яица въ смятку, масло, медъ, сыръ и пр. Два каммердинера, въ чистыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, быстро и молча предупреждали наши малѣйшія желанія. Мы сидѣли на персидскомъ диванѣ. На Аркадіѣ Павлычѣ были широкіе шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фесъ съ синей кистью и китайскіе желтые туфли безъ задковъ. Онъ пилъ чай, смѣялся, разсматривалъ свои ногти, курилъ, подкладывалъ себѣ подушки подъ бокъ и вообще чувствовалъ себя въ отличномъ расположеніи духа. Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ каммердинеровъ.

Каммердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь, я тебя спрашиваю, любезный мой? спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный каммердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него изъ подлобья.

— Pardon, mon cher, промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на каммердинера. — Ну, ступай, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанья, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— На счетъ Ѳедора.... распорядиться, проговорилъ Аркадій Павлычъ въ полголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ толстый и вышелъ.

— Voilà, mon cher, les désagréments de la campagne, весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ.—Да куда-же вы? останьтесь, посидите еще не много.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — мнѣ пора.

— Все на охоту! Охъ, ужь эти мнѣ охотники! Да вы куда теперь ѣдете?

— За сорокъ верстъ отсюда, въ Рябово.

— Въ Рябово? Ахъ, Боже мой, да въ такомъ случаѣ я съ вами поѣду. Рябово всего въ пяти верстахъ отъ моей Шипиловки, а я таки давно въ Шипиловкѣ не бывалъ: все времени улучить не могъ. Вотъ какъ кстати пришлось: вы сегодня въ Рябовѣ поохотитесь, а на вечеръ ко мнѣ. Ce sera charmant. Мы вмѣстѣ поужинаемъ, — мы возьмемъ съ собою повара, — вы у меня переночуете. Прекрасно! прекрасно! прибавилъ онъ недождавшись моего отвѣта. C'est arrangé.... Эй, кто тамъ? Коляску намъ велите заложить, да поскорѣй. Вы въ Шипиловкѣ не бывали? Я-бы посовѣстился предложить вамъ провести ночь въ избѣ моего бурмистра, да вы, я знаю, неприхотливы, и въ Рябовѣ, въ сѣнномъ-бы сараѣ ночевали.... Ѣдемъ, ѣдемъ!

И Аркадій Павлычъ запѣлъ какой-то французскій романсъ.

— Вѣдь, вы, можетъ быть, не знаете, продолжалъ онъ, покачиваясь на обѣихъ ногахъ: — у меня тамъ мужики на оброкѣ. Конституція,—что будешь дѣлать? Однако оброкъ мнѣ платятъ исправно. Я-бы ихъ, признаться, давно на барщину ссадилъ, да земли мало; я и такъ удивляюсь, какъ они концы съ концами сводятъ. Впрочемъ, c'est leur affaire. Бурмистръ у меня тамъ молодецъ, une forte tête, государственный человѣкъ! Вы увидите.... Какъ, право, это хорошо пришлось!

Дѣлать было нечего. Вмѣсто девяти часовъ утра мы выѣхали въ два. Охотники поймутъ мое нетерпѣнье. Аркадій Павлычъ любилъ, какъ онъ выражался, при случаѣ побаловать себя и забралъ съ собою такую бездну бѣлья, припасовъ, платья, духовъ, подушекъ и разныхъ несессеровъ, что иному бережливому и владѣющему собою нѣмцу хватило-бы всей этой

благодати на годъ. При каждомъ спускѣ съ горы Аркадій Павлычъ держалъ краткую, но сильную рѣчь кучеру, изъ чего я могъ заключить, что мой знакомецъ порядочный трусъ. Впрочемъ, путешествіе совершилось весьма благополучно; только на одномъ, недавно починенномъ мостикѣ телѣга съ поваромъ завалилась, и заднимъ колесомъ ему придавило желудокъ.

Аркадій Павлычъ, при видѣ паденія доморощеннаго Карема, испугался не на шутку, и тотчасъ велѣлъ спросить, цѣлы-ли у него руки? Получивъ-же отвѣтъ утвердительный, немедленно успокоился. Со всѣмъ тѣмъ, ѣхали мы довольно долго; я сидѣлъ въ одной коляскѣ съ Аркадіемъ Павлычемъ и подъ конецъ путешествія почувствовалъ тоску смертельную, тѣмъ болѣе, что въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мой знакомецъ совершенно выдохся и начиналъ уже либеральничать. Наконецъ, мы пріѣхали, только не въ Рябово, а прямо въ Шипиловку; какъ-то оно такъ вышло. Въ тотъ день я и безъ того уже поохотиться не могъ и потому, скрѣпя сердце, покорился своей участи.

Поваръ пріѣхалъ нѣсколькими минутами ранѣе насъ и, повидимому, уже успѣлъ распорядиться и предупредить кого слѣдовало, потому-что при самомъ въѣздѣ въ околицу встрѣтилъ насъ староста (сынъ бурмистра), дюжій и рыжій мужикъ въ косую сажень ростомъ, верхомъ и безъ шапки, въ новомъ армякѣ на распашку. — «А гдѣ-же Софронъ?» спросилъ его Аркадій Павлычъ. Староста спервa проворно соскочилъ съ лошади, поклонился барину въ поясъ, промолвилъ: «Здравствуйте, батюшка Аркадій Павлычъ», потомъ приподнялъ голову, встряхнулся и доложилъ, что Софронъ отправился въ Перовъ, но что за нимъ уже послали. — «Ну, ступай за нами», сказалъ Аркадій Павлычъ. Староста отвелъ изъ приличія лошадь въ сторону, взвалился на нее и пустился рысцей за коляской, держа шапку въ рукѣ. Мы поѣхали по деревнѣ. Нѣсколько мужиковъ въ пустыхъ телѣгахъ попались намъ на-встрѣчу; они ѣхали съ гумна и пѣли пѣсни, подпрыгивая всѣмъ тѣломъ и болтая ногами на воздухѣ; но при видѣ нашей коляски и старосты внезапно умолкли, сняли свои зимнія шапки (дѣло было лѣтомъ) и приподнялись, какъ-бы ожидая приказаній. Аркадій Павлычъ милостиво имъ поклонился. Тревожное волненіе ви-

димо распространилось по селу. Бабы въ клѣтчатыхъ паневахъ швыряли щепками въ недогадливыхъ или слишкомъ усердныхъ собакъ; хромой старикъ съ бородой, начинавшейся подъ самыми глазами, оторвалъ недопоенную лошадь отъ колодезя, ударилъ ее неизвѣстно за что по боку, а тамъ уже поклонился. Мальчишки въ длинныхъ рубашенкахъ съ воплемъ бѣжали въ избы, ложились брюхомъ на высокій порогъ, свѣшивали головы, закидывали ноги къ верху и такимъ образомъ весьма проворно перекидывались за дверь, въ темныя сѣни, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренной рысью въ подворотню; одинъ бойкій пѣтухъ съ черной грудью, похожей на атласный жилетъ, и краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ сконфузился и тоже побѣжалъ. Изба бурмистра стояла въ сторонѣ отъ другихъ, посреди густаго зеленаго конопляника. Мы остановились передъ воротами. Г. Пѣночкинъ всталъ, живописно сбросилъ съ себя плащь и вышелъ изъ коляски, привѣтливо озираясь кругомъ. Бурмистрова жена встрѣтила насъ съ низкими поклонами и подошла къ барской ручкѣ. Аркадій Павлычъ далъ ей нацаловаться вволю и взошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ въ темномъ углу стояла старостиха и тоже поклонилась, но къ рукѣ подойти не дерзнула. Въ такъ называемой холодной избѣ — изъ сѣней направо — уже возились двѣ другія бабы; онѣ выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенѣлые тулупы, масленые горшки, люльку съ кучей тряпокъ и пестрымъ ребенкомъ, подметали банными вѣниками соръ. Аркадій Павлычъ выслалъ ихъ вонъ и помѣстился на лавкѣ подъ образами. Кучера начали вносить сундуки, ларцы и прочія удобства, всячески стараясь умѣрить стукъ своихъ тяжелыхъ сапоговъ.

Между-тѣмъ Аркадій Павлычъ распрашивалъ старосту объ урожаѣ, посѣвѣ и другихъ хозяйственныхъ предметахъ. Староста отвѣчалъ удовлетворительно, но какъ-то вяло и неловко, словно замороженными пальцами кафтанъ застегивалъ. Онъ стоялъ у дверей и то и дѣло сторожился и оглядывался, давая дорогу проворному каммердинеру. Изъ-за его могущественныхъ плечей удалось мнѣ увидѣть, какъ бурмистрова жена въ сѣняхъ въ тихомолку колотила какую-то другую бабу. Вдругъ

застучала телѣга, остановилась передъ крыльцомъ: вошелъ бурмистръ.

Этотъ, по словамъ Аркадія Павлыча, государственный человѣкъ былъ роста небольшаго, плечистъ, сѣдъ и плотенъ, съ краснымъ носомъ, маленькими голубыми глазами и бородой въ видѣ вѣера. Замѣтимъ кстати, что съ тѣхъ поръ, какъ Русь стоитъ, не бывало еще на ней примѣра раздобрѣвшаго и разбогатѣвшаго человѣка безъ окладистой бороды; иной весь свой вѣкъ носилъ бородку жидкую, клиномъ, — вдругъ, смотришь, обложился кругомъ словно сіяньемъ,—откуда волосъ берется! Бурмистръ, должно быть, въ Перовѣ подгулялъ, и лицо-то у него отекло порядкомъ, да и виномъ отъ него попахивало.

— Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы вы наши, заговорилъ онъ на-распѣвъ и съ такимъ умиленіемъ на лицѣ, что вотъ-вотъ казалось, слезы брызнутъ:—насилу-то изволили пожаловать!... Ручку, батюшка, ручку, прибавилъ онъ, уже загодя протягивая губы.

Аркадій Павлычъ удовлетворилъ его желаніе. — Ну, что, братъ Софронъ, каково у тебя дѣла идутъ? спросилъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Ахъ вы, отцы наши, воскликнулъ Софронъ: — да какъ-же имъ худо идти, дѣламъ-то! Да, вѣдь, вы, наши отцы, вы милостивцы, деревеньку нашу просвѣтить изволили пріѣздомъ-то своимъ, осчасливили по гробъ дней. Слава тебѣ Господи, Аркадій Павлычъ, слава тебѣ Господи! Благополучно обстоитъ все милостью вашей.

Тутъ Софронъ помолчалъ, поглядѣлъ на барина и, какъ-бы снова увлеченный порывомъ чувства (притомъ-же и хмѣль бралъ свое), въ другой разъ попросилъ руки и запѣлъ пуще прежняго:

— Ахъ вы, отцы наши милостивцы.... и.... ужь что! Ей-Богу, совсѣмъ дуракомъ отъ радости сталъ.... Ей-Богу, смотрю да не вѣрю.... Ахъ, вы, отцы наши!...

Аркадій Павлычъ глянулъ на меня, усмѣхнулся и спросилъ: «N'est-ce pas, que c'est touchant?»

— Да, батюшка Аркадій Павлычъ, продолжалъ неугомонный бурмистръ: — какъ-же вы это? Сокрушаете вы меня совсѣмъ,

батюшка: извѣстить меня не изволили о вашемъ пріѣздѣ-то. Гдѣ-же вы ночку-то проведете? Вѣдь, тутъ нечистота, соръ....

— Ничего, Софронъ, ничего, съ улыбкой отвѣчалъ Аркадій Павлычъ: — здѣсь хорошо.

— Да, вѣдь, отцы вы наши—для кого хорошо: для нашего брата мужика хорошо; а, вѣдь, вы.... ахъ, вы, отцы мои милостивцы, ахъ вы, отцы мои!... Простите меня, дурака, съ ума спятилъ, ей-Богу, одурѣлъ вовсе.

Между-тѣмъ подали ужинъ; Аркадій Павлычъ началъ кушать. Сына своего старикъ прогналъ—дескать, духоты напущаешь.

— Ну, что, размежевался, старина? спросилъ г-нъ Пѣночкинъ, который явно желалъ поддѣлаться подъ мужицкую рѣчь и мнѣ подмигивалъ.

— Размежевались, батюшка: все твоею милостью. Третьяго дня сказку подписали. Хлыновскіе-то сначала поломались... поломались, отецъ, точно. Требовали.... требовали.... и, Богъ знаетъ чего, требовали; да, вѣдь, дурачье, батюшка, народъ глупый. А мы, батюшка, милостью твоею благодарность заявили и Миколая Миколанча удоблетворили; все по твоему приказу дѣйствовали, батюшка; какъ ты изволилъ приказать, такъ мы и дѣйствовали, и съ вѣдома Егора Дмитрича все дѣйствовали.

— Егоръ мнѣ докладывалъ, важно замѣтилъ Аркадій Павлычъ.

— Какъ-же, батюшка, Егоръ Дмитричъ, какъ-же.

— Ну, и стало быть вы теперь довольны?

Софронъ только того и ждалъ. Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы наши, запѣлъ онъ опять! да помилуйте вы меня.... да, вѣдь, мы за васъ, отцы наши, денно и нощно Господу Богу молимся.... Земли, конечно, маловато....

Пѣночкинъ перебилъ его. — Ну, хорошо, хорошо, Софронъ, знаю, ты мнѣ усердный слуга.... А что, какъ умолотъ?

Софронъ вздохнулъ.

— Ну, отцы вы наши, умолотъ-то небольно хорошъ. Да что, батюшка Аркадій Павлычъ, позвольте вамъ доложить, дѣльцо какое вышло. (Тутъ онъ приблизился, разводя руками, къ господину Пѣночкину, нагнулся и прищурилъ одинъ глазъ.) Мертвое тѣло на нашей землѣ оказалось.

— Какъ такъ?

— И самъ ума не приложу, батюшки, отцы вы наши: видно врагъ попуталъ. Да, благо, подлѣ чужой межи оказалось, а только не на нашей землѣ. Я его тотчасъ на чужой-то клинъ и приказалъ стащить, пока можно было, да караулъ приставилъ и своимъ заказалъ: молчать! говорю. А становому на всякой случай объяснилъ: вотъ какіе порядки, говорю; да чайкомъ его, да благодарность.... Вѣдь, что, батюшка, думаете? Вѣдь, осталось у чужаковъ на шеѣ; а, вѣдь, мертвое тѣло, что двѣсти рублевъ — какъ калачь.

Г-нъ Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, указывая на него головой: «Quel gaillard, a?»

Между тѣмъ на дворѣ совсѣмъ стемнѣло; Аркадій Павлычъ велѣлъ со стола прибирать и сѣна принести. Каммердинеръ послалъ намъ простыни, разложилъ подушки; мы легли. Софронъ ушелъ къ себѣ, получивъ приказаніе на слѣдующій день. Аркадій Павлычъ, засыпая, еще потолковалъ немного объ отличныхъ качествахъ русскаго мужика и тутъ-же замѣтилъ мнѣ, что, со времени управленія Софрона, за Шипиловскими крестьянами не водится ни гроша недоимки.... Сторожъ заколотилъ въ доску; ребенокъ, видно еще неуспѣвшій проникнуться чувствомъ должнаго самоотверженья, запищалъ гдѣ-то въ избѣ.... Мы заснули.

На другой день утромъ мы встали довольно рано. Я было собрался ѣхать въ Рябово, но Аркадій Павлычъ желалъ показать мнѣ свое имѣнье и упросилъ меня остаться. Я и самъ былъ непрочь убѣдиться на дѣлѣ въ отличныхъ качествахъ государственнаго человѣка—Софрона. Явился бурмистръ. На немъ былъ синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ. Говорилъ онъ гораздо меньше вчерашняго, глядѣлъ зорко и пристально въ глаза барину, отвѣчалъ складно и дѣльно. Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились на гумно. Софроновъ сынъ, трехъаршинный староста, по всѣмъ признакамъ человѣкъ весьма глупый, такъ-же пошелъ за нами, да еще присоединился къ намъ земскій Ѳедосѣичъ, отставной солдатъ съ огромными усами и престраннымъ выраженіемъ лица: точно онъ весьма давно тому назадъ чему-то необыкновенно удивился, да съ тѣхъ

поръ ужь и не пришелъ въ себя. Мы осмотрѣли гумно, ригу, овины, сараи, вѣтреную мельницу, скотный дворъ, зеленя, конопляники; все было дѣйствительно въ отличномъ порядкѣ: одни унылыя лица мужиковъ приводили меня въ нѣкоторое недоумѣніе. Кромѣ полезнаго, Софронъ заботился еще о пріятномъ: всѣ канавы обсадилъ ракитникомъ, между скирдами на гумнѣ дорожки провелъ и песочкомъ посыпалъ, на вѣтряной мельницѣ устроилъ флюгеръ въ видѣ медвѣдя съ разинутой пастью и краснымъ языкомъ, къ кирпичному скотному двору прилѣпилъ нѣчто въ родѣ греческаго фронтона и подъ фронтономъ бѣлилами надписалъ: «Пастроен вселе Шипилофке втысеча восем Содъ саракавомъ году. Сей скотный дфоръ».— Аркадій Павлычъ разнѣжился совершенно, пустился излагать мнѣ на французскомъ языкѣ выгоды оброчнаго состоянья, при чемъ однако замѣтилъ, что барщина для помѣщиковъ выгоднѣе,—да мало ли чего нѣтъ!... Началъ давать бурмистру совѣты, какъ сажать картофель, какъ для скотины кормъ заготовлять и пр. Софронъ выслушивалъ барскую рѣчь со вниманіемъ, иногда возражалъ, но уже не величалъ Аркадія Павлыча ни отцемъ, ни милостивцемъ и все напиралъ на то, что земли-де у нихъ маловато, прикупить бы не мѣшало. «Что-жь, купите», говорилъ Аркадій Павлычъ:—«на мое имя, я непрочь». — На эти слова Софронъ не отвѣчалъ ничего, только бороду поглаживалъ. — «Однако, теперь-бы не мѣшало съѣздить въ лѣсъ», замѣчилъ г. Пѣночкинъ. Тотчасъ привели намъ верховыхъ лошадей; мы поѣхали въ лѣсъ или, какъ у насъ говорится, въ «заказъ». Въ этомъ «заказѣ» нашли мы глушь и дичь страшную, за что Аркадій Павлычъ похвалилъ Софрона и потрепалъ его по плечу. Г. Пѣночкинъ придерживался на счетъ лѣсоводства русскихъ понятій и тутъ-же разсказалъ мнѣ презабавный, по его словамъ, случай, какъ одинъ шутникъ-помѣщикъ вразумилъ своего лѣсника, выдравъ у него около половины бороды, въ доказательство того, что отъ подрубки лѣсъ гуще не выростаетъ.... Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ и Софронъ, и Аркадій Павлычъ оба не чуждались нововведеній. По возвращеніи въ деревню, бурмистръ повелъ насъ посмотрѣть вѣялку, недавно выписанную имъ изъ Москвы. Вѣялка точно дѣйствовала хорошо, но еслибы Софронъ зналъ,

какая непріятность ожидала и его, и барина на этой послѣдней прогулкѣ, онъ вѣроятно остался–бы съ нами дома.

Вотъ–что случилось. Выходя изъ сарая, увидали мы слѣдующее зрѣлище. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, подлѣ грязной лужи, въ которой беззаботно плескались три утки, стояли два мужика: одинъ—старикъ лѣтъ шестидесяти, другой — малый лѣтъ двадцати, оба въ домашнихъ заплатанныхъ рубахахъ, на босую ногу и подпоясанные веревками. Земскій Ѳедосѣичъ усердно хлопоталъ около нихъ и, вѣроятно, успѣлъ–бы уговорить ихъ удалиться, еслибъ мы замѣшкались въ сараѣ, но, увидѣвъ насъ, онъ вытянулся въ струнку и замеръ на мѣстѣ. Тутъ–же стоялъ староста съ разинутымъ ртомъ и недоумѣвающими кулаками. Аркадій Павлычъ нахмурился, закусилъ губу и подошелъ къ просителямъ. Оба, молча, поклонились ему въ ноги.

— Что вамъ надобно? о чемъ вы просите? спросилъ онъ строгимъ голосомъ и нѣсколько въ носъ. (Мужики взглянули другъ на друга и словечка не промолвили, только прищурились, словно отъ солнца, да поскорѣй дышать стали.)

— Ну, что же? продолжалъ Аркадій Павлычъ и тотчасъ–же обратился къ Софрону:—изъ какой семьи?

— Изъ Тоболѣевой семьи, медленно отвѣчалъ бурмистръ.

— Ну, что–же вы? заговорилъ опять г. Пѣночкинъ:—языковъ у васъ нѣтъ, что-ли? Сказывай ты, чего тебѣ надобно? прибавилъ онъ, качнувъ головой на старика.—Да небойся дуракъ.

Старикъ вытянулъ свою темно–бурую сморщенную шею, криво разинулъ посинѣвшія губы и сиплымъ голосомъ произнесъ: «Заступись, государь»! и снова стукнулъ лбомъ въ землю. Молодой мужикъ тоже поклонился. Аркадій Павлычъ съ достоинствомъ посмотрѣлъ на ихъ затылки, закинулъ голову и разставилъ немного ноги. — Что такое? На кого ты жалуешься?

— Помилуй, государь! Дай вздохнуть.... Замучены совсѣмъ. (Старикъ говорилъ съ трудомъ).

— Кто тебя замучилъ?

— Да Софронъ Яковличъ, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Антипóмъ, батюшка.

— А это кто?

— А сынокъ мой, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ опять и усами повелъ.

— Ну, такъ чѣмъ-же онъ тебя замучилъ? заговорилъ онъ, глядя на старика сквозь усы.

— Батюшка, раззорилъ въ конецъ. Двухъ сыновей, батюшка, безъ очереди въ некруты отдалъ, а теперя и третьяго отнимаетъ. Вчера, батюшка, послѣднюю коровушку со двора свелъ и хозяйку мою избилъ — вонъ его милость. (Онъ указалъ на старосту).

— Гмъ! произнесъ Аркадій Павлычъ.

— Не дай въ конецъ раззориться, кормилецъ.

Г. Пѣночкинъ нахмурился. — Чтò-же это однако значитъ? спросилъ онъ бурмистра въ полголоса и съ недовольнымъ видомъ.

— Пьяный человѣкъ-съ, отвѣчалъ бурмистръ, въ первый разъ употребляя слово-еръ:—неработящій. Изъ недоимки не выходитъ вотъ ужь пятый годъ-съ.

— Софронъ Яковличъ за меня недоимку взнесъ, батюшка, продолжалъ старикъ:—вотъ пятый годочекъ пошолъ, какъ взнесъ, а какъ взнесъ—въ кабалу меня и забралъ, батюшка, да вотъ и....

— А отъ чего недоимка за тобой завелась? грозно спросилъ г. Пѣночкинъ. (Старикъ понурилъ голову.) — Чай, пьянствовать любишь, по кабакамъ шататься? (Старикъ разинулъ было ротъ.) Знаю я васъ, съ запальчивостью продолжалъ Аркадій Павлычъ:—ваше дѣло пить да на печи лежать, а хорошій мужикъ за васъ отвѣчай.

— И грубіянъ тоже, ввернулъ бурмистръ въ господскую рѣчь.

— Ну, ужь это само собою разумѣется. Это всегда такъ бываетъ; это ужь я не разъ замѣтилъ. Цѣлый годъ распутствуетъ, грабитъ, а теперь въ ногахъ валяется.

— Батюшка, Аркадій Павлычъ, съ отчаяньемъ заговорилъ старикъ:—помилуй, заступись, — какой я грубіянъ? Какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, не въ моготу приходится. Не-

взлюбилъ меня Софронъ Яковличъ, за что не взлюбилъ—Господь ему судья, раззоряетъ въ конецъ, батюшка.... Послѣдняго вотъ сыночка.... и того.... (На желтыхъ и сморщенныхъ глазэхъ старика сверкнула слезинка).—Помилуй, государь, заступись....

— Да и не насъ однихъ, началъ было молодой мужикъ.

Аркадій Павлычъ вдругъ вспыхнулъ:

— А тебя кто спрашиваетъ, а? Тебя не спрашиваютъ, такъ ты молчи.... Это что такое? Молчать, говорятъ тебѣ! молчать!... Ахъ, Боже мой! да это, просто, бунтъ. Нѣтъ, братъ, у меня бунтовать не совѣтую.... у меня.... (Аркадій Павлычъ шагнулъ впередъ, да, вѣроятно, вспомнилъ о моемъ присутствіи, отвернулся и положилъ руки въ карманы).... Je vous demande bien pardon, mon cher, сказалъ онъ съ принужденной улыбкой, значительно понизивъ голосъ.—C'est la mauvais côté de la médaille.... Ну, хорошо, хорошо, продолжалъ онъ, не глядя на мужиковъ:—я прикажу.... хорошо, ступайте. (Мужики не поднимались.)—Ну, да, вѣдь, я сказалъ вамъ.... хорошо. Ступайте-же, я прикажу, говорятъ вамъ.

Аркадій Павлычъ обернулся къ нимъ спиной.—«Вѣчно неудовольствія», проговорилъ онъ сквозь зубы и пошелъ большими шагами домой. Софронъ отправился вслѣдъ за нимъ. Земскій выпучилъ глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался. Староста выпугнулъ утокъ изъ лужи. Просители постояли еще немного на мѣстѣ, посмотрѣли другъ на друга и поплелись, не оглядываясь, во свояси.

Часа два спустя я уже былъ въ Рябовѣ и вмѣстѣ съ Анпадистомъ, знакомымъ мнѣ мужикомъ, собирался на охоту. До самого моего отъѣзда Пѣночкинъ дулся на Софрона. Заговорилъ я съ Анпадистомъ о Шипиловскихъ крестьянахъ, о г. Пѣночкинѣ, спросилъ его не знаетъ-ли онъ тамошняго бурмистра.

— Софрона-то Яковлича?... вона!

— А что онъ за человѣкъ?

— Собака, а не человѣкъ: такой собаки до самого Курска не найдешь.

— А что?

— Да, вѣдь, Шипиловка только-что числится за тѣмъ,

какъ бишь его, за Пѣнкинымъ-то; вѣдь, не онъ ей владѣетъ: Софронъ владѣетъ.

— Неужто?

— Какъ своимъ добромъ владѣетъ. Крестьяне ему кругомъ должны; работаютъ на него словно батраки: кого съ обозомъ посылаетъ, кого куды.... затормошилъ совсѣмъ.

— Земли у нихъ, кажется, немного?

— Немного? Онъ у однихъ Хлыновскихъ восемдесятъ десятинъ нанимаетъ, да у нашихъ сто двадцать; вотъ-те и цѣлыхъ полтораста десятинъ. Да онъ не одной землей промышляетъ: и лошадьми промышляетъ, и скотомъ, и дегтемъ, и масломъ, и пенькой, и чѣмъ-чѣмъ.... Уменъ, больно уменъ, и богатъ-же, бестія! Да вотъ чѣмъ плохъ—дерется. Звѣрь—не человѣкъ; сказано: собака, песъ, какъ есть, песъ.

— Да что-жь они на него не жалуются?

— Экста! Барину-то что за нужда! недоимокъ не бываетъ, такъ ему что? Да поди ты, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—пожалуйся-ка. Нѣтъ, онъ тебя.... да, поди-ка.... Нѣтъ ужь онъ тебя, вотъ какъ того....

Я вспомнилъ про Антипа и разсказалъ ему, что видѣлъ.

— Ну, промолвилъ Аѳанасьичъ: заѣстъ онъ его теперь; заѣстъ человѣка совсѣмъ. Староста теперь его забьетъ. Экой безталанный, подумаешь, бѣдняга! И за что терпитъ.... На сходкѣ съ нимъ повздорилъ, съ бурмистромъ-то, не въ терпежъ знать пришлось... Велико дѣло! Вотъ онъ его, Антипа-то, клевать и началъ. Теперь доѣдетъ. Вѣдь, онъ такой песъ, собака, прости, Господи, мое прегрѣшенье, знаетъ, на кого налечь. Стариковъ-то, что побогаче да посемейнѣй, не трогаетъ, лысой чортъ, а тутъ вотъ и расходился! Вѣдь, онъ Антиповыхъ-то сыновей безъ очереди въ некруты отдалъ, мошенникъ безпардонный, песъ, прости, Господи, мое прегрѣшенье!

Мы отправились на охоту.

КОНТОРА.

—

Дѣло было осенью. Уже нѣсколько часовъ бродилъ я съ ружьемъ по полямъ и, вѣроятно, прежде вечера не вернулся-бы въ постоялый дворъ на большой Курской дорогѣ, гдѣ ожидала меня моя тройка еслибъ чрезвычайно мелкій и холодный дождь, который съ самаго утра неугомонно и безжалостно приставалъ ко мнѣ, не заставилъ меня наконецъ искать гдѣ-нибудь по близости хотя временнаго убѣжища. Пока я еще соображалъ въ какую сторону пойдти, глазамъ моимъ внезапно представился низкій шалашъ возлѣ поля, засѣяннаго горохомъ. Я подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидалъ старика до того дряхлаго, что мнѣ тотчасъ-же вспомнился тотъ умирающій козелъ, котораго Робинсонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Старикъ сидѣлъ на корточкахъ, жмурилъ свои потемнѣвшіе, маленькіе глаза и торопливо, но осторожно, на подобіе зайца (у бѣдняка не было ни одного зуба), жевалъ сухую и твердую горошину, безпрестанно перекатывая ее со стороны на сторону. Онъ до того погрузился въ свое занятіе, что не замѣтилъ моего прихода.

— Дѣдушка! а, дѣдушка! проговорилъ я.

Онъ пересталъ жевать, высоко поднялъ брови и съ усиліемъ открылъ глаза.

— Чего? прошамшилъ онъ осиплымъ голосомъ.

— Гдѣ тутъ деревня близко? спросилъ я.

Старикъ опять пустился жевать. Онъ меня не разслушалъ. Я повторилъ свой вопросъ громче прежняго.

— Деревня?.... да тебѣ что̀ надо?

— А вотъ отъ дождя укрыться.

— Чего?

— Отъ дождя укрыться.

— Да! (Онъ почесалъ свой загорѣлый затылокъ.) Ну, ты, тово, ступай, заговорилъ онъ вдругъ безпорядочно, размахивая руками: — во.... вотъ, какъ мимо лѣска пойдешь— вотъ какъ пойдешь—тутъ–те и будетъ дорога; ты ее–то брось, дорогу-то, да все направо забирай, все забирай, все забирай, все забирай.... Ну, тамъ–те и будетъ Ананьево. А то и въ Ситовку пройдешь.

Я съ трудомъ понималъ старика. Усы ему мѣшали, да и языкъ плохо повиновался.

— Да ты откуда? спросилъ я его.

— Чего?

— Откуда ты?

— Изъ Ананьева.

— Что̀–жь ты тутъ дѣлаешь?

— Чего?

— Что̀ ты дѣлаешь тутъ?

— А сторожемъ сижу.

— Да что̀–жь ты стережешь?

— А горохъ.

Я не могъ не разсмѣяться.

— Да, помилуй, — сколько тебѣ лѣтъ?

— А Богъ знаетъ.

— Чай, ты плохо видишь?

— Чего?

— Видишь плохо, чай?

— Плохо. Бываетъ такъ, что ничего не слышу.

— Такъ гдѣ–жь тебѣ сторожемъ–то быть, помилуй?

— А про то старшіе знаютъ.

«Старшіе!» подумалъ я и, не безъ сожалѣнія, поглядѣлъ на бѣднаго старика. Онъ ощупался, досталъ изъ–за пазухи

кусокъ чорствaго хлѣба и принялся сосать, какъ дитя, съ усиліемъ втягивая и безъ того впалыя щеки.

Я пошелъ въ направленіи лѣска, повернулъ на–право, забиралъ, все забиралъ, какъ мнѣ совѣтовалъ старикъ, и добрался наконецъ до большаго села съ каменной церковью въ новомъ вкусѣ, т. е. съ колоннами, и обширнымъ господскимъ домомъ, тоже съ колоннами. Еще издали, сквозь частую сѣтку дождя, замѣтилъ я избу съ тесовой крышей и двумя трубами, повыше другихъ, по всей вѣроятности жилище старосты, куда я и направилъ шаги свои, въ надеждѣ найдти у него самоваръ, чай, сахаръ и несовершенно кислыя сливки. Въ сопровожденіи моей продрогшей собаки взошелъ я на крылечко, въ сѣни, отворилъ дверь, но, вмѣсто обыкновенныхъ принадлежностей избы, увидалъ нѣсколько столовъ, заваленныхъ бумагами, два красныхъ шкафа, забрызганныя чернильницы, оловянныя песочницы въ пудъ вѣсу, длиннѣйшія перья и прочее. На одномъ изъ столовъ сидѣлъ малый лѣтъ двадцати съ пухлымъ и болѣзненнымъ лицомъ, крошечными глазками, жирнымъ лбомъ и безконечными висками. Одѣтъ онъ былъ, какъ слѣдуетъ, въ сѣрый нанковый кафтанъ съ глянцемъ на воротникѣ и на желудкѣ.

— Чего вамъ надобно? спросилъ онъ меня, дернувъ кверху головою, какъ лошадь, которая не ожидала, что ее возьмутъ за морду.

— Здѣсь прикащикъ живетъ.... или....

— Здѣсь главная господская контора, перебилъ онъ меня. Я вотъ дежурнымъ сижу.... Развѣ вы вывѣску не видали? На то вывѣска прибита.

— А гдѣ–бы тутъ обсушиться? Самоваръ у кого–нибудь на деревнѣ есть?

— Какъ не быть самоваровъ, съ важностью возразилъ малый въ сѣромъ кафтанѣ: — ступайте къ отцу Тимофею, а не то въ дворовую избу, а не то къ Назару Тарасычу, а не то къ Аграфенѣ–птишницѣ.

— Съ кѣмъ ты это говоришь, болванъ ты этакой? спать не даешь, болванъ! раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— А вотъ, господинъ какой–то зашелъ, спрашиваетъ, гдѣ–бы обсушиться.

— Какой тамъ господинъ?

— А не знаю. Съ собакой и ружьемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ заскрипѣла кровать. Дверь отворилась, и вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, толстый, низкаго росту, съ бычачьей шеей, глазами на-выкатѣ, необыкновенно круглыми щеками и съ лоскомъ по всему лицу.

— Чего вамъ угодно? спросилъ онъ меня.

— Обсушиться.

— Здѣсь не мѣсто.

— Я не зналъ, что здѣсь контора; а впрочемъ, я готовъ заплатить....

— Оно, пожалуй, можно и здѣсь, возразилъ толстякъ: — вотъ, не угодно-ли сюда. (Онъ повелъ меня въ другую комнату, только не въ ту, изъ которой вышелъ.) Хорошо-ли здѣсь вамъ будетъ?

— Хорошо.... А нельзя-ли чаю со сливками?

— Извольте, сейчасъ. Вы пока извольте раздѣться и отдохнуть, а чай сею минутою будетъ готовъ.

— А чье это имѣнье?

— Госпожи Лосняковой, Елены Николаевны.

Онъ вышелъ. Я оглянулся: вдоль перегородки, отдѣлявшей мою комнату отъ конторы стоялъ огромный кожаный диванъ; два стула, тоже кожаныхъ, съ высочайшими спинками, торчали по обѣимъ сторонамъ единственнаго окна, выходившаго на улицу. На стѣнахъ, оклеенныхъ зелеными обоями съ розовыми разводами, висѣли три огромныя картины, писанныя масляными красками. На одной изображена была лягавая собака съ голубымъ ошейникомъ и надписью: «Вотъ моя отрада»; у ногъ собаки текла рѣка, а на противоположномъ берегу рѣки подъ сосною сидѣлъ заяцъ непомѣрной величины, съ приподнятымъ ухомъ. На другой картинѣ два старика ѣли арбузъ; изъ-за арбуза виднѣлся въ отдаленіи греческій портикъ съ надписью: «Храмъ Удовлетворенья». На третьей картинѣ представлена была женщина въ лежачемъ положеніи, en faссourci, съ красными колѣнями и очень толстыми пятками. Собака моя, нимало не медля, съ сверхъестественными усиліями залѣзла подъ диванъ и, повидимому, нашла тамъ много пыли, потому-что разчихалась страшно. Я подошелъ къ окну. Черезъ улицу отъ

господскаго дома до конторы, въ косвенномъ направленіи лежали доски: предосторожность весьма полезная, потому-что кругомъ, благодаря нашей черноземной почвѣ и продолжительному дождю, грязь была страшная. Около господской усадьбы, стоявшей къ улицѣ задомъ, происходило, что обыкновенно происходитъ около господскихъ усадебъ: дѣвки въ полинялыхъ ситцевыхъ платьяхъ шныряли взадъ и впередъ; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины; привязанная лошадь десятскаго лѣниво махала хвостомъ и, высоко задравши морду, глодала заборъ; курицы кудахтали; чахоточныя индѣйки безпрестанно перекликивались. На крылечкѣ темнаго и гнилаго строенія, вѣроятно, бани, сидѣлъ дюжій парень съ гитарой и не безъ удали напѣвалъ извѣстный романсъ:

«Э—я фа пасатыню удаляюсь
Ата прекарасаныхъ седѣшонеха мѣстъ», и проч.

Толстякъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Вотъ вамъ чай несутъ, сказалъ онъ мнѣ съ пріятной улыбкой.

Малый въ сѣромъ кафтанѣ, конторскій дежурный, расположилъ на старомъ ломберномъ столѣ самоваръ, чайникъ, стаканъ съ разбитымъ блюдечкомъ, горшокъ сливокъ и связку болховскихъ котёлокъ, твердыхъ какъ кремень. Толстякъ вышелъ.

— Что это, спросилъ я дежурнаго: — прикащикъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: былъ главнымъ кассиромъ-съ, а теперь въ главные конторщики произведенъ.

— Да развѣ у васъ нѣтъ прикащиковъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Есть бурмистеръ, Михайла Викуловъ, а прикащика нѣту.

— Такъ управляющій есть?

— Какъ-же, есть: нѣмецъ, Линдамандолъ, Карло Карлычъ,— только онъ не распоряжается.

— Кто-жь у васъ распоряжается?

— Сама барыня.

— Вотъ какъ!... Что-жь, у васъ въ конторѣ много народу сидитъ?

Малый задумался.

— Шесть человѣкъ сидитъ.

— Кто да кто? спросилъ я.

— А вотъ кто: сначала будетъ Василій Николаевичъ, главный кассиръ; а то Петръ конторщикъ, Петровъ братъ Иванъ конторщикъ, другой Иванъ конторщикъ, Коскенкинъ Наркизовъ, тоже конторщикъ, я вотъ, — да всѣхъ и не перечтешь.

— Чай, у вашей барыни дворни много?

— Нѣтъ, не то, чтобы много....

— Однако, сколько?

— Человѣкъ, пожалуй-что, полтораста набѣжитъ.

Мы оба помолчали.

— Ну, что-жь, ты хорошо пишешь? началъ я опять.

Малый улыбнулся во весь ротъ, кивнулъ головой, сходилъ въ контору и принесъ исписанный листокъ.

— Вотъ мое писанье, промолвилъ онъ, не переставая улыбаться.

Я посмотрѣлъ: на четвертушкѣ сѣроватой бумаги красивымъ и крупнымъ почеркомъ былъ написанъ слѣдующій:

Приказъ.

Отъ главной господской домовой ананьевской конторы бурмистру Михайлѣ Викулову. № 209.

«Приказывается тебѣ немедленно по полученіи сего розыскать: кто въ прошлую ночь, въ пьяномъ видѣ и съ неприличными пѣснями прошелъ по Аглицкому саду, и гувернанку мадамъ Энжени француженку разбудилъ и обезпокоилъ? и чего сторожа глядѣли, и кто сторожемъ въ саду сидѣлъ, и таковые безпорядки, допустилъ? О всемъ вышепрописанномъ приказывается тебѣ въ подробности развѣдать, и немедленно конторѣ донести.

Главный конторщикъ Николай Хвостовъ.»

Къ приказу была приложена огромная гербовая печать съ надписью: «Печать главной господской ананьевской конторы», а внизу стояла приписка: «Въ точности исполнить. Елена Лоснякова».

— Это сама барыня приписала, что-ли? спросилъ я.

— Какъ-же-съ сами: онѣ всегда сами. А то и приказъ дѣйствовать не можетъ.

— Ну, что-жь вы бурмистру пошлете этотъ приказъ?

— Нѣтъ-съ. Самъ прійдетъ, да прочитаетъ. То-есть, ему прочтутъ; онъ, вѣдь, грамотѣ у насъ не знаетъ. (Дежурный опять помолчалъ.) А что-съ, прибавилъ онъ, ухмыляясь:— вѣдь хорошо написано-съ?

— Хорошо.

— Сочинялъ-то, признаться, не я. На то Коскенкинъ мастеръ.

— Какъ?... Развѣ у васъ приказы сперва сочиняются?

— А какъ-же-съ? Не прямо-же на бѣло писать.

— А сколько ты жалованья получаешь? спросилъ я.

— Тридцать пять рублевъ и пять рублевъ на сапоги.

— И ты доволенъ?

— Извѣстно, доволенъ. Въ контору-то у насъ не всякій попадаетъ. Мнѣ-то, признаться, самъ Богъ велѣлъ: у меня дядюшка дворецкимъ служитъ.

— И хорошо тебѣ?

— Хорошо-съ. Правду сказать, продолжалъ онъ со вздохомъ:—у купцовъ, на-примѣръ, то есть, нашему брату лучше. У купцовъ нашему брату оченно хорошо. Вотъ къ намъ вечоръ пріѣхалъ купецъ изъ Венева,—такъ мнѣ его работникъ сказывалъ.... Хорошо, нѣча сказать, хорошо.

— А что, развѣ купцы жалованья больше назначаютъ?

— Сохрани Богъ! Да онъ тебя въ шею прогонитъ, коли ты у него жалованья запросишь. Нѣтъ, ты у купца живи навѣру, да на-страхъ, Онъ тебя и кормитъ, и поитъ, и одѣваетъ, и все. Угодишь ему,—еще больше дастъ... Что твое жалованье: не надо его совсѣмъ.... И живетъ-то купецъ по простотѣ, по русскому, по нашинскому: поѣдешь съ нимъ въ дорогу,—онъ пьетъ чай, и тый пей чай; что онъ кушаетъ, то и ты кушай. Купецъ.... какъ можно: купецъ не то что баринъ.

Купецъ не блажитъ; ну, осерчаетъ — побьетъ, да и дѣло съ концомъ. Не мозжитъ, не шпыняетъ.... А съ бариномъ бѣда! Все не по немъ: и то нехорошо, и тѣмъ не угодилъ. Подашь ему стаканъ съ водой или кушанье—«ахъ, вода воняетъ! ахъ, кушанье воняетъ!» Вынесешь, за дверью постоишь да принесешь опять—«ну вотъ, теперь хорошо, ну вотъ, теперь не воняетъ». А ужь барыни, скажу вамъ, а ужь барыни что!... или вотъ еще барышни!...

— Ѳедюшка? раздался голосъ толстяка въ конторѣ.

Дежурный проворно вышелъ. Я допилъ стаканъ чаю, легъ на диванъ и заснулъ. Я спалъ часа два.

Проснувшись хотѣлъ было подняться, да лѣнь одолѣла, закрылъ глаза, но не заснулъ опять. За перегородкой въ конторѣ тихонько разговаривали. Я невольно сталъ прислушиваться.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ, Николай Еремѣичъ, говорилъ одинъ голосъ:—тэкъ-съ. Эвтаго нельзя въ расчетъ не принять-съ; нельзя-съ, точно.... Гмъ! (Говорящій кашлянулъ).

— Ужь повѣрьте мнѣ, Гаврила Антонычъ, возразилъ голосъ толстяка: — ужь мнѣ-ли не знать здѣшнихъ порядковъ, сами посудите.

— Кому-же и знать, Николай Еремѣичъ: вы здѣсь, можно сказать, первое лицо-съ. Ну, такъ какъ-же-съ? продолжалъ незнакомый мнѣ голосъ: — чѣмъ-же мы порѣшимъ, Николай Еремѣичъ? Позвольте полюбопытствовать.

— Да чѣмъ порѣшимъ, Гаврила Антонычъ? Отъ васъ, такъ сказать, дѣло зависитъ: вы, кажется, не охотствуете.

— Помилуйте, Николай Еремеичъ, что вы-съ? Наше дѣло торговое, купецкое; наше дѣло купить. Мы на томъ стоимъ, Николай Еремѣичъ, можно сказать.

— Восемь рублей, проговорилъ съ разстановкою толстякъ.

Послышался вздохъ.

— Николай Еремѣичъ, больно много просить изволите.

— Нельзя, Гаврила Антонычъ, иначе поступить; какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, нельзя.

Наступило молчаніе.

Я тихонько приподнялся и посмотрѣлъ сквозь трещину въ перегородкѣ. Толстякъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Къ нему лицомъ

сидѣлъ купецъ, лѣтъ сорока, сухощавый и блѣдный, словно вымазанный постнымъ масломъ. Онъ безпрестанно шевелилъ у себя въ бородѣ и очень проворно моргалъ глазами и губами подергивалъ.

— Удивительныя, можно сказать, зеленя въ нынѣшнемъ году-съ, заговорилъ онъ опять: — я все ѣхалъ да любовался. Отъ самого Воронежа удивительные пошли, первый сортъ–съ, можно сказать.

— Точно зеленя недурны, отвѣчалъ главный конторщикъ:— да, вѣдь, вы знаете, Гаврила Антонычъ, осень всклочетъ, а какъ весна захочетъ.

— Дѣйствительно такъ, Николай Еремѣичъ: все въ Божьей волѣ; совершенную истину изволили сказать.... А никакъ вашъ гость–то проснулся–съ.

Толстякъ обернулся.... прислушался.

— Нѣтъ, спитъ. А впрочемъ, можно того....

Онъ подошолъ къ двери.

— Нѣтъ, спитъ, повторилъ онъ и вернулся на мѣсто.

— Ну, такъ какъ-же, Николай Еремѣичъ? началъ опять купецъ:—надо дѣльце-то покончить.... Такъ ужь и быть, Николай Еремѣичъ, такъ ужь и быть, продолжалъ онъ, безпрепрерывно моргая:—двѣ сѣренькихъ и бѣленькую вашей милости, а тамъ (онъ кивнулъ головой на барскій дворъ) шесть съ полтиною. По рукамъ, что–ли?

— Четыре сѣренькихъ, отвѣчалъ прикащикъ.

— Ну, три!

— Четыре серенькихъ безъ бѣленькой.

— Три, Николай Еремѣичъ.

— Съ половиной три и ужь ни копѣйки меньше.

— Три, Николай Еремѣичъ.

— И не говорите, Гаврила Антонычъ.

— Экой несговорчивый какой, пробормоталъ купецъ. Эдакъ я лучше самъ съ барыней покончу.

— Какъ хотите, отвѣчалъ толстякъ:—давно–бы такъ. Что, въ самъ дѣлѣ, вамъ безпокоиться?... И гораздо лучше.

— Ну полно, полно, Николай Еремѣичъ. Ужь сейчасъ и разсердился! Я, вѣдь, эфто такъ сказалъ.

— Нѣтъ, что–жъ въ самомъ дѣлѣ....

— Полно–же, говорятъ.... Говорятъ пошутилъ. Ну, возьми свои три съ половиной, что̀ съ тобой будешь дѣлать.

— Четыре–бы взять слѣдовало, да я, дуракъ, поторопился, проворчалъ толстякъ.

— Такъ, тамъ, въ домѣ–то, шесть съ половиною–съ, Николай Еремѣичъ—за шесть съ половиной хлѣбъ отдается?

— Шесть съ половиной ужь сказано.

— Ну, такъ по рукамъ, Николай Еремѣичъ. (Купецъ ударилъ своими растопыренными пальцами по ладони конторщика.) И съ Богомъ! (Купецъ всталъ.) Такъ я, батюшка Николай Еремѣичъ, теперь пойду къ барынѣ–съ и объ себѣ доложить велю–съ, и такъ ужь я и скажу: Николай Еромеичъ, дескать, за шесть съ полтиною–съ порѣшили-съ.

— Такъ и скажите, Гаврила Антонычъ.

— А теперь извольте получить.

Купецъ вручилъ прикащику небольшую пачку бумаги, поклонился, тряхнулъ головой, взялъ свою шляпу двумя пальчиками, передернулъ плечами, придалъ своему стану волнообразное движеніе и вышелъ, прилично поскрипывая сапожками. Николай Еремѣичъ подошелъ къ стѣнѣ и, сколько я могъ замѣтить, началъ разбирать бумаги, врученныя купцомъ. Изъ двери высунулась рыжая голова съ густыми бакенбардами.

— Ну, что? спросила голова:—все какъ слѣдуетъ?

— Все какъ слѣдуетъ.

— Сколько?

Толстякъ съ досадой махнулъ рукой и указалъ на мою комнату.

— А, хорошо! возразила голова и скрылась.

Толстякъ подошелъ къ столу, сѣлъ, раскрылъ книгу, досталъ счеты и началъ откидывать и прикидывать костяжки, дѣйствуя не указательнымъ, но третьимъ пальцемъ правой руки: оно приличнѣе.

Вошелъ дежурный.

— Что̀ тебѣ?

— Сидоръ пріѣхалъ изъ Голоплекъ.

— А! ну, позови его. Постой, постой.... Поди сперва посмотри, что тотъ, чужой–то баринъ, спитъ все, или проснулся.

Дежурный осторожно вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я положилъ голову на ягташъ, замѣнявшій мнѣ подушку, и закрылъ глаза.

— Спитъ, прошепталъ дежурный, вернувшись въ контору.

Толстякъ поворчалъ сквозь зубы.

— Ну, позови Сидора, промолвилъ онъ наконецъ.

Я снова приподнялся. Вошелъ мужикъ огромнаго роста, лѣтъ тридцати, здоровый, краснощекій, съ русыми волосами и небольшой курчавой бородой. Онъ помолился на образъ, поклонился главному конторщику, взялъ свою шляпу въ обѣ руки и выпрямился.

— Здравствуй, Сидоръ, проговорилъ толстякъ, постукивая щетами.

— Здравствуйте, Николай Еремѣичъ.

— Ну, что, какова дорога?

— Хороша, Николай Еремѣичъ. Грязновата маленько. (Мужикъ говорилъ нескоро и негромко).

— Жена здорова?

— Что ей дѣется!

Мужикъ вздохнулъ и ногу выставилъ. Николай Еремѣичъ заложилъ перо за ухо и высморкнулся.

— Что-жь, зачѣмъ пріѣхалъ? продолжалъ онъ спрашивать, укладывая клѣтчатый платокъ въ карманъ.

— Да слышь, Николай Еремѣичъ, съ насъ плотниковъ требуютъ.

— Ну что-жъ, нѣтъ ихъ у васъ, что-ли?

— Какъ имъ не быть у насъ, Николай Еремѣичъ: дача лѣсная—извѣстно. Да пора-то рабочая, Николай Еремѣичъ.

— Рабочая пора. То-то, вы охотники на чужихъ работать, а на свою госпожу работать не любите. Все едино!

— Работа-то все едино, точно, Николай Еремѣичъ.... да что....

— Ну?

— Плата больно.... того....

— Мало чего нѣтъ! Вишь, какъ вы избаловались. Поди, ты!

— Да и то сказать, Николай Еремѣичъ, работы-то всего на недѣлю будетъ, а продержатъ мѣсяцъ. То матеріялу не хватитъ, а то и въ садъ пошлютъ дорожки чистить.

— Мало–ли чего нѣтъ! Сама барыня приказать изволила, такъ тутъ намъ съ тобой разсуждать нечего.

Сидоръ замолчалъ и началъ переступать съ ноги на ногу.

Николай Еремѣичъ скрутилъ голову на бокъ и усердно застучалъ костяжками.

— Наши.... мужики.... Николай Еремѣичъ.... заговорилъ наконецъ Сидоръ, запинаясь на каждомъ словѣ: — приказали вашей милости.... вотъ тутъ.... будетъ.... (Онъ запустилъ свою ручищу за пазуху армяка и началъ вытаскивать оттуда свернутое полотенцо съ красными разводами.)

— Что ты, что ты, дуракъ, съ ума сошелъ, что–ли? поспѣшно перебилъ его толстякъ.—Ступай, ступай ко мнѣ въ избу, продолжалъ онъ, почти выталкивая изумленнаго мужика:— тамъ спроси жену.... она тебѣ чаю дастъ, я сей–часъ прійду, ступай. Да небось, говорятъ, ступай.

Сидоръ вышелъ вонъ.

— Экой.... медвѣдь! пробормоталъ ему въ слѣдъ главный конторщикъ, покачалъ головой и снова принялся за счеты.

Вдругъ крики: «Купря! Купря! Купрю не сшибешь!» раздались на улицѣ и на крыльцѣ, и немного спустя вошелъ въ контору человѣкъ низенькаго роста, чахоточный на видъ, съ необыкновенно–длиннымъ носомъ, большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, изорванный сюртукъ цвѣта аделаида или, какъ у насъ говорится, оделлоида, съ плисовымъ воротникомъ и крошечными пуговками. Онъ несъ связку дровъ за плечами. Около него толпилось человѣкъ пять дворовыхъ людей и всѣ кричали: «Купря! Купрю не сшибешь! Въ истопники Купрю произвели, въ истопники!» Но человѣкъ въ сюртукѣ съ плисовымъ воротникомъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на буйство своихъ товарищей и нисколько не измѣнился въ лицѣ. Мѣрными шагами дошелъ онъ до печки, сбросилъ свою ношу, приподнялся, досталъ изъ задняго кармана табакерку, вытаращилъ глаза и началъ набивать себѣ въ носъ тертый донникъ, смѣшанный съ золой.

При входѣ шумливой ватаги толстякъ нахмурилъ было брови и поднялся съ мѣста; но, увидавъ въ чемъ дѣло, улыбнулся и только велѣлъ не кричать: въ сосѣдней, дескать, комнатѣ

охотникъ спитъ.—Какой охотникъ? спросили человѣка два въ одинъ голосъ.

— Помѣщикъ.

— А!

— Пускай шумятъ, заговорилъ, растопыря руки, человѣкъ съ плисовымъ воротникомъ:—мнѣ что за дѣло! лишь-бы меня не трогали. Въ истопники меня произвели....

— Въ истопники! въ истопники! радостно подхватила толпа.

— Барыня приказала, продолжалъ онъ и пожалъ плечами: —а вы погодите.... васъ еще въ свинопасы произведутъ. А что я портной, и хорошій портной, у первыхъ мастеровъ въ Москвѣ обучался и на енараловъ шилъ.... этого у меня ни кто не отниметъ. А вы чего храбритесь?... чего? вы дармоѣды, тунеядцы, больше ничего. Меня отпусти — я съ голоду не умру, я не пропаду; дай мнѣ пашпортъ—я оброкъ хорошій взнесу и господъ удоблетворю. А вы что? Пропадете, пропадете, словно мухи, вотъ и все!

— Вотъ и совралъ, перебилъ его парень рябой и бѣлобрысый, съ краснымъ галстухомъ и разорванными локтями: — ты и по пашпорту ходилъ, да отъ тебя копѣйки оброку господа не видали, и себѣ гроша не заработалъ; насилу ноги домой приволокъ, да съ тѣхъ поръ все въ одномъ кафтанишкѣ живешь.

— А что будешь дѣлать, Константинъ Наркизычъ? возразилъ Куприянъ: — влюбился человѣкъ — и пропалъ, и погибъ человѣкъ. Ты сперва съ-мое поживи, Константинъ Наркизычъ, а тогда уже и осуждай меня.

— И въ кого нашелъ влюбиться? въ урода сущаго!

— Нѣтъ, этого ты не говори, Константинъ Наркизычъ.

— Да кого ты увѣряешь? Вѣдь, я ее видѣлъ; въ прошломъ году, въ Москвѣ, своими глазами видѣлъ.

— Въ прошломъ году она дѣйствительно попортилась маленько, замѣтилъ Куприянъ.

— Нѣтъ, господа, что, заговорилъ презрительнымъ и небрежнымъ голосомъ человѣкъ высокаго роста, худощавый съ лицомъ усѣяннымъ прыщами, завитый и намасленный, должно быть каммердинеръ:—вотъ пускай намъ Куприянъ Аѳанасьичъ свою пѣсенку споетъ. Нут-ка, начните, Куприянъ Аѳанасьичъ!

— Да, да! подхватили другіе. — Ай, да Александра! подкузьмила Купрю, нѣча сказать.... Пой, Куприя!... Молодца Александра! (Дворовые люди часто, для большей нѣжности, говоря о мужчинѣ, употребляютъ женскія окончанія)—Пой!

— Здѣсь не мѣсто пѣть, съ твердостію возразилъ Куприянъ:—здѣсь господская контора.

— Да тебѣ–то что̀ за дѣло? чай, въ конторщики самъ мѣтишь! съ грубымъ смѣхомъ отвѣчалъ Константинъ. Должно быть!

— Все въ господской власти состоитъ, замѣтилъ бѣднякъ.

— Вишь, вишь, куда мѣтитъ, вишь, каковъ? у! у! а!

И всѣ расхохотались, иные запрыгали. Громче всѣхъ заливался одинъ мальчишка лѣтъ пятнадцати, вѣроятно, сынъ аристократа между дворней; онъ носилъ жилетъ съ бронзовыми пуговицами, галстухъ лиловаго цвѣта, и брюшко уже успѣлъ отростить.

— А послушай–ка, признайся, Куприя, самодовольно заговорилъ Николай Еремѣичъ, видимо распотѣшенный и разнѣженный:—вѣдь, плохо въ истопникахъ–то? Пустое, чай, дѣло вовсе?

— Да что̀, Николай Еремѣичъ, заговорилъ Куприянъ:—вотъ вы теперь главнымъ у насъ конторщикомъ, точно; спору въ томъ, точно, нѣтуˊ; а, вѣдь, и вы подъ опалой находились, и въ мужицкой избѣ тоже пожили.

— Ты смотри, у меня однако не забывайся, съ запальчивостью перебилъ его толстякъ:—съ тобой, дуракомъ, шутятъ; тебѣ–бы, дураку, чувствовать слѣдовало и благодарить, что съ тобой, дуракомъ, занимаются.

— Къ слову пришлось, Николай Еремѣичъ, извините....

— То–то–же къ слову.

Дверь растворилась и вбѣжалъ казачокъ.

— Николай Еремѣичъ, барыня васъ къ себѣ требуетъ.

— Кто у барыни? спросилъ онъ казачка.

— Аксинья Никитишна и купецъ изъ Венева.

— Сею минутою явлюся. А вы, братцы, продолжалъ онъ убѣдительнымъ голосомъ:—ступайте–ка лучше отсюда вонъ съ новопожалованнымъ истопникомъ–то: неравно нѣмецъ забѣжитъ, какъ разъ нажалуется.

Толстякъ поправилъ у себя на головѣ волосы, кашлянулъ въ руку, почти совершенно закрытую рукавомъ сюртука, застегнулся и отправился къ барынѣ, широко разставляя на ходу ноги. Погодя не много и вся ватага поплелась за нимъ вмѣстѣ съ Купрей. Остался одинъ мой старый знакомый, дежурный. Онъ принялся—было чинить перья, да сидя и заснулъ. Нѣсколько мухъ тотчасъ воспользовались счастливымъ случаемъ и облѣпили ему ротъ. Комаръ сѣлъ ему на лобъ, правильно разставилъ свои ножки и медленно погрузилъ въ его мягкое тѣло все свое жало. Прежняя рыжая голова съ бакенбардами снова показалась изъ-за двери, поглядѣла, поглядѣла и вошла въ контору вмѣстѣ съ своимъ довольно некрасивымъ туловищемъ.

— Оедюшка! а, Оедюшка! вѣчно спишь! проговорила голова.

Дежурный открылъ глаза и всталъ со стула.

— Николай Еремѣичъ къ барынѣ пошелъ?

— Къ барынѣ пошелъ, Василій Николаичъ.

— А! а! подумалъ я:—вотъ онъ—главный кассиръ.

Главный кассиръ началъ ходить по комнатѣ. Впрочемъ, онъ болѣе крался, чѣмъ ходилъ, и таки вообще смахивалъ на кошку. На плечахъ его болтался старый, черный фракъ, съ очень узкими фалдами; одну руку онъ держалъ на груди, а другой безпрестанно брался за свой высокій и тѣсный галстухъ изъ конскаго волоса и съ напряженіемъ вертѣлъ головой. Сапоги носилъ онъ козловые безъ скрипу и выступалъ очень мягко.

— Сегодня Ягушкинъ помѣщикъ васъ спрашивалъ, прибавилъ дежурный.

— Гмъ, спрашивалъ? Что-жь онъ такое говорилъ?

— Говорилъ, что, дескать, къ Тютюреву вечеромъ заѣдетъ и васъ будетъ ждать. Нужно, дескать, мнѣ съ Васильемъ Николаичемъ объ одномъ дѣлѣ переговорить, а о какомъ дѣлѣ—не сказывалъ: ужь Василій Николаичъ, говоритъ, знаетъ.

— Гмъ! возразилъ главный кассиръ и подошелъ къ окну.

— Что, Николай Еремѣевъ въ конторѣ? раздался въ сѣняхъ громкій голосъ, и человѣкъ высокаго роста, видимо разсерженный, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и смѣлымъ, довольно опрятно одѣтый, шагнулъ черезъ порогъ.

— Нѣтъ его здѣсь? спросилъ онъ, быстро глянувъ кругомъ.

— Николай Еремѣичъ у барыни, отвѣчалъ кассиръ. — Что вамъ надобно, скажите мнѣ, Павелъ Андреичъ: вы мнѣ можете сказать.... Вы чего хотите?

— Чего я хочу? Вы хотите знать, чего я хочу? (Кассиръ болѣзненно кивнулъ головой.)—Проучить я его хочу, брюхача негоднаго, наушника подлаго.... Я ему дамъ наушничать!

Павелъ бросился на стулъ.

— Что вы, что вы, Павелъ Андреичъ? Успокойтесь.... Какъ вамъ не стыдно? Вы не забудьте, про кого вы говорите, Павелъ Андреичъ! залепеталъ кассиръ.

— Про кого? А мнѣ что за дѣло, что его въ главные конторщики пожаловали! Вотъ, нечего сказать, нашли кого пожаловать! Вотъ ужь точно, можно сказать, пустили козла въ огородъ!

— Полноте, полноте, Павелъ Андреичъ, полноте! бросьте это.... что за пустяки такіе?

— Ну, Лиса Патрикѣвна, пошла хвостомъ вилять!... Я его дождусь, съ сердцемъ проговорилъ Павелъ и ударилъ рукой по столу. — А, да вотъ онъ и жалуетъ, прибавилъ онъ, взглянувъ въ окошко:—легокъ на поминѣ. Милости просимъ! (Онъ всталъ).

Николай Еремѣевъ вошелъ въ контору. Лицо его сіяло удовольствіемъ, но при видѣ Павла онъ нѣсколько смутился.

— Здравствуйте, Николай Еремѣичъ, значительно проговорилъ Павелъ, медленно подвигаясь къ нему на-встрѣчу: — здравствуйте.

Главный конторщикъ не отвѣчалъ ничего. Въ дверяхъ показалось лицо купца.

— Что-жь вы мнѣ не изволите отвѣчать? продолжалъ Павелъ.—Впрочемъ, нѣтъ.... нѣтъ, прибавилъ онъ: — эдакъ не дѣло; крикомъ да бранью ничего не возмешь. Нѣтъ, вы мнѣ лучше добромъ скажите, Николай Еремѣичъ, за что вы меня преслѣдуете? за что вы меня погубить хотите? Ну, говорите-же, говорите.

— Здѣсь не мѣсто съ вами объясняться, не безъ волненія возразилъ главный конторщикъ: — да и не время. Только я, признаюсь, одному удивляюсь: съ чего вы взяли, что я васъ

погубить желаю, или преслѣдую? Да и какъ, наконецъ, могу я васъ преслѣдовать? Вы не у меня въ конторѣ состоите.

— Еще-бы, отвѣчалъ Павелъ:—этого-бы только недоставало. Но зачѣмъ-же вы притворяетесь, Николай Еремѣичъ?... Вѣдь, вы меня понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Нѣтъ, понимаете.

— Нѣтъ, ей-Богу, не понимаю.

— Еще божитесь! Да ужь коли на то пошло, скажите: ну, не боитесь вы Бога? Ну за что вы бѣдной дѣвкѣ жить не даете? Что вамъ надобно отъ нея?

— Вы о комъ говорите, Павелъ Андреичъ? съ притворнымъ изумленіемъ спросилъ толстякъ.

— Эка! не знаетъ, небось! я объ Татьянѣ говорю. Побойтесь Бога,—за что мстите? Стыдитесь: вы человѣкъ женатый, дѣти у васъ съ меня уже ростомъ, а я не что другое.... я жениться хочу: я по чести поступаю.

— Чѣмъ-же я тутъ виноватъ, Павелъ Андреичъ? Барыня вамъ жениться не позволяетъ; ея господская воля! Я-то тутъ что?

— Вы что? а вы съ этой старой вѣдьмой, съ ключницей, не стакнулись небось ? Небось не наушничаете, а? Скажите, не взводите на беззащитную дѣвку всякую небылицу? Небось не по вашей милости ее изъ прачекъ въ судомойки произвели? И бьютъ-то ее, и въ затрапезѣ держатъ не по вашей милости?... Стыдитесь, стыдитесь, старый вы человѣкъ! Вѣдь, васъ параличь, того и гляди, разобьетъ.... Богу отвѣчать прійдется.

— Ругайтесь, Павелъ Андреичъ, ругайтесь.... Долго-ли вамъ прійдется ругаться-то!

Павелъ вспыхнулъ.

— Что? грозить мнѣ вздумалъ? съ сердцемъ заговорилъ онъ. — Ты думаешь, я тебя боюсь? Нѣтъ, братъ, не на того наткнулся! чего мнѣ бояться?... Я вездѣ себѣ хлѣбъ сыщу. Вотъ ты другое дѣло. Тебѣ только здѣсь и жить, да наушничать, да воровать....

— Вѣдь, вотъ какъ зазнался, перебилъ его конторщикъ, который тоже начиналъ терять терпѣніе: — фершелъ, просто

фершелъ, лекаришка пустой; а послушай-ка его,—фу, ты, какая важная особа.

— Да, фершелъ, а безъ этого фершела, ваша милость теперь бы на кладбищѣ гнила.... И дернула-же меня нелегкая его вылечить, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Ты меня вылечилъ?.... Нѣтъ, ты меня отравить хотѣлъ; ты меня сабуромъ опоилъ,—подхватилъ конторщикъ.

— Что-жь, коли на тебя, кромѣ сабура, ничего дѣйствовать не могло?

— Сабуръ врачебной управой запрещенъ, продолжалъ Николай:—я еще на тебя пожалуюсь.... Ты уморить меня хотѣлъ—вотъ, что! Да Господь не попустилъ.

— Полно вамъ, полно, господа, началъ было кассиръ.

— Отстань! крикнулъ конторщикъ. — Онъ меня отравить хотѣлъ! Понимаешь ты эфто?

— Очень нужно мнѣ.... Слушай, Николай Еремѣевъ, заговорилъ Павелъ съ отчаяніемъ: — въ послѣдній разъ тебя прошу.... вынудилъ ты меня—не въ терпежъ мнѣ становится. Оставь насъ въ покоѣ, понимаешь? а то, ей-Богу, не сдобровать кому-нибудь изъ насъ, я тебѣ говорю.

Толстякъ расходился.

— Я тебя не боюсь, закричалъ онъ:—слышишь-ли ты, молокососъ! Я и съ отцомъ твоимъ справился, я и ему рога сломилъ,—тебѣ примѣръ, смотри!

— Не напоминай мнѣ про отца, Николай Еремѣевъ, не напоминай!

— Вона! ты что мнѣ за уставщикъ?

— Говорятъ тебѣ, не напоминай!

— А тебѣ говорятъ, не забывайся.... Какъ ты тамъ барынѣ по твоему ни нуженъ, а коли изъ насъ двухъ ей прійдется выбирать, — не удержишься ты, голубчикъ! Бунтовать никому не позволяется, смотри! (Павелъ дрожалъ отъ бѣшенства). А дѣвкѣ Татьянѣ по дѣломъ.... Погоди, не то ей еще будетъ.

Павелъ кинулся впередъ съ поднятыми руками и конторщикъ тяжко покатился на полъ.

— Въ кандалы его, въ кандалы, застоналъ Николай Еремѣевъ....

Конца этой сцены я не берусь описывать; я и такъ боюсь, не оскорбилъ–ли я чувства читателя.

Въ тотъ–же день я вернулся домой. Недѣлю спустя, я узналъ, что госпожа Лоснякова оставила и Павла, и Николая у себя въ услуженіи, а дѣвку Татьяну сослала: видно, не понадобилась.

БИРЮКЪ.

—

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ на-встрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не ви-

дѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — таже фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза....

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Что̀ дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ», и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился. — «Вотъ мы и дома, баринъ», примолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ.— Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь.—«Сичасъ, сичасъ»! раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрыпѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ руба-

шонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ,—сердце во мнѣ заныло: не весело войдти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрыпѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ (*).

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, которого всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: «Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ.... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужь не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ—не дается.»

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я:—я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо:—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ.... да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала, произнесъ онъ съ жесткой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.—На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ. — Вотъ, и его бросила, продолжалъ онъ въ полголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ:—нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба....

(*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту.... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь....

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшаго молчанья:—коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лясу шалятъ.... У Кобыльяго Верху (*) дерево рубятъ, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился.—«Во.... вотъ, проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: вишь какую ночку выбралъ».—Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. «А эдакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ вслухъ:—и прозѣваю его».—«Я съ тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ:—мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте».

(*) «Верхомъ» называется въ Орловской губерніи оврагъ.

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. —«Вишь, бормоталъ онъ скозь зубы: слышите? слышите?»— «Да гдѣ?»—Бирюковъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье—мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. —«Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрыпѣли, лошадь фыркала.... «Куда? стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка.—Другой голосъ закричалъ жалобно, по заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ:—не уйдешь».... Я бросился въ направленьи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ, молча взялъ лошадь за холку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. «Ну, поворачивайся, ворона!» примолвилъ онъ сурово.—«Топорикъ-то, вонъ возьмите», пробормоталъ мужикъ.—«Зачѣмъ ему пропадать?» сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади.... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойман-

ную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ, замѣтилъ лѣсникъ:—переждать прійдется. Не хотите-ли прилечь?

— Спасибо.

— Я-бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика:—да, вишь, засовъ....

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а, Ѳома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти.... съ голодухи.... отпусти!

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ:—ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ:—прикащикъ.... раззорены, во-какъ.... отпусти!

— Раззорены!... Воровать никому не слѣдъ....

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ.... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ:—отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-

Богу, съ голодухи.... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... одинъ животъ и есть.... отпусти!

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того.... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать, сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что-ли, барина?

Бѣднякъ потупился.... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на», началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — «на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей....»

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, язіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что-ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что-ли?

— Пьянъ.... не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты.... да я тебя!...

— А мнѣ что? Все едино—пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ— все едино. Пропадай все: жена, дѣти,—околѣвай все.... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей.... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!...

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я:—оставь его.... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино —околѣвать–то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ чваниться: затянутъ тебѣ глотку, постой.

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику....

— Не троньте, баринъ! крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я–бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ:—да смотри, въ другой разъ у меня....

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужь я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ:—знать дождика–то вамъ не переждать....

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! пробормоталъ онъ:—да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

ДВА ПОМѢЩИКА.

Я уже имѣлъ честь представить вамъ, благосклонные читатели, нѣкоторыхъ моихъ господъ сосѣдей; позвольте-же мнѣ теперь, кстати (для нашего брата писателя все кстати), познакомить васъ еще съ двумя помѣщиками, у которыхъ я часто охотился, съ людьми весьма почтенными, благонамѣренными и пользующимися всеобщимъ уваженіемъ нѣсколькихъ уѣздовъ.

Сперва опишу вамъ отставнаго генералъ-майора Вячеслава Илларіоновича Хвалынскаго. Представьте себѣ человѣка высокаго и когда-то стройнаго, теперь-же нѣсколько обрюзглаго, но вовсе не дряхлаго, даже не устарѣлаго, человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, въ самой, какъ говорится, порѣ. Правда, нѣкогда правильныя и теперь еще пріятныя черты лица его немного измѣнились, щеки повисли, частыя морщины лучеобразно расположились около глазъ, иныхъ зубовъ уже нѣтъ, какъ сказалъ Саади, по увѣренію Пушкина; русые волосы, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые остались въ цѣлости, превратились въ лиловые, благодаря составу, купленному на Роменской конной ярмаркѣ у жида, выдававшаго себя за армянина; но Вячеславъ Илларіоновичъ выступаетъ бойко, смѣется звонко, позвякиваетъ шпорами, крутитъ усы, наконецъ, называетъ себя старымъ кавалеристомъ, между-тѣмъ-какъ извѣстно, что настоящіе ста-

рики сами никогда себя не называютъ стариками. Носитъ онъ обыкновенно сюртукъ застегнутый до верху, высокій галстухъ съ накрахмаленными воротничками и нанталоны сѣрыя съ искрой, военнаго покроя; шляпу-же надѣваетъ прямо на лобъ, оставляя весь затылокъ наружи. Человѣкъ онъ очень добрый, но съ понятіями и привычками довольно странными, напримѣръ: онъ никакъ не можетъ обращаться съ дворянами небогатыми или нечиновными, какъ съ равными себѣ людьми. Разговаривая съ ними, онъ обыкновенно глядитъ на нихъ съ боку, сильно опираясь щекою въ твердый и бѣлый воротникъ, или вдругъ возьметъ да озаритъ ихъ яснымъ и неподвижнымъ взоромъ, помолчитъ и двинетъ всею кожей подъ волосами на головѣ; даже слова иначе произноситъ и не говоритъ, напримѣръ: «благодарю, Павелъ Васильичъ», или: «пожалуйте сюда, Михайло Иванычъ», а: боллдарю, Палл' Асиличъ», или: «па-ажалте сюда, Михал' Ванычъ.» Съ людьми-же, стоящими на низшихъ ступеняхъ общества, онъ обходится еще страннѣе: вовсе на нихъ не глядитъ и прежде чѣмъ объяснитъ имъ свое желаніе, или отдастъ приказъ, нѣсколько разъ сряду, съ озабоченнымъ и мечтательнымъ видомъ, повторитъ: «какъ тебя зовутъ?... какъ тобя зовутъ?», ударяя необыкновенно рѣзко на первомъ словѣ «какъ», а остальныя произнося очень быстро, что придаетъ всей поговоркѣ довольно близкое сходство съ крикомъ самца-перепела. Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой: взялъ къ себѣ въ управители отставнаго вахмистра, малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ, въ дѣлѣ хозяйничества, никто у насъ еще не перещеголялъ одного петербургскаго важнаго чиновника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что овины у него въ имѣньи часто подвергаются пожарамъ, отчего много хлѣба пропадаетъ,—отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ-же самый сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля макомъ, вслѣдствіе весьма, по видимому, простаго разсчета: макъ, дескать, дороже ржи, слѣдовательно сѣять макъ выгоднѣе. Онъ-же приказалъ своимъ крѣпостнымъ бабамъ носитъ кокошники по высланному изъ Петербурга образцу; и дѣйствительно, до сихъ поръ въ имѣніяхъ его бабы носятъ кокошники... только сверху кичекъ... Но возвратимся къ Вячеславу

Илларіоновичу. Вячеславъ Илларіоновичъ ужасный охотникъ до прекраснаго пола и, какъ только увидитъ у себя въ уѣздномъ городѣ на бульварѣ хорошенькую особу, немедленно пустится за нею вслѣдъ, но тотчасъ же и захромаетъ,—вотъ что замѣчательное обстоятельство. Въ карты играть онъ любитъ, но только съ людьми званія низшаго; они-то ему: «Ваше Превосходительство», а онъ-то ихъ пушитъ и распекаетъ, сколько душѣ его угодно. Когда-жь ему случится играть съ губернаторомъ, или съ какимъ нибудь чиновнымъ лицомъ,—удивительная происходитъ въ немъ перемѣна: и улыбается-то онъ, и головой киваетъ, и въ глаза-то имъ глядитъ — медомъ такъ отъ него и несетъ.... Даже проигрываетъ и не жалуется. Читаетъ Вячеславъ Илларіонычъ мало, и при чтеніи безпрестанно поводитъ усами и бровями, словно волну снизу вверхъ по лицу пускаетъ. Особенно замѣчательно это волнообразное движеніе на лицѣ Вячеслава Илларіоныча, когда ему случается (при гостяхъ, разумѣется) пробѣгать столбцы «Journal des Débats.» На выборахъ играетъ онъ роль довольно значительную; но отъ почетнаго званія предводителя, по скупости, отказывается. «Господа, говоритъ онъ обыкновенно приступающимъ къ нему дворянамъ, и говоритъ голосомъ, исполненнымъ покровительства и самостоятельности:—много благодаренъ за честь; но я рѣшился посвятить свой досугъ уединенію». И сказавши эти слова , поведетъ головой нѣсколько разъ направо и налѣво, а пототъ съ достоинствомъ наляжетъ подбородкомъ и щеками на галстухъ. Состоялъ онъ въ молодые годы адьютантомъ у какого-то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ какъ по имени и по отчеству; говорятъ, будто-бы онъ принималъ на себя не однѣ адьютантскія обязанности,—да не всякому слуху можно вѣрить. Впрочемъ, и самъ Хвалынскій о *своемъ* служебномъ поприщѣ не любитъ говорить, что вообще *довольно* странно; на войнѣ онъ тоже, кажется, не бывалъ. Живетъ генералъ Хвалынскій въ небольшомъ домикѣ, одинъ; супружескаго счастья онъ въ своей жизни не испыталъ и потому до сихъ поръ еще считается женихомъ, и даже выгоднымъ женихомъ. За то ключница у него, женщина лѣтъ тридцати пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свѣжая и съ усами, по будничнимъ днямъ ходитъ въ накрахмалиныхъ платьяхъ, а по вос-

кресеньямъ и кисейные рукава надѣваетъ. Хорошъ бываетъ Вячеславъ Илларіонычъ на большихъ званыхъ обѣдахъ, даваемыхъ помѣщиками въ честь губернаторовъ и другихъ властей: тутъ онъ, можно сказать, совершенно въ своей тарелкѣ. Сидитъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, если не по правую руку губернатора, то и не въ далекомъ отъ него разстояніи; въ началѣ обѣда болѣе придерживается чувства собственнаго достоинства и, закинувшись назадъ, но не оборачивая головы, сбоку пускаетъ взоръ внизъ по круглымъ затылкамъ и стоячимъ воротникамъ гостей; за то къ концу стола развеселяется, начинаетъ улыбаться во всѣ стороны (въ направленіи губернатора онъ съ начала обѣда улыбался), а иногда даже предлагаетъ тостъ въ честь прекраснаго пола, украшенія нашей планеты, по его словамъ. Также не дуренъ генералъ Хвалынскій на всѣхъ торжественныхъ и публичныхъ актахъ, экзаменахъ, собраньяхъ и выставкахъ. На разъѣздахъ, переправахъ и въ другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, люди Вячеслава Илларіоныча не шумятъ и не кричатъ; напротивъ, раздвигая народъ или вызывая карету, говорятъ пріятнымъ горловымъ баритономъ: «позвольте, позвольте, дайте генералу Хвалынскому пройдти», или: «генерала Хвалынскаго экипажъ».... Экипажъ, правда, у Хвалынскаго формы довольно старинной; на лакеяхъ ливрея довольно потертая (о томъ, что она сѣрая съ красными выпушками, кажется, едва-ли нужно упомянуть); лошади тоже довольно пожили и послужили на своемъ вѣку, но на щегольство Вячеславъ Илларіонычъ притязаній не имѣетъ и не считаетъ даже званію своему приличнымъ пускать пыль въ глаза. Особеннымъ даромъ слова Хвалынскій не владѣетъ, или, можетъ быть, не имѣетъ случая высказать свое краснорѣчіе, потому что не только спора, но вообще возраженья не терпитъ и всякихъ длинныхъ разговоровъ, особенно съ молодыми людьми, тщательно избѣгаетъ. Оно дѣйствительно вѣрнѣе; а то съ нынѣшнимъ народомъ бѣда: какъ разъ изъ повиновенія выйдетъ и уваженіе потеряетъ. Передъ лицами высшими Хвалынскій большей частью безмолствуетъ; а къ лицамъ низшимъ, которыхъ, по видимому, презираетъ, но съ которыми только и знается, держитъ рѣчи отрывистыя и рѣзкія, безпрестанно употребляя выраженья, подобныя слѣдующимъ: «это, однако, вы пус-тя-ки говорите»,

или: «я наконецъ вынужденнымъ нахожусь, милостивый сдарь мой, вамъ поставитъ на видъ», или: «наконецъ, вы должны однако-же знать, съ кѣмъ имѣете дѣло» и пр. Особенно боятся его почтмейстеры, непремѣнные засѣдатели и станціонные смотрители. Дома онъ у себя никого не принимаетъ и живетъ, какъ слышно, скрягой. Совсѣмъ тѣмъ онъ прекрасный помѣщикъ. «Старый служака, человѣкъ безкорыстный, съ правилами, vieux grognard», говорятъ про него сосѣди. Одинъ прокуроръ губернскій позволяетъ себѣ улыбаться, когда при немъ упоминаютъ объ отличныхъ и солидныхъ качествахъ Хвалынскаго,—да чего не дѣлаетъ зависть!...

А, впрочемъ, перейдемъ теперь къ другому помѣщику.

Мардарій Аполонычъ Стегуновъ ни въ чемъ не походилъ на Хвалынскаго; онъ едва-ли гдѣ нибудь служилъ и никогда красавцемъ не почитался. Мардарій Аполлонычъ старичокъ низенькій, пухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосолъ и балагуръ; живетъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе; зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ шлафрокѣ на ватѣ. Въ одномъ онъ только сошелся съ генераломъ Хвалынскимъ: онъ тоже холостякъ. У него пятьсотъ душъ. Мардарій Аполлонычъ занимается своимъ имѣньемъ довольно поверхностно; купилъ, чтобы не отстать отъ вѣка, лѣтъ десять тому назадъ, у Бутенопа въ Москвѣ молотильную машину, заперъ ее въ сарэй, да и успокоился. Развѣ въ хорошій лѣтній день велитъ заложить бѣговыя дрожки и съѣздитъ въ поле на хлѣба посмотрѣть, да васильковъ нарвать. Живетъ Мардарій Аполлонычъ совершенно на старый ладъ. И домъ у него старинной постройки: въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, сальными свѣчами и кожей; тутъ-же направо буфетъ съ трубками и утиральниками; въ столовой фамильные портреты, мухи, большой горшокъ ерани и кислыя фортопьяны; въ гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы съ почернѣвшей эмалью и бронзовыми, рѣзными стрѣлками; въ кабинетѣ столъ съ бумагами, ширмы синеватаго цвѣта съ наклеенными картинками, вырѣзанными изъ разныхъ сочиненій прошедшаго столѣтія, шканы съ вонючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь въ садъ....

Словомъ, все, какъ водится. Людей у Мардарья Аполлоныча множество и всѣ одѣты по старинному: въ длинные синіе кафтаны съ высокими воротниками, панталоны мутнаго колорита и коротенькіе, желтоватые жилетцы. Гостямъ они говорятъ: «батюшка». Хозяйствомъ у него завѣдываетъ бурмистръ изъ мужиковъ, съ бородой во весь тулупъ; домомъ—старуха, повязанная картиневымъ платкомъ, сморщенная и скупая. На конюшнѣ у Мардарья Аполлоныча стоитъ тридцать разнокалиберныхъ лошадей; выѣзжаетъ онъ въ дома-дѣланной коляскѣ въ полтораста пудъ. Гостей принимаетъ онъ очень радушно и угощаетъ на славу, то есть: благодаря одуряющимъ свойствамъ русской кухни, лишаетъ ихъ вплоть до самого вечера всякой возможности заняться чѣмъ-нибудь, кромѣ преферанса. Самъ-же никогда ничѣмъ не занимается и даже «Сонникъ» пересталъ читать. Но такихъ помѣщиковъ у насъ на Руси аще довольно много. Спрашивается: съ какой стати я заговорилъ о немъ и зачѣмъ?... А вотъ, позвольте вмѣсто отвѣта разсказать вамъ одно изъ моихъ посѣщеній у Мардарія Аполлоныча.

Пріѣхалъ я къ нему лѣтомъ, часовъ въ семь вечера. У него только-что отошла всенощная, и священникъ, молодой человѣкъ, по видимому, весьма робкій и недавно вышедшій изъ семинаріи, сидѣлъ въ гостинной возлѣ двери, на самомъ краюшкѣ стула. Мардарій Аполлонычъ, по-обыкновенію, чрезвычайно ласково меня принялъ: онъ непритворно радовался каждому гостю, да и человѣкъ онъ былъ вообще предобрый. Священникъ всталъ и взялся за шляпу.

— Погоди, погоди, батюшка, заговорилъ Мардарій Аполлонычъ, не выпуская моей руки:—не уходи.... Я велѣлъ тебѣ водки принести.

— Я не пью-съ, съ замѣшательствомъ пробормоталъ священникъ и покраснѣлъ до ушей.

— Что за пустяки! отвѣчалъ Мардарій Аполлонычъ: — Мишка! Юшка! водки батюшкѣ!

Юшка, высокій и худощавый старикъ лѣтъ осьмидесяти, вошелъ съ рюмкой водки на темномъ крашеномъ подносѣ, испещренномъ пятнами тѣлеснаго цвѣта.

Священникъ началъ отказываться.

— Пей, батюшка, не ломайся, не.... хорошо замѣтилъ помѣщикъ съ укоризной.

Бѣдный молодой человѣкъ повиновался.

— Ну, теперь, батюшка, можешь идти.

Священникъ началъ кланяться.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай.... Прекрасный человѣкъ, продолжалъ Мардарій Аполлонычъ, глядя ему вслѣдъ: — очень я имъ доволенъ; одно—молодъ еще. Но вы-то какъ, мой батюшка?... Что вы, какъ вы? Пойдемте-ка на балконъ—вишь, вечеръ какой славный.

Мы вышли на балконъ, сѣли и начали разговаривать. Мардарій Аполлонычъ взглянулъ внизъ и вдругъ пришелъ въ ужасное волненье.

— Чьи это куры? чьи это куры? закричалъ онъ:—чьи это куры по саду ходятъ?... Юшка! Юшка! поди узнай сейчасъ, чьи это куры по саду ходятъ.... Чьи это куры? Сколько разъ я запрещалъ, сколько разъ говорилъ!

Юшка побѣжалъ.

— Что за безпорядки! твердилъ Мардарій Аполлонычъ: — это ужасъ!

Несчастныя куры, какъ теперь помню, двѣ крапчатыя и одна бѣлая съ хохломъ, преспокойно продолжали ходить подъ яблонями, изрѣдка выражая свои чувства продолжительнымъ крехтаньемъ,—какъ вдругъ Юшка, безъ шапки, съ палкой въ рукѣ, и трое другихъ совершеннолѣтнихъ дворовыхъ, всѣ вмѣстѣ дружно ринулись на нихъ. Пошла потѣха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бѣгали, спотыкались, падали; баринъ съ балкона кричалъ, какъ изступленный: «лови, лови, лови, лови! лови, лови, лови!... Чьи это куры, чьи это куры?»—Наконецъ, одному дворовому человѣку удалось поймать хохлатую курицу, придавивъ ее грудью къ землѣ, и въ тоже-самое время черезъ плетень сада, съ улицы, перескочила дѣвочка лѣтъ одинадцати, вся растрепанная и съ хворостиной въ рукѣ.

— А, вотъ чьи куры! съ торжествомъ воскликнулъ помѣщикъ:—Ермила кучера куры! вонъ онъ свою Наталку загнать ихъ выслалъ.... Небось Параши не выслалъ, присово-

купилъ помѣщикъ въ полголоса, и значительно ухмыльнулся.— Эй, Юшка! брось куриц-то: поймай-ка мнѣ Наталку.

Но прежде чѣмъ запыхавшійся Юшка успѣлъ добѣжать до перепуганной дѣвчонки,—откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и нѣсколько разъ шлепнула бѣдняжку по спинѣ....

— Вотъ тэкъ, э, вотъ тэкъ, подхватилъ помѣщикъ:—те, те, те! те, те, те!... А куръ-то отбири, Авдотья, прибавилъ онъ громкимъ голосомъ, и съ свѣтлымъ лицомъ обратился ко мнѣ:—какова, батюшка, травля была, ась? Вспотѣлъ даже, посмотрите.

И Мардарій Аполлонычъ расхохотался.

Мы остались на балконѣ. Вечеръ былъ, дѣйствительно, необыкновенно хорошъ.

Намъ подали чай.

— Скажите-ка, началъ я:—Мардарій Аполлонычъ, ваши это дворы выселены, вонъ тамъ на дорогѣ, за оврагомъ?

— Мои.... а что?

— Какъ-же это вы, Мардарій Аполлонычъ? Вѣдь, это грѣшно. Избенки отведены мужикамъ скверныя, тѣсныя; деревца кругомъ не увидишь; сажалки даже нѣту; колодезь одинъ, да и тотъ никуда не годится. Неужели вы другого мѣста найдти не могли?... И, говорятъ, вы у нихъ даже старые конопляники отняли?

— А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлонычъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ. (Онъ указалъ на свой затылокъ.) И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу. А что я конопляники у нихъ отнялъ и сажалки, что-ли, тамъ у нихъ не выкопалъ,—ужь про это, батюшка, я самъ знаю. Я человѣкъ простой,—по старому поступаю. По моему: коли баринъ—такъ баринъ, а коли мужикъ—такъ мужикъ.... Вотъ что.

На такой ясный и убѣдительный доводъ отвѣчать, разумѣется, было нечего.

— Да притомъ, продолжалъ онъ: — и мужики-то плохіе, опальные. Особенно тамъ двѣ семьи; еще батюшка покойный, дай Богъ ему царство небесное, ихъ не жаловалъ, больно не жаловалъ. А у меня, скажу вамъ, такая примѣта: коли отецъ

воръ, то и сынъ воръ; ужь тамъ какъ хотите.... О, кровь, кровь великое дѣло!

Между тѣмъ воздухъ затихъ совершенно. Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и, въ послѣдній разъ, замирая около дома, донесъ до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мардарій Аполлонычъ только что донесъ къ губамъ налитое блюдечко и уже разширилъ было ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втягиваетъ въ себя чая,—но остановился, прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ-бы невольно вторя ударамъ: «Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!»

— Это что такое? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ.... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вотъ, что намедни за обѣдомъ намъ служилъ. Еще съ такими большими бакенбардами ходитъ.

Самое лютое негодованіе не устояло-бы противъ яснаго и кроткаго взора Мардарія Аполлоныча.

— Что вы, молодой человѣкъ, что вы? заговорилъ онъ, качая головой. Что я злодѣй, что ли, что вы на меня такъ уставились? Любяй, да наказуетъ: вы сами знаете.

Черезъ четверть часа я простился съ Мардаріемъ Аполлонычемъ. Проѣзжая черезъ деревню, увидѣлъ я буфетчика Васю. Онъ шелъ по улицѣ и грызъ орѣхи. Я велѣлъ кучеру остановить лошадей и подозвалъ его.

— Что, братъ, тебя сегодня наказали? спросилъ я его.

— А вы почемъ знаете? отвѣчалъ Вася.

— Мнѣ твой баринъ сказывалъ.

— Самъ баринъ?

— За что-жь онъ тебя велѣлъ наказать?

— А по дѣломъ, батюшка, по дѣломъ. У насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого заведенья у насъ нѣту—ни, ни. У насъ баринъ не такой; у насъ баринъ.... такого барина въ цѣлой губерніи не сыщешь.

— Пошелъ! сказалъ я кучеру. Вотъ она, старая-то Русь! думалъ я на возвратномъ пути.

ЛЕБЕДЯНЬ.

—

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, что̀ для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать «цѣликомъ», останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопросомъ: «эй, любезный! какъ-бы намъ проѣхать въ Мордовку?» а въ Мордовкѣ выпытывать у тупоумной бабы (работники-то всѣ въ полѣ): далеко-ли до постоялыхъ двориковъ на большой дорогѣ, и какъ до нихъ добраться,—и, проѣхавъ верстъ десять, вмѣсто постоялыхъ двориковъ очутиться въ помѣщичьемъ, сильно раззоренномъ сельцѣ Худобубновѣ, къ крайнему изумленію цѣлаго стада свиней, погруженныхъ по уши въ темнобурую грязь на самой серединѣ улицы и нисколько не ожидавшихъ, что ихъ обезпокоятъ. Не весело также переправляться черезъ животрепещущіе мостики, спускаться въ овраги, перебираться въ бродъ черезъ болотистые ручьи; не весело ѣхать, цѣлыя сутки ѣхать по зеленоватому морю большихъ дорогъ, или, чего Боже сохрани, загрязнуть на нѣсколько часовъ передъ пестрымъ верстовымъ столбомъ съ цыфрами: 22 на одной сторонѣ и 23 на другой; не весело по недѣлямъ питаться яицами, молокомъ

и хваленымъ ржанымъ хлѣбомъ.... Но всѣ эти неудобства и неудачи выкупаются другаго рода выгодами и удовольствіями. Впрочемъ, приступимъ къ самому разсказу.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, мнѣ не для чего толковать читателю, какимъ образомъ, лѣтъ пять тому назадъ, я попалъ въ Лебедянь въ самый развалъ ярмарки. Нашъ братъ охотникъ можетъ въ одно прекрасное утро выѣхать изъ своего болѣе или менѣе родоваго помѣстья съ намѣреньемъ вернуться на другой-же день вечеромъ, и по-немногу, по-немногу, не переставая стрѣлять по бекасамъ, достигнуть наконецъ благословенныхъ береговъ Печоры; притомъ, всякій охотникъ до ружья и до собаки—страстный почитатель благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ: лошади. И такъ, я прибылъ въ Лебедянь, остановился въ гостинницѣ, переодѣлся и отправился на ярмарку. (Половой, длинный и сухопарый, малый лѣтъ двадцати, со сладкимъ носовымъ тенеромъ, уже успѣлъ мнѣ сообщить, что ихъ сіятельство, князь Н., ремонтеръ ***го полка, остановился у нихъ въ трактирѣ, что много другихъ господъ наѣхало, что по вечерамъ цыгане поютъ, и пана Твардовскаго даютъ на театрѣ, что кони, дескать, въ цѣнѣ,—а, впрочемъ, хорошіе приведены кони).

На ярмарочной площади безконечными рядами тянулись телѣги, а за телѣгами лошади всѣхъ возможныхъ родовъ: рысистыя, заводскія, битюки, возовыя, ямскія и простыя крестьянскія. Иныя, сытыя и гладкія, подобранныя по мастямъ, покрытыя разноцвѣтными попонами, коротко привязанныя къ высокимъ кряквамъ, боязливо косились назадъ, на слишкомъ знакомые имъ кнуты своихъ владѣльцевъ-барышниковъ; помѣщичьи кони, высланные степными дворянами за сто, за двѣсти верстъ, подъ надзоромъ какого нибудь дряхлаго кучера и двухъ или трехъ крѣпкоголовыхъ конюховъ, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; саврасыя вятки плотно прижимались другъ къ дружкѣ; въ величавой неподвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки съ волнистыми хвостами и косматыми лапами, сѣрые въ яблокахъ, вороные, гнѣдые. Знатоки почтительно останавливались передъ ними. Въ улицахъ, образованныхъ телѣгами, толпились люди всякаго званія, возраста и вида: барышники, въ синихъ каф-

танахъ и высокихъ шапкахъ, лукаво высматривали и выжидали покупщиковъ; лупоглазые, кудрявые цыганы метались взадъ и впередъ, какъ угорѣлые, глядѣли лошадямъ въ зубы, подымали имъ ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками, метали жребій или увивались около какого нибудь ремонтера въ фуражкѣ и военной шинели съ бобромъ. Дюжій казакъ торчалъ верхомъ на тощемъ меринѣ съ оленьей шеей и продавалъ его «совсимъ», т. е., съ сѣдломъ и уздечкой. Мужики, въ изорванныхъ подъ мышками тулупахъ, отчаянно продирались сквозь толпу, навалились десятками на телѣгу, запряженную лошадью, которую слѣдовало «спробовать», или, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, при помощи увертливаго цыгана, торговались до изнеможенія, сто разъ сряду хлопали другъ друга по рукамъ, настаивая каждый на своей цѣнѣ, между тѣмъ какъ предметъ ихъ спора, дрянная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только-что глазами помаргивала, какъ будто дѣло шло не о ней.... И въ самомъ дѣлѣ, не все-ли ей равно, кто ее бить будетъ! Широколобые помѣщики съ крашеными усами и выраженіемъ достоинства на лицѣ, въ конфедераткахъ и камлотовыхъ чуйкахъ, надѣтыхъ на одинъ рукавъ, снисходительно заговаривали съ пузатыми купцами въ пуховыхъ шляпахъ и зеленыхъ перчаткахъ. Офицеры различныхъ полковъ толкались тутъ же; необыкновенно длинный кирасиръ, нѣмецкаго происхожденія, хладнокровно спрашивалъ у хромаго барышника: «сколько онъ желаетъ получить за сію рыжую лошадь?» Бѣлокурый гусарчикъ, лѣтъ девятнадцати, подбиралъ пристяжную къ поджарому иноходцу; ямщикъ, въ низкой шляпѣ, обвитой павлиньимъ перомъ, въ буромъ армякѣ и съ кожаными рукавицами, засунутыми за узкій зелененькій кушакъ, искалъ коренника. Кучера заплетали лошадямъ своимъ хвосты, мочили гривы и давали почтительные совѣты господамъ. Окончившіе сдѣлку спѣшили въ трактиръ или въ кабакъ, смотря по состоянію.... И все это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смѣялось, въ грязи по колѣни. Мнѣ хотѣлось купить тройку сносныхъ лошадей для своей брычки: мои начинали отказываться. Я нашелъ двухъ, а третью не успѣлъ подобрать. Послѣ обѣда, котораго описывать я не берусь (уже Эней зналъ, какъ непріятно припоминать минувшее

горе), отправился я въ такъ–называемую кофейную, куда каждый вечеръ собирались ремонтеры, заводчики и другіе пріѣзжіе. Въ бильярдной комнатѣ, затопленной свинцовыми волнами табачнаго дыма, находилось человѣкъ двадцать. Тутъ были развязные молодые помѣщики въ венгеркахъ и сѣрыхъ панталонахъ, съ длинными висками и намасленными усиками, благородно и смѣло взиравшіе кругомъ; другіе дворяне въ казакинахъ, съ необыкновенно короткими шеями и заплывшими глазками, тутъ-же мучительно сопѣли; купчики сидѣли въ сторонѣ, какъ говорится, «на чуку»; офицеры свободно разговаривали другъ съ другомъ. На биліардѣ игралъ князь Н., молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ веселымъ и нѣсколько презрительнымъ лицомъ, въ сюртукѣ на распашку, красной шелковой рубахѣ и широкихъ бархатныхъ шароварахъ; игралъ онъ съ отставнымъ поручикомъ Викторомъ Хлопаковымъ.

Отставной поручикъ Викторъ Хлопаковъ, маленькій, смугленькій и худенькій человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ черными волосиками, карими глазами и тупымъ вздернутымъ носомъ, прилежно посѣщаетъ выборы и ярмарки. Онъ подпрыгиваетъ на–ходу, ухорски разводитъ округленными руками, шапку носитъ на-бекрень и заворачиваетъ рукава своего военнаго сюртука, подбитаго сизымъ каленкоромъ. Господинъ Хлопаковъ обладаетъ умѣньемъ поддѣлываться къ богатымъ петербургскимъ шалунамъ, куритъ, пьетъ и въ карты играетъ съ ними, говоритъ имъ «ты». За что они его жалуютъ, понять довольно мудрено. Онъ не уменъ, онъ даже не смѣшонъ; въ шуты онъ тоже не годится. Правда, съ нимъ обращаются дружески–небрежно, какъ съ добрымъ, но пустымъ малымъ; якшаются съ нимъ въ теченіи двухъ–трехъ недѣль, а потомъ вдругъ и не кланяются съ нимъ, и онъ самъ ужь не кланяется. Особенность поручика Хлопакова состоитъ въ томъ, что онъ въ продолженіе года, иногда двухъ, употребляетъ постоянно одно и тоже выраженіе, кстати и не кстати, выраженіе нисколько не забавное, но которое, Богъ знаетъ почему, всѣхъ смѣшитъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, онъ на каждомъ шагу говорилъ: «мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую», и тогдашніе его покровители всякій разъ помирали со смѣху и заставляли его повторять «мое почитаніе»; потомъ онъ сталъ употреблять

довольно сложное выраженіе: «нѣтъ, ужь это вы того, кескесэ,—это вышло выходитъ», и съ тѣмъ-же блистательнымъ успѣхомъ; года два спустя придумалъ новую прибаутку: «не ву горяче па, человѣкъ Божій, обшитъ бараньей кожей» и т. д. И что-же! эти, какъ видите, вовсе не затѣйливыя словечки его кормятъ, поятъ и одѣваютъ. (Имѣнье онъ свое давнымъ-давно промоталъ и живетъ единственно на счетъ пріятелей). Замѣтьте, что рѣшительно никакихъ другихъ любезностей за нимъ не водится; правда, онъ выкуриваетъ сто трубокъ Жукова въ день, а, играя на бильярдѣ, поднимаетъ правую ногу выше головы и, прицѣливаясь, неистово ёрзаетъ кіемъ по рукѣ,—ну, да вѣдь, до такихъ достоинствъ не всякій охотникъ. Пьетъ онъ тоже хорошо.... да на Руси этимъ отличиться мудрено. Словомъ, успѣхъ его—совершенная для меня загадка.... Одно развѣ: остороженъ онъ, сору изъ избы не выноситъ, ни о комъ дурнаго словечка не скажетъ....

«Ну, подумалъ я при видѣ Хлопакова: — какая-то его нынѣшняя поговорка?»

Князь сдѣлалъ бѣлаго.

— Тридцать и никого, возопилъ чахоточный маркеръ съ темнымъ лицемъ и свинцомъ подъ глазами.

Князь съ трескомъ положилъ желтаго въ крайнюю лузу.

— Экъ! одобрительно крякнулъ всѣмъ животомъ толстенькій купецъ, сидѣвшій въ уголкѣ за шаткимъ столикомъ на одной ножкѣ, крякнулъ и оробѣлъ. Но къ счастью никто его не замѣтилъ. Онъ отдохнулъ и погладилъ бородку.

— Тридцать шесть и очень мало! закричалъ маркеръ въ носъ.

— Что, каково, братъ? спросилъ князь Хлопакова.

— Что-жь? извѣстно, рррракаліооонъ, какъ есть рррракаліооонъ.

Князь прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ? повтори!

—Рррракаліооонъ! самодовольно повторилъ отставной поручикъ.

«Вотъ оно, слово-то»! подумалъ я.

Князь положилъ краснаго въ лузу.

— Эхъ! не такъ, князь, не такъ залепеталъ вдругъ бѣло-

курый офицерикъ съ покраснѣвшими глазками, крошечнымъ носикомъ и младенчески заспаннымъ лицемъ.—Не такъ играете.... надо было.... не такъ!

— Какъ-же? спросилъ его князь черезъ плечо.

— Надо было.... того.... триплетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? пробормоталъ князь сквозь зубы.

— А что, князь, сегодня вечеромъ къ цыганамъ? поспѣшно подхватилъ сконфуженный молодой человѣкъ.—Стешка пѣть будетъ.... Ильюшка....

Князь и не отвѣчалъ ему.

—Рррракаліооонъ, братецъ, проговорилъ Хлопаковъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никово, провозгласилъ маркеръ.

— Никого.... посмотри-ка, какъ я вотъ этого желтаго....

Хлопаковъ заёрзалъ кіемъ по рукѣ, прицѣлился и скиксовалъ.

— Э, рракаліоонъ, закричалъ онъ съ досадой.

Князь опять разсмѣялся.

— Какъ, какъ, какъ?

Но Хлопаковъ своего слова повторить не захотѣлъ: надо-жь пококетничать.

— Стиксъ изволили дать, замѣтилъ маркеръ. — Позвольте помѣлить.... сорокъ и очень мало!

— Да, господа, заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію и не глядя, впрочемъ, ни на кого въ особенности:— вы знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать.

— Какъ-же, какъ-же, непремѣнно, воскликнуло на-перерывъ нѣсколько господъ, удивительно польщенныхъ возможностью отвѣчать на княжескую рѣчь:—Вержембицкую....

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, пропищалъ изъ угла плюгавенькій человѣкъ съ усиками и въ очкахъ. Несчастный! онъ втайнѣ сильно вздыхалъ по Сопняковой, а князь не удостоилъ его даже взглядомъ.

— Че-о-экъ, э, трубку! произнесъ въ галстухъ какой-то господинъ высокаго роста, съ правильнымъ лицомъ и благороднѣйшей осанкой,—по всѣмъ признакамъ шуллеръ.

Человѣкъ побѣжалъ за трубкой и, вернувшись, доложилъ

его сіятельству, что, дескать, ямщикъ Баклага ихъ спрашиваютъ-съ.

— А! ну, вели ему подождать, да водки ему поднеси.

— Слушаю-съ.

Баклагой, какъ мнѣ потомъ сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщикъ; князь его любилъ, дарилъ ему лошадей, гонялся съ нимъ, проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи.... Этого самого князя, бывшаго шалуна и мота, вы бы теперь не узнали.... Какъ онъ раздушонъ, затянутъ, гордъ! Какъ занятъ службой,—а, главное, какъ разсудителенъ!

Однако табачный дымъ начиналъ выѣдать мнѣ глаза. Въ послѣдній разъ выслушавъ восклицаніе Хлопакова и хохотъ князя, я отправился въ свой номеръ, гдѣ на волосяномъ, узкомъ и продавленномъ диванѣ, съ высокой выгнутой спинкой, мой человѣкъ уже послалъ мнѣ постель.

На другой день пошелъ я смотрѣть лошадей по дворамъ и началъ съ извѣстнаго барышника Ситникова. Черезъ калитку вошелъ я на дворъ, посыпанный песочкомъ. Передъ настежь раскрытою дверью конюшни стоялъ самъ хозяинъ, человѣкъ уже не молодой, высокій и толстый, въ заячьемъ тулупчикѣ, съ поднятымъ и подвернутымъ воротникомъ. Увидавъ меня, онъ медленно двинулся ко мнѣ на встрѣчу, подержалъ обѣими руками шапку надъ головой и на-распѣвъ произнесъ:

— А, наше вамъ почтеніе. Чай, лошадокъ угодно посмотрѣть?

— Да, пришелъ лошадокъ посмотрѣть.

— А какихъ именно, смѣю спросить?

— Покажите, что у васъ есть.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

Мы вошли въ конюшню. Нѣсколько бѣлыхъ шавокъ поднялось съ сѣна и подбѣжало къ намъ, виляя хвостами; длиннобородый старый козелъ съ неудовольствіемъ отошелъ въ сторону; три конюха, въ крѣпкихъ, но засаленныхъ тулупахъ, молча намъ поклонились. Направо и налѣво, въ искусственно-возвышенныхъ стойлахъ, стояло около тридцати лошадей, выхоленныхъ и вычищенныхъ на славу. По перекладинамъ перелетывали и ворковали голуби.

— Вамъ, то-есть, для чего требуется лошадка: для ѣзды или для завода? спросилъ меня Ситниковъ.

— И для ѣзды, и для завода.

— Понимаемъ–съ, понимаемъ–съ, понимаемъ-съ, съ разстановкою произнесъ барышникъ. —Петя, покажи господину Горностая.

Мы вышли на дворъ.

— Да не прикажите-ли лавочку изъ избы вынести?... Не требуется?... Какъ угодно.

Копыта загремѣли по доскамъ, щелкнулъ кнутъ, и Петя, малый лѣтъ сорока, рябой и смуглый, выскочилъ изъ конюшни вмѣстѣ съ сѣрымъ, довольно статнымъ жеребцомъ, далъ ему подняться на дыбы, пробѣжалъ съ нимъ раза два кругомъ двора и ловко осадилъ его на показномъ мѣстѣ. Горностай вытянулся, со свистомъ фыркнулъ, закинулъ хвостъ, повелъ мордой и покосился на насъ.

«Ученая птица!» подумалъ я.

— Дай волю, дай волю, проговорилъ Ситниковъ и уставился на меня.

— Какъ по вашему будетъ-съ? спросилъ онъ наконецъ.

— Лошадь не дурна ,—переднія ноги не совсѣмъ надежны.

— Ноги отличныя, съ убѣжденіемъ возразилъ Ситниковъ:— а задъ–то.... изволите посмотрѣть.... печь печью, хоть выспись.

— Бабки длинны.

— Что́ за длинны—помилосердуйте! Пробѣги-ка, Петя, пробѣги, да рысью, рысью, рысью.... не давай скакать.

Петя опять пробѣжалъ по двору съ Горностаемъ. Мы всѣ помолчали.

— Ну, поставь его на мѣсто, проговорилъ Ситниковъ:— да Сокола намъ подай.

Соколъ, вороной, какъ жукъ, жеребецъ голланской породы со свислымъ задомъ и поджарый, оказался немного получше Горностая. Онъ принадлежалъ къ числу лошадей, о которыхъ говорятъ охотники, что «онѣ сѣкутъ и рубятъ и въ полонъ берутъ», т. е. на ходу вывертываютъ и выкидываютъ передними ногами направо и налѣво, а впередъ мало подвигаются. Купцы среднихъ лѣтъ подлюбливаютъ такихъ лошадей: побѣжка ихъ

напоминаетъ ухорскую походку бойкаго половаго; онѣ хороши въ одиночку, для гулянья послѣ обѣда: выступая фертомъ и скрутивъ шею, усердно везутъ онѣ аляповатыя дрожки, нагруженныя наѣвшимся до онѣмѣнья кучеромъ, придавленнымъ купцомъ, страдающимъ изжогой, и рыхлой купчихой въ голубомъ шелковомъ салопѣ и лиловомъ платкѣ на головѣ. Я отказался и отъ Сокола. Ситниковъ показалъ мнѣ еще нѣсколько лошадей.... Одна, наконецъ, сѣрый въ яблокахъ жеребецъ воейковской породы, мнѣ понравилась. Я не могъ удержаться и съ удовольствіемъ потрепалъ ее по холкѣ. Ситниковъ тотчасъ прикинулся равнодушнымъ.

— А что онъ ѣдетъ хорошо? спросилъ я. (О рысакѣ не говорятъ: бѣжитъ.)

— Ѣдетъ, спокойно отвѣтилъ барышникъ.

— Нельзя-ли посмотрѣть?...

— Отчего-же, можно-съ. Эй, Кузя, Догоняя въ дрожки заложить.

Кузя, наѣздникъ, мастеръ своего дѣла, проѣхалъ раза три мимо насъ по улицѣ. Хорошо бѣжитъ лошадь, не сбивается, задомъ не подбрасываетъ, ногу выноситъ свободно, хвостъ отдѣляетъ и «держитъ» рѣдкомахъ.

— А что вы за него просите?

Ситниковъ заломилъ цѣну небывалую. Мы начали торговаться тутъ-же на улицѣ, какъ вдругъ изъ-за угла съ громомъ вылетѣла мастерски-подобранная ямская тройка и лихо остановилась передъ воротами Ситникова дома. На охотницкой, щегольской телѣжкѣ сидѣлъ князь Н.; возлѣ него торчалъ Хлопаковъ. Баклага правилъ лошадьми.... и какъ правилъ! сквозь сережку-бы проѣхалъ, разбойникъ! Гнѣдыя пристяжныя, маленькія, живыя, черноглазыя, черноногія, такъ и горятъ, такъ и поджимаются; свисни только—пропали! Караковая коренная стоитъ себѣ, закинувъ шею, словно лебедь, грудь впередъ, ноги какъ стрѣлы, знай головой помахиваетъ, да гордо щурится.... Хорошо, хоть-бы кому въ свѣтлый праздникъ прокатиться!

— Ваше сіятельство! милости просимъ! закричалъ Ситниковъ.

Князь соскочилъ съ телѣги. Хлопаковъ медленно слѣзъ съ другой стороны.

— Здравствуй, братъ.... Есть лошади?

— Какъ не быть для вашего сіятельства! Пожалуйте, войдите.... Петя, Павлина подай! да Похвальнаго чтобъ готовили. А съ вами, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — мы въ другое время покончимъ.... Ѳомка, лавку его сіятельству.

Изъ особенной, мною сперва не замѣченной, конюшни вывели Павлина. Могучій, темно-гнѣдой конь такъ и взвился всѣми ногами на воздухъ. Ситниковъ даже голову отвернулъ и зажмурился.

— У, рракаліонъ! провозгласилъ Хлопаковъ. Жэмса!

Князь засмѣялся.

Павлина остановили не безъ труда; онъ таки повозилъ конюха по двору; наконецъ, его прижали къ стѣнѣ. Онъ храпѣлъ, вздрагивалъ и поджимался, а Ситниковъ еще дразнилъ его, замахиваясь на него кнутомъ.

— Куда глядишь? вотъ я-те! у! говорилъ барышникъ съ ласковой угрозой, самъ невольно любуясь своимъ конемъ.

— Сколько? спросилъ князь.

— Для вашего сіятельства пять тысячъ.

— Три.

— Нельзя-я-съ, ваше сіятельство, помилуйте....

— Говорятъ, три, рракаліонъ, подхватилъ Хлопаковъ.

Я не дождался конца сдѣлки и ушелъ. У крайняго угла улицы замѣтилъ я на воротахъ сѣроватаго домика приклеенный большой листъ бумаги. На верху былъ нарисованъ перомъ конь съ хвостомъ въ видѣ трубы и нескончаемой шеей, а подъ копытами коня стояли слѣдующія слова, написанныя старинным почеркомъ:

«Здѣсь продаются разныхъ мастей лошади, приведенныя на «Лебедянскую ярмарку съ извѣстнаго степнаго завода Ана- «стасея Иваныча Чернобая, Тамбовскаго помѣщика. Лошади «сіи отличныхъ статей, выѣзжены въ совершенствѣ и кроткаго «нрава. Господа покупатели благоволятъ спросить самаго Ана- «стасея Иваныча: буде-же Анастатей Иванычъ въ отсутствіи,

«то спросить кучера Назара Кубышкина. Господа покупатели, «милости просимъ почтить старичка!»

Я остановился. Дай, думаю, посмотрю лошадей извѣстнаго степнаго заводчика г–на Чернобая.

Я хотѣлъ было войдти въ калитку, но, противъ обыкновенія, нашелъ ее запертой. Я постучался.

— Кто тамъ?... Покупатель? пропищалъ женскій голосъ.

— Покупатель.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

Калитка растворилась. Я увидалъ бабу лѣтъ пятидесяти, простоволосую, въ сапогахъ и въ тулупѣ на-распашку.

— Извольте, кормилецъ, войдти, а я сейчасъ пойду Анастасею Иванычу доложу.... Назаръ, а, Назаръ!

— Чего? прошамшилъ изъ конюшни голосъ семидесятилѣтняго старца.

— Лошадокъ приготовь: покупатель пришелъ.

Старуха побѣжала въ домъ.

— Покупатель, покупатель, проворчалъ ей въ отвѣтъ Назаръ. Я имъ еще не всѣмъ хвосты подмылъ.

«О, Аркадія!» подумалъ я.

— Здравствуй, батюшка, милости просимъ, медленно раздался за моей спиной сочный и пріятный голосъ. Я оглянулся: передо мною, въ синей долгополой шинели, стоялъ старикъ средняго роста, съ бѣлыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами.

— Лошадокъ тебѣ? Изволь, батюшка изволь.... Да не хочешь-ли ко мнѣ сперва чайку зайдти напиться?

Я отказался и поблагодарилъ.

— Ну, какъ тебѣ угодно. Ты меня, батюшка, извини: вѣдь, я по старинѣ. (Г–нъ Чернобай говорилъ, не спѣша, и на *о*). —У меня все по простотѣ, знаешь.... Назаръ, а Назаръ, прибавилъ онъ протяжно и не возвышая голоса.

Назаръ, сморщенный старичишка, съ ястребинымъ носикомъ и клиновидной бородкой, показался на порогѣ конюшни.

— Какихъ тебѣ, батюшка, лошадей требуется? продолжалъ г-нъ Чернобай.

— Не слишкомъ дорогихъ, ѣзжалыхъ, въ кибитку.

— Изволь.... и такія есть, изволь.... Назаръ, Назаръ,

покажи барину сѣренькаго меренка, знаешь, что съ краю-то стоитъ, да гнѣдую съ лысиной, а не то—другую гнѣдую, что отъ Красотки, знаешь?

Назаръ вернулся въ конюшню.

— Да ты на недоуздкахъ такъ ихъ и выведи, закричалъ ему вслѣдъ г-нъ Чернобай. — У меня, батюшка, продолжалъ онъ, ясно и кротко глядя мнѣ въ лицо: — не то, что у барышниковъ, — чтобъ имъ пусто было! У нихъ тамъ имбири разные пойдутъ, соль, барда *, Богъ съ ними совсѣмъ!... А у меня, изволишь видѣть, все на ладони, безъ хитростей.

Вывели лошадей. Не понравились онѣ мнѣ.

— Ну, поставь ихъ съ Богомъ на мѣсто, проговорилъ Анастасей Иванычъ.—Другихъ намъ покажи.

Показали другихъ. Я наконецъ выбралъ одну, подешевле. Начали мы торговаться. Г-нъ Чернобай не горячился, говорилъ такъ разсудительно, съ такою важностью, что я не могъ не «почтить старичка»: далъ задатокъ.

— Ну, теперь, примолвилъ Анастасей Иванычъ:—позволь мнѣ, по старому обычаю, тебѣ лошадку изъ полы въ полу передать.... Будешь за нее меня благодарить.... вѣдь, свѣженькая! словно орѣшекъ.... нетронутая.... степнячо-окъ! Во всякую упряжь ходитъ.

Онъ перекрестился, положилъ полу своей шинели себѣ на руку, взялъ недоуздокъ и передалъ мнѣ лошадь.

— Владѣй съ Богомъ теперь.... А чайку все не хочешь?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю: мнѣ домой пора.

— Какъ угодно.... А мой кучерокъ теперь за тобой лошадку поведетъ.

— Да, теперь, если позволите.

— Изволь, голубчикъ, изволь.... Василій, а Василій, ступай съ бариномъ; лошадку сведи и деньги получи. Ну, прощай, батюшка, съ Богомъ.

— Прощайте, Анастасей Иванычъ.

Привели мнѣ лошадь на домъ. На другой же день она оказалась запаленной и хромой. Вздумалъ я было ее заложить:

---

* Отъ барды и соли лошадь скоро тучнѣетъ.

пятится моя лошадь назадъ, а ударить ее кнутомъ—зартачится, побрыкаетъ, да и ляжетъ. Я тотчасъ отправился къ г-ну Чернобаю. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

— Что-жь это вы, говорю: — вѣдь, вы мнѣ запаленную лошадь продали.

— Запаленную?... Сохрани Богъ!

— Да она еще и хромая притомъ и съ норовомъ.

— Хромая? Не знаю; видно твой кучерокъ ее какъ-нибудь попортилъ.... а я, какъ передъ Богомъ....

— Вы, по-настоящему, Анастасей Иванычъ, ее назадъ взять должны.

— Нѣтъ, батюшка, не прогнѣвайся: ужь коли со двора долой,—кончено. Прежде-бы изволилъ смотрѣть.

Я понялъ въ чемъ дѣло, покорился своей участи, разсмѣялся и ушелъ. Къ-счастью, я за урокъ не слишкомъ дорого заплатилъ.

Дня черезъ два я уѣхалъ, а черезъ недѣлю опять завернулъ въ Лебедянь на возвратномъ пути. Въ кофейной я нашелъ почти тѣ-же лица и опять засталъ князя Н. за бильярдомъ. Но въ судьбѣ господина Хлопакова уже успѣла произойдти обычная перемѣна. Бѣлокурый офицерчикъ смѣнилъ его въ милостяхъ князя. Бѣдный отставной поручикъ попытался еще разъ при мнѣ пустить въ ходъ свое словечко,—авось, дескать, понравится по прежнему,—но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожалъ плечомъ. Господинъ Хлопаковъ потупился, съёжился, пробрался въ уголокъ и началъ въ тихомолочку набивать себѣ трубочку....

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА И ЕЯ ПЛЕМЯННИКЪ.

—

Дайте мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и тяжко отлетаютъ въ сторону; на горѣ за оврагомъ мужикъ пашетъ; пѣгой жеребенокъ, съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью, слышится его тонкое ржанье. Мы въѣзжаемъ въ березовую рощу: крѣпкій, свѣжій запахъ пріятно стѣсняетъ дыханіе. Вотъ околица. Кучеръ слѣзаетъ, лошади фыркаютъ, пристяжныя оглядываются, коренная помахиваетъ хвостомъ и приклоняетъ голову къ дугѣ.... со скрыпомъ отворяется воротище. Кучеръ садится.... Трогай! передъ нами деревня. Миновавъ

дворовъ пять, мы сворачиваемъ вправо, спускаемся въ лощинку, въѣзжаемъ на плотину. За небольшимъ прудомъ, изъ-за круглыхъ вершинъ яблонь и сиреней виднѣется тесовая крыша, нѣкогда красная, съ двумя трубами; кучеръ беретъ вдоль забора на лѣво и при визгливомъ и сипломъ лаѣ трехъ престарѣлыхъ шавокъ, въѣзжаетъ въ настежь раскрытыя ворота, лихо мчится кругомъ по широкому двору мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухѣ ключницѣ, шагнувшей бокомъ черезъ высокой порогъ въ раскрытую дверь кладовой, и останавливается наконецъ передъ крылечкомъ темнаго домика съ свѣтлыми окнами.... Мы у Татьяны Борисовны. Да вотъ и она сама отворяетъ форточку и киваетъ намъ головой.... Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна женщина лѣтъ пятидесяти, съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, нѣсколько тупымъ носомъ, румяными щеками и двойнымъ подбородкомъ. Лицо ее дышитъ привѣтомъ и лаской. Она когда-то была за-мужемъ, но скоро овдовѣла. Татьяна Борисовна весьма замѣчательная женщина. Живетъ она безвыѣздно въ своемъ маленькомъ помѣстьи, съ сосѣдями мало знается, принимаетъ и любитъ однихъ молодыхъ людей. Родилась она отъ весьма бѣдныхъ помѣщиковъ и не получила никакого воспитанiи, т. е. не говоритъ по-французски; въ Москвѣ даже никогда не бывала,—и, не смотря на всѣ эти недостатки, такъ просто и хорошо себя держитъ, такъ свободно чувствуетъ и мыслитъ, такъ мало заражена обыкновенными недугами мелкопомѣстной барыни, что, по-истинѣ, невозможно ей не удивляться.... И въ самомъ дѣлѣ: женщина круглый годъ живетъ въ деревнѣ, въ глуши — и не сплетничаетъ, не пищитъ, не присѣдаетъ, не волнуется, не давится, не дрожитъ отъ любопытства.... чудеса! Ходитъ она обыкновенно въ сѣромъ тафтяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ висячими лиловыми лентами; любитъ покушать, но безъ излишества; варенье, сушенье и соленье предоставляетъ клюшницѣ. Чѣмъ же она занимается цѣлый день? спро́сите вы.... Читаетъ? — Нѣтъ, не читаетъ; да и правду сказать, книги не для нея печатаются.... Если нѣтъ у ней гостя, сидитъ-себѣ моя Татьяна Борисовна подъ окномъ и чулокъ вяжетъ—зимой; лѣтомъ въ садъ ходитъ, цвѣты сажаетъ

и поливаетъ, съ котятами играетъ по цѣлымъ часамъ, голубей кормитъ.... Хозяйствомъ она мало занимается. Но если заѣдетъ къ ней гость, молодой какой-нибудь сосѣдъ, котораго она жалуетъ—Татьяна Борисовна вся оживится; усадитъ его, напоитъ чаемъ, слушаетъ его разсказы, смѣется, изрѣдка его по щекѣ потреплетъ, но сама говоритъ мало; въ бѣдѣ, въ горѣ утѣшитъ, добрый совѣтъ подастъ, и сколько людей повѣрили ей свои домашнія, задушевныя тайны, плакали у ней на рукахъ! Бывало, сядетъ она противъ гостя, обопрется тихонько на локоть и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза, такъ дружелюбно улыбается, что гостю невольно въ голову прійдетъ мысль: какая-же ты славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебѣ разскажу, что у меня на сердцѣ. Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться. Удивительная женщина Татьяна Борисовна, а никто ей не удивляется: ея здравый смыслъ, твердость и свобода, горячее участіе въ чужихъ бѣдахъ и радостяхъ, словомъ, всѣ ея достоинства точно родились въ ней, никакихъ трудовъ и хлопотъ ей не стоили.... Ее иначе и вообразить невозможно, стало быть и не за что ее благодарить. Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи: сложитъ руки подъ грудью, закинетъ голову, прищуритъ глаза и сидитъ, улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!... Такъ, бывало, и хочется подойдти къ ней, взять ее за руку и сказать: послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ цѣны не знаете, вѣдь, вы при всей вашей простотѣ и неучености необыкновенное существо! Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, привѣтнымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку. Сколько разъ мнѣ, на-примѣръ, случалось спросить у встрѣчнаго мужика: какъ, братецъ, проѣхать, положимъ, въ Грачевку?—«А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттолѣ на Татьяну Борисовну, а отъ Татьяны Борисовны всякъ вамъ укажетъ». И при имени Татьяны Борисовны мужикъ какъ-то особенно головой тряхнетъ. Прислугу она держитъ небольшую, по состоянью. Домомъ, прачешной, кладовой и кухней завѣдываетъ у нея ключница Агаѳья, бывшая ея няня, добрѣйшее, слезливое и беззубое

существо; двѣ здоровые дѣвки, съ крѣпкими сизыми щеками, въ родѣ антоновскихъ яблокъ, состоятъ подъ ея начальствомъ. Должность камердинера, дворецкаго и буфетчика занимаетъ семидесятилѣтній слуга Поликарпъ, чудакъ необыкновенный, человѣкъ начитанный, отставной скрыпачь и поклонникъ Віотти, личный врагъ Наполеона или, какъ онъ говоритъ, Бонапартишки, и страстный охотникъ до соловьевъ. Онъ ихъ всегда держитъ пять или шесть у себя въ комнатѣ; ранней весной по цѣлымъ днямъ сидитъ возлѣ клѣтокъ, выжидая перваго «рокотанья», и, дождавшись, закроетъ лицо руками и застонетъ: «охъ жалко, жалко!»—и въ три-ручья зарыдаетъ. Къ Поликарпу на подмогу приставленъ его-же внукъ, Вася, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарпъ, любитъ его безъ памяти и ворчитъ на него съ утра до вечера. Онъ-же занимается и его воспитаніемъ. — «Вася», говоритъ, «скажи: Бонапартишка разбойникъ». — А что́ дашь, тятя?— «Что́ дамъ?... ничего я тебѣ не дамъ.... Вѣдь ты кто? Русскій ты?»—Я амчанинъ, тятя: въ Амченскѣ (*) родился.— «О, глупая голова! да Амченскъ-то гдѣ?» — А я почемъ знаю?—«Въ Россіи Амченскъ, глупый».—Такъ что́-жь, что въ Россіи?—«Какъ что́? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество покойный князь Михайло Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, съ Божіею помощью, изъ Россійскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По эвтому случаю и пѣсня сочинена: Бонапарту не допляски, растерялъ свои подвязки.... Понимаешь, отечество освободилъ твое». — А мнѣ что́ за дѣло? — «Ахъ, ты глупый мальчикъ, глупый! Вѣдь, если-бы свѣтлѣйшій князь Михайло Илларіоновичъ не выгналъ Бонапартишки, вѣдь, тебя-бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковкѣ колотилъ. Подошелъ-бы, этакъ, къ тебѣ, сказалъ-бы: команъ ву порте ву?—да и стукъ, стукъ».—А я-бы его въ пузо кулакомъ. — «А онъ-бы тебѣ: бонжуръ, бонжуръ, вене иси, — да за хохолъ, за хохолъ.» — А я-бы его по ногамъ, по ногамъ, по

(*) Въ простонародьи городъ Мценскъ называется Амченскомъ, а жители Амчанами. Амчане ребята бойкіе; недаромъ у насъ недругу сулятъ, «Амчанина на дворъ».

цыбулястымъ–то. — «Оно точно, ноги у нихъ цыбулястыя.... Ну, а какъ онъ-бы руки тебѣ сталъ вязать?» — А я-бы не дался; Михея кучера на помощь–бы позвалъ. — «А что, Вася, вѣдь, французу съ Михеемъ не сладить?»—Гдѣ сладить! Михей–то во-какъ здоровъ.—«Ну, и что-жь-бы его?» — Мы–бы его по спинѣ, да по спинѣ.—«А онъ–бы пардонъ закричалъ: пардонъ, пардонъ, севуплей» —А мы-бы ему: нѣтъ тебѣ севуплея, французъ ты этакой!... — «Молодецъ, Вася!... Ну, такъ кричи–же: разбойникъ Бонапартишка!»—А ты мнѣ сахару дай!—«Экой!»...

Съ помѣщицами Татьяна Борисовна мало водится; онѣ неохотно къ ней ѣздятъ, и она не умѣетъ ихъ занимать, засыпаетъ подъ шумокъ ихъ рѣчей, вздрагиваетъ, силится раскрыть глаза и снова засыпаетъ. Татьяна Борисовна вообще не любитъ женщинъ. У одного изъ ея пріятелей, хорошаго и смирнаго молодаго человѣка, была сестра, старая дѣвица лѣтъ тридцати восьми съ половиной, существо добрѣйшее, но исковерканное, натянутое и восторженное. Братъ ей часто разсказывалъ о своей сосѣдкѣ. Въ одно прекрасное утро, моя старая дѣвица, не говоря худаго слова, велѣла осѣдлать себѣ лошадь и отправилась къ Татьянѣ Борисовнѣ. Въ длинномъ своемъ платьѣ, со шляпой на головѣ, зеленымъ вуалемъ и распущенными кудрями вошла она въ переднюю и, минуя оторопѣлаго Васю, принявшаго ее за русалку, вбѣжала въ гостиную. Татьяна Борисовна испугалась, хотѣла было приподняться, да ноги подкосились.—«Татьяна Борисовна», заговорила умоляющимъ голосомъ гостья:—«извините мою смѣлость; я сестра вашего пріятеля Алексѣя Николаевича К***, и столько наслышалась отъ него объ васъ, что рѣшилась познакомиться съ вами».— «Много чести», пробормотала изумленная хозяйка. Гостья сбросила съ себя шляпу, тряхнула кудрями, усѣлась подлѣ Татьяны Борисовны, взяла ее за руку.... — «Итакъ, вотъ она», начала она голосомъ задумчивымъ и тронутымъ: — «вотъ это доброе, ясное, благородное, святое существо! Вотъ она, эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая женщина! Какъ я рада, какъ я рада! Какъ мы будемъ любить другъ друга! Я отдохну наконецъ.... Я ее себѣ именно такою воображала», прибавила она шопотомъ, упираясь глазами въ глаза Татьяны Борисовны.

—«Не правда-ли, вы не сердитесь на меня, добрая моя, хорошая моя?»—«Помилуйте, я очень рада.... Не хотите-ли вы чаю?»—Гостья снисходительно улыбнулась,—«Wie wahr, wie unreflectirt», прошептала она, словно про себя. «Позвольте обнять васъ, моя милая!»

Старая дѣвица высидѣла у Татьяны Борисовны три часа, не умолкая ни на мгновенье. Она старалась растолковать новой своей знакомой собственное ея значенье. Тотчасъ послѣ ухода нежданной гостьи, бѣдная помѣщица отправилась въ баню, напилась липоваго чаю и легла въ постель. Но на другой-же день старая дѣвица вернулась, просидѣла четыре часа и удалилась съ обѣщаньемъ посѣщать Татьяну Борисовну ежедневно. Она, изволите видѣть, вздумала окончательно развить, довоспитать такую, какъ она выражалась, богатую природу, и, вѣроятно, уходила-бы ее наконецъ совершенно, если-бы, во-первыхъ, недѣли черезъ двѣ не разочаровалась «вполнѣ» на счетъ пріятельницы своего брата; а во-вторыхъ, если-бы не влюбилась въ молодаго проѣзжаго студента, съ которымъ тотчасъ-же вступила въ дѣятельную и жаркую переписку; въ посланіяхъ своихъ она, какъ водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила «всю себя» въ жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась въ описанія природы, упоминала о Гёте, Шиллерѣ, Беттинѣ и нѣмецкой философіи, —и довела наконецъ бѣднаго юношу до мрачнаго отчаянія. Но молодость взяла свое: въ одно прекрасное утро проснулся онъ съ такой остервенѣлой ненавистью къ своей «сестрѣ и лучшему другу», что едва, сгоряча, не прибилъ своего камердинера и долгое время потомъ чуть не кусался при малѣйшемъ намекѣ на возвышенную и безкорыстную любовь.... Но съ тѣхъ поръ Татьяна Борисовна стала еще болѣе прежняго избѣгать сближенія съ своими сосѣдками.

Увы! ни что не прочно на землѣ. Все, что я вамъ разсказалъ о житьѣ бытьѣ моей доброй помѣщицы—дѣло прошедшее; тишина, господствовавшая въ ея домѣ, нарушена на вѣки. У ней теперь, вотъ ужь болѣе года, живетъ племянникъ, художникъ изъ Петербурга. Вотъ какъ это случилось.

Лѣтъ восемь тому назадъ, проживалъ у Татьяны Борисовны мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, круглый сирота, сынъ ея покой-

наго брата, Андрюша. У Андрюши были большіе, свѣтлые, влажные глаза, маленькій ротикъ, правильный носъ и прекрасный возвышенный лобъ. Онъ говорилъ тихимъ и сладкимъ голосомъ, держалъ себя опрятно и чинно, ласкался и прислуживался къ гостямъ, съ сиротливой чувствительностію цаловалъ ручку у тетушки. Бывало не успѣете вы показаться,—глядь, ужь онъ несетъ вамъ кресла. Шалостей за нимъ не водилось никакихъ: не стукнетъ, бывало; сидитъ себѣ въ уголку за книжечкой, и такъ скромно, и смирно, даже къ спинкѣ стула не прислоняется. Гость войдетъ, — мой Андрюша приподнимается, прилично улыбнется и покраснѣетъ; гость выйдетъ,— онъ сядетъ опять, достанетъ изъ кормашика щеточку съ зеркальцемъ и волосики себѣ причешетъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ охоту къ рисованью. Попадался-ли ему клочекъ бумаги, онъ тотчасъ выпрашивалъ у Агафьи клюшницы ножницы, тщательно выкраивалъ изъ бумажки правильный четвероугольникъ, проводилъ кругомъ каемочку и принимался за работу: нарисуетъ глазъ съ огромнымъ зрачкомъ, или греческій носъ, или домъ съ трубой и дымомъ въ видѣ винта, собаку «en face», похожую на скамью, деревцо съ двумя голубками и подпишетъ: «рисовалъ Андрей Бѣловзоровъ, такого-то числа, такого-то года, село Малыя Брыки.» Съ особеннымъ усердіемъ трудился онъ недѣли за двѣ до имянинъ Татьяны Борисовны; являлся первый съ поздравленіемъ и подносилъ свитокъ, повязанный розовой ленточкой. Татьяна Борисовна цаловала племянника въ лобъ и распутывала узелокъ: свитокъ раскрывался и представлялъ любопытному взору зрителя круглый, бойко оттушованный храмъ съ колоннами и алтаремъ по серединѣ; на алтарѣ пылало сердце и лежалъ вѣнокъ, а вверху, на извилистой бандеролѣ, четкими буквами стояло: «Тетушкѣ и благодѣтельницѣ Татьянѣ Борисовнѣ Богдановой отъ почтительнаго и любящаго племянника, въ знакъ глубочайшей привязанности.» Татьяна Борисовна снова его цаловала и дарила ему цѣлковый. Большой однако привязанности она къ нему не чувствовала: подобострастіе Андрюши ей не совсѣмъ нравилось. Между тѣмъ, Андрюша подросталъ; Татьяна Борисовна начинала безпокоиться о его будущности. Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія....

А именно: однажды, лѣтъ восемь тому назадъ, заѣхалъ къ ней нѣкто г. Беневоленскій Петръ Михайлычъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ. Г. Беневоленскій нѣкогда состоялъ на службѣ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ и прилежно посѣщалъ Татьяну Борисовну; потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, вступилъ въ министерство, достигъ довольно важнаго мѣста, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ по казенной надобности, вспомнилъ о своей старинной знакомой и завернулъ къ ней, съ намѣреніемъ отдохнуть дня два отъ заботъ служебныхъ «на лонѣ сельской тишины». Татьяна Борисовна приняла его съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, и г. Беневоленскій... Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ продолженію разсказа, позвольте, любезный читатель, познакомить васъ съ этимъ новымъ лицомъ.

Г. Беневоленскій былъ человѣкъ толстоватый, средняго росту, мягкій на видъ, съ коротенькими ножками и пухленькими ручками; носилъ онъ просторный и чрезвычайно опрятный фракъ, высокій и широкій галстухъ, бѣлое, какъ снѣгъ, бѣлье, золотую цѣпочку на шелковомъ жилетѣ, перстень съ камнемъ на указательномъ пальцѣ и бѣлокурый парикъ; говорилъ убѣдительно и кротко, выступалъ безъ шуму, пріятно улыбался, пріятно поводилъ глазами, пріятно погружалъ подбородокъ въ галстухъ: вообще, пріятный былъ человѣкъ. Сердцемъ его тоже Господь надѣлилъ добрѣйшимъ: плакалъ онъ и восторгался легко; сверхъ того, пылалъ безкорыстной страстью къ искусству, и ужь подлинно безкорыстной, потому что именно въ искусствѣ г. Беневоленскій, коли правду сказать, рѣшительно ничего не смыслилъ. Даже удивительно, откуда, въ силу какихъ таинственныхъ и непонятныхъ законовъ, взялась у него эта страсть? Кажется, человѣкъ онъ былъ положительный, даже дюжинный.... впрочемъ, у насъ на Руси такихъ людей довольно много.

Любовь къ художеству и художникамъ придаетъ этимъ людямъ приторность неизъяснимую; знаться съ ними, съ ними разговаривать—мучительно: настоящія дубины, вымазанныя медомъ. Они, на-примѣръ, никогда не называютъ Рафаэля—Рафаэлемъ, Корреджіо—Корреджіемъ: «божественный Санціо, неподражаемый де Аллегрисъ», говорятъ они, и говорятъ непре-

мѣнно на *о*. Всякій доморощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талантъ величаютъ геніемъ или, правильнѣе, хэніемъ; синее небо Италіи, южный лимонъ, душистые пары береговъ Бренты не сходятъ у нихъ съ языка. «Эхъ, Ваня, Ваня», или: «эхъ, Саша, Саша», съ чувствомъ говорятъ они другъ другу, «на югъ-бы намъ, на югъ... вѣдь, мы съ тобою греки душою, древніе греки!» Наблюдать ихъ можно на выставкахъ, передъ иными произведеніями иныхъ россійскихъ живописцевъ. (Должно замѣтить, что по большой части всѣ эти господа патріоты страшные). То отступятъ они шага на два и закинутъ голову, то снова придвинутся къ картинѣ; глазки ихъ покрываются маслянистою влагой.... «Фу, ты, Боже мой», говорятъ они наконецъ разбитымъ отъ волненія голосомъ: «души-то, души-то что! эка, сердца-то, сердца! эка души-то напустилъ! тьму души!... А задумано-то какъ! мастерски задумано!»—А что у нихъ самихъ въ гостиныхъ за картины! Что за художники ходятъ къ нимъ по вечерамъ, пьютъ у нихъ чай, слушаютъ ихъ разговоры! Какіе они имъ подносятъ перспективные виды собственныхъ комнатъ съ щеткой на правомъ планѣ, грядкой сору на вылощенномъ полу, желтымъ самоваромъ на столѣ возлѣ окна и самимъ хозяиномъ въ халатѣ и ермолкѣ, съ яркимъ бликомъ свѣта на щекѣ! Что задлинноволосые питомцы музъ, съ лихорадочно-презрительной улыбкой, ихъ посѣщаютъ! Что за блѣдно-зеленыя барышни взвизгиваютъ у нихъ за фортепьянами! Ибо у насъ уже такъ на Руси заведено: одному искусству человѣкъ предаваться не можетъ—подавай ему всѣ. И потому нисколько не удивительно, что эти господа-любители также оказываютъ сильное покровительство русской литературѣ, особенно драматической.... «Джакбы Санназары» писаны для нихъ: тысячи разъ изображенная борьба непризнаннаго таланта съ людьми, съ цѣлымъ міромъ потрясаетъ ихъ до дна души....

На другой-же день послѣ пріѣзда г. Беневоленскаго, Татьяна Борисовна, за чаемъ, велѣла племяннику показать гостю свои рисунки. «А онъ у васъ рисуетъ?» не безъ удивленія произнесъ г. Беневоленскій и съ участіемъ обратился къ Андрюшѣ. «Какъ-же, рисуетъ», сказала Татьяна Борисовна. «Такой охотникъ! и, вѣдь, одинъ, безъ учителя».—«Ахъ, пока-

жите, покажите», подхватилъ г. Беневоленскій. Андрюша, краснѣя и улыбаясь, поднесъ гостю свою тетрадку. Г. Беневоленскій началъ, съ видомъ знатока, ее перелистывать. «Хорошо, молодой человѣкъ», промолвилъ онъ наконецъ: «хорошо, очень хорошо». И онъ погладилъ Андрюшу по головкѣ. Андрюша на лету поцаловалъ его руку. «Скажите, какой талантъ! Поздравляю васъ, Татьяна Борисовна, поздравляю». — «Да что, Петръ Михайлычъ, здѣсь учителя не могу ему сыскать. Изъ города — дорогъ; у сосѣдей у Артамоновыхъ есть живописецъ и, говорятъ, отличный, да барыня ему запрещаетъ чужимъ людямъ уроки давать. Говоритъ, вкусъ себѣ испортитъ». — «Гмъ», произнесъ г. Беневоленскій, задумался и поглядѣлъ изъ подлобья на Андрюшу. «Ну, мы объ этомъ потолкуемъ», прибавилъ онъ вдругъ и потеръ себѣ руки. Въ тотъ-же день онъ попросилъ у Татьяны Борисовны позволенія поговорить съ ней наединѣ. Они заперлись. Черезъ полчаса кликнули Андрюшу. Андрюша вошелъ. Г. Беневоленскій стоялъ у окна съ легкой краской на лицѣ и сіяющими глазами. Татьяна Борисовна сидѣла въ углу и утирала слезы. «Ну, Андрюша», заговорила она наконецъ: — «благодари Петра Михайлыча: онъ беретъ тебя на свое попеченіе, увозитъ тебя въ Петербургъ.» Андрюша такъ и замеръ на мѣстѣ. «Вы мнѣ скажите откровенно», началъ г. Беневоленскій голосомъ, исполненнымъ достоинства и снисходительности: — «желаете-ли вы быть художникомъ, молодой человѣкъ? Чувствуете-ли вы, такъ сказать, призваніе къ искусству?» — «Я желаю быть художникомъ, Петръ Михайлычъ», трепетно подтвердилъ Андрюша.—«Въ такомъ случаѣ я очень радъ. Вамъ, конечно», продолжалъ г. Беневоленскій: — «тяжко будетъ разстаться съ вашей почтенной тетушкой, вы должны чувствовать къ ней живѣйшую благодарность». — «Я обожаю мою тетушку», прервалъ его Андрюша и моргалъ глазами. «Конечно, конечно, это весьма понятно и дѣлаетъ вамъ много чести; но за-то, вообразите, какую радость современемъ.... ваши успѣхи».... «Обними меня, Андрюша», пробормотала добрая помѣщица. Андрюша бросился ей на шею. «Ну, а теперь поблагодари своего благодѣтеля»... Андрюша обнялъ животъ г. Беневоленскаго, поднялся на цыпочки и досталъ-таки его руку, которую благодѣтель, прав-

да, принималъ, но не слишкомъ спѣшилъ принять.... Надо-жь потѣшить, удовлетворить ребенка, ну, и себя немножко побаловать. Дня черезъ два г. Беневоленскій уѣхалъ и увезъ своего новаго питомца.

Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ разлуки Андрюша писалъ довольно часто, прилагалъ иногда къ письмамъ рисунки. Г. Беневоленскій изрѣдка прибавлялъ также нѣсколько словъ отъ себя, большей частью одобрительныхъ; потомъ письма рѣже стали, рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратились. Цѣлый годъ безмолвствовалъ племянникъ; Татьяна Борисовна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ получила записочку слѣдующаго содержанія:

«Любезная тетушка!

«Четвертаго дня, Петра Михаиловича, моего покровителя, не стало. Жестокій ударъ паралича лишилъ меня сей послѣдней опоры. Конечно, мнѣ уже теперь двадцатый годъ пошелъ; въ теченіи семи лѣтъ я сдѣлалъ значительные успѣхи; я сильно надѣюсь на свой талантъ и могу посредствомъ его жить; я не унываю, но все-таки, если можете, пришлите мнѣ, на первый случай, 250 рублей ассигнаціями. Цалую ваши ручки и остаюсь и т. д.»

Татьяна Борисовна отправила къ племяннику 250 рублей. Черезъ два мѣсяца онъ потребовалъ еще; она собрала послѣднее и выслала еще. Не прошло шести недѣль послѣ вторичной присылки, онъ попросилъ въ третій разъ, будто на краски для портрета, заказаннаго ему княгиней Тертерешеневой. Татьяна Борисовна отказала. Въ такомъ случаѣ, написалъ онъ ей, я намѣренъ пріѣхать къ вамъ въ деревню для поправленія моего здоровья. И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ того-же года, Андрюша вернулся въ Малыя Брыки.

Татьяна Борисовна сначала его не узнала. По письму его, она ждала человѣка болѣзненнаго и худаго, а увидѣла малаго плечистаго, толстаго, съ лицомъ широкомъ и краснымъ, съ курчавыми и жирными волосами. Тоненькій и блѣдненькій Андрюша превратился въ дюжаго Андрея Ивановича Бѣловзорова. Не одна наружность въ немъ измѣнилась. Щепетильную застѣнчивость, осторожность и опрятность прежнихъ лѣтъ замѣнило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое; онъ

на-ходу качался вправо и влѣво, бросался въ кресла, обрушался на столъ, разваливался, зѣвалъ во все горло; съ теткой, съ людьми обращался дерзко. Я, дескать, художникъ, вольный казакъ! Знай нашихъ! Бывало, по цѣлымъ днямъ кисти въ руки не беретъ; найдетъ на него такъ называемое вдохновенье—ломается, словно съ похмѣлья, тяжело, неловко, шумно; грубой краской разгорятся щеки, глаза посоловѣли; пустится толковать о своемъ талантѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ развивается, идетъ впередъ.... На дѣлѣ-же оказалось, что способностей его чуть-чуть хватало на сносные портретики. Невѣжда онъ былъ круглый, ничего ни читалъ, да и на что художнику читать? Природа, свобода, поэзія—вотъ его стихіи. Знай потряхивай кудрями да заливайся соловьемъ, да затягивайся Жуковымъ въ засосъ! Хороша русская удаль, да немногимъ она къ лицу; а бездарные Полежаевы второй руки невыносимы. Зажился нашъ Андрей Иванычъ у тетушки: даровой хлѣбъ видно по вкусу пришелся. На гостей нагонялъ онъ тоску смертельную. Сядетъ, бывало, за фортопьяны (у Татьяны Борисовны и фортопьяны водились) и начнетъ однимъ пальцемъ отыскивать «Тройку удалую»; аккорды беретъ, стучитъ по клавишамъ; по цѣлымъ часамъ мучительно завываетъ романсы Варламова: «У-единенная сосна», или: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи», а у самого глаза заплыли жиромъ и щеки лоснятся, какъ барабанъ.... А то вдругъ грянетъ: «Уймитесь, волненія страсти».... Татьяна Борисовна такъ и вздрогнетъ.

— Удивительное дѣло, замѣтила она мнѣ однажды:—какія нынче все пѣсни сочиняютъ, отчаянныя какія-то; въ мое время иначе сочиняли: и печальныя пѣсни были, а все пріятно было слушать.... На-примѣръ:

Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ жду тебя напрасно;
Прійди, прійди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ слезы лью всечасно....
Увы, прійдешь ко мнѣ на лугъ,
Но будетъ поздно, милый другъ!

Татьяна Борисовна лукаво улыбнулась.

— «Я стра-ажду, я стра-ажду», завылъ въ сосѣдней комнатѣ племянникъ.

— Полно тебѣ, Андрюша.

— «Душа изнываетъ въ разлу-укѣ», продолжалъ неугомонный пѣвецъ.

Татьяна Борисовна покачала головой.

— Охъ, ужь эти мнѣ художники!...

Съ того времени прошелъ годъ. Бѣловзоровъ до сихъ поръ живетъ у тетушки и все собирается въ Петербургъ. Онъ въ деревнѣ сталъ поперегъ себя толще. Тетка—кто-бы могъ это подумать — въ немъ души не чаетъ, а окрестныя дѣвицы въ него влюбляются....

Много прежнихъ знакомыхъ перестало ѣздить къ Татьянѣ Борисовнѣ.

СМЕРТЬ.

—

У меня есть сосѣдъ, молодой хозяинъ и молодой охотникъ. Въ одно прекрасное іюльское утро, заѣхалъ я къ нему верхомъ съ предложеніемъ отправиться вмѣстѣ на тетеревовъ. Онъ согласился. «Только», говоритъ, «поѣдемте по моимъ мелочамъ, къ Зушѣ; я кстати посмотрю Чаплыгино; вы знаете, мой дубовый лѣсъ? у меня его рубятъ». — «Поѣдемте». Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, надѣлъ зеленый сюртучекъ съ бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусомъ ягташъ, серебряную флягу, накинулъ на плечо новенькое французское ружье, не безъ удовольствія повертѣлся передъ зеркаломъ и кликнулъ свою собаку Эсперансъ, подаренную ему кузиной, старой дѣвицей съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ. Мы отправились. Мой сосѣдъ взялъ съ собою десятскаго Архипа, толстаго и приземистаго мужика съ четвероугольнымъ лицемъ и допотопно-развитыми скулами, да недавно нанятаго управителя изъ остъ-зейскихъ губерній, юношу лѣтъ девятнадцати, худаго, бѣдокураго, подслѣповатаго, со свислыми плечами и длинной шеей, г. Готлиба фонъ-деръ-Кока. Мой сосѣдъ самъ недавно вступилъ во владѣніе имѣніемъ. Оно досталось ему въ наслѣдство отъ тетки, статской совѣтницы Кардонъ-Катаевой, необыкновенно-толстой женщины, которая, даже

лежа въ постели, продолжительно и жалобно кряхтѣла. Мы въѣхали въ «мелочà».—«Вы меня здѣсь подождите на полянкѣ», примолвилъ Ардаліонъ Михайлычъ (мой сосѣдъ), обратившись къ своимъ спутникамъ. Нѣмецъ поклонился, слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, кажется романъ Іоганны Шопенгауеръ, и присѣлъ подъ кустикъ; Архипъ остался на солнцѣ и въ теченіи часа не шевельнулся. Мы покружили по кустамъ и не нашли ни одного выводка. Ардаліонъ Михайлычъ объявилъ, что онъ намѣренъ отправиться въ лѣсъ. Мнѣ самому въ тотъ день что-то не вѣрилось въ успѣхъ охоты: я тоже поплелся вслѣдъ за нимъ. Мы вернулись на полянку. Нѣмецъ замѣтилъ страницу, всталъ, положилъ книгу въ карманъ и сѣлъ, не безъ труда, на свою купую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала отъ малѣйшаго прикосновенія; Архипъ встрепенулся, задергалъ разомъ обоими поводьями, заболталъ ногами и сдвинулъ наконецъ съ мѣста свою ошеломленную и придавленную лошаденку. Мы поѣхали.

Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ m-r Désiré Fleury, добрѣйшимъ человѣкомъ (который, впрочемъ, чуть было навсегда не испортилъ моего здоровья, заставляя меня по вечерамъ пить лекарство Леруа), часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились подъ неподвижными верхушками; пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ, чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; краснобурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и ландыши, росли

сыроѣшки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами алѣла земляника.... А что въ лѣсу за тѣнь! Въ самый жаръ, въ полдень—ночь настоящая: тишина, запахъ, свѣжесть.... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и отъ того, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-года не пощадила старыхъ моихъ друзей—дубовъ и ясеней; засохшіе, обнаженные, кой-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодой рощей, которая «смѣнила ихъ не замѣнивъ» (*). Иные, еще обросшіе листьями внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали кверху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя необильной, неизбыточной, по прежнему, торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадала; иные наконецъ вовсе повалились и гнили, словно трупы, на землѣ. Кто-бы могъ это предвидѣть—тѣни, въ Чаплыгинѣ тѣни нигдѣ нельзя было найдти! Что, думалъ я, глядя на умирающія деревья: чай, стыдно и горько вамъ?... Вспомнился мнѣ Кольцовъ :

Гдѣ-жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Гдѣ-жь теперь твоя
Мочь зеленая?...

— Какъ-же это, Ардаліонъ Михайлычъ, началъ я:—отчего-жь эти деревья на другой-же годъ не срубили? Вѣдь, за нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ.

Онъ только плечами пожалъ.

(*) Въ 40-мъ году, при жесточайшихъ морозахъ, до самаго конца декабря не выпало снѣгу; зеленя всѣ вымерзли, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погубила эта безжалостная зима. Замѣнить ихъ трудно; производительная сила земли видимо скудѣетъ; на «заказанныхъ» (съ образами обойденныхъ) пустыряхъ вмѣсто прежнихъ благородныхъ деревьевъ, сами-собою выростаютъ березы да осины; а иначе разводить рощи у насъ не умѣютъ.

— Спросили–бы тетушку,—а купцы приходили, деньги приносили, приставали.

— Mein Gott! Mein Gott! восклицалъ на каждомъ шагу фонъ–деръ–Кокъ:—Што са шалость! што са шалость!

— Какая шалость? съ улыбкой замѣтилъ мой сосѣдъ.

— То исть, какъ шалко, я скасать хотѣллъ. (Извѣстно, что всѣ нѣмцы, одолѣвшіе наконецъ нашу букву «люди», удивительно на нее напираютъ).

Особенно возбуждали его сожалѣніе лежавшіе на землѣ дубы, —и дѣйствительно: иной-бы мельникъ дорого за нихъ заплатилъ. За то десятскій Архипъ сохранялъ спокойствіе невозмутимое и не горевалъ нисколько; напротивъ, онъ даже не безъ удовольствія черезъ нихъ перескакивалъ и кнутикомъ по нимъ постегивалъ.

Мы пробирались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, въ слѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ на-встрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бѣжишь? спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?... Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ.... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги бѣги.... Ему–бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги.... заробѣлъ знать. Ясень–то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ.... Развѣ серцевинка гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ,—да что: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лекаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки.... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы.... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, заговорилъ онъ едва внятно:—за попомъ.... послать.... прикажите.... Господь.... меня наказалъ.... ноги, руки, все перебито.... сегодня.... воскресенье.... а я.... а я.... вотъ ... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ....

— Мы за лекаремъ послали, Максимъ, заговорилъ мой сосѣдъ:—можетъ быть ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: — прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя-же ему однако тутъ умирать, воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ: — ребята давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился....

— Умеръ, пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью: онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у другаго моего сосѣда въ деревнѣ мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. (Онъ такъ-бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживаго вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ). Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной?—«А вонъ, батюшка, на лежанкѣ», отвѣчаетъ мнѣ на-распѣвъ подгорюнившаяся баба. Подхожу—лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышетъ тяжко. «Что? какъ ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. «Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?» — «Вѣстимо, плохо», говоритъ.—«Больно тебѣ?»—Молчитъ.—«Не нужно-ли чего?»—Молчитъ.—«Не прислать-ли тебѣ чаю, что-ли?»—«Не надо».—Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ; братнина жена капусту рубитъ.—«А, Аксинья!» проговорилъ наконецъ больной.—«Чего?»—«Квасу дай.»—Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: причастили его?—«Причастили».—Ну, стало быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ и вышелъ...

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, то-есть, велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ. На первомъ листкѣ

этого альбома одинъ изъ лизоблюдовъ и прислужниковъ благодѣтельной помѣщицы начерталъ слѣдующіе стишки:

«Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
«Ce temple fut ouvert par la Beauté;
«De vos seigneurs admirez la tendresse.
«Bons habitants de Krasnogoriè!»

а другой господинъ внизу приписалъ:

«Et moi aussi J'aime la nature!»
«Jean Kobylianikoff».

Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣщикъ Павелъ и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лекарства, сушили и настаивали травы; они-же укрощали горячечныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣщикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова; по ночамъ пѣлъ пѣсню «о прикрасной Венерѣ», и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на какой-то дѣвкѣ Маланьѣ, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшекъ. Вотъ, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно-толстой сивой лошадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой. — «А, Василій Дмитричъ, закричалъ изъ окна Капитонъ: «милости просимъ.... Любовшинскій мельникъ», шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился.—«Ну, что, Василій Дмитричъ, что новенькаго?... Да вы должно быть не здоровы: лицо у васъ нехорошо».—«Да, Капитонъ Тимоѳеичъ, не ладно что-то».—«Что съ вами?»—«Да вотъ что, Капитонъ Тимоѳеичъ, недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ

ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги–то выкладывать, понатужился знать, что–ли, въ черевѣ-то у меня такъ и йокнуло, словно оборвалось что... да вотъ съ тѣхъ поръ все и не здоровится. Сегодня даже больно неладно».—«Гмъ», промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: «значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось?» — «Да десятый денекъ пошелъ». — «Десятый?» (Фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ). «Позволь-ка себя пощупать». — «Ну, Василій Дмитричъ», проговорилъ онъ наконецъ: «жаль мнѣ тебя сердечнаго, а, вѣдь, дѣло–то твое неладно; ты боленъ не на шутку, оставайся–ка здѣсь у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу, а впрочемъ ни за что не ручаюсь».—«Будто такъ худо?» пробормоталъ изумленный мельникъ».—«Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли-бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше,—и ничего-бы, какъ рукой-бы снялъ; а теперь у васъ воспаленіе, вотъ что; того и гляди, антоновъ-огонь сдѣлается». — «Да быть не можетъ, Капитонъ Тимоѳеичъ». — «Ужь я вамъ говорю». — «Да какъ–же это?» — (Фельдшеръ плечами пожалъ).—«И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?» — «Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь». Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку. «Куда–же вы, Василій Дмитричъ?»—«Куда? вѣстимо куда,—домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ.»—«Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте, я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали: останьтесь». — «Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, ужь умирать, такъ дома умирать; а то что–жь я здѣсь умру,—у меня дома и Господь знаетъ что приключится». — «Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло–то пойдетъ.... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того–то и слѣдуетъ вамъ остаться». (Мужикъ головой покачалъ). — «Нѣтъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, не останусь... а лекарствицо развѣ пропишите». — «Лекарство одно не поможетъ».—«Не останусь, говорятъ».—«Ну, какъ хочешь... чуръ потомъ не пенять».

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, прописавъ рецептъ, посовѣтовалъ что еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и

сѣлъ на телѣгу.—«Ну, прощайте, Капитонъ Тимоѳеичъ, не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что»... —«Эй, останься, Василій!»—Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ возжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему въ слѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался.... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ Русскіе люди. Много покойниковъ приходитъ мнѣ теперь на память. Вспоминаю я тебя, старинный мой пріятель, недоучившійся студентъ Авениръ Сорокоумовъ, прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ! Вижу снова твое чахоточное, зеленоватое лицо, твои жидкіе русые волосики, твою кроткую улыбку, твой восторженный взглядъ, твои длинные члены; слышу твой слабый, ласковый голосъ. Жилъ ты у великороссійскаго помѣщика Гура Крупяникова, училъ его дѣтей Фофу и Зёзю русской грамотѣ, географіи и исторіи, терпѣливо сносилъ тяжелыя шутки самого Гура, грубыя любезности дворецкаго, пошлыя шалости злыхъ мальчишекъ; не безъ горькой улыбки, но и безъ ропота исполнялъ прихотливыя требованія скучающей барыни; за то, бывало, какъ ты отдыхалъ, какъ ты блаженствовалъ вечеромъ, послѣ ужина, когда, отдѣлавшись наконецъ отъ всѣхъ обязанностей и занятій, ты садился передъ окномъ, задумчиво закуривалъ трубку, или съ жадностью перелистывалъ изуродованный и засаленный номеръ толстаго журнала, занесенный изъ города землемѣромъ, такимъ-же бездомнымъ горемыкой, какъ ты! Какъ нравились тебѣ тогда всякіе стихи и всякія повѣсти, какъ легко навертывались слезы на твои глаза, съ какимъ удовольствіемъ ты смѣялся, какою искреннею любовью къ людямъ, какимъ благороднымъ сочувствіемъ ко всему доброму и прекрасному проникалась твоя младенчески чистая душа! Должно сказать правду: не отличался ты излишнимъ остроуміемъ; природа не одарила тебя ни памятью, ни прилежаніемъ; въ университетѣ считался ты однимъ изъ самыхъ плохихъ студентовъ; на лекціяхъ ты спалъ, на экзаменахъ—молчалъ торжественно; но у кого сіяли радостью глаза, у кого захватывало дыханіе отъ успѣха, отъ удачи товарища?—У Авенира.... Кто слѣпо вѣровалъ въ вы-

сокое призваніе друзей своихъ, кто превозносилъ ихъ съ гордостью, защищалъ ихъ съ ожесточеніемъ? Кто не зналъ ни зависти, ни самолюбія, кто безкорыстно жертвовалъ собою, кто охотно подчинялся людямъ не стоившимъ подметокъ его?... Все ты, все ты, нашъ добрый Авениръ! Помню: съ сокрушеннымъ сердцемъ разставался ты съ товарищами, уѣзжая на «кондицію»; злыя предчувствія тебя мучили, и точно: въ деревнѣ плохо тебѣ пришлось; въ деревнѣ тебѣ некого было благоговѣйно выслушивать, некому удивляться, некого любить.... И степняки, и образованные помѣщики обходились съ тобой, какъ съ учителемъ: одни — грубо, другіе — небрежно. Притомъ-же ты и фигурой не бралъ; робѣлъ, краснѣлъ, потѣлъ, запкался.... Даже здоровья твоего не поправилъ сельскій воздухъ: истаялъ ты какъ свѣчка, бѣднякъ! Правда: комнатка твоя выходила въ садъ; черемухи, яблони, липы сыпали тебѣ на столъ, на чернильницу, на книги свои легкіе цвѣтки; на стѣнѣ висѣла голубая шелковая подушечка для часовъ, подаренная тебѣ въ прощальный часъ добренькой, чувствительной нѣмочкой, гувернанткой съ бѣлокурыми кудрями и синими глазками; иногда заѣзжалъ къ тебѣ старый другъ изъ Москвы и приводилъ тебя въ восторгъ чужими или даже своими стихами; но одиночество, но невыносимое рабство учительскаго званія, невозможность освобожденія, но безконечныя осени и зимы, но болѣзнь неотступная.... Бѣдный, бѣдный Авениръ!

Я посѣтилъ Сорокоумова не задолго до его смерти. Онъ уже почти ходить не могъ. Помѣщикъ Гуръ Крупяниковъ не выгонялъ его изъ дому, но жалованье пересталъ ему выдавать и другаго учителя нанялъ Зёзѣ.... Фофу отдали въ кадетскій корпусъ. Авениръ сидѣлъ возлѣ окна въ старыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Погода была чудесная. Свѣтлое осеннее небо весело синѣло надъ темно-бурою грядой обнаженныхъ липъ; кой-гдѣ шевелились и лепетали на нихъ послѣдніе, ярко-золотые листья. Прохваченная морозомъ земля потѣла и оттаявала на солнцѣ; его косые, румяные лучи били вскользь по блѣдной травѣ; въ воздухѣ чудился легкій трескъ; ясно и внятно звучали въ саду голоса работниковъ. На Авенирѣ былъ ветхій бухарскій халатъ; зеленый шейный платокъ бросалъ мертвенный оттѣнокъ на его страшно исхудавшее лицо. Онъ

весьма мнѣ обрадовался, протянулъ руку, заговорилъ и закашлился. Я далъ ему успокоиться, подсѣлъ къ нему.... На колѣняхъ у Авениира лежала тетрадка стихотвореній Кольцова, тщательно переписанныхъ; онъ съ улыбкой постучалъ по ней рукой. «Вотъ поэтъ», пролепеталъ онъ, съ усиліемъ сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышнымъ голосомъ:

«Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Всѣ заказаны?»

Я остановилъ его: лекарь запретилъ ему разговаривать. Я зналъ, чѣмъ ему угодить. Сорокоумовъ никогда, какъ говорится, не «слѣдилъ» за наукой, но любопытствовалъ знать, что, дескать, до чего дошли теперь великіе умы? Бывало, поймаетъ товарища гдѣ-нибудь въ углу и начнетъ его распрашивать: слушаетъ, удивляется, вѣритъ ему на слово, и ужь такъ потомъ за нимъ и повторяетъ. Особенно нѣмецкая философія его сильно занимала.—Я началъ толковать ему о Гегелѣ (дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите). Авениръ качалъ утвердительно головой, поднималъ брови, улыбался, шепталъ: «понимаю, понимаю!... а! хорошо, хорошо!»... Дѣтская любознательность умирающаго, безпріютнаго и заброшеннаго бѣдняка, признаюсь, до слезъ меня трогала. Должно замѣтить, что Авениръ, въ противность всѣмъ чахоточнымъ, нисколько не обманывалъ себя насчетъ своей болѣзни.... и что-жъ — онъ не вздыхалъ, не сокрушался, даже ни разу не намекнулъ на свое положеніе....

Собравшись съ силами, заговорилъ онъ о Москвѣ, о товарищахъ, Пушкинѣ, о театрѣ, о русской литературѣ; вспоминалъ наши пирушки, жаркія пренія нашего кружка, съ сожалѣніемъ произнесъ имена двухъ-трехъ умершихъ пріятелей....

— Помнишь Дашу? прибавилъ онъ наконецъ:—вотъ золотая была душа! вотъ было сердце! и какъ она меня любила!... Что съ ней теперь?—Чай, изсохла, исчахла, бѣдняжка?

Я не посмѣлъ разочаровать больнаго, — и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему было знать, что Даша его теперь поперегъ себя толще, водится съ кущами—братьями Кондачковыми, бѣлится и румянится, пищитъ и бранится.

Однако, подумалъ я, глядя на его изнеможенное лицо, нельзя-ли его вытащить отсюда? Можетъ быть еще есть возможность его вылечить.... Но Авениръ не далъ мнѣ докончить мое предположеніе.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, промолвилъ онъ: — все равно, гдѣ умереть. Я, вѣдь, до зимы не доживу.... Къ-чему понапрасну людей безпокоить. Я къ здѣшнему дому привыкъ. Правда, господа-то здѣшніе....

— Злые, что-ли? подхватилъ я.

— Нѣтъ, не злые: деревяшки какія-то. А впрочемъ, я не могу на нихъ пожаловаться. Сосѣди есть: у помѣщика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрѣйшая дѣвица.... негордая....

Сорокоумовъ опять раскашлялся.

— Все-бы ничего, продолжалъ онъ, отдохнувши:—кабы трубочку выкурить позволили.... А ужь я такъ не умру, выкурю трубочку! прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазомъ.—Слава Богу, пожилъ довольно; съ хорошими людьми знался....

— Да ты-бы хоть къ роднымъ написалъ, перебилъ я его.

— Что къ роднымъ писать? Помочь они мнѣ не помогутъ; умру — узнаютъ. Да что объ этомъ говорить.... Разскажи-ка мнѣ лучше, что ты за границей видѣлъ.

Я началъ разсказывать. Онъ такъ и впился въ меня. Къ вечеру я уѣхалъ, а дней черезъ десять получилъ слѣдующее письмо отъ г. Крупяникова.

«Симъ честь имѣю извѣстить васъ, милостивый государь мой, что пріятель вашъ, у меня въ домѣ проживавшій студентъ, г. Авениръ Сорокоумовъ, четвертаго дня въ два часа по полудни скончался, и сегодня на мой счетъ въ приходской моей церкви похороненъ. Просилъ онъ меня переслать къ вамъ приложенныя при семъ книги и тетради. Денегъ у него оказалось 22 рубли съ полтиной, которые, вмѣстѣ съ прочими его вещами, доставятся по принадлежности родственникамъ. Скончался вашъ другъ въ совершенной памяти и можно сказать съ таковою-же безчувственностію, не изъявляя никакихъ знаковъ сожалѣнія, даже когда мы цѣлымъ семействомъ съ нимъ прощались. Супруга моя, Клеопатра Александровна, вамъ кланяется. Смерть вашего пріятеля не могла не подѣйствовать на ея нер-

вы; что-же до меня касается, то я, слава Богу, здоровъ и честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Г. Крупяниковъ.»

Много другихъ еще примѣровъ въ голову приходитъ, — да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ.

Старушка помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. «Куда спѣшишь, батюшка», проговорила она коснѣющимъ языкомъ: «успѣешь....» Она приложилась, засунула было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную....

Да, удивительно умираютъ русскіе люди!

ПѢВЦЫ.

—

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки,—черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ,—раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать,—а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу и въ зимніе вечера, освѣщенное изнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводной звѣздою. Надъ дверью

избушки прибита голубая дощечка: эта избушка—кабакъ, прозванный «Притыннымъ» (*). Въ этомъ кабакѣ. вино продается, вѣроятно, недешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого-же рода. Причиной этому цаловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ —нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь-же необычайно толстый, уже посѣдѣвшій мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками,— уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ бо́льшая часть цаловальниковъ, не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ-бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, предпочитаетъ онъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками, наводитъ своихъ посѣтителей — и то любимыхъ имъ посѣтителей — на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за «очищеннымъ», знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ

(*) Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся, всякое пріютное мѣсто.

самый проницательный становой. Знай-себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ; штатскій генералъ Щерепетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ — нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его, бойкая востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключемъ. Пьяницы-крикуны ее боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ дѣтей.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой подымался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго Кабачка. Солнце разгорѣлось на небѣ, какъ-бы свирѣпѣя, парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распуша перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучками носились надъ зелеными кононлянниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко; въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцовъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда.... Но кто-же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не

представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и вызженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленый прудъ, съ каймой изъ полу-высохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы, какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда-жъ пройдетъ наконецъ этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя очевидно размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди-же! залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови:—иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово. Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь.... Иди.

— Ну, иду, иду, раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы на-право показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная, суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая, остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная на-

пряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, нахально выдвигался впередъ какъ руль.—Иду, любезный, продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенья:—зачѣмъ ты меня зовешь?... Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели.—Экой ты, моргачъ чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь, зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили—кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть.... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ.—И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй:—а ты брешешь. Стало быть будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ.

— Ну, пойдемъ, простота, возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцалуй-же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь Езопъ изнѣженный, презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ объ лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно не многіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое, продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ, три пустыя боч-

ки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы—все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненьи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали какъ въ лихорадкѣ,—да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жосткими какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ можно было бы назвать почти свирѣпымъ, еслибъ онъ не былъ такъ спокойно-задумчивъ. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки—рядчикъ изъ Жиздры: это былъ не высокаго роста, плотный муж-

чина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ сѣроватой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты; всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. За то въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечь, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свитѣ.

— Ну, что-жь! возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, по видимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать такъ начинать. А? Яша?...

— Начинать, начинать, одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, хладнокровно и съ самоувѣренной улыбочкой примолвилъ рядчикъ:—я готовъ.

— И я готовъ, съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки,—всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, залепеталъ Обалдуй:—тебѣ братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него изподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ:—да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: «ну!»

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ: Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ—свой.

— Тебѣ выбирать, проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь, я-же говорилъ, что тебѣ, воскликнулъ Обалдуй:—я, вѣдь, говорилъ.

— Ну, ну, не «цыркай» (*)! презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ. — Начинай, продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую-же мнѣ пѣсню пѣть? спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, отвѣчалъ Моргачъ.—Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужь потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустаго стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся—начинай! рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами....

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самого состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ была уже мнѣ извѣстна, когда я встрѣтился съ ними въ Притынномъ Кабачкѣ; о другихъ я собралъ свѣдѣнія въ послѣдствіи.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не звалъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ-же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій, холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ давно отступились и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ однако средство каждый день покутить на чужой счетъ. У него было

(*) Цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова; все «лотошилъ» да вралъ что ни попало—прямой Обалдуй! И между тѣмъ ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ-же между гостями,—такъ ужь къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но украшать его нелѣпые порывы умѣлъ одинъ Дикій Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названье Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Не смотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ жизни его остались для меня— и, вѣроятно, для многихъ другихъ — темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченьи нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеньемъ загладивъ свое преступленье, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ наконецъ ея полную довѣренность, попалъ въ прикащики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ-на-умѣ, не злой и не добрый, а болѣе расчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ тоже время предпріимчивъ, какъ лисица; болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться; впрочемъ, не прики-

дывается простачкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было-бы притворяться: я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя «глядѣлки» (*). Они никогда не смотрятъ просто—все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое нибудь, по видимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно смѣлое дѣло; кажется тутъ ему и голову сломить.... смотришь—все удалось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. «А Моргачонокъ въ отца вышелъ», уже и теперь говорятъ о немъ въ полъ-голоса старики, сидя на завалинкахъ, и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера; и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной Турчанки, былъ по душѣ художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію—черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что-же касается до рядчика, судьба котораго, признаюсь, мнѣ осталась неизвѣстной, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщанином. Но о Дикомъ Баринѣ стоитъ поговорить нѣсколько поподробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но не отразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, «сбитнемъ», какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и—странное дѣло—его медвѣжеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собст-

(*) Орловцы называютъ глаза глядѣлками, такъ-же какъ ротъ ѣдаломъ.

венномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ; онъ не походилъ ни на дворового, ни на мѣщанина, ни на обѣднявшаго подъячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго раззорившагося дворянина — псаря и драчуна: онъ былъ ужь точно самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ отъ однодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то прежде на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да и отъ кого было и узнавать,—не отъ него же самого: не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Также никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ, не знался почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, не большія, но водились. Велъ онъ себя не то что скромно, — въ немъ вообще не было ничего скромнаго, но тихо; онъ жилъ, слѣдовно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій Баринъ (такъ его прозвали; настоящее-же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяньемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому-бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ—ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ-бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя и все до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подобнаго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держитъ теперь самаго себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной, природной свирѣпости и такого-же врожденнаго благородства, смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ-другомъ.

Итакъ, рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ

довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлой, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они-бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ-бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor léger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я молода-молоденька
Землицы маленько;
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманьемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой Орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ: ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали въ полголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «лихо!... Забирай, шельмецъ!... Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты эдакая, пёсъ!... Погуби Иродъ твою душу!» и пр. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй наконецъ затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ,—а у Якова глаза такъ и разгорѣлись какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ

не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужь такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ,—общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: «молодецъ, молодецъ!»—Даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «А-га! хорошо, чортъ побери—хорошо!» и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій,—потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю—осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко.... Ужь я тебѣ говорю далеко.... А ты мнѣ вѣрь. (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Да пусти-же его, пусти, неотвязная.... съ досадой заговорилъ Моргачъ:—дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ.... Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что пристадъ, словно банный листъ.

— Ну, что-жь, пусть садится, а я за его здоровье выпью, сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, ласково замѣтилъ Николай Иванычъ.—А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ кто кого, посмотримъ.... А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо–га! повторилъ въ полголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха (*)! завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ.—Полѣха! полѣха! Га, бѣда паняй (**), заворотень! Зачѣмъ пожаловалъ, заворотень? кричалъ онъ сквозь смѣхъ.

Бѣдный мужикъ смутился и уже собрался было встать да уйдти поскорѣй, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго Барина:

— Да что-жъ это за несносное животное такое? произнесъ онъ, скрыпнувъ зубами.

— Я ничего, забормоталъ Обалдуй:—я ничего.... я такъ....

— Ну, хорошо, молчать–же! возразилъ Дикій Баринъ.— Яковъ, начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того.... что–то.... Гмъ.... Не знаю, право, что–то того....

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!... чего вертишься?... Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда-же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо— оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ.... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда–то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ

(*) Полѣхами называются обитатели южнаго полѣсья, длинной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Заворотнями же ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ.

(**) Полѣхи прибавляютъ почти къ каждому слову восклицанія: «га!» и «бѣда».—«Паняй» вмѣсто погоняй.

трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ— третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегала» пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая то увлекательно безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе —онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на-встрѣчу знакомому морю, на-встрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня.... я оглянулся—жена цаловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился; Моргачъ

отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился.... Не знаю, чѣмъ-бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ—словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его....

— Яша, проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо, и — смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — «Ты.... твоя.... ты выигралъ», произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое рѣшительное движеніе какъ будто нарушило очарованье: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цаловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обѣими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: «а хорошо, ей Богу хорошо, ну вотъ, будь я собачій сынъ, хорошо!» а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя: все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цаловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго однако тотъ не сыскалъ, и начался пиръ. — «Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь», твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться—я боялся испортить свое впечатлѣніе. Но зной былъ нестерпимъ попрежнему. Онъ какъ будто висѣлъ надъ самой землей густымъ тяжелымъ слоемъ; на темносинемъ небѣ, казалось, крутились какіе-то мелкіе, свѣтлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное въ этомъ глубокомъ молчаніи обезсиленной природы. Я добрался до сѣновала и легъ на только-что-скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не могъ задремать; долго звучалъ у меня въ ушахъ неотразимый голосъ Якова.... наконецъ, жара и усталость взяли однакожь свое, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся,—все уже потемнѣло; вокругъ разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырѣла; сквозь тонкія жерди полураскрытой крыши слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Я вышелъ. Заря уже давно погасла, и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ; но въ недавно раскаленномъ воздухѣ сквозь ночную свѣжесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холоднаго дуновенья. Вѣтра не было, не было и тучь; небо стояло кругомъ все чистое и прозрачно темное, тихо мерцая безчисленными, но чуть видными звѣздами. По деревнѣ мелькали огоньки; изъ недалекаго, ярко освѣщеннаго кабака несся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узнавалъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ, по временамъ, поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно—все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ. По серединѣ кабака, Обалдуй, совершенно «развинченный» и безъ кафтана, выплясывалъ въ перепрыжку передъ мужичкомъ въ сѣроватомъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ-бы желая сказать: «куда ни шло!» Ничего не могло быть смѣшнѣй его лица; какъ онъ ни вздергивалъ кверху свои брови, отяжалѣвшія вѣки не хотѣли

подняться, а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгулявшаго человѣка, когда всякій прохожій, заглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: «хорошъ, братъ, хорошъ!» Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Иванычъ, какъ и слѣдуетъ истинному цаловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго Барина я въ ней не видалъ.

Я отвернулся, и быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма разстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана, она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. — «Антропка! Антропка-а-а....» кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдній слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чуткодремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, покрайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другаго свѣта, пронесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

— Иди сюда, чортъ, лѣшi-i-i-iй.

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ? отвѣтилъ тотъ, спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-итъ, — поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его, болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я обгибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки....

«Антропка-а-а!» все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КАРАТАЕВЪ.

Лѣтъ пять тому назадъ, осенью, на дорогѣ изъ Москвы въ Тулу, пришлось мнѣ просидѣть почти цѣлый день въ почтовомъ домѣ, за недостаткомъ лошадей. Я возвращался съ охоты и имѣлъ неосторожность отправить свою тройку впередъ. Смотритель, человѣкъ уже старый, угрюмый, съ волосами, нависшими надъ самымъ носомъ, съ маленькими заспанными глазами, на всѣ мои жалобы и просьбы отвѣчалъ отрывистымъ ворчаньемъ, въ сердцахъ хлопалъ дверью, какъ-будто самъ проклиналъ свою должность, и, выходя на крыльцо, бранилъ ямщиковъ, которые медленно брели по грязи съ пудовыми дугами на рукахъ, или сидѣли на лавкѣ, позѣвывая и почесываясь, и не обращали особеннаго вниманія на гнѣвныя восклицанія своего начальника. Я раза три уже принимался пить чай, нѣсколько разъ напрасно пытался заснуть, прочелъ всѣ надписи на окнахъ и на стѣнахъ: скука меня томила страшная. Съ холоднымъ и безнадежнымъ отчаяніемъ глядѣлъ я на приподнятыя оглобли своего тарантаса, какъ вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, и небольшая телѣга, запряженная тройкой измученныхъ лошадей, остановилась передъ крыльцомъ. Пріѣзжій соскочилъ съ телѣги и съ крикомъ: «живѣе лошадей!» вошелъ въ комнату. Пока онъ, съ обычнымъ, страннымъ изу-

мленіемъ, выслушивалъ отвѣтъ смотрителя, что лошадей–де нѣту, я успѣлъ, со всѣмъ жаднымъ любопытствомъ скучающаго человѣка, окинуть взоромъ съ ногъ до головы моего новаго товарища. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать. Оспа оставила неизгладимые слѣды на его лицѣ, сухомъ и желтоватомъ, съ непріятнымъ мѣднымъ отблескомъ; изсиня–черные, длинные волосы лежали сзади кольцами на воротникѣ, спереди закручивались въ ухорскіе виски; небольшіе опухшіе глазки глядѣли, — и только; на верхней губѣ торчало нѣсколько волосковъ. Одѣтъ онъ былъ забубеннымъ помѣщикомъ, посѣтителемъ конныхъ ярмарокъ, въ пестрый, довольно засаленный архалукъ, полинявшій шелковый галстухъ лиловаго цвѣта, жилетъ съ мѣдными пуговками и сѣрые панталоны, съ огромными раструбами, изъ-подъ которыхъ едва выглядывали кончики нечищенныхъ сапогъ. Отъ него сильно несло табакомъ и водкой; на красныхъ и толстыхъ его пальцахъ, почти закрытыхъ рукавами архалука, виднѣлись серебряныя и тульскія кольца. Такія фигуры встрѣчаются на Руси не дюжинами, а сотнями; знакомство съ ними, надобно правду сказать, не доставляетъ никакого удовольствія; но, не смотря на предубѣжденіе, съ которымъ я глядѣлъ на пріѣзжаго, я не могъ не замѣтить безпечно добраго и страстнаго выраженья его лица.

— Вотъ и они ждутъ здѣсь болѣе часу–съ, промолвилъ смотритель, указывая на меня.

Болѣе часу!—злодѣй смѣялся надо мной!

— Да имъ, можетъ быть, не такъ нужно, отвѣчалъ пріѣзжій.

— Ужь этого–съ, мы не можемъ знать–съ, угрюмо сказалъ смотритель.

— Такъ неужели нельзя никакъ? Нѣтъ лошадей рѣшительно?

— Нельзя–съ. Ни одной лошади не имѣется.

— Ну, такъ велите–же мнѣ самоваръ поставить. Подождемъ, дѣлать нечего.

Пріѣзжій сѣлъ на лавку, бросилъ картузъ на столъ и провелъ рукой по волосамъ.

— А вы ужь пили чай? спросилъ онъ меня.

— Пилъ.

— А еще разъ для компаніи не угодно?

Я согласился. Толстый рыжій самоваръ въ четвертый разъ появился на столѣ. Я досталъ бутылку рому. Я не ошибся, принявъ моего собесѣдника за мелкопомѣстнаго дворянина. Звали его Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ.

Мы разговорились. Не прошло и получаса съ его пріѣзда, какъ ужь онъ съ самой добродушной откровенностью разсказывалъ мнѣ свою жизнь.

— Теперь я ѣду въ Москву, говорилъ онъ мнѣ, допивая четвертый стаканъ: — въ деревнѣ мнѣ ужь теперь нечего дѣлать.

— Отчего-же нечего?

— Да такъ-таки нечего. Хозяйство поразстроилось, мужиковъ поразорилъ, признаться, подошли годы плохіе: неурожаи, разныя, знаете, несчастія.... Да впрочемъ, прибавилъ онъ, уныло взглянувъ въ сторону: — какой я хозяинъ!

— Почему-же?

— Да нѣтъ, перебилъ онъ меня: — такіе-ли бываютъ хозяева! Вотъ видите-ли, продолжалъ онъ, скрутивъ голову на бокъ и прилежно насасывая трубку: — вы, такъ, глядя на меня, можете подумать, что я и того.... а, вѣдь, я, долженъ вамъ признаться, воспитанье получилъ средственное; достатковъ не было. Вы меня извините, я человѣкъ откровенный, да и наконецъ....

Онъ не договорилъ своей рѣчи и махнулъ рукой. Я началъ увѣрять его, что онъ ошибается, что я очень радъ нашей встрѣчѣ и пр., а потомъ замѣтилъ, что для управленія имѣньемъ, кажется, не нужно слишкомъ сильнаго образованія.

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ: — я съ вами согласенъ. Да все-же нужно такое, особенное расположеніе. Иной, Богъ знаетъ что, дѣлаетъ, и ничего! а я.... Позвольте узнать, вы сами изъ Питера, или изъ Москвы?

— Я изъ Петербурга.

Онъ пустилъ ноздрями долгую струю дыма.

— А я въ Москву ѣду служить.

— Куда-же вы намѣрены опредѣлиться?

— А не знаю; какъ тамъ прійдется. Признаться вамъ, боюсь я службы: какъ разъ подъ отвѣтственность попадешь.

Жилъ все въ деревнѣ; привыкъ, знаете.... да ужь дѣлать нечего.... нужда! Охъ, ужь эта мнѣ нужда!

— За то вы будете жить въ столицѣ.

— Въ столицѣ.... ну, я не знаю, что тамъ въ столицѣ хорошаго. Посмотримъ, можетъ быть, оно и хорошо.... А ужь лучше деревни, кажется, и быть ничего не можетъ.

— Да развѣ вамъ уже невозможно болѣе жить въ деревнѣ?

Онъ вздохнулъ.

— Невозможно. Она ужь теперь, почитай, что и не моя.

— А что?

— Да тамъ добрый человѣкъ—сосѣдъ завелся... вексель...

Бѣдный Петръ Петровичъ провелъ рукой по лицу, подумалъ и тряхнулъ головою.

— Ну, да ужь что!... Да признаться, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанья:—мнѣ не на кого пенять, самъ виноватъ. Любилъ покуражиться!... Люблю, чортъ возьми, покуражиться!

— Вы весело жили въ деревнѣ? спросилъ я его.

— У меня, сударь, отвѣчалъ онъ съ растановкой и глядя мнѣ прямо въ глаза: — было двѣнадцать смычковъ гончихъ, такихъ гончихъ, какихъ, скажу вамъ, немного. (Онъ это послѣднее слово произнесъ на распѣвъ). Русака какъ разъ замотаютъ, а ужь на краснаго звѣря—змѣи, просто аспиды. И борзыми похвастаться я могъ. Теперь-же дѣло прошлое, лгать не-для-чего. Охотился я и съ ружьемъ. Была у меня собака Контеска; стойка необыкновенная, верхнимъ чутьемъ все брала. Бывало подойду къ болоту, скажу: шаршъ! какъ искать не станетъ, такъ хоть съ дюжиной собакъ пройди, — шалишь, ничего не найдешь! а какъ станетъ,—просто рада умереть на мѣстѣ!... И въ комнатѣ такая вѣжливая. Дашь ей хлѣбъ изъ лѣвой руки да скажешь: Жидъ ѣлъ, — вѣдь, не возметъ, а дашь изъ правой, да скажешь: барышня кушала, — тотчасъ возметъ и съѣстъ. Былъ у меня и щенокъ отъ нея, отличный щенокъ, и въ Москву везти хотѣлъ, да пріятель выпросилъ вмѣстѣ съ ружьемъ; говоритъ: въ Москвѣ тебѣ, братъ, будетъ не до того; тамъ ужь пойдетъ совсѣмъ, братъ, другое. Я и отдалъ ему щенка, да ужь и ружье, ужь оно все тамъ, знаете, осталось.

— Да вы и въ Москвѣ могли-бы охотиться.

— Нѣтъ ужь, къ-чему? Не съумѣлъ удержаться, такъ и терпи теперь. А вотъ лучше позвольте узнать, что жизнь въ Москвѣ—дорога?

— Нѣтъ, не слишкомъ.

— Не слишкомъ?... А скажите, пожалуйста, вѣдь, цыгане въ Москвѣ живутъ?

— Какіе цыгане?

— А вотъ, что̀ по ярмаркамъ ѣздятъ?

— Да, въ Москвѣ....

— Ну, это хорошо. Люблю цыганъ, чортъ возьми, люблю!..

И глаза Петра Петровича сверкнули удалой веселостью. Но вдругъ онъ завертѣлся на лавкѣ, потомъ задумался, потупилъ голову и протянулъ ко мнѣ пустой стаканъ.

— Дайте-ка мнѣ вашего рому, проговорилъ онъ.

— Да чай весь вышелъ.

— Ничего, такъ, безъ чая.... Эхъ!

Каратаевъ положилъ голову на руки и оперся руками на столъ. Я молча глядѣлъ на него, и ожидалъ уже тѣхъ чувствительныхъ восклицаній, пожалуй, даже тѣхъ слезъ, на которыя такъ щедръ подгулявшій человѣкъ, но когда онъ поднялъ голову, меня, признаюсь, поразило глубоко-грустное выраженіе его лица.

— Что̀ съ вами?

— Ничего-съ... старину вспомнилъ. Такой анекдотъ-съ... Разсказалъ-бы вамъ, да мнѣ совѣстно васъ безпокоить....

— Помилуйте!

— Да, продолжалъ онъ со вздохомъ: — бываютъ случаи... хотя, на-примѣръ, и со мной. Вотъ, если хотите, я вамъ разскажу. Впрочемъ, не знаю....

— Разсказывайте, любезный Петръ Петровичъ.

— Пожалуй, хоша оно того.... Вотъ, видите-ли, началъ онъ:—но я, право, не знаю.

— Ну, полноте, любезный Петръ Петровичъ.

— Ну, пожалуй. Такъ вотъ что со мной, такъ сказать, случилось. Жилъ я-съ въ деревнѣ... вдругъ, приглянись мнѣ дѣвушка, ахъ, да какая же дѣвушка была... красавица, умница, а ужь добрая какая! Звали ее Матреной-съ. А дѣвка она была

простая, т. е., вы понимаете, крѣпостная, просто холопка-съ. Да не моя дѣвка, а чужая; вотъ въ чемъ бѣда. Ну, вотъ я ее полюбилъ,—такой, право, анекдотъ-съ,—ну, и она. Вотъ и стала Матрена меня просить: выкупи ее, дескать, отъ госпожи; да и я самъ уже объ эфтомъ подумывалъ.... А госпожа-то у ней была богатая, старушенція страшная; жила отъ меня верстахъ въ пятнадцати. Ну, вотъ, въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день, я и велѣлъ заложить себѣ дрожки тройкой,—въ корню ходилъ у меня иноходецъ, азіятецъ необыкновенный, за то и назывался Лампурдосъ, — одѣлся получше и поѣхалъ къ Матрениной барынѣ. Пріѣзжаю: домъ большой, съ флигелями, съ садомъ.... У повертка Матрена меня ждала, хотѣла было заговорить со мной, да только руку поцаловала и отошла въ сторону. Вотъ, вхожу я въ переднюю, спрашиваю: дома?... А мнѣ высокой такой лакей говоритъ: какъ объ васъ доложить прикажете? Я говорю: доложи, братецъ, дескать, помѣщикъ Каратаевъ пріѣхалъ о дѣлѣ переговорить. Лакей ушелъ; я жду себѣ и думаю: что-то будетъ? чай, заломитъ, бестія, цѣну страшную, даромъ, что богата. Рублей пятьсотъ, пожалуй, запроситъ. Вотъ, наконецъ, вернулся лакей, говоритъ: пожалуйте. Я вхожу за нимъ въ гостинную. Сидитъ на креслахъ маленькая, желтенькая старушонка и глазами моргаетъ.—«Что вамъ угодно?»—Я сперва, знаете-ли, почелъ за нужное объявить, что, дескать, радъ знакомству.—«Вы ошибаетесь, я не здѣшняя хозяйка, а ея родственница.... Что вамъ угодно?»—Я замѣтилъ ей тутъ-же, что мнѣ съ хозяйкой-то и нужно переговорить. — «Марья Ильинишна не принимаетъ сегодня: она не здорова.... Что вамъ угодно?» — Дѣлать нечего, подумалъ я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала.—«Матрена? какая Матрена?» — Матрена Ѳедорова, Куликова дочь. — «Ѳедора Кулика дочь?... да какъ вы ее знаете?»—Случайнымъ манеромъ. — «А извѣстно ей ваше намѣреніе?»—Извѣстно.—Старуха замолчала.—«Да я ее негодную!...»—Я, признаюсь, удивился.—За что-же, помилуйте!... Я за нее готовъ внести сумму, только извольте назначить. Старая хрычовка такъ и зашипѣла: — «Вотъ вздумали чѣмъ удивить: нужны намъ очень ваши деньги!... а вотъ я ее ужо, вотъ я ее.... Дурь-то я изъ нее выбью».—Раскашлялась ста-

руха со злости. — «Не хорошо ей у насъ, что-ли?... Ахъ, она чертовка, прости, Господи, мое согрѣшенье!» Я, признаюсь, вспыхнулъ. — За что-же вы грозите бѣдной дѣвкѣ? чѣмъ она, то-есть, виновата? Старуха перекрестилась.—«Ахъ, ты, мой Господи, да развѣ я....»—Да, вѣдь, она не ваша!—«Ну, ужь про это Марья Ильинишна знаетъ, не ваше, батюшка, дѣло; а вотъ я ужо Матрешкѣ-то покажу, чья она холопка». Я, признаюсь, чуть не бросился на проклятую старуху, да вспомнилъ о Матренѣ, и руки опустились. Заробѣлъ такъ, что пересказать невозможно; началъ упрашивать старуху: возьмите, дескать, что хотите.—«Да на что она вамъ?»—Понравилась, матушка; войдите въ мое положенье.... Позвольте поцаловать у васъ ручку. И таки поцаловалъ у шельмы руку! — «Ну», прошамшила вѣдьма:—«я скажу Марьѣ Ильинишнѣ, какъ она прикажетъ; а вы заѣзжайте дня черезъ два». Я уѣхалъ домой въ большомъ безпокойствѣ. Начиналъ я догадываться, что дѣло неладно повелъ, напрасно далъ свое расположенье замѣтить, да хватился-то я поздно. Дня черезъ два отправился я къ барынѣ. Привели меня въ кабинетъ. Цвѣтовъ пропасть, убранство отличное, сама сидитъ въ такихъ мудреныхъ креслахъ и голову назадъ завалила на подушку; и родственница прежняя тутъ сидитъ, да еще какая-то барышня бѣлобрысая, въ зеленомъ платьѣ, криворотая, компаньонка, должно быть. Старуха загнусила: «прошу садиться». Я сѣлъ. Стала меня распрашивать о томъ, сколько мнѣ лѣтъ, да гдѣ я служилъ, да что намѣренъ дѣлать, и такъ все свысока, важно. Я отвѣчалъ подробно. Старуха взяла со стола платокъ, помахала, помахала на себя.... «Мнѣ», говоритъ, «докладывала Катерина Карповна объ вашемъ намѣреніи; докладывала», говоритъ, «но я себѣ», говоритъ, «положила за правило: людей въ услуженіе не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится въ порядочномъ домѣ: это не порядокъ. Я уже и распорядилась», говоритъ, «вамъ уже болѣе безпокоиться», говоритъ, «нечего».— Какое безпокойство, помилуйте.... А можетъ, вамъ Матрена Ѳедорова нужна? — «Нѣтъ», говоритъ, «не нужна». — Такъ отчего-же вы мнѣ ее уступить не хотите? — «Отъ-того, что мнѣ не угодно; не угодно, да и все тутъ. Я ужь», говоритъ, «распорядилась: она въ степную деревню посылается». Меня

какъ громомъ хлопнуло. Старуха сказала слова два по французски зеленой барышнѣ: та вышла. «Я», говоритъ, «женщина правилъ строгихъ, да и здоровье мое слабое: безпокойства переносить не могу. Вы еще молодой человѣкъ; а я ужь старая женщина и въ правѣ вамъ давать совѣты. Не лучше-ли вамъ пристроиться, жениться, поискать хорошей партіи; богатыя невѣсты рѣдки, но дѣвицу бѣдную, за то хорошей нравственности найдти можно». Я, знаете, гляжу на старуху и ничего не понимаю, что она тамъ такое мелетъ; слышу, что толкуетъ о женитьбѣ, а у меня степная деревня все въ ушахъ звенитъ. Жениться!... какой чортъ...

Тутъ разскащикъ внезапно остановился и поглядѣлъ на меня.

— Вѣдь, вы не женаты?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, дѣло извѣстное. Я не вытерпѣлъ:—да помилуйте, матушка, что вы за ахинею порете? Какая тутъ женитьба? я просто желаю узнать отъ васъ, уступаете вы вашу дѣвку Матрену, или нѣтъ?—Старуха заохола:—«ахъ, онъ меня обезпокоилъ! ахъ, велите ему уйдти! ахъ!»... Родственница къ ней подскочила и раскричалась на меня. А старуха все стонетъ: «чѣмъ это я заслужила?... Стало быть, я уже въ своемъ домѣ не госпожа? ахъ, ахъ!» Я схватилъ шляпу и, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ вонъ.

— Можетъ быть, продолжалъ разскащикъ: — вы осудите меня за то, что я такъ сильно привязался къ дѣвушкѣ изъ низкаго сословія; я и не намѣренъ себя, то-есть, оправдывать... такъ ужь оно пришлось!... Вѣрите-ли, ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не было.... Мучусь! за что, думалъ я, погубилъ несчастную дѣвку! Какъ только, бывало, вспомню, что она въ зипунѣ гусей гоняетъ, да въ черномъ тѣлѣ, по барскому приказу, содержится, да староста, мужикъ въ дехтярныхъ сапогахъ, ее ругательски ругаетъ — холодный потъ такъ съ меня и закапаетъ. Ну, не вытерпѣлъ, провѣдалъ въ какую деревню ее сослали, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ туда. На другой день подъ вечеръ только пріѣхалъ. Видно отъ меня такого пассажа не ожидали и никакого на мой счетъ приказанія не дали. Я прямо къ старостѣ, будто сосѣдъ; вхожу на дворъ, гляжу: Матрена сидитъ на крылечкѣ и рукой подперлась. Она было

вскрикнула, да я ей погрозилъ и показалъ на задворье, въ поле. Вошелъ въ избу; со старостой покалякалъ, навралъ ему чортову тьму, улучилъ минутку и вышелъ къ Матренѣ. Она, бѣдняжка, такъ у меня на шеѣ и повисла. Поблѣднѣла, похудѣла, моя голубушка. Я, знаете-ли, говорю ей: ничего, Матрена; ничего, не плачь,—а у самого слезы такъ и бѣгутъ и бѣгутъ... Ну, однакожъ, наконецъ, мнѣ стыдно стало; говорю ей: Матрена, слезами горю не пособить, а вотъ что: надобно дѣйствовать, какъ говорится, рѣшительно; надобно тебѣ бѣжать со мной; вотъ какъ надобно дѣйствовать. Матрена такъ и обмерла.... «Какъ можно! да я пропаду, да они меня заѣдятъ совсѣмъ!»—Глупая ты, кто тебя сыщетъ?—«Сыщутъ, непремѣнно сыщутъ. Спасибо вамъ, Петръ Петровичъ; вѣкъ не забуду вашей ласки, но ужь вы меня теперь предоставьте; ужь, видно, такова моя судьба». Эхъ, Матрена, Матрена, а я тебя считалъ за дѣвку съ карахтеромъ. И точно, карахтеру у ней было много... душа была, золотая душа! — Что-жь тебѣ здѣсь оставаться? все равно; хуже не будетъ. Ну вотъ сказывай: старостихиныхъ кулаковъ отвѣдывала, а?—Матрена такъ и спыхнула, и губы у ней задрожали. «Да изъ-за меня семьѣ моей житья не будетъ».—Ну ее, твою семью... Сошлютъ ее что-ли?—«Сошлютъ; брата-то навѣрное сошлютъ».—А отца?—«Ну, отца не сошлютъ; онъ у насъ одинъ хорошій портной и есть».—Ну вотъ, видишь, а братъ твой отъ этого не пропадетъ. Повѣрите-ли, насилу уломалъ ее; вздумала еще толковать о томъ, что, дескать, вы за это отвѣчать будете.... Да ужь это, говорю я, не твое дѣло.... Однако, я таки ее увезъ.... не въ этотъ разъ, а въ другой: ночью, на телѣгѣ пріѣхалъ—и увезъ.

— Увезли?

— Увезъ.... Ну вотъ, она и поселилась у меня. Домикъ у меня былъ небольшой; прислуги мало. Люди мои, безъ обиняковъ скажу, меня уважали; не выдали-бы ни за какія благополучія. Сталъ я поживать припѣваючи. Матренушка отдохнула, поправилась; вотъ я къ ней и привязался.... Да и что за дѣвка была! Откуда что бралось? и пѣть-то она умѣла, и плясать, и на гитарѣ играть.... Сосѣдямъ я ее не показывалъ, чего добраго, разболтаютъ! А былъ у меня пріятель, другъ

закадычный, Горностаевъ Пантелей — вы не изволите знать? Тотъ въ ней, просто, души не чаялъ; какъ у барыни руки у ней цаловалъ, право. И скажу вамъ, Горностаевъ не мнѣ чета: человѣкъ онъ образованный, всего Пушкина прочелъ; станетъ, бывало, съ Матреной да со мной разговаривать, такъ мы и уши развѣсимъ. Писать ее выучилъ, такой чудакъ! А ужь какъ я одѣвалъ ее,—просто, лучше губернаторши: сшилъ ей шубку изъ малиноваго бархата съ мѣховой опушкой.... Ужь какъ эта шубка на ней сидѣла! Шубку-то эту московская мадамъ шила по новому манеру, съ перехватомъ. И ужь какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается да и сидитъ по часамъ, на полъ глядитъ, бровью не шевельнетъ; и я тоже сижу, да на нее смотрю, да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ.... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то, вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обниметъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ. Съ утра до вечера, бывало, только и думаю: чѣмъ-бы мнѣ ее порадовать? И вѣрите-ли, вѣдь, только для того ее дарилъ, чтобы посмотрѣть, какъ она, душа моя, обрадуется, вся покраснѣетъ отъ радости, какъ станетъ мой подарокъ примѣрять, какъ ко мнѣ въ обновкѣ подойдетъ и поцалуетъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ отецъ ея Куликъ пронюхалъ дѣло; пришелъ старикъ поглядѣть на насъ, да какъ заплачетъ.... Такимъ-то мы образомъ мѣсяцовъ пять прожили; а я-бы не прочь и весь вѣкъ съ ней такъ прожить, да судьба моя такая окаянная!

Петръ Петровичъ остановился.

— Что-жь такое сдѣлалось? спросилъ я его съ участьемъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Все къ чорту пошло. Я-же ее и погубилъ. Матренушка у меня смерть любила кататься въ санкахъ, и сама, бывало, правитъ; надѣнетъ свою шубку, шитыя рукавицы торжковскія, да только покрикиваетъ. Катались-то мы всегда вечеромъ, чтобы, знаете, кого-нибудь не встрѣтить. Вотъ какъ-то разъ выбрался день такой, знаете, славный; морозно, ясно, вѣтра нѣту.... мы и поѣхали. Матрена взяла возжи. Вотъ я и смотрю, куда это она ѣдетъ? Неужели въ Кукуевку, въ деревню своей барыни? Точно, въ Кукуевку. Я ей и говорю: сумасшедшая,

куда ты ѣдешь? Она глянула ко мнѣ черезъ плечо, да усмѣхнулася. Дай, дескать, покуражиться. А! подумалъ я:—была не была!... Мимо господскаго дома прокатиться вѣдь хорошо, вѣдь хорошо, скажите сами? Вотъ мы и ѣдемъ. Иноходецъ мой такъ и плыветъ, пристяжныя совершенно, скажу вамъ, завихрились,—вотъ ужь и Кукуевскую церковь видно; глядь, ползетъ по дорогѣ старый зеленый возокъ и лакей на запяткахъ торчитъ.... Барыня, барыня ѣдетъ! Я было струсилъ, а Матрена-то какъ ударитъ возжами по лошадямъ, да какъ помчится прямо на возокъ. Кучеръ, тотъ-то, вы понимаете, видитъ: летитъ на-встрѣчу—Алхимерэсъ какой-то, хотѣлъ, знаете, посторониться, да круто взялъ, да въ сугробъ возокъ-то и опрокинулъ. Стекло разбилось—барыня кричитъ: ай, ай, ай! ай, ай, ай! компаньонка пищитъ: держи, держи! а мы, давай Богъ ноги, мимо. Скачемъ мы, а я думаю: худо будетъ, напрасно я ей позволилъ ѣхать въ Кукуевку. Что-жь вы думаете? вѣдь, узнала барыня Матрену и меня узнала, старая, да жалобу на меня и подай: бѣглая, дескать, моя дѣвка у дворянина Каратаева проживаетъ; да тутъ-же и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Смотрю, ѣдетъ ко мнѣ исправникъ; а исправникъ-то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ, то-есть, въ сущности человѣкъ не хорошій. Вотъ, пріѣзжаетъ и говоритъ: такъ и такъ, Петръ Петровичъ,—какъ-же вы это такъ?.... Отвѣтственность сильная и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами поговоримъ, а вотъ, не хотите-ли перекусить съ дороги? Перекусить-то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите.—Оно, конечно, правосудіе, говорю я: оно, конечно..... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть вороненькая, такъ не хотите-ли помѣняться на моего Лампурдоса?... А дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется. —Ну, говоритъ онъ: Петръ Петровичъ, дѣвка-то у васъ, мы, вѣдь, не въ Швейцаріи живемъ.... а на Лампурдоса помѣняться лошадкой можно; можно, пожалуй, его и такъ взять. Однако, на этотъ разъ я его кое-какъ спровадилъ. Но старая барыня завозилась пуще прежняго; десяти тысячъ, говоритъ, не пожалѣю. Видите-ли, ей, глядя на меня, вдругъ въ голову

пришло женить меня на своей зеленой компаньонѣ,—это я послѣ узналъ; оттого-то она такъ и разозлилась. Чего только эти барыни не придумаютъ!... Со скуки, должно быть. Плохо мнѣ пришлось; и денегъ-то я не жалѣлъ, и Матрену-то прятадъ,—нѣтъ, затормошили меня, словно зайца на угонкахъ. Въ долги влѣзъ, здоровья лишился.... Вотъ лежу однажды ночью у себя на постелѣ и думаю: Господи, Боже мой, за что терплю? Что-же мнѣ дѣлать, коли я ее разлюбить не могу?... Ну, не могу, да и только! — шасть ко мнѣ въ комнату Матрена. Я на это время спряталъ ее было у себя на хуторѣ, верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался. Что? аль и тамъ тебя отрыли?—«Нѣтъ, Петръ Петровичъ», говоритъ она: «никто меня не безпокоитъ въ Бубновѣ; да долго-ли это продолжится? Сердце мое», говоритъ, «надрывается, Петръ Петровичъ; васъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки вашей, Петръ Петровичъ, а теперь пришла съ вами проститься». — Что ты, что ты, сумасшедшая?... Какъ проститься? какъ проститься? — «А такъ.... пойду да себя и выдамъ».—Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру.... или ты погубить меня вздумала? уморить меня желаешь, что-ли? Молчитъ себѣ дѣвка, да глядитъ на полъ.—Ну, да говори-же, говори!—«Не хочу вамъ больше безпокойства причинять, Петръ Петровичъ».—Ну, поди, толкуй съ ней!...—Да ты знаешь-ли, дура, ты знаешь-ли сума.... сумасшедшая....

И Петръ Петровичъ горько зарыдалъ.

— Вѣдь, что вы думаете? продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межь-тѣмъ, какъ слезы все еще бѣжали по его разгоряченнымъ щекамъ:—вѣдь, выдала себя дѣвка,—пошла да и выдала себя....

— Лошади готовы-съ! торжественно воскликнулъ смотритель, входя въ комнату.

Мы оба встали.

— Что- же сдѣлалось съ Матреной? спросилъ я.

Каратаевъ махнулъ рукой.

—

Спустя годъ, послѣ моей встрѣчи съ Каратаевымъ, случилось мнѣ заѣхать въ Москву. Разъ какъ-то, передъ обѣдомъ, зашелъ я въ кофейную, находящуюся за Охотнымъ-рядомъ—

оригинальную московскую кофейную. Въ бильярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскраснѣвшіяся лица, усы, хохлы, старомодныя венгерки и новѣйшія святославки. Худые старички въ скромныхъ сюртукахъ читали русскія газеты. Прислуга рѣзво мелькала съ подносами, мягко ступая по зеленымъ коврикамъ. Купцы съ мучительнымъ напряженіемъ пили чай. Вдругъ изъ бильярдной вышелъ человѣкъ, нѣсколько растрепанный и не совсѣмъ твердый на ногахъ. Онъ положилъ руки въ карманы, опустилъ голову и безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ.

— Ба, ба, ба! Петръ Петровичъ!... Какъ поживаете?

Петръ Петровичъ чуть не бросился ко мнѣ на шею и потащилъ меня, слегка качаясь, въ маленькую особенную комнату.

— Вотъ здѣсь, говорилъ онъ, заботливо усаживая меня въ кресла:—здѣсь вамъ будетъ хорошо. Человѣкъ, пива! нѣтъ, то-есть шампанскаго! Ну, признаюсь, не ожидалъ, не ожидалъ.... Давно-ли? надолго-ли? Вотъ, привелъ Богъ, какъ говорится, того....

— Да, помните....

— Какъ не помнить, какъ не помнить, торопливо перервалъ онъ меня:—дѣло прошлое.... дѣло прошлое....

— Ну, что вы здѣсь подѣлываете, любезный Петръ Петровичъ?

— Живу, какъ изволите видѣть. Здѣсь житье хорошее, народъ здѣсь радушный. Здѣсь я успокоился.

И онъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Служите?

— Нѣтъ-съ, еще не служу, а думаю скоро опредѣлиться. Да что служба?... Люди — вотъ главное, съ какими я здѣсь людьми познакомился!...

Мальчикъ вошелъ съ бутылкой шампанскаго на черномъ подносѣ.

— Вотъ и это хорошій человѣкъ.... Не правда-ли, Вася, ты хорошій человѣкъ? На твое здоровье!

Мальчикъ постоялъ, прилично тряхнулъ головкой, улыбнулся и вышелъ.

— Да, хорошіе здѣсь люди, продолжалъ Петръ Петровичъ:— съ чувствомъ, съ душой.... Хотите, я васъ познакомлю? Такіе

славные ребята.... Они всѣ вамъ будутъ ради. Я скажу.... Бобровъ умеръ, вотъ горе!

— Какой Бобровъ?

— Сергѣй Бобровъ. Славный былъ человѣкъ; призрѣлъ было меня, невѣжу, степняка. И Горностаевъ Пантелей умеръ. Всѣ умерли, всѣ!

— Вы все время въ Москвѣ прожили? Не съѣздили въ деревню?

— Въ деревню.... мою деревню продали.

— Продали?

— Сукціона.... Вотъ, напрасно вы не купили!

— Чѣмъ-же вы жить будете, Петръ Петровичъ?

— А, не умру съ голоду, Богъ дастъ! денегъ не будетъ, —друзья будутъ. Да что деньги?—прахъ! Золото—прахъ!

Онъ зажмурился, пошарилъ рукой въ карманѣ и поднесъ ко мнѣ на ладони два пятиалтынныхъ и гривенникъ.

— Что это? Вѣдь, прахъ? (И деньги полетѣли на полъ.) А вы лучше скажите мнѣ, читали-ли вы Полежаева?

— Читалъ.

— Видали-ли Мочалова въ Гамлетѣ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Не видали, не видали.... (И лицо Каратаева поблѣднѣло, глаза безпокойно забѣгали; онъ отвернулся: легкія судороги пробѣжали по его губамъ.)—Ахъ, Мочаловъ, Мочаловъ! «Окончить жизнь — уснуть», проговорилъ онъ глухимъ голосомъ:

Не болѣе! и знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ.... Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ!... Умереть.... уснуть....

— Уснуть, уснуть! пробормоталъ онъ нѣсколько разъ.

— Скажите, пожалуйста, началъ было я; но онъ продолжалъ съ жаромъ:

Кто снесъ-бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда-бы могъ насъ подарить покоемъ

Одинъ ударъ... О, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

И онъ уронилъ голову на столъ. Онъ началъ заикаться и завираться.

— «И черезъ мѣсяцъ!» произнесъ онъ съ новой силой:

Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О, небо! Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
Грустилъ-бы долѣе....

Онъ поднесъ рюмку шампанскаго къ губамъ, но не выпилъ вина и продолжалъ:

Изъ-за Гекубы?
Что онъ Гекубѣ, что она ему;
Что плачетъ онъ объ ней?...
А я.... презрѣнный, малодушный рабъ,—
Я трусъ! Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
А я обиды перенесъ-бы.... Да!
Я голубь мужествомъ:—во мнѣ нѣтъ желчи,
И мнѣ обида не горька....

Каратаевъ уронилъ рюмку и схватилъ себя за голову. Мнѣ показалось, что я его понялъ.

— Ну, да что, проговорилъ онъ наконецъ: — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.... Не правда-ли? (И онъ засмѣялся.)—На ваше здоровье!

— Вы останетесь въ Москвѣ? спросилъ я его.

— Умру въ Москвѣ....

— Каратаевъ! раздалось въ сосѣдней комнатѣ, Каратаевъ, гдѣ ты? поди сюда, любезный, че–а–экъ!

— Меня зовутъ, проговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ мѣста. Прощайте; зайдите ко мнѣ, если можете, я живу въ ***.

Но на другой-же день, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ выѣхать изъ Москвы и не видался болѣе съ Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ.

СВИДАНІЕ.

—

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучь показывалась лазурь, ясная и ласковая, какъ прекрасный, умный глазъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило-ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту

переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца,—и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла: лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево — осину — съ ея блѣдно-лиловымъ пнемъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ, она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, — или, когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ-будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще, я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска, угнѣздился подъ однимъ деревцемъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защитить меня отъ дождя, и, полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ и кроткимъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Не могу сказать, сколько я времени проспалъ, но, когда я

открылъ глаза—вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода расчистилась, и въ воздухѣ чувствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеньемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня. Я собрался было встать и снова попытать счастья, какъ вдругъ глаза мои остановились на неподвижномъ человѣческомъ образѣ. Я вглядѣлся: то была молодая крестьянская дѣвушка. Она сидѣла въ двадцати шагахъ отъ меня, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежалъ густой пучекъ полевыхъ цвѣтовъ и при каждомъ ея дыханьи тихо скользилъ на клѣтчатую юбку. Чистая бѣлая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими, мягкими складками около ея стана; крупныя желтыя бусы въ два ряда спускались съ шеи на грудь. Она была очень не дурна собою. Густые бѣлокурые волосы, прекраснаго пепельнаго цвѣта, расходились двумя, тщательно причесанными полукругами изъ-подъ узкой, алой повязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый какъ слоновая кость; остальная часть ея лица едва загорѣла тѣмъ золотымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Я не могъ видѣть ея глазъ—она ихъ не поднимала; но я ясно видѣлъ ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы; онѣ были влажны, и на одной изъ ея щекъ блисталъ на солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановившейся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Вся ея головка была очень мила; даже немного толстый и круглый носъ ее не портилъ. Мнѣ особенно нравилось выраженіе ея лица: такъ оно было просто и кротко, такъ грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнья передъ собственной грустью. Она видимо ждала кого-то; въ лѣсу что-то слабо хрустнуло: она тотчасъ подняла голову и оглянулась; въ прозрачной тѣни быстро блеснули передо мной ея глаза, большіе, свѣтлые и пугливые, какъ у лани. Нѣсколько мгновеній прислушивалась она, не сводя широко раскрытыхъ глазъ съ мѣста, гдѣ раздался слабый звукъ, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже

наклонилась и принялась медленно перебирать цвѣты. Вѣки ея покраснѣли, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, останавливаясь и лучисто сверкая на щекѣ. Такъ прошло довольно много времени; бѣдная дѣвушка не шевелилась,—лишь изрѣдка тоскливо поводила руками и слушала, все слушала.... Снова что-то зашумѣло по лѣсу,—она встрепенулась. Шумъ не переставалъ, становился явственнѣй, приближался, послышались наконецъ рѣшительные, проворные шаги. Она выпрямилась и какъ будто оробѣла; ея внимательный взоръ задрожалъ, зажегся ожиданьемъ. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Она вглядѣлась, вспыхнула вдругъ, радостно и счастливо улыбнулась, хотѣла было встать и тотчасъ опять поникла вся, поблѣднѣла, смутилась,—и только тогда подняла трепещущій, почти молящій взглядъ на пришедшаго человѣка, когда тотъ остановился рядомъ съ ней.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него изъ своей засады. Признаюсь, онъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Это былъ, по всѣмъ признакамъ, избалованный камердинеръ молодаго, богатаго барина. Его одежда изобличала притязаніе на вкусъ и щегольскую небрежность: на немъ было коротенькое пальто бронзоваго цвѣта, вѣроятно, съ барскаго плеча, застегнутый до верху, розовый галстучекъ съ лиловыми кончиками и бархатный, черный картузъ съ золотымъ галуномъ, надвинутый на самыя брови. Круглые воротнички его бѣлой рубашки немилосердо подпирали ему уши и рѣзали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красныхъ и кривыхъ пальцевъ, украшенныхъ серебряными и золотыми кольцами съ незабудками изъ бирюзы. Лицо его, румяное, свѣжее и нахальное, принадлежало къ числу лицъ, которыя, сколько я могъ замѣтить, почти всегда возмущаютъ мужчинъ и, къ сожалѣнію, очень часто нравятся женщинамъ. Онъ видимо старался придать своимъ грубоватымъ чертамъ выраженіе презрительное и скучающее; безпрестанно щурилъ свои и безъ того крошечные, молочно-сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя не совсѣмъ ловкой развязностью то поправлялъ рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипалъ желтые во-

лосики, торчавшіе на толстой верхней губѣ,—словомъ, ломался нестерпимо. Началъ онъ ломаться какъ только увидалъ молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистымъ шагомъ подошелъ онъ къ ней, постоялъ, подернулъ плечами, засунулъ обѣ руки въ карманы пальто и, едва удостоивъ бѣдную дѣвушку бѣглымъ и равнодушнымъ взглядомъ, опустился на землю.

— А что, началъ онъ, продолжая глядѣть куда-то въ сторону, качая ногою и зѣвая:—давно ты здѣсь?

Дѣвушка не могла тотчасъ ему отвѣчать.

— Давно-съ, Викторъ Александрычъ, проговорила она наконецъ едва слышнымъ голосомъ.

— А! (Онъ снялъ картузъ, величественно провелъ рукою по густымъ, туго завитымъ волосамъ, начинавшимся почти у самыхъ бровей и, съ достоинствомъ посмотрѣвъ кругомъ, бережно прикрылъ опять свою драгоцѣнную голову). А я было совсѣмъ и позабылъ. Притомъ, вишь, дождикъ! (Онъ опять зѣвнулъ).—Дѣла пропасть: за всѣмъ не усмотришь, а тотъ еще бранится. Мы завтра ѣдемъ....

— Завтра? произнесла дѣвушка и устремила на него испуганный взоръ.

— Завтра.... Ну, ну, ну, пожалуйста, подхватилъ онъ поспѣшно и съ досадой, увидѣвъ, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову:—пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь, я этого терпѣть не могу. (И онъ наморщилъ свой тупой носъ.) А то я сейчасъ уйду.... Что за глупость — хныкать!

— Ну, не буду, не буду, торопливо произнесла Акулина, съ усиліемъ глотая слезы.—Такъ вы завтра ѣдете? прибавила она послѣ небольшаго молчанья: — когда-то Богъ приведетъ опять увидѣться съ вами, Викторъ Александрычъ?

— Увидимся, увидимся. Не въ будущемъ году—такъ послѣ. Баринъ-то, кажется, въ Петербургѣ на службу поступить желаетъ, продолжалъ онъ, выговаривая слова небрежно и нѣсколько въ носъ;—а можетъ быть и за границу уѣдемъ.

— Вы меня забудете, Викторъ Александрычъ, печально промолвила Акулина.

— Нѣтъ, отчего-же? Я тебя не забуду: только ты будь

умна, не дурачься, слушайся отца.... А я тебя не забуду— нѣ–ѣтъ. (И онъ спокойно потянулся и опять зѣвнулъ).

— Не забывайте меня, Викторъ Александрычъ, продолжала она умоляющимъ голосомъ. — Ужь, кажется, я на что васъ любила, все, кажется, для васъ.... Вы говорите, отца мнѣ слушаться, Викторъ Александрычъ.... Да какъ–же мнѣ отца-то слушаться....

— А что? (Онъ произнесъ эти два слова какъ–бы изъ желудка, лежа на спинѣ и подложивъ руки подъ голову).

— Да какъ–же, Викторъ Александрычъ,—вы сами знаете....

Она умолкла. Викторъ поигралъ стальной цѣпочкой своихъ часовъ.

— Ты, Акулина, дѣвка не глупая, заговорилъ онъ наконецъ:—потому вздору не говори. Я твоего–же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты неглупа, не совсѣмъ мужичка, такъ сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Все-же ты безъ образованья,—стало быть, должна слушаться, когда тебѣ говорятъ.

— Да страшно, Викторъ Александрычъ.

— И–и, какой вздоръ, моя любезная: въ чемъ нашла страхъ! Что это у тебя, прибавилъ онъ пододвинувшись къ ней: — цвѣты?

— Цвѣты, уныло отвѣчала Акулина. Это я полевой рябинки нарвала, продолжала она, нѣсколько оживившись:—это для телятъ хорошо. А это вотъ череда—противъ золотухи. Вотъ поглядите–ка какой чудной цвѣтикъ; такого чуднаго цвѣтика я еще отродясь не видала. Вотъ незабудки, а вотъ маткина–душка.... А вотъ это я для васъ, прибавила она, доставая изъ подъ желтой рябинки небольшой пучокъ голубенькихъ васильковъ, перевязанныхъ тоненькой травкой:—хотите?

Викторъ лѣниво протянулъ руку, взялъ, небрежно понюхалъ цвѣты и началъ вертѣть ихъ въ пальцахъ, съ задумчивой важностью посматривая вверхъ. Акулина глядѣла на него.... Въ ея грустномъ взорѣ было столько нѣжной преданности, благоговѣйной покорности и любви. Она и боялась-то его и не смѣла плакать, и прощалась съ нимъ и любовалась имъ въ послѣдній разъ; а онъ лежалъ, развалясь, какъ султанъ, и съ великодушнымъ терпѣньемъ и снисходительностію сносилъ

ея обожанье. Я, признаюсь, съ негодованьемъ разсматривалъ его красное лицо, на которомъ сквозь притворно-презрительное равнодушіе проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбіе. Акулина была такъ хороша въ это мгновеніе: вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ.... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ боковаго кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ; но, какъ онъ ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носомъ—стеклышко все вываливалось и падало ему въ руку.

— Что это? спросила наконецъ изумленная Акулина.

— Лорнетъ, отвѣчалъ онъ съ важностью.

— Для чего?

— А чтобъ лучше видѣть.

— Покажьте-ка.

Викторъ поморщился, но далъ ей стеклышко.

— Не разбей смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его къ глазу.) Я ничего не вижу, невинно проговорила она.

— Да ты глазъ-то, глазъ-то зажмурь, возразилъ онъ голосомъ недовольнаго наставника. (Она зажмурила глазъ, передъ которымъ держала стеклышко.) Да не тотъ, не тотъ, глупая! Другой! воскликнулъ Викторъ и, не давши ей исправить свою ошибку, отнялъ у ней лорнетъ.

Акулина покраснѣла, чуть-чуть засмѣялась и отвернулась.

— Видно намъ негодится, промолвила она.

— Еще-бы!

Бѣдняжка помолчала и глубоко вздохнула.

— Ахъ, Викторъ Александрычъ, какъ тяжело намъ будетъ безъ васъ! сказала она вдругъ.

Викторъ вытеръ лорнетъ полой и положилъ его обратно въ карманъ.

— Да, да, заговорилъ онъ наконецъ:—тебѣ сначала будетъ тяжело, точно. (Онъ снисходительно потрепалъ ее по плечу; она тихонько достала съ своего плеча его руку и робко ее поцаловала.)—Ну, да, да, ты точно дѣвка добрая, продолжалъ онъ, самодовольно улыбнувшись:—но что-же дѣлать? Ты сама

посуди: намъ съ бариномъ нельзя-же здѣсь остаться; теперь скоро зима, а въ деревнѣ зимой — ты сама знаешь — просто скверность. То-ли дѣло въ Петербургѣ! Тамъ, просто, такія чудеса, какихъ ты, глупая, и во снѣ, просто, себѣ представить не можешь. Дома какіе, улицы, а обчество, образованье— просто удивленье!... (Акулина слушала его съ пожирающимъ вниманьемъ, слегка раскрывъ губы, какъ ребенокъ.) Впрочемъ, прибавилъ онъ, заворочавшись на землѣ:—къ-чему я тебѣ это все говорю? Вѣдь, ты этого понять не можешь.

— Отчего-же, Викторъ Александрычъ? Я поняла; я все поняла.

— Вишь, какая!

Акулина потупилась.

— Прежде вы со мной не такъ говаривали, Викторъ Александрычъ, проговорила она, не поднимая глазъ.

— Прежде?... прежде! Вишь ты—прежде? замѣтилъ онъ, какъ-бы негодуя.

Они оба помолчали.

— Однако мнѣ пора идти, проговорилъ Викторъ и уже оперся было на локоть.

— Подождите еще немножко, умоляющимъ голосомъ произнесла Акулина.

— Чего ждать?... Вѣдь, ужь я простился съ тобой.

— Подождите, повторила Акулина.

Викторъ опять улегся и принялся посвистывать. Акулина все не спускала съ него глазъ. Я могъ замѣтить, что она понемногу приходила въ волненье: ея губы подергивало, блѣдныя ея щеки слабо заалѣлись....

— Викторъ Александрычъ, заговорила она, наконецъ, прерывающимся голосомъ:—вамъ грѣшно.... вамъ грѣшно, Викторъ Александрычъ: ей-Богу!

— Что такое грѣшно? спросилъ онъ, нахмуривъ брови, и слегка приподнялъ и повернулъ къ ней голову.

— Грѣшно, Викторъ Александрычъ. Хоть-бы доброе словечко мнѣ сказали на прощанье; хоть-бы словечко мнѣ сказали, горемычной сиротинушкѣ....

— Да что я тебѣ скажу?

— Я не знаю; вы это лучше знаете, Викторъ Александ-

рычъ. Вотъ вы ѣдете, и хоть-бы словечко.... Чѣмъ я заслужила?

— Какая-же ты странная! что-жь я могу?

— Хоть-бы словечко....

— Ну, зарядила одно и тоже, промолвилъ онъ съ досадой и всталъ.

— Не сердитесь, Викторъ Александрычъ, поспѣшно прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты глупа.... Чего ты хочешь? Вѣдь, я на тебѣ жениться не могу? вѣдь не могу? Ну, такъ чего-жь ты хочешь? чего? (Онъ уткнулся лицомъ, какъ-бы ожидая отвѣта, и растопырилъ пальцы.)

— Я ничего.... ничего не хочу, отвѣчала она, заикаясь и едва осмѣливаясь простирать къ нему трепещущія руки:—а такъ хоть-бы словечко, на прощаньи....

И слезы полились у ней ручьемъ.

— Ну такъ и есть, пошла плакать, хладнокровно промолвилъ Викторъ, надвигая сзади картузъ на глаза.

— Я ничего не хочу, продолжала она, всхлипивая и закрывъ лицо обѣими руками:—но каково-же мнѣ теперь въ семьѣ, каково-же мнѣ?—и что-же со мной будетъ, что станется со мной, горемычной? За немилаго выдадутъ сиротиночку.... Бѣдная моя головушка!

— Припѣвай, припѣвай, въ полголоса пробормоталъ Викторъ, переминаясь на мѣстѣ.

— А онъ хоть-бы словечко, хоть-бы одно.... Дескать, Акулина, дескать, я....

Внезапныя, надрывающія грудь рыданья не дали ей докончить рѣчи—она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала.... Все ея тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней.... Долго сдержанное горе хлынуло наконецъ потокомъ. Викторъ постоялъ надъ ней, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами.

Прошло нѣсколько мгновеній.... Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотѣла-было бѣжать за нимъ, но ноги у ней подкосились — она упала на колѣни.... Я не выдержалъ и бросился къ ней; но едва успѣла она вглядѣться въ меня, какъ откуда взялись силы — она съ

слабымъ крикомъ поднялась и исчезла за деревьями, оставивъ разбросанные цвѣты на землѣ.

Я постоялъ, поднялъ пучокъ васильковъ и вышелъ изъ рощи, въ поле. Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ; лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва, едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ на-встрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломенкахъ, всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился.... Мнѣ стало грустно; сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня съ боку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ; большое стадо голубей рѣзво пронеслось съ гумна и, внезапно закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю—признакъ осени! Кто-то проѣхалъ за обнаженнымъ холмомъ, громко стуча пустой телѣгой....

Я вернулся домой; но образъ бѣдной Акулины долго не выходилъ изъ моей головы и васильки ея, давно увядшіе, до сихъ поръ хранятся у меня....

ГАМЛЕТЪ ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

—

На одной изъ моихъ поѣздокъ получилъ я приглашеніе отобѣдать у богатаго помѣщика и охотника, Александра Михайлыча Г***. Его село находилось верстахъ въ пяти отъ небольшой деревеньки, гдѣ я на ту пору поселился. Я надѣлъ фракъ, безъ котораго не совѣтую никому выѣзжать даже на охоту, и отправился къ Александру Михайлычу. Обѣдъ былъ назначенъ къ шести часамъ; я пріѣхалъ въ пять и засталъ уже великое множество дворянъ въ мундирахъ, въ партикулярныхъ платьяхъ и другихъ, менѣе опредѣлительныхъ, одеждахъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня ласково, но тотчасъ-же побѣжалъ въ офиціянтскую. Онъ ожидалъ важнаго сановника и чувствовалъ нѣкоторое волненіе, вовсе несообразное съ его независимымъ положеніемъ въ свѣтѣ и богатствомъ. Александръ Михайлычъ никогда женатымъ не былъ и не любилъ женщинъ; общество у него собиралось холостое. Онъ жилъ на большую ногу, увеличилъ и отдѣлалъ дѣдовскія хоромы великолѣпно, выписывалъ ежегодно изъ Москвы тысячь на пятнадцать вина и вообще пользовался величайшимъ уваженіемъ. Александръ Михайлычъ давнымъ–давно вышелъ въ отставку и никакихъ почестей не добивался.... Что-же заставляло его напрашиваться на посѣщеніе сановнаго гостя и волноваться съ

самаго утра въ день торжественнаго обѣда? Это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, какъ говаривалъ одинъ мой знакомый стряпчій, когда его спрашивали: беретъ-ли онъ взятки съ доброхотныхъ дателей.

Разставшись съ хозяиномъ, я началъ расхаживать по комнатамъ. Почти всѣ гости были мнѣ совершенно незнакомы; человѣкъ двадцать уже сидѣло за карточными столами. Въ числѣ этихъ любителей преферанса было: два военныхъ съ благородными, но слегка изношенными лицами, нѣсколько статскихъ особъ, въ тѣсныхъ, высокихъ галстукахъ и съ вися-чими, крашенными усами, какіе только бываютъ у людей рѣшительныхъ, но благонамѣренныхъ (эти благонамѣренные люди съ важностью подбирали карты и, не поварачивая головы, вскидывали съ боку глазами на подходившихъ); пять или шесть уѣздныхъ чиновниковъ съ круглыми брюшками, пухлыми и потными ручками и скромно неподвижными ножками (эти господа говорили мягкимъ голосомъ, кротко улыбались на всѣ стороны, держали свои игры у самой манишки и, козыряя, не стучали по столу, а, напротивъ, волнообразно роняли карты на зеленое сукно и, складывая взятки, производили легкій, весьма учтивый и приличный скрыпъ). Прочіе дворяне сидѣли на диванахъ, кучками стояли въ дверяхъ и подлѣ оконъ; одинъ, уже немолодой, но женоподобный по наружности помѣщикъ, стоялъ въ уголку, вздрагивалъ, краснѣлъ и съ замѣшательствомъ вертѣлъ у себя на желудкѣ печаткою своихъ часовъ, хотя никто не обращалъ на него вниманія; иные господа, въ круглыхъ фракахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ работы московскаго портнаго, вѣчно-цѣховаго мастера Оирса Клюхина, разсуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поварачивая своими жирными и голыми затылками; молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, подслѣповатый и бѣлокурый, съ ногъ до головы одѣтый въ черную одежду, видимо робѣлъ, но язвительно улыбался....

Однако я начиналъ нѣсколько скучать, какъ вдругъ ко мнѣ присоединился нѣкто Войницынъ, недоучившійся молодой человѣкъ, проживавшій въ домѣ Александра Михайлыча, въ качествѣ.... мудрено сказать, въ какомъ именно качествѣ. Онъ стрѣлялъ отлично и умѣлъ дресировать собакъ. Я его знавалъ еще въ Москвѣ. Онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей,

которые, бывало, на всякомъ экзаменѣ «играли столбняка», то-есть, не отвѣчали ни слова на вопросы профессора. Этихъ господъ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дѣла давно минувшихъ дней, какъ изволите видѣть). Вотъ какъ это дѣлалось: вызывали, на-примѣръ, Войницына — Войницынъ, который до того времени неподвижно и прямо сидѣлъ на своей лавкѣ, съ ногъ до головы обливаясь горячей испариной и медленно, но безсмысленно поводя кругомъ глазами,— вставалъ, торопливо застегивалъ свой вицмундиръ до верху и пробирался бокомъ къ экзаменаторскому столу. — «Извольте взять билетъ», съ пріятностью говорилъ ему профессоръ. Войницынъ протягивалъ руку и трепетно прикасался пальцами кучки билетовъ.—«Да не извольте выбирать», замѣчалъ дребезжащимъ голосомъ какой-нибудь посторонній, но раздражительный старичокъ, профессоръ изъ другаго факультета, внезапно возненавидѣвшій несчастнаго бакенбардиста. Войницынъ покорялся своей участи, бралъ билетъ, показывалъ номеръ и шелъ садиться къ окну, пока предшественникъ его отвѣчалъ на свой вопросъ. У окна Войницынъ не спускалъ глазъ съ билета, развѣ только для того, чтобы по прежнему медленно посмотрѣть кругомъ, а впрочемъ, не шевелился ни однимъ членомъ. Вотъ однако предшественникъ его кончилъ, говорятъ ему: «хорошо, ступайте», или даже: «хорошо-съ, очень хорошо-съ», смотря по его способностямъ. Вотъ вызываютъ Войницына,—Войницынъ встаетъ и твердымъ шагомъ приближается къ столу. — «Прочтите билетъ», говорятъ ему. Войницынъ подноситъ обѣими руками билетъ къ самому своему носу, медленно читаетъ и медленно опускаетъ руки.—«Ну-съ, извольте отвѣчать», лѣниво произноситъ тотъ-же профессоръ, закидывая туловище назадъ и скрещивая на груди руки. Воцаряется гробовое молчаніе. — «Что-же вы?» Войницынъ молчитъ. Посторонняго старичка начинаетъ дергать. — «Да скажите-же что-нибудь». Молчитъ мой Войницынъ, словно замеръ. Стриженный его затылокъ круто и неподвижно торчитъ на-встрѣчу любопытнымъ взорамъ всѣхъ товарищей. У посторонняго старичка глаза готовы выскочить: онъ окончательно ненавидитъ Войницына.—«Однакожъ это странно», замѣчаетъ другой экзаменаторъ: — «что-жь вы, какъ нѣмой, стоите? ну, не знаете

что-ли? такъ такъ и скажите». — «Позвольте другой билетъ взять», глухо произноситъ несчастный. Профессора переглядываются. — «Ну, извольте», махнувъ рукой отвѣчаетъ главный экзаменаторъ. Войницынъ снова беретъ билетъ, снова идетъ къ окну, снова возвращается къ столу и снова молчитъ, какъ убитый. Посторонній старичокъ въ состояніи съѣсть его живаго. Наконецъ, его прогоняютъ и ставятъ ему ноль. Вы думаете: теперь онъ, покрайней мѣрѣ, уйдетъ? какъ-бы не такъ! Онъ возвращается на свое мѣсто, такъ-же неподвижно сидитъ до конца экзамена, а уходя восклицаетъ: «ну, баня! экая задача!» — И ходитъ онъ цѣлый тотъ день по Москвѣ, изрѣдка хватаясь за голову и горько проклиная свою безталанную участь. За книгу онъ, разумѣется, не берется, и на другое утро таже повторяется исторія.

Вотъ этотъ-то Войницынъ присосѣдился ко мнѣ. Мы съ нимъ поговорили о Москвѣ, объ охотѣ.

— Не хотите-ли, шепнулъ онъ мнѣ вдругъ: я познакомлю васъ съ первымъ здѣшнимъ острякомъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Войницынъ подвелъ меня къ человѣку маленькаго роста, съ высокимъ хохломъ и усами, въ коричневомъ фракѣ и пестромъ галстухѣ. Его желчныя, подвижныя черты, дѣйствительно дышали умомъ и злостью. Бѣглая, ѣдкая улыбка безпрестанно кривила его губы; черные, прищуренныя глазки дерзко выглядывали изъ-подъ неровныхъ рѣсницъ. Подлѣ него стоялъ помѣщикъ, широкій, мягкій, сладкій — настоящій сахаръ-медовичъ и—кривой. Онъ заранѣе смѣялся остротамъ маленькаго человѣка и словно таялъ отъ удовольствія. Войницынъ представилъ меня остряку, котораго звали Петромъ Петровичемъ Лупихинымъ. Мы познакомились, обмѣнялись первыми привѣтствіями.

— А позвольте представить вамъ моего лучшаго пріятеля, заговорилъ вдругъ Лупихинъ рѣзкимъ голосомъ, схвативъ сладкаго помѣщика за руку.—Да не упирайтесь-же, Кирила Селифанычъ, прибавилъ онъ:—васъ не укусятъ. Вотъ-съ, продолжалъ онъ, между тѣмъ, какъ смущенный Кирила Селифанычъ, такъ неловко раскланивался, какъ-будто у него отвалился животъ:—вотъ-съ, рекомендую-съ, превосходный дворянинъ. Поль-

зовался отличнымъ здоровьемъ до пятидесяти-лѣтняго возраста, да вдругъ вздумалъ лѣчить себѣ глаза, въ слѣдствіе чего и окривѣлъ. Съ тѣхъ поръ лѣчитъ своихъ крестьянъ съ таковымъ-же успѣхомъ.... Ну, а они, разумѣется, съ таковою же преданностію....

— Вѣдь, эдакой, пробормоталъ Кирила Силифанычъ и засмѣялся.

— Договаривайте, другъ мой, эхъ, договаривайте, подхватилъ Лупихинъ.—Вѣдь, васъ, чего добраго, въ судьи могутъ избрать, и изберутъ, посмотрите. Ну, за васъ, конечно, будутъ думать засѣдатели, положимъ, да, вѣдь, надобно-жь на всякій случай, хоть чужую-то мысль умѣть выговорить. Неравно заѣдетъ губернаторъ — спроситъ: отъ чего судья запкается? Ну, положимъ, скажутъ: параличь приключился, такъ бросьте ему, скажетъ, кровь. А оно въ вашемъ положеніи, согласитесь сами, неприлично.

Сладкій помѣщикъ такъ и покатился.

— Вѣдь, вишь, смѣется, продолжалъ Лупихинъ, злобно глядя на колыхающійся животъ Кирилы Селифаныча. — И отъ чего ему не смѣяться? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — сытъ, здоровъ, дѣтей нѣтъ, мужики не заложены—онъ-же ихъ лѣчитъ — жена съ придурью. (Кирила Селифанычъ немножко отвернулся въ сторону, будто не разслыхалъ, и все продолжалъ хохотать). Смѣюсь-же я, а у меня жена съ землемѣромъ убѣжала. (Онъ оскалился). А вы этого не знали? Какже, какже! Такъ-таки взяла да и убѣжала и письмо мнѣ оставила: любезный, дескать, Петръ Петровичъ, извини, увлеченная страстью, удаляюсь съ другомъ моего сердца.... А землемѣръ только тѣмъ и взялъ, что не стригъ ногтей да панталоны носилъ въ обтяжку. Вы удивляетесь? Вотъ, дескать, откровенный человѣкъ.... И, Боже мой! нашъ братъ степнякъ такъ правду матку и рѣжетъ. Однако отойдемте-ка въ сторону.... Что тамъ подлѣ будущаго судьи стоять-то....

Онъ взялъ меня подъ руку и мы отошли къ окну.

— Я слыву здѣсь за остряка, сказалъ онъ мнѣ въ теченіи разговора: — вы этому не вѣрьте. Я просто озлобленный человѣкъ и ругаюсь въ слухъ; отъ того я такъ и развязенъ. И зачѣмъ мнѣ церемониться, въ самомъ дѣлѣ? Я ничье мнѣніе

въ грошъ не ставлю и ничего не добиваюсь; я золъ,—что-жь такое? Злому человѣку, покрайней мѣрѣ, ума не нужно. А какъ оно освѣжительно, вы не повѣрите.... Ну, вотъ на-примѣръ, ну вотъ посмотрите на нашего хозяина! Ну изъ чего онъ бѣгаетъ, помилуйте,—то и дѣло на часы смотритъ, улыбается, потѣетъ, важный видъ принимаетъ, насъ съ голоду моритъ? Эка не видаль сановное лицо! Вотъ, вотъ, опять побѣжалъ—заковылялъ да-же, посмотрите.

И Лупихинъ визгливо засмѣялся.

— Одна бѣда, барынь нѣту, продолжалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — холостой обѣдъ, — а то, вотъ гдѣ нашему брату пожива. Посмотрите, посмотрите, воскликнулъ онъ вдругъ: — идетъ князь Козельскій—вонъ этотъ высокій мужчина, съ бородой, въ желтыхъ перчаткахъ. Сейчасъ видно, что за границей побывалъ.... и всегда такъ поздно пріѣзжаетъ. Глупъ, скажу я вамъ, одинъ, какъ пара купеческихъ лошадей; а изволили-бы вы поглядѣть, какъ снисходительно онъ съ нашимъ братомъ заговариваетъ, какъ великодушно изволитъ улыбаться на любезности нашихъ голодныхъ матушекъ и дочекъ!... И самъ иногда остритъ, даромъ что проѣздомъ здѣсь живетъ; — за то какъ и остритъ: ни дать ни взять тупымъ ножемъ бичовку пилитъ. Онъ меня терпѣть не можетъ.... Пойду поклонюсь ему.

И Лупихинъ побѣжалъ на-встрѣчу князю.

— А вотъ, мой личный врагъ идетъ, промолвилъ онъ, вдругъ вернувшись ко мнѣ: — видите этого толстаго человѣка, съ бурымъ лицомъ и щетиной на головѣ, — вонъ, что шапку сгребъ въ руку, да по стѣнкѣ пробирается и на всѣ стороны озирается, какъ волкъ? Я ему продалъ за 400 рублей лошадь, которая стоила 1000, и это безсловесное существо имѣетъ теперь полное право презирать меня; а между тѣмъ самъ до того лишенъ способности соображенья, особенно утромъ, до чаю, или тотчасъ послѣ обѣда, что ему скажешь: здравствуйте, а онъ отвѣчаетъ: чего-съ? — А вотъ, генералъ идетъ, продолжалъ Лупихинъ:—штатскій генералъ въ отставкѣ, разоренный генералъ. У него дочь изъ свекловичнаго сахару и заводъ въ золотухѣ.... Виноватъ не такъ сказалъ.... ну, да вы понимаете. А! и архитекторъ сюда попалъ! Нѣмецъ, а съ

усами, и дѣла своего не знаетъ,—чудеса!... А впрочемъ, на что̀ ему и знать свое дѣло-то; лишь-бы взятки бралъ, да колоннъ, столбовъ, то-есть, побольше ставилъ для нашихъ столбовыхъ дворянъ.

Лупихинъ опять захохоталъ.... Но вдругъ тревожное волненіе распространилось по всему дому. Сановникъ пріѣхалъ. Хозяинъ такъ и хлынулъ въ переднюю. За нимъ устремились нѣсколько приверженныхъ домочадцевъ и усердныхъ гостей.... Шумный разговоръ превратился въ мягкій и пріятный говоръ, подобный весеннему жужжанью пчелъ въ родимыхъ ульяхъ. Одна неугомонная оса—Лупихинъ и великолѣпный трутень — Козельскій не понизили голоса.... И вотъ, вошла наконецъ матка — вошелъ сановникъ. Сердца понеслись къ нему на встрѣчу, сидящія туловища приподнялись; даже помѣщикъ, дешево купившій у Лупихина лошадь, даже тотъ помѣщикъ уткнулъ себѣ подбородокъ въ грудь. Сановникъ поддержалъ свое достоинство, какъ нельзя лучше: покачивая головой назадъ, будто кланяясь, онъ выговорилъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, изъ которыхъ каждое начиналось буквою *а*, произнесенною протяжно и въ носъ,—съ негодованіемъ, доходившимъ до голода, посмотрѣлъ на бороду князя Козельскаго, и подалъ раззоренному штатскому генералу съ заводомъ и дочерью, указательный палецъ лѣвой руки. Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ сановникъ успѣлъ замѣтить два раза, что онъ очень радъ, что не опоздалъ къ обѣду, все общество отправилось въ столовую, тузами впередъ.

Нужно-ли разсказывать читателю, какъ посадили сановника на первомъ мѣстѣ между штатскимъ генераломъ и губернскимъ предводителемъ, человѣкомъ съ свободнымъ и достойнымъ выраженіемъ лица, совершенно соотвѣтствовавшимъ его накрахмаленной манишкѣ, необъятному жилету и круглой табакеркѣ съ французскимъ табакомъ,—какъ хозяинъ хлопоталъ, бѣгалъ, суетился, подчивалъ гостей, мимоходомъ улыбался спинѣ сановника и, стоя̀ въ углу, какъ школьникъ, наскоро перехватывалъ тарелочку супу, или кусокъ говядины,—какъ дворецкій подалъ рыбу въ полтора аршина длины и съ букетомъ во рту,—какъ слуги, въ ливреяхъ, суровые на видъ, угрюмо приставали къ каждому дворянину то съ малагой, то съ дрей-мадерой, и какъ почти всѣ

дворяне, особенно пожилые, словно не хотя покоряясь чувству долга, вышивали рюмку за рюмкой, — какъ, наконецъ, захлопали бутылки шампанскаго, и начали провозглашать заздравные тосты: все это, вѣроятно, слишкомъ извѣстно читателю. Но особенно замѣчательнымъ показался мнѣ анекдотъ, разсказанный самимъ сановникомъ среди всеобщаго, радостнаго молчанья. Кто-то, кажется, раззоренный генералъ, человѣкъ ознакомленный съ новѣйшей словесностью, упомянулъ о вліяніи женщинъ вообще на молодыхъ людей въ особенности. — «Да, да», подхватилъ сановникъ, «это правда; но молодыхъ людей должно въ строгомъ повиновеніи держать, а то они, пожалуй, отъ всякой юпки съ ума сходятъ». (Дѣтски-веселая улыбка промчалась по лицамъ всѣхъ гостей; у одного помѣщика, даже благодарность заиграла во взорѣ). «Ибо молодые люди глупы» (Сановникъ, вѣроятно, ради важности, иногда измѣнялъ общепринятыя ударенія словъ). «Вотъ хоть-бы у меня, сынъ Иванъ», продолжалъ онъ, «двадцатый годъ всего дураку пошелъ, а онъ вдругъ мнѣ и говоритъ: позвольте, батюшка, жениться. Я ему говорю: дуракъ, послужи сперва.... Ну, отчаянье, слезы.... но у меня... того....» (Слово: того, сановникъ произнесъ болѣе животомъ, чѣмъ губами; помолчалъ и величаво взглянулъ на своего сосѣда-генерала, при чемъ гораздо болѣе поднялъ брови, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Штатскій генералъ пріятно наклонилъ голову нѣсколько на бокъ и чрезвычайно быстро заморгалъ глазомъ, обращеннымъ къ сановнику). «И что-жь», заговорилъ сановникъ опять, «теперь онъ самъ мнѣ пишетъ, что спасибо, дескать, батюшка, что дурака научилъ.... Такъ вотъ какъ надобно поступать».—Всѣ гости, разумѣется, вполнѣ согласились съ разскащикомъ, и какъ будто оживились отъ полученнаго удовольствія и наставленія.... Послѣ обѣда все общество поднялось и двинулось въ гостинную съ бо́льшимъ, но все-же приличнымъ и словно на этотъ случай разрѣшеннымъ шумомъ.... Сѣли за карты.

Кое-какъ дождался я вечера, и, поручивъ своему кучеру заложить мою коляску на другой день въ пять часовъ утра, отправился на покой. Но мнѣ предстояло еще въ теченіи того же самаго дня познакомится съ однимъ замѣчательствомъ человѣкомъ.

Вслѣдствіе множества наѣхавшихъ гостей, никто не спалъ въ одиночку. Въ небольшой, зеленоватой и сыроватой комнатѣ, куда привелъ меня дворецкій Александра Михайлыча, уже находился другой гость, совершенно раздѣтый. Увидѣвъ меня, онъ проворно нырнулъ подъ одѣяло, закрылся имъ до самаго носа, повозился немного на рыхломъ пуховикѣ и притихъ, зорко выглядывая изъ-подъ круглой каймы своего бумажнаго колпака. Я подошелъ къ другой кровати (ихъ всего было двѣ въ комнатѣ), раздѣлся и легъ въ сырыя простыни. Мой сосѣдъ заворочался на своей постели ... Я пожелалъ ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ заснуть: безконечной вереницей тянулись другъ за другомъ ненужныя и неясныя мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины

— А вы, кажется, не спите? проговорилъ мой сосѣдъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ я.—Да и вамъ не спится?

— Мнѣ никогда не спится.

— Какъ-же такъ?

— Да такъ. Я засыпаю самъ не знаю отъ чего; лежу, лежу, да и засну.

— За чѣмъ-же вы ложитесь въ постель, прежде чѣмъ вамъ спасть захочется?

— А что-жь прикажете дѣлать?

Я не отвѣчалъ на вопросъ моего сосѣда.

— Удивляюсь я, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—отчего здѣсь блохъ нѣту. Кажется гдѣ-бы имъ и быть?

— Вы словно о нихъ сожалѣете, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не сожалѣю; но я во всемъ люблю послѣдовательность.

« Вотъ какъ, подумалъ я:—какія слова употребляетъ. »

Сосѣдъ опять помолчалъ.

— Хотите со мной объ закладъ побиться? заговорилъ онъ вдругъ довольно громко.

— О чемъ?

Меня мой сосѣдъ начиналъ забавлять.

— Гмъ.... о чемъ? А вотъ о чемъ: я увѣренъ, что вы меня принимаете за дурэка.

— Помилуйте, пробормоталъ я съ изумленіемъ.

— За степняка, за невѣжу.... Сознайтесь....

— Я васъ не имѣю удовольствія знать, возразилъ я.—Почему вы могли заключить.

— Почему, да по одному звуку вашего голоса: вы такъ небрежно мнѣ отвѣчаете.... А я совсѣмъ не то, что̀ вы думаете....

— Позвольте....

— Нѣтъ, вы позвольте. Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по-нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провелъ за-границей: въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гете наизусть: сверхъ того, я долго былъ влюбленъ въ дочь германскаго профессора, и женился дома, на чахоточной барышнѣ, лысой, но весьма замѣчательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степнякъ, какъ вы полагаете.... Я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего.

Я поднялъ голову и съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на чудака. При тускломъ свѣтѣ ночника я едва могъ разглядѣть его черты.

— Вотъ, вы теперь смо̀трите на меня, продолжалъ онъ, поправивъ свой колпакъ,—и, вѣроятно, самихъ себя спрашиваете: какъ-же это я не замѣтилъ его сегодня? Я вамъ скажу, отчего вы меня не замѣтили, — оттого, что я не возвышаю голосъ; оттого, что я прячусь за другихъ, стою за дверьми, ни съ кѣмъ не разговариваю; оттого, что дворецкій съ подносомъ, проходя мимо меня, заранѣе возвышаетъ свой локоть въ уровень моей груди.... А отчего все это происходитъ? Отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, я бѣденъ, а во-вторыхъ, я смирился.... Скажите правду, вѣдь, вы меня не замѣтили?

— Я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія....

— Ну да, ну да, перебилъ онъ меня:—я это зналъ.

Онъ приподнялся и скрестилъ руки; длинная тѣнь его колпака перегнулась со стѣны на потолокъ.

— А признайтесь-ка, прибавилъ онъ, вдругъ взглянувъ на меня съ боку:—я долженъ вамъ казаться большимъ чудакомъ, какъ говорится, оригиналомъ, или, можетъ быть, пожалуй, еще чѣмъ-нибудь похуже: можетъ быть, вы думаете, что я прикидываюсь чудакомъ?

— Я вамъ опять-таки долженъ повторить, что я васъ не знаю....

Онъ на мгновеніе потупился.

— Почему я съ вами, съ вовсе мнѣ незнакомымъ человѣкомъ, такъ неожиданно разговорился—Господь, Господь одинъ вѣдаетъ! (Онъ вздохнулъ). Не вслѣдствіе-же родства нашихъ душъ! И вы, и я, мы оба порядочные люди, то-есть эгоисты: ни вамъ до меня, ни мнѣ до васъ нѣтъ ни малѣйшато дѣла; не такъ-ли? Но намъ обоимъ не спится.... Отчего-жъ не поболтать? Я-же въ ударѣ, а это со мной рѣдко случается. Я, видѣте-ли, робокъ, и робокъ не въ ту силу, что я провинціялъ, не чиновый, бѣднякъ, а въ ту силу, что я страшно самолюбивый человѣкъ. Но иногда, подъ вліяніемъ благодатныхъ обстоятельствъ, случайностей, которыхъ я, впрочемъ, ни опредѣлить, не предвидѣть не въ состояніи, робость моя изчезаетъ совершенно, какъ вотъ, теперь, на-примѣръ. Теперь поставьте меня лицомъ къ лицу хоть съ самимъ Далай-Ламой, — я и у него табачку попрошу понюхать. Но можетъ быть вамъ спать хочется?

— Напротивъ, поспѣшно возразилъ я: — мнѣ очень пріятно съ вами разговаривать.

— То-есть я васъ потѣшаю, хотите вы сказать.... Тѣмъ лучше.... И такъ-съ, доложу вамъ, меня здѣсь величаютъ оригиналомъ, т. е., величаютъ тѣ, которымъ, случайнымъ образомъ, между прочей дребеденью, прійдетъ и мое имя на языкъ. «Моей судьбою очень никто не озабоченъ». Они думаютъ уязвить меня.... О, Боже мой! еслибъ они знали.... да я именно и гибну оттого, что во мнѣ рѣшительно нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего кормѣ такихъ выходокъ, какъ, напримѣръ, мой теперешній разговоръ съ вами; но, вѣдь, эти выходки гроша мѣднаго не стоятъ. Это самый дешевый и самый низменный родъ оригинальности.

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и взмахнулъ руками.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ: я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre, сказалъ кто-то. — Видѣте-ли, прибавилъ онъ вполголоса: — какъ я чисто выговариваю французскій языкъ. Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна,

и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь,—да своего-то особеннаго, собственнаго, у тебя ничего нѣту! Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше,—да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ, вотъ что!—И не думайте, чтобы требованія мои насчетъ этого запаха были велики.... Сохрани Богъ! Такихъ оригиналовъ пропасть: куда ни погляди—оригиналъ; всякій живой человѣкъ оригиналъ, да я—то въ ихъ число не попалъ!

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—въ молодости моей какія возбуждалъ я ожиданія! какое высокое мнѣніе я самъ питалъ о своей особѣ передъ отъѣздомъ за границу, да и въ первое время послѣ возвращенія! Ну, за границей я держалъ ухо востро, все особнячкомъ пробирался, какъ оно и слѣдуетъ нашему брату, который все смекаетъ себѣ, смекаетъ, а подъ конецъ, смотришь — ни аза не смекнулъ!

Оригиналъ, оригиналъ! подхватилъ онъ, съ укоризной качая головой... Зовутъ меня оригиналомъ.... а на дѣлѣ—то оказывается, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе оригинальнаго, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Я, должно быть, и родился—то въ подражаніе другому.... Ей-Богу! Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу, и учился-то я, и влюбился, и женился, наконецъ, словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ,—кто его разберетъ!

Онъ сорвалъ колпакъ съ головы и бросилъ его на постель.

— Хотите, я вамъ разскажу жизнь мою, спросилъ онъ меня отрывистымъ голосомъ:—или, лучше, нѣсколько чертъ изъ моей жизни?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Или нѣтъ, разскажу-ка я вамъ лучше, какъ я женился. Вѣдь женитьба дѣло важное, пробный камень всего человѣка; въ ней какъ въ зеркалѣ отражается.... Да это сравненіе слишкомъ избито.... Позвольте, я понюхаю табачку.

Онъ досталъ изъ-подъ подушки табакерку, раскрылъ ее и заговорилъ опять, размахивая раскрытой табакеркой.

— Вы, милостивый государь, войдите въ мое положеніе...

Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажите примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію.... скажу болѣе— науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели и забормоталъ вполголоса, злобно стиснувъ зубы:

— А, вотъ какъ, вотъ какъ!... Такъ зачѣмъ-же ты таскался за границу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты-бы и потребности ея узналъ и будущность, и насчетъ своего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность-бы пришелъ.... Да помилуйте, продолжалъ онъ опять, перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робѣя:—гдѣ-же нашему брату изучать-то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ! Я-бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то,—да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ; а мнѣ это не подъ силу: мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте.... Заключенье,—вотъ тебѣ, говоритъ, и заключенье: послушай-ка нашихъ московскихъ, — не соловьи, что-ли? — Да въ томъ-то и бѣда, что они курскими соловьями свищутъ, а не по людскому говорятъ... Вотъ я подумалъ, подумалъ—вѣдь, наука-то, кажись, вездѣ одна, и истина одна—взялъ да и пустился, съ Богомъ, въ чужую сторону, къ нехристямъ.... Что прикажите!—молодость, гордость обуяла. Не хотѣлось, знаете, до времени заплыть жиромъ, хоть оно, говорятъ, и здорово. Да, впрочемъ, кому природа не дала мяса,—не видать тому у себя на тѣлѣ и жиру!

— Однако, прибавилъ онъ, подумавъ немного:—я, кажется, обѣщалъ вамъ разсказать, какимъ образомъ я женился. Слушайте-же. Во-первыхъ доложу вамъ, что жены моей уже болѣе на свѣтѣ не имѣется, во-вторыхъ.... а во-вторыхъ, я вижу, что мнѣ придется разсказать вамъ мою молодость, а то вы ничего не поймете.... Вѣдь, вамъ не хочется спать?

— Нѣтъ, не хочется.

— И прекрасно. Вы послушайте-ка.... вонъ въ восѣдней комнатѣ господинъ Кантагрюхинъ храпитъ какъ неблагородно.

Родился я отъ небогатыхъ родителей — говорю родителей, потому-что, по преданью, кромѣ матери, былъ у меня и отецъ. Я его не помню; сказываютъ, недалекій былъ человѣкъ, съ большимъ носомъ и веснушками, рыжій и въ одну ноздрю табакъ нюхалъ; въ спальнѣ у матушки висѣлъ его портретъ, въ красномъ мундирѣ съ чернымъ воротникомъ по уши, чрезвычайно безобразный. Мимо его меня, бывало, сѣчь водили, и матушка моя мнѣ, въ такихъ случаяхъ, всегда на него показывала, приговаривая: онъ-бы еще тебя не такъ. Можете себѣ представить, какъ это меня поощряло. Ни брата у меня не было, ни сестры; то-есть, по правдѣ сказать, былъ какой-то братишка завалящій, съ англійской-болѣзнью на затылкѣ, да что-то скоро больно умеръ.... И зачѣмъ, кажись, англійской-болѣзни забраться Курской губерніи въ Щигровскій уѣздъ? Но дѣло не въ томъ. Воспитаніемъ моимъ занималась матушка со всѣмъ стремительнымъ рвеніемъ степной помѣщицы: занималась она имъ съ самого великолѣпнаго дня моего рожденія до тѣхъ поръ, пока мнѣ стукнуло шестнадцать лѣтъ.... Вы слѣдите за ходомъ моего разсказа?

— Какже, продолжайте.

— Ну, хорошо. Вотъ, какъ стукнуло мнѣ шестнадцать лѣтъ, матушка моя, ни мало не медля, взяла да прогнала моего французскаго гувернера, нѣмца Филипповича изъ нѣжинскихъ грековъ; свезла меня въ Москву, записала въ университетъ, да и отдала Всемогущему свою душу, оставивъ меня на руки родному дядѣ моему, стряпчему Колтуну-Бабурѣ, птицѣ, не одному Щигровскому уѣзду извѣстной. Родной дядя мой, стряпчій Колтунъ-Бабура, ограбилъ меня, какъ водится, до чиста... Но дѣло опять таки не въ томъ. Въ университетъ вступилъ я—должно отдать справедливость моей родительницѣ—довольно хорошо подготовленный; но недостатокъ оригинальности уже и тогда во мнѣ замѣчался. Дѣтство мое нисколько не отличалось отъ дѣтства множества другихъ юношей: я такъ же глупо и вяло росъ, словно подъ пиріной, такъ-же рано началъ твердить стихи наизусть и киснуть, подъ предлогомъ мечтательной наклонности.... къ чему бишь?—да, къ прекрасному.... и прочая. Въ университетѣ я не пошелъ другой дорогой: я тотчасъ попалъ въ кружокъ. Тогда времена были

другія.... Но вы, можетъ быть, не знаете, что такое кружокъ?—Помнится, Шиллеръ сказалъ гдѣ-то:

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Und schrecklich ist des Tiegers Zahn,
Doch das schrecklichste der Schrecken
Das ist der Mensch in seinem Wahn!

Онъ, увѣряю васъ, онъ не то хотѣлъ сказать; онъ хотѣлъ сказать: Das ist ein «кружокъ».... in der Stadt Moskau.

— Да что-жь вы находите ужаснаго въ кружкѣ? спросилъ я.

Мой сосѣдъ схватилъ свой колпакъ и надвинулъ его себѣ на носъ.

— Что я нахожу ужаснаго? вскрикнулъ онъ.—А вотъ что: кружокъ—да это гибель всякого самобытнаго развитія; кружокъ — это безобразная замѣна общества, женщины, жизни; кружокъ.... о, да постойте, я вамъ скажу, что такое кружокъ! Кружокъ—это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла; кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Кружокъ—да это пошлость и скука подъ именемъ братства и дружбы, сцѣпленіе недоразумѣній и притязаній подъ предлогомъ откровенности и участія; въ кружкѣ, благодаря праву каждаго пріятеля, во всякое время и во всякій часъ, запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нѣтъ чистаго, нетронутаго мѣста на душѣ; въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носятъ на рукахъ стихотворца бездарнаго, но съ «затаенными» мыслями; въ кружкѣ молодые, семнадцатилѣтніе малые хитро и мудрено толкуютъ о женщинахъ и любви, а передъ женщинами молчатъ, или говорятъ съ ними словно съ книгой,—да и о чемъ говорятъ! Въ кружкѣ процвѣтаетъ хитростное краснорѣчіе; въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ

не хуже полицейскихъ чиновниковъ.... О, кружокъ! ты не кружокъ: ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ!

— Ну, это вы преувеличиваете, позвольте вамъ замѣтить, прервалъ я его.

Мой сосѣдъ молча посмотрѣлъ на меня.

— Можетъ быть, Господь меня знаетъ, можетъ быть. Да, вѣдь, нашему брату только одно удовольствіе и осталось—преувеличивать. Вотъ-съ, такимъ-то образомъ прожилъ я четыре года въ Москвѣ. Не въ состояніи я описать вамъ, милостивый государь, какъ скоро, какъ страшно скоро прошло это время; даже грустно и досадно вспомнить. Встанешь, бывало, по утру, и словно съ горы на солазкахъ покатишься.... Смотришь, ужь и примчался къ концу; вотъ ужь и вечеръ; вотъ ужь заспанный слуга и натягиваетъ на тебя сюртукъ— одѣнешься и поплетешься къ пріятелю, и давай трубочку курить, пить жидкій чай стаканами да толковать о нѣмецкой философіи, любви, вѣчномъ солнцѣ духа и прочихъ отдаленныхъ предметахъ. Но и тутъ встрѣчалъ я оригинальныхъ, самобытныхъ людей: иной, какъ себя ни ломалъ, какъ ни гнулъ себя въ дугу, а все природа брала свое; одинъ я, несчастный, лѣпилъ самого себя словно мягкій воскъ, и жалкая моя природа ни малѣйшаго не оказывала сопротивленія! Между тѣмъ мнѣ стукнуло двадцать одинъ годъ. Я вступилъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, или, правильнѣе, тою частью своего наслѣдства, которую мой опекунъ заблагоразсудилъ мнѣ оставить; далъ довѣренность на управленіе всѣми вотчинами вольноотпущенному дворовому человѣку Василью Кудряшеву и уѣхалъ за границу, въ Берлинъ. За границей пробылъ я, какъ я уже имѣлъ удовольствіе вамъ донести, три года. И что-жь? И тамъ, и за границей, я остался тѣмъ же неоригинальнымъ существомъ. Во-первыхъ, нечего и говорить, что собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ.... Вотъ въ чемъ состояла вся разница. Жизнь велъ я уединенную, словно монахъ какой; снюхивался съ отставными поручиками, удрученными, подобно мнѣ, жаждой знанья, весьма, впрочемъ, тугими на пониманіе и не одаренными да-

ромъ слова; якшался съ тупоумными семействами изъ Пензы и другихъ хлѣбородныхъ губерній; таскался по кофейнымъ, читалъ журналы, по вечерамъ ходилъ въ театръ. Съ туземцами знался я мало, разговаривалъ съ ними какъ-то напряженно и никого изъ нихъ у себя не видалъ, исключая двухъ или трехъ навязчивыхъ молодчиковъ еврейскаго происхожденія, которые то-и-дѣло забѣгали ко мнѣ да занимали у меня деньги,—благо der Russe вѣритъ. Странная игра случая занесла меня наконецъ въ домъ одного изъ моихъ профессоровъ; а именно, вотъ какъ: я пришелъ къ нему записаться на курсъ, а онъ вдругъ возьми да и пригласи меня къ себѣ на вечеръ. У этого профессора было двѣ дочери, лѣтъ двадцати семи, коренастыя такія — Богъ съ ними — носы такіе великолѣпные, кудри въ завиткахъ и глаза блѣдно-голубые, а руки красныя съ бѣлыми ногтями. Одну звали Линхенъ, другую Минхенъ. Началъ я ходить къ профессору. Надобно вамъ сказать, что этотъ профессоръ былъ не то, что глупъ, а словно ушибенъ: съ каѳедры говорилъ довольно связно, а дома картавилъ и очки все на лбу держалъ; притомъ ученѣйшій былъ человѣкъ... И что-же? Вдругъ мнѣ показалось, что я влюбился въ Линхенъ,—да цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ этакъ все казалось. Разговаривалъ я съ ней, правда, мало, — больше такъ на нее смотрѣлъ; но читалъ ей въ слухъ разныя трогательныя сочиненія, пожималъ ей украдкой руки, а по вечерамъ мечталъ съ ней рядомъ, упорно глядя на луну, а не то просто вверхъ. Притомъ она такъ отлично варила кофе.... Кажется,—чего-бы еще? Одно меня смущало: въ самыя, какъ говорится, мгновенія неизъяснимаго блаженства у меня отчего-то все подъ ложечкой сосало, и тоскливая, холодная дрожь пробѣгала по желудку. Я наконецъ не выдержалъ такого счастья и убѣжалъ. Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила; по вечерамъ пописывалъ стишки, начиналъ дневникъ; словомъ, и тутъ велъ себя какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи.... Сказать-бы мнѣ это просто въ

слухъ.... нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески....

Онъ опять потупился и опять скинулъ колпакъ.

— Вотъ вернулся я наконецъ на родину, продолжалъ онъ усталымъ голосомъ:—пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ удивительная произошла со мною перемѣна. За границей я больше молчалъ, а тутъ вдругъ заговорилъ неожиданно бойко и въ тоже самое время возмечталъ о себѣ Богъ вѣдаетъ что. Нашлись снисходительные люди, которымъ я показался чуть не геніемъ; дамы съ участіемъ выслушивали мои разглагольствованія; но я не съумѣлъ удержаться на высотѣ своей славы. Въ одно прекрасное утро родилась на мой счетъ сплетня (кто ее произвелъ на свѣтъ Божій, не знаю; должно быть какая-нибудь старая дѣва мужескаго пола,—такихъ старыхъ дѣвъ въ Москвѣ пропасть), родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника. Я запутался, хотѣлъ выскочить, разорвать прилипчивыя нити, — не тутъ-то было.... Я уѣхалъ. Вотъ и тутъ я оказался вздорнымъ человѣкомъ; мнѣ-бы преспокойно переждать эту напасть, вотъ, какъ выжидаютъ конца крапивной лихорадки, и тѣ-же снисходительные люди снова раскрыли-бы мнѣ свои объятія, тѣже дамы снова улыбнулись бы на мои рѣчи.... Да вотъ въ чемъ бѣда: не оригинальный человѣкъ. Добросовѣстность вдругъ, изволите видѣть, во мнѣ проснулась: мнѣ что-то стыдно стало болтать, болтать безъ умолку, болтать—вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ-Вражкѣ, и все о томъ-же.... Да коли этого требуютъ? Посмотрите-ка на настоящихъ ратоборцевъ на этомъ поприщѣ: имъ это ни почемъ; напротивъ, только этого имъ и нужно; иной двадцатый годъ работаетъ языкомъ, и все въ одномъ направленіи.... Что значитъ увѣренность въ самомъ себѣ и самолюбіе! И у меня оно было, самолюбіе, да и теперь еще не совсѣмъ угомонилось.... Да тѣмъ-то и плохо, что я, опять-таки скажу, не оригинальный человѣкъ, на серединкѣ остановился: природѣ слѣдовало-бы гораздо больше самолюбія мнѣ отпустить, либо вовсе его не дать. Но на первыхъ порахъ мнѣ дѣйствительно круто пришлось; притомъ и поѣздка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихѣ съ молодымъ, но уже дряблымъ тѣломъ, въ родѣ желе, я жениться

не хотѣлъ, и удалился къ себѣ въ деревню. Кажется, прибавилъ мой сосѣдъ, опять взглянувъ на меня съ боку:—я могу прейдти молчаніемъ первыя впечатлѣнія деревенской жизни, намеки на красоту природы, тихую прелесть одиночества и прочее....

— Можете, можете, возразилъ я.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ разскащикъ, — что это все вздоръ, покрайней мѣрѣ, что до меня касается. Я въ деревнѣ скучалъ, какъ щенокъ взаперти, хотя, признаюсь, проѣзжая на возвратномъ пути въ первый разъ весною знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась и забилось сердце отъ смутнаго, сладкаго ожиданія. Но эти смутныя ожиданія, вы сами знаете, никогда не сбываются, а, напротивъ, сбываются другія вещи, которыхъ вовсе не ожидаешь, какъ-то: надежи, недоимки, продажи съ публичнаго торгу и прочая, и прочая. Перебиваясь кое-какъ со дня на день, при помощи бурмистра Якова, замѣнившаго прежняго управляющаго и оказавшагося впослѣдствіи времени такимъ-же, если не бо́льшимъ грабителемъ, да сверхъ того отравлявшаго мое существованіе запахомъ своихъ дегтярныхъ сапоговъ, вспомнилъ я однажды объ одномъ знакомомъ сосѣднемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отставной полковницы и двухъ дочерей, велѣлъ заложить дрожки и поѣхалъ къ сосѣдямъ. Этотъ день долженъ на-всегда остаться мнѣ памятнымъ: шесть мѣсяцевъ спустя, женился я на второй дочери полковницы....

Разскащикъ опустилъ голову и поднялъ руки къ небу.

— И между тѣмъ, продолжалъ онъ съ жаромъ:—я бы не желалъ внушить вамъ дурное мнѣніе о покойницѣ. Сохрани Богъ! Это было существо благороднѣйшее, добрѣйшее, существо любящее и способное на всякія жертвы, хотя я долженъ, между нами, сознаться, что, если-бы я не имѣлъ несчастія ея лишиться, я-бы, вѣроятно, не былъ въ состояніи разговаривать сегодня съ вами, ибо еще до сихъ поръ цѣла балка въ грунтовомъ моемъ сараѣ, на которой я неоднократно собирался повѣситься.

— Инымъ грушамъ, началъ онъ опять послѣ небольшаго молчанія: — нужно нѣкоторое время полежать подъ землей въ подвалѣ, для того, чтобы войдти, какъ говорится, въ настоя-

щій свой вкусъ; моя покойница видно тоже принадлежала къ подобнымъ произведеніямъ природы. Только теперь отдаю я ей полную справедливость. Только теперь, на-примѣръ, воспоминанія объ иныхъ вечерахъ, проведенныхъ мною съ ней до сватьбы, не только не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшей горечи, но, напротивъ, трогаютъ меня чуть не до слезъ. Люди они были небогатые, домъ ихъ, весьма старинный, деревянный, но удобный, стоялъ на горѣ, между заглохшимъ садомъ и заросшимъ дворомъ. Подъ горой текла рѣка и едва виднѣлась сквозь густую листву. Большая терраса вела изъ дому въ садъ; передъ террасой красовалась продолговатая клумба, покрытая розами; на каждомъ концѣ клумбы росли двѣ акаціи, еще въ молодости переплетенныя въ видѣ винта покойнымъ хозяиномъ. Немного подальше, въ самой глуши заброшеннаго и одичалаго малинника, стояла бесѣдка, прехитро раскрашенная внутри, но до того ветхая и дряхлая снаружи, что, глядя на нее, становилось жутко. Съ террасы стеклянная дверь вела въ гостиную; а въ гостиной вотъ что̀ представлялось любопытному взору наблюдателя: по угламъ изразцовыя печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диванъ, обитый полинялымъ голубымъ штофомъ съ бѣловатыми разводами, круглый столъ, двѣ горки съ фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининскаго времени, на стѣнѣ извѣстный портретъ бѣлокурой дѣвицы съ голубкомъ на груди и закатившимися глазами, на столѣ ваза съ свѣжими розами.... Видите, какъ я подробно описываю. Въ этой-то гостинной, на этой-то террасѣ и разыгралась вся траги-комедія моей любви. Сама сосѣдка была злая баба, съ постоянной хрипотой злобы въ горлѣ, притѣснительное и сварливое существо; изъ дочерей одна — Вѣра, ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ уѣздныхъ барышенъ, другая — Софья, — я въ Софью влюбился. У обѣихъ сестеръ была еще другая комнатка, общая ихъ спальня, съ двумя невинными деревянными кроватками, желтоватыми альбомцами, резедой, съ портретами пріятелей и пріятельницъ, рисованныхъ карандашомъ, довольно плохо (между ними отличался одинъ господинъ съ необыкновенно-энергическимъ выраженіемъ лица и еще болѣе энергическою подписью, въ юности своей возбудившій несоразмѣрныя ожиданія, а кончившій, какъ

всѣ мы — ничѣмъ), съ бюстами Гете и Шиллера, нѣмецкими книгами, высохшими вѣнками и другими предметами, оставленными на память. Но въ эту комнату я ходилъ рѣдко и неохотно: мнѣ тамъ отчего-то дыханіе сдавливало. Притомъ— странное дѣло! Софья мнѣ болѣе всего нравилась, когда я сидѣлъ къ ней спиной, или еще, пожалуй, когда я думалъ или болѣе мечталъ о ней, особенно вечеромъ, на террасѣ. Я глядѣлъ тогда на зорю, на деревья, на зеленые мелкіе листья, уже потемнѣвшіе, но еще рѣзко отдѣлявшіеся отъ розоваго неба; въ гостиной, за фортепьянами сидѣла Софья и безпрестанно наигрывала какую нибудь любимую, страстно задумчивую фразу изъ Бетговена; злая старуха мирно похрапывала, сидя на диванѣ; въ столовой, залитой потокомъ алаго свѣта, Вѣра хлопотала за чаемъ; самоваръ затѣйливо шипѣлъ, словно чему-то радовался; съ веселымъ трескомъ ломались кренделькы, ложечки звонко стучали по чашкамъ; канарейка, немилосердо трещавшая цѣлый день, внезапно утихала и только изрѣдка чирикала, какъ-будто о чемъ-то спрашивала; изъ прозрачнаго, легкаго облачка мимоходомъ падали рѣдкія капли.... А я сидѣлъ, сидѣлъ, слушалъ, слушалъ, глядѣлъ, сердце у меня расширялось, и мнѣ опять казалось, что я любилъ. Вотъ, подъ вліяніемъ такого-то вечера я однажды спросилъ у старухи руку ея дочери, и мѣсяца черезъ два женился. Мнѣ казалось, что я ее любилъ.... Да и теперь, пора-бы знать, а я, ей-Богу, и теперь не знаю, любилъ-ли я Софью. Это было существо доброе, умное, молчаливое, съ теплымъ сердцемъ; но, Богъ знаетъ отчего, отъ долгаго-ли житья въ деревнѣ, отъ другихъ-ли какихъ причинъ, у ней на днѣ души (если только есть дно души) таилась рана, или, лучше сказать, сочилась ранка, которую ничѣмъ неможно было излѣчить, да и назвать ее ни она не умѣла, ни я не могъ. О существованіи этой раны я, разумѣется, догадался только послѣ брака. Ужь я-ли не бился надъ ней: — ничто не помогало! У меня въ дѣтствѣ былъ чижъ, котораго кошка разъ подержала въ лапахъ; его спасли, вылечили, но не исправился мой бѣдный чижъ: дулся, чахъ, пересталъ пѣть.... Кончилось тѣмъ, что однажды ночью въ открытую клѣтку забралась къ нему крыса и откусила ему носъ, вслѣдствіе чего онъ наконецъ рѣшился

умереть. Не знаю, какая кошка подержала жену мою въ своихъ лапахъ, только и она такъ-же дулась и чахла, какъ мой несчастный чижъ. Иногда ей самой видимо хотѣлось встрепенуться, взыграть на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ да на волѣ; попробуетъ — и свернется въ клубочекъ. И, вѣдь, она меня любила: сколько разъ увѣряла меня, что ничего болѣе ей не остается желать,—тьфу, чортъ возьми! а у самой глаза такъ и меркнутъ. Думалъ я, нѣтъ-ли чего въ прошедшемъ? Собралъ справки: ничего не оказалось. Ну вотъ, теперь посудите сами: оригинальный человѣкъ пожалъ-бы плечомъ, можетъ быть вздохнулъ-бы раза два, да и принялся-бы жить по своему; а я, не оригинальное существо, началъ заглядываться на балки. Въ жену мою до того въѣлись всѣ привычки старой дѣвицы— Бетговенъ, ночныя прогулки, резеда, переписка съ друзьями, альбомы и прочее, — что ко всякому другому образу жизни, особенно къ жизни хозяйки дома, она никакъ привыкнуть не могла; а между тѣмъ смѣшно-же замужней женщинѣ томиться безъименной тоской и пѣть по вечерамъ: «не буди ты ее на зарѣ».

— Вотъ-съ, такимъ-то образомъ-съ мы блаженствовали три года; на четвертый Софья умерла отъ первыхъ родовъ, и— странное дѣло—мнѣ словно заранѣе сдавалось, что она не будетъ въ состояніи подарить меня дочерью или сыномъ, землю— новымъ обитателемъ. Помню я, какъ ее хоронили. Дѣло было весной. Приходская наша церковь не велика, стара, иконостасъ почернѣлъ, стѣны голыя, кирпичный полъ мѣстами выбитъ; на каждомъ клиросѣ большой старинный образъ. Внесли гробъ, помѣстили на самой серединѣ, передъ царскими дверями, одѣли полинялымъ покровомъ, поставили кругомъ три подсвѣчника. Служба началась. Дряхлый дьячокъ, съ маленькой косичкой сзади, низко подпоясанный зеленымъ кушакомъ, печально читалъ передъ налоемъ; священникъ, тоже старый, съ добренькимъ и слѣпенькимъ лицомъ, въ лиловой рясѣ съ желтыми разводами, служилъ за себя и за дьякона. Во всю ширину раскрытыхъ оконъ шевелились и лепетали молодые, свѣжіе листья плакучихъ березъ; со двора несло травянымъ запахомъ; красное пламя восковыхъ свѣчей блѣднѣло въ веселомъ свѣтѣ веселаго дня; воробьи такъ и чирикали на всю

церьковь, и изрѣдка раздавалось подъ куполомъ звонкое восклицаніе влетѣвшей ласточки. Въ золотой пыли солнечнаго луча проворно опускались и подымались русыя головы ея многочисленныхъ мужиковъ, усердно молившихся за покойницу; тонкой, голубоватой струйкой бѣжалъ дымъ изъ отверстій кадила. Я глядѣлъ на мертвое лицо моей жены.... Боже мой! и смерть, сама смерть не освободила ее, не излечила ея раны: тоже болѣзненное, робкое, нѣмое выраженіе,—ей словно и въ гробу неловко.... Горько во мнѣ шевельнулась кровь. Доброе, доброе было существо, а для себя-же хорошо сдѣлала, что умерла.

У разскащика раскраснѣлись щеки и потускнѣли глаза.

— Отдѣлавшись наконецъ ,—заговорилъ онъ опять,—отъ тяжелаго унынья, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ было приняться, какъ говорится , за дѣло. Вступилъ въ службу въ губернскомъ городѣ; но въ большихъ комнатахъ казеннаго заведенія у меня голова разбаливалась , глаза тоже плохо дѣйствовали; другія кстати подошли причины.... я вышелъ въ отставку. Хотѣлъ было съѣздить въ Москву, да, во–первыхъ, денегъ не достало, а во–вторыхъ.... я вамъ уже сказывалъ, что я смирился. Смиреніе это нашло на меня и вдругъ, и не вдругъ. Духомъ–то я уже давно смирился, да головѣ моей все еще не хотѣлось нагнуться. Я приписывалъ скромное настроеніе моихъ чувствъ и мыслей вліянію деревенской жизни, несчастья.... Съ другой стороны, я уже давно замѣчалъ, что почти всѣ мои сосѣди, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостію, заграничной поѣздкой и прочими удобствами моего воспитанія, не только успѣли совершенно ко мнѣ привыкнуть, но даже начали обращаться со мной не то грубовато, не то съ–кондачка, не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, уже «слово–ерика» болѣе не употребляли. Я вамъ также забылъ сказать, что въ теченіи перваго года послѣ моего брака я отъ скуки попытался было пуститься въ литературу, и даже послалъ статейку въ журналъ, если не ошибаюсь, повѣсть; но черезъ нѣсколько времени получилъ отъ редактора учтивое письмо, въ которомъ , между прочимъ, было сказано, что мнѣ въ умѣ невозможно отказать, но въ талантѣ должно, а что въ литературѣ только талантъ и нуженъ. Сверхъ того дошло до моего свѣденія, что

одинъ проѣзжій Москвичъ, добрѣйшій, впрочемъ, юноша, мимоходомъ отозвался обо мнѣ на вечерѣ у губернатора, какъ о человѣкѣ выдохшемся и пустомъ. Но мое полудобровольное ослѣпленіе все еще продолжалось: не хотѣлось, знаете, самаго себя «заушить»; наконецъ, въ одно прекрасное утро я отрылъ глаза. Вотъ какъ это случилось. Ко мнѣ заѣхалъ исправникъ съ намѣреніемъ обратить мое вниманіе на провалившійся мостъ въ моихъ владѣніяхъ, котораго мнѣ рѣшительно не на что было починить. Заѣдая рюмку водки кускомъ балыка, этотъ снисходительный блюститель порядка отечески попенялъ мнѣ за мою неосмотрительность, впрочемъ вошелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ только велѣть мужичкамъ накидать навозцу, закурилъ трубочку и принялся говорить о предстоящихъ выборахъ. Почетнаго званія губернскаго предводителя въ то время добивался нѣкто Орбассановъ, пустой крикунъ, да еще и взяточникъ въ придачу. Притомъ-же онъ не отличался ни богатствомъ, ни знатностію. Я высказалъ свое мнѣніе на его счетъ, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядѣлъ на г. Орбассанова свысока. Исправникъ посмотрѣлъ на меня, ласково потрепалъ меня по плечу и добродушно промолвилъ: — «эхъ, Василій Васильичъ, не намъ-бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать:—гдѣ намъ?... Знай сверчокъ свой шестокъ».—Да помилуйте, возразилъ я съ досадой, какая-же разница между мною и г. Орбассановымъ? — Исправникъ вынулъ трубку изо рта, вытаращилъ глаза и такъ и прыснулъ.—«Ну, потѣшникъ», проговорилъ онъ наконецъ сквозь слезы, «вѣдь, экую штуку выкинулъ.... а! каковъ?»—и до самаго отъѣзда онъ не переставалъ глумиться надо мною, изрѣдка поталкивая меня локтемъ подъ бокъ и говоря мнѣ уже: ты. Онъ уѣхалъ наконецъ. Этой капли только не доставало: чаша перелилась. Я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ зеркаломъ, долго, долго смотрѣлъ на свое сконфуженное лицо и, медлительно высунувъ языкъ, съ горькой насмѣшкой покачалъ головой. Завѣса спала съ глазъ моихъ: я увидалъ ясно, яснѣе чѣмъ лицо свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!

Разскащикъ помолчалъ.

— Въ одной трагедіи Вольтера, уныло продолжалъ онъ:—

какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастья. Хотя въ судьбѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но я, признаюсь, извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я узналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія; я испыталъ, какъ сладко, въ теченіи цѣлаго утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и часъ своего рожденія,—я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистной мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература—ни что ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался, книги мнѣ опротивѣли; для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово: жизнь, я не представлялъ ничего занимательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться; уединиться совершенно я не успѣлъ и не могъ.... Я сталъ, что̀ вы думаете? я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опъяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ униженіямъ. Меня обносили за столомъ, холодно и надмѣнно встрѣчали, наконецъ не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому-нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ облобызалъ-бы прахъ ногъ моихъ, край моей шинели.... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію иронiи.... Помилуйте, что̀ за иронія въ одиночку! Вотъ-съ, какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю еще до сихъ поръ.

— Однако это ни на что не похоже, проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ г. Кантагрюхина: — какой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разскащикъ проворно нырнулъ подъ одѣяло и, робко выглядывая, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс—с., прошепталъ онъ и, словно извиняясь и кланяясь въ направленіи Кантагрюхинскаго голоса, почтительно промолвилъ:—слушаю-съ, слушаю-съ, извините-съ.... Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать, продолжалъ онъ снова шопотомъ: ему должно набраться новыхъ силъ, ну, хоть-бы для того, чтобы съ тѣмъ-же удовольствіемъ покушать завтра.

Мы не имѣемъ права его безпокоить. Притомъ-же я, кажется, вамъ все сказалъ, что хотѣлъ; вѣроятно и вамъ хочется спать. Желаю вамъ доброй ночи.

Разскащикъ съ лихорадочной быстротой отвернулся и зарылъ голову въ подушки.

— Позвольте, покрайней-мѣрѣ, узнать, спросилъ я: — съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе....

Онъ проворно поднялъ голову.

— Нѣтъ, ради Бога, прервалъ онъ меня:—не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у другихъ. Пусть я останусь для васъ неизвѣстнымъ существомъ, пришибеннымъ судьбою Васильемъ Васильевичемъ. Притомъ-же я, какъ человѣкъ неоригинальный, и не заслуживаю особеннаго имени.... А ужь если вы непремѣнно хотите мнѣ дать какую-нибудь кличку, такъ назовите.... назовите меня Гамлетомъ Щигровскаго Уѣзда. Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но, можетъ быть, вы съ другими не сталкивались.... За симъ прощайте.

Онъ опять зарылся въ свой пуховикъ, а на другое утро, когда пришли будить меня, его ужь не было въ комнатѣ. Онъ уѣхалъ до зари.

ЧЕРТОПХАНОВЪ И НЕДОПЮСКИНЪ.

—

Въ жаркій лѣтній день возвращался я однажды съ охоты на телѣгѣ; Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшія собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то и дѣло сгонялъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась вслѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабистѣе, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся глянулъ кругомъ.... «Э!», заговорилъ онъ: — «да здѣсь должны быть тетерева. Слѣземте-ка». Мы остановились и вошли въ «площадь». Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ, и началъ-было заряжать ружье, какъ вдругъ, позади меня, поднялся громкій трескъ и, раздвигая кусты руками, подъѣхалъ ко мнѣ верховой. А «па-азвольте узнать», заговорилъ онъ надменнымъ голосомъ:—«по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь?» Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ носъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобнаго. Вообразите себѣ, любезные читатели, маленькаго человѣка, бѣлокураго, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ и длиннѣйшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ

въ желтый, истасканный архалукъ съ черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоногая, рыжая лошадь шаталась подъ нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзыя собаки, худыя и криволапыя, тутъ-же вертѣлись у ней подъ ногами. Лицо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумазбродной отвагой и гордостью непомѣрной, небывалой; его блѣдно-голубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились какъ у пьянаго; онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щеки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства—ни дать ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять, отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь, продолжалъ онъ: — на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-извольте узнать, возразилъ онъ: — я съ дворяниномъ имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину.... А зовутъ меня Чер-топ-хано-вымъ, Пантелеемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытянулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдавила одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на земь, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пищала, уцѣпился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и бросилась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ въ припрыжку, однако наконецъ-таки попалъ въ сѣдло, какъ изступленный завертѣлъ нагайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. Не успѣлъ я еще прійдти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертопханова, какъ вдругъ, почти безъ всякаго шуму, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, на маленькой вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ

головы зеленый, кожаный картузъ и тоненькимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ-ли я верховаго на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать? продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ и не надѣвая картуза.

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ.

Онъ чмокнулъ губами, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и поплелся рысцей—трюхи, трюхи, по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнакомецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое, какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькія русыя косицы; глазки, словно осокой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконныя его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ виднѣлись жирненькія икры.

— Кто это? спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопюскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертопханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Не богатый; да, вѣдь, и у Чертопханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ за чѣмъ-же онъ у него поселился?

— А, вишь, подружились. Другъ безъ дружки ни куда.... Вотъ ужь подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней....

Мы вышли изъ кустовъ; вдругъ подлѣ насъ «затявкали» двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили изъ опушки собаки, гончія и борзыя, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертопхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался, изъ разинутаго рта изрѣдка выры-

вались отрывистые, безсмысленные звуки; онъ мчался выпуча глаза и бѣшано сѣкъ ногайкой несчастную лошадь. Борзыя «приспѣли».... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты.... Борзыя пронеслись. «Бе-е-ги, бе-е-ги!» съ усиліемъ, словно косноязычный, залепеталъ замиравшій охотникъ:—«родимый, береги!» Ермолай выстрѣлилъ.... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсовавшагося пса. Гончія тотчасъ подвалились.

Турманомъ слетѣлъ Чертопхановъ съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными заклинаніями вырвалъ у нихъ истерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку.... погрузилъ и загоготалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ. «Го-го-го-го-го-го-го-го!» завопилъ вторично Чертопхановъ.... «Го-го-го-го», спокойно повторилъ его товарищъ.

— А, вѣдь, по-настоящему лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ, замѣтилъ я, указывая Чертопханову на измятый овесъ.

— Мое поле, отвѣчалъ, едва дыша, Чертопхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный, по охотничьимъ правиламъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю.—А васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ тѣмъ-же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ:—благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— Па-азвольте узнать.... забылъ.... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ.... Да гдѣ-же этотъ Ѳомка, Тихонъ Иванычъ? съ сердцемъ продолжалъ онъ: — безъ него бѣляка затравили.

— А подъ нимъ лошадь пала, съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

— Какъ пала? Орбассанъ палъ? Пфу, пфитъ!... Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертопхановъ ударилъ лошадь ногайкой по мордѣ и поска-

калъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза— за себя и за товарища, и опять поплелся рысцей въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство.... Что могло связать узами нерэзрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ что я узналъ.

Чертопхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумазброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку «по непріятности», тѣмъ чиномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто курица не птица. Происходилъ онъ отъ старинаго дома, нѣкогда богатаго, дѣды его жили пышно, по степному: то-есть принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на-убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже разоренное; онъ въ свою очередь тоже сильно «пожуировалъ» и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику Пантелею заложенное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женскаго пола, да четырнадцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ раззорился: «хозяйственный разсчетъ» его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ «разбойниковъ», какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: «и приличнѣе и дешевле», говаривалъ онъ: «хозяйственный разсчетъ!» Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его и раззорила. Зато потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, не смотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ

владѣльцами, она на первомъ-же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хотьбы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять, — куполъ опять обрушился; онъ третій разъ—куполъ рухнулъ въ третій разъ. Избы крестьянамъ по новому плану перестроивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами.... Вычиталъ онъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статейку Харьковскаго помѣщика Хряка-Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой-же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью Харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ-ли они, что̀ тамъ написано? Прикащикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того-же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго разсчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его номеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужь и кричитъ: такой-то номеръ идетъ; а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай себѣ съ Богомъ.

Однако, не смотря на порядокъ и хозяйственный разсчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ; послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича,—онъ бы не вынесъ этого удара,—а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лекаря; но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

Пантелей узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой «непріятности». Ему только-что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самого дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву рцы выговаривалъ арцы, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны на счетъ воспитанія Пантюши ограничивались однимъ мучительнымъ усиліемъ: въ потѣ лица наняла она ему въ гувернеры отставного солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ: ну, думала она, коли откажется — пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другаго учителя найду? Ужь и этого насилу, насилу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ, какъ человѣкъ смѣтливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи «курса наукъ», Пантелей поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей половиной.

Пантелей, при первомъ извѣстіи о нездоровьи, прискакалъ сломя-голову, однако не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почтительнаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! Немногіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелей одичалъ, ожесточился. Изъ человѣка честнаго, щедраго и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдями,—богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался,—и неслыханно-дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями: я, молъ, столбовой дворянинъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ становаго, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣется, власти, съ своей стороны, ему тоже не

спускали и при случаѣ давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка онъ былъ страшная, и со втораго слова предлагалъ рѣзаться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертопханова разбѣгались, голосъ прерывался.... «А, ва-ва-ва-ва-ва», лепеталъ онъ, «пропадай моя голова!»... и хоть на стѣну. Да и сверхъ того, человѣкъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣется, не ѣздилъ.... И при всемъ томъ душа въ немъ была добрая, даже великая, по своему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужичковъ своихъ стоялъ горой. «Какъ?» говорилъ онъ, неистово стуча по собственной головѣ:—«моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертопхановъ.....»

Тихонъ Иванычъ Недопюскинъ не могъ, подобно Пантелею Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г. Недопюскинъ-отецъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился какъ рыба объ ледъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, кланялся, хлопоталъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копѣйкой, дѣйствительно «невинно» пострадалъ по службѣ и умеръ наконецъ не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки—отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахотная; были и дѣти—къ счастію они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію: «купецкая щеголиха», вышедшей, послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ приключеній, за отставного стряпчаго. Г. Недопюскинъ-отецъ успѣлъ было еще при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но, тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ холодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя

притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую: при одномъ видѣ начальника онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. Равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая природа влагаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостію и любовію вылѣпила она изъ Тихона, сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣнивое, мягкое, воспріимчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно-тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ.... Вылѣпила, тщательно отдѣлала и—предоставила своему произведенію выростать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ оно выросло, это произведеніе, начало, какъ говорится, «жить». Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступила иначе: она не мучила его—она имъ забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кокшайскъ, изъ одной унизительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ «мажордомы» къ сварливой и желчной барынѣ-благодѣтельницѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрягѣ-купцу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи лупоглазаго барина, стриженаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику.... Словомъ, судьба заставила бѣднаго Тихона выпить по каплѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ празднаго барства.... Сколько разъ, наединѣ, въ своей комнаткѣ, отпущенный наконецъ «съ Богомъ» натѣшившейся въ сласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая стыдомъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ, на другой-же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастія въ городѣ, сыскать себѣ хоть писарское мѣстечко или ужь за одинъ разъ умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ; во-вторыхъ, робость разбирала, а въ третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? «Не да-

дутъ», шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, «не дадутъ!» И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тѣмъ мучительнѣе было его положеніе, что таже заботливая природа не потрудилась надѣлить его хоть малой толикой тѣхъ способностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло забавника почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ навыворотъ, ни балагурить и любезничать въ непосредственномъ сосѣдствѣ расходившихся арапниковъ; выставленный нагишомъ на двадцати-градусный морозъ, онъ иногда простужался, желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошенныхъ мухоморовъ и сыроѣшекъ съ уксусомъ. Господь вѣдаетъ, чтобы сталось съ Тихономъ, если-бы послѣдній изъ его благодѣтелей, разбогатѣвшій откупщикъ, не вздумалъ въ веселый часъ приписать въ своемъ завѣщаніи: а Зёзѣ (Тихону тожъ) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣевку со всѣми угодьями. Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся [illegible]валтъ, судъ нагрянулъ, опечаталъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе, прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ: оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему на встрѣчу. «Помѣщикъ! вотъ онъ, новый помѣщикъ!» кричали прочіе наслѣдники. — «Вотъ ужь того», подхватилъ одинъ, извѣстный шутникъ и острякъ, «вотъ ужь точно можно сказать.... вотъ ужь дѣйствительно.... того.... что называется.... того.... наслѣдникъ». И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастію. Ему показали завѣщаніе,—онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три-ручья. Хохотъ собранья превратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣевка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ; никто о ней не сожалѣлъ сильно, такъ почему-же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наслѣдникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благороднымъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамычъ Штоппель, не вытерпѣлъ, пододвинулся бокомъ

къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ плечо. «Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь», заговорилъ онъ презрительно-небрежно, «состояли у почтеннаго Ѳедора Ѳедорыча въ должности потѣшнаго, такъ сказать, прислужника?» Господинъ изъ Петербурга выражался языкомъ нестерпимо чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслышалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли: острякъ снисходительно улыбнулся. Г. Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамычъ язвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю, продолжалъ онъ:—правда не всякій, можно сказать, согласился-бы такимъ образомъ зарррработывать себѣ насущный хлѣбъ; но de gustibus non est disputandum, то-есть, у всякаго свой вкусъ.... Не правда-ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, но прилично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите, подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собранія:—какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастіемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, en famille. Не правда-ли, господа, мы здѣсь en famille?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по французски, и потому ограничился однимъ одобрительнымъ и легкимъ кряхтѣніемъ. За то другой наслѣдникъ, молодой человѣкъ, съ желтоватыми пятнами на лбу, поспѣшно подхватилъ: «вуй, вуй, разумѣется».

— Можетъ быть, снова заговорилъ г. Штоппель: — вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, кверху?

Недопюскинъ съ тоской поглядѣлъ кругомъ—всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или, можетъ быть, вы на носу....

— Перестаньте! перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ:—какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка!

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертопхановъ. Въ качествѣ четвероюроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригласительное письмо на родственный съѣздъ. Во все время чтенія, онъ, какъ всегда, держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте, повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

— Г. Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, неказистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертопхановъ, не важная птица, отвѣчалъ ему тотъ на ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что̀ за командиръ? проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза.—Вы что̀ за птица, позвольте спросить?

Чертопхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханье.

— Дз–дз–дз–дз, зашипѣлъ онъ словно удавленный, и вдругъ загремѣлъ:—кто я? кто я? Я Пантелей Чертопхановъ, столбовой дворянинъ, мой прапращуръ царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ такого отпора.

— Я птица, я, я птица.... О, о, о!...

Чертопхановъ ринулся впередъ; Штоппель отскочилъ въ большемъ волненіи, гости бросились на–встрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣлиться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться чрезъ платокъ! кричалъ разсвирѣпѣвшій Пантелей:—или проси извиненія у меня, да и у него....

— Просите, просите извиненія, бормотали вокругъ Штоппеля встревоженные наслѣдники:—онъ, вѣдь, такой сумасшедшій,—готовъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ, залепеталъ Штоппель:—я не зналъ....

— И у него проси! возопилъ неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, прибавилъ Ростиславъ Адамычъ, обращаясь къ Недопюскину, который самъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Чертопхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ благопріобрѣтенной деревни Безселендѣевки.

Съ того самаго дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселендѣевка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова). Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе. Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонялся во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ. «Легко-ли дѣло!» думалъ онъ иногда про себя, «съ губернаторомъ говоритъ, прямо въ глаза ему смотритъ.... вотъ-те Христосъ, — такъ и смотритъ!»

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изнеможенія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было туго воспитаніе Чертопханова, все-же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихона, оно могло показаться блестящимъ. Чертопхановъ, правда, по русски читалъ мало, по французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ: «Vous parlez francais, monsieur?» отвѣчалъ: жэ не разумѣю, и, подумавъ немного, прибавилъ: па; — но все-таки онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Волтеръ, преострый сочинитель, что Фридрихъ Великій, прусскій король, на военномъ поприщѣ тоже отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго и лучшаго кобеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ....

Нѣсколько дней спустя послѣ первой моей встрѣчи съ обоими пріятелями, отправился я въ сельцо Безсоново къ Пантелею Еремѣичу. Издали виднѣлся небольшой его домикъ; онъ торчалъ на голомъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ деревни, какъ говорится, «на-юру», словно ястребъ на пашнѣ. Вся усадьба Чертопханова состояла изъ четырехъ ветхихъ срубовъ разной величины, а именно: изъ флигеля, конюшни, сарая и бани.

Каждый срубъ сидѣлъ отдѣльно, самъ по себѣ: ни забора кругомъ, ни воротъ не замѣчалось. Кучеръ мой остановился въ недоумѣніи у полусгнившаго и засоренаго колодца. Возлѣ сарая нѣсколько худыхъ и взъерошенныхъ борзыхъ щенковъ терзали дохлую лошадь, вѣроятно, Орбассана; одинъ изъ нихъ поднялъ было окровавленную морду, полаялъ торопливо и снова принялся глодать обнаженныя ребра. Подлѣ лошади стоялъ малый лѣтъ семнадцати, съ пухлымъ и желтымъ лицомъ, одѣтый казачкомъ и босоногій: онъ съ важностью посматривалъ на собакъ, порученныхъ его надзору, и изрѣдка постегивалъ арапникомъ самыхъ алчныхъ.

— Дома баринъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ! отвѣчалъ малый. Постучитесь.

Я соскочилъ съ дрожекъ и подошелъ къ крыльцу флигеля. Жилище господина Чертопханова являло видъ весьма печальный: бревна почернѣли и высунулись впередъ «брюхомъ», труба обвалилась, углы подопрѣли и покачнулись, небольшія тускло-сизыя окошечки невыразимо кисло поглядывали изъ-подъ косматой, нахлобученной крыши; у иныхъ старухъ—потаскушекъ бываютъ такіе глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако мнѣ за дверью слышались рѣзко произносимыя слова:

— Азъ, буки, вѣди; да ну-же, дуракъ, говорилъ сиплый голосъ:—азъ, буки, вѣди, глаголь... да нѣтъ! глаголь, добро, есть! есть!... Ну-же, дуракъ!

Я постучался въ другой разъ.

Тотъ-же голосъ закричалъ:—Войди,—кто тамъ....

Я вошелъ въ пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидалъ самаго Чертопханова. Въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ, широкихъ шароварахъ и красной ермолкѣ, сидѣлъ онъ на стулѣ, одной рукой стискивалъ онъ молодому пуделю морду, а въ другой держалъ кусокъ хлѣба надъ самымъ его носомъ.

— А! проговорилъ онъ съ достоинствомъ и не трогаясь съ мѣста:—очень радъ вашему посѣщенью. Милости прошу садиться. А я вотъ съ Вензоромъ вожусь.... Тихонъ Иванычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — пожалуй-ка сюда. Гость пріѣхалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ изъ сосѣдней комнаты Тихонъ Иванычъ.—Маша, подай галстукъ.

Чертопхановъ снова обратился къ Вензору и положилъ ему кусокъ хлѣба на носъ. Я посмотрѣлъ кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ раздвижного, покороблennаго стола на тринадцати ножкахъ неровной длины, да четырехъ продавленныхъ соломенныхъ стульевъ, не было никакой мебели; давнымъ-давно выбѣленныя стѣны, съ синими пятнами въ видѣ звѣздъ, во многихъ мѣстахъ облупились; между окнами висѣло разбитое и тусклое зеркальцо въ огромной рамѣ подъ красное дерево. По угламъ стояли чубуки да ружья; съ потолка спускались толстыя и черныя нити паутинъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, медленно произносилъ Чертопхановъ и вдругъ неистово воскликнулъ: — есть! есть! есть!... Экое глупое животное!... есть!

Но злополучный пудель только вздрагивалъ и не рѣшался разинуть ротъ; онъ продолжалъ сидѣть поджавши болѣзненно хвостъ, и, скрививъ морду, уныло моргалъ и щурился, словно говорилъ про себя: извѣстно, воля ваша!

— Да ѣшь, на, пиль! повторилъ неугомонный помѣщикъ.

— Вы его запугали, замѣтилъ я.

— Ну, такъ прочь его!

Онъ пихнулъ его ногой. Бѣднякъ поднялся тихо, сронилъ хлѣбъ долой съ носа и пошелъ, словно на цыпачкахъ, въ переднюю, глубоко оскорбленный. И дѣйствительно: чужой человѣкъ въ первый разъ пріѣхалъ, а съ нимъ вотъ какъ поступаютъ.

Дверь изъ другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопюскинъ вошелъ, пріятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я всталъ и поклонился.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, залепеталъ онъ.

Мы усѣлись. Чертопхановъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Давно вы пожаловали въ наши палестины? заговорилъ Недопюскинъ мягкимъ голосомъ, осторожно кашлянувъ въ руку и, для приличья, подержавъ пальцы передъ губами.

— Другой мѣсяцъ пошелъ.

— Вотъ какъ-съ.

Мы помолчали.

— Пріятная нонеча стоитъ погода, продолжалъ Недопюскинъ и съ благодарностію посмотрѣлъ на меня, какъ будтобы погода отъ меня зависѣла: — хлѣба, можно сказать, удивительные.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мы помолчали.

— Пантелей Еремѣичъ вчера двухъ русаковъ изволили затравить, не безъ усилія заговорилъ Недопюскинъ, явно желавшій оживить разговоръ: — да-съ, пребольшихъ-съ русаковъ-съ.

— Хорошія у г. Чертопханова собаки?

— Преудивительныя-съ! съ удовольствіемъ возразилъ Недопюскинъ:—можно сказать первыя по губерніи. (Онъ подвинулся ко мнѣ). Да что-съ! Пантелей Еремѣичъ такой человѣкъ, что только пожелаетъ, вотъ что только вздумаетъ—глядишь, ужь и готово, все ужь такъ и кипитъ-съ. Пантелей Еремѣичъ, скажу вамъ....

Чертопхановъ вошелъ въ комнату. Недопюскинъ усмѣхнулся, умолкъ и показалъ мнѣ на него глазами, какъ-бы желая сказать: вотъ вы сами убѣдитесь. Мы пустились толковать объ охотѣ.

— Хотите, я вамъ покажу свою свору? спросилъ меня Чертопхановъ и, не дождавшись отвѣта, позвалъ Карпа.

Вошелъ дюжій парень въ нанковомъ кафтанѣ зеленаго цвѣта съ голубымъ воротникомъ и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Ѳомкѣ, отрывисто проговорилъ Чертопхановъ:— привести Аммалата и Сайгу, да въ порядкѣ, понимаешь?

Карпъ улыбнулся во весь ротъ, издалъ неопредѣленный звукъ и вышелъ. Явился Ѳомка, причесанный, затянутый, въ сапогахъ и съ собаками. Я, ради приличія, полюбовался глупыми животными (борзыя всѣ чрезвычайно глупы). Чертопхановъ поплевалъ Аммалату въ самыя ноздри, что, впрочемъ, повидимому, не доставило этому псу ни малѣйшаго удовольствія. Недопюскинъ также сзади поласкалъ Аммалата. Мы опять принялись болтать. Чертопхановъ понемногу смягчился совершенно, пересталъ пѣтушиться и фыркать; выраженье лица его измѣнилось. Онъ глянулъ на меня и на Недопюскина....

— Э! воскликнулъ онъ вдругъ:—что ей тамъ сидѣть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда.

Кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ, но отвѣта не было.

— Ма-а-ша, ласково повторилъ Чертопхановъ:—поди сюда. Ничего, не бойся.

Дверь тихонько растворилась, и я увидалъ женщину лѣтъ двадцати, высокую и стройную, съ цыганскимъ смуглымъ лицомъ, изжелта-карими глазами и черною какъ смоль косою; большіе бѣлые зубы такъ и сверкали изъ подъ полныхъ и красныхъ губъ. На ней было бѣлое платье; голубая шаль, заколотая у самаго горла золотой булавкой, прикрывала до половины ея тонкія, породистыя руки. Она шагнула раза два съ застѣнчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

— Вотъ рекомендую, промолвилъ Пантелей Еремѣичъ:—жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и съ замѣшательствомъ улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мнѣ нравилась. Тоненькій орлиный носъ, съ открытыми полупрозрачными ноздрями, смѣлый очеркъ высокихъ бровей, блѣдныя, чуть-чуть впалыя щеки, всѣ черты ея лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Изъ-подъ закрученной косы внизъ по широкой шеѣ шли двѣ грядки блестящихъ волосиковъ — признакъ крови и силы.

Она подошла къ окну и сѣла. Я не хотѣлъ увеличить ея смущенья и заговорилъ съ Чертопхановымъ. Маша легонько повернула голову и начала изъ-подлобья на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взоръ ея такъ и мелькалъ, словно змѣиное жало. Недопюскинъ подсѣлъ къ ней и шепнулъ ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила носъ и приподнимала верхнюю губу, что придавало ея лицу не то кошачье, не то львиное выраженіе....

— О, да ты «не тронь меня», подумалъ я, въ свою очередь украдкой посматривая на ея гибкій станъ, впалую грудь и угловатыя, проворныя движенія.

— А что, Маша, спросилъ Чертопхановъ:—надобно-бы гостя чѣмъ-нибудь и поподчивать, а?

— У насъ есть варенье, отвѣчала она.

— Ну, подай сюда варенье, да ужь и водку кстати. Да

послушай, Маша, закричалъ онъ ей вслѣдъ: — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? я пѣть не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

— Э, пустяки, захочется, коли....

— Что? спросила Маша, быстро наморщивъ брови.

— Коли попросятъ, договорилъ Чертопхановъ не безъ смущенія.

— А!

Она вышла, скоро вернулась съ вареньемъ и водой и опять сѣла у окна. На лбу ея еще виднѣлась морщинка; обѣ брови поднимались и опускались, какъ усики у осы.... Замѣтили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Разговоръ не клеился. Недопюскинъ притихъ совершенно и напряженно улыбался; Чертопхановъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и выпучивалъ глаза; я уже собирался уѣхать.... Маша вдругъ приподнялась, разомъ отворила окно, высунула голову и съ сердцемъ закричала проходившей бабѣ: «Аксинья!» Баба вздрогнула, хотѣла-было повернуться, да поскользнулась и тяжко шлепнулась на земь. Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала; Чертопхановъ тоже засмѣялся, Недопюскинъ запищалъ отъ восторга. Мы всѣ встрепенулись. Гроза разразилась одной молніей.... воздухъ очистился.

Полчаса спустя, насъ-бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ,—Чертопхановъ такъ и пожиралъ ее глазами. Лицо у ней поблѣднѣло, ноздри разширились, взоръ запылалъ и потемнѣлъ въ одно и тоже время. Дикарка разыгралась. Недопюскинъ ковылялъ за ней на своихъ толстыхъ и короткихъ ножкахъ, какъ селезень за уткой. Даже Вензоръ выползъ изъ-подъ прилавка въ передней, постоялъ на порогѣ, поглядѣлъ на насъ и вдругъ принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула въ другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль съ плечъ долой, проворно сѣла, подняла голову и запѣла цыганскую пѣсню. Ея голосъ звенѣлъ и дрожалъ какъ надтреснутый стеклянный колокольчикъ, вспыхивалъ и замиралъ.... Любо и жутко становилось на сердцѣ.—«Ай жги, говори!...» Чертопхановъ пустился въ

плясъ. Недопюскинъ затопалъ и засѣменилъ ногами. Машу всю поводило, какъ бересту на огнѣ: тонкіе пальцы рѣзво бѣгали по гитарѣ, смуглое горло медленно приподнималось подъ двойнымъ янтарнымъ ожерельемъ. То вдругъ она умолкала, опускалась въ изнеможеньи, словно неохотно щипала струны, и Чертопхановъ останавливался, только плечикомъ подергивалъ да на мѣстѣ переминался, а Недопюскинъ покачивалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ;—то снова заливалась она какъ безумная, выпрямливала станъ и выставляла грудь, и Чертопхановъ опять присѣдалъ до земли, подскакивалъ подъ самый потолокъ, вертѣлся юлой, вскрикивалъ: «живо!»...

— Живо, живо, живо, живо, скороговоркой подхватывалъ Недопюскинъ.

Поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Безсонова ... Исторію самой Маши я когда нибудь въ другой разъ разскажу снисходительнымъ читателямъ.

О СОЛОВЬЯХЪ.

—

Посылаю вамъ, любезный и почтеннѣйшій С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охотъ, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ, и пр., списанный мною со словъ одного стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

—

Лучшими соловьями всегда считались Курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить въ началѣ Мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ, и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ ростетъ; болотные соловьи—самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ Маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ, и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохинькій;

только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится; а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать, а самому спрятаться да присвистывать дудочкой, такая дудочка дѣлается, въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается—съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть—и бичевку къ ней привязать: соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ—тутъ и дернуть за бичевку, тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку, а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ—его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется сажень въ пять; осыпешь ею кустъ или сухой дромъ, а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей—встанешь и погонишь его въ сѣть, онъ все низомъ летитъ, ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одною дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску—такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравлиными яицами—понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотной соловей не знаетъ муравлиныхъ яицъ — не видалъ никогда—ну, а какъ муравьи станутъ таскать яица — въ задоръ войдетъ — станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь (*) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ туу и вдругъ: ви!—эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно

(*) Во Мценскомъ, Чернскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ.

станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна,—а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: *Пульканіе* — эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль....

Второе: *Клыканіе* — клы, клы, клы, какъ желна.

Третье: *Дробь*—выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: *Раскатъ* — трррррр....

Пятое: *Пленканіе* — почти понять можно: плень, плень, плень....

Шестое: *Льшева дудка* — эдакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: *ту!*

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ*. Самое рѣдкое колѣно; я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ*. Га-га-га-га.... У Малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Какъ юла,— есть птица на жаворонка похожая, — или какъ вотъ органчики бываютъ, — эдакой круглый свистъ: фюіюіюіюіюю....

Десятое: *Починъ* — эдакъ: тии-вить, нѣжно, малиновкой. Это по настоящему не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ: начнетъ: тии-вить—а тамъ: тукъ!—Это оттолчкой называется. Потомъ опять—тии-вить.... тукъ! тукъ! Два раза оттолчка—и въ полъ-удара, эдакъ лучше; въ третій разъ тии-вить—да какъ разсыплетъ, вдругъ, сукинъ сынъ, дробью или раскатомъ—едва на ногахъ устоишь—обозжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое и—смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій—нѣтъ! Разсудительно поётъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать, — не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что ли—сперва будто книзу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ—

надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у Мценскаго купца Ш....ва—вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурнаго съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодаго отъ стараго отличить можно. У молодаго, когда растопырешь ему крылья, есть на перушкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый — сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яицами; только яица надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловьевъ не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было нѣбко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная это болѣзнь. Какой и переживетъ — на другую зиму навѣрное околѣетъ. Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать — хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества — и ближе, сперва потихоньку; съ великаго поста, съ Марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ, а къ Петрову дню перестаютъ. Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія.... такъ жалобно, нѣжно: плень.... плень.... Не громко — а по всей комнатѣ слышно. Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки, душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу — всякой разъ тронетъ, по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются. Сейчасъ слезы — и вотъ онѣ. Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа, полъ-дня просижу, а ужь замѣчу мѣсто. Гнѣздо они вьютъ на землѣ—изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь

да посадишь въ западню — сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравлиныхъ яицъ насыплешь и живыхъ муравьевъ напустишь. Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда вынешь, живучѣе и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о Петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо — и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ—въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же въ слѣдъ за старикомъ бурлитъ—тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ, да и то сомнительно. Иные охотники секретно въ шляпахъ приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. Отъ того лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ—купцы: тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ Бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища—и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные—хоть пятьдесятъ паръ—въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ, часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много ему это мѣшало. Разъ, подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, разсказываетъ — такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить—а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ однако спустился, погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть — и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать руки у него дрожали — соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ—свиснулъ, запѣлъ

и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что-жь! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить его — нѣтъ! не тутъ-то было: оробѣлъ, знать, смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете? Соловей хоть бы чукнулъ — такъ и пропалъ. А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку о-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ по лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: «раскапывайте землю— въ землю уйти хочу, туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому».... Вотъ какъ оно бываетъ чувствительно.

Случается, что другъ у друга наровятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На всѣ нужно умѣнье — да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого—молитва. Разъ я таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ, а ночь такая темная, претемная ... И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужь это не по соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ.... Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя.... вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики—тѣ не мѣшаютъ; тѣмъ все равно; еще смѣются, пожалуй. Мужикъ грубъ; ему что соловей, что зябликъ — все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать съ бабой. А я вамъ теперь все разсказалъ.

1853 г.

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго, бора, видъ «Полѣсья» напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣже; таже первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла», говоритъ природа человѣку, «я царствую — а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть.» Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью, какъ будто намъ не чуждой.... Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердцѣ людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ — вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его

братій можетъ изчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значенье и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля—все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки —и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ— отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвеннымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры иглистаго моха, а берега то изчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога.

На этой дорогѣ, прямо противъ крыльца, стояла телѣга, нагруженная коробами и ящиками. Владѣлецъ ея, худощавый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и мышиными глазками, сгорбленный и хромой, впрягалъ въ нее свою, тоже хромую, лошаденку; это былъ прянишникъ, который пробирался на Карачевскую ярмарку. Вдругъ показалось на дорогѣ нѣсколько людей; за ними потянулись другіе, наконецъ повалила цѣлая гурьба; у всѣхъ были палки въ рукахъ и катомки за плечами. По ихъ походкѣ, усталой и развалистой, по загорѣлымъ лицамъ видно было, что они шли издалеча; это Юхновцы, Конячи, возвращались съ заработковъ. Старикъ лѣтъ семидесяти, весь бѣлый, казалось, предводительствовалъ ими; онъ изрѣдка оборачивался

и спокойнымъ голосомъ понукалъ отсталыхъ. «Но, но, но, ребятушки», говорилъ онъ, «но—о». Всѣ они шли молча, въ какой—то важной тишинѣ. Одинъ лишь только, низкаго роста и на видъ сердитый, въ тулупѣ на распашку, въ бараньей шапкѣ, надвинутой на самые глаза, поровнявшись съ прянишникомъ, вдругъ спросилъ его:

— По чемъ пряникъ, шутъ?

— Каковъ будетъ пряникъ, любезный человѣкъ, возразилъ тонкимъ голоскомъ озадаченный торговецъ. Есть и въ копѣйку —а то и грошъ дать надо. А есть ли грошъ въ мошнѣ—то?

— Да отъ него, чай, въ брюхѣ просолодитъ, возразилъ тулупъ и отошелъ отъ телѣги. Поспѣшите ребятушки, поспѣшите! послышался голосъ старика:—до ночлега далеко.

— Необразованный народъ, проговорилъ, изкоса взглянувъ на меня, прянишникъ, какъ только вся толпа провалила мимо: —развѣ это кушанье про нихъ?

И на—скоро снарядивши свою лошадку, спустился онъ къ рѣчкѣ, на которой виднѣлся маленькій бревенчатый паромъ. Мужикъ, въ бѣломъ войлочномъ «шлыкѣ» (обыкновенной Полѣшской шапкѣ), вышелъ изъ низкой землянки ему на встрѣчу и переправилъ его на противуположный берегъ. Телѣжка поползла по изрытой и выбитой дорогѣ, изрѣдка взвизгивая однимъ колесомъ.

Я покормилъ лошадей—и тоже переправился. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я наконецъ по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдра. Съ окраины ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое—гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно—онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; толь-

ко по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ въѣзжалъ на разчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенька съ покрившимся крестомъ надъ колодцемъ, невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегараживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшникомъ; утки взлётывали попарно—и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами.—«Га, га, га, га», неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопаная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдно-синему лѣсному воздуху: знать мужичокъ промышлялъ углю на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо; только идетъ тамъ высоко надъ головою какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ.... Ѣдешь, ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выдти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ его эта пахучая сырость и гниль....

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рысцей. Мнѣ хотѣлось засвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса. Раза два встрѣтились мнѣ мужички съ надраннымъ лыкомъ или съ длинными бревнами на телѣгахъ.

— Далеко ли до Святаго? спросилъ я одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, не далеко.

— А сколько?

— Да версты три будетъ.

Прошло часа полтора. Мы все ѣхали да ѣхали. Вотъ опять заскрипѣла нагруженная телѣга. Мужикъ шелъ съ боку.

— Сколько, братъ, осталось до Святаго!

— Чего?

— Сколько до Святаго?

— Восемь верстъ.

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣпилося вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и блеяніемъ пробѣжало мимо. Молодыя дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго «Полѣхи», изъ тѣхъ Полѣхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей съ старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба — десятинъ двѣсти не больше считалось распаханнаго поля вокругъ Святаго; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это бытъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смирнымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадью. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперёгъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за скудостью пороха и дроби; но съ него уже того было довольно, что онъ

рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человѣка правдиваго и за «молчальника». Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи—черта рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда произносилъ слова—очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дѣти умирали; онъ «забѣднялъ» и никакъ не могъ справиться. И то сказать: страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло и кто «съ ружьемъ балуетъ»—хозяинъ плохой. Отъ постояннаго ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, въ слѣдствіе ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость—важность статнаго оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на «овсахъ». Въ послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить, медвѣдь все не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его на канунѣ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырѣзывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножемъ.

— Какого же ты молодца повалилъ! замѣтилъ я. Егоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ сперва на меня, а потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть—три выводка, да рябцевъ пять, промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поѣхалъ на другой день на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а, въѣхавши въ лѣсъ, опять потащились шагомъ.

— Вонъ витютень сидитъ, заговорилъ вдругъ, оборотившись ко мнѣ, Кондратъ:—хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ,

а его и на сорокъ шаговъ не убьёшь: такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до «Мошнаго». Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка проросшій ельникомъ. Мы слѣзли; Кондратъ вдвинулъ телѣгу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ Татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрно могли скрываться въ его захолустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубика росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій намётъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ безъ тѣни и безъ свѣта жегъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; подъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шелъ не торопясь и изрѣдка посвистывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожныя птицы поднимались далеко съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ однако удалось убить трехъ молодыхъ. У одного *майдана* (*) Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

(*) «Майданъ» называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать, промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мохомъ.

— Это слѣдъ его лапы? спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ, когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка посматривалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоувѣренно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полу-засыпаннымъ рвомъ.

— Что это, майданъ тоже? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Егоръ: — здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно?

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарокъ положенъ крѣпкій: на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.

— Посидите маленько, сказалъ Егоръ:—я схожу за водой, тутъ колодезь недалеко.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтями на колѣна и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально— нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновенье, на этомъ мѣстѣ я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хоть бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку.... Я закрылъ глаза рукою — и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь....

Вотъ мелькнуло предо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ.... Пришли на

память и они, товарищи первыхъ стремленій, потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній... потомъ начали наростать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы —и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не умѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли?—эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла—вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергла все мелкое, все недостаточное, она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ, и ни одной капли не смочило алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья.... вы и звучали только —когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарной улыбкой — да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно точно посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторялъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье.... А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: «прости» и «навсегда». Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка—

радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга, не смотри туда, гдѣ блаженство и вѣра и сила — тамъ не наше мѣсто!

— Вотъ вамъ вода, раздался за мною звучный голосъ Егора:—пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби; я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся и съ несказанной отрадой увидалъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой.... Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня, сказалъ я съ увлеченіемъ.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара «свалила», въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. Ступайте вонъ, безпокойные, живые, казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы, ясно раздается его: «тпру, тпру» въ близкомъ отъ насъ оврагѣ.... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно-стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ на изнанку, и такъ и остались придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телѣгу и покатили домой. Я сидѣлъ покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно, и заснуть, заснуть, заснуть....

День второй.

На слѣдующее утро мы опять втроемъ отправились на «Гарь». Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько тысячъ десятинъ выгорѣло въ Полѣсьи и до-сихъ-поръ не заросло; кой-гдѣ пробиваются молодыя елки и сосенки, а то все мохъ да перележалая зола. На этой «Гари», до которой отъ Святаго считается верстъ двѣнадцать, ростутъ всякія ягоды въ великомъ множествѣ и водятся тетерева, большіе охотники до земляники и брусники.

Мы ѣхали молча, какъ вдругъ Кондратъ поднялъ голову.

— Э! воскликнулъ онъ, да это никакъ Ефремъ стоитъ. Здорово, Александрычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ и приподнявъ шапку.

Небольшаго роста мужикъ въ черномъ, короткомъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, вышелъ изъ-за дерева и приблизился къ телѣгѣ.

— Аль отпустили? спросилъ Кондратъ.

— А то не бось нѣтъ! возразилъ мужичекъ и оскалилъ зубы. Нашего брата держать не приходится.

— И Петръ Филипычъ ничего?

— Филиповъ-то? Знамо дѣло, ничего.

— Вишь ты! А я, Александрычъ, думалъ, ну, братъ, думалъ я, теперь ложись гусь на сковороду!

— Отъ Петра Филипова-то? Вона! Видали мы такихъ. Суется въ волки, а хвостъ собачій. На охоту, чтоль, ѣдешь, баринъ? спросилъ вдругъ мужичокъ, быстро вскинувъ на меня свои прищуренные глазки, и тотчасъ опустилъ ихъ снова.

— На охоту.

— А куда, примѣрно?

— На Гарь, сказалъ Кондратъ.

— Ѣдете на Гарь, не наѣхать бы на пожаръ.

— А что?

— Видалъ я глухарей много, продолжалъ мужичокъ, все какъ бы посмѣиваясь и не отвѣчая Кондрату, да вамъ туда не попасть: прямикомъ верстъ двадцать будетъ. Вотъ и Егоръ —что говорить! въ бору, какъ у себя на двору, а и тотъ не

продерется. Здорово, Егоръ, Божія душа въ полтора гроша гаркнулъ онъ вдругъ,

— Здорово, Ефремъ, возразилъ Егоръ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Ефрема. Такого страннаго лица я давно не видывалъ. Носъ имѣлъ онъ длинный и острый, крупныя губы и жидкую бородку. Его голубые глазки такъ и бѣгали, какъ живчики. Стоялъ онъ развязно, легонько подпершись руками въ бока и не ломая шапки.

— На побывку домой, что ли? спросилъ его Кондратъ.

— Экъ-ста, на побывку! Теперь, братъ, погода не та: разгулялось. Широко, братъ, стало, во-какъ. Хоть до зимы на печи лежи; никака собака не чукнетъ. Мнѣ въ городѣ говорилъ этотъ-та производитель: брось, молъ, насъ, Лександрычъ, выѣзжай изъ уѣзда вонъ, пачпортъ дадимъ первый сортъ... да жаль мнѣ васъ, Святовскихъ-то: такого вамъ вора другаго не нажить.

Кондратъ засмѣялся.

— Шутникъ ты, дядюшка, право шутникъ, проговорилъ онъ и тряхнулъ возжами. Лошади тронулись.

— Тпру, промолвилъ Ефремъ. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка. Полно озарничать, Александрычъ, замѣтилъ онъ въ полъ-голоса. Вишь, съ бариномъ ѣдемъ. Осерчаетъ, гляди.

— Эхъ, ты, морской селезень! Съ чего ему серчать-то? Баринъ онъ добрый. Вотъ посмотри, онъ мнѣ на водку дастъ. Эхъ, баринъ, дай проходимцу на косушку! Ужь раздавлю жъ я ее, подхватилъ онъ, поднявъ плечо къ уху и скрипнувъ зубами.

Я невольно улыбнулся, далъ ему гривенникъ и велѣлъ Кондрату ѣхать.

— Много довольны, ваше благородіе, крикнулъ по-солдатски намъ вслѣдъ Ефремъ. А ты, Кондратъ, на предки знай у кого учиться: оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—съѣлъ. Какъ вернешься, у меня побывай, слышь; у меня три дня попойка стоять будетъ, сшибемъ горла два; жена у меня баба хлѣцкая, дворъ на полозу.... Гей, сорока-бѣлобока, гуляй пока хвостъ цѣлъ!

И засвиставъ рѣзкимъ свистомъ, Ефремъ юркнулъ въ кусты.

— Что за человѣкъ? спросилъ я Кондрата, который, сидя

на облучкѣ, всё потряхивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Тотъ-то? возразилъ Кондратъ и потупился. Тотъ-то? повторилъ онъ.

— Да. Онъ вашъ?

— Нашъ, Святовскій. Это такой человѣкъ.... Такого на сто верстъ другаго не сыщешь. Воръ и плутъ такой—и Боже ты мой! На чужое добро у него глазъ такъ и коробится. Отъ него и въ землю не зароешься, а что деньги, напримѣръ, изъ подъ самаго хребта у тебя вытащитъ, ты и не замѣтишь.

— Какой онъ смѣлый!

— Смѣлый? Да онъ никого не боится. Да вы посмотрите на него: по финазоміи бестіянъ, съ носу виденъ. (Кондратъ часто ѣзживалъ съ господами и въ губернскомъ городѣ бывалъ, а потому любилъ при случаѣ показать себя.) Ему к сдѣлать-то ничего нельзя. Сколько разъ его и въ городъ возили, и въ острогъ сажали, только убытки одни. Его станутъ вязать,—а онъ говоритъ: «Чтожъ, молъ, вы ту ногу не путаете? Путайте и ту, да покрѣпче, я, пока, поспію. А домой я раньше вашихъ провожатыхъ поспѣю.» Глядишь: точно, опять вернулся, опять тутъ, ахъ, ты Боже ты мой! Ужь на что мы всѣ, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли съ-измала, а съ нимъ поровняться не мочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, на прямки изъ Алтухина въ Святое пришелъ, а тутъ никто и не хаживалъ отродясь, верстъ сорокъ будетъ. Вотъ и мёдъ красть, на это онъ первый человѣкъ, и пчела его не жалитъ. Всѣ пасѣки раззорилъ.

— Я думаю, онъ и бортамъ спуска не даетъ.

— Ну, нѣтъ, что напраслину на него взводить? Такого грѣха за нимъ не замѣчали. Бортъ у насъ святое дѣло. Пасѣка огорожѐна; тутъ караулъ; коли утащилъ—твое счастье; а бортовая пчела дѣло Божіе, не береженое; одинъ медвѣдь её трогаетъ.

— За то онъ и медвѣдь, замѣтилъ Егоръ.

— Онъ женатъ?

— Какъ-же. И сынъ есть. Да и воръ же будетъ сынъ-то. Въ отца вышелъ весь. Ужь онъ его и теперь учитъ. Намеднись горшокъ съ старыми пятаками притащилъ, укралъ

гдѣ-нибудь, значитъ, пошелъ да и зарылъ его на полянкѣ въ лѣсу, а самъ вернулся домой да и послалъ сына на полянку. Пока, говоритъ, горшка не отыщешь, ѣсть тебѣ не дамъ и на дворъ не пущу. Сынъ-то день цѣлый просидѣлъ въ лѣсу и ночевалъ въ лѣсу, а нашелъ-таки горшокъ. Да, мудреный этотъ Ефремъ. Пока дома—любезный человѣкъ, всѣхъ подчуетъ: пей, ѣшь, сколько хочешь, пляска тутъ у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходкѣ, такая у насъ сходка на селѣ бываетъ, ужь лучше его никто не разсудитъ; подойдетъ сзади, послушаетъ, скажетъ слово, и прочь; да ужь и слово-то вѣское. А какъ вотъ уйдетъ въ лѣсъ, ну, тутъ бѣда! Жди раззоренія. А и то сказать: онъ своихъ не трогаетъ, развѣ самому тѣсно придется. Коли встрѣтитъ кого Святовскаго—«Обходи, братъ, мимо» кричитъ издали: «на меня лѣсной духъ нашелъ: убью!»—Бѣда!

— Чего же вы смотрите? Цѣлая вотчина съ однимъ человѣкомъ справиться не можетъ?

— Да ужь пожалуй, что такъ.

— Колдунъ онъ, что ли?

— Кто его знаетъ! Вотъ намедни онъ къ сосѣднему дьячку на пасѣку забрался почью, а дьячокъ-то караулилъ самъ. Ну, поймалъ его да въ потемкахъ и приколотилъ. Какъ кончилъ, Ефремъ-то и говоритъ ему: а знаешь ты, кого билъ? Дьячекъ, какъ узналъ его по голосу, такъ и обомлѣлъ. Ну, братъ, говоритъ Ефремъ, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Дьячекъ ему въ ноги: возьми, молъ, что хочешь. Нѣтъ, говоритъ, я съ тебя въ свое время возьму да и чѣмъ захочу. Чтожъ вы думаете? Вѣдь съ самаго того дня дьячекъ-то, словно ошпаренный, какъ тѣнь бродитъ. Сердце, говоритъ, во мнѣ изныло; слово больно крѣпкое, знать, залѣпилъ мнѣ разбойникъ. Вотъ что съ нимъ сталось, съ дьячкомъ-то.

— Дьячекъ этотъ, должно быть, глупъ, замѣтилъ я.

— Глупъ? А вотъ это какъ вы разсудите. Вышелъ разъ приказъ изловить эттаго Ефрема. Становой такой у насъ завелся вострый. Вотъ и пошло человѣкъ десять въ лѣсъ ловить Ефрема. Смотрятъ, а онъ имъ на встрѣчу идетъ.... Одинъ-то изъ нихъ и закричи: вонъ онъ, вонъ онъ, держите его, вяжите! А Ефремъ вошелъ въ лѣсъ да вырѣзалъ

себѣ древо, эдакъ, перста въ два, да какъ выскочитъ опять на дорогу, безобразный такой, страшный, какъ скомандуетъ: на колѣнки! всѣ такъ и попадали. «А кто, говоритъ, тутъ кричалъ: держите, вяжите? Ты, Серёга?» Тотъ-то какъ вскочитъ да бѣжать.... А Ефремъ за нимъ, да древомъ-то его по пяткамъ.... Съ версту его гладилъ. И потомъ все еще жалѣлъ: «Эхъ, молъ, досадно, заговѣться ему не помѣшалъ.» Дѣло-то было передъ самими Филипповками. Ну, а становаго въ скоромъ времени смѣстили,—тѣмъ все и покончилось.

— Зачѣмъ же они всѣ ему покорились?

— Зачѣмъ! то-то и есть....

— Онъ васъ всѣхъ запугалъ, да и дѣлаетъ теперь съ вами, что хочетъ.

— Запугалъ.... Да онъ кого хочешь запугаетъ. И ужь горазднже онъ на выдумки, Боже ты мой! — Я разъ въ лѣсу на него наткнулся, дождь такой шелъ здоровый, я, было, въ сторону.... А онъ поглядѣлъ на меня, да, эдакъ, меня ручкою и подозвалъ. Подойди, молъ, Кондратъ, не бойся. Поучись у меня какъ въ лѣсу жить, на дождю сухимъ быть. Я подошелъ, а онъ подъ елкой сидитъ и огонёкъ развелъ изъ сырыхъ вѣтокъ: дымъ-то набрался въ елку и не даетъ дождю капать. Подивился я тутъ ему. А то вотъ онъ разъ что выдумалъ (и Кондратъ засмѣялся), вотъ ужь потѣшилъ. Овесъ у насъ молотили на току, да не кончили; послѣдній ворохъ сгрести не успѣли; ну и посадили на ночь двухъ караульщиковъ: а ребята-то были не изъ бойкихъ. Вотъ, сидятъ они да гуторятъ, а Ефремъ возьми да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себѣ рубаху и надѣнь. Вотъ подкрался онъ въ эдакомъ-то видѣ къ овину, да и ну изъ-за угла показываться помаленьку, роги-то свои выставлять. Одинъ-то малый говоритъ другому: видишь?—Вижу, говоритъ другой, да какъ ахнутъ вдругъ, только плетни затрещали. А Ефремъ набралъ овса въ мѣшокъ да и стащилъ къ себѣ домой. Самъ потомъ все разсказалъ. Ужь стыдилъ же онъ, стыдилъ ребятъ-то.... Право!

Кондратъ засмѣялся опять. И Егоръ улыбнулся. «Такъ только плетни затрещали», промолвилъ онъ.

— Только ихъ и видно было, подхватилъ Кондратъ.

Мы опять всѣ притихли. Вдругъ Кондратъ всполохнулся и выпрямился.

— Э, батюшки, воскликнулъ онъ, да это никакъ пожаръ!

— Гдѣ? гдѣ? спросили мы.

— Вонъ, смотрите, впереди, куда мы ѣдемъ.... Пожаръ и есть. Ефремъ-то, Ефремъ вѣдь напророчилъ. Ужь не его ли это работа, окаянная онъ душа....

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ Кондратъ. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ или трехъ впереди насъ, толстый столбъ сизаго дыма медленно поднимался отъ земли, за зеленой полоской низкаго ельника, постепенно выгибаясь и расползаясь шапкой; отъ него вправо и влѣво виднѣлись другіе, поменьше и побѣлѣй.

Мужикъ весь красный, въ поту, въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами надъ испуганнымъ лицомъ, наскакалъ прямо на насъ и съ трудомъ остановилъ свою поспѣшно взнузданную лошаденку.

— Братцы, спросилъ онъ задыхающимся голосомъ, полѣсовщиковъ не видали?

— Нѣтъ, не видали. Что это, лѣсъ горитъ?

— Лѣсъ. Народъ согнать надо, а то, коли къ Тросному кинется....

Мужикъ задергалъ локтями, заколотилъ пятками по бокамъ лошади.... Она поскакала.

Кондратъ также погналъ свою пару. Мы ѣхали прямо на дымъ, который разстилался все шире и шире; мѣстами онъ внезапно чернѣлъ и высоко взвивался. Чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ неяснѣе становились его очертанія; скоро весь воздухъ потускнѣлъ, сильно запахло горѣлымъ, и вотъ между деревьями, странно и жутко шевелясь на солнцѣ, мелькнули первые, блѣдно-красные языки пламени.

— Ну, слава Богу, замѣтилъ Кондратъ, кажется, пожаръ-то позёмный.

— Какой?

— Позёмный, такой, что по землѣ бѣжитъ. Вотъ съ подзёмнымъ мудрено ладить. Что тутъ сдѣлаешь, когда земля на цѣлый аршинъ горитъ? Одно спасеніе: копай канавы — да это развѣ легко? А позёмный—ничего. Только траву сбрѣетъ да

сухой листъ сожжетъ. Еще лучше лѣсу отъ него бываетъ. Ухъ, батюшки, гляди однако, какъ шибануло!

Мы подъѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему на встрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу *противъ* вѣтра; онъ подвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относило вѣтромъ. Кондратъ сказалъ правду: это, дѣйствительно, былъ поземный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собою черный и дымящійся, но даже не тлѣющій слѣдъ. Правда, иногда, тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ по-прежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листами, оставался нетронутымъ, только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отъ чего сухіе листья не загорались. Кондратъ объяснялъ мнѣ, что это происходило отъ того, что пожаръ поземный, «значитъ, не сердитый». Да вѣдь огонь тотъ же, возражалъ я. Поземный пожаръ, повторялъ Кондратъ. Однако, хоть и поземный, а пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы, какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попадали въ дымъ и кружились, лошади оглядывались и фыркали, самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ,—да и человѣку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара....

— Чего смотрѣть! сказалъ вдругъ Егоръ за моей спиной. Поѣдемте.

— Да гдѣ проѣхать? спросилъ Кондратъ.

— Возьми влѣво, по сухоболотью, проѣдемъ.

Мы взяли влѣво и проѣхали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадямъ и телѣгамъ.

Цѣлый день протаскались мы по Гари. Передъ вечеромъ (заря еще не закрасѣлась на небѣ, но тѣни отъ деревьевъ уже легли неподвижныя и длинныя, и чувствовался въ травѣ

холодокъ, который предшествуетъ росѣ) я прилегъ на дорогу вблизи телѣги, въ которую Кондратъ, не спѣша, впрягалъ натѣвшихся лошадей, и вспомнилъ свои вчерашнія, невеселыя мечтанья. Кругомъ все было такъ же тихо, какъ и на канунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мохѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой цыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: «отдохни, братъ нашъ; дыши легко и не горюй: и ты передъ близкимъ сномъ». Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой вѣтки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливые Французы величаютъ: «дѣвицами», а нашъ безхитростный народъ прозвалъ «коромыслами». Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивая головку со стороны на сторону и трепеща приподнятыми крылышками.... вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ—вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно—выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ, онъ не имѣетъ права жить;—а человѣкъ, которому отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлося худо на свѣтѣ—долженъ покрайней мѣрѣ умѣть молчать.

— Ну чтожъ ты, Егоръ! воскликнулъ вдругъ Кондратій, который уже успѣлъ помѣститься на облучкѣ телѣги и поиг-

рывалъ и перебиралъ возжами:—иди садись. Чего задумался? Аль о коровѣ все?

— О коровѣ ? О какой коровѣ ? Повторилъ я и взглянулъ на Егора: спокойный и важный какъ всегда, онъ, дѣйствительно , казалось , задумался и глядѣлъ куда-то вдаль , въ поля, уже начинавшія темнѣть.

— А вы не знаете? подхватилъ Кондратій:—у него сегодня ночью послѣдняя корова околѣла. Не везетъ ему—что ты будешь дѣлать?...

Егоръ сѣлъ, молча, на облучекъ и мы поѣхали. «Этотъ умѣетъ не жаловаться», подумалъ я.

1857.

ЛѢСЪ И СТЕПЬ.

—

«..... И понемногу начало назадъ
Его тянуть: въ деревню, въ темный садъ,
Гдѣ липы такъ огромны, такъ тѣнисты,
И ландыши такъ дѣвственно душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой
Съ плотины наклонились чередой,
Гдѣ тучный дубъ ростетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ конопелью да крапивой....
Туда, туда, въ раздольныя поля,
Гдѣ бархатомъ чернѣется земля,
Гдѣ рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падаетъ тяжелый, желтый лучь
Изъ-за прозрачныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ тучь,
Тамъ хорошо.....

(Изъ поэмы, преданной сожженію).

Читателю, можетъ быть, уже наскучили мои записки; спѣшу успокоить его обѣщаніемъ ограничиться напечатанными отрывками; но, разставаясь съ нимъ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ охотѣ.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говорили въ старину; но положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату.... Слушайте.

Знаете–ли вы, на-примѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо.... На темно–сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ёжатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга.... Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы на право, черезъ плотину.... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ, вы отъѣхали версты четыре.... край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, передразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете.... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!.... Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто.... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ на-встрѣчу. Вы взобрались на гору.... Какой видъ! рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль.... не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышетъ грудь, какъ быстро

движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханьемъ весны!...

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ! Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ,—васъ такъ и обдастъ накопившимся, теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и «кашки»; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца.... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь.... Вы поздоровались съ нимъ, отошли—звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой.... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышитъ неподвижный воздухъ. — «Гдѣ-бы, братъ, тутъ напиться?» спрашиваете вы у косаря.—«А вонъ въ оврагѣ колодезь». Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага; точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаються со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышете пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужь не громъ-ли? Вы выходите изъ оврага.... что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча-ли надвигается?... Но вотъ слабо сверкнула молнія.... Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча ростетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло.... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай.... скорѣе!... Вы добѣжали, вошли.... Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу за-

капала вода на душистое сѣно... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!...

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на-видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни.... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката.... Вотъ оно блѣднѣетъ, синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ, воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость.... А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ.... Что это? — пожаръ?... Нѣтъ, это восходитъ луна. А вонъ внизу, на-право, уже мелькаютъ огоньки деревни.... Вотъ наконецъ и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ....

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ.... Лѣсъ глохнетъ.... Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу, да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падаю—

щія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ ростутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ....

И какъ этотъ-же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ валдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на побѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всей своей душою владѣетъ человѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму....

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце ужь не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья, когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ, вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней....

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и

не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ подъ ногъ, тотчасъ-же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, рѣвно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ.... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется — клочокъ блѣдно-голубаго неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучь ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу, и вотъ — опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана, то скатываются и растилаются скотертями, то взвиваются и исчезаютъ въ голубой нѣжносіяющей вышинѣ....

Но вотъ, вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ—вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ двориковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежъ воротами и колодеземъ, отъ одного села до другаго, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ коноплянниковъ, долго, долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ на-встрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шенели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными, кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ.... Далѣе, далѣе.... Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы—какой видъ! Круглые, низ-

кіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мелче и мелче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ — безграничная, необозримая степь!

А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ!... А первые весенніе дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается, сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на проталинкахъ, подъ косымъ лучемъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки....

Однако, пора кончить. Кстати заговорилъ я о веснѣ: весной легко разставаться, весной и счастливыхъ тянетъ вдаль.... Прощайте, читатель, желаю вамъ постояннаго благополучія....

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

I. Хорь и Калинычъ 1
II. Ермолай и Мельничиха 14
III. Малиновая вода 26
IV. Уѣздный лекарь. 36
V. Мой сосѣдъ Радиловъ. 46
VI. Однодворецъ Овсянниковъ 55
VII. Льговъ 74
VIII. Бѣжинъ лугъ. 86
IX. Касьянъ съ Красивой Мечи. 108
X. Бурмистръ. 128
XI. Контора. 142
XII. Бирюкъ. 161
XIII. Два помѣщика 170
XIV. Лебедянь. 179
XV. Татьяна Борисовна и ея племянникъ 192
XVI. Смерть 205
XVII. Пѣвцы 217
XVIII. Петръ Петровичъ Каратаевъ 238
XIX. Свиданіе. 252
XX. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда 262
XXI. Чертопхановъ и Недопюскинъ. 288
XXII. О соловьяхъ 302
XXIII. Поѣздка въ Полѣсье 317
XXIV. Лѣсъ и степь. 333

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ИСПРАВЛЕННЫЯ И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ТОМЪ II.

Изданіе Н. А. Основскаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 28 дня 1861 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

Печатано съ изданія 1856 г.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

—

I. Андрей Колосовъ 1
II. Бреттёръ 30
III. Три портрета 79
IV. Жидъ 109
V. Пѣтушковъ 127
VI. Три встрѣчи 168
VII. Разговоръ на большой дорогѣ 198
VIII. Муму́ 216
IX. Постоялый дворъ 245
X. Зитишье 295

АНДРЕЙ КО́ЛОСОВЪ.

—

Въ небольшой, порядочно-убранной комнатѣ, передъ каминомъ, сидѣло нѣсколько молодыхъ людей. Зимній вечеръ только-что начинался; самоваръ кипѣлъ на столѣ, разговоръ разыгрывался и переходилъ отъ одного предмета къ другому. Начали толковать о людяхъ необыкновенныхъ и о томъ, чѣмъ они отличаются отъ обыкновенныхъ людей. Каждый излагалъ свое мнѣніе какъ умѣлъ; голоса возвысились и зашумѣли. Одинъ небольшой, блѣдный человѣчекъ, который долго слушалъ, попивая чай и покуривая сигарку, разглагольствованія своихъ товарищей, внезапно всталъ и обратился ко всѣмъ намъ (я тоже былъ въ числѣ споривших) съ слѣдующими словами:

— Господа! всѣ ваши глубокомысленныя рѣчи въ своемъ родѣ хороши, но безполезны. Каждый, какъ водится, узнаётъ мнѣніе своего противника и каждый остается при своемъ убѣжденіи. Но мы не въ первый разъ сходимся, не въ первый разъ мы споримъ, и потому, вѣроятно, уже успѣли и высказаться и узнать мнѣнія другихъ. Такъ изъ чего же вы хлопочете?

Сказавъ эти слова, небольшой человѣчекъ небрежно стряхнулъ въ каминъ пепелъ съ сигарки, прищурилъ глаза и спокойно улыбнулся. Мы всѣ замолчали.

— Такъ что̀ жь намъ, по твоему, дѣлать? сказалъ одинъ изъ насъ: — играть въ карты что̀ ли? лечь спать? разойдтись по домамъ?

— Пріятно играть въ карты и полезно спать, возразилъ небольшой человѣчекъ: — а разойдтись по домамъ теперь еще рано. Но вы меня не поняли. Послушайте: я предлагаю каждому изъ васъ, ужь если на то пошло, описать намъ какую-нибудь необыкновенную личность, разсказать намъ свою встрѣчу съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ человѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, самый плохой разсказъ гораздо дѣльнѣе самаго отличнаго разсужденія.

Мы задумались.

— Странное дѣло, замѣтилъ одинъ изъ насъ, большой шутникъ:—кромѣ самого себя, я не знаю ни одного необыкновеннаго человѣка, а моя жизнь вамъ всѣмъ, кажется, извѣстна. Впрочемъ, если прикажете....

— Нѣтъ, воскликнулъ другой: — не нужно! Да что̀, прибавилъ онъ, обращаясь къ небольшому человѣчку: — начни ты. Ты насъ всѣхъ сбилъ съ толку, тебѣ и книги въ руки. Только, смотри, если твой разсказъ намъ не понравится, мы тебя освищемъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ тотъ.

Онъ сталъ у камина; мы усѣлись вокругъ него и притихли. Небольшой человѣчекъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, взглянулъ въ потолокъ и началъ слѣдующимъ образомъ:

— Десять лѣтъ тому назадъ, милостивые государи мои, я былъ студентомъ въ Москвѣ. Отецъ мой, добродѣтельный степной помѣщикъ, отдалъ меня на руки отставному нѣмецкому профессору, который за сто рублей въ мѣсяцъ взялся меня поить, кормить и наблюдать за моею нравственностью. Этотъ нѣмецъ былъ одаренъ весьма важной и степенной осанкой; я его сначала порядкомъ побаивался. Но въ одинъ прекрасный вечеръ, возратившись домой, я, съ невыразимымъ умиленіемъ, увидѣлъ своего наставника, возсѣдающаго съ тремя или четырьмя товарищами за круглымъ столомъ, на которомъ находилось довольное количество пустыхъ бутылокъ и недопитыхъ стакановъ. Увидѣвъ меня, мой почтенный наставникъ всталъ, и, размахивая руками и заикаясь, представилъ меня честной

компаніи, которая вся тотчасъ же предложила мнѣ стакамъ пунша. Это пріятное зрѣлище освѣжительно подѣйствовало на мою душу; будущность моя предстала мнѣ въ самыхъ привлекательныхъ образахъ. И дѣйствительно, съ того достопамятнаго дня, я пользовался неограниченной свободой и только-что не колотилъ своего наставника. У него была жена, отъ которой вѣчно несло дымомъ и огуречнымъ разсоломъ; она была еще довольно молода, но уже не имѣла ни одного переднаго зуба. Извѣстно, что всѣ нѣмки весьма скоро лишаются этого необходимаго украшенія человѣческаго тѣла. Я объ ней упоминаю единственно потому, что она въ меня влюбилась страстно и чуть-чуть не закормила меня на смерть.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, закричали мы. — Ужь не свои ли похожденія ты хочешь намъ разсказывать?

— Нѣтъ, господа! возразилъ спокойно небольшой человѣчекъ: — я обыкновенный смертный. Итакъ, я жилъ у моего нѣмца, какъ говорится, припѣваючи. Въ университетъ я ходилъ не слишкомъ прилежно, а дома рѣшительно ничего не дѣлалъ. Въ весьма короткое время, сошелся я со всѣми моими товарищами и со всѣми былъ на «ты». Въ числѣ моихъ новыхъ друзей находился одинъ, довольно порядочный и добрый малой, сынъ отставнаго городничаго. Его звали Бобовымъ. Этотъ Бобовъ повадился ко мнѣ ходить и, какъ кажется, полюбилъ меня. И я его.... знаете ли, не то чтобъ любилъ, не то чтобъ не любилъ, такъ какъ то.... Надобно вамъ сказать, что у меня въ цѣлой Москвѣ не было ни одного родственника, исключая стараго дяди, который у меня же иногда просилъ денегъ. Я никуда не ходилъ, и въ особенности боялся женщинъ; я также избѣгалъ знакомства съ родителями моихъ университетскихъ товарищей, съ тѣхъ-поръ, какъ одинъ изъ этихъ родителей отодралъ своего сына при мнѣ за вихоръ — за то, что у него пуговица на мундирѣ отпоролась, а у меня, въ тотъ день, на всемъ сюртукѣ не находилось болѣе шести пуговицъ. Въ сравненіи со многими изъ моихъ товарищей, я слылъ человѣкомъ богатымъ; отецъ мой изрѣдка присылалъ мнѣ небольшія пачки синихъ полинялыхъ ассигнацій, а потому я не только наслаждался независимостью, но у меня постоянно были льстецы и прислужники... что я говорю — у меня! даже у моей куцой сабаки Армишки, которая,

несмотря на свою лягавую породу, до того боялась выстрѣла, что одинъ видъ ружья повергалъ ее въ тоску неописанную. Впрочемъ, я, какъ всякій молодой человѣкъ, не былъ лишенъ того глухаго, внутренняго броженія, которое обыкновенно, разрѣшившись дюжиной болѣе или менѣе шершавыхъ стихотвореній, оканчивается весьма мирно и благополучно. Я чего-то хотѣлъ, къ чему-то стремился и мечталъ о чемъ-то; признаюсь, я и тогда не зналъ хорошенько, о чемъ именно я мечталъ. Теперь я понимаю, чего мнѣ не доставало—я чувствовалъ свое одиночество, *жаждалъ* сообщенія съ такъ-называемыми живыми людьми; слово: жизнь (выговаривай *жызнь*) звучало въ моей душѣ, и я съ неопредѣленной тоской прислушивался къ этому звуку.... Валерьянъ Никитичъ, пожалуйте мнѣ пахитосъ.

Закуривъ пахитосъ, небольшой человѣчекъ продолжалъ:

— Въ одно прекрасное утро, Бобовъ, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ: «Знаешь, братъ, великую новость? Колосовъ пріѣхалъ.» — Колосовъ? что за птица господинъ Колосовъ?— «Ты его не знаешь? Андрюшу Колосова? Пойдемъ братецъ, къ нему поскорѣе. Онъ вчера вечеромъ вернулся съ *кондиціи*.» — Да кто онъ такой?—«Необыкновенный, братецъ, человѣкъ, помилуй!» — Необыкновенный человѣкъ.... промолвилъ я: — ступай же ты одинъ. Я останусь дома. Знаемъ мы вашихъ необыкновенныхъ людей! Какой-нибудь полупьяный виршеплетъ съ вѣчно-восторженной улыбкой!... — «Э, нѣтъ! Колосовъ не такой.» Я было хотѣлъ замѣтить Бобову, что г. Колосову слѣдовало самому явиться ко мнѣ; но не знаю почему, послушался Бобова и пошелъ. Бобовъ привелъ меня въ одинъ изъ самыхъ темныхъ, кривыхъ и узкихъ переулковъ Москвы.... Домъ, въ которомъ жилъ Колосовъ, былъ выстроенъ на старинный образецъ, отличался темнотою и неудобствомъ. Мы вошли на дворъ: толстая баба развѣшивала бѣлье на веревочки, протянутыя отъ дома къ забору... дѣти перекрикивались на деревянной лѣстницѣ....

— Къ дѣлу! къ дѣлу! возопили мы.

— Я вижу, господа, вы не любите пріятнаго и придерживаетесь единственно полезнаго, Пожалуй! Черезъ темный и узкій проходъ добрались мы до комнаты Колосова;—вошли. Вы,

вѣроятно, имѣете приблизительное понятіе о томъ, что̀ такое комната бѣднаго студента. Прямо передъ дверью на коммодѣ сидѣлъ Колосовъ и курилъ трубку. Онъ дружески протянулъ Бобову руку и вѣжливо мнѣ поклонился. Я взглянулъ на Колосова и тотчасъ же почувствовалъ неотразимое влеченіе къ нему. Господа! Бобовъ не ошибался: Колосовъ былъ дѣйствительно необыкновенный человѣкъ.

Позвольте мнѣ описать вамъ его нѣсколько подробнѣе. Онъ былъ роста довольно-высокаго, строенъ, ловокъ и весьма-недуренъ собою. Его лицо.... Я нахожу, господа, что весьма-трудно описать чье-нибудь лицо. Легко перебрать поодиначкѣ всѣ отдѣльныя черты; но какимъ-образомъ передать другому то, что̀ составляетъ отличительную принадлежность, сущность именно *этого* лица?

— То, что Байронъ называетъ: «the music of the face», замѣтилъ одинъ, перетянутый и блѣдный господинъ.

— Такъ-съ.... А потому я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: то особенное «нѣчто», о которомъ я сейчасъ упомянулъ, состояло у Колосова въ беззаботно-веселомъ и смѣломъ выраженіи лица, да еще въ улыбкѣ чрезвычайно-плѣнительной. Родителей своихъ онъ не помнилъ, воспитанъ былъ на мѣдные гроши въ домѣ какого-то отдаленнаго родственника, который за взятки былъ выключенъ изъ службы. До пятнадцати-лѣтняго возраста жилъ онъ въ деревнѣ; потомъ попалъ въ Москву къ старой, глухой попадьѣ; пробылъ у ней года два, вступилъ въ университетъ и началъ жить уроками. Онъ преподавалъ исторію, географію и россійскую грамматику, хотя объ этихъ наукахъ имѣлъ понятіе слабое; но, во-первыхъ, у насъ на Руси завелись «руководства», чрезвычайно благодѣтельныя для наставниковъ; а во-вторыхъ, требованія почтенныхъ купцовъ, поручавшихъ Колосову образованіе своихъ дѣтищъ, были слишкомъ-ограниченны. Колосовъ не былъ ни острякомъ, ни юмористомъ; но вы, господа, не можете себѣ представить, какъ охотно всѣ мы покорялись этому человѣку. Мы какъ-то невольно любовались имъ; его слова, его взгляды, его движенія дышали такой юношеской прелестью, что всѣ его товарищи были влюблены въ него по̀-уши. Профессора считали его малымъ неглупымъ, но «безъ большихъ способностей» и лѣни-

вымъ. Присутствіе Колосова придавало особенную стройность нашимъ вечернимъ сходкамъ: веселость наша при немъ никогда не переходила въ безобразное буянство; становилось ли всѣмъ намъ грустно — эта полудѣтская грусть при немъ разрѣшалась тихимъ, иногда довольно-дѣльнымъ разговоромъ, и никогда не превращалась къ хандру. Вы улыбаетесь, господа.... я понимаю вашу улыбку; точно, многіе изъ насъ въ послѣдствіи оказались порядочнымм пошлецами; но молодость.... молодость....

— „Oh talk not to me of a name great in story
The days of our youth are the days of our glory (*)

промолвилъ тотъ же блѣдный господинъ....

— Фу ты чортъ, какая у васъ память! и все изъ Байрона! замѣтилъ разскащикъ. — Словомъ, господа, Колосовъ былъ душою нашего общества. Я къ нему привязался такъ сильно, какъ послѣ того не привязывался ни къ одной женщинѣ. И между-тѣмъ, мнѣ и теперь не совѣстно вспомнить эту странную любовь.... именно любовь, потому-что я, помнится, испыталъ тогда всѣ терзанія этой страсти, напримѣръ: ревность. Колосовъ одинаково любилъ всѣхъ насъ, но въ особенности жаловалъ одного молчаливаго бѣлокураго и смирнаго малаго, по имени Гаврилова. Съ этимъ Гавриловымъ онъ почти никогда не разставался, часто съ нимъ перешептывался и вмѣстѣ съ нимъ исчезалъ изъ Москвы, Богъ-вѣсть куда, дня на два, на три.... Колосовъ не любилъ распросовъ, и я терялся въ догадкахъ. Не простое любопытство меня волновало; мнѣ хотѣлось пойдти въ товарищи, въ оруженосцы къ Колосову: я ревновалъ къ Гаврилову; я завидовалъ ему; я никакъ не могъ объяснить себѣ причину странныхъ отлучекъ Колосова. Между-тѣмъ въ немъ не было ни той таинственности, которою щеголяютъ юноши, одаренные самолюбіемъ, блѣдностью, черными волосами и «выразительнымъ» взглядомъ, ни того поддѣльнаго равнодушія, подъ которымъ будто бы скрываются громадныя силы; нѣтъ, онъ весь былъ, какъ говорится, на-распашку; но когда имъ овладѣвала страсть, во всемъ существѣ его внезапно

(*) О, не говорите мнѣ о славномъ имени—
Дни нашей молодости, дни нашей славы....

проявлялась порывистая, стремительная дѣятельность; только онъ не тратилъ своей силы попустому, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не становился на ходули. Кстати, господа ... скажите правду: не случалось ли вамъ сидѣть и курить трубку съ такимъ уныло-величественнымъ видомъ, какъ-будто вы только-что рѣшились на великій подвигъ, а вы просто размышляете о томъ, какого цвѣта сшить себѣ панталоны?.... Но дѣло въ томъ, что я первый замѣтилъ въ веселомъ и ласковомъ Колосовѣ эти невольные, страстные порывы.... Не даромъ говорятъ, что любовь проницательна. Я рѣшился во что́ бы то ни стало — втереться въ его довѣренность. Мнѣ не для чего было волочиться за Колосовымъ; я такъ дѣтски благоговѣлъ передъ нимъ, что онъ не могъ сомнѣваться въ моей преданности.... но, къ неописаной моей досадѣ, я долженъ былъ наконецъ убѣдиться, что Колосовъ избѣгалъ болѣе-тѣснаго сближенія со мною, что онъ какъ-будто тяготился моей непрошенной привязанностью. Разъ какъ то онъ съ явнымъ неудовольствіемъ попросилъ у меня денегъ въ-займы — и на другой день съ насмѣшливой благодарностью возвратилъ мнѣ ихъ снова. Въ теченіе цѣлой зимы, мои отношенія къ Колосову не измѣнились ни на волосъ; я часто сравнивалъ себя съ Гавриловымъ — и не могъ понять, чѣмъ онъ лучше меня.... Но вдругъ все перемѣнилось. Въ половинѣ апрѣля, Гавриловъ захворалъ и умеръ на рукахъ Колосова, который не отлучался ни на мигъ изъ его комнаты и цѣлую недѣлю послѣ его смерти не выходилъ никуда. Всѣ мы сожалѣли о бѣдномъ Гавриловѣ; этотъ блѣдный, молчаливый человѣкъ какъ-будто предчувствовалъ свою кончину. Я тоже искренно сожалѣлъ о немъ, но сердце во мнѣ замирало, ждало чего-то....

Въ одинъ незабвенный вечеръ — я лежалъ одинъ на диванѣ и безсмысленно глядѣлъ въ потолокъ....кто-то быстро растворилъ дверь моей комнаты и остановился на порогѣ; я приподнялъ голову: передо мной стоялъ Колосовъ. Онъ медленно вошелъ и сѣлъ подлѣ меня. — «Я пришелъ къ тебѣ», началъ онъ довольно глухимъ голосомъ: — «потому-что ты болѣе всѣхъ другихъ меня любишь.... Я потерялъ своего лучшаго друга» — голосъ его слегка задрожалъ: «и чувствую себя одинокимъ... Вы всѣ не знали Гаврилова... вы не знали....» Онъ

всталъ, походилъ по комнатѣ и быстро подошелъ ко мнѣ.... «Хочешь ли ты замѣнить мнѣ его?» сказалъ онъ и подалъ мнѣ руку. Я вскочилъ и бросился къ нему на грудь. Моя искренняя радость его тронула.... Я не зналъ, что̀ сказать, я задыхался.... Колосовъ глядѣлъ на меня и тихонько посмѣивался. Подали чай. За чаемъ онъ разговорился о Гавриловѣ; я узналъ, что этотъ робкій и кроткій мальчикъ спасъ Колосову жизнь— и я долженъ былъ самому-себѣ сознаться, что на мѣстѣ Гаврилова, я бы не могъ не проболтаться — не похвастаться своимъ счастьемъ. Пробило восемь часовъ. Колосовъ всталъ, подошелъ къ окну, побарабанилъ по стекламъ, быстро повернулся ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать.... и молча сѣлъ на стулъ. Я взялъ его за руку. — «Колосовъ! право, право, я заслуживаю твою довѣренность!» Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. — «Ну, если такъ», промолвилъ онъ наконецъ: — «бери шапку, пойдемъ.» — «Куда?» — «Гавриловъ меня не разспрашивалъ». — Я тотчасъ же замолчалъ.—«Ты умѣешь играть въ карты?» — «Умѣю.»

Мы вышли, взяли извощика къ ....ой заставѣ. У заставы мы слѣзли — Колосовъ пошелъ впередъ, очень-скоро; я за нимъ. Мы шли по большой дорогѣ. Пройдя съ версту, Колосовъ свернулъ въ сторону. Между-тѣмъ настала ночь. Направо — въ туманѣ мелькали огни, высились безчисленныя церкви громаднаго города; на лѣво—подлѣ лѣса, паслись на лугу двѣ бѣлыя лошади; передъ нами тянулись поля, покрытыя сѣроватыми парàми. Я шелъ молча за Колосовымъ. Онъ вдругъ остановился, протянулъ руку впередъ и промолвилъ: «вотъ куда мы идемъ.» Я увидѣлъ темный небольшой домикъ; два окошка слабо свѣтились въ туманѣ. — «Въ этомъ домѣ», продолжалъ Колосовъ:—«живетъ нѣкто Сидоренко, отставной поручикъ—съ своей сестрой, старой дѣвой — и дочерью. Я тебя выдамъ за своего родственника — ты сядешь съ нимъ играть въ карты.» Я молча кивнулъ головой. Я хотѣлъ доказать Колосову, что я умѣлъ молчать не хуже Гаврилова.... Но признаюсь, любопытство сильно меня мучило. Подходя къ крыльцу домика, я увидѣлъ въ освѣщенномъ окнѣ стройный образъ дѣвушки.... Она, казалось, насъ ждала и тотчасъ исчезла. Мы вошли въ темную и тѣсную переднюю. Кривая, горбатая старушка выш-

ла къ намъ навстрѣчу и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня. — «Иванъ Семенычъ дома?» спросилъ Колосовъ. «Дома-съ.»— «Дома!» раздался густой мужской голосъ изъ-за двери. Мы перешли въ залу, если можно назвать залой длинную, довольногрязную комнату; старое небольшое фортепьяно смиренно прижалось къ уголку подлѣ печки; нѣсколько стульевъ торчало вдоль стѣнъ, нѣкогда желтыхъ. Посреди комнаты стоялъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, сутуловатый, въ замасленномъ шлафрокѣ. Я взглянулъ на него попристальнѣе: угрюмое лицо, волосы щетиной, низкій лобъ, сѣрые глаза, огромные усы, толстыя губы.... Хорошъ гусь! подумалъ я. — «Давненько не видали мы васъ, Андрей Николаичъ», промолвилъ онъ, протягивая къ нему свою безобразную красную руку: — «давненько! А гдѣ Севастьянъ Савастьяновичъ?»—«Гавриловъ умеръ», печально проговорилъ Колосовъ.» — «Умеръ» вотъ-те на! А это кто?» — «Мой родственникъ — честь имѣю представить — Николай Алекс....»—«Хорошо, хорошо», перебилъ его Иванъ Семенычъ: — «радъ, очень радъ. А въ карты играетъ?» — «Играетъ, какъ же!» — «Ну, и прекрасно; мы вотъ сейчасъ и засядемъ. Эй! Матрена Семеновна—гдѣ ты? карточный столъ — поскорѣй!... Да чаю!» Съ этими словами, г. Сидоренко пошелъ въ другую комнату. Колосовъ посмотрѣлъ на меня. «Послушай», сказалъ онъ: — «мнѣ Богъ-знаетъ какъ совѣстно!...» Я зажалъ ему ротъ. «Что-жь вы, батюшка, какъ васъ зовутъ — пожалуйте сюда», воскликнулъ Иванъ Семенычъ. Я вошелъ въ гостиную. Гостиная была еще меньше столовой. На стѣнахъ висѣли какіе-то уродливые портреты; передъ диваномъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ высовывалась мочалка, стоялъ зеленый столъ; на диванѣ возсѣдалъ Иванъ Семенычъ и тасовалъ уже карты; подлѣ него, на самомъ кончикѣ креселъ, сидѣла сухощавая женщина въ бѣломъ чепцѣ и черномъ платьѣ, желтая, сморщенная, съ подслѣповатыми глазками и тонкими кошачьими губами. «Вотъ», сказалъ Иванъ Семенычъ: — «рекомендую; прежній-то умеръ; Андрей Николаевичъ привелъ другаго — посмотримъ, какъ онъ играетъ!» Старуха неловко поклонилась и раскашлялась. Я оглянулся, Колосова уже не было въ комнатѣ. «Полно тебѣ кашлять, Матрена Семеновна — овцы кашляютъ», проворчалъ Сидоренко. Я сѣлъ; игра

началась. Г. Сидоренко ужасно горячился и бѣсился при малѣйшей моей ошибкѣ; осыпалъ сестру упреками; но она, по-видимому, успѣла привыкнуть къ любезностямъ своего братца и только помаргивала глазами. Однакожь, когда онъ объявилъ Матренѣ Семеновнѣ, что она «антихристъ», бѣдная старуа вспыхнула. — «Вы, Иванъ Семенычъ», проговорила она съ сердцемъ: — «супругу свою Анфису Карповну уморили; а меня не уморите!» — «Будто?» — «Нѣтъ, не уморите.» — «Будто?» — «Нѣтъ! не уморите!» Такимъ образомъ они довольно-долго перебранивались. Мое положеніе было, какъ изволите видѣть, не только не завидно, но даже просто глупо; я не понималъ, зачѣмъ Колосову вздумалось привести меня..... Я никогда не былъ хорошимъ игрокомъ; но тутъ я самъ чувствовалъ, что играю изъ-рукъ-вонъ плохо. «Нѣтъ!» повторялъ безпрестанно отставной поручикъ: — «далеко вамъ до Севастьяныча! Нѣтъ! Вы разсѣянно играете!» Я, разумѣется, внутренно посылалъ его ко всѣмъ чертямъ. Эта пытка продолжалась часа два; меня обыграли въ пухъ. Передъ концомъ послѣдняго роббера, услышалъ я за своимъ стуломъ легкій шумъ — оглянулся и увидѣлъ Колосова; подлѣ него стояла дѣвушка лѣтъ семнадцати и съ едва замѣтной улыбкой посматривала на меня. «Набейка мнѣ трубку, Варя» проворчалъ Иванъ Семенычъ. Дѣвушка тотчасъ порхнула въ другую комнату. Она была не очень-хороша собой, довольно-блѣдна, довольно худа; но я, и прежде и послѣ, не видывалъ ни такихъ глазъ, ни такихъ волосъ. Мы кое-какъ доиграли робберъ; я расплатился. Сидоренко закурилъ трубку и возопилъ: «Ну, теперь пора ужинать.» Колосовъ представилъ меня Варѣ, т.-е. Варварѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Семеныча. Варя сконфузилась; и я сконфузился. Но Колосовъ, по своему обыкновенію, въ нѣсколько мгновеній привелъ все и всѣхъ въ порядокъ: усадилъ Варю за фортепьяно, попросилъ ее сыграть плясовую, и пустился отхватывать казачка въ запуски съ Иваномъ Семенычемъ. Поручикъ вскрикивалъ, топалъ и выкидывалъ ногами такія непостижимыя штуки, что сама Матрена Семеновна расхохоталась, раскашлялась и ушла къ себѣ на-верхъ. Горбатая старушонка накрыла столъ; мы сѣли ужинать. За ужиномъ, Колосовъ разсказывалъ разные вздоры; поручикъ смѣялся оглу-

шительно; я изъ-подлобья поглядывалъ на Варю. Она глазъ не сводила съ Колосова.... и я по одному выраженію ея лица могъ догадаться, что она и любитъ его — и любима имъ.... Губы ея были слегка раскрыты, голова немножко нагнулась впередъ, по всему лицу играла легкая краска; она изрѣдка глубоко вздыхала, вдругъ опускала глаза, и тихонько смѣялась.... Я радовался за Колосова.... А между-тѣмъ, мнѣ было— чортъ возьми — завидно....

Послѣ ужина, мы съ Колосовымъ тотчасъ взялись за шапки, что́ однакожь, не помѣшало поручику, позѣвывая, сказать намъ: «Вы, господа, засидѣлись; пора вамъ и честь знать.» Варя проводила Колосова до передней. — «Когда же вы прійдете, Андрей Николаевичъ?» шепнула она ему.—«На-дняхъ непремѣнно.» — «Приведите жь и его», прибавила она съ весьма-коварной улыбкой. — «Какъ же, какъ же....» Покорнѣйшій слуга! подумалъ я....

На возвратномъ пути узналъ я слѣдующее. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, Колосовъ довольно-страннымъ образомъ познакомился съ г. Сидоренко. Въ одинъ дождливый вечеръ, Колосовъ возвращался домой съ охоты — и подходилъ уже къ ....ой заставѣ, какъ вдругъ въ недальнемъ разстояніи отъ дороги онъ услышалъ стоны, прерываемые проклятіями. Съ нимъ было ружье; не думая долго, отправился онъ прямо на крикъ и нашелъ на землѣ человѣка съ вывихнутой ногой. Этотъ человѣкъ былъ г. Сидоренко. Съ большимъ трудомъ проводилъ онъ его до дому, поручилъ его попеченіямъ испуганной сестры и дочери, сбѣгалъ за докторомъ.... Между-тѣмъ, настало утро; Колосовъ едва могъ стоять на ногахъ отъ усталости. Съ позволенія Матрены Семеновны, онъ бросился на диванъ въ гостиной и проспалъ часовъ до восьми. Проснувшись онъ тотчасъ хотѣлъ-было уйдти домой; но его удержали и напоили чаемъ. Ночью, ему удалось увидать раза два мелькомъ блѣдное личико Варвары Ивановны; онъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія; но утромъ она ему рѣшительно понравилась. Матрена Семеновна болтливо восхваляла и благодарила Колосова; Варя сидѣла, молча разливая чай, изрѣдка поглядывала на него и съ робкой, стыдливой нѣжностью подавала ему то чашку, то сливки, то сахарницу. Въ это время, поручикъ проснулся, громкимъ

голосомъ потребовалъ трубку и, помолчавъ немного, закричалъ: «сестра! а, сестра!» Матрена Семеновна отправилась къ нему въ спальню. «Что̀, этотъ.... какъ его зовутъ, чортъ знаетъ! ушелъ, что̀ ли?» — «Нѣтъ, я еще здѣсь», отвѣчалъ Колосовъ, подойдя къ дверямъ. — «Вамъ лучше теперь?» — «Лучше», отвѣчалъ поручикъ: — «войдите-ка сюда, батюшка». Колосовъ вошелъ. Сидоренко посмотрѣлъ на него и неохотно проговорилъ: «Ну, спасибо; заходите жь когда-нибудь ко мнѣ—какъ васъ зовутъ, чортъ васъ знаетъ?»—«Колосовъ», возразилъ Андрей. — «Ну, хорошо, хорошо, заходите; а теперь вамъ нечего здѣсь киснуть; чай, васъ дома ждутъ.» Колосовъ вышелъ, простился съ Матреной Семеновной, поклонился Варварѣ Ивановнѣ, и вернулся домой. Съ этого дня онъ началъ ходить къ Ивану Семенычу сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще. Наступило лѣто; онъ возьметъ, бывало, ружье, надѣнетъ ягдташъ и отправится будто на охоту; зайдетъ къ отставному поручику — да и засидится у него до вечера. Отецъ Варвары Ивановны прослужилъ лѣтъ двадцать-пять въ арміи, нажилъ небольшія деньжишки и купилъ себѣ нѣсколько десятинъ земли въ двухъ верстахъ отъ Москвы. Онъ едва умѣлъ читать и писать; но, несмотря на свою наружную неповоротливость и грубость, былъ смышленъ и хитеръ и даже плутоватъ подъ-часъ, какъ многіе малороссы. Онъ былъ эгоистъ страшный, упрямъ, какъ волъ, и вообще весьма-нелюбезенъ, особенно съ незнакомыми; мнѣ даже случалось подмѣчать въ немъ что-то похожее на презрѣніе ко всему роду человѣческому. Онъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, какъ избалованное дитя, никого знать не хотѣлъ и жилъ «въ свое удовольствіе». Мы какъ-то разъ разговорились съ нимъ о сватьбахъ вообще. «Сватьба.... сватьба», проговорилъ онъ.—«Ну, на какой дьяволъ выдамъ я свою дѣвку замужъ? Ну, для чего? Чтобъ ея муженекъ тузилъ ее, какъ я тузилъ свою покойницу? А я-то съ кѣмъ останусь?» Вотъ каковъ былъ отставной поручикъ Иванъ Семенычъ. Колосовъ ходилъ къ нему, — разумѣется, не на его счетъ, а на счетъ его дочки. Въ одинъ прекрасный вечеръ, Андрей сидѣлъ съ ней въ саду и болталъ о чемъ-то. Иванъ Семенычъ подошелъ къ нимъ, угрюмо посмотрѣлъ на Варю и отозвалъ Андрея въ сторону. «Послушай братецъ», сказалъ онъ ему; — «тебѣ, я

вижу, весело болтать съ моей единородной, а мнѣ, старику, скучно; приведи-ка кого-нибудь съ собой, а то мнѣ нé съ кѣмъ въ карты перекинуть; слышишь? Одного тебя я пускать не стану.» На слѣдующій день Колосовъ явился съ Гавриловымъ, и бѣдный Севастьянъ Севастьянычъ въ-теченіи цѣлой осени и зимы игралъ по вечерамъ въ карты съ отставнымъ поручикомъ; этотъ достойный мужъ обходился съ нимъ, какъ говорится, безъ чиновъ, то-есть, ужасно грубо. Теперь вы, господа, вѣроятно, поняли, зачѣмъ Колосовъ, послѣ смерти Гаврилова, привелъ меня съ собой къ Ивану Семенычу. Сообщивъ мнѣ всѣ эти подробности, Колосовъ прибавилъ: «я люблю Варю, она премилая дѣвушка; ты ей понравился.»

Я, кажется, забылъ довести до свѣдѣнія вашего, милостивые государи мои, что до того времени я боялся женщинъ и избѣгалъ ихъ, хотя, бывало наединѣ, по цѣлымъ часамъ мечталъ о свиданьяхъ, о любви, о взаимной любви, и т. д. Варвара Ивановна была первая дѣвушка, съ которой необходимость заставила меня поговорить, — именно необходимость. Варя была дѣвушка очень обыкновенная, — а между-тѣмъ такихъ дѣвушекъ весьма-немного на святой Руси. Вы меня спрóсите: отъ чего? Отъ-того, что я никогда не замѣчалъ въ ней ничего натянутаго, неестественнаго, жеманнаго; отъ-того, что она была простое, откровенное, нѣсколько грустное созданіе; отъ-того, что ее нельзя было назвать «барышней». Мнѣ нравилась ея тихая улыбка; я любилъ ея простодушно-звонкой голосокъ, ея легкій и веселый смѣхъ, ея внимательные, хотя совсѣмъ не «глубокіе» взоры. Этотъ ребенокъ не обѣщалъ ничего; но вы невольно любовались имъ, какъ любуетесь внезапнымъ мягкимъ крикомъ иволги вечеромъ, въ высокой и темной березовой рощѣ. Я долженъ сознаться, что въ иное время я довольно-равнодушно прошелъ бы мимо такого созданья: мнѣ теперь не до вечернихъ одинокихъ прогулокъ, не до иволгъ; но тогда....

Господа, я думаю, вы, какъ всѣ порядочные люди, были влюблены хоть разъ въ-теченіи своей жизни и на собственномъ опытѣ узнали, какимъ образомъ зараждается и развивается любовь въ человѣческомъ сердцѣ; а потому я не стану слишкомъ распространяться о томъ, что происходило во мнѣ тогда.

Мы съ Колосовымъ довольно-часто ходиликъ Ивану Семенычу; и хотя проклятыя карты меня не разъ приводили въ совершенное отчаянье, но въ одной близости любимой женщины (я полюбилъ Варю) есть какая-то странная, сладкая, мучительная отрада. Я не старался подавлять это возникающее чувство; притомъ, когда я наконецъ рѣшился назвать это чувство по имени, оно уже было слишкомъ-сильно.... Я молча лелѣялъ и ревниво и робко таилъ свою любовь. Мнѣ-самому нравилось это томительное броженіе молчаливой страсти. Страданія мои не лишали меня ни сна, ни пищи.... но я по цѣлымъ днямъ ощущалъ въ груди то особенное физическое чувство, которое служитъ признакомъ присуттвія любви. Я не въ состояніи изобразить вамъ ту борьбу разнороднѣйшихъ ощущеній, которая происходила во мнѣ, когда, напримѣръ, Колосовъ оязвращался съ Варей изъ саду и все лицо ея дышало восторженной преданностью, усталостью отъ избытка блаженства.... Она до того жила его жизнью, до того была проникнута имъ, что незамѣтно перенимала его привычки, такъ же взглядывала, такъ же смѣялась, какъ онъ.... Я воображаю, какія мгновенья провела она съ Андреемъ, какимъ блаженствомъ обязана ему....А онъ.... Колосовъ не утратилъ своей свободы; въ ея отсутствіи, онъ, я думаю, и не вспоминалъ о ней; онъ былъ все тѣмъ же безпечнымъ, веселымъ и счастливымъ человѣкомъ, какимъ мы его всегда знавали.

Итакъ, мы, какъ я вамъ уже сказалъ, ходили съ Колосовымъ къ Ивану Семенычу довольно-часто. Иногда (когда онъ не былъ въ духѣ) отставной поручикъ не засаживалъ меня за карты; въ такомъ случаѣ, онъ молча забивался въ уголъ, хмурилъ брови и поглядывалъ на всѣхъ волкомъ. Въ первый разъ я обрадовался его снисхожденью; но потомъ, бывало, самъ начну упрашивать его сѣсть за «вистикъ»: роль третьяго лица такъ невыносима! я такъ непріятно стѣснялъ и Колосова и Варю, хотя они сами увѣряли другъ друга, что при мнѣ нѣчего церемониться!...

Между-тѣмъ время шло да шло.... Они были счастливы..... Я не люблю описывать счастье другихъ. Но вотъ, я сталъ замѣчать, что дѣтская восторженность Вари постепенно замѣнялась болѣе женскимъ, болѣе-тревожнымъ чувствомъ. Я началъ дога-

дываться, что новая погудка загудѣла на старый ладъ, т. е. что Колосовъ.... понемногу.... холодѣетъ. Это открытіе меня, признаюсь, обрадовало; признаюсь, я не почувствовалъ ни малѣйшаго негодованья противъ Андрея.

Промежутки между нашими посѣщеніями становились все больше и больше..... Варя начинала встрѣчать насъ съ заплаканными глазками. Послышались упреки.... Бывало, я спрошу Колосова съ притворнымъ равнодушіемъ: «Что жь? Пойдемъ мы сегодня къ Ивану Семенычу?... Онъ холодно посмотритъ на меня и спокойно проговоритъ: «нѣтъ, не пойдемъ». Мнѣ иногда казалось, что онъ лукаво улыбается, говоря со мной о Варѣ.... Вообще, я не замѣнилъ ему Гаврилова..... Гавриловъ былъ въ тысячу разъ добрѣй и глупѣй меня.

Теперь позвольте мнѣ небольшое отступленіе. Говоря вамъ о своихъ университетскихъ товарищахъ, я не упомянулъ о нѣкоемъ господинѣ Щитовѣ. Этому Щитову минулъ тридцать-пятый годъ; онъ уже лѣтъ десять числился въ студентахъ. Я и теперь живо вижу передъ собой его довольно-длинное, блѣдное лицо, маленькіе, каріе глазки, длинный, орлиный, къ концу скривленный носъ, тонкія, насмѣшливыя губы, торжественный хохолъ, подбородокъ, самодовольно утопавшій въ широкомъ полиняломъ галстухѣ цвѣта воронова крыла, манишку съ бронзовыми пуговицами, синій фракъ на-распашку, пестрый жилетъ; мнѣ слышится его непріятно-дребезжащій смѣхъ.... Онъ таскался всюду, отличался на всѣхъ возможныхъ «танцклассахъ».... Помнится, я не могъ безъ особеннаго содроганья слушать его циническіе разсказы..... Колосовъ его какъ-то сравнилъ однажды съ неподметённой комнатой русскаго трактира..... страшное сравненье! И между-тѣмъ, въ этомъ человѣкѣ было пропасть ума, здраваго смысла, наблюдательности, остроты.... Онъ иногда поражалъ насъ какимъ-нибудь до того дѣльнымъ, до того вѣрнымъ и рѣзкимъ словомъ, что мы всѣ невольно притихали — и съ изумленьемъ глядѣли на него. Да вѣдь русскому человѣку въ сущности все равно: глупость ли онъ сказалъ, или умную вещь. Въ особенности боялись Щитова тѣ самолюбивые мечтательные и бездарные мальчики, которые по цѣлымъ днямъ мучительно высиживаютъ дюжину поскуднѣйшихъ стишковъ, на-распѣвъ читаютъ ихъ сво-

имъ «друзьямъ» и пренебрегаютъ всякимъ положительнымъ знаньемъ. Одного изъ нихъ онъ просто выжилъ изъ Москвы, безпрестанно повторяя ему его же два стишка:

Человѣкъ —
Сей неободранный скелетъ.

«Скелетъ» рифмовалъ съ «человѣкомъ», Между-тѣмъ самъ Щитовъ тоже вѣдь ничего не дѣлалъ и ничему не учился.... Но это все въ порядкѣ вещей. Вотъ этотъ-то Щитовъ, Богъ вѣсть съ чего, началъ трунить надъ моей романтической привязанностью къ Колосову. Въ первый разъ, я съ благороднымъ негодованіемъ прогналъ его къ чорту; во вторый разъ, я съ холоднымъ презрѣньемъ объявилъ ему, что онъ не въ состояніи судить о нашей дружбѣ — однакожь я его не прогналъ; и когда онъ, прощаясь со мной, замѣтилъ, что я безъ позволенія Колосова не смѣю даже хвалить его, мнѣ стало досадно; послѣднія слова Щитова запали мнѣ въ душу. — Болѣе двухъ недѣль я не видалъ Вари.... Гордость, любовь, смутное ожиданье, множество разныхъ чувствъ расшевелилось во мнѣ—я махнулъ рукой и съ страшнымъ замираніемъ сердца отправился одинъ къ Ивану Семенычу.

Не знаю, какъ я добрался до знакомаго домика; помню, что нѣсколько разъ садился отдыхать на дорогѣ—не отъ усталости, отъ волненія. Я вошелъ въ переднюю и не успѣлъ еще произнести одно слово, какъ дверь изъ залы разтворилась, и Варя выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. — «Наконецъ», сказала она трепещущимъ голосомъ: — «гдѣ жь Андрей Николаевичъ?» — «Колосовъ не пришелъ....» пробормоталъ я съ усиліемъ. — «Не пришелъ?» повторила она. — «Да.... онъ велѣлъ вамъ сказать, что.... его задержали....» Я рѣшительно не зналъ самъ, что говорилъ и не смѣлъ поднять глаза. Варя неподвижно и безмолвно стояла передо мною. Я взглянулъ на нее: она повернула голову въ сторону; двѣ крупныя слезы медленно прокатились по ея щекамъ. Въ выраженіи ея лица было столько внезапной, горькой скорби; борьба стыдливости, горя, довѣренности ко мнѣ такъ добродушно, такъ трогательно высказалась въ невольномъ движеніи ея бѣдной головки, что сердце во мнѣ перевернулось. Я подался немного-впередъ..-- она быстро вздрогнула и убѣжала. Въ залѣ меня встрѣтилъ Иванъ

Семенычъ.—«Что это, батюшка, вы одни-съ?» спросилъ онъ меня, странно прищуривъ лѣвый глазъ. — «Одинъ-съ», отвѣчалъ я съ замѣшательствомъ. Сидоренко вдругъ расхохотался и ушелъ въ другую комнату. Я никогда еще не находился въ такомъ глупѣйшемъ положеніи,—чортъ знаетъ, что́ за гадость! Но дѣлать было нѣчего. Я сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ.—«Чему, думалъ я, засмѣялся этотъ толстый кабанъ?» Матрена Семеновна съ чулкомъ въ рукахъ вышла въ залу и усѣлась у окошка. Я началъ съ ней разговаривать. — Между-тѣмъ, подали чай. Варя сошла съ верху, блѣдная и печальная. Отставной поручикъ острилъ на-счетъ Колосова. — «Я», говорилъ онъ: — «знаю,что́ онъ за гусь; теперь, я думаю, чай, его сюда калачомъ не заманишь!» Варя поспѣшно встала и ушла. Иванъ Семенычъ посмотрѣлъ ей въ-слѣдъ и плутовски присвиснулъ. Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.—«Неужели жь, думалъ я, онъ все знаетъ?» И поручикъ, какъ-будто угадывая мои мысли, утвердительно покачалъ головой. Тотчасъ послѣ чая, я всталъ и раскланялся. — «Васъ-то, батюшка, мы еще увидимъ», замѣтилъ мнѣ поручикъ. Я ни слова не отвѣчалъ.... я просто начиналъ бояться этого человѣка. На крыльцѣ чья-то холодная, дрожащая рука схватила мою руку; я оглянулся: Варя.—«Мнѣ нужно говорить съ вами», шепнула она.—«Приходите завтра пораньше, прямо въ садъ. Послѣ обѣда папаша спитъ; намъ никто не помѣшаетъ.» Я молча пожалъ ей руку — и мы разстались.

На другой день, въ три часа пополудни я уже былъ въ саду Ивана Семеныча. Утромъ я не видалъ Колосова, хоть онъ и заходилъ ко мнѣ. День былъ осенній, сѣрый, но тихій и теплый. Желтыя, тонкія былинки грустно качались надъ поблѣднѣвшей травой; по темно-бурымъ, обнаженнымъ сучьямъ орѣшника попрыгивали проворныя синицы; запоздалые жаворонки торопливо бѣгали по дорожкамъ; кой-гдѣ по зеленямъ осторожно пробирался заяцъ; стада лѣниво бродили по жнивью. Я нашелъ Варю въ саду, подъ яблоней, на скамейкѣ; на ней было темное, немного-измятое платье; въ ея усталомъ взглядѣ, къ небрежной прическѣ волосъ высказывалась неподдѣльная горесть.

Я сѣлъ подлѣ нея. Мы оба молчали. Она долго вертѣла въ рукахъ какую-то вѣтку, наклонила голову, проговорила:

«Андрей Николаевичъ....» Я тотчасъ замѣтилъ по движеніямъ ея губъ, что она собиралась заплакать; я началъ утѣшать ее, съ жаромъ увѣрять ее въ привязанности Андрея.... Она слушала меня, печально покачивала головой, произносила невнятныя слова и тотчасъ же умолкала, но не плакала. Первыя мгновенья, которыхъ я болѣе всего боялся, прошли довольноблагополучно. Она понемногу разговорилась объ Андреѣ. — «Я знаю, что онъ меня теперь ужь не любитъ», повторяла она: — «Богъ съ нимъ!... Я не могу придумать, какъ мнѣ жить безъ него.... Я по ночамъ не сплю, все плачу.... Что́ жь мнѣ дѣлать!...Что́ жь мнѣ дѣлать?...» Глаза ея наполнились слезами. «Онъ мнѣ казался такимъ добрымъ... и вотъ...» Варя утерла слезы, кашлянула и выпрямилась. «Давно ли кажется», продолжала она: — «онъ мнѣ читалъ *изъ* Пушкина, сидѣлъ со мной на этой скамьѣ....» Наивная болтливость Вари меня трогала: я молча слушалъ ея признанья: душа моя медлительно проникалась горькимъ, мучительнымъ блаженствомъ; я не отводилъ глазъ отъ этого блѣднаго лица, отъ этихъ длинныхъ, мокрыхъ рѣсницъ, отъ полураскрытыхъ, слегка-засохшихъ губъ.... И между-тѣмъ, я чувствовалъ.... Угодно вамъ выслушать небольшой психологическій разборъ моихъ тогдашнихъ чувствъ? Во-первыхъ, меня мучила мысль, что не я любимъ, не я заставляю страдать Варю; во-вторыхъ, меня радовала ея довѣренность; я зналъ: она будетъ благодарна за то, что я доставилъ ей возможность высказать свое горе; въ-третьихъ, я внутренно давалъ себѣ слово сблизить опять Колосова съ Варей, и меня утѣшало сознанье моего великодушія.... въ четвертыхъ, я надѣялся своимъ самоотверженіемъ тронуть сердце Вари — а тамъ.... Вы видите, я не щажу себя; слава Богу, пора! Но вотъ, на колокольнѣ.... го монастыря пробило пять часовъ; вечеръ быстро приближался. Варя торопливо встала, всунула мнѣ въ руку записочку, и пошла домой. Я догналъ ее, обѣщалъ ей привести Андрея, и тихонько, будто счастливый любовникъ, выскочилъ изъ калитки въ поле. На запискѣ неровнымъ почеркомъ были написаны слова: «мил стивому государю, Андрею Николаевичу.»

На другой же день, рано по утру, я отправился къ Колосову. Признаюсь, хоть я и увѣрялъ себя, что мои намѣренія не только благородны, но даже вообще исполнены великодушнаго

самоотверженія, я все-таки чувствовалъ какую-то неловкость, даже робость. Пришелъ я къ Колосову. У него сидѣлъ нѣкто Пузырицынъ, недоучившійся студентъ, одинъ изъ сочинителей романовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «московскихъ» или «сѣрыхъ». Пузырицынъ былъ весьма добрый и робкій человѣкъ и все собирался поступить въ гусары, несмотря на свои тридцать-три года. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ непремѣнно надобно разъ въ сутки сказать фразу въ родѣ: «прекрасное все гибнетъ въ пышномъ цвѣтѣ, таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ», для того, чтобъ все остальное время дня съ удвоенной пріятносію покуривать трубочку въ кружку «добрыхъ товарищей». За то его и прозвали идеалистомъ. Итакъ этотъ Пузырицынъ сидѣлъ у Колосова и читалъ ему какой-то «отрывокъ». Я сталъ слушать; дѣло шло объ юношѣ, который любилъ дѣву, убиваетъ ее и т. д. Наконецъ Пузырицынъ кончилъ и удалился. Его нелѣпое сочиненіе, восторженно-крикливыйголосъ, вообще его присутствіе возбудило въ Колосовѣ насмѣшливую раздражительность. Я чувствовалъ, что пришелъ не въ пору, но дѣлать было нѣчего; безъ всякихъ предисловій вручилъ я Андрею записку Вари.

Колосовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня, распечаталъ записку, пробѣжалъ ее глазами, помолчалъ и спокойно улыбнулся. — «Вотъ какъ!» проговорилъ онъ наконецъ.—«Такъ ты былъ у Ивана Семеныча?»—«Былъ, вчера, одинъ», отвѣчалъ я отрывисто и рѣшительно.—«А!...» насмѣшливо замѣтилъ Колосовъ и закурилъ трубку. — «Андрей», сказалъ я ему: — «тебѣ не жаль ея?... Еслибъ ты видѣлъ ея слезы....» И я пустился краснорѣчиво описывать свое вчерашнее посѣщеніе. Я дѣйствительно былъ тронутъ. Колосовъ молчалъ и курилъ трубку.— «Ты сидѣлъ съ ней подъ яблоней въ саду?» проговорилъ онъ наконецъ.—«Помнится, въ маѣ мѣсяцѣ и я сидѣлъ съ ней на этой скамейкѣ.... Яблонь была въ цвѣту, изрѣдка падали на насъ свѣжіе бѣлые цвѣточки, я держалъ обѣ руки Вари... мы были счастливы тогда.... Теперь яблонь отцвѣла, да и яблоки на ней кислыя.» Я запылалъ благороднымъ негодованьемъ, началъ упрекать Андрея въ холодности, въ жестокости, толковалъ ему, что онъ не имѣетъ права такъ внезапно покинуть дѣвушку, въ которой онъ возбудилъ множество новыхъ впе-

чатлѣній; просилъ его по крайней мѣрѣ пойдти проститься съ Варей. Колосовъ выслушалъ меня до конца. — «Положимъ», сказалъ онъ мнѣ, когда взволнованный и усталый, я бросился въ кресла: — «положимъ, что тебѣ, какъ другу моему, позволено осуждать меня.... Но выслушай же мое оправданіе, хотя....» Тутъ онъ помолчалъ немного и странно улыбнулся. «Варя прекрасная дѣвушка», продолжалъ онъ: — «и ни въ чемъ передо мной невиновата.... Напротивъ, я ей многимъ обязанъ, очень-многимъ. Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ — я разлюбилъ ее....» — «Да отчего же? отчего же?» перебилъ я его. — «А Богъ-знаетъ отчего. Пока я любилъ ее, я весь принадлежалъ ей; я не думалъ о будущемъ, и всѣмъ, всей жизнью своей дѣлился съ нею.... теперь эта страсть во мнѣ погасла.... Что жь? Ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ, что ли? Да изъ чего? изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни; а если она рада тѣшиться моимъ.... участьемъ, такъ чортъ ли въ ней?...» Безпечно-рѣзкія выраженія Колосова меня оскорбляли, можетъ-быть, болѣе потому, что дѣло шло о женщинѣ, которую я втайнѣ любилъ.... Я вспыхнулъ. — «Полно!» сказалъ я ему: — «полно! Я знаю, почему ты пересталъ ходить къ Варѣ.» — «Почему?» — «Танюша тебѣ запретила.» Сказавъ эти слова, я вообразилъ, что сильно уязвилъ Андрея. Эта Танюша была весьма «легкая» барышня, черноволосая, блѣдная, лѣтъ двадцати-пяти, развязная и умная, какъ бѣсъ, Щитовъ въ женскомъ платьѣ. Колосовъ ссорился и мирился съ ней разъ пять въ мѣсяцъ. Она страстно его любила, хотя иногда, во время размолвки, божилась и клялась, что жаждетъ его крови.... да и Андрей не могъ бы обойдтись безъ нея. Колосовъ посмотрѣлъ на меня и спокойно проговорилъ: «Можетъ-быть.» — «Не можетъ-быть», закричалъ я: — «а навѣрное.» Упреки мои наконецъ надоѣли Колосову.... Онъ всталъ и надѣлъ фуражку. — «Куда?» — «Гулять. У меня отъ васъ съ Пузырицынымъ голова разболѣлась.» — «Ты на меня сердишься?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, улыбнувшись своей милой улыбкой и протянулъ мнѣ руку. — «По крайней мѣрѣ, что ты велишь сказать Варѣ?» — «Что?...» Онъ немного призадумался. «Она тебѣ сказывала», промолвилъ

онъ: — «что мы вмѣстѣ съ ней читали Пушкина.... Напомни ей одинъ пушкинскій стихъ.» — «Какой, какой?» спросилъ я съ нетерпѣньемъ. — «А вотъ какой:

Что было, то не будетъ вновь.»

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Я пошелъ въ слѣдъ за нимъ; на лѣстницѣ онъ остановился. — «И очень она огорчена?» спросилъ онъ меня, надвинувъ шапку на глаза. — «Очень, очень....» — «Бѣдная! Утѣшь ее, Николай; вѣдь ты ее любишь.» — «Да, я привязался къ ней, разумѣется....» — «Ты ее любишь», повторилъ Колосовъ и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Я молча отвернулся: мы разошлись.

Прійдя домой я былъ какъ въ лихорадкѣ.

«Я исполнилъ свой долгъ — думалъ я — побѣдилъ собственное самолюбіе; я совѣтовалъ Андрею сойдтись вновь съ Варей!!.. Теперь я правъ: честь предложена, отъ убытковъ Богъ избавилъ.» Между тѣмъ, равнодушіе Андрея оскорбляло меня. Онъ не ревновалъ ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ *утѣшать* ее.... Да развѣ Варя ужь такая обыкновенная дѣвушка?... развѣ она не стóитъ даже сожалѣнья?..» Найдутся люди, которые съумѣютъ оцѣнить то, чѣмъ вы пренебрегаете, Андрей Николаичъ?... Но что̀ пользы?... Вѣдь она меня не любитъ.... Да́, она меня не любитъ теперь, пока она еще не совсѣмъ потеряла надежду на возвращеніе Колосова.... Но потомъ.... кто знаетъ? моя преданность ее тронетъ, я откажусь отъ всякихъ притязаній.... я отдамъ ей всего всего себя, безвозвратно... Варя! неужели жь ты меня не полюбишь... никогда?... никогда?...

Вотъ какія рѣчи произносилъ вашъ покорнѣйшій слуга въ столичномъ градѣ Москвѣ, лѣта тысяща восемьсотъ тридцать-третьяго года, въ домѣ своего почтеннаго наставника. Я плакалъ.... я замиралъ.... Погода была скверная.... мелкій дождь съ упорнымъ, тонкимъ скрипомъ струился по стекламъ; влажныя, темно-сѣрыя тучи недвижно висѣли надъ городомъ. Я на̀скоро пообѣдалъ, не отвѣчалъ на заботливые распросы доброй нѣмки, которая сама расхныкалась при видѣ моихъ красныхъ, опухшихъ глазъ (нѣмки — извѣстное дѣло — всегда рады поплакать); обошелся весьма-немилостиво съ наставникомъ... и тотчасъ послѣ обѣда отправился къ Ивану Семенычу.... Согнувшись въ три погибели, на тряскихъ «калиберныхъ» дрож-

кахъ, я самъ себя спрашивалъ: что? разсказать ли Варѣ все какъ есть, или продолжать лукавить и понемногу отучать ее отъ Андрея?... Я доѣхалъ до Ивана Семеныча и не зналъ, на что рѣшиться.... Я засталъ все семейство въ залѣ. Увидѣвъ меня, Варя страшно поблѣднѣла, но не тронулась съ мѣста; Сидоренко заговорилъ со мной какъ-то особенно-насмѣшливо.... Я отвѣчалъ ему какъ могъ, изрѣдка поглядывая на Варю... и почти безсознательно придалъ своему лицу уныло-задумчивое выраженіе. Поручикъ опять составилъ «вистикъ». Варя сѣла подлѣ окошка и не шевелилась. — «Чай, тебѣ теперь скучно?» разъ двадцать спросилъ ее Иванъ Семенычъ. Наконецъ, мнѣ удалось улучшить удобное мгновенье.—«Вы опять одни», шепнула мнѣ Варя. — «Одинъ», отвѣчалъ я мрачно: — «и, вѣроятно, надолго.» Она быстро потупила голову. — «Отдали вы ему мое письмо?» проговорила она едва-слышнымъ голосомъ. — «Отдалъ.» — «Ну?...» Она задыхалась. Я взглянулъ на нее.... Злая радость внезапно вспыхнула во мнѣ. — «Онъ велѣлъ вамъ сказать», произнесъ я съ разстановкою: — «что было, то не будетъ вновь....» Варя схватилась лѣвой рукой за сердце, протянула правую впередъ, покачнулась вся и проворно вышла изъ комнаты. Я хотѣлъ догнать ее... Иванъ Семенычъ остановилъ меня. Я остался еще часа два у него, но Варя не появлялась. На возвратномъ пути мнѣ стало совѣстно.... совѣстно передъ Варей, передъ Андреемъ, передъ самимъ-собою; хотя, говорятъ, лучше разомъ отсѣчь страдающій членъ, чѣмъ долго томить больнаго, но кто жь мнѣ далъ право такъ безжалостно поразить сердце бѣдной дѣвушки?.... Я долго не могъ заснуть.... но заснулъ же наконецъ. Вообще, я долженъ повторить, что «любовь» ни разу не лишала меня сна.

Я началъ ѣздить къ Ивану Семенычу довольно-часто; мы видѣлись по-прежнему съ Колосовымъ, но ни я, ни онъ, не упоминали о Варѣ. Мои отношенія къ ней были довольно страннаго рода. Она привязалась ко мнѣ тою привязанностью, которая исключаетъ всякую возможность любви; она не могла не замѣтить моего горячаго участія, и охотно со мной говорила.... о чемъ бы вы думали? — о Колосовѣ, объ одномъ Колосовѣ. Этотъ человѣкъ до того завладѣлъ ею, что она какъ-будто не принадлежала самой себѣ; я тщетно старался возбудить ея

гордость.... Она или молчала, или говорила, и какъ! болтала о Колосовѣ. Я тогда и не подозрѣвалъ, что горе такого рода, болтливое горе, въ сущности гораздо-истиннѣе всѣхъ молчаливыхъ страданій. Признаюсь, я пережилъ много горькихъ мгновеній въ то время. Я чувствовалъ, что не въ-состояніи замѣнить Колосова; я чувствовалъ, что прошедшее Вари такъ полно, такъ прекрасно.... а настоящее такъ бѣдно... Я дошелъ до того, что невольно вздрагивалъ при словахъ: «помните ли?...» которыми почти каждая рѣчь ея начиналась. Она немного похудѣла въ первые дни нашего знакомства.... но потомъ опять поправилась и даже повеселѣла; ее тогда можно было сравнить съ раненой, не совсѣмъ еще выздоровѣвшей, птичкой. Между-тѣмъ, мое положеніе становилось невыносимымъ; самыя низкія страсти по-немногу завладѣвали душой моей; мнѣ случалось клеветать на Колосова въ присутствіи Вари. Я рѣшился прекратить такія неестественныя отношенія. Но какъ? Разстаться съ Варей — я не могъ.... Объявить ей свою любовь.... я не смѣлъ; я чувствовалъ, что не могу, пока, надѣяться на взаимность. Жениться на ней.... Эта мысль меня испугала; мнѣ было всего восьмнадцать лѣтъ; мнѣ стало страшно такъ рано «закабалить» всю свою будущность; я вспомнилъ отца, мнѣ послышались насмѣшки товарищей, Колосова.... Но, говорятъ, всякая мысль подобна тѣсту: стоитъ помять ее хорошенько — все изъ нея сдѣлаешь. Я началъ по цѣлымъ днямъ думать о женитьбѣ.... Я воображалъ себѣ, какой благодарностью преисполнится сердце Вари, когда я, товарищъ и повѣренный Колосова, предложу ей свою руку, зная, что она безнадежно любитъ другаго; люди опытные, помнится, говаривали мнѣ, что бракъ по любви — совершенная нелѣпость; я началъ фантазировать: воображалъ себѣ наше тихое житьё вдвоёмъ, гдѣ-нибудь въ тепломъ уголкѣ Южной Россіи; мысленно слѣдилъ за постепеннымъ переходомъ сердца Вари отъ благодарности къ дружбѣ, отъ дружбы къ любви.... Я давалъ себѣ слово тотчасъ же оставить Москву, университетъ, забыть все и всѣхъ. Я началъ избѣгать свиданій съ Колосовымъ. Наконецъ, въ одно зимнее, ясное утро (накапунѣ Варя какъ-то особенно меня очаровала), я одѣлся получше, медленно и торжественно вышелъ изъ комнаты, нанялъ отличнаго извощика

и поѣхалъ къ Ивану Семенычу. Варя сидѣла въ залѣ одна и читала Карамзина. Увидѣвъ меня, она тихонько положила книгу на колѣни и съ тревожнымъ любопытствомъ посмотрѣла мнѣ въ лицо: я никогда къ нимъ по утрамъ не ѣздилъ.... Я подсѣлъ къ ней; мучительно билось мое сердце — «Что́ вы это читаете?» спросилъ я наконецъ. — «Карамзина.» — Что́ жь? Васъ занимаетъ русская....» Она вдругъ перебила меня, — «Послушайте, вы не отъ Андрея ли?» Это имя, этотъ трепетный, вопрошающій голосъ, полу-радостное, полу-робкое выраженіе ея лица, всѣ эти несомнѣнные признаки живучей любви — стрѣлами впились въ мою душу. Я рѣшился или разстаться съ Варей, или получить отъ нея же самой право навсегда согнать съ ея губъ ненавистное имя Андрея. Я не помню, что я сказалъ ей тогда; сперва я, должно быть, выражался довольно-неясно, потому-что она долго меня не понимала; наконецъ, я не вытерпѣлъ и почти закричалъ: «я васъ люблю, я хочу на васъ жениться.» — «Вы меня любите?» съ изумленіемъ проговорила Варя. Мнѣ показалось, что она хочетъ встать, уйдти, отказать мнѣ. — «Ради Бога», прошепталъ я, задыхаясь: — «не отвѣчайте мнѣ, не говорите мнѣ ни да, ни нѣтъ: подумайте; завтра я вернусь за рѣшительнымъ отвѣтомъ.... Я давно васъ люблю. Я не требую отъ васъ любви, я хочу быть вашимъ защитникомъ, вашимъ другомъ, не отвѣчайте мнѣ теперь, не отвѣчайте.... До завтра.» Съ этими словами я бросился вонъ изъ комнаты. Въ передней встрѣтилъ меня Иванъ Семенычъ, и не только не удивлялся моему посѣщенію, но даже съ пріятной улыбкой предложилъ мнѣ яблоко. Такая неожиданная любезность до того поразила меня, что я просто остолбенѣлъ, — «Возьмите жь яблочко, хорошее яблочко, право!» твердилъ Иванъ Семенычъ. Я машинально взялъ наконецъ яблоко и доѣхалъ съ нимъ до дома.

Вы легко себѣ можете представить, какъ я провелъ весь этотъ день и слѣдующее утро. Эту ночь я спалъ довольно-плохо. «Боже мой! Боже мой!» думалъ я: «если она мнѣ откажетъ!... Я погибну.... Я погибну!....» повторялъ я уныло. «Да, она непремѣнно мнѣ откажетъ..... И къ-чему я такъ торопился!!..» Желая чѣмъ-нибудь развлечь себя, я началъ писать письмо къ отцу — отчаянное, рѣшительное. Говоря о себѣ,

я употреблялъ слова «вашъ сынъ». Бобовъ ко мнѣ зашелъ. Я сталъ плакать на его груди, чему бѣдный Бобовъ, вѣроятно, удивился не мало.... Я потомъ узналъ, что онъ приходилъ ко мнѣ занять денегъ (хозяинъ грозился выгнать его изъ дому), онъ принужденъ былъ — говоря студентскимъ языкомъ — удалиться вспять обратно.... Наконецъ, насталъ великій мигъ. Выходя изъ комнаты, я остановился въ дверяхъ. «Съ какими чувствами», подумалъ я: «перешагну я сегодня этотъ порогъ!...» Волненье мое, при видѣ домика Ивана Семеныча, было до того сильно, что я слѣзъ, досталъ пригоршню снѣга и жадно приникъ къ нему лицомъ. «О, Господи!» думалъ я: «если я застану Варю одну, — я пропалъ!» Ноги мои подкосились; я едва взобрался на крыльцо. Желанья мои сбылись. Я нашелъ Варю въ гостиной съ Матреной Семеновной. Я неловко раскланялся и присѣлъ къ старухѣ. Лицо Вари было нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.... Мнѣ показалось, что она старалась избѣгать моихъ взоровъ.... Но что сталось со мной, когда Матрена Семеновна вдругъ поднялась и пошла въ другую комнату!... Я началъ глядѣть въ окно — я весь внутренно трепеталъ, какъ осиновый листъ. Варя молчала... Наконецъ, я преодолѣлъ свою робость, подошелъ къ ней, пагнулъ голову.... «Что жь вы мнѣ скажете?» произнесъ я замирающимъ голосомъ. Варя отвернулась — слезы сверкнули у ней на рѣсницахъ. — «Я вижу», продолжалъ я: — «мнѣ нѣчего надѣяться....» Варя стыдливо взглянула кругомъ и молча подала мнѣ руку. — «Варя!» невольно проговорилъ я... и остановился, какъ-будто испугавшись собственныхъ надеждъ. «Поговорите съ папенькой», промолвила она наконецъ. — «Вы мнѣ позволяете поговорить съ Иваномъ Семенычемъ?...» — «Да-съ.» Я осыпалъ ея руку поцалуями. — «Полноте-съ, полноте-съ», шептала Варя — и вдругъ залилась слезами. Я подсѣлъ къ ней, уговаривалъ ее, утиралъ ея слезы.... Къ счастью, Ивана Семеныча не было дома, а Матрена Семеновна ушла въ свою свѣтёлку. Я клялся Варѣ въ любви, въ вѣрности.... «Да», сказала она, удерживая послѣднія рыданія и безпрестанно утирая слезы: — я знаю, вы хорошій человѣкъ; вы честный человѣкъ; вы не то, что Колосовъ....» — «Опять это имя!..» подумалъ-я. Но съ какимъ наслажденьемъ цаловалъ я эти теплыя, сырыя ручки! съ какою тихой радостью гля-

дѣлъ я въ это милое лицо.... Я говорилъ ей о будущемъ, ходилъ по комнатѣ, садился передъ ней на полу, закрывалъ глаза рукой и вздрагивалъ.... Тяжелая походка Ивана Семеныча прервала нашъ разговоръ. Она торопливо встала и ушла къ себѣ — не пожавъ, однакожь, мнѣ руки, не взглянувъ на меня. Г. Сидоренко былъ еще любезнѣе вчерашняго: смѣялся, потиралъ себѣ животъ, острился на-счетъ Матрены Семеновны, и т. д. Я было хотѣлъ тотчасъ попросить его «благословенія», но подумалъ и отложилъ до завтра. Его тяжелыя шутки мнѣ надоѣли; притомъ я чувствовалъ усталость.... Я простился съ нимъ и уѣхалъ.

Я принадлежу къ числу людей, которые любятъ размышлять о собственныхъ ощущеніяхъ, хотя самъ терпѣть не могу такихъ людей. И потому, послѣ перваго взрыва сердечной радости, я тотчасъ началъ предаваться различнымъ соображеніямъ. Отъѣхавъ съ полверсты отъ дома отставнаго поручика, я въ избыткѣ восторга кинулъ шляпу на воздухъ и закричалъ: «ура!» Но пока я тащился по длиннымъ и кривымъ улицамъ Москвы, мысли мои по-немногу приняли другой оборотъ. Разныя, довольно-грязныя сомнѣнія завозились въ моей душѣ. Я вспомнилъ свой разговоръ съ Иваномъ Семенычемъ о свадьбахъ вообще.... и невольно проговорилъ въ-полголоса: «вишь, какъ прикидывался старый плутъ!...» Правда, я безпрестанно твердилъ: «но за то Варя моя! моя!...» Но, вопервыхъ, это «но....», охъ, это *но*!.... а вовторыхъ, слова: «Варя моя!» возбуждали во мнѣ не глубокую, сокрушающую радость, а какой-то дюжинный, самолюбивый восторгъ.... Если-бъ Варя отказала мнѣ на-отрѣзъ, я бы запылалъ неистовою страстью; но, получивъ ея согласіе, я походилъ на человѣка, который сказалъ гостю: «будьте, какъ дома» — и гость, дѣйствительно начинаетъ распоряжаться въ его комнатѣ, какъ у себя. «Если она любила Колосова», думалъ я: «какъ же это она такъ скоро согласилась? Видно, она рада за кого-нибудь выйдти замужъ.... Ну что́ жь? тѣмъ лучше для меня....» Вотъ съ какими смутными и странными чувствами я перешагнулъ порогъ своего дома. Вы, можетъ быть, господа́, находите мой разсказъ неправдоподобнымъ? Не знаю, похожъ ли онъ на истину, но знаю, что все, что я вамъ сказалъ, совершенная и сущая правда. Впрочемъ, я весь этотъ день предавался лихорадочной ве-

селости, говорилъ самъ себѣ, что я просто не заслуживаю такого счастья; но на другое утро....

Удивительное дѣло — сонъ! Онъ не только возобновляетъ тѣло, онъ нѣкоторымъ образомъ возобновляетъ душу, приводитъ ее къ первобытной простотѣ и естественности. Въ-теченіи дня вамъ удалось *настроить* себя, проникнуться ложью, ложными мыслями.... сонъ своей холодной волной смываетъ всѣ эти мелкія дрязги, и, проснувшись, вы, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько мгновеній, способны понимать и любить истину. Я пробудился, и, размышляя о вчерашнемъ днѣ, чувствовалъ какую-то неловкость.... мнѣ какъ-будто стало стыдно всѣхъ своихъ продѣлокъ. Я съ невольнымъ безпокойствомъ думалъ о сегодняшнемъ посѣщеніи, объ объясненіи съ Иваномъ Семенычемъ.... Это безпокойство было мучительно и тоскливо; оно походило на безпокойство зайца, который слышитъ лай гончихъ и долженъ выйдти наконецъ изъ родимаго лѣса въ поле.... а въ поле ждутъ его зубастыя борзыя.... — «Къ чему я торопился!» повторялъ я такъ же, какъ и вчера, но уже совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Помню — эта страшная разница между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ меня самого поразила; въ первый разъ пришло мнѣ въ голову тогда, что въ жизни человѣческой скрываются тайны — странныя тайны.... Съ дѣтскимъ недоумѣніемъ глядѣлъ я въ этотъ новый, не фантастическій, дѣйствительный міръ. Подъ словомъ «дѣйствительность», многіе понимаютъ слово «пошлость». Можетъ-быть, оно иногда и такъ; но я долженъ сознаться, что первое появленіе *дѣйствительности* передо мною потрясло меня глубоко, испугало, поразило меня....

Какія громкія рѣчи по поводу *невытанцовавшейся* любви — говоря словами Гоголя!... Возвращаюсь къ своему разсказу. Въ-теченіи того же утра я опять увѣрилъ себя, что я блаженнѣйшій изъ смертныхъ. Я поѣхалъ за городъ къ Ивану Семенычу. Онъ меня принялъ весьма-радостно; хотѣлъ-было пойдти къ сосѣду, но я самъ его остановилъ. Я боялся остаться наединѣ съ Варей. Этотъ вечеръ прошелъ весело, но не отрадно. Варя была ни то, ни сё, ни любезна, ни грустна.... ни хороша собой, ни дурна. Я взиралъ на нее, какъ говорятъ философы, объективнымъ окомъ, т. е. какъ сытый человѣкъ смо-

тритъ на кушанья. Я нашелъ, что у ней руки немного-красны. Впрочемъ, кровь иногда во мнѣ разгоралась, и я, глядя на нее, предавался другимъ мечтамъ и замысламъ. Давно-ли я сдѣлалъ такъ-называемое предложеніе, и вотъ уже я чувствовалъ, что мы съ ней живемъ супружеской жизнью.... что наши души уже составляютъ одно *прекрасное цѣлое,* принадлежатъ другъ другу, и, слѣдовательно, стараются каждая съискать для себя особую дорожку....

— «Что жь? вы говорили съ папенькой?» сказала мнѣ Варя, когда мы съ ней остались наединѣ. Этотъ вопросъ мнѣ ужасно не понравился.... я подумалъ про себя; «больно изволите торопиться, Варвара Ивановна.» — «Нѣтъ еще-съ», отвѣчалъ я довольно сухо: — «но поговорю.» Вообще я обходился съ ней нѣсколько небрежно. Несмотря на свое обѣщаніе, я Ивану Семенычу ничего не сказалъ положительнаго. Уѣзжая, я значительно пожалъ его руку и объявилъ ему, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить.... вотъ и все.... — «Прощайте!» сказалъ я Варѣ. — «До свиданія», сказала она.

Я васъ не стану долго томить, господа; боюсь истощить ваше терпѣніе.... Этого свиданія не было. Я не вернулся болѣе къ Ивану Семенычу. Правда, первые дни моей добровольной разлуки съ Варей не прошли безъ слезъ, упрековъ и волненій; я самъ былъ испуганъ быстрымъ увяданіемъ моей любви; я двадцать разъ собирался ѣхать къ ней, живо представлялъ себѣ ея изумленіе, горе, оскорбленіе, но — не вернулся къ Ивану Семенычу. Я заочно просилъ у ней прощенія, заочно становился передъ ней на колѣни, увѣрялъ ее въ своемъ глубокомъ раскаяніи — и какъ-то разъ, встрѣтивъ на улицѣ дѣвушку, слегка похожую на нее, пустился бѣжать безъ оглядки и отдохнулъ только въ кондитерской, за пятымъ слоёнымъ пирожкомъ. Слово «завтра» придумано для людей нерѣшительныхъ и для дѣтей; я, какъ ребенокъ, успокоивалъ себя этимъ волшебнымъ словомъ. «Завтра я пойду къ ней непремѣнно», говорилъ я самому-себѣ, и отлично ѣлъ и спалъ сегодня. Я началъ гораздо болѣе думать о Колосовѣ, чѣмъ о Варѣ.... вездѣ и безпрестанно видѣлъ я передъ собою его открытое, смѣлое, безпечное лицо. Я сталъ снова ходить къ нему. Онъ меня принялъ по прежнему. Но какъ глубоко я чувствовалъ его прево-

сходство надо мною! Какъ смѣшны показались мнѣ всѣ мои затѣи: моя грустная задумчивость во время связи Колосова съ Варей, моя великодушная рѣшимость сблизить ихъ снова, мои ожиданія, мои восторги, мое раскаяніе!... Я разыгралъ плохую, крикливую и растянутую комедію, а онъ такъ просто, такъ хорошо прожилъ это время... Вы мнѣ скажете: «Что жь тутъ удивительнаго? вашъ Колосовъ полюбилъ дѣвушку, потомъ разлюбилъ и бросилъ ее.... Да это случалось со всѣми....» Согласенъ; но кто изъ насъ умѣлъ вовремя разстаться съ своимъ прошедшимъ? Кто, скажите, кто не боится упрековъ, не говорю упрековъ женщины.... упрековъ перваго глупца? Кто изъ насъ не поддавался желанію то щегольнуть великодушіемъ, то себялюбиво поиграть съ другимъ, преданнымъ сердцемъ? Наконецъ, кто изъ насъ въ силахъ противиться мелкому самолюбію — *мелкимъ хорошимъ чувствамъ*: сожалѣнію и раскаянію?... О! господа, человѣкъ, который разстается съ женщиной нѣкогда любимой въ тотъ горькій и великій мигъ, когда онъ невольно сознаетъ, что его сердце не все, не вполнѣ проникнуто ею, этотъ человѣкъ повѣрьте мнѣ, лучше и глубже понимаетъ святость любви, чѣмъ тѣ малодушные люди, которые отъ скуки, отъ слабости продолжаютъ играть на полупорваныхъ струнахъ своихъ вялыхъ и чувствительныхъ сердецъ! Въ началѣ разсказа, я вамъ сказывалъ, что мы всѣ прозвали Андрея Колосова человѣкомъ необыкновеннымъ. И если ясный, простой взглядъ на жизнь, если отсутствіе всякой фразы въ молодомъ человѣкѣ можетъ назваться вещью необыкновенной, Колосовъ заслуживалъ данное ему имя. Въ извѣстныя лѣта — быть естественнымъ — значитъ быть необыкновеннымъ... Однако, пора кончить. Благодарю васъ за вниманіе.... Да! я забылъ вамъ сказать, что мѣсяца три послѣ моего послѣдняго посѣщенія, встрѣтился я съ старымъ плутомъ, Иваномъ Семенычемъ. Я, разумѣется, постарался незамѣтно и скоро проскользнуть мимо его, но все-таки не могъ не услышать слѣдующихъ, съ досадой произнесенныхъ словъ: «вѣдь вотъ, бываютъ же такіе широмыжники!»

— А что сталось съ Варей? спросилъ кто-то.

— Не знаю, отвѣчалъ разскащикъ.

Мы всѣ встали и разошлись.

БРЕТТЁРЪ.

—

I.

.....ій кирасирскій полкъ квартировалъ въ 1829 году въ селѣ Кириловѣ, К...ской губерніи. Это село съ своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими ракитами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ, черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; во стѣ шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду росли старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домишкѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, покашливая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои, хотя въ нихъ нѣчего было стеречь, кромѣ дюжины бѣлыхъ креселъ, обитыхъ полинялымъ штофомъ, двухъ пузатыхъ коммодовъ на кривыхъ ножкахъ съ мѣдными ручками, четырехъ дырявыхъ картинъ и одного чернаго Арапа изъ алебастра съ отбитымъ носомъ. Владѣлецъ этого дома, молодой и безпечный человѣкъ, жилъ то въ Петербургѣ, то за границей — и совершенно по-

забылъ о своемъ помѣстьѣ. Оно досталось ему, лѣтъ восемь тому назадъ, отъ престарѣлаго дяди, извѣстнаго нѣкогда всему околотку своими отличными наливками. Пустыя, темно-зеленыя бутыли до-сихъ-поръ еще валялись въ кладовой, вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, скупо-исписанными тетрадями въ пестрыхъ переплетахъ, старинными стеклянными люстрами, дворянскимъ мундиромъ временъ Екатерины, заржавѣлой шпагой съ стальной рукояткой и т. д. Въ одномъ изъ флигелей помѣщался самъ полковникъ, человѣкъ женатый, высокаго роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. Въ другомъ флигелѣ жилъ полковой адъютантъ, чувствительный и раздушенный человѣкъ, охотникъ до цвѣтовъ и до бабочекъ. Общество гг. офицеровъ .....го полка не отличалось отъ всякаго другаго общества. Въ числѣ ихъ были хорошіе и дурные, умные и пустые люди.... Между ними нѣкто Авдѣй Ивановичъ Лучковъ, штабротмистръ, слылъ бреттёромъ. Лучковъ былъ роста небольшаго, не казистъ; лицо имѣлъ малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькіе, черные, черты лица обыкновенныя и темные глазки. Онъ рано остался сиротой, выросъ въ нуждѣ и загонѣ. По цѣлымъ недѣлямъ велъ онъ себя тихо.... и вдругъ— словно бѣсъ какой имъ овладѣетъ: ко всѣмъ пристаетъ, всѣмъ надоѣдаетъ, всѣмъ нагло смотритъ въ глаза — ну, такъ и напрашивается на ссору. Впрочемъ, Авдѣй Ивановичъ не чуждался своихъ сослуживцевъ, но въ дружбѣ состоялъ съ однимъ только раздушеннымъ адъютантомъ; въ карты не игралъ и не пилъ вина.

Въ маѣ 1819 года, не задолго до начатія ученій, прибылъ въ полкъ молодой корнетъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кистеръ, русскій дворянинъ нѣмецкаго происхожденія, очень-бѣлокурый и очень-скромный, образованный и начитанный. Онъ до двадцатилѣтняго возраста жилъ въ родительскомъ домѣ, подъ крылышками матушки, бабушки и двухъ тетушекъ; поступилъ же въ военную службу единственно по желанію бабушки, которая даже подъ старость не могла безъ волненія видѣть бѣлый султанъ.... Онъ служилъ безъ особенной охоты, но съ усердіемъ, точно и добросовѣстно исполнялъ долгъ свой; одѣвался не щеголевато, но чисто и по формѣ. Въ первый же день своего пріѣзда, Ѳедоръ Ѳедоровичъ явился къ начальникамъ; потомъ

началъ устроивать свою квартиру. Онъ привезъ съ собою дешевенькіе обои, коврики, полочки и т. д., оклеилъ всѣ стѣны, двери, надѣлалъ разныхъ перегородокъ, велѣлъ вычистить дворъ, перестроилъ конюшню, кухню, отвелъ даже мѣсто для ванны.... Цѣлую недѣлю хлопоталъ онъ; за то любо было потомъ войдти въ его комнату. Передъ окнами стоялъ опрятный столъ, покрытый разными вещицами; въ углу находилась полочка для книгъ съ бюстами Шиллера и Гёте; на стѣнахъ висѣли ландкарты, четыре греведоновскія головки и охотничье ружье; возлѣ стола стройно возвышался рядъ трубокъ съ исправными мундштуками; въ сѣняхъ на полу лежалъ коврикъ; всѣ двери запирались на замокъ; окна завѣшивались гардинами. Все въ комнатѣ Ѳедора Ѳедоровича дышало порядкомъ и чистотой. То ли дѣло у другихъ товарищей! Къ иному едва проберешься черезъ грязный дворъ; въ сѣняхъ за облупившимися парусинными ширмами, хранитъ деньщикъ; на полу — гнилая солома; на плитѣ — сапоги и донышко банки, залитое ваксой; въ самой комнатѣ—покоробленный ломберный столъ, исписанный мѣломъ; на столѣ стаканы, до половины наполненные холоднымъ, темно-бурымъ чаемъ; у стѣны—широкій, проломленный, замасленный диванъ; на окнахъ — трубочный пепелъ.... На неуклюжемъ и пухломъ креслѣ возсѣдаетъ самъ хозяинъ въ шлафрокѣ травянаго цвѣта, съ малиновыми плисовыми отворотами, и вышитой ермолкѣ азіятскаго происхожденія, а возлѣ хозяина храпитъ безобразно-толстый и негодный песъ въ вонючемъ мѣдномъ ошейникѣ..... Всѣ двери всегда настежь....

Ѳедоръ Ѳедоровичъ понравился своимъ новымъ товарищамъ. Они его полюбили за добродушіе, скромность, сердечную теплоту и природную наклонность ко «всему прекрасному», — словомъ, за все то, что въ другомъ офицерѣ нашли бы, можетъ быть, неумѣстнымъ. Кистера прозвали красной дѣвушкой и обращались съ нимъ нѣжно и кротко. Одинъ Авдѣй Ивановичъ поглядывалъ на него косо. Однажды послѣ ученья, Лучковъ подошелъ къ нему, слегка сжимая губы и расширяя ноздри.

— Здравствуйте, г. Кнастеръ.

Кистеръ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Мое почтеніе, г. Кнастеръ, повторилъ Лучковъ.

— Меня зовутъ Кистеръ, милостивый государь.

— Вотъ какъ-съ, г. Кнастеръ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ обернулся къ нему спиной и пошелъ домой. Лучковъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ ему въ-слѣдъ.

На другой день онъ, тотчасъ послѣ ученья, опять подошелъ къ Кистеру.

— Ну, какъ вы поживаете, г. Киндербальзамъ?

Кистеръ вспыхнулъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо. Маленькіе, жолчные глазки Авдѣя Ивановича засвѣтились злобной радостью.

— Я съ вами говорю, г. Киндербальзамъ!

— Милостивый государь, отвѣчалъ ему Ѳедоръ Ѳедоровичъ: —я нахожу вашу шутку глупою и неприличною — слышите ли? глупою и неприличною.

— Когда мы деремся? спокойно возразилъ Лучковъ.

— Когда вы хотите.... хоть завтра.

На другое утро, они дрались. Лучковъ легко ранилъ Кистера и, къ крайнему удивленію секундантовъ, подошелъ къ раненному, взялъ его за руку и попросилъ у него извиненья. Кистеръ просидѣлъ дома двѣ недѣли; Авдѣй Ивановичъ нѣсколько разъ заходилъ навѣстить больнаго; а по выздоровленіи Ѳедора Ѳедоровича, подружился съ нимъ. Понравилась ли ему рѣшительность молодаго офицера, пробудилось ли въ его душѣ чувство, похожее на раскаянье — рѣшить мудрено.... но со времени поединка съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ почти не разставался съ нимъ и называлъ его сперва Ѳедоромъ, потомъ и Ѳедей. Въ его присутствіи, онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, и—странное дѣло! не въ свою выгоду. Ему не шло быть кроткимъ и мягкимъ. Сочувствія онъ все-таки возбуждать ни въ комъ не могъ: ужь такова была его судьба! Онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ какъ-будто дано право власти надъ другими, но природа отказала ему въ дарованіяхъ — необходимомъ оправданьи подобнаго права. Не получивъ образованія, не отличаясь умомъ, онъ не долженъ бы былъ разоблачаться; можетъ быть, ожесточеніе въ немъ происходило именно отъ сознанья недостатковъ своего воспитанія, отъ желанья скрыть себя всего подъ одну неизмѣнную личину. Авдѣй Ивановичъ сперва заставлялъ себя презирать людей; потомъ замѣтилъ,

что ихъ пугнуть не трудно и дѣйствительно сталъ ихъ презирать. Лучкову было весело прекращать однимъ появленіемъ своимъ всякій несовсѣмъ пошлый разговоръ. «Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нѣтъ», думалъ онъ про себя: «такъ и вы ничего не знайте и не выказывайте своихъ способностей при мнѣ....» Кистеръ, быть можетъ, потому заставилъ Лучкова выйдти наконецъ изъ своей роли — что до знакомства съ нимъ, бреттёръ не встрѣтилъ ни одного человѣка дѣйствительно «идеальнаго,» т. е. безкорыстно и добродушно занятаго идеалами, а потому снисходительнаго и несамолюбиваго.

Бывало Авдѣй Ивановичъ прійдетъ поутру къ Кистеру, закуритъ трубку и тихонько присядетъ на кресла. Лучковъ при Кистерѣ не стыдился своего невѣжества, онъ надѣялся — и не даромъ — на его нѣмецкую скромность.

— Ну, что? начиналъ онъ:—что вчера подѣлывалъ? Читалъ, небось, а?

— Да, читалъ....

— А что жь такое читалъ? разскажи-ка, братецъ, разскажика. Авдѣй Ивановичъ до конца придерживался насмѣшливаго тона.

— Читалъ, братъ, «Идилліи» Клейста. Ахъ, какъ хорошо! Позволь, я переведу тебѣ нѣсколько строкъ.... И Кистеръ съ жаромъ переводилъ, а Лучковъ, наморщивъ лобъ и стиснувъ губы, слушалъ внимательно....— Да, да, твердилъ онъ поспѣшно съ непріятной улыбкой — хорошо.... очень-хорошо.... Я, помнится, это читалъ.... хорошо.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, прибавлялъ онъ протяжно и какъ-будто нехотя: какого ты мнѣнія о Лудовикѣ Четырнадцатомъ?

И Кистеръ пускался толковать о Лудовикѣ XIV-мъ. А Лучковъ слушалъ, многаго не понималъ вовсе, иное понималъ криво.... и наконецъ рѣшался сдѣлать замѣчаніе.... Его бросало въ потъ. «Ну, если я совру?» думалъ онъ. И дѣйствительно, вралъ онъ часто, но Кистеръ никогдо рѣзко не возражалъ ему: добрый юноша душевно радовался тому, что вотъ, дескать, въ человѣкѣ пробуждается охота къ просвѣщенію. Увы! Авдѣй Ивановичъ распрашивалъ Кистера не изъ охоты къ просвѣ-

щенію, а такъ! Богъ знаетъ отчего. Можетъ быть, онъ желалъ самъ удостовѣриться на дѣлѣ, какая у него, Лучкова, голова, тупая что-ли, или только необдѣланная? «А вѣдь я въ сущности глупъ», говорилъ онъ самому себѣ не разъ съ горькой усмѣшкой, и вдругъ выпрямлялся весь, нахально и дерзко глядѣлъ кругомъ и злобно улыбался, если замѣчалъ, что какой-нибудь товарищъ опускалъ свой взглядъ передъ его взглядомъ. «То-то, братъ, ученый, воспитанный....» шепталъ онъ сквозь зубы: «не хочешь ли.... того?»

Гг. офицеры недолго толковали о внезапной дружбѣ Кистера съ Лучковымъ: они привыкли къ странностямъ бреттёра. «Связался же чортъ съ младенцемъ!» говорили они.... Кистеръ повсюду съ жаромъ выхвалялъ своего новаго пріятеля: съ нимъ не спорили, потому что боялись Лучкова; самъ же Лучковъ никогда при другихъ не упоминалъ имени Кистера, но пересталъ знаться съ раздушеннымъ адъютантомъ.

II.

Помѣщики южной Россіи большіе охотники давать балы, приглашать къ себѣ на домъ гг. офицеровъ и выдавать своихъ дочерей замужъ. Въ десяти верстахъ отъ села Кирилова, жилъ именно такой помѣщикъ, нѣкто господинъ Перекатовъ, владѣлецъ четырехъ-сотъ душъ и довольно-просторнаго дома. У него была дочь лѣтъ восьмнадцати, Машенька, и жена Ненила Макарьевна. Господинъ Перекатовъ служилъ нѣкогда въ кавалеріи, но по любви къ деревенской жизни, по лѣни, вышелъ въ отставку и началъ жить-себѣ потихоньку, какъ живутъ помѣщики средней-руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно-законнымъ образомъ отъ знатнаго московскаго барина.

Покровитель ея воспитывалъ свою Ненилушку весьма, какъ говорится, тщательно, въ собственномъ домѣ, но сбылъ ее съ рукъ довольно-поспѣшно, по первому востребованію, какъ ненадежный товаръ. Ненила Макарьевна была нехороша собой; знатный баринъ давалъ за ней всего тысячъ десять приданаго: она ухватилась за господина Перекатова. Господину Перекатову

показалось весьма-лестнымъ жениться на барышнѣ воспитанной, умной... ну, да наконецъ все же состоявшей въ родствѣ съ знатнымъ сановникомъ. Сановникъ этотъ и послѣ брака оказывалъ супругамъ свое покровительство, то-есть, принималъ отъ нихъ въ подарокъ соленыхъ перепелокъ и говорилъ Перекатову: «ты, братецъ,» а иногда даже просто: «ты.» Ненила Макарьевна совершенно завладѣла мужемъ, хозяйничала и распоряжалась всѣмъ имѣньемъ — весьма, впрочемъ, умно, во всякомъ случаѣ гораздо лучше самого господина Перекатова. Она не слишкомъ притѣсняла своего сожителя, но держала его въ рукахъ, сама заказывала ему платье и наряжала его поанглійски, какъ оно и прилично помѣщику; по ея приказанію, господинъ Перекатовъ завелъ у себя на подбородкѣ эспаньйолку для прикрытія большой бородавки, похожей на переспѣлую малину; Ненила Макарьевна съ своей стороны объявляла гостямъ, что мужъ ея играетъ на флейтѣ и что всѣ флейтисты подъ нижней губой отпускаютъ себѣ волосы: ловчѣе держать инструментъ. Господинъ Перекатовъ съ утра ходилъ въ высокомъ, чистомъ галстухѣ, причесанный и вымытый. Впрочемъ, онъ былъ своей судьбой весьма-доволенъ: обѣдалъ всегда очень-вкусно, дѣлалъ что́ хотѣлъ и спалъ сколько могъ. Ненила Макарьевна завела, какъ говорили сосѣди, у себя въ домѣ «иностранный порядокъ», держала мало людей, одѣвала ихъ опрятно. Честолюбіе ее мучило; она хотѣла попасть хоть въ уѣздныя предводительши, но дворяне ....го уѣзда, хоть и наѣдались у ней всласть, однакожь все-таки, выбирали не ея мужа, а то отставнаго премьер-маіора Буркольца, то отставнаго секунд-маіора Бурундюкова. Господинъ Перекатовъ казался имъ уже черезъ-чуръ столичной штучкой.

Дочь господина Перекатова, Машенька, съ лица походила на отца. Ненила Макарьевна много хлопотала надъ ея воспитаніемъ. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепьянахъ. Она была средняго роста, довольна полна и бѣла; ея нѣсколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишкомъ-густые волосы, каріе глазки, пріятный голосокъ — все въ ней тихо нравилось, и только. За то отсутствіе жеманства, предразсудковъ, начитанность необыкновенная въ степной дѣвицѣ, свобода выраженій, спо-

койная простота рѣчей и взглядовъ, невольно въ ней поражали. Она развилась на волѣ; Ненила Макарьевна не стѣсняла ее.

Однажды поутру, часовъ въ двѣнадцать, все семейство Перекатовыхъ собралось въ гостиную. Мужъ въ зеленомъ кругломъ фракѣ, высокомъ клѣтчатомъ галстухѣ и гороховыхъ панталонахъ съ штиблетами стоялъ передъ окномъ и съ большимъ вниманіемъ ловилъ мухъ. Дочь сидѣла за пяльцами; ея небольшая, полненькая ручка въ черной митѣнкѣ граціозно и медленно подымалась и опускалась надъ канвой. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ и молча посматривала на полъ.

— Вы послали въ ....й полкъ приглашеніе, Сергѣй Сергѣичъ? спросила она мужа.

— На сегодняшній вечеръ? Какъ же, машеръ, послалъ. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Какъ же!

— Совсѣмъ нѣтъ кавалеровъ, продолжала Ненила Макарьевна. — Не съ кѣмъ танцовать барышнямъ.

Мужъ вздохнулъ, какъ-будто отсутствіе кавалеровъ его сокрушало.

— Маменька, заговорила вдругъ Маша: — мсьё Лучковъ приглашенъ?

— Какой Лучковъ?

— Онъ тоже офицеръ. Онъ, говорятъ, очень-интересенъ.

— Какъ такъ?

— Да; онъ собой не хорошъ и не молодъ; но его всѣ боятся. Онъ ужасный дуэлистъ. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видѣть....

Сергѣй Сергѣичъ перебилъ свою дочку.

— Что тутъ видѣть, душа моя? Ты думаешь, онъ такъ и смотритъ лордомъ Байрономъ? (Въ то время только-что начинали у насъ толковать о лордѣ Байронѣ.) — Пустяки! Вѣдь и я, душа моя, въ кои-то вѣка слылъ забіякой.

Маша посмотрѣла съ изумленіемъ на родителя, засмѣялась, потомъ вскочила и поцѣловала его въ щеку. Супруга слегка улыбнулась.... а Сергѣй Сергѣичъ не солгалъ.

— Не знаю, пріѣдетъ ли этотъ господинъ, промолвила Ненила Макарьевна.—Я просила полковника привезти побольше офицеровъ. Можетъ-быть, и онъ пожалуетъ.

Дочка вздохнула.

— Смотри, не влюбись въ него, замѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ. — Я знаю, вы всѣ такія теперь.... того, восторженныя....

— Нѣтъ, простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрѣла на своего мужа. Сергѣй Сергѣичъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ поигралъ часовой цѣпочкой, взялъ со стола свою англійскую, съ широкими полями, шляпу, и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побѣжала вслѣдъ за нимъ. Какъ животное умное, она чувствовала, что и самъ хозяинъ ея не слишкомъ властный человѣкъ въ домѣ, и вела себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла къ дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрѣла ей въ глаза. «Ты мнѣ скажешь, когда ты влюбишься?» спросила она.

Маша съ улыбкой поцѣловала руку матери и нѣсколько разъ утвердительно покачала головой.

Смотри же, замѣтила Ненила Макарьевна, погладила ее по щекѣ и вышла вслѣдъ за мужемъ. Маша прислонилась къ спинкѣ креселъ, опустила голову на грудь, скрестила пальцы и долго глядѣла въ окно прищуривъ глазки.... легкая краска заиграла на свѣжихъ ея щекахъ; со вздохомъ выпрямилась она, принялась-было шить, уронила иголку, оперла лицо на ручку и, легонько покусывая коньчики ногтей, задумалась.... потомъ взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла къ зеркалу, усмѣхнулась, надѣла шляпу и пошла въ садъ....

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, начали съѣзжаться гости. Г-жа Перекатова весьма-любезно принимала и «занимала» дамъ, Машенька — дѣвицъ; Сергѣй Сергѣичъ толковалъ съ помѣщиками о хозяйствѣ, и то-и-дѣло взглядывалъ на жену. Начали появляться молодые франты, нарочно пріѣхавшіе попозже, офицеры; наконецъ вошелъ самъ г-нъ полковникъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, Кистера и Лучкова. Онъ представилъ ихъ хозяйкѣ. Лучковъ молча ей поклонился; Кистеръ пробормоталъ обычное: «весьма радъ».... Г-нъ Перекатовъ подошелъ къ полковнику, крѣпко пожалъ ему руку и съ чувствомъ посмотрѣлъ ему въ глаза. Начались танцы. Кистеръ пригласилъ Машеньку. Въ то время процвѣталъ еще экосезъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, сказала ему Маша, когда, проскакавъ разъ двадцать до конца залы, они стали наконецъ въ первыя пары: — отчего вашъ пріятель не танцуетъ?

— Какой пріятель?

Маша концомъ вѣера указала на Лучкова.

— Онъ никогда не танцуетъ-съ, возразилъ Кистеръ.

—Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

Кистеръ немного смѣшался. «Онъ желалъ имѣть удовольствіе....»

Машенька его перебила. «Вы, кажется, недавно переведены въ нашъ полкъ?»

— Въ *вашъ* полкъ, замѣтилъ съ улыбкой Кистеръ:—нѣтъ, недавно.

— Вы здѣсь не скучаете?

— Помилуйте.... Я здѣсь нашелъ такое пріятное общество.... а природа!... Кистеръ пустился въ описаніе природы. Маша слушала его не поднимая головы. Авдѣй Ивановичъ стоялъ въ углу, и равнодушно посматривалъ на танцующихъ.

— Сколько лѣтъ г. Лучкову? спросила она вдругъ.

— Лѣтъ.... лѣтъ тридцать-пять, я думаю, возразилъ Кистеръ,

— Онъ, говорятъ, человѣкъ опасный.... сердитый, поспѣшно прибавила Маша.

— Онъ немного вспыльчивъ.... но, впрочемъ, онъ очень-хорошій человѣкъ.

— Говорятъ, всѣ его боятся?

Кистеръ засмѣялся.

— А вы?

— Мы съ нимъ пріятели.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

Вамъ, вамъ, вамъ, кричали имъ со всѣхъ сторонъ. Они встрепенулись и пустились опять скакать бокомъ черезъ всю залу.

— Ну, поздравляю тебя, сказалъ Лучкову Кистеръ, подходя къ нему послѣ танца:—хозяйская дочь то-и-дѣло разспрашивала меня о тебѣ.

— Неужели? презрительно возразилъ Лучковъ.

— Честный человѣкъ! А вѣдь она очень собой хороша; посмотри-ка.

— А какая изъ нихъ она?

Кистеръ указалъ ему Машу.

— А! не дурна!

И Лучковъ зѣвнулъ.

— Холодный человѣкъ! воскликнулъ Кистеръ и побѣжалъ приглашать другую дѣвицу.

Авдѣю Ивановичу очень понравилось извѣстіе, сообщенное Кистеромъ, хоть онъ и зѣвнулъ, и даже громко зѣвнулъ. Возбуждать любопытство—сильно льстило его самолюбію; любовь онъ презиралъ—на словахъ... а внутренно чувствовалъ самъ, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя. Трудно и хлопотно заставить полюбить себя; но весьма легко и просто прикидываться равнодушнымъ, молчаливымъ гордецомъ. Авдѣй Ивановичъ былъ дуренъ собою и не молодъ; но за то́ пользовался страшной славой—и, слѣдовательно, имѣлъ право рисоваться. Онъ привыкъ къ горькимъ и безмолвнымъ наслажденіямъ самолюбиваго одиночества; не въ первый разъ обращалъ онъ на себя вниманіе женщинъ; иныя даже старались сблизиться съ нимъ, но онъ ихъ отталкивалъ съ ожесточеннымъ упрямствомъ; онъ зналъ, что не къ лицу ему нѣжность (въ часы свиданій, откровеній, онъ становился сперва неловкимъ и пошлымъ, а потомъ, съ досады, грубымъ до плоскости, до оскорбленія); онъ помнилъ, что двѣ-три женщины, съ которыми онъ нѣкогда знался, охладѣли къ нему тотчасъ послѣ первыхъ мгновеній ближайшаго знакомства и сами съ поспѣшностью удалились отъ него.... а потому онъ и рѣшился, наконецъ, оставаться загадкой, и презирать то́, въ чемъ судьба отказала ему.... Другаго презрѣнія люди вообще, кажется, не знаютъ. Всякое откровенное, непроизвольное, то-есть доброе проявленіе страсти не шло къ Лучкову; онъ долженъ былъ постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Одному Кистеру не становилось гадко, когда Лучковъ заливался хохотомъ; глаза добраго нѣмца сверкали благородной радостью сочувствія, когда онъ читалъ Авдѣю любимыя страницы изъ Шиллера, а бреттеръ сидѣлъ передъ нимъ, понуривъ голову, какъ волкъ....

Кистеръ танцовалъ до упаду. Лучковъ не покидалъ своего уголка, хмурилъ брови, изрѣдка украдкой взглядывалъ на

Машу — и, встрѣтивъ ея взоры, тотчасъ придавалъ глазамъ своимъ равнодушное выраженіе. Маша раза три танцовала съ Кистеромъ. Восторженный юноша возбудилъ ея довѣренность. Она довольно весело болтала съ нимъ, но на сердцѣ ей было неловко. Лучковъ занималъ ее.

Загремѣла мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; штатскіе тоже топали каблуками. Лучковъ все не двигался съ своего мѣста и медленно слѣдилъ глазами за мелькающими парами. Кто-то тронулъ его рукавъ.... онъ оглянулся; его сосѣдъ указываетъ ему на Машу. Она стояла передъ нимъ, не поднимая глазъ, и протягивала ему руку. Лучковъ сперва посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, потомъ равнодушно снялъ палашъ, бросилъ шляпу на полъ, неловко пробрался между креселъ, взялъ Машу за руку — и пошелъ вдоль круга, безъ припрыжекъ и топаній, какъ-бы нехотя исполняя непріятный долгъ.. У Маши сильно билось сердце.

— Отчего вы не танцуете? спросила она его наконецъ.

— Я не охотникъ, отвѣчалъ Лучковъ. — Гдѣ ваше мѣсто?

— Вонъ, тамъ-съ.

Лучковъ довелъ Машу до ея стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся въ свой уголъ.... но весело въ немъ шевельнулась жолчь.

Кистеръ пригласилъ Машу.

— Какой вашъ пріятель странный!

— А онъ васъ очень занимаетъ.... сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, плутовски прищуривъ свои голубые и добрые глаза.

— Да.... онъ, должно быть, очень несчастливъ.

— Онъ несчастливъ? Съ чего вы это взяли? И Ѳедоръ Ѳедоровичъ засмѣялся.

— Вы не знаете.... Вы не знаете.... Маша важно покачала головой.

— Да какъ же мнѣ не знать....

Маша опять покачала головой и взглянула на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ замѣтилъ этотъ взглядъ, пожалъ незамѣтно плечами и вышелъ въ другую комнату.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того вчера. Лучковъ ни разу не былъ у Перекатовыхъ. За то Кистеръ посѣщалъ ихъ довольно часто. Ненила Макарьевна его полюбила, но не она привлекала Ѳедора Ѳедоровича. Маша ему нравилась. Какъ человѣкъ неопытный и невыболтавшійся, онъ находилъ большое удовольствіе въ обмѣнѣ чувствъ и мыслей и добродушно вѣрилъ въ возможность возвышенной и спокойной дружбы между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой.

Однажды тройка сытыхъ и рѣзвыхъ лошадокъ примчала его къ дому г-на Перекатова. День былъ лѣтній, душный и знойный. Нигдѣ ни облака. Синева неба по краямъ сгущалась до того, что глазъ принималъ ее за грозовую тучу. Домъ, построенный г-мъ Перекатовымъ на лѣтнее жительство съ обыкновенной степной предусмотрительностію, былъ обращенъ окнами прямо на солнце. Ненила Макарьевна съ утра велѣла затворить всѣ ставни. Кистеръ вошелъ въ гостиную, прохладную и полумрачную. Свѣтъ ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми полосками по стѣнамъ. Семейство Перекатовыхъ ласково встрѣтило Ѳедора Ѳедоровича. Послѣ обѣда, Ненила Макарьевна отправилась на отдыхъ къ себѣ въ спальню; г. Перекатовъ умѣстился въ гостиной на диванѣ; Маша сѣла подлѣ окна за пяльцы; Кистеръ противъ нея. Маша, не раскрывая пялецъ, слегка приложилась къ нимъ грудью, и подперла голову руками. Кистеръ началъ ей что-то разсказывать; она слушала его безъ вниманія, какъ-будто ждала чего-то, изрѣдка взглядывала на отца — и вдругъ протянула руку.

— Послушайте, Ѳедоръ Ѳедорычъ.... да только говорите потише... папенька заснулъ.

Дѣйствительно, г-нъ Перекатовъ, по обыкновенію, заснулъ сидя на диванѣ, закинувъ голову и раскрывъ не много ротъ.

— Что вамъ угодно? съ любопытствомъ спросилъ Кистеръ.

— Вы будете надо мной смѣяться.

— Помилуйте!...

Маша опустила голову, такъ-что только верхняя часть ея лица осталась незакрытой руками, и вполголоса, не безъ

замѣшательства, спросила Кистера: отчего онъ никогда не привезетъ съ собой г-на Лучкова?

Маша не въ первый разъ упоминала о немъ послѣ бала.... Кистеръ молчалъ.

Маша боязливо выглянула изъ-за переплетенныхъ пальцевъ.

— Могу ли я откровенно сказать вамъ мое мнѣніе? спросилъ ее Кистеръ.

— Отчего же нѣтъ? разумѣется.

— Мнѣ кажется, Лучковъ произвелъ на васъ большое впечатлѣніе!

— Нѣтъ! отвѣчала Маша и нагнулась, какъ бы желая разсмотрѣть поближе узоръ; узкая, золотая полоска свѣта легла ей на волосы: — нѣтъ.... но....

— Что но? проговорилъ Кистеръ съ улыбкой.

— Вотъ видите ли, сказала Маша и приподняла вдругъ голову, такъ-что полоска пришлась ей прямо на глаза: — вотъ видите ли.... онъ....

— Онъ васъ занимаетъ....

— Ну.... да.... сказала Маша съ разстановкой, покраснѣла, отвернула немного голову въ сторону и въ такомъ положеніи продолжала говорить: — въ немъ есть что-то такое.... Вѣдь вотъ вы смѣетесь надо мной, прибавила она вдругъ, быстро взглянувъ на Ѳедора Ѳедоровича.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ улыбался самой кроткой улыбкой.

— Я вамъ все говорю, что только мнѣ вздумается! продолжала Маша: — я знаю, что вы мой.... (она хотѣла было сказать «другъ») хорошій пріятель.

Кистеръ наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему руку. Ѳедоръ Ѳедоровичъ почтительно пожалъ кончики ея пальцевъ.

— Онъ, должно быть, большой чудакъ, замѣтила Маша и опять облокотилась на пяльцы.

— Чудакъ?

— Конечно; онъ меня занимаетъ какъ чудакъ! хитро прибавила Маша.

— Лучковъ — благородный, замѣчательный человѣкъ, съ важностью возразилъ Кистеръ. — Его не знаютъ у насъ въ

полку, не цѣнятъ, видятъ въ немъ только наружную сторону. Конечно, онъ ожесточенъ, страненъ, нетерпѣливъ, но сердце у него доброе.

Маша жадно слушала Ѳедора Ѳедоровича.

— Я его привезу къ вамъ. Я скажу ему, что васъ бояться нѣчего, что смѣшно ему дичиться.... Я ему скажу.... О! да я уже знаю, что сказать.... То есть, вы однакожь не думайте, чтобъ я.... Кистеръ смѣшался; Маша тоже смѣшалась... — Да, и наконецъ, вѣдь онъ вамъ только такъ.... нравится....

— Ну, конечно, какъ многіе мнѣ нравятся.

Кистеръ плутовски посмотрѣлъ на нее.

— Хорошо, хорошо, промолвилъ онъ съ довольнымъ видомъ: — я вамъ его привезу....

— Да нѣтъ....

— Хорошо, я жь вамъ говорю, все будетъ хорошо.... Ужь я все устрою.

— Какой вы.... съ улыбкой замѣтила Маша, и погрозилась на него.

Г-нъ Перекатовъ зѣвнулъ и открылъ глаза.

— А я, кажется, заснулъ, пробормоталъ онъ съ удивленьемъ. Этотъ вопросъ и это удивленіе повторялись каждый день. Маша съ Кистеромъ заговорили о Шиллерѣ.

Однакожь Ѳедору Ѳедоровичу было не совсѣмъ ловко; въ немъ какъ-будто шевельнулась зависть.... и онъ благородно негодовалъ на себя. Ненила Макарьевна сошла въ гостиную. Подали чай. Г-нъ Перекатовъ заставилъ свою собаку прыгнуть нѣсколько разъ черезъ палку и объявилъ потомъ, что онъ самъ ее всему выучилъ, при чемъ собака скромно вертѣла хвостомъ, облизывалась и моргала. Когда же, наконецъ, зной уменьшился и повѣялъ вечерній вѣтерокъ, все семейство Перекатовыхъ отправилось гулять въ березовую рощу. Ѳедоръ Ѳедоровичъ безпрестанно взглядывалъ на Машу, какъ бы желая дать ей знать, что онъ исполнитъ ея порученіе; Машѣ было и на себя досадно, и весело, и жутко. Кистеръ вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ довольно высокопарно о любви вообще, о дружбѣ.... но, замѣтивъ наблюдательный и ясный взглядъ Ненилы Макарьевны, также внезапно перемѣнилъ разговоръ.

Ярко и пышно зардѣлась заря. Передъ березовой рощей разстилался ровный и широкій лугъ. Машѣ вздумалось играть въ горѣлки. Явились горничныя, лакеи; г-нъ Перекатовъ сталъ съ своей супругой; Кистеръ съ Машей. Горничныя бѣгали съ подобострастными и легкими криками; каммердинеръ г-на Перекатова осмѣлился разлучить Ненилу Макарьевну съ ея супругомъ; одна горничная почтительно поддалась барину; Ѳедоръ Ѳедоровичъ не разставался съ Машей. Всякій разъ, становясь на свое мѣсто, онъ ей говорилъ два-три слова; Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ бѣга, съ улыбкой слушала его, проводила рукой по волосамъ. Послѣ ужина Кистеръ уѣхалъ.

Ночь была тихая, звѣздная. Кистеръ снялъ фуражку. Онъ волновался; ему слегка щемило горло. «Да», сказалъ онъ наконецъ почти вслухъ: «она его любитъ; я сближу ихъ; я оправдаю ея довѣренность.» Хотя еще ничто не доказывало явнаго расположенія Маши къ Лучкову, хотя, по собственнымъ ея словамъ, онъ только возбуждалъ ея любопытство, но Кистеръ успѣлъ уже сочинить себѣ цѣлую повѣсть, предписать себѣ свою обязанность. Онъ рѣшился пожертвовать своимъ чувствомъ — тѣмъ болѣе, что «пока, кромѣ искренней привязанности, я ничего вѣдь не ощущаю», думалъ онъ. Кистеръ дѣйствительно былъ въ состояніи принести себя въ жертву дружеству, признанному долгу. Онъ много читалъ, и потому воображалъ себя опытнымъ и даже проницательнымъ; онъ не сомнѣвался въ истинѣ своихъ предположеній; онъ не подозрѣвалъ, что жизнь безконечно-разнообразна и не повторяется никогда. Понемногу Ѳедоръ Ѳедоровичъ пришелъ въ восторгъ. Онъ съ умиленіемъ началъ думать о своемъ призваніи. Быть посредникомъ между любящей робкой дѣвушкой и человѣкомъ, можетъ-быть, только потому ожесточеннымъ, что ему ни разу въ жизни не пришлось любить и быть любимымъ, сблизить ихъ, растолковать имъ ихъ же собственныя чувства, и потомъ удалиться, не давъ никому замѣтить величія своей жертвы, — какое прекрасное дѣло! Несмотря на прохладу ночи, лицо добраго мечтателя пылало....

На другой день, онъ рано поутру отправился къ Лучкову.

Авдѣй Ивановичъ по обыкновенію лежалъ на диванѣ и курилъ трубку. Кистеръ поздоровался съ нимъ.

— Я былъ вчера у Перекатовыхъ, сказалъ онъ съ нѣкоторою торжественностью.

— А! равнодушно возразилъ Лучковъ и зѣвнулъ.

— Да. Они прекрасные люди.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Мы говорили о тебѣ.

— Много чести; съ кѣмъ это?

— Съ стариками.... и съ дочерью.

— А! съ этой.... толстенькой?

— Она прекрасная дѣвушка, Лучковъ.

— Ну, да, всѣ онѣ прекрасны.

— Нѣтъ, Лучковъ, ты ея не знаешь. Я еще не встрѣчалъ такой умной, доброй и чувствительной дѣвицы.

Лучковъ запѣлъ въ носъ: «Въ гамбургской газетѣ не ты ли читалъ, какъ въ запрошломъ лѣтѣ, Минихъ побѣждалъ....»

— Да я жь тебѣ говорю....

— Ты въ нее влюбленъ, Ѳедя, насмѣшливо замѣтилъ Лучковъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. И не думалъ.

— Ѳедя, ты въ нее влюбленъ!

— Что за вздоръ! Будто ужь нельзя....

— Ты въ нее влюбленъ, другъ ты мой сердечный, протяжно запѣлъ Авдѣй Ивановичъ.

— Эхъ, Авдѣй, какъ тебѣ не стыдно! съ досадой проговорилъ Кистеръ.

Со всякимъ другимъ Лучковъ тутъ-то и запѣлъ бы пуще прежняго; Кистера онъ не дразнилъ. «Ну, ну, шпрехенъ зи деичъ, Иванъ Андреичъ», проворчалъ онъ вполголоса: «не сердись.»

— Послушай, Авдѣй, съ жаромъ заговорилъ Кистеръ и сѣлъ подлѣ него. — Ты знаешь, я тебя люблю. (У Лучкова покривилось лицо.) Но одно мнѣ въ тебѣ, признаюсь, не нравится.... именно то, что ты ни съ кѣмъ знаться не хочешь, все дома сидишь, всякаго сближенія съ хорошими людьми избѣгаешь. Вѣдь наконецъ есть же хорошіе люди! Ну, положимъ, ты былъ обманутъ въ жизни, ожесточился, что ли; не бросайся на шею каждому, но почему же тебѣ всѣхъ отвергать? Вѣдь этакъ ты и меня, пожалуй, когда-нибудь прогонишь.

Лучковъ хладнокровно продолжалъ курить.

— Оттого-то тебя никто и не знаетъ.... кромѣ меня; иной, пожалуй, Богъ-вѣсть что̀ о тебѣ думаетъ.... Авдѣй! прибавилъ Кистеръ послѣ небольшаго молчанія: — ты въ добродѣтель не вѣришь, Авдѣй?

— Какъ не вѣрить.... вѣрю.... проворчалъ Лучковъ:

Кистеръ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ хочется, продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ: — примирить тебя съ жизнью. Ты у меня повеселѣешь, расцвѣтешь.... именно расцвѣтешь. Какъ я-то буду радъ тогда! Только ты мнѣ позволь распоряжаться иногда тобою, твоимъ временемъ. У насъ сегодня что? понедѣльникъ.... завтра вторникъ.... въ середу, да̀, въ середу мы съ тобой поѣдемъ къ Перекатовымъ. Они тебѣ такъ рады будутъ.... и мы тамъ весело время проведемъ.... А теперь дай мнѣ трубочку выкурить.

Авдѣй Ивановичъ недвижно лежалъ на диванѣ и глядѣлъ въ потолокъ. Кистеръ закурилъ трубку, подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стекламъ.

— Такъ говорили обо мнѣ? спросилъ вдругъ Авдѣй.

— Говорили, значительно возразилъ Кистеръ.

— Что̀ жь такое говорили?

— Ну, ужь говорили. Весьма желаютъ съ тобой познакомиться.

— Кто же именно?

— Вишь какой любопытный?

Авдѣй кликнулъ слугу и приказалъ сѣдлать себѣ лошадь.

— Куда ты?

— Въ манежъ.

— Ну, прощай. Такъ ѣдемъ, что-ли, къ Перекатовымъ?

— Ѣдемъ, пожалуй, лѣниво проговорилъ Лучковъ и потянулся.

— Молодецъ! воскликнулъ Кистеръ, вышелъ на улицу, задумался и глубоко вздохнулъ.

IV.

Маша подходила къ дверямъ гостиной, когда доложили о пріѣздѣ гг. Кистера и Лучкова. Она тотчасъ вернулась въ свою

комнату, подошла было къ зеркалу.... Ея сердце сильно билось. Дѣвушка пришла позвать ее въ гостиную. Маша выпила немного воды, остановилась раза два на лѣстницѣ и наконецъ сошла внизъ. Г-на Перекатова дома не было. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ; Лучковъ на креслахъ, въ мундирѣ, съ шляпой на колѣняхъ; Кистеръ возлѣ него. Оба они приподнялись при входѣ Маши — Кистеръ съ обычной дружелюбной улыбкой, Лучковъ съ торжественнымъ и натянутымъ видомъ. Она съ смущеніемъ поклонилась имъ и подошла къ матери. Первыя десять минутъ прошли благополучно. Маша отдохнула и начала понемногу наблюдать за Лучковымъ. Онъ отвѣчалъ на разспросы хозяйки коротко, но не спокойно; онъ робѣлъ, какъ всѣ самолюбивые люди. Ненила Макарьевна предложила гостямъ погулять по саду, а сама вышла только на балконъ. Она не почитала необходимостью не спускать глазъ съ дочки и ковылять за нею всюду съ толстымъ ридикюлемъ въ рукахъ, по примѣру многихъ степныхъ матерей. Прогулка продолжалась довольно долго. Маша говорила больше съ Кистеромъ, но не смѣла взглянуть ни на него, ни на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ съ ней не заговаривалъ; въ голосѣ Кистера замѣтно было волненіе. Онъ что-то много смѣялся и болталъ.... Они подошли къ рѣчкѣ. Въ полутора саженяхъ отъ берега росла водяная лилія и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями.

— Какой красивый цвѣтокъ! замѣтила Маша.

Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже Лучковъ вынулъ палашъ, ухватился одной рукой за тонкія вѣтки ракиты и, нагнувшись всѣмъ тѣломъ надъ водой, сшибъ головку цвѣтка. «Здѣсь глубоко, берегитесь!» съ испугомъ вскрикнула Маша. Лучковъ концомъ палаша пригналъ цвѣтокъ къ берегу, къ самымъ ея ногамъ. Она наклонилась, подняла цвѣтокъ и съ нѣжнымъ, радостнымъ удивленіемъ поглядѣла на Авдѣя. «Браво!» закричалъ Кистеръ. — «А я не умѣю плавать....» отрывисто проговорилъ Лучковъ. Это замѣчаніе не понравилось Машѣ. «Зачѣмъ онъ это сказалъ?» подумала она.

Лучковъ съ Кистеромъ остались у г-на Перекатова до вечера. Что-то новое, небывалое происходило въ душѣ Маши; задумчивое недоумѣніе изображалось не разъ на лицѣ ея. Она

какъ-то двигалась медленнѣе, не вспыхивала отъ взглядовъ матери, — напротивъ, сама какъ-будто ихъ искала, какъ будто-сама вопрошала ее. Въ продолженіе всего вечера, Лучковъ оказывалъ ей какое-то неловкое вниманіе; но даже эта неловкость нравилась ея невинному самолюбію. Когда жь они оба уѣхали съ обѣщаніемъ побывать опять на-дняхъ, она тихонько пошла въ свою комнату и долго, какъ-бы съ изумленіемъ, глядѣла кругомъ. Ненила Макарьевна пришла къ ней, поцѣловала и обняла ее, по обыкновенію. Маша раскрыла губы, хотѣла было заговорить съ матерью—и не сказала ни слова. Она и хотѣла признаться, да не знала, въ чемъ. Въ ней тихо бродила душа. На ночномъ столикѣ, въ чистомъ стаканѣ, лежалъ на водѣ цвѣтокъ, сорванный Лучковымъ. Уже въ постели, Маша приподнялась осторожно, оперлась на локоть, и ея дѣвственныя губы тихо прикоснулись бѣлыхъ и свѣжихъ лепестковъ....

—Ну, что? спросилъ на другой день Кистеръ своего товарища: — нравятся тебѣ Перекатовы? Правъ я былъ? а? скажи!

Лучковъ не отвѣчалъ.

—Нѣтъ, скажи, скажи.

—А, право, не знаю.

—Ну, полно!

—Эта.... какъ-бишь-ее зовутъ.... Машенька—ничего, не дурна.

—Ну, вотъ видишь.... сказалъ Кистеръ — и замолчалъ.

Дней черезъ пять, Лучковъ самъ предложилъ Кистеру съѣздить къ Перекатовымъ. Одинъ онъ бы къ нимъ не поѣхалъ; въ отсутствіи Ѳедора Ѳедоровича, ему бы пришлось вести разговоръ, а этого онъ не умѣлъ и боялся.

Во второй пріѣздъ обоихъ друзей, Маша была гораздо развязнѣе. Она теперь втайнѣ радовалась тому, что не обезпокоила маменьки непрошеными признаніями. Авдѣй передъ обѣдомъ вызвался сѣсть на молодую, необъѣзжанную лошадь и, не смотря на ея бѣшеные скачки, укротилъ ее совершенно. Вечеромъ онъ было расходился, пустился шутить и хохотать —и хотя скоро опомнился, однакожь успѣлъ произвести мгновенное, непріятное впечатлѣніе на Машу. Она сама еще не знала, какое именно чувство въ ней возбуждалъ Лучковъ, но все, что въ немъ ей не нравилось, приписывала она вліянію несчастій, одиночества....

V.

Пріятели стали часто посѣщать Перекатовыхъ. Положеніе Кистера становилось болѣе и болѣе тягостнымъ. Онъ не раскаявался.... нѣтъ, но желалъ по крайней мѣрѣ сократить время своего искуса. Привязанность его къ Машѣ увеличивалась съ каждымъ днемъ; она сама къ нему благоволила; но быть все только посредникомъ, наперсникомъ, даже другомъ — такое тяжелое, неблагодарное ремесло! Холодно-восторженные люди много толкуютъ о святости страданій, о блаженствѣ страданій.... но теплому, простому сердцу Кистера онѣ не доставляли никакого блаженства. Наконецъ, однажды, когда Лучковъ, уже совсѣмъ одѣтый, зашелъ за нимъ, и коляска подъѣхала къ крыльцу — Ѳедоръ Ѳедоровичъ, къ изумленію пріятеля, объявилъ ему напрямикъ что остается дома. Лучковъ просилъ, досадовалъ, сердился.... Кистеръ отговорился головною болью. Лучковъ отправился одинъ.

Бреттёръ во многомъ измѣнился въ послѣднее время. Товарищей онъ оставлялъ въ покоѣ, къ новичкамъ не приставалъ — и хотя не расцвѣлъ душою, какъ предсказывалъ ему Кистеръ, однако дѣйствительно поуспокоился. Его и прежде нельзя было назвать разочарованнымъ человѣкомъ — онъ почти ничего не видалъ и не испыталъ — и потому не диво, что Маша занимала его мысли. Впрочемъ, сердце его не смягчилось; только жолчь въ немъ угомонилась. Чувства Маши къ нему были страннаго рода. Она почти никогда не глядѣла ему прямо въ лицо; не умѣла разговаривать съ нимъ.... Когда жь имъ случалось оставаться вдвоемъ, Машѣ становилось страхъ неловко. Она принимала его за человѣка необыкновеннаго и робѣла передъ нимъ, волновалась, воображала, что не понимаетъ его, не заслуживаетъ его довѣренности; безотрадно, тяжело, но безпрестанно думала о немъ. Напротивъ, присутствіе Кистера облегчало ее и располагало къ веселости, хотя не радовало ее и не волновало; съ нимъ она могла болтать по часамъ, опиралась на руку его, какъ на руку брата, дружелюбно глядѣла ему въ глаза, смѣялась отъ его смѣха и рѣдко вспомина-

ла о немъ. Въ Лучковѣ было что-то загадочное для молодой дѣвушки; она чувствовала, что душа его темна «какъ лѣсъ» и силилась проникнуть въ этотъ таинственный мракъ.... Такъ-точно дѣти долго смотрятъ въ глубокій колодезь, пока разглядятъ, наконецъ, на самомъ днѣ неподвижную, черную воду.

При входѣ Лучкова, одного, въ гостиную, Маша сперва испугалась.... но потомъ обрадовалась. Ей ужь не разъ казалось, что между Лучковымъ и ею существуетъ какое-то недоразумѣніе, что онъ до сихъ поръ не имѣлъ случая высказаться. Лучковъ сообщилъ причину отсутствія Кистера; старики изъявили свое сожалѣніе; но Маша съ недовѣрчивостью глядѣла на Авдѣя и томилась ожиданіемъ. Послѣ обѣда, они остались одни; Маша, не зная что̀ сказать, сѣла за фортепьяно; пальцы ея торопливо и трепетно забѣгали по клавишамъ; она безпрестанно останавливалась и ждала перваго слова.... Лучковъ не понималъ и не любилъ музыки. Маша заговорила съ нимъ о Россини (Россини только-что входилъ тогда въ моду), о Моцартѣ.... Авдѣй Ивановичъ отвѣчалъ: «да-съ, нѣтъ-съ, какже-съ, прекрасно» — и только. Маша заиграла блестящія варьяціи на россиніевскую тэму. Лучковъ слушалъ, слушалъ.... и когда наконецъ она обратилась къ нему, лицо его выражало такую нелицемѣрную скуку, что Маша тотчасъ же вскочила и захлопнула фортепьяно. Она подошла къ окну и долго глядѣла въ садъ; Лучковъ не трогался съ мѣста и все молчалъ. Нетерпѣніе начинало смѣнять робость въ душѣ Маши. «Что жь?» думала она: «не хочешь.... или не можешь?» Очередь робѣть была за Лучковымъ. Онъ ощущалъ опять обычную, томительную неувѣренность; онъ ужь злился!... «Чортъ же меня дернулъ связаться съ дѣвчонкой», бормоталъ онъ про себя... А между тѣмъ, какъ легко было въ это мгновеніе тронуть сердце Маши! Чтобы ни сказалъ такой необыкновенный, хотя и странный человѣкъ, какимъ она воображала Лучкова — она бы все поняла, все извинила, всему бы повѣрила.... Но это тяжелое, глупое молчаніе! Слезы досады навертывались у ней на глазахъ. «Если онъ не хочетъ объясниться, если я точно не сто́ю его довѣренности, зачѣмъ же ѣздитъ онъ къ намъ? Или, можетъ-быть, я не умѣю заставить его высказаться?...» И она быстро обернулась и такъ вопросительно, такъ настойчиво

взглянула на него, что онъ не могъ не понять ея взгляда, не могъ долѣе молчать...

— Марья Сергѣевна, произнесъ онъ запинаясь: — я.... у меня.... я вамъ долженъ что-то сказать....

— Говорите, быстро возразила Маша.

Лучковъ нерѣшительно посмотрѣлъ кругомъ.

— Я теперь не могу....

— Отчего же?

— Я бы желалъ поговорить съ вами наединѣ....

— Мы и теперь одни.

— Да.... но.... здѣсь въ домѣ....

Маша смутилась.... «Если я откажу ему», подумала она: «все кончено....» Любопытство погубило Евву....

— Я согласна, сказала она наконецъ.

— Когда же? Гдѣ?

Маша дышала быстро и неровно....

— Завтра.... вечеромъ. Вы знаете рощицу надъ Долгимъ-Лугомъ?...

— За мельницей?

Маша кивнула головой.

— Въ которомъ часу?

— Ждите....

Больше она не могла ничего выговорить; голосъ ея перервался.... она поблѣднѣла и проворно вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, г-нъ Перекатовъ, съ свойственной ему любезностью, провожалъ Лучкова до передней, съ чувствомъ жалъ ему руку и просилъ «не забывать», потомъ, отпустивъ гостя, съ важностью замѣтилъ человѣку, что не худо бы ему остричься — и, не дождавшись отвѣта, съ озабоченнымъ видомъ вернулся къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ присѣлъ на диванъ и тотчасъ же невинно заснулъ.

— Ты что-то блѣдна сегодня, говорила Ненила Макарьевна своей дочери вечеромъ того же дня. — Здорова ли ты?

— Я здорова, маменька.

Ненила Макарьевна поправила у ней на шеѣ косынку.

— Ты очень блѣдна; посмотри на меня, продолжала она съ тою материнскою заботливостію, въ которой все-таки слышится

родительская власть: — ну, вотъ и глаза твои не веселы. Ты нездорова, Маша.

— У меня голова немного болитъ, сказала Маша, чтобъ какъ-нибудь отдѣлаться.

— Ну, вотъ, я знала.—Ненила Макарьевна положила ладонь ко лбу Маши: — однако жару въ тебѣ нѣтъ.

Маша нагнулась и подняла съ пола какую-то нитку.

Руки Ненилы Макарьевны тихо легли вокругъ тонкаго стана Маши.

— Ты что-то, какъ-будто бы, мнѣ сказать хочешь, ласково проговорила она, не распуская рукъ.

Маша внутренно вздрогнула.

— Я? нѣтъ, маменька.

Мгновенное смущеніе Маши неускользнуло отъ родительскаго вниманія.

— Право, хочешь.... Подумай-ка.

Но Маша успѣла оправиться и, вмѣсто отвѣта, со смѣхомъ поцаловала руку матери.

— И будто нечего тебѣ сказать мнѣ?

— Ну, право же, нечего.

— Я тебѣ вѣрю, возразила Ненила Макарьевна послѣ непродолжительнаго молчанія.—Я знаю, у тебя нѣтъ ничего отъ меня скрытнаго.... Не правда ли?

— Конечно, маменька.

Маша, однакожь, не могла не покраснѣть немного.

— И хорошо дѣлаешь. Грѣшно было бы тебѣ скрываться отъ меня.... Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю, Маша.

— О, да, маменька!

И Маша прижалась къ ней.

— Ну, полно, довольно. (Ненила Макарьевна прошлась по комнатѣ). Ну, скажи же мнѣ, продолжала она голосомъ человѣка, который чувствуетъ, что вопросъ его не имѣетъ никакого особеннаго значенія: — о чемъ ты сегодня разговаривала съ Авдѣемъ Иванычемъ?

— Съ Авдѣемъ Иванычемъ? спокойно повторила Маша. — Да такъ, обо всемъ....

— Что, онъ тебѣ нравится?

— Какъ же, нравится.

— А помнишь, какъ ты желала съ нимъ познакомиться, какъ волновалась?...

Маша отвернулась и засмѣялась.

—Какой онъ странный! добродушно замѣтила Ненила Макарьевна.

Маша хотѣла было заступиться за Лучкова, да прикусила язычокъ.

— Да, конечно, проговорила она довольно небрежно:—онъ чудакъ, но все же онъ хорошій человѣкъ!

— О, да!... Что Ѳедоръ Ѳедорычъ не пріѣхалъ?

— Видно нездоровъ. Ахъ, да! кстати: Ѳедоръ Ѳедорычъ хотѣлъ мнѣ подарить собачку.... Ты мнѣ позволишь?

— Что? принять его подарокъ?

— Да.

— Разумѣется.

— Ну, благодарствуй, сказала Маша:—вотъ благодарствуй!

Ненила Макарьевна дошла до двери и вдругъ вернулась назадъ.

— А помнишь ты свое обѣщаніе, Маша?

— Какое?

— Ты хотѣла мнѣ сказать когда влюбишься?

— Помню.

— Ну, что жь?... Еще не время? (Маша звонко разсмѣялась). Посмотри-ка мнѣ въ глаза.

Маша ясно и смѣло взглянула на свою мать.

«Не можетъ быть!» подумала Ненила Макарьевна и успокоилась. — «Гдѣ ей меня обмануть!.... И съ чего я взяла?... Она еще совершенный ребенокъ....»

Она ушла....

«А вѣдь это грѣхъ», подумала Маша.

VI.

Кистеръ легъ уже спать, когда Лучковъ вошелъ къ нему въ комнату. Лицо бреттёра никогда не выражало *одного* чувства: такъ и теперь — притворное равнодушіе, грубая радость,

сознаніе своего превосходства.... множество различныхъ чувствъ разыгрывалось въ его чертахъ.

— Ну, что? ну, что? торопливо спросилъ его Кистеръ.

— Ну, что̀! Былъ. Тебѣ кланяются.

— Что̀? они всѣ здоровы?

— Что имъ дѣлается!

— Спрашивали, отчего я не пріѣхалъ?

— Спрашивали, кажется.

Лучковъ поглядѣлъ въ потолокъ и запѣлъ фальшиво. Кистеръ опустилъ глаза и задумался.

— А вѣдь вотъ, хриплымъ и рѣзкимъ голосомъ промолвилъ Лучковъ: — вотъ, ты умный человѣкъ, ты ученый человѣкъ, а вѣдь тоже иногда, съ позволенія сказать, дичь порешь.

— А что̀?

— А вотъ что̀. Напримѣръ, на-счетъ женщинъ. Вѣдь ужь какъ ты ихъ превозносишь. Стихи объ нихъ читаешь! Всѣ онѣ у тебя ангелы.... Хороши ангелы!

— Я женщинъ люблю и уважаю, но....

— Ну, конечно, конечно, перебилъ его Авдѣй. — Я вѣдь съ тобой не спорю. Гдѣ мнѣ! Я, разумѣется, человѣкъ простой.

— Я хотѣлъ сказать, что.... Однако, почему ты именно сегодня... именно теперь... заговорилъ о женщинахъ?

— Такъ! — Авдѣй значительно улыбнулся. — Такъ!

Кистеръ пронзительно поглядѣлъ на своего пріятеля. Онъ подумалъ (чистая душа!), что Маша дурно съ нимъ обошлась, — пожалуй, помучила его, какъ однѣ женщины умѣютъ мучить....

— Ты огорченъ, мой бѣдный Авдѣй, признайся....

Лучковъ расхохотался.

— Ну, огорчаться мнѣ, кажется, нѣчѣмъ, промолвилъ онъ съ разстановкой, самодовольно разглаживая усы. — Нѣтъ, вотъ видишь ли что, Ѳедя, продолжалъ онъ тономъ наставника: — я хотѣлъ тебѣ только замѣтить, что ты на-счетъ женщинъ ошибаешься, другъ мой.... Повѣрь мнѣ, Ѳедя, онѣ всѣ на одну стать. Стòитъ похлопотать немного, повертѣться около нихъ — и дѣло въ шляпѣ. Вотъ хоть бы Маша Перекатова....

— Ну?

Лучковъ постучалъ ногой объ полъ и покачалъ головой.

— Кажется, что во мнѣ такого особеннаго и привлекательнаго, а? Кажется, ничего. Вѣдь ничего? А вотъ завтра мнѣ назначено свиданье.

Кистеръ приподнялся, оперся на локоть и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Лучкова.

— Вечеромъ, въ рощѣ.... спокойно продолжалъ Авдѣй Ивановичъ.—Но ты не думай чего-нибудь такого. Я только такъ. Знаешь — скучно. Дѣвочка хорошенькая.... ну, думаю, что за бѣда? Жениться-то я не женюсь.... а такъ тряхну стариной. Бабиться не люблю — а дѣвчонку потѣшить можно. Вмѣстѣ послушаемъ соловьевъ. Это — по-настоящему, твое дѣло; да вишь, у этого бабья глазъ нѣту. Что я, кажись, передъ тобой?...

Лучковъ говорилъ долго. Но Кистеръ его не слушалъ. У него голова пошла кругомъ. Онъ блѣднѣлъ и проводилъ рукою по лицу. Лучковъ покачивался въ креслахъ, жмурился, потягивался, — и приписывая ревности волненіе Кистера, чуть не задыхался отъ удовольствія. Но Кистера мучила не ревность: онъ былъ оскорбленъ не самимъ признаньемъ, но грубой небрежностью Авдѣя, его равнодушнымъ и презрительнымъ отзывомъ о Машѣ. Онъ продолжалъ пристально глядѣть на бреттёра — и, казалось, въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ его черты. Такъ вотъ изъ чего хлопоталъ онъ! Вотъ для чего жертвовалъ собственной наклонностью! Вотъ оно, благодатное дѣйствіе любви!

— Авдѣй.... развѣ ты ея не любишь? пробормоталъ онъ наконецъ.

— О невинность! о Аркадія! съ злобнымъ хохотомъ возразилъ Авдѣй.

Добрый Кистеръ и тутъ не поддался: можетъ-быть, думалъ онъ, Авдѣй злится и «ломается» по привычкѣ. .. Онъ не нашелъ еще новыхъ словъ для выраженія новыхъ ощущеній. Да и въ немъ самомъ — въ Кистерѣ — не скрывается ли другое чувство подъ негодованіемъ? Не оттого ли такъ непріятно поразило его признаніе Лучкова, что дѣло касалось Маши? Почему знать, можетъ-быть, Лучковъ дѣйствительно въ нее влюбленъ?... Но нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Этотъ человѣкъ влюбленъ?... Гадо къ этотъ человѣкъ съ своимъ жолч-

нымъ и желтымъ лицомъ, съ своими судорожными и кошачьими движеніями, съ приподнятымъ отъ радости горломъ!... гадокъ!!! Нѣтъ, не такими словами высказалъ бы Кистеръ преданному другу тайну любви своей... Въ избыткѣ счастія, съ нѣмымъ восторгомъ, съ свѣтлыми, обильными слезами на глазахъ, прижался бы онъ къ его груди....

— Что̀, братъ? заговорилъ Авдѣй: — не ожидалъ, признайся? и теперь самому досадно? а? завидно? признайся, Ѳедя! а? а? Вѣдь изъ-подъ носу подтибрилъ у тебя дѣвчонку!

Кистеръ хотѣлъ было высказаться и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. — Объясняться.... передъ нимъ?? Ни за что! шепталъ онъ про себя. — Онъ меня не понимаетъ.... пусть! Онъ предполагаетъ во мнѣ одни дурныя чувства — пусть!...

Авдѣй всталъ.

— Я вижу, ты спать хочешь, проговорилъ онъ съ притворнымъ участіемъ: — я тебѣ не хочу мѣшать. Спи спокойно, другъ мой.... спи!

И Лучковъ вышелъ, весьма довольный собою.

Кистеръ не могъ заснуть до зари. Онъ съ лихорадочнымъ упрямствомъ перевертывалъ и передумывалъ одну и ту же мысль — занятіе, слишкомъ извѣстное несчастнымъ любовникамъ: оно дѣйствуетъ на душу, какъ мѣхи на тлѣющій уголь.

«Если даже», думалъ онъ: — «Лучковъ къ ней равнодушенъ, если она сама бросилась ему на шею, все-таки не долженъ онъ былъ даже со мной, съ своимъ другомъ, такъ непочтительно, такъ обидно говорить о ней! Чѣмъ она виновата? Какъ не пожалѣть бѣдной, неопытной дѣвушки?

«Но неужели она ему назначила свиданіе? Назначила — точно назначила. Авдѣй не лжетъ; онъ никогда не лжетъ. Но, можетъ-быть, это въ ней такъ, одна фантазія...

«Но она его не знаетъ.... Онъ въ состояніи, пожалуй, оскорбить ее. Послѣ сегодняшняго дня, я ни за что не отвѣчаю.... А не сами ли вы, г-нъ Кистеръ, его расхваливали и превозносили? Не сами ли вы возбудили ея любопытство?... Но кто жь это зналъ? Кто это могъ предвидѣть?...

«Что̀ предвидѣть? Давно ли онъ пересталъ быть моимъ другомъ?... Да полно былъ ли онъ когда моимъ другомъ? Какое разочарованіе! Какой урокъ!»

Все прошедшее вихремъ крутилось передъ глазами Кистера.

— Да, я его любилъ, прошепталъ онъ наконецъ. — Отчего же я разлюбилъ его? такъ скоро?... Да разлюбилъ ли я его?

«Нѣтъ, отчего полюбилъ я его? Я одинъ?»

Любящее сердце Кистера оттого именно и привязалось къ Авдѣю, что всѣ другіе его чуждались. Но добрый молодой человѣкъ не зналъ самъ, какъ велика его доброта.

— Мой долгъ, продолжалъ онъ: — предупредить Марью Сергѣевну. Но какъ? Какое право имѣю я вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ чужую любовь? Почему я знаю какого рода эта любовь? Можетъ-быть, и въ самомъ Лучковъ.... Нѣтъ! нѣтъ! говорилъ онъ вслухъ, съ досадой, почти со слезами, поправляя подушки: — этотъ человѣкъ камень....

«Я самъ виноватъ.... я потерялъ друга.... Хорошъ другъ! Хороша и она!

«Какой я гадкій эгоистъ! Нѣтъ-нѣтъ!! отъ глубины души желаю имъ счастья....

«Счастья! Да онъ смѣется надъ ней!...

«И зачѣмъ онъ себѣ усы краситъ? Ужь, право, кажется....

. . . . . .

«Ахъ, какъ я смѣшонъ!» твердилъ онъ, засыпая.

. . . . . .

VII.

На другой день утромъ, Кистеръ поѣхалъ къ Перекатовымъ. При свиданіи, — и Кистеръ замѣтилъ большую перемѣну въ Машѣ, и Маша нашла въ немъ перемѣну; но промолчали оба. Все утро имъ было противъ обыкновенія неловко. Дома Кистеръ приготовилъ было множество двусмысленныхъ рѣчей и намековъ, дружескихъ совѣтовъ.... но всѣ эти приготовленія оказались совершенно безполезными. Маша смутно чувствовала, что Кистеръ за ней наблюдаетъ; ей казалось, что онъ съ намѣреніемъ значительно произноситъ иныя слова; но она также чувствовала въ себѣ волненіе и не вѣрила своимъ наблюденіямъ. «Какъ бы онъ не вздумалъ остаться до вечера!» без-

престанно думала она и старалась дать ему понять, что онъ лишній. Съ своей стороны, Кистеръ принималъ ея неловкость, ея тревогу за очевидные признаки любви, и чѣмъ болѣе онъ за нее боялся, тѣмъ менѣе рѣшался заговорить о Лучковѣ; а Маша упорно молчала о немъ. Тяжело было бѣдному Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ начиналъ, наконецъ, понимать собственныя чувства. Никогда Маша ему не казалась милѣй. Она видимо не спала всю ночь. Легкій румянецъ пятнами выступалъ на ея блѣдномъ лицѣ; станъ слегка сгибался; невольная, томная улыбка не сходила съ губъ; изрѣдка пробѣгала дрожь по ея поблѣднѣвшимъ плечамъ; взгляды тихо разгорались и быстро погасали.... Ненила Макарьевна подсѣла къ нимъ и, можетъ-быть, съ намѣреніемъ упомянула объ Авдѣѣ Ивановичѣ. Но Маша въ присутствіи матери вооружилась jusqu'aux dents, какъ говорятъ Французы, и не выдала себя нисколько. Такъ прошло все утро.

— Вы обѣдаете у насъ? спросила Ненила Макарьевна Кистера.

Маша отвернулась.

— Нѣтъ, поспѣшно произнесъ Кистеръ и взглянулъ на Машу. — Вы меня извините.... обязанности службы.... Ненила Макарьевна изъявила свое сожалѣніе, какъ водится; вслѣдъ за ней г. Перекатовъ. «Я никому не хочу мѣшать» хотѣлъ сказать Кистеръ Машѣ, проходя мимо, но, вмѣсто того, наклонился, шепнулъ: «будьте счастливы.... прощайте.... берегитесь....» и скрылся.

Маша вздохнула отъ глубины души, а потомъ испугалась его отъѣзда. Что жь ее мучило? любовь или любопытство? Богъ-знаетъ; но, повторяемъ, одного любопытства достаточно было, чтобы погубить Евву.

VIII.

Долгимъ-Лугомъ называлась широкая и ровная поляна на правой сторонѣ рѣчки Снѣжинки, въ верстѣ отъ имѣнія гг. Перекатовыхъ. Лѣвый берегъ, весь покрытый молодымъ, гу-

стымъ дубнякомъ, круто возвышался надъ рѣчкой, почти заросшей лозниками, исключая небольшихъ «заводей», пристанища дикихъ утокъ. Въ полуверстѣ отъ рѣчки, по правую же сторону Долгаго-Луга, начинались покатые, волнистые холмы, рѣдко усѣянные старыми березами, кустами орѣшника и калины.

Солнце садилось. Мельница шумѣла и стучала вдали, то громче, то тише, смотря по вѣтру. Господскій табунъ лѣниво бродилъ по лугу; пастухъ шелъ, напѣвая, за стадомъ жадныхъ и пугливыхъ овецъ; сторожевыя собаки со скуки гнались за воронами. По рощѣ ходилъ скрестя руки Лучковъ. Его привязанная лошадь уже не разъ отозвалась нетерпѣливо на звонкое ржаніе жеребятъ и кобылъ. Авдѣй злился и робѣлъ, по обыкновенію. Еще неувѣренный въ любви Маши, онъ уже сердился на нее, досадовалъ на себя.... но волненіе въ немъ заглушало досаду. Онъ остановился наконецъ передъ широкимъ кустомъ орѣшника и началъ хлыстикомъ сбивать крайнія листья....

Ему послышался легкій шумъ.... онъ поднялъ голову.... Въ десяти шагахъ отъ него стояла Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, въ шляпкѣ, но безъ перчатокъ, въ бѣломъ платьѣ, съ наскоро-завязаннымъ платочкомъ на шеѣ. Она проворно опустила глаза и тихо покачнулась....

Авдѣй неловко и съ натянутой улыбкой подошелъ къ ней.

— Какъ я счастливъ.... началъ было онъ едва внятно.

— Я очень-рада.... васъ встрѣтить.... задыхаясь перебила его Маша. — Я обыкновенно гуляю здѣсь по вечерамъ.... и вы....

Но Лучковъ не умѣлъ даже пощадить ея стыдливость, поддержать ея невинную ложь.

— Кажется, Марья Сергѣвна, промолвилъ онъ съ достоинствомъ: — вамъ самимъ угодно было....

— Да.... да.... торопливо возразила Маша. — Вы желали меня видѣть, вы хотѣли.... Голосъ ея замеръ.

Лучковъ молчалъ.

Маша робко подняла глаза.

— Извините меня, началъ онъ, не глядя на нее: — я человѣкъ простой и не привыкъ объясняться.... съ дамами.... Я....

я желалъ вамъ сказать.... но, кажется, вы не расположены меня слушать....

— Говорите....

— Вы приказываете.... Ну, такъ скажу вамъ откровенно, что уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь съ вами познакомиться....

Авдѣй остановился.

Маша ждала конца рѣчи.

— Впрочемъ, я не знаю, для чего это все вамъ говорю.... Своей судьбы не перемѣнишь.

— Почему знать....

— Я знаю! мрачно возразилъ Авдѣй. — Я привыкъ встрѣчать ея удары!

Машѣ показалось, что теперь по крайней мѣрѣ не слѣдовало Лучкову жаловаться на судьбу.

— Есть добрые люди на свѣтѣ, съ улыбкой замѣтила она: — даже слишкомъ добрые....

— Я понимаю васъ, Марья Сергѣевна и, повѣрьте, умѣю цѣнить ваше расположеніе.... Я.... я.... Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.... Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать.... что вы мнѣ нравитесь, Марья Сергѣевна, чрезвычайно нравитесь....

— Я очень вамъ благодарна, съ смущеніемъ перебила его Маша; сердце ея сжалось отъ ожиданія и страха. — Ахъ, посмотрите, г. Лучковъ, продолжала она, посмотрите какой видъ!

Она указала ему на лугъ, весь испещренный длинными, вечерними тѣнями, весь алѣющій на солнцѣ.

Внутренно обрадованный внезапной перемѣной разговора, Лучковъ началъ «любоваться» видомъ. Онъ сталъ подлѣ Маши....

— Вы любите природу? спросила она вдругъ, быстро повернувъ головку и взглянувъ на него тѣмъ дружелюбнымъ, любопытнымъ и мягкимъ взглядомъ, который, какъ звенящій голосокъ, дается только молодымъ дѣвушкамъ.

— Да.... природа.... конечно.... пробормоталъ Авдѣй. — Конечно.... вечеромъ пріятно гулять, хотя, признаться, я солдатъ и нѣжности не по моей части.

Лучковъ часто повторялъ, что онъ «солдатъ».

Настало небольшое молчаніе. Маша продолжала глядѣть на лугъ.

— Не уйдти ли? подумалъ Авдѣй.—Вотъ вздоръ! Смѣлѣй.... Марья Сергѣевна.... заговорилъ онъ довольно твердымъ голосомъ.

Маша обернулась къ нему.

— Извините меня, началъ онъ какъ-бы шутя: — но позвольте съ моей стороны узнать, что̀ вы думаете обо мнѣ, чувствуете ли вы какое-нибудь.... этакое.... расположеніе къ моей особѣ?

— Боже мой, какъ онъ неловокъ! сказала про-себя Маша. — Знаете ли вы, господинъ Лучковъ, отвѣчала она ему съ улыбкой: — что женщины никогда не даютъ рѣшительнаго отвѣта на рѣшительный вопросъ?

— Однако....

— Да на что вамъ?

— Да я, помилуйте, желаю знать.

— Но.... Правда ли, что вы большой дуэлистъ? Скажите правда ли? промолвила Маша съ робкимъ любопытствомъ: — говорятъ, вы уже не одного человѣка убили?

— Случалось, равнодушно возразилъ Авдѣй и погладилъ усы.

Маша пристально посмотрѣла на него.

— Вотъ этой рукой.... прошептала она.

Между тѣмъ, кровь разгорѣлась въ Лучковѣ. Уже болѣе четверти часа молодая, хорошенькая дѣвушка вертѣлась передъ нимъ....

— Марья Сергѣвна, заговорилъ онъ опять рѣзкимъ и страннымъ голосомъ: — вы теперь знаете мои чувства, знаете, зачѣмъ я желалъ васъ видѣть.... Вы были столько добры.... Скажите же и вы мнѣ, наконецъ, чего я могу надѣяться....

Маша вертѣла въ рукахъ полевую гвоздику.... Она взглянула съ боку на Лучкова, покраснѣла, улыбнулась, сказала:

— Какіе вы пустяки говорите,—и подала ему цвѣтокъ.

Авдѣй схватилъ ее за руку.

— Итакъ, вы меня любите! воскликнулъ онъ.

Маша вся похолодѣла отъ испуга. Она не думала признаваться Авдѣю въ любви; она сама еще навѣрное не знала, любитъ ли она его, и вотъ ужь онъ ее предупреждаетъ, насильно заставляетъ высказаться—стало-быть, онъ ее не понимаетъ....

Эта мысль быстрѣе молніи сверкнула въ головѣ Маши. Она никакъ не ожидала такой скорой развязки.... Маша, какъ любопытный ребенокъ, цѣлый день себя спрашивала: «Неужели Лучковъ меня любитъ?» мечтала о пріятной вечерней прогулкѣ, почтительныхъ и нѣжныхъ рѣчахъ, мысленно кокетничала, пріучала къ себѣ дикаря, позволяла при прощаньи поцаловать свою руку... и, вмѣсто того....

Вмѣсто того, она вдругъ почувствовала у себя на щекѣ жосткіе усы Авдѣя....

— Будемте счастливы, шепталъ онъ: — вѣдь только есть одно счастье на землѣ!...

Маша вздрогнула, съ ужасомъ отбѣжала въ сторону и вся блѣдная, остановилась, опираясь рукой о березу. Авдѣй смѣшался страшно.

— Извините меня, бормоталъ онъ, подвигаясь къ ней: — я, право, не думалъ....

Маша молча, во всѣ глаза глядѣла на него.... Непріятная улыбка кривила его губы.... красныя пятна выступили на его лицѣ....

— Чего же вы боитесь? продолжалъ онъ: — велика важность? Вѣдь между нами уже все.... того....

Маша молчала.

— Ну, полноте!... что за глупости?... это только такъ....

Лучковъ протянулъ къ ней руку....

Маша вспомнила Кистера, его «берегитесь», замерла отъ страха, и довольно визгливымъ голосомъ закричала:

— Танюша!

Изъ-за орѣховаго куста вынурнуло круглое и пухлое лицо горничной.... Авдѣй потерялся совершенно. Успокоенная присутствіемъ своей прислужницы, Маша не тронулась съ мѣста.... Но бреттёръ весь затрепеталъ отъ прилива злости; глаза его съёжились; онъ стиснулъ кулаки и судорожно захохоталъ.

— Браво! браво! Умно — нѣчего сказать! закричалъ онъ. Маша остолбенѣла.

— Вы, я вижу, приняли всѣ мѣры предосторожности, Марья Сергѣвна! Осторожность никогда не мѣшаетъ. Каково? Въ наше время барышни дальновиднѣе стариковъ. Вотъ тебѣ и любовь!

— Я не знаю, господинъ Лучковъ, кто вамъ далъ право говорить о любви.... о какой любви?

— Какъ кто? Да вы сами! перебилъ ее Лучковъ:—вотъ еще!

Онъ чувствовалъ, что портитъ все дѣло, но не могъ удержаться.

— Я поступила необдуманно, проговорила Маша... Я снизошла на вашу просьбу въ надеждѣ на вашу délicatesse... да вы не понимаете пофранцузски — на вашу вѣжливость....

Авдѣй поблѣднѣлъ. Маша поразила его въ самое сердце.

— Я не понимаю пофранцузски.... можетъ-быть; но я понимаю.... я понимаю, что вамъ угодно было смѣяться надо мной....

— Совсѣмъ нѣтъ, Авдѣй Иванычъ.... я даже очень сожалѣю....

— Ужь, пожалуйста, не толкуйте объ вашемъ сожалѣніи, съ запальчивостію перебилъ ее Авдѣй:—ужь отъ этого-то вы меня избавьте!

— Г-нъ Лучковъ....

— Да не извольте смотрѣть герцогиней.... Напрасный трудъ! меня вы не запугаете.

Маша отступила шагъ назадъ, быстро повернулась и пошла прочь.

— Прикажите вамъ прислать вашего друга, вашего пастушка, чувствительнаго Сердечкина, Кистера? закричалъ ей вслѣдъ Авдѣй. Онъ терялъ голову.—Ужь не этотъ ли пріятель?....

Маша не отвѣчала ему и поспѣшно, радостно удалялась. Ей было легко, не смотря на испугъ и волненье. Она какъ будто пробудилась отъ тяжелаго сна, изъ темной комнаты вышла на воздухъ и солнце.... Авдѣй, какъ изступленный, посмотрѣлъ кругомъ, съ молчаливымъ бѣшенствомъ сломалъ молодое деревцо, вскочилъ на лошадь, и такъ яростно вонзалъ въ нее шпоры, такъ безжалостно дергалъ и крутилъ поводья, что несчастное животное, проскакавъ восемь верстъ въ четверть часа, едва не издохло въ ту же ночь....

Кистеръ напрасно до полуночи прождалъ Лучкова, и на другой день утромъ самъ отправился къ нему. Деньщикъ доложилъ Ѳедору Ѳедоровичу, что баринъ-де почиваетъ и не велѣлъ никого принимать. «И меня не велѣлъ?» — И ваше благородье не велѣлъ.—Кистеръ съ мучительнымъ безпокойствомъ про-

шелся раза два по улицѣ, вернулся домой. Человѣкъ ему подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ Перекатовыхъ-съ. Артёмка-фалеторъ привезъ.

У Кистера задрожали руки.

— Приказали кланяться. Приказали отвѣта просить-съ. Артёмкѣ прикажете дать водки-съ?

Кистеръ медленно развернулъ записочку и прочелъ слѣдующее:

«Любезный, добрый Ѳедоръ Ѳедоровичъ,

«Мнѣ очень, *очень* нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, если «можете, сегодня. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, прошу «васъ именемъ нашей старинной дружбы. Еслибъ вы знали.... «да вы все узнаете. До свиданія—не правда ли?

«Marie.»

«P. S. Непремѣнно пріѣзжайте сегодня.»

. . . . . .

— Такъ прикажите-съ Артёмкѣ-фалетору поднести водки?

Кистеръ долго, съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему человѣку и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Баринъ приказалъ тебѣ водки поднести, и мнѣ приказалъ съ тобою выпить, говорилъ Кистеровъ человѣкъ Артёмкѣ-фалетору.

IX.

Маша съ такимъ яснымъ и благороднымъ лицомъ пошла на встрѣчу Кистеру, когда онъ вошелъ въ гостиную, такъ дружелюбно и крѣпко стиснула ему руку, что у него сердце забилось отъ радости и камень свалился съ груди. Впрочемъ, Маша не сказала ему ни слова и тотчасъ вышла изъ комнаты. Сергѣй Сергѣевичъ сидѣлъ на диванѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Начался разговоръ. Не успѣлъ еще Сергѣй Сергѣевичъ съ обычнымъ искусствомъ навести стороною рѣчь на свою собаку, какъ уже Маша возвратилась съ шелковымъ клѣтчатымъ поясомъ на платьѣ, любимымъ поясомъ Кистера. Явилась Ненила Макарьевна и дружелюбно привѣтствовала Ѳедора Ѳедоровича. За

обѣдомъ всѣ смѣялись и шутили; самъ Сергѣй Сергѣевичъ одушевился и разсказалъ одну изъ самыхъ веселыхъ проказъ своей молодости,—при чемъ онъ, какъ страусъ, пряталъ голову отъ жены....

— Пойдемте гулять, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказала Кистеру Маша, послѣ обѣда, съ тою ласковою властью въ голосѣ, которая какъ-будто знаетъ, что вамъ весело ей покориться. — Мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ, важномъ дѣлѣ, прибавила она съ граціозною торжественностью, надѣвая шведскія перчатки.—Пойдешь ты съ нами, maman?

— Нѣтъ, возразила Ненила Макарьевна.

— Да мы не въ садъ идемъ.

— А куда же?

— Въ Долгій Лугъ, въ рощу.

— Возьми съ собой Танюшу.

— Танюша, Танюша! звонко крикнула Маша, легче птицы выпорхнувъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, Маша шла съ Кистеромъ къ Долгому-Лугу. Проходя мимо стада, она покормила хлѣбомъ свою любимую корову, погладила ее по головѣ, и Кистера заставила приласкать ее. Маша была весела и болтала много. Кистеръ охотно вторилъ ей, хотя съ нетерпѣніемъ ждалъ объясненій.... Танюша шла сзади въ почтительномъ отдаленіи, и лишь изрѣдка, лукаво взглядывала на барышню.

— Вы на меня не сердитесь, Ѳедоръ Ѳедорычъ? спросила Маша.

— На васъ, Марья Сергѣевна? Помилуйте, за что?

— А третьяго дня.... помните?

— Вы были не въ духѣ.... вотъ и все.

— Зачѣмъ мы идемъ розно? Дайте мнѣ вашу руку. Вотъ такъ.... И вы были не въ духѣ.

— И я.

— Но сегодня я въ духѣ, не правда ли?

— Да, кажется, сегодня....

— И знаете отчего? Оттого, что.... Маша важно покачала головой. — Ну, ужь я знаю отчего.... Оттого, что я съ вами, прибавила она, не глядя на Кистера.

— Кистеръ тихонько пожалъ ея руку.

— А что жь вы меня не спрашиваете?... вполголоса проговорила Маша.

— О чемъ?

— Ну, не притворяйтесь.... о моемъ письмѣ.

— Я ждалъ....

— Вотъ оттого мнѣ и весело съ вами, съ живостію перебила его Маша: — оттого, что вы добрый, нѣжный человѣкъ, оттого, что вы не въ состояніи... parceque vous avez de la délicatesse. Вамъ это можно сказать: вы понимаете пофранцузски.

Кистеръ понималъ пофранцузски, но рѣшительно не понималъ Маши.

— Сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, вотъ этотъ... какой хорошенькій! Маша полюбовалась имъ и вдругъ, быстро высвободивъ свою руку, съ заботливой улыбкой, начала осторожно вдѣвать гибкій стебелекъ въ петлю кистерова сюртука. Ея тонкіе пальцы почти касались его губъ. Онъ посмотрѣлъ на эти пальцы, потомъ на нее. Она кивнула головой, какъ-бы говоря: можно.... Кистеръ нагнулся и поцаловалъ кончики ея перчатокъ.

Между тѣмъ, они приблизились къ знакомой рощѣ. Маша вдругъ стала задумчивѣе и наконецъ замолчала совершенно. Они пришли на то самое мѣсто, гдѣ ожидалъ ее Лучковъ. Измятая трава еще не успѣла приподняться; сломаное деревцо уже успѣло завянуть, листочки уже начинали свертываться въ трубочки и сохнуть. Маша посмотрѣла кругомъ и вдругъ обратилась къ Кистеру.

— Знаете ли вы, зачѣмъ я васъ привела сюда?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете?... Отчего вы мнѣ ничего не сказали сегодня о вашемъ пріятелѣ, господинѣ Лучковѣ? Вы всегда его такъ хвалите....

Кистеръ опустилъ глаза и замолчалъ.

— Знаете ли, не безъ усилья произнесла Маша: — что я ему назначила вчера.... здѣсь.... свиданье?

— Я это зналъ, глухо возразилъ Кистеръ.

— Знали?... А! теперь я понимаю, почему третьяго дня... Г. Лучковъ, видно, поспѣшилъ похвастаться своей *побѣдой*.

Кистеръ хотѣлъ было отвѣтить....

— Не говорите, не возражайте мнѣ ничего.... Я знаю — онъ вашъ другъ; вы въ состояніи его защищать. Вы знали, Кистеръ, знали... Какъ же вы не помѣшали мнѣ сдѣлать такую глупость? Какъ вы не выдрали меня за уши, какъ ребенка?... Вы знали.... и вамъ было все равно?

— Но какое право имѣлъ я....

— Какое право!... право друга. Но и онъ вашъ другъ... Мнѣ совѣстно, Кистеръ... Онъ вашъ другъ... Этотъ человѣкъ обошелся со мной вчера такъ... Маша отвернулась...

Глаза Кистера вспыхнули; онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, полноте, не сердитесь... Слышите, Ѳедоръ Ѳедорычъ, не сердитесь. Все къ лучшему. Я очень рада вчерашнему объясненію.... именно объясненію, прибавила Маша. — Для чего, вы думаете, я заговорила съ вами объ этомъ? Для того, чтобъ пожаловаться на г. Лучкова? Полноте! Я забыла о немъ. Но я виновата передъ вами мой добрый Кистеръ... Я хочу объясниться, попросить вашего прощенья.... вашего совѣта. Вы пріучили меня къ откровенности; мнѣ легко съ вами... Вы не какой-нибудь г. Лучковъ!

— Лучковъ неловокъ и грубъ, съ трудомъ выговорилъ Кистеръ: — но....

— Что *но?* Какъ вамъ не стыдно говорить *но?* Онъ грубъ, и неловокъ, *и* золъ, *и* самолюбивъ... Слышите: *и*, а не *но*.

— Вы говорите подъ вліяніемъ гнѣва, Марья Сергѣвна, грустно промолвилъ Кистеръ.

— Гнѣва? Какого гнѣва? Посмотрите на меня: развѣ такъ гнѣваются? Послушайте, продолжала Маша: — думайте обо мнѣ, что вамъ угодно.... но если вы, воображаете, что я сегодня кокетничаю съ вами изъ мести, то.... то.... Слезы навернулись у ней на глазахъ: — я разсержусь не шутя.

— Будьте со мной откровенны, Марья Сергѣевна....

— О, глупый человѣкъ! О, не догадливый! Да взгляните на меня, развѣ я неоткровенна съ вами, развѣ вы не видите меня насквозь?

— Ну хорошо.... да; я вѣрю вамъ, съ улыбкой продолжалъ Кистеръ, видя, съ какой заботливой настойчивостью она ловила его взглядъ: — ну, скажите же мнѣ, что васъ побудило назначить свиданье Лучкову?

— Что? сама не знаю. Онъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ. Мнѣ казалось, что онъ все еще не имѣлъ время, случая высказаться. Теперь онъ высказался! Послушайте: онъ, можетъ-быть, необыкновенный человѣкъ, но онъ — глупъ, право.... Онъ — двухъ словъ сказать не умѣетъ. Онъ — просто невѣжливъ. Впрочемъ, я даже не очень его виню.... онъ могъ подумать, что я вѣтреная, съумасшедшая дѣвчонка. Я съ нимъ почти никогда не говорила.... Онъ, точно, возбуждалъ мое любопытство, но я воображала, что человѣкъ, который заслуживаетъ быть вашимъ другомъ....

— Не говорите, пожалуйста, о немъ, какъ о моемъ другѣ, перебилъ ее Кистеръ.

— Нѣтъ! нѣтъ, я не хочу васъ разсорить.

— О Боже мой, я для васъ готовъ пожертвовать не только другомъ, но и.... Между мной и г. Лучковымъ все кончено! поспѣшно прибавилъ Кистеръ.

Маша пристально взглянула ему въ лицо.

— Ну, Богъ съ нимъ! сказала она. — Не станемте говорить о немъ. Мнѣ впередъ урокъ. Я сама виновата. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я почти каждый день видѣла человѣка добраго, умнаго, веселаго, ласковаго, который.... — Маша смѣшалась и замѣшкалась: — который, кажется, меня тоже.... немного.... жаловалъ.... и я, глупая, — быстро продолжала она: — предпочла ему.... нѣтъ, нѣтъ, не предпочла, а....

Она потупила голову и съ смущеніемъ замолчала.

Кистеру становилось страшно. — Быть не можетъ! твердилъ онъ про себя.

— Марья Сергѣевна! заговорилъ онъ наконецъ.

Маша подняла голову и остановила на немъ глаза, отягченные непролитыми слезами.

— Вы не угадываете, о комъ я говорю? спросила она.

Едва дыша, Кистеръ протянулъ руку. Маша тотчасъ съ жаромъ схватилась за нее.

— Вы мой другъ попрежнему, не правда ли?... Что жь вы не отвѣчаете?

— Я вашъ другъ, вы это знаете, пробормоталъ онъ.

— И вы не осуждаете меня? Вы простили мнѣ?... Вы понимаете меня. Вы не смѣетесь надъ дѣвушкой, которая наканунѣ

назначила свиданье одному, а сегодня говоритъ уже съ другимъ, какъ я говорю съ вами.... Не правда ли, вы не смѣетесь надо мною?... — Лицо Маши рдѣло; она обѣими руками держалась за руку Кистера....

— Смѣяться надъ вами, отвѣчалъ Кистеръ: — я.... я.... да я васъ люблю.... я въ васъ влюбленъ, воскликнулъ онъ.

Маша закрыла себѣ лицо.

— Неужели жь вы давно не знаете, Марья Сергѣевна, что я люблю васъ?

X.

Три недѣли послѣ этого свиданья, Кистеръ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и писалъ слѣдующее письмо къ своей матери:

«Любезная матушка!

«Спѣшу подѣлиться съ вами большой радостью: я женюсь. «Это извѣстіе васъ, вѣроятно, только потому удивитъ, что въ «прежнихъ моихъ письмахъ я даже не намекалъ на такую ва- «жную перемѣну въ моей жизни, — а вы знаете, что я при- «выкъ дѣлиться съ вами всѣми моими чувствами, моими радо- «стями и печалями. Причины моего молчанія объяснить вамъ «легко. Вопервыхъ, я только недавно самъ узналъ, что я лю- «бимъ; а вовторыхъ, съ моей стороны, я тоже недавно почув- «ствовалъ всю силу своей привязанности. Въ одномъ изъ пер- «выхъ моихъ писемъ отсюда, я вамъ говорилъ о Перекатовыхъ, «нашихъ сосѣдяхъ; я женюсь на ихъ единственной дочери Ма- «ріи. Я твердо увѣренъ, что мы оба будемъ счастливы; она «возбудила во мнѣ не мгновенную страсть, но глубокое, ис- «креннее чувство, въ которомъ дружба слилась съ любовью. «Ея веселый, кроткій нравъ вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ на- «клонностямъ. Она образована, умна, прекрасно играетъ на «фортепьяно.... Еслибъ вы могли ее видѣть!! Посылаю вамъ «ея портретъ, мною нарисованный. Нечего, кажется, и гово- «рить, что она во сто разъ лучше своего портрета. Маша васъ «уже любитъ какъ дочь и не дождется для свиданія съ вами. Я «намѣренъ выйдти въ отставку, и поселиться въ деревнѣ и за- «няться хозяйствомъ. У старика Перекатова четыреста душъ «въ отличномъ состояніи. Вы видите, что и съ этой, матері- «альной стороны, нельзя не похвалить моего рѣшенія. Я беру

«отпускъ и ѣду въ Москву и къ вамъ. Ждите меня, недѣли «черезъ двѣ, не болѣе. Милая, добрая маменька — какъ я «счастливъ!.... Обнимите меня....» и т. д.

Всего письма, кажется, не стоитъ сообщать читателю.

Кистеръ сложилъ и запечаталъ письмо, всталъ, подошелъ къ окну, выкурилъ трубку, подумалъ немного и вернулся къ столу. Онъ досталъ небольшой листокъ почтовой бумаги, тщательно обмокнулъ перо въ чернила, но долго не начиналъ писать, хмурилъ брови, поднималъ глаза къ потолку, кусалъ конецъ пера.... Наконецъ онъ рѣшился и въ теченіи четверти часа сочинилъ слѣдующее посланье:

«Милостивый государь

«Авдѣй Ивановичъ!

«Со дня вашего послѣдняго посѣщенія (т. е. въ теченіе «трехъ недѣль) вы мнѣ не кланяетесь, не говорите со мной и «какъ-бы избѣгаете моей встрѣчи. Всякій человѣкъ, безспор«но, въ своихъ поступкахъ воленъ; вамъ угодно было прекра«тить наше знакомство — и я, повѣрьте, не обращаюсь къ «вамъ съ жалобой на васъ же самихъ; я не намѣренъ и не «привыкъ навязываться кому бы то ни было: мнѣ довольно «сознанія моей правоты. Я пишу къ вамъ теперь — по чув«ству долга. Я сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Сергѣевнѣ Пере«катовой и получилъ ея согласіе, а также и согласіе ея роди«телей. Сообщаю это извѣстіе — прямо и непосредственно «*вамъ*, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и подозрѣній. «Откровенно признаюсь вамъ, М. Г., что я не могу слишкомъ «заботиться о мнѣніи человѣка, который самъ не обращаетъ «малѣйшаго вниманія на мнѣнія и чувства другихъ людей и «пишу къ вамъ единственно потому, что въ этомъ случаѣ я «не хочу даже подать вида, какъ будто поступалъ или посту«паю украдкой. Смѣю сказать: вы меня знаете — и не припи«шите моего теперешняго поступка какому-нибудь другому, «дурному чувству. Въ послѣдній разъ говоря съ вами, не могу «не пожелать вамъ, въ память нашей прежней дружбы, всѣхъ «возможныхъ земныхъ благъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь, М. Г.,

«вашъ покорный слуга

«Ѳедоръ Кистеръ.»

Ѳедоръ Ѳедоровичъ отправилъ эту записку по адресу, одѣлся и велѣлъ заложить себѣ коляску. Веселый и беззаботный, ходилъ онъ, попѣвая, по своей комнаткѣ, подпрыгнулъ даже раза два, завернулъ тетрадь романсовъ въ трубочку и перевязалъ ее голубой ленточкой.... Дверь растворилась — и въ сюртукѣ, безъ эполетъ, съ фуражкой на головѣ, вошелъ Лучковъ.

Изумленный Кистеръ остановился среди комнаты, не додѣлавъ розетки.

— Вы женитесь на Перекатовой? спросилъ спокойнымъ голосомъ Авдѣй.

Кистеръ вспыхнулъ.

— Милостивый государь, началъ онъ: — входя въ комнату, порядочные люди снимаютъ шапку и здороваются.

— Извините-съ, отрывисто возразилъ бреттёръ и снялъ фуражку. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, г-нъ Лучковъ. Вы меня спрашиваете, женюсь ли я на дѣвицѣ Перекатовой? Развѣ вы не прочли моего письма?

— Я ваше письмо прочелъ. Вы женитесь. Поздравляю.

— Принимаю ваше поздравленіе и благодарю васъ. Но я долженъ ѣхать.

— Я желалъ бы объясниться съ вами, Ѳедоръ Ѳедорычъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ добрякъ.

— Я, признаться, ждалъ этого объясненія. Ваше поведеніе со мной такъ странно, и я съ своей стороны, кажется, не заслуживалъ.... по крайней мѣрѣ не могъ ожидать.... Но не угодно ли вамъ сѣсть? Не хотите ли трубки?

Лучковъ сѣлъ. Въ его движеніяхъ замѣчалась усталость. Онъ повелъ усами и поднялъ брови.

— Скажите, Ѳедоръ Ѳедорычъ, началъ онъ наконецъ: — зачѣмъ вы такъ долго со мной притворялись?

— Какъ это?

— Зачѣмъ вы прикидывались такимъ.... безукоризненнымъ созданьемъ, когда вы такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы грѣшные?

— Я васъ не понимаю.... Ужь не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?...

— Вы меня не понимаете.... положимъ. Я постараюсь говорить яснѣе. Скажите мнѣ, напримѣръ, откровенно: давно вы чувствовали расположеніе къ дѣвицѣ Перекатовой, или воспылали страстью внезапной?

— Я бы не желалъ говорить съ вами, Авдѣй Иванычъ, о моихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ, холодно отвѣчалъ Кистеръ.

— Такъ-съ. Какъ угодно. Только вы ужь сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ думать, что вы меня дурачили.

Авдѣй говорилъ очень медленно и съ разстановкой.

— Вы не можете этого думать, Авдѣй Иванычъ; вы меня знаете.

— Я васъ знаю?... кто васъ узнаетъ? Чужая душа — темный лѣсъ, а товаръ лицомъ показывается. Я знаю, что вы читаете нѣмецкіе стихи съ большимъ чувствомъ и даже со слезами на глазахъ; я знаю, что на стѣнахъ своей квартиры вы развѣсили разныя географическія карты; я знаю, что вы содержите свою персону въ опрятности; это я знаю.... а больше я ничего не знаю....

Кистеръ начиналъ сердиться.

— Позвольте узнать, спросилъ онъ наконецъ:—какая цѣль вашего посѣщенія? Вы три недѣли со мной не кланялись, а теперь пришли ко мнѣ, кажется, съ намѣреніемъ трунить надо мной. Я не мальчикъ , милостивый государь, и не позволю никому....

— Помилуйте, перебилъ его Лучковъ: — помилуйте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, кто осмѣлится трунить надъ вами? Я напротивъ, пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: а именно: сдѣлайте милость, растолкуйте мнѣ *ваше* поведеніе со мною. Позвольте спросить: не вы ли насильно меня познакомили съ семействомъ Перекатовыхъ? Не вы ли увѣряли вашего покорнаго слугу, что онъ расцвѣтетъ душой? Не вы ли наконецъ свели меня съ добродѣтельной Марьей Сергѣевной? Почему же мнѣ не предполагать, что *вамъ* я обязанъ тѣмъ послѣднимъ, пріятнымъ объясненіемъ, о которомъ васъ уже вѣроятно, надлежащимъ образомъ извѣстили? Жениху вѣдь невѣста все разсказываетъ, особенно свои *невинныя* продѣлки. Почему мнѣ не думать, что по вашей милости мнѣ наклеили такой ве-

ликолѣпный носъ? Вы вѣдь такое принимали участіе въ моемъ «расцвѣтаньи»?

Кистеръ прошелся по комнатѣ.

— Послушайте, Лучковъ, сказалъ онъ наконецъ: — если вы дѣйствительно, не шутя, убѣждены въ томъ, что̀ вы говорите, — чему я, признаюсь, не вѣрю, — то позвольте вамъ сказать: стыдно, и грѣшно вамъ, такъ оскорбительно толковать мои поступки и мои намѣренія. Я не хочу оправдываться.... Я обращаюсь къ вашей собственной совѣсти, къ вашей памяти....

— Да; я помню, что вы безпрестанно перешептывались съ Марьей Сергѣевной. Сверхъ того, позвольте мнѣ опять-таки спросить у васъ: не были ли вы у Перекатовыхъ послѣ извѣстнаго разговора со мной? Послѣ того вечера, когда я, какъ дуракъ, разболтался съ вами, съ моимъ лучшимъ другомъ, о назначенномъ свиданьѣ?

— Какъ! вы подозрѣваете меня въ....

— Я ни въ чемъ не подозрѣваю другаго, съ убійственной холодностью прервалъ его Авдѣй: — въ чемъ я самого себя не подозрѣваю; но я также имѣю слабость думать, что другіе люди не лучше меня.

— Вы ошибаетесь, съ запальчивостью возразилъ Кистеръ: — другіе люди лучше васъ.

— Съ чѣмъ честь имѣю ихъ поздравить, спокойно замѣтилъ Лучковъ: — но....

— Но, прервалъ его въ свою очередь раздосадованный Кистеръ: — вспомните, въ какихъ выраженіяхъ вы мнѣ говорили объ.... этомъ свиданьѣ, о.... Впрочемъ, эти объясненія ни къ чему не поведутъ, я вижу.... Думайте обо мнѣ, что̀ вамъ угодно, и поступайте, какъ знаете.

— Вотъ этакъ-то лучше, замѣтилъ Авдѣй. — Насилу-то заговорили откровенно.

— Какъ знаете! повторилъ Кистеръ.

— Я понимаю ваше положенье, Ѳедоръ Ѳедорычъ, съ притворнымъ участіемъ продолжалъ Авдѣй. — Оно непріятно, дѣйствительно непріятно. Человѣкъ игралъ, игралъ роль, и никто не замѣчалъ въ немъ актёра, вдругъ....

— Еслибъ я могъ думать, перебилъ его, стиснувъ зубы, Кистеръ: — что въ васъ говоритъ теперь оскорбленная лю-

бовь, я бы почувствовалъ къ вамъ сожалѣнье; я бы извинилъ васъ.... Но въ вашихъ упрекахъ, въ вашихъ клеветахъ слышится одинъ крикъ уязвленнаго самолюбія.... и я не чувствую къ вамъ никакой жалости.... Вы сами заслужили вашу участь.

— Фу ты, Боже мой, какъ говоритъ человѣкъ! замѣтилъ въ-полголоса Авдѣй. — Самолюбіе, продолжалъ онъ: — можетъ-быть; да, да, самолюбіе во мнѣ, какъ вы говорите, уязвлено глубоко, нестерпимо. Но кто же не самолюбивъ? Не вы ли? Да; я самолюбивъ, и, напримѣръ, никому не позволю сожалѣть обо мнѣ....

— Не позволите? гордо возразилъ Кистеръ. — Что за выраженіе, милостивый государь! Не забудьте: связь между нами разорвана вами самими. Прошу васъ обращаться со мною, какъ съ постороннимъ человѣкомъ.

— Разорвана! Связь разорвана! повторилъ Авдѣй.

— Поймите меня: я съ вами не кланялся и не былъ у васъ изъ сожалѣнія къ вамъ; вѣдь вы позволите мнѣ сожалѣть объ васъ, коли вы обо мнѣ сожалѣете!... Я не хотѣлъ поставить васъ въ ложное положеніе, возбудить въ васъ угрызеніе совѣсти.... Вы толкуете о нашей связи.... какъ-будто-бы вы могли остаться моимъ пріятелемъ попрежнему послѣ вашей свадьбы! Полноте! Вы и прежде-то со мной знались только для того, чтобъ тѣшиться вашимъ мнимымъ превосходствомъ....

Недобросовѣстность Авдѣя утомляла, возмущала Кистера.

— Прекратимте такой непріятный разговоръ! воскликнулъ онъ наконецъ. — Я, признаюсь, не понимаю, зачѣмъ вамъ угодно было ко мнѣ пожаловать.

— Вы не понимаете, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ? съ любопытствомъ спросилъ Авдѣй.

— Рѣшительно не понимаю.

— Нѣ... ѣтъ?

— Да говорятъ вамъ....

— Удивительно!... Это удивительно! Кто бы этого ожидалъ отъ человѣка съ вашимъ умомъ?

— Ну, такъ изволите жь объясниться, наконецъ....

— Я пришелъ, г-нъ Кистеръ, проговорилъ Авдѣй, медленно, поднимаясь съ мѣста: — я пришелъ васъ вызвать на дуэль,

понимаете ли вы? Я хочу драться съ вами. А! Вы думали такъ-таки отъ меня отдѣлаться!... Да развѣ вы не знали, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Позволилъ ли бы я....

— Очень хорошо-съ, холодно и отрывисто перебилъ его Кистеръ.—Я принимаю вашъ вызовъ. Извольте прислать ко мнѣ вашего секунданта.

— Да́, да, продолжалъ Авдѣй, которому, какъ кошкѣ, жаль было такъ скоро разстаться съ своей жертвой:—я, признаться, съ большимъ удовольствіемъ наведу завтра дуло моего пистолета на ваше идеальное и бѣлокурое лицо.

— Вы, кажется, ругаетесь послѣ вызова, съ презрѣніемъ возразилъ Кистеръ. — Извольте идти. Мнѣ за васъ совѣстно.

— Извѣстное дѣло: деликатессъ! (А, Марья Сергѣевна! я не понимаю пофранцузски) проворчалъ Авдѣй, надѣвая фуражку. — До пріятнаго свиданія, Ѳедоръ Ѳедорычъ!

Онъ поклонился и вышелъ.

Кистеръ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Лицо его горѣло, грудь высоко поднималась. Онъ не робѣлъ и не сердился; но ему гадко было подумать, какого человѣка онъ считалъ нѣкогда своимъ другомъ. Мысль о поединкѣ съ Лучковымъ его почти радовала. — Разомъ отдѣлаться отъ своего прошедшаго, перескочить черезъ этотъ камень и поплыть потомъ по безмятежной рѣкѣ... «Прекрасно! думалъ онъ.—Я завоюю свое счастье.» — Образъ Маши, казалось, улыбался ему и судилъ побѣду.—«Я не погибну! Нѣтъ, я не погибну!» твердилъ онъ съ спокойной улыбкой. — На столѣ лежало письмо къ его матери.... Сердце въ немъ сжалось на мгновеніе. Онъ рѣшился на всякій случай подождать отсылкой. Въ Кистерѣ происходило то возвышеніе жизненной силы, которое человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ передъ опасностью. Онъ спокойно обдумывалъ всѣ возможныя послѣдствія поединка, мысленно подвергалъ себя и Машу испытаніямъ несчастія и разлуки — и глядѣлъ на будущее съ надеждой. Онъ давалъ себѣ слово не убить Лучкова.... Неотразимо влекло его къ Машѣ. Онъ сыскалъ секунданта, на́скоро устроилъ свои дѣла, и тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ къ Перекатовымъ. Весь вечеръ Кистеръ былъ веселъ, можетъ-быть слишкомъ веселъ.

Маша много играла на фортепьянахъ, ничего не предчувствовала и мило съ нимъ кокетничала. Сперва ея безпечность огорчала его, потомъ онъ эту самую безпечность Маши принялъ за счастливое предсказаніе—и обрадовался и успокоился. Она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась; потребность счастія въ ней была сильнѣе потребности страсти. Притомъ Авдѣй отучилъ ее отъ всѣхъ преувеличенныхъ желаній, и она съ радостію и навсегда отказалась отъ нихъ. Ненила Макарьевна любила Кистера, какъ сына. Сергѣй Сергѣевичъ, по привычкѣ, подражалъ своей женѣ.

— До свиданія, сказала Кистеру Маша, проводивъ его до передней и съ тихой улыбкой глядя, какъ онъ нѣжно и долго цаловалъ ея руки.

— До свиданія, съ увѣренностью возразилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ: — до свиданія.

Но, отъѣхавъ съ полверсты отъ дома Перекатовыхъ, онъ приподнялся въ коляскѣ и съ смутнымъ безпокойствомъ сталъ искать глазами освѣщенныя окна.... Въ домѣ все было уже темно, какъ въ могилѣ.

XI.

На другой день, въ 11-мъ часу утра, секундантъ Кистера, старый, заслуженный маіоръ, заѣхалъ за нимъ. Добрый старикъ ворчалъ и кусалъ свои сѣдые усы, сулилъ всякую пакость Авдѣю Ивановичу.... Подали коляску. Кистеръ вручилъ маіору два письма, одно къ матери, другое къ Машѣ.

— Это зачѣмъ?

— Да нельзя знать....

— Вотъ вздоръ! мы его подстрѣлимъ, какъ куропатку.

— Все же лучше....

Маіоръ съ досадой сунулъ оба письма въ боковой карманъ своего сюртука.

— Ѣдемъ.

Они отправились. Въ небольшомъ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ села Кирилова, ихъ дожидался Лучковъ съ своимъ секундантомъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, раздушеннымъ полко-

вымъ адъютантомъ. Погода была прекрасная; птицы мирно чирикали; не вдалекѣ отъ лѣса мужикъ пахалъ землю. Пока секунданты отмѣривали разстояніе. устанавливали барьеръ, осматривали и заряжали пистолеты, противники даже не взглянули другъ на друга. Кистеръ съ беззаботнымъ видомъ прохаживался взадъ и впередъ, помахивая сорванною вѣткою. Авдѣй стоялъ неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови. Наступило рѣшительное мгновеніе. «Начинайте, господа!» Кистеръ быстро пошелъ къ барьеру, но не успѣлъ ступить еще пяти шаговъ, какъ Авдѣй выстрѣлилъ. Кистеръ дрогнулъ, ступилъ еще разъ, зашатался, опустилъ голову... Его колѣни подогнулись... онъ, какъ мѣшокъ, упалъ на траву. Маіоръ бросился къ нему.... «Неужели?» шепталъ умирающій....

Авдѣй подошелъ къ убитому. На его сумрачномъ и похудѣвшемъ лицѣ выразилось свирѣпое, ожесточенное сожалѣніе.... Онъ поглядѣлъ на адъютанта и на маіора, наклонилъ голову, какъ виноватый, молча сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ прямо на квартиру полковника.

Маша.... жива до сихъ поръ.

ТРИ ПОРТРЕТА.

—

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

«*Сосѣдство*» составляетъ одну изъ важнѣйшихъ непріятностей деревенской жизни. Я знавалъ одного вологодскаго помѣщика, который при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ слѣдующія слова: «слава Богу, у меня нѣтъ сосѣдей» — и признаюсь не могъ не завидовать этому счастливому смертному. Моя деревенька находится въ одной изъ многолюднѣйшихъ губерній Россіи. Я окруженъ великимъ множествомъ сосѣдушекъ, начиная съ благонамѣренныхъ и почтенныхъ помѣщиковъ, облеченныхъ въ просторные фраки и просторнѣйшіе жилеты,—и кончая записными гуляками, носящими венгерки съ длинными рукавами и такъ называемымъ «фимскимъ» узломъ на спинѣ. Въ числѣ всѣхъ этихъ дворянъ, случайнымъ образомъ, открылъ я, однакожь, одного весьма любезнаго малаго: онъ прежде служилъ въ военной службѣ, потомъ вышелъ въ отставку и поселился на вѣки вѣковъ въ деревнѣ. По его разсказамъ онъ служилъ два года въ П-мъ полку; но я рѣшительно не понимаю, какъ могъ этотъ человѣкъ нести какую-нибудь обязанность, не только въ теченіи двухъ лѣтъ, но даже въ продолженіи двухъ дней. Онъ былъ рожденъ «для жизни мирной, для деревенской тишины», то есть для лѣниваго без-

печнаго прозябанія, которое, замѣчу въ скобкахъ, не лишено великихъ и неистощимыхъ прелестей. Онъ пользовался весьма порядочнымъ состояніемъ: незаботясь слишкомъ о хозяйствѣ, проживалъ около десяти тысячъ рублей въ годъ, досталъ себѣ прекраснаго повара (мой пріятель любилъ хорошо покушать); также выписывалъ изъ Москвы новѣйшія французскія книги и журналы. Порусски же читалъ онъ одни лишь донесенія своего прикащика и то съ большимъ трудомъ. Онъ съ утра (если не уѣзжалъ на охоту) до обѣда и за обѣдомъ не покидалъ халата; перебиралъ какіе-нибудь хозяйственные рисунки; не то отправлялся на конюшню или въ молотильный сарай и пересмѣивался съ бабами, которыя при немъ взмахивали цѣпами, какъ говорится, съ прохвала. Послѣ обѣда, мой другъ одѣвался передъ зеркаломъ весьма тщательно и ѣхалъ къ какому-нибудь сосѣду, одаренному двумя или тремя хорошенькими дочками; безпечно и миролюбиво волочился за одной изъ нихъ, игралъ съ ними въ жмурки, возвращался домой довольно поздно и тотчасъ же засыпалъ богатырскимъ сномъ. Онъ скучать не могъ, потому что никогда не предавался полному бездѣйствію; а на выборъ занятій не былъ прихотливъ, и какъ ребенокъ тѣшился малѣйшей бездѣлицей. Съ другой стороны—особенной привязанности къ жизни онъ не чувствовалъ, и бывало когда приходилось *перескакивать* волка или лисицу — пускалъ свою лошадь во всю прыть по такимъ рытвинамъ, что я до сихъ поръ понять не могу, какъ онъ себѣ сто разъ не сломалъ шеи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые возбуждаютъ въ васъ мысль, что они сами себѣ не знаютъ цѣны, что подъ ихъ наружнымъ равнодушіемъ скрываются сильныя и великія страсти; онъ бы разсмѣялся вамъ въ носъ, еслибъ могъ догадаться, что вы питаете о немъ подобное мнѣніе; да и признаться сказать, я самъ думаю, что если и водилось за моимъ пріятелемъ въ молодости какое-нибудь, хотя неясное, но сильное стремленіе къ тому, что весьма мило названо «чѣмъ-то высшимъ», то это стремленіе давнымъ-давно въ немъ угомонилось и *зачичкало*. Онъ былъ довольно толстъ и наслаждался превосходнымъ здоровьемъ. Въ нашъ вѣкъ нельзя не любить людей, мало помышляющихъ о самихъ себѣ, потому-что они чрезвычайно

рѣдки.... а мой пріятель едва ли не забылъ о своей особѣ. Впрочемъ, я, кажется, уже слишкомъ много говорю о немъ,— и моя болтовня тѣмъ болѣе неумѣстна, что не онъ служитъ предметомъ моего разсказа. Его звали Петромъ Ѳеодоровичемъ Лучиновымъ.

Въ одинъ осенній день съѣхалось насъ человѣкъ пять записныхъ охотниковъ у Петра Ѳедоровича. Цѣлое утро мы провели въ полѣ, затравили двухъ волковъ и множество зайцевъ и вернулись домой въ томъ восхитительно-пріятномъ расположеніи духа, которое овладѣваетъ всякимъ порядочнымъ человѣкомъ послѣ удачной охоты. Смеркалось. Вѣтеръ разыгрывался въ темныхъ поляхъ, и шумно колебалъ обнаженныя вершины березъ и липъ, окружавшихъ домъ Лучинова. Мы пріѣхали, слѣзли съ коней.... на крыльцѣ я остановился и оглянулся: по сѣрому небу тяжко ползли длинныя тучи; темно-бурый кустарникъ крутился на вѣтрѣ и жалобно шумѣлъ; желтая трава безсильно и печально пригибалась къ землѣ; стаи дроздовъ перелетывали по рябинамъ, обсыпаннымъ ярко-пунцовыми гроздьями; въ тонкихъ и ломкихъ сучьяхъ березъ съ свистомъ попрыгивали синицы.... на деревнѣ сипло лаяли собаки. Мнѣ стало грустно.... за то я съ истинной отрадой вошелъ въ столовую. Ставни были заперты; на кругломъ столѣ, покрытомъ скатертью ослѣпительной бѣлизны, среди хрустальныхъ графиновъ, наполненныхъ краснымъ виномъ, горѣло восемь свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ каминѣ весело пылалъ огонь — и старый, весьма благообразный дворецкій, съ огромной лысиной, одѣтый поанглійски, стоялъ въ почтительной неподвижности передъ другимъ столомъ, на которомъ уже красовалась большая суповая чаша, обвитая легкимъ и пахучимъ паромъ. Въ сѣнцахъ мы прошли мимо другаго почтеннаго человѣка, занятаго мороженіемъ шампанскаго—«по строгимъ правиламъ искусства». — Обѣдъ былъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, — чрезвычайно пріятный; мы хохотали, разсказывали происшествія, случившіяся на охотѣ, и съ восторгомъ упоминали о двухъ знаменитыхъ «угонкахъ». Покушавши довольно плотно, расположились мы въ широкихъ креслахъ около камина; на столѣ появилась объемистая серебряная чаша и че-

резъ нѣсколько мгновеній, бѣглое пламя запылавшаго рома возвѣстило намъ о пріятномъ намѣреніи хозяина: «сотворить жжёнку».—Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ не безъ вкуса—онъ, напримѣръ, зналъ, что ничего не дѣйствуетъ такъ убійственно на фантазію, какъ ровный, холодный и педантическій свѣтъ лампъ — и потому велѣлъ оставить въ комнатѣ всего двѣ свѣчи. Странныя полу-тѣни трепетали по стѣнамъ, произведенныя прихотливою игрою огня въ каминѣ и пламенемъ жжёнки.... тихая, чрезвычайно пріятная отрада замѣнила въ нашихъ сердцахъ нѣсколько буйную веселость, господствовавшую за обѣдомъ.

Разговоры имѣютъ свои судьбы — какъ книги (по латинской пословицѣ), какъ все на свѣтѣ. Нашъ разговоръ въ этотъ вечеръ былъ какъ-то особенно разнообразенъ и живъ. Отъ частностей восходилъ онъ къ довольно важнымъ общимъ вопросамъ, легко и не принужденно возвращался къ ежедневностямъ жизни.... Поболтавши довольно много, мы вдругъ всѣ замолчали. Въ это время, говорятъ, пролетаетъ тихій ангелъ.

Не знаю, отчего мои товарищи затихли; но я замолчалъ оттого, что мои глаза остановились внезапно на трехъ запыленныхъ портретахъ въ черныхъ деревянныхъ рамкахъ. Краски истерлись и кое-гдѣ покоробились, но лица можно было еще разобрать. На середнемъ портретѣ изображена была женщина молодыхъ лѣтъ въ бѣломъ платьѣ съ кружевными каемками, въ высокой прическѣ восьмидесятыхъ годовъ. На право отъ нея, на совершенно черномъ фонѣ виднѣлось круглое и толстое лицо добраго русскаго помѣщика лѣтъ двадцати-пяти, съ низкимъ и широкимъ лбомъ, тупымъ носомъ и простодушной улыбкой. Французская напудренная прическа весьма не согласовалась съ выраженіемъ его славянскаго лица. Живописецъ изобразилъ его въ кафтанѣ алаго цвѣта съ большими стразовыми пуговицами; въ рукѣ держалъ онъ какой-то небывалый цвѣтокъ. На третьемъ портретѣ, писанномъ другою болѣе искусною рукою, былъ представленъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ зеленомъ мундирѣ екатерининскаго времени, съ красными отворотами, въ бѣломъ камзолѣ, въ тонкомъ батистовомъ галстухѣ. Одной рукой опирался онъ на трость съ золотымъ набалдашникомъ, другую заложилъ за камзолъ. Его

смуглое, худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Тонкія длинныя брови почти срослись надъ черными какъ смоль глазами; на блѣдныхъ, едва замѣтныхъ губахъ играла недобрая улыбка.

— Что вы это заглядѣлись на эти лица? спросилъ меня Петръ Ѳедоровичъ.

— Такъ! отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него.

— Хотите ли выслушать цѣлый разсказъ объ этихъ трехъ особахъ?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

Петръ Ѳедоровичъ всталъ, взялъ свѣчку, поднесъ ее къ портретамъ, и голосомъ человѣка, показывающаго дикихъ звѣрей, «Господа!» провозгласилъ онъ: «эта дама — пріемышъ моего роднаго прадѣдушки, Ольга Ивановна NN., прозванная Лучиновой, умершая лѣтъ сорокъ тому назадъ въ дѣвицахъ. Этотъ господинъ» — показывая на портретъ мужчины въ мундирѣ— «гвардіи сержантъ, Василій Ивановичъ Лучиновъ же, скончавшійся волею Божіею въ тысяща семь сотъ девяностомъ году; а этотъ господинъ, съ которымъ я не имѣю чести состоять въ родствѣ, нѣкто Павелъ Аѳанасьевичъ Рогачевъ, нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не служившій. Извольте обратить вниманіе на диру, находящуюся у него на груди, на самомъ мѣстѣ сердца. Эта дира, какъ вы видите, правильная, трехъ-гранная, вѣроятно, не могла прозойдти случайно.... Теперь, продолжалъ онъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ, извольте усѣсться, вооружитесь терпѣніемъ и слушайте.

«Господа! началъ онъ, — я происхожу изъ довольно старинаго рода. Я моимъ происхожденіемъ не горжусь, потому-что мои предки были всѣ страшные мотыги. Впрочемъ, этотъ упрекъ не относится къ моему прадѣду, Ивану Андреевичу Лучинову, — напротивъ: онъ слылъ за человѣка чрезвычайно бережливаго и даже скупаго — по-крайней-мѣрѣ въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ провелъ свою молодость въ Петербургѣ, и былъ свидѣтелемъ царствованія Елизаветы. Въ Петербургѣ онъ женился и прижилъ съ своей женой, а моей прабабушкой, четырехъ человѣкъ дѣтей—трехъ сыновей, Василья, Ивана и Павла (моего роднаго дѣда) и одну дочь, Наталью. Сверхъ-того, Иванъ Андреевичъ принялъ къ себѣ въ семейство

дочь одного весьма отдаленнаго родственника, круглую безъименную сироту — Ольгу Ивановну, о которой я уже вамъ говорилъ. Подданные моего дѣдушки, вѣроятно, знали о его существованіи, потому-что высылали къ нему (когда не случалось особаго несчастія) весьма незначительный оброкъ — но никогда въ лицо его не видали. Сельцо Лучиновка, лишенное лицезрѣнія своего господина, процвѣтало, — какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, тяжолая колымага въѣхала въ деревню и остановилась передъ избою старосты. Мужики, встревоженные такимъ небывалымъ происшествіемъ, сбѣжались и увидали своего барина, барыню и всѣхъ ихъ чадъ, исключая старшаго, Василья, оставшагося въ Петербургѣ. Съ того достопамятнаго дня и до самой своей кончины, Иванъ Андреевичъ не выѣзжалъ изъ Лучиновки. Онъ выстроилъ себѣ домъ — тотъ самый, въ которомъ я теперь имѣю удовольствіе бесѣдовать съ вами; построилъ также церковь и началъ жить помѣщикомъ. Иванъ Андреевичъ былъ человѣкъ огромнаго роста, худой, молчаливый и весьма медлительный во всѣхъ своихъ движеніяхъ; никогда не носилъ халата и никто, исключая его камердинера, не видалъ его не напудреннымъ. Иванъ Андреевичъ обыкновенно ходилъ заложа руки за спину, медленно поворачивая голову при каждомъ шагѣ. Всякой день прогуливался онъ по длинной липовой аллеѣ, которую самъ собственноручно насадилъ — и передъ смертью имѣлъ удовольствіе пользоваться тѣнью этихъ липъ. Иванъ Андреевичъ былъ чрезвычайно скупъ на слова; доказательствомъ его молчаливости служитъ то замѣчательное обстоятельство, что онъ въ теченіи двадцати лѣтъ не сказалъ ни одного слова своей супругѣ, Аннѣ Павловнѣ. Вообще, его отношенія къ Аннѣ Павловнѣ были весьма страннаго рода. — Она завѣдывала всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, за обѣдомъ сидѣла всегда возлѣ своего мужа — онъ нещадно наказалъ бы человѣка, который осмѣлился бы сказать ей одно непочтительное слово, — а между-тѣмъ, самъ съ ней никогда не говорилъ, не прикасался къ ея рукѣ. Анна Павловна была робкая, блѣдная, убитая женщина; каждый день молилась въ церкви на колѣняхъ и никогда не улыбалась. Говорятъ, они прежде, т. е. до пріѣзда въ деревню, жили въ большомъ ладу; поговаривали также, что Анна Павловна нарушила свои суп-

ружескія обязанности, что мужъ узналъ о ея проступкѣ.... Какъ бы то ни было, но Иванъ Андреевичъ даже умирая не примирился съ ней. Во время послѣдней его болѣзни, она не отлучалась отъ него, но онъ, казалось, ея не замѣчалъ. Въ одну ночь, Анна Павловна сидѣла въ спальнѣ Ивана Андреевича; его мучила безсонница — лампада горѣла передъ образомъ; слуга моего дѣдушки, Юдичъ, о которомъ я вамъ въ послѣдствіи скажу два слова, вышелъ. Анна Павловна встала, перешла черезъ комнату и рыдая бросилась на колѣни передъ постелью мужа, хотѣла что-то сказать — протянула руки.... Иванъ Андреевичъ посмотрѣлъ на нее — и слабымъ голосомъ, но твердо закричалъ: «человѣкъ!» Слуга вошелъ, Анна Павловна поспѣшно встала, и шатаясь возвратилась на свое мѣсто.

Дѣти Ивана Андреевича чрезвычайно его боялись. Они выросли въ деревнѣ и были свидѣтелями страннаго обхожденія Ивана Андреевича съ своею женою. Они всѣ страстно любили Анну Павловну, но не смѣли выказать свою любовь. Она сама какъ-будто ихъ чуждалась.... Вы помните, господа, моего дѣда, онъ до своей смерти всегда ходилъ на цыпочкахъ и говорилъ шопотомъ... что̀ значитъ привычка! Мой дѣдъ и братъ его, Иванъ Ивановичъ, были люди простые, добрые, смирные и грустные; моя grand'tante Наталья вышла, какъ вамъ извѣстно, замужъ за грубаго и глупаго человѣка, и до смерти питала къ нему безмолвную, подобострастную, овечью любовь— но не таковъ былъ братъ ихъ Василій. Я вамъ, кажется, сказывалъ, что Иванъ Андреевичъ оставилъ его въ Петербургѣ. Ему было тогда лѣтъ двѣнадцать. Отецъ поручилъ его попеченіямъ одного отдаленнаго родственника, человѣка уже не молодаго, холостаго, страшнаго волтеріянца.

Василій выросъ, поступилъ на службу. Онъ былъ не великъ ростомъ, но хорошо сложенъ и чрезвычайно ловокъ; прекрасно говорилъ по-французски и славился своимъ умѣньемъ драться на шпагахъ. Его считали однимъ изъ блистательныхъ молодыхъ людей начала царствованія Екатерины. Отецъ мой мнѣ часто говаривалъ, что онъ знавалъ не одну старушку, которая безъ сердечнаго умиленія вспомнить не могла о Васильѣ Ивановичѣ Лучиновѣ. Вообразите себѣ человѣка, одареннаго необыкновенной силой воли, страстнаго и разсчет-

ливаго, терпѣливаго и смѣлаго, скрытнаго до чрезвычайности и—по словамъ всѣхъ его современниковъ — очаровательно—обаятельно-любезнаго. Въ немъ не было ни совѣсти, ни доброты, ни честности, хотя никто же не могъ назвать его положительно-злымъ человѣкомъ. Онъ былъ самолюбивъ—но умѣлъ таить свое самолюбіе, и страстно любилъ независимость. Когда, бывало, Василій Ивановичъ, улыбаясь, ласково прищуритъ черные глаза, когда захочетъ плѣнить кого-нибудь, говорятъ, невозможно было ему противиться — и даже люди, увѣренные въ сухости и холодности его души, не разъ поддавались чарующему могуществу его вліянія. Онъ усердно служилъ самому себѣ, и другихъ заставлялъ трудиться для своихъ же выгодъ, и всегда во всемъ успѣвалъ, потому-что никогда не терялъ головы, не гнушался лести, какъ средства, и умѣлъ льстить.

Лѣтъ десять спустя послѣ поселенія Ивана Андреевича въ деревнѣ, пріѣхалъ онъ на четыре мѣсяца въ Лучиновку блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ — и въ теченіи этого времени успѣлъ вскружить голову даже угрюмому старику, отцу своему. Странно! Иванъ Андреевичъ съ наслажденіемъ слушалъ разсказы своего сына о нѣкоторыхъ его *побѣдахъ*. Братья его нѣмѣли передъ нимъ и удивлялись ему, какъ существу высшему. Да и сама Анна Павловна едва ли не полюбила его болѣе всѣхъ другихъ дѣтей, такъ страстно, такъ искренно ей преданныхъ....

Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ деревню во-первыхъ для того, чтобы повидаться съ родными; но во-вторыхъ и для того, чтобы достать какъ можно болѣе денегъ отъ отца. Онъ жилъ пышно и открыто въ Петербургѣ и надѣлалъ множество долговъ. Не легко ему было сладить съ скупостью родителя, и хоть Иванъ Андреевичъ далъ ему въ одинъ его пріѣздъ, вѣроятно, гораздо болѣе денегъ, чѣмъ всѣмъ другимъ своимъ сыновьямъ въ продолженіи двадцати лѣтъ, прожитыхъ ими въ родительскомъ домѣ, но Василій держался извѣстнаго русскаго правила: «брать такъ брать!» У Ивана Андреевича былъ слуга, по прозванію Юдичъ, такой же высокій, худой и молчаливый человѣкъ, какъ самъ его баринъ. Говорятъ, этотъ Юдичъ былъ отчасти причиной страннаго обращенія Ивана Андреевича съ

Анной Павловной; говорятъ, онъ открылъ преступную связь моей прабабушки съ однимъ изъ лучшихъ пріятелей моего прадѣда. Вѣроятно, Юдичъ глубоко раскаялся въ своей неумѣстной ревности, потому-что трудно вообразить себѣ болѣе добраго человѣка. Память его до сихъ поръ священна всѣмъ моимъ дворовымъ людямъ. Юдичъ пользовался неограниченною довѣренностью моего прадѣда. Въ то время, помѣщики имѣли деньги, но не отдавали ихъ на сбереженіе въ заемныя учрежденія, а сами хранили ихъ въ сундукахъ, въ подполицахъ и т. д. Иванъ Андреевичъ запиралъ всѣ свои деньги въ большомъ кованномъ сундукѣ, находившемся у него подъ изголовьемъ. Ключъ отъ этого сундука былъ отданъ Юдичу. Каждый вечеръ, ложась спать, Иванъ Андреевичъ при себѣ приказывалъ отпирать этотъ сундукъ, постукивалъ палкой поочередно по всѣмъ туго-набитымъ мѣшкамъ, а по субботамъ самъ съ Юдичемъ развязывалъ мѣшки и тщательно пересчитывалъ деньги. Василій провѣдалъ о всѣхъ этихъ продѣлкахъ и возгорѣлъ желаніемъ потревожить завѣтный сундучекъ. Въ теченіи пяти, шести дней онъ *умягчилъ* Юдича, то есть довелъ бѣднаго старика до того, что тотъ въ молодомъ баринѣ — какъ говорится — души не чаялъ. Подготовивъ его надлежащимъ образомъ, Василій прикинулся озабоченнымъ и мрачнымъ, долго не хотѣлъ отвѣчать на распросы Юдича и наконецъ сказалъ ему, что онъ проигрался и что наложитъ на себя руки — если не достанетъ гдѣ-нибудь денегъ. Юдичъ зарыдалъ, бросился передъ нимъ на колѣни, просилъ вспомнить Бога, не губить себя. Василій, не говоря ни слова, заперся въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ онъ, что кто-то осторожно къ нему стучится; онъ отперъ дверь и увидѣлъ на порогѣ Юдича, блѣднаго, трепещущаго, съ ключемъ въ рукѣ. Василій тотчасъ все понялъ. Сперва онъ долго отказывался. Юдичъ со слезами твердилъ: «извольте, баринъ! возьмите». Василій наконецъ согласился. Дѣло было въ понедѣльникъ. Василью пришла въ голову мысль, замѣнить вынутыя деньги битыми черепками. Онъ разсчитывалъ на то, что Иванъ Андреевичъ, постукивая по мѣшкамъ палкой, не обратитъ особеннаго вниманія на едва замѣтное различіе звука — а до субботы, онъ надѣялся достать и вложить обратно деньги въ сун-

дукъ. Придумано — сдѣлано. Отецъ дѣйствительно ничего не замѣтилъ. Но къ субботѣ Василій денегъ не досталъ; онъ надѣялся на взятыя деньги обыграть одного богатаго сосѣда — и напротивъ, самъ все проигралъ. Между тѣмъ настала суббота; дошла очередь и до мѣшковъ, набитыхъ черепками. Представьте себѣ, господа, удивленіе, негодованіе Ивана Андреевича!

— Это что значитъ? загремѣлъ онъ.

Юдичъ молчалъ.

— Ты укралъ эти деньги?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ кто-нибудь ключъ у тебя бралъ?

— Я никому не отдавалъ ключа.

— Никому? А когда никому — такъ ты воръ. Сознавайся!

— Я не воръ, Иванъ Андреевичъ.

— Откуда жь взялись эти черепки, чортъ возьми! Такъ-то ты меня обманываешь? въ послѣдній разъ говорю тебѣ — сознайся!

Юдичъ потупилъ голову и сложилъ руки за спиной.

— Эй люди! закричалъ Иванъ Андреевичъ изступленнымъ голосомъ.

— Какъ? меня... наказывать? прошепталъ Юдичъ.

— Вотъ тебѣ на! да чѣмъ ты лучше другихъ? Ты воръ! ну, Юдичъ! не ожидалъ я отъ тебя такого мошенничества!

— Я посѣдѣлъ на вашей службѣ, Иванъ Андреевичъ, проговорилъ съ усиліемъ Юдичъ.

— А мнѣ что за дѣло до твоихъ сѣдыхъ волосъ! Чортъ бы тебя побралъ съ твоей службой!

Люди вошли.

— Возьмите-ка его, да хорошенько!

У Ивана Андреевича поблѣднѣли и затряслись губы. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ дикой звѣрь въ тѣсной клѣткѣ.

Люди не смѣли исполнить его приказанія.

— Что жь вы стоите, хамовы дѣти? Иль мнѣ самому за него приняться, что ли?

Юдичъ пошелъ было къ двери....

— Стойте! закричалъ Иванъ Андреевичъ. — Юдичъ, въ послѣдній разъ говорю тебѣ, прошу тебя, Юдичъ, сознайся.

— Не могу! простоналъ Юдичъ.

— Такъ берите же его, стараго подлипалу!... На смерть его! Въ мою голову! загремѣлъ бѣшеный старикъ.

Дверь вдругъ растворилась и вошелъ Василій. Онъ былъ едва-ли еще не блѣднѣе отца, руки его дрожали, верхняя губа приподнялась и обнажила рядъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Я виноватъ, сказалъ онъ глухимъ, но твердымъ голосомъ. — Я взялъ эти деньги.

Люди остановились.

— Ты! какъ? ты, Васька! безъ согласія Юдича?

— Нѣтъ! сказалъ Юдичъ: — съ моего согласія. Я самъ отдалъ ключъ Василью Ивановичу. Батюшка, Василій Ивановичъ! зачѣмъ вы изволили безпокоиться?

— Такъ вотъ кто воръ! закричалъ Иванъ Андреевичъ. — Спасибо, Василій, спасибо. А тебя, Юдичъ, я все-таки не помилую. Зачѣмъ ты мнѣ тотчасъ же во всемъ не сознался? Эй, вы! что вы стали? или уже и вы моей власти не признаете? А съ тобой я справлюсь, голубчикъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ Василью.

Люди опять было взялись за Юдича.

— Не трогайте его! прошепталъ Василій сквозь зубы. — Слуги его не послушались. — Назадъ! закричалъ онъ и бросился на нихъ.... Они отшатнулись.

— А! бунтовать! простоналъ Иванъ Андреевичъ, и, поднявъ палку, пошелъ на сына.

Василій отскочилъ, схватился за рукоять шпаги и обнажилъ ее до половины. Всѣ затрепетали. Анна Павловна, привлеченная шумомъ, испуганная, блѣдная, показалась въ дверяхъ.

Страшно измѣнилось лицо Ивана Андреевича. Онъ зашатался, уронилъ палку, и тяжко опустился на кресло, закрывъ лицо обѣими руками. Никто не шевелился, всѣ стояли какъ вкопанные, не исключая и Василья. Судорожно стискивалъ онъ стальную рукоять шпаги, глаза его сверкали унылымъ, злобнымъ блескомъ....

— Подите всѣ... всѣ вонъ, проговорилъ тихимъ голосомъ Иванъ Андреевичъ, не отнимая рукъ отъ лица.

Вся толпа вышла. Василій остановился на порогѣ, потомъ вдругъ тряхнулъ головой, обнялъ Юдича, поцаловалъ руку

матери.... и черезъ два часа его уже не было въ деревнѣ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Вечеромъ того же дня, Юдичъ сидѣлъ на крылечкѣ дворовой избы. Люди окружили его, сожалѣли объ немъ и горько упрекали барина.

— Полноте, дѣти, сказалъ онъ имъ наконецъ: — полноте... что вы его браните? онъ и самъ чай, батюшка нашъ, своей удали не радъ...

Вслѣдствіе этого происшествія, Василій уже болѣе не видался съ своимъ родителемъ. Иванъ Андреевичъ умеръ безъ него, и умеръ вѣроятно съ такой тоской на сердцѣ, какую не дай Богъ испытать кому-либо изъ насъ. Василій Ивановичъ между тѣмъ выѣзжалъ, веселился по-своему и сорилъ деньгами. Какъ онъ добывалъ эти деньги, не могу навѣрное сказать. Досталъ онъ себѣ слугу Француза, ловкаго и смышленнаго малаго, нѣкоего Бурсье. Этотъ человѣкъ страстно къ нему привязался, и помогалъ ему во всѣхъ его многочисленныхъ продѣлкахъ. Я не намѣренъ разсказывать вамъ въ подробности всѣ проказы моего grand'oncle; онъ отличался такой неограниченной смѣлостью, такой змѣиной изворотливостью, такимъ непостижимымъ хладнокровіемъ, такимъ ловкимъ и тонкимъ умомъ, что, признаюсь, я понимаю неограниченную власть этого безнравственнаго человѣка надъ самыми благородными душами....

Вскорѣ послѣ смерти отца, Василій Ивановичъ, не смотря на свою изворотливость, былъ вызванъ на дуэль однимъ оскорбленнымъ мужемъ. Онъ дрался, тяжело ранилъ своего соперника и принужденъ былъ выѣхать изъ столицы; ему приказали безвыѣздно жить въ своемъ помѣстьѣ. Василію Ивановичу было 30 лѣтъ. Вы легко можете себѣ представить, господа, съ какими чувствами этотъ человѣкъ, привыкшій къ столичной, блестящей жизни, ѣхалъ на родину. Говорятъ, онъ на дорогѣ часто выходилъ изъ кибитки, бросался лицомъ въ снѣгъ и плакалъ. Никто, въ Лучиновѣ, не узнавалъ прежняго веселаго, любезнаго Василія Ивановича. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, съ утра до вечера ѣздилъ на охоту, съ видимымъ нетерпѣніемъ сносилъ робкія ласки своей матери и безжалостно насмѣхался надъ братьями, надъ ихъ женами (они уже оба успѣли жениться)....

Я вамъ до-сихъ-поръ, кажется, ничего не сказалъ объ Ольгѣ Ивановнѣ. Грудным ребенкомъ привезли ее въ Лучиновку; она чуть-чуть не умерла на дорогѣ. Ольга Ивановна была воспитана, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ... надобно сознаться, что Иванъ Андреевичъ и Анна Павловна— оба обращались съ ней какъ съ дочерью. Но въ ней таилась искра того огня, который такъ ярко пылалъ въ душѣ Василья Ивановича. Между-тѣмъ, какъ настоящія дѣти Ивана Андреевича не дерзали помышлять о причинахъ страннаго, безмолвнаго раздора между ихъ родителями — Ольгу съ раннихъ лѣтъ тревожило и мучило положеніе Анны Павловны. Подобно Василью она любила независимость; всякое притѣсненіе ее возмущало. Она всѣми силами души привязалась къ своей благодѣтельницѣ; старика Лучинова она ненавидѣла и не разъ, сидя за столомъ, устремляла на него такіе мрачные взгляды, что даже человѣку, подававшему кушанье, становилось жутко. Иванъ Андреевичъ не замѣчалъ всѣхъ этихъ взглядовъ потому, что вообще не обращалъ никакого вниманія на свое семейство.

Сперва Анна Павловна старалась истребить въ ней эту ненависть — но нѣкоторые смѣлые вопросы Ольги заставили ее замолчать совершенно. Дѣти Ивана Андреевича обожали Ольгу, и старуха ее любила тоже, хотя довольно холодной любовью.

Продолжительное горе подавило въ этой бѣдной женщинѣ всякую веселость, всякое сильное чувство; ничего такъ ясно не доказываетъ очаровательной любезности Василья, какъ то, что онъ даже мать свою заставилъ пламенно полюбить себя. Изліянія дѣтской нѣжности не были въ духѣ того времени, — а потому не удивительно, что Ольга не смѣла обнаруживать свою приверженность, хотя всегда съ особенной нѣжностью цѣловала руку Анны Павловны вечеромъ, при прощаніи. Читать и писать она едва умѣла. Двадцать лѣтъ спустя, русскія дѣвицы начали почитывать романы въ родѣ похожденій маркиза Глаголя, Фанфана и Лолоты, Алексѣя или хижины въ лѣсу; — начали учиться на клавикордахъ и пѣть пѣсни въ родѣ слѣдующей, нѣкогда весьма извѣстной:

«Мужчины на свѣтѣ
Какъ мухи къ намъ льнутъ» и т. д.

но въ семидесятыхъ годахъ (Ольга Ивановна родилась въ 1757 году) наши деревенскія красавицы не имѣли понятія обо всѣхъ этихъ усовершенствованіяхъ. Трудно намъ теперь себѣ представить русскую барышню того вѣка; правда, мы можемъ, по нашимъ бабушкамъ, судить о степени образованности дворянокъ временъ Екатерины; но какъ прикажете отличить то, что постепенно къ нимъ прививалось въ-теченіи ихъ долгой жизни, отъ того, чѣмъ они были во дни молодости?

Ольга Ивановна нѣсколько говорила пофранцузски — но съ сильнымъ русскимъ произношеніемъ: въ ея время объ эмигрантахъ не было еще и помина. Словомъ, при всѣхъ ея хорошихъ качествахъ она все-таки была порядочнымъ *дичкомъ* — и, пожалуй, въ простотѣ сердца своего изъ собственныхъ рукъ не разъ наказывала какую-нибудь злополучную горничную....

За нѣсколько времени до пріѣзда Василія Ивановича, Ольгу Ивановну сговорили за сосѣда—Павла Аѳанасьевича Рогачева, добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка. Природа позабыла надѣлить его желчью. Собственные люди не слушались его, уходили иногда всѣ отъ перваго до послѣдняго и оставляли бѣднаго Рогачева безъ обѣда.... но ничто не могло возмутить тишину его души. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ отличался толстотою и неповоротливостью, нигдѣ не служилъ, любилъ ходить въ церковь и пѣть на крылосѣ. Посмоттрите, господа, на это доброе, круглое лицо; взглядитесь въ эту тихую, свѣтлую улыбку.... не правда ли, вамъ самимъ становится отрадно? Отецъ его въ кои-то вѣки ѣзжалъ въ Лучиновку и по праздникамъ привозилъ съ собой Павлушу, котораго маленькіе Лучиновы всячески терзали. Павлуша выросъ, началъ самъ ѣздить къ Ивану Андреевичу, влюбился въ Ольгу Ивановну и предложилъ ей руку и сердце—не лично ей, а ея благодѣтелямъ. Благодѣтели согласились. У Ольги Ивановны даже не подумали спросить нравится ли ей Рогачевъ? Въ то время, по словамъ моей бабушки — «такихъ роскошей не водилось.»—Впрочемъ Ольга скоро привыкла къ своему жениху; нельзя было не привязаться къ этоту кроткому, снисходительному созданію. Воспитанія Рогачевъ не получилъ никакого; пофранцузски умѣлъ только сказать: «бонжуръ» — и въ тайнѣ почиталъ даже это слово неприличнымъ. Да еще какой-то шутникъ выучилъ его

слѣдующей будто бы французской пѣснѣ: «Сонечька, Сонечька! Ке ву ле ву де муа — я васъ обожаю—ме же не пе па»... эту пѣсенку онъ всегда напѣвалъ вполголоса, когда чувствовалъ себя въ духѣ. Отецъ его былъ тоже человѣкъ доброты неописанной; вѣчно ходилъ въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ, и что бы ему ни говорили — на все съ улыбкой поддакивалъ. Со времени помолвки Павла Аѳанасьевича, оба Рогачевы — отецъ и сынъ, хлопотали страшно; передѣлывали свой домъ, пристроивали разныя «галдареи», дружелюбно разговаривали съ работниками, подчивали ихъ водкою. Къ зимѣ не успѣли окончить всѣ постройки; отложили свадьбу до лѣта; лѣтомъ умеръ Иванъ Андреевичъ; отложили свадьбу до будущей весны; зимой пріѣхалъ Василій Ивановичъ. Ему представили Рочачева; онъ принялъ его холодно и небрежно и впослѣдствіи времени до того запугалъ его своимъ надменнымъ обхожденіемъ, что бѣдный Рогачевъ трепеталъ какъ листъ при одномъ его появленіи, молчалъ и принужденно улыбался. Василій разъ чуть-чуть не уходилъ его совершенно — предложивъ ему пари, что онъ, Рогачевъ, не въ состояніи перестать улыбаться. Бѣдный Павелъ Аѳанасьевичъ едва не заплакалъ отъ замѣшательства, но — дѣйствительно!—улыбка, глупѣйшая, напряженная улыбка не хотѣла сойдти съ его вспотѣвшаго лица! А Василій медленно поигрывалъ концами своего шейнаго платка и поглядывалъ на него ужь черезчуръ презрительно. Отецъ Павла Аѳанасьевича узналъ также о прибытіи Василія, и спустя нѣсколько дней — для «большой важности» — отправился въ Лучиновку съ намѣреніемъ: «поздравить любезнаго гостя съ прибытіемъ въ родныя палестины». Аѳанасій Лукичъ слазился во всемъ околодкѣ своимъ краснорѣчіемъ—т. е. умѣньемъ не запинаясь произнести довольно длинную и хитро-сплетенную рѣчь, съ легкой примѣсью книжныхъ словечекъ. Увы! на этотъ разъ онъ не поддержалъ своей славы; смутился гораздо болѣе сына своего, Павла Аѳанасьевича; пробормоталъ что-то весьма невнятное и хотя отъ роду не пивалъ водки, но тутъ «для контенансу» выпилъ рюмочку (онъ засталъ Василія за завтракомъ)—хотѣлъ было по крайней мѣрѣ крякнуть съ нѣкоторою самостоятельностію, и не произвелъ ни малѣйшаго звука. Уѣзжая домой, Павелъ Аѳанасьевичъ шепнулъ своему родителю:

«Что-съ, батюшка?» Аѳанасій Лукичъ съ досадой отвѣчалъ ему также шопотомъ: «И не говори!»

Рогачевы начали рѣже ѣздить въ Лучиновку. Впрочемъ — Василій застращалъ не ихъ однихъ; въ братьяхъ своихъ, въ ихъ женахъ, даже въ самой Аннѣ Павловнѣ возбудилъ онъ тоскливую, невольную неловкость... они стали всячески избѣгать его; Василій не могъ этого не замѣтить, но повидимому не имѣлъ намѣренья перемѣнить свое обращеніе съ ними — какъ вдругъ въ началѣ весны онъ явился опять тѣмъ любезнымъ, милымъ человѣкомъ, какимъ его прежде знали....

Первымъ проявленіемъ этой внезапной перемѣны былъ неожиданный пріѣздъ Василія къ Рогачевымъ. Аѳанасій Лукичъ, въ особенности, порядкомъ струсилъ при видѣ коляски Лучинова, но испугъ его исчезъ весьма скоро. Никогда Василій не былъ любезнѣе и веселѣе. Онъ взялъ молодаго Рогачева подъ-руку, пошелъ съ нимъ осматривать постройки, толковалъ съ плотниками, давалъ имъ совѣты, давалъ самъ нарубки топоромъ, велѣлъ себѣ показать заводскихъ лошадей Аѳанасья Лукича, самъ гонялъ ихъ на кордѣ—и вообще своей радушной любезностью довелъ добрыхъ степняковъ до того, что они оба неоднократно его обняли. Дома Василій тоже въ нѣсколько дней попрежнему вскружилъ всѣмъ головы: затѣялъ разныя смѣшныя игры; досталъ музыкантовъ; назвалъ сосѣдей и сосѣдокъ; разсказывалъ старушкамъ самымъ потѣшнымъ образомъ городскія сплетни; слегка волочился за молодыми; придумывалъ небывалыя увеселенія, фейерверки и т. д., словомъ, оживилъ все и всѣхъ. Печальный, мрачный домъ Лучиновыхъ превратился вдругъ въ какое-то шумное, блестящее, очаровательное жилище, о которомъ заговорилъ весь околотокъ. — Эта внезапная перемѣна удивила многихъ, всѣхъ обрадовала; начали носиться разные слухи; знающіе люди говорили, что Василья Ивановича до тѣхъ поръ сокрушала какая-то скрытая забота, что ему представилась возможность возвратиться въ столицу.... но до истиной причины перерожденія Василья Ивановича не добрался никто.

Ольга Ивановна, господа, была очень недурна собой. — Впрочемъ, ея красота состояла болѣе въ необыкновенной нѣжности и свѣжести тѣла, въ спокойной прелести движеній,—

чѣмъ въ строгой правильности очертаній. Природа одарила ее нѣкоторой самобытностью; ея воспитанье — она выросла сиротой—развило въ ней осторожность и твердость. Ольга не принадлежала къ числу тихихъ и вялыхъ барышень; но одно лишь чувство въ ней созрѣло вполнѣ: ненависть къ благодѣтелю. Впрочемъ, и другія, болѣе женскія страсти, могли вспыхнуть въ душѣ Ольги Ивановны съ необычайной, болѣзненной силой.... но въ ней не было ни того гордаго холода, ни той сжатой крѣпости души, ни той самолюбивой сосредоточенности, безъ которыхъ всякая страсть исчезаетъ весьма быстро. — Первые порывы такихъ полу-дѣятельныхъ, полустрадательныхъ душъ бываютъ иногда необыкновенно стремительны: но онѣ измѣняютъ самимъ себѣ весьма скоро, особенно, когда дѣло дойдетъ до безжалостнаго примѣненія принятыхъ правилъ; онѣ боятся послѣдовательности.... И между тѣмъ, господа, признаюсь вамъ откровенно: на меня женщины такого рода производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе.... (При этихъ словахъ разскащикъ опорожнилъ стаканъ воды.—Пустяки, пустяки! подумалъ я, глядя на его круглый подбородокъ:— на тебя, любезный другъ, ничто въ свѣтѣ не производитъ «сильнѣйшаго впечатлѣнія»)...

Петръ Ѳедоровичъ продолжалъ:—Господа, я вѣрю въ кровь, въ породу. Въ Ольгѣ Ивановнѣ было болѣе крови, чѣмъ, напримѣръ, въ нареченной ея сестрицѣ — Натальѣ. Въ чемъ же проявлялась эта «кровь», спросите вы меня? — да во всемъ: въ очеркахъ рукъ, губъ, въ звукѣ голоса, во взглядѣ, въ походкѣ, въ прическѣ, — въ складкахъ платья, наконецъ. Во всѣхъ этихъ бездѣлкахъ таилось что-то особенное, хотя я долженъ признаться, что, та.... какъ бы выразиться?... та distinction, которая досталась на долю Ольгѣ Ивановнѣ, не привлекла бы вниманія Василья, еслибъ онъ встрѣтился съ нею въ Петербургѣ. Въ деревнѣ же, въ глуши, она не только возбудила его вниманье — но даже вообще была единственной причиной той перемѣны, о которой я вамъ говорилъ выше.

Судите сами: Василій Ивановичъ любилъ наслаждаться жизнью... онъ не могъ не скучать въ деревнѣ; братья его были добрые ребята, но весьма ограниченные люди: онъ

ничего не имѣлъ съ ними общаго; сестра его Наталья въ теченіи трехъ лѣтъ прижила съ своимъ супругомъ четырехъ человѣкъ дѣтей; между ей и Васильемъ была цѣлая бездна.... Анна Павловна ходила въ церковь, молилась, постилась и готовилась къ смерти. Оставалась одна Ольга, свѣжая, робкая, миленькая дѣвочка... Василій ее сперва не замѣтилъ... да и кто обращаетъ вниманье на воспитанницу, на сироту, на пріемыша!... Однажды, въ самомъ началѣ весны, шелъ онъ по саду и тросточкой сбивалъ головки цикорій, этихъ глупенькихъ желтыхъ цвѣтковъ, которые въ такомъ множествѣ первые появляются на едва зеленѣющихъ лугахъ. — Онъ гулялъ по саду, передъ домомъ, поднялъ голову — и увидалъ Ольгу Ивановну. — Она сидѣла бокомъ у окна и задумчиво гладила полосатаго котенка, который мурлыча и жмурясь угнѣздился на ея колѣняхъ и съ большимъ удовольствіемъ подставлялъ свой носикъ весеннему уже довольно яркому солнцу. На Ольгѣ Ивановнѣ было бѣлое утреннее платье съ короткими рукавами; ея голыя, блѣдно-розовыя, не вполнѣ развитыя плечи и руки дышали свѣжестью и здоровьемъ; небольшой чепчикъ осторожно сжималъ ея густые, мягкіе, шелковистые локоны; лицо слегка пылало: она недавно проснулась. Ея тонкая и гибкая шея такъ мило подалась впередъ; такъ плѣнительно-небрежно, такъ стыдливо отдыхалъ ея незатянутый станъ, что Василій Ивановичъ (большой знатокъ) невольно остановился и заглядѣлся. Ему вдругъ пришло въ голову, что не слѣдуетъ оставлять Ольгу Ивановну въ ея первобытномъ невѣжествѣ; что изъ нея можетъ со временемъ выдти премилая и прелюбезная женщина. Онъ подкрался къ окну, поднялся на цыпочки и на бѣлой и гладкой рукѣ Ольги Ивановны немного пониже локтя напечатлѣлъ безмолвный поцалуй. — Ольга вскрикнула и вскочила, котенокъ поднялъ хвостъ и прыгнулъ въ садъ, Василій Ивановичъ съ улыбкой удержалъ ее за руку... Ольга покраснѣла вся до-ушей; онъ началъ шутить надъ ея испугомъ.... звалъ ее гулять съ собой; но вдругъ Ольга Ивановна замѣтила небрежность своего наряда—и «быстрѣе быстрой лани» улизнула въ другую комнату.

Въ тотъ же самый день, Василій отправился къ Рогачевымъ. Онъ вдругъ повеселѣлъ и просвѣтлѣлъ духомъ. Василій

не полюбилъ Ольгу, нѣтъ! — словомъ: «любовь» шутить не надобно.... Онъ нашелъ себѣ занятіе, поставилъ себѣ задачу и радовался радостью дѣятельнаго человѣка. Онъ и не вспомнилъ о томъ, что она — воспитанница его матери, невѣста другаго; — онъ ни на одинъ мигъ не обманывалъ себя; онъ очень хорошо зналъ, что ей не быть его женой.... Можетъ-быть, его извиняла страсть — правда не возвышенная, не благородная, но все-таки довольно сильная и мучительная страсть. Разумѣется, онъ влюбился не какъ ребенокъ; онъ не предавался неопредѣленнымъ восторгамъ; онъ очень зналъ чего онъ хотѣлъ и къ чему онъ стремился.

Василій Ивановичъ вполнѣ владѣлъ способностью въ самое короткое время пріучить къ себѣ другаго, даже предубѣжденнаго или робкаго человѣка. Ольга скоро перестала его дичиться. Василій Ивановичъ ввелъ ее въ новый міръ. Онъ выписалъ для нея клавикорды, давалъ ей музыкальные уроки (онъ самъ порядочно игралъ на флейтѣ), читалъ ей книги, долго разговаривалъ съ ней.... Голова закружилась у бѣдной степнячки. Василій совершенно покорилъ ее. Онъ умѣлъ говорить съ ней о томъ, что до того времени ей было чуждымъ, и говорилъ языкомъ ей понятнымъ. Ольга понемногу рѣшалась высказывать ему свои чувства; онъ помогалъ ей, подсказывалъ ей слова, которыхъ она не находила, не запугивалъ ея, то удерживалъ, то поощрялъ ея порывы.... Василій занимался ея воспитаніемъ, не изъ безкорыстнаго желанія разбудить и развить ея способности; онъ, просто, хотѣлъ ее нѣсколько къ себѣ приблизить, и зналъ, притомъ, что неопытную, робкую, но самолюбивую женщину легче завлечь умомъ, чѣмъ сердцемъ. Еслибъ Ольга была даже существомъ необыкновеннымъ, Василій никакъ бы не могъ этого замѣтить, потому-что онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ; но вы уже знаете, господа, что въ Ольгѣ особенно замѣчательнаго ничего не было. Василій старался по возможности дѣйствовать на ея воображеніе, и часто вечеромъ она уходила отъ него съ такимъ вихремъ новыхъ образовъ, словъ и мыслей въ головѣ, что не въ состояніи была заснуть до зари, и, тоскливо вздыхая, безпрестанно прикладывала горячія щеки къ холоднымъ подушкамъ, или вставала, подходила къ окну,

и пугливо и жадно глядѣла въ темную даль. Василій наполнялъ каждое мгновенье ея жизни, ни о комъ другомъ она думать не могла. Рогачева она скоро даже перестала замѣчать. Василій, какъ человѣкъ ловкій и хитрый, въ его присутствіи не говорилъ съ Ольгой; но либо смѣшилъ его самого до слезъ, либо затѣвалъ какую-нибудь шумную игру, прогулку верхомъ, катанье ночью по рѣкѣ съ факелами и музыкой — словомъ, не давалъ опомниться Павлу Аѳанасьевичу. Однако не смотря на всю ловкость Василья Ивановича, Рогачевъ смутно почувствовалъ, что онъ, женихъ и будущій мужъ Ольги, какъ-будто сталъ для нея чужимъ человѣкомъ.... но по безконечной своей добротѣ, боялся огорчить ее упрекомъ, хотя дѣйствительно любилъ ее и дорожилъ ея привязанностью. Наединѣ съ ней онъ не зналъ что заговорить и только старался всячески прислуживаться. Прошло два мѣсяца... Въ Ольгѣ исчезла, наконецъ, всякая самостоятельность, всякая воля; слабый и молчаливый Рогачевъ не могъ служить ей опорой; она даже не хотѣла противиться обаянью, и съ замирающимъ сердцемъ безусловно отдалась Василью...

Ольга Ивановна, вѣроятно, узнала тогда радости любви; но не на долго. Хотя Василій, за неимѣніемъ другаго занятія — не только не бросилъ ея, но даже привязался къ ней и нѣжно, заботливо ее лелѣялъ, но сама Ольга до того потерялась, что даже въ любви не находила блаженства — и все-таки не могла оторваться отъ Василья. Она стала всего бояться, не смѣла думать; не разговаривала ни о чемъ, перестала читать, тоска ее грызла. Иногда удавалось Василью увлечь ее за собою и заставить позабыть всѣхъ и все. но на другой же день онъ находилъ ее блѣдной, безмолвной, съ похолодѣвшими руками, съ безсмысленной улыбкой на губахъ.... Настало довольно трудное время для Василія; но никакія трудности запугать его не могли. Онъ весь сосредоточился, какъ опытный игрокъ. — Онъ нисколько не могъ полагаться на Ольгу Ивановну; она безпрестанно себѣ измѣняла, блѣднѣла, краснѣла и плакала.... ея новая роль не пришлась ей по силамъ. Василій работалъ за двухъ; въ его буйномъ и шумномъ весельи только опытный наблюдатель могъ бы замѣтить лихорадочную напряженность: онъ игралъ братьями, сестрами, Рогачевыми, сосѣдами, сосѣд-

ками — какъ пѣшками; вѣчно былъ на сторожѣ, не терялъ ни одного взгляда, ни одного движенья, хотя казался беззаботнѣйшимъ человѣкомъ; каждое утро вступалъ въ сраженіе и каждый вечеръ торжествовалъ побѣду. — Онъ нисколько не тяготился такой страшной дѣятельностью; спалъ четыре часа въ сутки, ѣлъ очень мало и былъ здоровъ, свѣжъ и веселъ. Между тѣмъ, день свадьбы приближался; Василій успѣлъ убѣдить самого Павла Аѳанасьевича въ необходимости отсрочки; потомъ услалъ его въ Москву за покупками, а самъ переписывался съ петербургскими пріятелями. Онъ хлопоталъ не столько изъ сожалѣнья къ Ольгѣ Ивановнѣ, сколько изъ охоты и любви къ хлопотамъ и тревогамъ... Притомъ — Ольга Ивановна начала ему надоѣдать, и онъ уже не разъ, послѣ неистоваго взрыва страсти, поглядывалъ на нее, какъ бывало, на Рогачева. Лучиновъ всегда оставался загадкой для всѣхъ; въ самой холодности его неумолимой души вы чувствовали присутствіе страннаго, почти южнаго пламени; и въ самомъ бѣшеномъ разгарѣ страсти, отъ этого человѣка вѣяло холодомъ. — При другихъ онъ, попрежнему, поддерживалъ Ольгу Ивановну; но наединѣ онъ игралъ съ ней какъ кошка съ мышью, или пугалъ ее софизмами, или тяжело и ядовито скучалъ, или, наконецъ, опять бросался къ ея ногамъ увлекалъ ее какъ вихорь щепку.... и не притворялся тогда влюбленнымъ.... но дѣйствительно самъ замиралъ....

Однажды, довольно поздно вечеромъ, Василій сидѣлъ одинъ у себя въ комнатѣ и внимательно перечитывалъ послѣднія, полученныя имъ изъ Петербурга, письма — какъ вдругъ дверь тихонько заскрыпѣла и вошла Палашка, горничная Ольги Ивановны.

— Что тебѣ надобно? спросилъ ее Василій довольно сурово.

— Барышня изволитъ васъ просить къ себѣ.

— Теперь не могу. Ступай... Ну, что жь ты стоишь? продолжалъ онъ, увидя, что Палашка не выходила.

— Барышня приказала сказать, что очень-дескать нужно-съ.

— Да что тамъ такое?

— Сами изволите увидѣть-съ....

— Василій всталъ, съ досадой бросилъ письма въ ящикъ и отправился къ Ольгѣ Ивановнѣ. Она сидѣла одна, въ углу — блѣдная и неподвижная.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ ее не совсѣмъ привѣтно.

Ольга посмотрѣла на него и содрогаясь закрыла глаза.

— Что съ вами?... что съ тобой, Ольга?

Онъ взялъ за руку... Рука Ольги Ивановны была холодна какъ ледъ.... Она хотѣла заговорить.... и голосъ ея замеръ... Бѣдной женщинѣ не оставалось никакого сомнѣнія на-счётъ своего положенія.

Василій нѣсколько смутился. Комната Ольги Ивановны находилась въ двухъ шагахъ отъ спальни Анны Павловны. Василій осторожно подсѣлъ къ Ольгѣ, цаловалъ и грѣлъ ея руки, шопотомъ ее уговаривалъ. Она слушала его и молчала, слегка вздрагивала. Въ дверяхъ стояла Палашка и тихонько утирала слезы. Въ сосѣдней комнатѣ тяжко и мѣрно стучалъ маятникъ и слышалось дыханіе спящаго. Оцѣпененіе Ольги Ивановны разрѣшилось наконецъ слезами и глухими рыданіями. Слезы что гроза: послѣ нихъ человѣкъ всегда тише. Когда Ольга Ивановна успокоилась нѣсколько и лишь изрѣдка, судорожно всхлипывала, какъ ребенокъ, Василій сталъ передъ ней на колѣни и ласками, нѣжными обѣщаніями успокоилъ ее совершенно, далъ ей напиться, уложилъ ее и ушелъ. Всю ночь онъ не раздѣвался, написалъ два-три письма, сжегъ двѣ-три бумаги, досталъ золотой медальйонъ съ портретомъ женщины чернобровой и черноглазой, съ лицомъ сладострастнымъ и смѣлымъ, долго разсматривалъ ея черты и въ раздумьи ходилъ по комнатѣ. На другое утро за чаемъ, онъ съ необыкновеннымъ неудовольствіемъ увидѣлъ покраснѣвшіе, распухшіе глаза и блѣдное, встревоженное лицо бѣдной Ольги. Послѣ завтрака предложилъ онъ ей прогуляться съ нимъ по саду. Ольга пошла за Васильемъ, какъ послушная овечка. Когда же, часа черезъ два, она вернулась изъ сада — на ней лица не было; она сказала Аннѣ Павловнѣ, что ей не здоровится и слегла въ постель. Во время прогулки, Василій съ достодолжнымъ раскаяніемъ объявилъ ей, что онъ тайно обвѣнчанъ — онъ былъ такой же холостякъ, какъ я. Ольга Ивановна не упала въ обморокъ— падаютъ къ обморокъ только на сценѣ; но вдругъ обмерла, хотя сама не только не надѣялась выдти за Василья Ивановича, но даже какъ-то боялась объ этомъ думать. Василій началъ ей доказывать необходимость разлуки съ нимъ и бракосочетанія

съ Рогачевымъ. Ольга Ивановна глядѣла на него съ нѣмымъ ужасомъ. Василій говорилъ холодно, дѣльно, основательно; винилъ себя, каялся — но кончилъ всѣ свои разсужденія слѣдующими словами: «прошедшаго не вернешь; надобно дѣйствовать.» Ольга потерялась совершенно; ей было страшно, стыдно; унылое, тяжкое отчаяніе овладѣло ею; она желала смерти — и съ тоской ожидала рѣшенія Василья.

— Надобно во всемъ сознаться матушкѣ, сказалъ онъ ей наконецъ.

Ольга поблѣднѣла; ноги у ней подкосились.

— Не бойся, не бойся, твердилъ Василій: — положись на меня; я тебя не оставлю.... я все улажу.... надѣйся на меня.

Бѣдная женщина посмотрѣла на него съ любовью... да, съ любовью, и глубокой, хотя уже безнадежной преданностью.

— Я все, все устрою, сказалъ ей на прощанье Василій.... и въ послѣдній разъ поцаловалъ ея похолодѣвшія руки....

На другое же утро, Ольга Ивановна только что встала съ постели — дверь ея растворилась... и Анна Павловна появилась на порогѣ. Ее поддерживалъ Василій. Молча добралась она до креселъ и сѣла молча. Василій сталъ возлѣ нея. Онъ казался спокойнымъ; брови его сдвинулись и губы слегка раскрылись. Анна Павловна, блѣдная, негодующая, разгнѣванная собиралась говорить — но голосъ измѣнялъ ей. Ольга Ивановна съ ужасомъ окинула взоромъ свою благодѣтельницу — своего любовника: страшно замерло въ ней сердце.... она съ крикомъ упала посреди комнаты на колѣни и закрыла себѣ лицо руками... «Такъ — правда.... правда....» прошептала Анна Павловна, и наклонилась къ ней... «Отвѣчайте же!» продолжала она, съ жестокостью схвативъ Ольгу за руку.

— Матушка! раздался мѣдный голосъ Василья. — Вы обѣщали мнѣ не оскорблять ея.

— Я хочу.... признавайся же.... признавайся.... правда ли? правда?

— Матушка.... вспомните... проговорилъ медленно Василій.

Это одно слово сильно потрясло Анну Павловну. Она прислонилась къ спинкѣ креселъ и зарыдала.

Ольга Ивановна тихонько подняла голову и хотѣла было броситься къ ногамъ старухи, но Василій удержалъ ее, поднялъ

и посадилъ на другія кресла. Анна Павловна продолжала плакать и шептать несвязныя слова....

— Послушайте, матушка, заговорилъ Василій. — Не убивайте себя; бѣдѣ помочь еще можно.... Если Рогачевъ....

Ольга Ивановна вздрогнула и выпрямилась.

— Если Рогачевъ, продолжалъ Василій, значительно взглянувъ на Ольгу Ивановну: — вообразилъ, что можетъ безнаказанно опозорить честное семейство....

Ольгѣ Ивановнѣ стало страшно.

— Въ моемъ домѣ, простонала Анна Павловна....

— Успокойтесь, матушка. Онъ воспользовался ея неопытностью, ея молодостью, онъ.... вы что-то хотите сказать? прибавилъ онъ, увидя, что Ольга порывается къ нему....

Ольга Ивановна упала въ кресла.

— Я сейчасъ ѣду къ Рогачеву. Я заставлю его жениться сегодня же. Будьте увѣрены, я не позволю ему насмѣхаться надъ нами....

— Но.... Василій Ивановичъ.... вы.... прошептала Ольга.

Онъ долго и холодно посмотрѣлъ на нее. Она замолчала снова.

— Матушка, дайте мнѣ слово не безпокоить ея до моего пріѣзда. Посмотрите — она едва жива. Да и вамъ надобно отдохнуть. Надѣйтесь на меня; я отвѣчаю за все; во всякомъ случаѣ, подождите моего возвращенья. Повторяю вамъ — не убивайте ни ее, ни себя — и положитесь на меня.

Онъ приблизился къ дверямъ и остановился.

— Матушка, сказалъ онъ: — пойдемте со мной, оставьте ее одну, прошу васъ.

Анна Павловна встала, подошла къ иконѣ, положила земной поклонъ и тихо послѣдовала за сыномъ. Ольга Ивановна молча и неподвижно проводила ее глазами. Василій проворно вернулся, схватилъ ее за руку, шепнулъ ей на ухо: «надѣйтесь на меня, и не выдайте насъ», и тотчасъ удалился.... «Бурсьѐ!» закричалъ онъ, спускаясь быстро внизъ по лѣстницѣ. «Бурсьѐ!...»

Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ въ колескѣ съ своимъ слугой.

Въ тотъ день старика Рогачева не было дома. Онъ поѣхалъ въ уѣздный городъ закупать мухояру на кафтаны своимъ че-

лядинцамъ. Павелъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и разсматривалъ коллекцію полинявшихъ бабочекъ. Приподнявъ брови и вытянувъ губы, онъ осторожно переворачивалъ булавкой хрупкія крылышки «ночнаго сфинкса», какъ вдругъ почувствовалъ у себя на плечѣ небольшую, но тяжелую руку. Онъ оглянулся — передъ нимъ стоялъ Василій.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ, проговорилъ онъ, не безъ нѣкотораго изумленія.

Василій посмотрѣлъ на него и сѣлъ передъ нимъ на стулъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ улыбнулся было.... да взглянулъ на Василья, онустился, раскрылъ ротъ и сложилъ руки.

— А скажите-ка Павелъ Аѳанасьевичъ, заговорилъ вдругъ Василій: — скоро ли вы намѣрены сыграть свадебку?

— Я?... скоро... конечно.... я, съ моей стороны... впрочемъ какъ вы и ваша сестрица.... я, съ моей стороны, готовъ хоть завтра.

— Прекрасно, прекрасно. Вы человѣкъ весьма нетерпѣливый, Павелъ Аѳанасьевичъ.

— Какъ это-съ?

— Слушайте, прибавилъ Василій Ивановичъ, вставая: — я все знаю; вы меня понимаете, и я вамъ приказываю безъ отлагательства завтра же жениться на Ольгѣ.

— Позвольте, позвольте, однакожь, возразилъ Рогачевъ, неподнимаясь съ мѣста: — вы мнѣ приказываете? я самъ искалъ руки Ольги Ивановны, и мнѣ нечего приказывать.... признаюсь, Василій Ивановичъ, я васъ что-то не понимаю.

— Не понимаешь?

— Нѣтъ, право, не понимаю-съ.

— Даешь ты мнѣ слово жениться на ней завтра же?

— Да помилуйте, Василій Ивановичъ... не сами ли вы неоднократно откладывали нашу свадьбу? Безъ васъ она бы уже давно состоялась. И теперь я и не думаю отказываться. Что же значатъ ваши угрозы, ваши настоятельныя требованія?

Павелъ Аѳанасьевичъ отеръ потъ съ лица.

— Даешь ли ты мнѣ слово, говори: да или нѣтъ? повторилъ съ разстановкой Василій.

— Извольте.... даю-съ, но....

— Хорошо. Помни же.... А она во всемъ призналась.

— Кто призналась?

— Ольга Ивановна.

— Да въ чемъ призналась?

— Да что вы передо мной-то притворяетесь, Павелъ Аѳанасьевичъ? Я вѣдь вамъ не чужой.

— Въ чемъ я притворяюсь? я васъ не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю. Въ чемъ могла Ольга Ивановна признаться?

— Въ чемъ? вы мнѣ надоѣли. Извѣстно въ чемъ.

— Убей меня Богъ....

— Нѣтъ, я тебя убью — если ты на ней не женишься.... понимаешь?

— Какъ!... Павелъ Аѳанасьевичъ вскочилъ и остановился передъ Васильемъ. — Ольга Ивановна.... вы говорите....

— Ловокъ, братецъ ты, ловокъ, признаюсь, — Василій съ улыбкой потрепалъ его по плечу: — даромъ что на видъ смиренъ....

— Боже мой, Боже!... Вы меня съума сводите.... Что вы хотите сказать, объяснитесь, ради Бога.

Василій нагнулся къ нему и шепнулъ ему что-то на ухо.

Рогачевъ вскрикнулъ.

— Какъ?... я?...

Василій топнулъ ногой.

— Ольга Ивановна? Ольга?...

— Да.... ваша невѣста....

— Моя невѣста.... Василій Ивановичъ.... она.... она... Да я жь ея и знать не хочу, закричалъ Павелъ Аѳанасьевичъ. — Богъ съ ней совсѣмъ! за кого вы меня принимаете? Обмануть меня — меня обмануть.... Ольга Ивановна, не грѣшно вамъ, не совѣстно вамъ... (Слезы брызнули у него изъ глазъ). — Спасибо вамъ, Василій Ивановичъ, спасибо.... А я ея и знать теперь не хочу! не хочу! не хочу! и не говорите.... Ахъ, мои батюшки — вотъ до чего я дожилъ!... Хорошо же, хорошо.

— Полно вамъ ребячиться, замѣтилъ хладнокровно Василій Ивановичъ. — Помните, вы мнѣ дали слово: завтра свадьба.

— Нѣтъ, этому не бывать! Полноте, Василій Ивановичъ, опять-таки скажу вамъ — за кого вы меня принимаете? много чести: покорно благодаримъ-съ. Извините-съ.

— Какъ угодно! возразилъ Василій. — Доставайте шпагу.

— Какъ шпагу.... зачѣмъ шпагу?

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ.

Василій вынулъ свою французскую тонкую, гибкую шпагу и слегка согнулъ ее объ полъ.

— Вы хотите.... со мной.... драться....

— Именно.

— Но, Василій Ивановичъ, помилуйте, войдите въ мое положеніе. Какъ же я могу, посудите сами, послѣ того, что вы мнѣ сказали.... я честный человѣкъ, Василій Ивановичъ, я дворянинъ.

— Вы дворянинъ, вы честный человѣкъ, — такъ извольте же со мной драться.

— Василій Ивановичъ!

— Вы, кажется, робѣете, господинъ Рогачевъ.

— Я вовсе не робѣю, Василій Ивановичъ. Вы думали запугать меня, Василій Ивановичъ. Вотъ-дескать, я его пугну, онъ и струситъ, онъ на все тотчасъ и согласится.... Нѣтъ, Василій Ивановичъ, я такой же дворянинъ, какъ и вы, хотя воспитанія столичнаго не получилъ дѣйствительно, и запугать вамъ меня не удастся, извините.

— Очень хорошо, возразилъ Василій:—гдѣ же ваша шпага?

— Ерошка! закричалъ Павелъ Аѳанасьевичъ.

Вошелъ человѣкъ.

— Достань мнѣ шпагу — тамъ — ты знаешь, на чердакѣ.... поскорѣй....

Ерошка вышелъ, Павелъ Аѳанасьевичъ вдругъ чрезвычайно поблѣднѣлъ, торопливо снялъ шлафрокъ, надѣлъ кафтанъ рыжаго цвѣта съ стразовыми большими пуговицами.... намоталъ на шею галстухъ.... Василій глядѣлъ на него и перебиралъ пальцами правой руки.

— Такъ что жь? драться намъ, Павелъ Аѳанасьевичъ?

— Драться такъ драться, возразилъ Рогачевъ и торопливо застегнулъ камзолъ.

— Эй, Павелъ Аѳанасьевичъ, послушайся моего совѣта: женись... что тебѣ.... А я, повѣрь мнѣ....

— Нѣтъ, Василій Ивановичъ, перебилъ его Рогачевъ. — Вы меня, я знаю, либо убьете, либо изувѣчите; но чести своей я терять не намѣренъ, умирать такъ умирать.

Ерошка вошелъ и трепетно подалъ Рогачеву старенькую шпажонку въ кожаныхъ истресканныхъ ножнахъ. Въ то время всѣ дворяне носили шпаги при пудрѣ; но степные помѣщики пудрились раза два въ годъ. Ерошка отошелъ къ дверямъ и заплакалъ. Павелъ Аѳанасьевичъ вытолкалъ его вонъ изъ комнаты.

— Однако, Василій Ивановичъ, замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: — я не могу сейчасъ съ вами драться; позвольте отложить нашу дуэль до завтра; батюшки нѣтъ дома; да и дѣла мои на всякій случай не худо привести въ порядокъ.

— Вы, я вижу, опять начинаете робѣть, милостивый государь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ивановичъ; но посудите сами....

— Послушайте, закричалъ Лучиновъ: — вы меня выводите изъ терпѣнья.... Или дайте мнѣ слово тотчасъ жениться, или деритесь.... или я васъ прибью палкой, какъ труса, понимаете?

— Пойдемте въ садъ, отвѣчалъ сквозь зубы Рогачевъ.

— Но вдругъ дверь растворилась и старая няня Ефимовна — вся растрепанная — ворвалась въ комнату, упала передъ Рогачевымъ на колѣни, схватила его за ноги....

— Батюшка ты мой! завопила она: — дитятко ты мое.... что ты такое затѣялъ? не погуби насъ горемычныхъ, батюшка! Вѣдь онъ тебя убьетъ, голубчикъ ты мой! Да прикажи намъ только, прикажи, мы его озорника этакого шапками закидаемъ.... Павелъ Аѳанасьевичъ, дитятко ты мое, побойся Бога.

Въ дверяхъ показалось множество блѣдныхъ и встревоженныхъ лицъ.... показалась даже рыжая борода старосты....

— Пусти меня, Ефимовна, пусти! пробормоталъ Рогачевъ.

— Не пущу, родимый, не пущу. Что ты это, батюшка, что ты? Да что скажетъ Аѳанасій-то Лукичъ-то? Да онъ насъ всѣхъ съ бѣла свѣта сгонитъ.... А вы что стоите? Возьмите-ка незваннаго гостя подъ ручки, да и выпроводите его вонъ изъ дому, чтобы духа его здѣсь не было....

— Рогачевъ! грозно вскрикнулъ Василій Ивановичъ.

— Ты съума сошла, Ефимовна, ты меня позоришь, помилуй... проговорилъ Павелъ Аѳанасьевичъ. — Ступай, ступай себѣ съ Богомъ, и вы пошли вонъ, слышите?...

Василій Ивановичъ быстро подошелъ къ растворенному окошку, досталъ небольшой серебряный свистокъ — слегка

свиснулъ.... Бурсьѣ отозвался невдалекѣ. Лучиновъ тотчасъ обратился къ Павлу Аѳанасьевичу.

— Чѣмъ же эта комедія кончится?

— Василій Ивановичъ, я пріѣду къ вамъ завтра—что мнѣ дѣлать съ этой съумасшедшей бабой....

— Э! да я вижу, съ вами нечего долго толковать, сказалъ Василій и поднялъ было трость....

Павелъ Аѳанасьевичъ рванулся, оттолкнулъ Ефимовну, схватилъ шпагу и бросился черезъ другія двери въ садъ.

Василій ринулся вслѣдъ за нимъ. Они вбѣжали оба въ деревянную бесѣдку, хитро раскрашенную на китайскій манеръ, заперлись и обнажили шпаги. Рогачевъ когда-то бралъ уроки въ фехтованіи; но теперь едва съумѣлъ выпасть, какъ слѣдуетъ. Лезвія скрестились. Василій видимо игралъ шпагой Рогачева. Павелъ Аѳанасьевичъ задыхался, блѣднѣлъ и съ смятеньемъ глядѣлъ въ лицо Лучинову. Между тѣмъ, въ саду раздавались крики; толпа народа бѣжала къ бесѣдкѣ. Вдругъ Рогачеву послышался раздирающій старческій вопль.... онъ узналъ голосъ отца. Аѳанасій Лукичъ безъ шапки, съ растрепанными волосами бѣжалъ впереди всѣхъ, отчаянно махая руками....

Сильнымъ и неожиданнымъ поворотомъ клинка вышибъ Василій шпагу изъ руки Павла Аѳанасьевича.

— Женись, братъ, сказалъ онъ ему: — полно тебѣ дурачиться.

— Не женюсь, прошепталъ Рогачевъ, закрылъ глаза и весь затрясся.

Аѳанасій Лукичъ началъ ломиться въ дверь бесѣдки.

— Не хочешь? закричалъ Василій.

Рогачевъ покачалъ отрицательно головой!

— Ну, такъ чортъ же съ тобой!

Бѣдный Павелъ Аѳанасьевичъ упалъ мертвый: шпага Лучинова воткнулась ему въ сердце... Дверь затрещала, старикъ Рогачевъ ворвался въ бесѣдку, но Василій уже успѣлъ выскочить въ окно ...

Два часа спустя, вошелъ онъ въ комнату Ольги Ивановны.... Она съ ужасомъ бросилась къ нему на встрѣчу.... Онъ молча поклонился ей, вынулъ шпагу и прокололъ, на мѣстѣ

сердца, портретъ Павла Аѳанасьевича.... Ольга вскрикнула и полумертвая упала на полъ.... Василій отправился къ Аннѣ Павловнѣ. Онъ засталъ ее въ образной. — «Матушка», проговорилъ онъ: «мы отомщены». — Бѣдная старуха вздрогнула и продолжала молиться.

Черезъ недѣлю, Василій уѣхалъ въ Петербургъ — и черезъ два года вернулся въ деревню, разбитый параличемъ, безъ языка. Онъ уже не засталъ въ живыхъ ни Анны Павловны, ни Ольги—и умеръ скоро самъ на рукахъ у Юдича, который кормилъ его какъ ребенка и одинъ умѣлъ понимать его несвязный лепетъ.

ЖИДЪ.

—

...Разскажите-ка вы намъ что-нибудь, полковникъ, сказали мы, наконецъ, Николаю Ильичу.

Полковникъ улыбнулся, пропустилъ струю табачнаго дыма сквозь усы, провелъ рукою по сѣдымъ волосамъ, посмотрѣлъ на насъ и задумался. Мы всѣ чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравой смыслъ и снисходительность къ нашей братьѣ молодежи. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и дороденъ; его смуглое лицо «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ» (*), прямодушный, умный, взглядъ, кроткая улыбка, мужественный и звучный голосъ, — все въ немъ нравилось и привлекало....

— Ну, слушайте-жь, началъ онъ. — Дѣло было въ 13 году, подъ Данцигомъ. Я служилъ тогда въ Е—мъ кирасирскомъ полку и, помнится, только что былъ произведенъ въ корнеты. Веселое занятье—сраженья, и походы—хорошая вещь, но въ осадномъ корпусѣ очень скучно было. Сидимъ себѣ бывало цѣлый Божій день въ какомъ-нибудь ложементѣ, подъ палаткой, на грязи или на соломѣ, да играемъ въ карты съ утра до вечера. Развѣ отъ скуки пойдемъ посмотрѣть, какъ летаютъ бомбы или каленыя ядра. Сначала французы насъ тѣшили

(*) Лермонтовъ въ «Казначейшѣ».

вылазками, да скоро притихли. Ѣздить на фуражировку тоже надоѣло; словомъ, тоска напала на насъ такая, что хоть вой. Мнѣ всего тогда пошелъ девятнадцатый годъ; малый былъ я здоровый, кровь съ молокомъ, думалъ потѣшиться и на счетъ француза и на счетъ того.... ну, понимаете.... а вышло-то вотъ что̀. Отъ нѣчего дѣлать пустился я играть. Какъ-то разъ послѣ страшнаго проигрыша — мнѣ повезло, и къ утру (мы играли ночью) я былъ въ сильномъ выигрышѣ. Измученный, сонный, вышелъ я на свѣжій воздухъ и присѣлъ на гласисъ. Утро было прекрасное, тихое; длинныя линіи нашихъ укрѣпленій терялись въ туманѣ; я заглядѣлся, а потомъ и задремалъ, сидя. Осторожный кашель разбудилъ меня; я открылъ глаза и увидѣлъ предъ собою жида лѣтъ сорока, въ долгополомъ сѣромъ кафтанѣ, башмакахъ и черной ермолкѣ. Этотъ жидъ, по прозвищу Гиршель, то и дѣло толкался въ нашемъ лагерѣ, напрашивался въ факторы, доставалъ намъ вина, съѣстныхъ припасовъ и прочихъ бездѣлокъ; росту былъ онъ небольшого, худенькій, рябой, рыжій, — безпрестанно моргалъ крошечными, тоже рыжими, глазками, носъ имѣлъ кривой и длинный и все покашливалъ.

Онъ началъ вертѣться передо мной и униженно кланяться.

— Ну, что тебѣ надобно? спросилъ я его наконецъ.

— А такъ-съ, пришелъ узнать-съ, что не могу ли ихъ благородію чѣмъ-нибудь-съ....

— Не нуженъ ты мнѣ; ступай.

— Какъ прикажете-съ, какъ угодно-съ... я думалъ, что, можетъ быть-съ, чѣмъ-нибудь-съ....

— Ты мнѣ надоѣлъ; ступай, говорятъ тебѣ.

— Извольте; извольте-съ. А позвольте ихъ благородіе поздравить съ выигрышемъ....

— А ты почему знаешь?

— Ужь какъ мнѣ не знать-съ.... Большой выигрышъ.... большой.... У! какой большой.....

Гиршель растопырилъ пальцы и покачалъ головой.

— Да что̀ толку, сказалъ я съ досадой: — на какой дьяволъ здѣсь и деньги?

— О! не говорите, ваше благородіе; ай ай, не говорите такое. Деньги — хорошая вещь; всегда нужны, все можно за

деньги достать, ваше благородіе, все, все!! Прикажите только фактору, онъ вамъ все достанетъ, ваше благородіе, все! все!!

— Полно врать, жидъ.

— Ай! ай! повторилъ Гиршель, встряхивая пейсиками. — Ихъ благородіе мнѣ не вѣритъ... ай... ай... ай.... Жидъ закрылъ глаза и медленно покачалъ головою направо и налѣво.... — А я знаю, что г-ну офицеру угодно.... знаю.... ужь я знаю!

Жидъ принялъ весьма плутовской видъ....

— Въ самомъ дѣлѣ?

Жидъ взглянулъ боязливо, потомъ нагнулся ко мнѣ.

— Такая красавица, ваше благородіе, такая!... Гиршель опять закрылъ глаза и вытянулъ губы. — Ваше благородіе, прикажите.... увидите сами..... что теперь я буду говорить, вы будете слушать.... вы не будете вѣрить... а лучше прикажите показать... вотъ какъ, вотъ что!

Я молчалъ и глядѣлъ на жида.

— Ну, такъ хорошо; ну, вотъ хорошо; ну, вотъ я вамъ покажу.... Тутъ Гиршель засмѣялся и слегка потрепалъ меня по плечу, но тотчасъ же отскочилъ, какъ обожженный.

— А что, ваше благородіе, задаточекъ?

— Да ты обманешь меня, или покажешь мнѣ какое-нибудь чучело.

— Ай, вай, что вы такое говорите? проговорилъ жидъ съ необыкновеннымъ жаромъ и размахивая руками.—Какъ можно? Да вы... ваше благородіе, прикажите тогда мнѣ дать пять сотъ.... четыреста пятьдесятъ палокъ, прибавилъ онъ поспѣшно.... — Да вы прикажите....

Въ это время одинъ изъ моихъ товарищей приподнялъ край палатки и назвалъ меня по имени. Я поспѣшно всталъ и бросилъ жиду червонецъ.

— Вецеромъ, вецеромъ, пробормоталъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Признаюсь вамъ, господа, я дожидался вечера съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Въ этотъ самый день французы сдѣлали вылазку; нашъ полкъ ходилъ въ аттаку. Наступилъ вечеръ, мы всѣ усѣлись вокругъ огней.... солдаты заварили кашу.—Пошли толки. Я лежалъ на буркѣ, пилъ чай и слушалъ разсказы товарищей. Мнѣ предложили играть въ карты,—я отказался. Я былъ въ волненіи. Понемногу офицеры разошлись по палат-

камъ; огни стали гаснуть; солдаты также разбрелись, или заснули тутъ же; все затихло. Я не вставалъ. Деньщикъ мой сидѣлъ на корточкахъ передъ огнемъ и, какъ говорится, «удилъ рыбу». — Я прогналъ его. Скоро весь лагерь утихъ. Прошла рунда. Смѣнили часовыхъ. Я все лежалъ и ждалъ чего-то. Звѣзды выступили. Настала ночь. Долго глядѣлъ я на замиравшее пламя.... послѣдній огонекъ потухъ наконецъ. «Обманулъ меня проклятый жидъ», подумалъ я съ досадой и хотѣлъ было приподняться....

— Ваше благородіе.... пролепеталъ надъ самымъ моимъ ухомъ трепетный голосъ.

Я оглянулся: Гиршель. Онъ былъ очень блѣденъ, заикался и пришепётывалъ.

— Пожалуйте-съ въ вашу палатку-съ.

Я всталъ и пошелъ за нимъ. Жидъ весь съежился и осторожно выступалъ по короткой сырой травкѣ. Я замѣтилъ въ сторонѣ неподвижную закутанную фигуру. Жидъ махнулъ ей рукой — она подошла къ нему. Онъ съ ней пошепталися: обратился ко мнѣ, нѣсколько разъ кивнулъ головой, и мы всѣ трое вошли въ палатку. Смѣшно сказать: я задыхался.

— Вотъ, ваше благородіе, прошепталъ съ усиліемъ жидъ: — вотъ. Она немножко боится теперь, она боится, но я ей сказалъ, что г. офицеръ хорошій человѣкъ, прекрасный.... А ты не бойся, не бойся, продолжалъ онъ: — не бойся....

Закутанная фигура не шевелилась. Я самъ былъ въ страшномъ смущеніи и не зналъ, что̀ сказать. Гиршель тоже сѣменилъ на мѣстѣ, какъ-то странно разводилъ руками....

— Однако, сказалъ я ему: — выдь-ка ты вонъ....

Гиршель какъ-будто нехотя повиновался.

Я подошелъ къ закутанной фигурѣ и тихо снялъ съ ея головы темный капишонъ. Въ Данцигѣ горѣло; при красноватомъ, порывистомъ и слабомъ отблескѣ далекаго пожара увидѣлъ я блѣдное лицо молодой жидовки. Ея красота меня поразила. Я стоялъ передъ ней и смотрѣлъ на нее молча. Она не поднимала глазъ. Легкій шорохъ заставилъ меня оглянуться. Гиршель осторожно высовывалъ голову изъ-подъ края палатки. Я съ досадой махнулъ ему рукой.... онъ скрылся.

— Какъ тебя зовутъ? пробормоталъ я наконецъ.

— Сара, отвѣчала она, и въ одно мгновенье сверкнули во мракѣ бѣлки ея большихъ и длинныхъ глазъ и маленькіе, ровные, блестящіе зубки.

Я схватилъ двѣ кожаныя подушки, бросилъ ихъ на землю и попросилъ ее сѣсть. Она скинула свой плащь и сѣла. На ней былъ короткій зеленый, спереди раскрытый козакинъ съ серебряными круглыми рѣзными пуговицами и широкими рукавами. Густая черная коса два раза обвивала ея небольшую головку; я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея смуглую, тонкую руку. Она немного противилась, но какъ-будто боялась глядѣть на меня и неровно дышала. Я любовался ея восточнымъ профилемъ — и робко пожималъ ея дрожащіе, холодные пальцы.

— Ты умѣешь порусски?

— Умѣю.... немного.

— И любишь русскихъ?

— Да, люблю.

— Стало быть, ты меня тоже любишь!

— И васъ люблю.

Я хотѣлъ было обнять ее, но она проворно отодвинулась....

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, господинъ, пожалуйста.

— Ну, такъ посмотри на меня по крайней мѣрѣ.

Она остановила на мнѣ свои черные, пронзительные глаза и тотчасъ же съ улыбкой отвернулась и покраснѣла.

Я съ жаромъ поцаловалъ ея руку. Она посмотрѣла на меня изъ-подлобья и тихонько засмѣялась.

— Чему ты?

Она закрыла лицо рукавомъ и засмѣялась пуще прежняго.

Гиршель появился у входа палатки и погрозилъ ей. Она замолчала.

— Пошелъ вонъ! прошепталъ я ему сквозь зубы: — ты мнѣ надоѣлъ.

Гиршель не выходилъ.

Я досталъ изъ чемодана горсть червонцевъ, сунулъ ихъ ему въ руку и вытолкалъ его вонъ.

— Господинъ, дай и мнѣ, повторила она.

Я ей кинулъ нѣсколько червонцевъ на колѣни; она подхватила ихъ проворно, какъ кошка.

— Ну, теперь я тебя поцалую.

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, пролепетала она испуганнымъ и умоляющимъ голосомъ.

— Чего жь ты боишься?

— Боюсь.

— Да полно....

— Нѣтъ, пожалуйста.

Она робко посмотрѣла на меня, нагнула голову немножко на бокъ и сложила руки. Я оставилъ ее въ покоѣ.

— Если хочешь.... вотъ, сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья, и поднесла свою руку къ моимъ губамъ.

Я не совсѣмъ охотно поцаловалъ ее. Сара опять разсмѣялась.

Кровь меня душила. Я досадовалъ на себя и не зналъ, что̀ дѣлать. Однако, подумалъ я, наконецъ, что̀ я за дуракъ?

Я опять оборотился къ ней.

— Сара, послушай, я влюбленъ въ тебя.

— Я знаю.

— Знаешь? И не сердишься? И сама меня любишь? Сара покачала головой.

— Нѣтъ, отвѣчай мнѣ, какъ слѣдуетъ.

— А покажите-ка себя, сказала она.

Я нагнулся къ ней. Сара положила руки ко мнѣ на плечи, начала разглядывать мое лицо, хмурилась, улыбалась.... Я не выдержалъ и проворно поцаловалъ ее въ щеку.... Она вскочила и въ одинъ прыжокъ очутилась у входа палатки.

— Ну, какая же ты дикарка!

Она молчала и не трогалась съ мѣста.

— Подойди же ко мнѣ....

— Нѣтъ, господинъ, прощайте. До другаго разу.

Гиршель опять выставилъ свою курчавую головку, сказалъ ей два слова; она нагнулась и ускользнула, какъ змѣя.

Я выбѣжалъ изъ палатки вслѣдъ на нею, но не увидѣлъ ни ея, ни Гиршеля.

Цѣлую ночь я не могъ заснуть.

На другое утро мы сидѣли въ палаткѣ нашего ротмистра; я игралъ, но безъ охоты. Вошелъ мой денщикъ.

— Спрашиваютъ васъ, ваше благородіе.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Жидъ спрашиваетъ.

— «Неужели Гиршель!» подумалъ я. — Я дождался конца таліи, всталъ и вышелъ. Дѣйствительно: я увидѣлъ Гиршеля.

— Что̀, спросилъ онъ меня съ пріятной улыбкой: — ваше благородіе, довольны вы?

— Ахъ ты!.... (тутъ полковникъ оглянулся.... кажется, нѣтъ дамъ!... впрочемъ, все равно). Ахъ ты, мой любезный, отвѣчалъ я ему, да ты смѣешься надо мной, что ли?

— А что-съ?

— Какъ что-съ? Еще ты спрашиваешь?

— Ай, ай, господинъ офицеръ, какой же вы, проговорилъ Гиршель съ укоризной, но не переставая улыбаться.—Дѣвица молодая, скромная.... Вы ее испугали, право, испугали.

— Хороша скромность! а деньги-то она зачѣмъ взяла?

— А какъ же-съ? Деньги даютъ-съ, такъ какъ же не брать-съ?

— Послушай, Гиршель, пусть она придетъ опять, я тебя не обижу.... только ты, пожалуйста, своей глупой рожи не показывай у меня въ палаткѣ и оставь насъ въ покоѣ; слышишь?

У Гиршеля засверкали глазки.

— А что? нравится вамъ?

— Ну, да.

— Красавица! такой нѣтъ красавицы ни гдѣ. А денегъ мнѣ теперь пожалуете?

— Возьми. Только слушай: уговоръ лучше денегъ. Приведи ее да убирайся къ чорту. Я ее самъ провожу домой.

— А нельзя, нельзя, никакъ нельзя-съ, торопливо возразилъ жидъ. — Ай, ай, никакъ нельзя-съ... я пожалуй буду ходить около палатки, ваше благородіе; я, я, ваше благородіе, отойду пожалуй немножко.... я, ваше благородіе, готовъ вамъ служить, я пожалуй отойду.... что̀ жь? я отойду.

— Ну, смотри же.... Да приведи ее; слышишь?

— А вѣдь красавица? господинъ офицеръ, а? ваше благородіе? красавица? а?

Гиршель нагибался и заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Хороша.

— Ну, такъ дайте же мнѣ еще червончикъ....

Я бросилъ ему червонецъ; мы разошлись.

День минулъ наконецъ. Настала ночь. Я долго сидѣлъ одинъ въ своей палаткѣ. На дворѣ было неясно. Въ городѣ пробило два часа. Я начиналъ уже ругать жида... вдругъ вошла Сара, одна. Я вскочилъ, обнялъ ее.... прикоснулся губами до ея лица... Оно было холодно, какъ ледъ. Я едва могъ различить ея черты.... Я усадилъ ее, сталъ передъ ней на колѣни, бралъ ея руки, касался ея стана.... Она молчала не шевелилась и вдругъ громко, судорожно зарыдала. Я напрасно старался успокоить, уговорить ее.... Она плакала навзрыдъ.... Я ласкалъ ее, утиралъ ея слезы; она попрежнему не противилась, не отвѣчала на мои распросы и плакала, — плакала въ три ручья. Сердце во мнѣ перевернулось, я всталъ и вышелъ изъ палатки. — Гиршель точно изъ земли передо мною вынырнулъ.

— Гиршель, сказалъ я ему: — вотъ тебѣ обѣщанныя деньги. Уведи Сару.

Жидъ тотчасъ бросился къ ней. Она перестала плакать и ухватилась за него.

— Прощай, Сара, сказалъ я ей. — Богъ съ тобой, прощай. Когда-нибудь увидимся, въ другое время.

Гиршель молчалъ и кланялся. Сара нагнулась, взяла мою руку, прижала ее къ губамъ, я отвернулся....

Дней пять или шесть, господа я все думалъ о моей жидовкѣ. Гиршель не являлся, и никто не видалъ его въ лагерѣ. По ночамъ спалъ я довольно плохо: мнѣ все мерещились черные, влажные глаза, длинныя рѣсницы; мои губы не могли забыть прикосновенья щеки, гладкой и свѣжей, какъ кожица сливы. Послали меня со взводомъ на фуражировку въ отдаленную деревеньку. Пока мои солдаты шарили по домамъ, я остался на улицѣ и не слѣзалъ съ коня. Вдругъ кто-то схватилъ меня за ногу....

— Боже мой, Сара!

Она была блѣдна и взволнована.

— Господинъ офицеръ, господинъ... помогите, спасите: солдаты насъ обижаютъ... Господинъ офицеръ...

Она узнала меня и вспыхнула.

— А развѣ ты здѣсь живешь?

— Здѣсь.

— Гдѣ?

Сара указала мнѣ на маленькій, старенькій домикъ. Я далъ лошади шпоры и поскакалъ. На дворѣ домика безобразная, растрепанная жидовка старалась вырвать изъ рукъ моего длиннаго вахмистра Силявки три курицы и поросенка. Онъ поднималъ свою добычу выше головы и смѣялся; курицы кудахтали, поросенокъ визжалъ.... Другіе два кирасира вьючили лошадей своихъ сѣномъ, соломой, мучными кулями. Въ самомъ домѣ слышались малороссійскія восклицанія и ругательства.... Я крикнулъ на своихъ и приказалъ имъ оставить жидовъ въ покоѣ, ничего не брать у нихъ. Солдаты повиновались; вахмистръ сѣлъ на свою гнѣдую кобылу, Прозерпину, или, какъ онъ называлъ ее, «Прожерпылу» и выѣхалъ за мной на улицу.

— Ну, что, сказалъ я Сарѣ: — довольна ты мной?

Она съ улыбкой посмотрѣла на меня.

— Гдѣ ты пропадала все это время?

Она опустила глаза.

— Я къ вамъ завтра приду.

— Вечеромъ?

— Нѣтъ, господинъ, утромъ.

— Смотри же, не обмани меня.

— Нѣтъ.... нѣтъ, не обману.

Я жадно глядѣлъ на нее. Днемъ она показалась мнѣ еще прекраснѣе. Я помню, меня въ особенности поразили янтарный, матовый цвѣтъ ея лица и синеватый отливъ ея черныхъ волосъ.... Я нагнулся съ лошади и крѣпко стиснулъ ея маленькую руку.

— Прощай, Сара.... смотри, приходи же.

— Приду.

Она пошла домой; я приказалъ вахмистру догнать меня съ командой — и поскакалъ.

На другой день я всталъ очень рано, одѣлся и вышелъ изъ палатки. Утро было чудесное: солнце только что подымалось, и на каждой былинкѣ сверкалъ влажный багрянецъ. Я взошелъ на высокій брустверъ и сѣлъ на краю амбразуры. Подо мной, толстая чугунная пушка выставила въ поле свое черное жерло. Я разсѣянно смотрѣлъ во всѣ стороны.... и вдругъ увидалъ, шагахъ во ста, скорченную фигуру въ сѣромъ кафтанѣ. Я узналъ Гиршеля. Онъ долго стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, по-

томъ вдругъ отбѣжалъ немного въ сторону, торопливо и боязливо оглянулся.... крикнулъ, присѣлъ, осторожно вытянулъ шею и опять началъ оглядываться и прислушиваться. Я очень ясно видѣлъ всѣ его движенья. Онъ запустилъ руку за пазуху, досталъ клочокъ бумажки, карандашъ и началъ писать или чертить что-то. Гиршель безпрестанно останавливался, вздрагивалъ, какъ заяцъ, внимательно разсматривалъ окрестность и какъ будто срисовывалъ нашъ лагерь. Онъ не разъ пряталъ свою бумажку, щурилъ глаза, нюхалъ воздухъ и снова принимался за работу. Наконецъ, жидъ присѣлъ на траву, снялъ башмакъ, запихалъ туда бумажку; но не успѣлъ онъ еще выпрямиться, какъ вдругъ, шагахъ въ десяти отъ него, изъ-за ската гласиса показалась усастая голова вахмистра Силявки и понемногу приподнялось отъ земли все длинное и неуклюжее его тѣло. Жидъ стоялъ къ нему спиной. Силявка проворно подошелъ къ нему и положилъ ему на плечо свою тяжелую лапу. Гиршеля скорчило. Онъ затрясся, какъ листъ, и испустилъ болѣзненный, заячій крикъ. Силявка грозно заговорилъ съ нимъ и схватилъ его за-воротъ. Я не могъ слышать ихъ разговора, но, по отчаяннымъ тѣлодвиженіямъ жида, по его умоляющему виду, началъ догадываться, въ чемъ дѣло. Жидъ раза два бросался къ ногамъ вахмистра, запустилъ руку въ карманъ, вытащилъ разорванный клѣтчатый платокъ, развязалъ узелъ, досталъ червонецъ.... Силявка съ важностью принялъ подарокъ, но не переставалъ тащить жида за-воротъ. Гиршель рванулся и бросился въ сторону; вахмистръ пустился за нимъ въ погоню. Жидъ бѣжалъ чрезвычайно проворно; его ноги, обутыя въ синіе чулки, мелькали дѣйствительно весьма быстро; но Силявка послѣ двухъ или трехъ «угонокъ» поймалъ присѣвшаго жида, поднялъ и понесъ его на рукахъ — прямо въ лагерь. Я всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— А! ваше благородіе! закричалъ Силявка: — лазутчика несу вамъ, лазутчика!... Потъ градомъ катился съ дюжаго малоросса. — Да перестань же вертѣться, чортовъ жидъ! да ну же.... экой ты! не то придавлю, смотри!

Несчастный Гиршель слабо упирался локтями въ грудь Силявки, слабо болталъ ногами..... Глаза его судорожно закатывались....

— Что такое? спросилъ я Силявку.

— А вотъ что, ваше благородіе, извольте-ка снять съ его правой ноги башмакъ, — мнѣ не ловко. Онъ все еще держалъ жида на рукахъ.

Я снялъ башмакъ, досталъ тщательно сложенную бумажку, развернулъ ее и увидѣлъ подробный рисунокъ нашего лагеря. На поляхъ стояло множество замѣтокъ, писанныхъ мелкимъ почеркомъ на жидовскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, Силявка поставилъ Гиршеля на ноги. Жидъ раскрылъ глаза, увидѣлъ меня и бросился передо мной на колѣни.

Я, молча, показалъ ему бумажку.

— Это что?

— Это — такъ, господинъ офицеръ. Это я такъ. Такъ.... голосъ его перервался.

— Ты лазутчикъ?

Онъ не понималъ меня, бормоталъ несвязныя слова, трепетно прикасался моихъ колѣнъ....

— Ты шпіонъ?

— Ай! крикнулъ онъ слабо и потрясъ головой. — Какъ можно? Я — никогда; я совсѣмъ нѣтъ. Не можно; не есть возможно. Я готовъ. Я — сейчасъ. Я дамъ денегъ.... я заплачу, прошепталъ онъ и закрылъ глаза.

Ермолка сдвинулась у него на затылокъ; рыжіе, мокрые отъ холоднаго поту волосы повисли клочьями, губы посинѣли и судорожно кривились, брови болѣзненно сжались, щоки ввалились....

Солдаты насъ обступили. Я сперва хотѣлъ было пугнуть порядкомъ Гиршеля да приказать Силявкѣ молчать, но теперь дѣло стало гласно и не могло миновать «свѣдѣнія начальства».

— Веди его къ генералу, сказалъ я вахмистру.

— Господинъ офицеръ, ваше благородіе! закричалъ отчаяннымъ голосомъ жидъ: — я не виноватъ; не виноватъ.... Прикажите выпустить меня, прикажите....

— А вотъ его превосходительство разберетъ, проговорилъ Силявка. — Пойдемъ.

— Ваше благородіе! закричалъ мнѣ жидъ въ слѣдъ: — прикажите!! помилуйте!!!

Крикъ его терзалъ меня. Я удвоилъ шаги.

Генералъ нашъ былъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, честный и добрый, но строгій исполнитель правилъ службы. Я вошелъ въ небольшой, на-скоро выстроенный его домикъ и въ немногихъ словахъ объяснилъ ему причину моего посѣщенія. Я зналъ всю строгость военныхъ постановленій, и потому не произнесъ даже слова: «лазутчикъ», а постарался представить все дѣло ничтожнымъ и нестоющимъ вниманія. Но къ несчастью Гиршеля, генералъ исполненіе долга ставилъ выше состраданія.

— Вы, молодой человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ: — суть неопытный. Вы въ воинскомъ дѣлѣ еще неопытны суть. Дѣло, о которомъ (генералъ весьма любилъ слово: который) вы мнѣ репортовали, есть важное, весьма важное.... А гдѣ же этотъ человѣкъ, который взятъ былъ? тотъ еврей? гдѣ же тотъ?

Я вышелъ изъ палатки и приказалъ ввести жида.

Ввели жида. Несчастный едва стоялъ на ногахъ.

— Да, промолвилъ генералъ, обратясь ко мнѣ: — а гдѣ же планъ, который найденъ на семъ человѣкѣ?

Я вручилъ ему бумажку. Генералъ развернулъ ее, отодвинулся назадъ, прищурилъ глаза, нахмурилъ брови.

— Это уд-див-вит-тельно.... проговорилъ онъ съ разстановкой. — Кто его арестовалъ?

— Я, ваше превосходительство! рѣзко брякнулъ Силявка.

— А! хорошо! хорошо!... Ну, любезный мой, что ты скажешь въ своемъ оправданьи?

— Ва.... ва.... ваше превосходительство, пролепеталъ Гиршель: — я.... помилуйте.... ваше превосходительство.... не виноватъ.... спросите, ваше превосходительство, господина офицера.... Я факторъ, ваше превосходительство, честный факторъ.

— Его слѣдуетъ допросить, проговорилъ генералъ вполголоса, важно качнувъ головой.—Ну, какъ же ты это, братецъ?

— Не виноватъ, ваше превосходительство, не виноватъ.

— Однако же, это есть невѣроятно. Ты, какъ порусски говорится, по дѣломъ взятъ, то есть, на самихъ дѣлахъ!

— Позвольте сказать, ваше превосходительство: я не виноватъ.

— Ты рисовалъ планъ? ты есть шпіонъ непріятельскій?

— Не я! крикнулъ внезапно Гиршель: — не я, ваше превосходительство.

Генералъ посмотрѣлъ на Силявку.

— Да вретъ же онъ, ваше превосходительство. Господинъ офицеръ самъ изъ его башмака грамоту досталъ.

Генералъ посмотрѣлъ на меня. Я принужденъ былъ кивнуть головой.

— Ты, любезный мой, есть непріятельскій лазутчикъ.... любезный мой....

— Не я... не я.... шепталъ растерявшійся жидъ.

— Ты уже доставлялъ сему подобныя свѣдѣнія и прежде непріятелю? Признавайся....

— Какъ можно!

— Ты, любезный мой, меня не будешь обманывать. Ты лазутчикъ?

Жидъ закрылъ глаза, тряхнулъ головой и поднялъ полы своего кафтана.

— Повѣсить его, проговорилъ выразительно генералъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — сообразно законамъ. Гдѣ господинъ Ѳедоръ Шликельманъ?

— Побѣжали за Шликельманомъ, генеральскимъ адъютантомъ. Гиршель позеленѣлъ, раскрылъ ротъ, выпучилъ глаза.... Явился адъютантъ. Генералъ отдалъ ему надлежащія приказанія. Писарь показалъ на мигъ свое тощее рябое лицо. Два, три офицера любопытно заглянули въ комнату.

— Сжальтесь, ваше превосходительство, сказалъ я генералу понѣмецки, какъ умѣлъ: — отпустите его....

— Вы, молодой человѣкъ, отвѣчалъ онъ мнѣ порусски: — я вамъ сказывалъ, неопытны, и посему прошу васъ молчать и меня болѣе не утруждать.

Гиршель съ крикомъ повалился въ ноги генералу.

— Ваше превосходительство, помилуйте, не буду впередъ, не буду, ваше превосходительство.... жена у меня есть.... ваше превосходительство, дочь есть.... помилуйте....

— Что сдѣлать!

— Виноватъ, ваше превосходительство, точно *естемъ* виноватъ.... въ первый разъ, ваше превосходительство, въ первый разъ, повѣрьте!

— Другихъ бумагъ не доставлялъ?

— Въ первый разъ, ваше превосходительство.... жена.... дѣти.... помилуйте....

— Но ты есть шпіонъ?

— Жена.... ваше превосходительство.... дѣти....

Генерала покоробило, но дѣлать было нѣчего.

— Сообразно законамъ повѣсить еврея, проговорилъ онъ протяжно и съ видомъ человѣка, принужденнаго, скрѣпя сердце, принести свои лучшія чувства въ жертву неумолимому долгу: — повѣсить! Ѳеодоръ Карлычъ, прошу васъ о семъ происшествіи написать рапортъ, который....

Въ Гиршелѣ вдругъ произошла странная перемѣна. Вмѣсто обыкновеннаго, жидовской натурѣ свойственаго, тревожнаго испуга, на лицѣ его изобразилась страшная, предсмертная тоска. Онъ заметался, какъ пойманный звѣрокъ, разинулъ ротъ, глухо захрипѣлъ, даже запрыгалъ на мѣстѣ, судорожно размахивая локтями. Онъ былъ въ одномъ башмакѣ; другой позабыли надѣть ему на ногу... кафтанъ его распахнулся... ермолка свалилась....

Всѣ мы вздрогнули; генералъ замолчалъ.

— Ваше превосходительство, началъ я опять: — простите этого несчастнаго.

— Нельзя. Законъ повелѣваетъ, возразилъ генералъ отрывисто и не безъ волненья: — другимъ примѣръ.

— Ради Бога....

— Г. корнетъ, извольте отправляться на свой постъ, сказалъ генералъ и повелительно указалъ мнѣ рукою на выходъ палатки.

Я поклонился и вышелъ. Но такъ какъ у меня собственно поста не было нигдѣ, то я и остановился въ недалекомъ разстояньи отъ генеральскаго домика.

Минуты черезъ двѣ явился Гиршель въ сопровожденіи Силявки и трехъ солдатъ. Бѣдный жидъ былъ въ оцѣпененьи и едва переступалъ ногами. Силявка прошелъ мимо меня въ лагерь и скоро вернулся съ веревкой въ рукахъ. На грубомъ, но не зломъ его лицѣ изображалось странное, ожесточенное состраданіе. При видѣ веревки, жидъ замахалъ руками, присѣлъ и зарыдалъ. Солдаты молча стояли около него и угрюмо

смотрѣли въ землю. Я приблизился къ Гиршелю, заговорилъ съ нимъ; онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и даже не посмотрѣлъ на меня. Я махнулъ рукой, ушелъ къ себѣ, бросился на коверъ — и закрылъ глаза....

Вдругъ кто-то торопливо и шумно вбѣжалъ въ мою палатку. Я поднялъ голову — и увидѣлъ Сару; на ней лица не было. Она бросилась ко мнѣ и схватила меня за руки.

— Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ, твердила она задыхающимся голосомъ.

— Куда? зачѣмъ? останемся здѣсь.

— Къ отцу, къ отцу, скорѣе.... спаси его... спаси!

— Къ какому отцу?...

— Къ моему отцу; его хотятъ вѣшать....

— Какъ! развѣ Гиршель....

— Мой отецъ! я тебѣ все растолкую потомъ, прибавила она, отчаянно ломая руки: — только пойдемъ... пойдемъ...

Мы выбѣжали вонъ изъ палатки. Въ полѣ, на дорогѣ къ одинокой березѣ виднѣлась группа солдатъ.... Сара молча указала на нее пальцемъ....

— Стой, сказалъ я вдругъ: — куда же мы бѣжимъ? Солдаты меня не послушаютъ.

Сара продолжала тащить меня за собой.... Признаюсь, у меня голова закружилась.

— Да послушай, Сара, сказалъ я ей: — что толку туда бѣжать? Лучше я пойду опять къ генералу; пойдемъ вмѣстѣ; авось мы упросимъ его.

— Сара вдругъ остановилась и какъ безумная посмотрѣла на меня.

— Пойми меня Сара, ради Бога. Я твоего отца помиловать не могу, а генералъ можетъ. Пойдемъ къ нему.

— Да его пока повѣсятъ, простонала она....

Я оглянулся. Писарь стоялъ невдалекѣ.

— Ивановъ, крикнулъ я ему: — сбѣгай пожалуйста туда къ нимъ: прикажи имъ подождать, скажи, что я пошелъ просить генерала.

— Слушаю-съ.

Ивановъ побѣжалъ.

Насъ къ генералу не пустили. Напрасно я просилъ, убѣж-

далъ, наконецъ даже бранился.... напрасно бѣдная Сара рвала волосы и бросалась на часовыхъ: насъ не пустили.

Сара дико посмотрѣла кругомъ, схватила обѣими руками себя за голову и побѣжала стремглавъ въ поле, къ отцу. Я за ней. На насъ глядѣли съ недоумѣніемъ....

Мы подбѣжали къ солдатамъ. Они стали въ кружокъ и, представьте, господа! смѣялись, смѣялись надъ бѣднымъ Гиршелемъ. Я вспыхнулъ и крикнулъ на нихъ. Жидъ увидѣлъ насъ и кинулся на шею дочери. Сара судорожно ухватилась за него. Бѣднякъ вообразилъ, что его простили.... Онъ началъ уже благодарить меня.... я отвернулся....

— Ваше благородіе, закричалъ онъ и стиснулъ руки. — Я не прощенъ?

Я молчалъ.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ваше благородіе, забормоталъ онъ: — посмотрите, ваше благородіе, посмотрите.... вѣдь вотъ она, эта дѣвица, знаете — она дочь моя.

— Знаю, отвѣчалъ я, и опять отвернулся.

— Ваше благородіе, закричалъ онъ: — я не отходилъ отъ палатки! Я ни за что.... Онъ остановился и закрылъ на мгновеніе глаза.... — Я хотѣлъ вашихъ денежекъ, ваше благородіе, нужно сознаться, денежекъ.... но я ни за что....

Я молчалъ. Гиршель былъ мнѣ гадокъ, да и она, его сообщница....

— Но теперь, если вы меня спасете, проговорилъ жидъ шопотомъ: — я прикажу — я.... понимаете?... все... я ужь на все пойду....

Онъ дрожалъ, какъ листъ, и торопливо оглядывался. Сара молча и страстно обнимала его.

Къ намъ подошелъ адъютантъ.

— Г. корнетъ, сказалъ онъ мнѣ: — его превосходительство приказалъ арестовать васъ. А вы.... онъ молча указалъ солдатамъ на жида.... сейчасъ его!

Силявка подошелъ къ жиду.

— Ѳедоръ Карлычъ, сказалъ я адъютанту (съ нимъ пришло человѣкъ пять солдатъ): — прикажите, по крайней мѣрѣ, унести эту бѣдную дѣвушку....

— Разумѣется. Согласенъ-съ.

Несчастная едва дышала. Гиршель бормоталъ ей на ухо по-жидовски....

Солдаты съ трудомъ высвободили Сару изъ отцовскихъ объятій и бережно отнесли ее шаговъ на двадцать. Но вдругъ она вырвалась у нихъ изъ рукъ и бросилась къ Гиршелю..... Силявка остановилъ ее. Сара вырвалась, лицо ея покрылось легкой краской, глаза засверкали, она протянула руки.

— Такъ будьте же вы прокляты, закричала она понѣмецки: — прокляты, трижды прокляты, вы и весь ненавистный родъ вашъ, проклятіемъ бѣдности, безплодія и насильственной, позорной смерти! Пускай же земля раскроется подъ вашими ногами, безбожники, безжалостные, кровожадные псы....

Голова ея закинулась назадъ.... она упала на землю.... Ее подняли и унесли.

Солдаты взяли Гиршеля подъ руки. Я тогда понялъ, почему смѣялись они надъ жидомъ, когда я съ Сарой прибѣжалъ изъ лагеря. Онъ былъ дѣйствительно смѣшонъ, не смотря на весь ужасъ его положенія. Мучительная тоска разлуки съ жизнью, дочерью, семействомъ выражалась у несчастнаго жида такими странными, уродливыми тѣлодвиженьями, криками, прыжками, что мы всѣ улыбались невольно, хотя и жутко, страшно жутко было намъ. Бѣднякъ замиралъ отъ страху....

— Ой, ой, ой! кричалъ онъ: — ой.... стойте! я разскажу, много разскажу. Господинъ унтеръ-вахмистеръ, вы меня знаете. Я факторъ, честный факторъ. Не хватайте меня; постойте еще минутку, минуточку, маленькую минуточку постойте! Пустите меня; я бѣдный еврей. Сара.... гдѣ Сара? О, я знаю! она у г. квартиръ-поручика (Богъ знаетъ, почему онъ меня пожаловалъ въ такой небывалый чинъ). Г. квартиръ-поручикъ! Я не отхожу отъ палатки (солдаты взялись было за Гиршеля.... онъ оглушительно взвизгнулъ и выскользнулъ у нихъ изъ рукъ)! Ваше превосходительство, помилуйте несчастнаго отца семейства! Я дамъ десять червонцевъ, пятнадцать дамъ, ваше превосходительство!.... (Его потащили къ березѣ)... — пощадите! г. квартиръ-поручикъ! сіятельство ваше! г. оберъ-генералъ и главный шефъ!

На жида надѣли петлю.... я закрылъ глаза и бросился бѣжать.

Я просидѣлъ двѣ недѣли подъ арестомъ. Мнѣ говорили, что вдова несчастнаго Гиршеля приходила за платьемъ покойнаго. Генералъ велѣлъ ей выдать сто рублей. Сару я болѣе не видалъ. Я былъ раненъ; меня отправили въ госпиталь, и когда я выздоровѣлъ, Данцигъ уже сдался, — и я догналъ свой полкъ на берегахъ Рейна.

ПѢТУШКОВЪ.

—

I.

Въ 182... году, въ городѣ О... проживалъ поручикъ Иванъ Аѳанасьевичъ Пѣтушковъ. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей, пяти лѣтъ остался круглымъ сиротой и попалъ на руки къ опекуну. Имущества у него, по милости опекуна, не оказалось никакого; онъ перебивался пополамъ съ грѣхомъ. Росту былъ онъ средняго, нѣсколько сутуловатъ; лицо имѣлъ худое и покрытое веснушками, впрочемъ довольно пріятное, волосы темно-русые, глаза сѣрые, взглядъ робкій; частыя морщины покрывали его низкій лобъ. Вся жизнь Пѣтушкова прошла чрезвычайно однообразно; подъ-сорокъ лѣтъ онъ былъ еще молодъ и неопытенъ какъ ребенокъ. Знакомыхъ онъ дичился, а съ тѣми, на участь которыхъ могъ имѣть вліяніе, обходился весьма кротко....

За людьми, осужденными судьбою на жизнь однообразную и невеселую, часто водятся разныя привычки и потребности. Пѣтушковъ по утрамъ за чаемъ любилъ кушать свѣжую, бѣлую булку. Безъ этого лакомства онъ жить не могъ. Вотъ, въ одно утро, слуга его, Онисимъ, подалъ ему на тарелкѣ съ синими цвѣточками, вмѣсто булки, три темно-рыжихъ сухаря. Пѣтушковъ тотчасъ же съ нѣкоторымъ негодованьемъ спросилъ слугу своего, что бы это такое значило?

— Булки всѣ поразобравшись, отвѣтилъ ему Онисимъ, природный петербуржецъ, странной игрою случая занесенный въ самую глушь южной Россіи.

— Быть не можетъ! воскликнулъ Иванъ Аѳанасьевичъ.

— Поразобравшись, повторилъ Онисимъ: — сегодня у предводителя завтракъ, такъ оно все туда, знаете, пошло.

Онисимъ провелъ рукой по воздуху и выставилъ правую ногу впередъ.

Иванъ Аѳанасьевичъ прошелся по комнатѣ, одѣлся и самъ отправился въ булочную. Это единственное въ городѣ О... заведеніе было учреждено лѣтъ десять тому назадъ заѣзжимъ нѣмцемъ, въ скоромъ времени процвѣло и теперь еще процвѣтало подъ начальствомъ его вдовы, толстой бабы.

Пѣтушковъ постучался у окошка. Толстая баба выставила въ форточку свое болѣзненно-пухлое и заспанное лицо.

— Булку пожалуйте, съ пріятностью сказалъ Пѣтушковъ.

— Вышли булки, пропищала толстая баба.

— У васъ нѣтъ булокъ?

— Нѣтути.

— Какъ же это? помилуйте. Я у васъ каждый день беру булку и плачу аккуратно.

Баба молча посмотрѣла на него.

— Возьмите крендель, сказала она наконецъ зѣвая: — или паплюху.

— Не хочу, сказалъ Пѣтушковъ и даже обидѣлся.

— Какъ угодно, пробормотала баба и захлопнула форточку.

Ивана Аѳанасьича разобрала сильная досада. Въ недоумѣньи отошелъ онъ на другую сторону улицы и предался весь, какъ дитя, своему неудовольствію.

— Господинъ!... раздался довольно пріятный женскій голосъ: — господинъ!

Иванъ Аѳанасьичъ поднялъ глаза. Изъ форточки булочной выглядывала дѣвушка лѣтъ семнадцати и держала въ рукѣ булку. Лицо она имѣла полное, круглое, щоки румяныя, глаза каріе, небольшіе, носъ нѣсколько вздернутый, русые волосы и великолѣпныя плечи. Ея черты выражали доброту, лѣнь и безпечность.

— Вотъ вамъ, сударь, булка, сказала она, посмѣиваясь: — я было взяла ее себѣ, да ужь извольте, уступлю вамъ.

— Покорнѣйше благодарю. Позвольте-съ....

Пѣтушковъ началъ шарить у себя въ карманѣ.

— Не надо, не надо-съ. Кушайте себѣ на здоровье.

Она затворила форточку.

Пѣтушковъ пришелъ домой въ совершенно пріятномъ расположеніи духа.

— Вотъ ты не досталъ булки, сказалъ онъ своему Онисиму: — а я, вотъ, досталъ, видишь?...

Онисимъ горько усмѣхнулся.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Иванъ Аѳанасьичъ, раздѣваясь, спросилъ слугу своего:

— Скажи мнѣ, братецъ, пожалуйста, что̀ тамъ у булочницы за дѣвка, а?

Онисимъ посмотрѣлъ въ сторону довольно мрачно и возразилъ:

— А на что вамъ?

— Такъ, сказалъ Пѣтушковъ, собственноручно снимая сапоги.

— А вѣдь хороша! снисходительно замѣтилъ Онисимъ.

Да... недурна... промолвилъ Иванъ Аѳанасьичъ, глядя тоже въ сторону. — А какъ ее зовутъ, знаешь?

— Василисой.

— И ты ее знаешь?

Онисимъ помолчалъ нѣсколько.

— Знаемъ-съ.

Пѣтушковъ разинулъ было ротъ, но повернулся на другой бокъ и заснулъ. Онисимъ вышелъ въ переднюю, понюхалъ табаку и покрутилъ головой.

На другой день рано поутру Пѣтушковъ велѣлъ подать себѣ одѣться. Онисимъ принесъ ежедневный сюртукъ Ивана Аѳанасьича, сюртукъ старый, травяного цвѣта, съ огромными полинявшими эполетами. Пѣтушковъ долго, молча, поглядѣлъ на Онисима, потомъ приказалъ ему достать новый сюртукъ. Онисимъ не безъ удивленья повиновался. Пѣтушковъ одѣлся, тщательно натянулъ на руки замшевыя перчатки.

— Ты, братецъ, проговорилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — не ходи сегодня въ булочную. Я самъ зайду.... мнѣ по дорогѣ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Онисимъ такъ отрывисто, какъ будто кто-то толкнулъ его сзади.

Пѣтушковъ отправился, дошелъ до булочной, постучался въ окошко. Толстая баба отворила форточку.

— Пожалуйте булку, медленно проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

Толстая баба выставила руку, обнаженную до самого плеча, болѣе похожую на ляжку, чѣмъ на руку, и сунула ему горячій хлѣбъ прямо подъ носъ.

Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ нѣкоторое время подъ окошкомъ, прошелъ по улицѣ раза два, заглянулъ на дворъ и наконецъ, устыдясь своего ребячества, вернулся домой съ булкой въ рукѣ. Цѣлый день ему было неловко, и даже вечеромъ онъ, противъ обыкновенія, не пустился въ разговоръ съ Онисимомъ.

На другое утро уже Онисимъ отправился за булкой.

II.

Прошло нѣсколько недѣль. Иванъ Аѳанасьичъ совершенно позабылъ о Василисѣ и по прежнему дружелюбно бесѣдовалъ съ своимъ слугою. Въ одно прекрасное утро зашелъ къ нему господинъ Бублицынъ, развязный и очень любезный молодой человѣкъ. Правда, онъ иногда самъ не зналъ, что̀ такое говорилъ, и весь былъ, какъ говорится, на-бекрень, но все-таки слылъ за весьма пріятнаго собесѣдника. Онъ курилъ много, съ лихорадочной жадностью, поднимая брови, втягивая грудь, — курилъ съ озабоченнымъ видомъ, или, лучше сказать, съ такимъ видомъ, что вотъ дайте ему только въ послѣдній разъ затянуться, онъ вамъ тотчасъ и скажетъ неожиданную новость; даже иногда мычалъ и махалъ рукой, торопливо досасывая трубку, какъ-будто внезапно вспомнилъ что-то необыкновенно-забавное или важное, раскрывалъ ротъ, кольцеобразно выпускалъ дымъ и произносилъ слова самыя обыкновенныя, а иногда даже вовсе безмолствовалъ. Поболтавши немного съ Иваномъ Аѳанасьичемъ о сосѣдяхъ, лошадяхъ, помѣщичьихъ дочкахъ и прочихъ поучительныхъ предметахъ, г-нъ Бублицынъ вдругъ заморгалъ глазами, взбилъ себѣ хохолъ и съ

лукавой улыбкой подошелъ къ необыкновенно-тусклому зеркалу, единственному украшенію комнаты Ивана Аѳанасьича.

— А вѣдь надо правду сказать, промолвилъ онъ, поглаживая свои бурые бакенбарды: — у насъ здѣсь есть мѣщаночки такія, что куда твоя Венера мендинцейнская.... Напримѣръ, видали вы Василису булочницу?... Г-нъ Бублицынъ затянулся.

Пѣтушковъ вздрогнулъ.

— Впрочемъ, продолжалъ Бублицынъ, исчезая въ облакѣ дыма: — что я у васъ спрашиваю! вѣдь вы такой человѣкъ, Иванъ Аѳанасьичъ.... Богъ знаетъ чѣмъ вы занимаетесь, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Тѣмъ же чѣмъ и вы, не безъ досады и на-распѣвъ проговорилъ Пѣтушковъ.

— Ну, нѣтъ, Иванъ Аѳанасьичъ, нѣтъ.... Что вы это?

— Однако?

— Ну да ужь что, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Однако? однако?

Бублицынъ поставилъ трубку къ уголъ и началъ разсматривать свои не совсѣмъ красивые сапоги. Пѣтушковъ почувствовалъ смущеніе.

— Такъ-то, Иванъ Аѳанасьичъ, такъ-то, продолжалъ Бублицынъ, какъ бы щадя его.—А про Василису булочницу вамъ доложу: очень, о-чень хорошо.... о-чень.

Г-нъ Бублицынъ расширилъ ноздри и медленно погрузилъ руки въ карманы.

Странное дѣло! Иванъ Аѳанасьичъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ ревности. Онъ началъ двигаться на стулѣ, некстати расхохотался, покраснѣлъ вдругъ, зѣвнулъ и зѣвая скривилъ немного нижнюю челюсть. Бублицынъ выкурилъ еще три трубки и удалился. Иванъ Аѳанасьичъ подошелъ къ окну, вздохнулъ и велѣлъ подать себѣ напиться.

Онисимъ поставилъ стаканъ квасу на столъ, угрюмо взглянулъ на барина, прислонился къ двери и потупилъ голову.

— Что ты такъ задумался? спросилъ его баринъ ласково и не безъ страха.

— Что задумался? возразилъ Онисимъ: — что задумался.... Всё объ васъ.

— Обо мнѣ?

— Разумѣется о васъ.

— А что жь ты такое думаешь?

— А я вотъ что думаю. (Тутъ Онисимъ понюхалъ табаку). Стыдно вамъ, сударь, стыдно.

— Что такое стыдно?

— Что такое стыдно.... Да вы посмотрите на г-на Бублицына, Иванъ Аѳанасьичъ.... Чѣмъ не молодецъ? помилуйте.

— Я тебя, братецъ, не понимаю.

— Не понимаете.... Нѣтъ, вы меня понимаете.

Онисимъ помолчалъ.

— Г-нъ Бублицынъ — господинъ настоящій, какъ слѣдуетъ быть господинъ. А вы-то что, Иванъ Аѳанасьичъ, вы-то что? помилуйте.

— Ну, и я господинъ.

— Господинъ, господинъ.... возразилъ Онисимъ, приходя въ азартъ. — Какой вы господинъ? Вы, сударь, просто мокрая курица, Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте. Сидите себѣ сиднемъ цѣлый Божій день.... много этакъ высидите. Въ карты вы не играете, съ господами не водитесь, а что ужь насчетъ того....

Онисимъ махнулъ рукой.

— Ну однакожь.... ты ужь, кажется, слишкомъ.... проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ, съ замѣшательствомъ хватаясь за чубукъ.

— Какое слишкомъ, Иванъ Аѳанасьичъ, какое слишкомъ. Вы сами посудите. Вѣдь вотъ опять насчетъ Василисы.... Ну, почему бы вамъ....

— Да ты что думаешь, Онисимъ, тоскливо перебилъ его Пѣтушковъ.

— Я знаю, что я думаю. Что жь? и съ Богомъ! Да гдѣ вамъ? Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, судите сами.... Вѣдь вы....

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ.

Ну, ну, пожалуйста, тамъ ужь ты молчи, сказалъ онъ проворно и какъ бы ища глазами Онисима. — Я вѣдь тоже, знаешь.... я.... что ужь ты въ самомъ дѣлѣ?.... Дай-ка мнѣ лучше одѣться.

Онисимъ медленно стащилъ съ Ивана Аѳанасьича замасленный татарскій шлафрокъ, съ отеческой грустью поглядѣлъ на

барина, покачалъ головой, напялилъ на него сюртукъ и принялся бить его по спинѣ вѣникомъ.

Пѣтушковъ вышелъ, и послѣ непродолжительнаго странствованія по кривымъ улицамъ города, очутился передъ булочной. Странная улыбочка играла на его губахъ.

Не успѣлъ онъ взглянуть раза два на слишкомъ ему извѣстное «заведеніе», какъ вдругъ калитка отворилась и выбѣжала Василиса, съ жолтымъ платочкомъ на головѣ и въ душегрѣйкѣ, накинутой, по русскому обычаю, на плечи. Иванъ Аѳанасьичъ тотчасъ же нагналъ ее.

— Куда изволите идти, голубушка?

Василиса быстро взглянула на него, засмѣялась, отвернулась и закрыла себѣ губы рукой.

— Чай, за покупочкой? спросилъ Иванъ Аѳанасьичъ съ улыбкой.

— Какіе любопытные, возразила Василиса.

— Отчего же любопытный? сказалъ Пѣтушковъ, торопливо размахивая руками. — Я совсѣмъ, напротивъ.... Такъ, знаете ли, прибавилъ онъ поспѣшно, какъ-будто эти три слова совершенно объяснили его мысль.

— А булочку мою скушали?

— Непремѣнно-съ, возразилъ Пѣтушковъ: — съ особеннымъ удовольствіемъ.

Василиса продолжала идти да посмѣиваться.

— Пріятная сегодня погода, продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ: — вы изволите часто гулять?

— Гуляемъ-съ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ было желательно....

— Чего-съ?

Дѣвушки у насъ выговариваютъ слово «чего-съ» очень странно, какъ-то особенно рѣзко и быстро.... Куропатки такъ кричатъ по зарямъ:

— Погулять-съ, знаете ли, съ вами.... за городомъ, что ли....

— Какъ можно!

— Отчего же не можно?

— Ахъ, какой вы, право!

— Но позвольте....

Тутъ поравнялся съ ними купчикъ-попрыгунчикъ съ козли-

ной бородкой и пальцами, растопыренными въ видѣ рогульки, въ долгополомъ синеватомъ кафтанѣ и тепломъ картузѣ, похожемъ на распухшій арбузъ. Пѣтушковъ, ради приличія, отсталъ немного отъ Василисы, но тотчасъ же нагналъ ее снова.

— Такъ какъ же? на счётъ прогулки-съ?

Василиса лукаво посмотрѣла на него и опять засмѣялась.

— Вы здѣшній?

— Здѣшній-съ.

Василиса провела рукой по волосамъ и пошла потише. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и, внутренно замирая отъ робости, нагнулся немного на бокъ и трепетной рукой обвилъ станъ красавицы.

Василиса вскрикнула.

— Полноте, безстыдники, на улицы.

— Ну, ну, ну, чего, чего, забормоталъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Полноте, говорятъ вамъ, на улицы.... Не обиждайте.

— А... а... ахъ, какія же вы, проговорилъ Пѣтушковъ съ укоризной и самъ покраснѣлъ до ушей.

Василиса остановилась.

— Ступайте себѣ, господинъ, ступайте....

Пѣтушковъ повиновался. Онъ пришелъ домой, цѣлый часъ сидѣлъ неподвижно на стулѣ и даже трубки не курилъ. Наконецъ онъ досталъ листокъ сѣроватой бумаги, очинилъ перо и послѣ долгихъ соображеній написалъ слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня
Василиса Тимофѣевна!

«Будучи отъ природы человѣкъ необидчивый, какъ же бы «могъ я вамъ причинить непріятность. Если же я и дѣйстви«тельно передъ вами виноватъ, то именно скажу вамъ: намеки «г-на Бублицина меня къ тому способствовали, чего я никакъ «не ожидалъ. А впрочемъ покорнѣйше прошу васъ на меня не «гнѣваться. Я человѣкъ Чювствительный, и всякую ласку весь«ма чювствую и благодаренъ. Не гнѣвайтесь на меня, Васи«лиса Тимофѣевна, прошу васъ покорнѣйше. Впрочемъ съ «моимъ почтеніемъ пребываю.

«Вашъ покорнѣйшій слуга
«Иванъ Пѣтушковъ».

Онисимъ отнесъ это письмо по адресу.

III.

Прошло двѣ недѣли.... Онисимъ каждое утро, по обыкновенію, ходилъ въ булочную. Вотъ однажды Василиса выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ.

Онисимъ принялъ мрачный видъ и сердито проговорилъ: — здорово.

— Что́ жь это вы никогда къ намъ не зайдете, Онисимъ Сергѣичъ?

Онисимъ угрюмо взглянулъ на нее.

— Что́ я зайду? чаемъ, небось, не напоишь.

— Напою, Онисимъ Сергѣичъ, напою. Вы только приходите. И съ ромомъ.

Онисимъ медленно улыбнулся.

— Что́ жь, пожалуй, коли такъ....

— Когда же, батюшка, когда?

— Когда.... Эхъ ты....

— Сегодня, вечеркомъ, угодно? заверните.

— Пожалуй, заверну, возразилъ Онисимъ и поплелся домой лѣнивымъ и развалистымъ шагомъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ маленькой комнаткѣ, подлѣ постели, покрытой полосатымъ пуховикомъ, за неуклюжимъ столикомъ сидѣлъ Онисимъ, напротивъ Василисы. Тускло-желтый огромный самоваръ шипѣлъ и сипѣлъ на столѣ; горшокъ герани торчалъ передъ окошкомъ; въ другомъ углу, подлѣ двери, бокомъ стоялъ безобразный сундукъ съ крошечнымъ висячимъ замко́мъ; на сундукѣ лежала рыхлая груда разнаго стараго тряпья; на стѣнахъ чернѣли замасленныя картинки. Онисимъ и Василиса кушали чай молча, глядя въ лицо другъ другу, долго вертѣли въ рукахъ кусочки сахару, какъ бы нехотя прикусывали, жмурились, щурились и съ свистомъ втягивали сквозь зубы желтоватую горячую водицу. Наконецъ они опорожнили весь самоваръ, опрокинули кверху дномъ круглыя чашечки съ надписями, на одной: «за удоблѣтвореніе», а на другой: «невинно пронзила», крякнули, отерли потъ и начали помаленьку разговаривать.

— Что Онисимъ Сергѣичъ, вашъ баринъ.... спросила Василиса и не договорила.

— Что баринъ.... возразилъ Онисимъ и подперся рукой. — Извѣстно что. А вамъ на что?

— Такъ-съ, отвѣчала Василиса.

— А вѣдь онъ (тутъ Онисимъ осклабился): — вѣдь онъ вамъ, кажись, письмо написалъ?

— Писали-съ.

Онисимъ покачалъ головой съ необыкновенно-самодовольнымъ видомъ.

— Вишь, вишь, проговорилъ онъ хрипло и не безъ улыбки: — ну, а что такое онъ писалъ вамъ?

— А разное написалъ. Что, дескать, я, сударыня, Василиса Тимофѣевна, такъ; что вы не подумайте, что вы, сударыня, не обиждайтесь; и много такого еще написалъ.... А что, прибавила она, помолчавъ немного: — онъ у васъ каковъ?

— Живетъ, равнодушно отвѣчалъ Онисимъ.

— Серчаетъ?

— Куда ему! Нѣтъ, не серчаетъ. А что, онъ вамъ нравится?

Василиса потупилась и засмѣялась въ рукавъ.

— Ну, проворчалъ Онисимъ.

— Да на что вамъ, Онисимъ Сергѣичъ?

— Да нуже, говорятъ.

— Что жь, проговорила, наконецъ, Василиса: — они.... баринъ. Разумѣется.... я.... да и они ужь.... вы сами знаете....

— Какъ не знать? важно замѣтилъ Онисимъ.

— Вамъ вѣдь наконецъ извѣстно, Онисимъ Сергѣичъ....

Василиса видимо приходила въ волненіе.

— Вы скажите ему-то, вашему-то барину, что я, дескать, на него не сержусь, а что вотъ, молъ....

Она заикнулась.

— Понимаемъ-съ, возразилъ Онисимъ и медленно поднялся со стула.—Понимаемъ-съ. Спасибо за угощенье.

— Впередъ милости просимъ.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онисимъ приблизился къ двери. Толстая баба вошла въ комнату.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ, сказала она нараспѣвъ.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна, отвѣчалъ онъ также нараспѣвъ.

Оба постояли немного другъ передъ другомъ.

Ну, прощайте, Прасковья Ивановна, проговорилъ Онисимъ нараспѣвъ.

—Ну, прощайте, Онисимъ Сергѣичъ, отвѣчала она также нараспѣвъ.

Онисимъ пришелъ домой. Баринъ его лежалъ на постели и глядѣлъ въ потолокъ.

— Гдѣ ты былъ?

— Гдѣ былъ?... (За Онисимомъ водилась привычка съ укоризной повторять послѣднія слова всякаго вопроса). — По вашему же дѣлу ходилъ.

— По какому дѣлу?

— А вы не знаете?... Къ Василисѣ ходилъ.

Пѣтушковъ замигалъ глазами и завертѣлся на постели.

— То-то вотъ и есть, замѣтилъ Онисимъ и хладнокровно понюхалъ табаку:—то-то вотъ и есть. Вы всегда такъ. Василиса вамъ кланяется.

— Неужто?

— Неужто? То-то же вотъ и есть. Неужто!... Велѣла сказать, что, дескать, отчего его не видать? отчего, дескать, не ходитъ?

— Ну, а ты что́?

— Что́ я? Я ей сказалъ: глупа же ты, я ей сказалъ — станутъ къ тебѣ такіе люди ходить! Нѣтъ, ты приди сама, я ей сказалъ.

— Ну, а она что́?

— Она что?... Она.... ничего.

— То есть, однако какъ же ничего?

— Извѣстно ничего.

Пѣтушковъ помолчалъ немного.

— Ну, и придетъ?

Онисимъ покачалъ головой.

— Придетъ!... Больно, сударь, прытки. Придетъ!... Нѣтъ, это ужь вы того.

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что того....

— Мало ли чего!

Пѣтушкомъ замолчалъ опять.

— Такъ какъ же однакожь, братецъ?

— Какъ же?... Вамъ лучше знать: вы баринъ.

— Ну нѣтъ, что́ ужь тутъ....

Онисимъ самодовольно покачался взадъ и впередъ.

— Вы Прасковью Ивановну знаете? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ. Какую Прасковью Ивановну?

— А булочницу?

— А да, булочницу! Видалъ; толстая такая.

— Важная женщина. Она той-то, вашей-то, родная тетка.

— Тетка?

— А вы не знали?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Эхъ....

Онисимъ изъ уваженія къ барину не досказалъ своей мысли.

— Вотъ бы вамъ съ кѣмъ познакомиться.

— Что́ жь, пожалуй, я непрочь.

Онисимъ одобрительно поглядѣлъ на Ивана Аѳанасьича.

— Но для чего собственно мнѣ съ ней знакомиться? спросилъ Пѣтушковъ.

— Эво-на! спокойно возразилъ Онисимъ.

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ, походилъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ и, не оборачивая головы, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ произнесъ:

— Онисимъ!

— Чего-съ?

— А не будетъ ли мнѣ нѣсколько, знаешь, неловко этакъ съ бабой, а?

— Что́ жь, какъ знаете.

— Впрочемъ, я это только такъ. Товарищи могутъ замѣтить, все оно какъ-то.... Впрочемъ я подумаю. Дай-ка мнѣ трубку.... Такъ что́ жь она, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанія: — Василиса-то говоритъ, что, дескать....

Но Онисимъ не желалъ продолжать разговоръ и принялъ обычный, угрюмый видъ.

IV.

Знакомство Ивана Аѳанасьича съ Прасковьей Ивановной началось слѣдующимъ образомъ. Дней черезъ пять послѣ разговора съ Онисимомъ, Пѣтушковъ отправился вечеромъ въ булочную. — Ну, думалъ онъ, отпирая скрипучую калитку:— не знаю, что-то будетъ?...

Онъ взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь. Пребольшая хохлатая курица съ оглушительнымъ крикомъ бросилась ему прямо подъ ноги и долго потомъ въ волненьи бѣгала по двору. Изъ сосѣдней комнаты выглянуло изумленное лицо толстой бабы. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и закивалъ головой. Баба ему поклонилась. Крѣпко стиснувъ шляпу, Пѣтушковъ подошелъ къ ней. Прасковья Ивановна повидимому ожидала почетнаго посѣщенья: платье ея было застегнуто на всѣ крючки. Пѣтушковъ сѣлъ на стулъ; Прасковья Ивановна сѣла противъ него.

— Я къ вамъ, Прасковья Ивановна, болѣе насчетъ... проговорилъ наконецъ Иванъ Аѳанасьичъ — и замолкъ. Судороги подергивали его губы.

— Милости просимъ, батюшка, отвѣчала Прасковья Ивановна нараспѣвъ и съ поклономъ. — Всякому гостю рады.

Пѣтушковъ немного пріободрился.

— Я давно, знаете, желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться, Прасковья Ивановна.

— Много благодарны, Иванъ Аѳанасьичъ.

Настало молчанье. Прасковья Ивановна утирала себѣ лицо пестрымъ платкомъ; Иванъ Аѳанасьичъ съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ куда-то въ бокъ. Обоимъ было довольно неловко. Впрочемъ, въ купеческомъ и мѣщанскомъ быту, гдѣ даже старинные пріятели не сходятся безъ особенныхъ угловатыхъ ужимокъ, нѣкоторая напряженность въ обращеніи гостей и хозяина не только не кажется никому странной, но, напротивъ, почитается совершенно приличной и необходимой, въ особенности при первомъ свиданьи. Прасковьѣ Ивановнѣ понравился Пѣтушковъ. Онъ держалъ себя чинно и добропорядочно, и при томъ все же былъ человѣкъ не безчиновный!

— Я, матушка, Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки, сказалъ онъ ей.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

— Очень хороши, знаете, очень даже.

— Кушайте, батюшка, на здоровье, кушайте. Съ нашимъ удовольствіемъ.

— Я и въ Москвѣ не ѣдалъ такихъ.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

Опять настало молчанье.

— А скажите, Прасковья Ивановна, началъ Иванъ Аѳанасьичъ: — это у васъ вѣдь, кажется, племянница живетъ?

— Родная племянница, батюшка.

— Что жь она какъ.... у васъ?...

— Сирота, такъ и держимъ-съ.

— И что жь она, работница?

— Ра-аботница, батюшка, ра-аботница. Такая работница, что и.... и.... и.... Какже-съ, какъ же-съ.

Иванъ Аѳанасьичъ почелъ за приличное не распространяться болѣе насчетъ племянницы.

— Это у васъ въ клѣткѣ какая птица, Прасковья Ивановна?

— А Богъ ее знаетъ. Птица.

— Гм! Ну, а впрочемъ прощайте, Прасковья Ивановна.

— Просимъ прощенія вашему благородію. Въ другой разъ милости просимъ. Чайку откушать.

Съ особеннымъ удовольствіемъ, Прасковья Ивановна.

Пѣтушковъ вышелъ. На крыльцѣ ему попалась Василиса. Она засмѣялась.

— Куда вы это ходить изволили, голубчикъ мой, сказалъ Пѣтушковъ не безъ удальства.

— Ну, полноте, полноте, балагуръ, шутникъ вы этакой.

— Хе, хе. А письмецо мое изволили получить?

Василиса спрятала нижнюю часть лица въ рукавъ и ничего не отвѣчала.

— И на меня уже не гнѣваетесь?

— Василиса! задребезжалъ голосъ тетки: — а Василиса!

Василиса вбѣжала въ домъ. Пѣтушковъ отправился восвояси. Но съ того дня онъ часто сталъ ходить къ булочницѣ, и

недаромъ. Иванъ Аѳанасьичъ, говоря слогомъ возвышеннымъ, достигъ своей цѣли. Обыкновенно достиженіе цѣли охлаждаетъ людей; но Пѣтушковъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгорался. Любовь — дѣло случайное, существуетъ сама по себѣ, какъ искусство, и не нуждается въ оправданьяхъ, какъ природа, сказалъ какой-то умный человѣкъ, который самъ никогда не любилъ, но отлично разсужалъ о любви. Пѣтушковъ страстно привязался къ Василисѣ. Онъ былъ счастливъ вполнѣ. Его душа согрѣлась. Понемногу перетащилъ онъ весь свой скарбъ, по крайней мѣрѣ всѣ чубуки свои, къ Прасковьѣ Ивановнѣ и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у ней въ задней комнатѣ. Прасковья Ивановна брала съ него за обѣдъ деньги и пила его чай, слѣдовательно не жаловалась на его присутствіе. Василиса привыкла къ нему, работала, пѣла, пряла при немъ, иногда молвила съ нимъ слова два; Пѣтушковъ поглядывалъ на нее, покуривалъ трубочку, покачивался на стулѣ, посмѣивался и въ свободные часы игралъ съ нею и съ Прасковьей Ивановной въ дурачки. Иванъ Аѳанасьичъ былъ счастливъ.... Но на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и какъ ни малы требованья человѣка, судьба никогда вполнѣ не удовлетворитъ его, даже испортитъ дѣло, если можно.... Ложка дегтю попадетъ-таки въ бочку меду! Иванъ Аѳанасьичъ испыталъ это на себѣ. Вопервыхъ, со времени своего переселенія къ Василисѣ, Пѣтушковъ еще болѣе раззнакомился съ своими товарищами. Онъ видалъ ихъ только въ необходимыхъ случаяхъ, и тутъ, для избѣжанія намековъ и насмѣшекъ (что впрочемъ не всегда ему удавалось), принималъ отчаянно-суровый и сосредоточенно-запуганный видъ зайца, который барабанитъ посреди фейерверка. Вовторыхъ, Онисимъ не давалъ ему покою, потерялъ всякое къ нему уваженіе, ожесточенно преслѣдовалъ, стыдилъ его. Въ-третьихъ наконецъ.... Увы! читайте далѣе, благосклонный читатель.

V.

Однажды Пѣтушковъ (которому, по вышеозначеннымъ причинамъ, внѣ дома Прасковьи Ивановны приходилось плохо) сидѣлъ въ задней, василисиной, комнатѣ и хлопоталъ надъ

какимъ-то доморощеннымъ снадобьемъ, не то вареньемъ, не то настойкой. Хозяйки не было дома. Василиса сидѣла въ булочной и попѣвала пѣсенку.

Постучались въ форточку. Василиса встала, подошла къ окошку, слегка вскрикнула, засмѣялась и начала съ кѣмъ-то перешептываться. Вернувшись на мѣсто, она вздохнула и принялась пѣть громче прежняго.

— Съ кѣмъ ты это разговаривала? спросилъ ее Пѣтушковъ.

Василиса продолжала «ломать калину».

— Василиса! слышишь? а Василиса!

— Что вамъ?

— Съ кѣмъ ты разговаривала?

— А вамъ на что?

— Да такъ.

Пѣтушковъ вышелъ изъ задней комнаты въ пестромъ архалукѣ, съ засученными рукавами и съ ливеромъ въ рукахъ.

— А съ хорошимъ пріятелемъ, отвѣчала Василиса.

— Съ какимъ хорошимъ пріятелемъ?

— А съ Петромъ Петровичемъ.

— Съ Петромъ Петровичемъ?... Съ какимъ Петромъ Петровичемъ?

— А онъ тоже вашъ братъ. Прозвище такое мудреное.

— Бублицынъ?

— Ну, да, да. Петръ Петровичъ.

— И ты его знаешь?

— Еще бы! возразила Василиса, качнувъ головой.

Пѣтушковъ, молча, прошелся разъ десять по комнатѣ.

— Послушай, Василиса, сказалъ онъ наконецъ: — то есть ты какъ его знаешь?

— Какъ знаю.... Знаю.... Онъ баринъ такой хорошій.

— Какъ однакожь хорошій? какъ хорошій? какъ хорошій?

Василиса посмотрѣла на Ивана Аѳанасьевича.

— Хорошій, проговорила она медленно и съ недоумѣніемъ. — Извѣстно какой.

Пѣтушковъ закусилъ губы и началъ опять ходить по комнатѣ.

— О чемъ же ты съ нимъ разговаривала? а?

Василиса улыбнулась и потупилась.

— Говори же, говори, говори, говорятъ тебѣ, говори!

— Какой вы сегодня сердитый, замѣтила Василиса.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— Ну, нѣтъ, Василиса, началъ онъ наконецъ:—нѣтъ я сердиться не буду.... Ну, скажи же мнѣ, о чемъ же вы говорили?

Василиса засмѣялась.

— Такой, право, шутникъ этотъ Петръ Петровичъ.

— А что?

— Ужь такой!

Пѣтушковъ опять замолчалъ.

— Василиса, ты вѣдь любишь меня? спросилъ онъ ее.

— Ну, и вы туда же!

У бѣднаго Пѣтушкова защемило на сердцѣ. Вошла Прасковья Ивановна. Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда Прасковья Ивановна отправилась на палати. Самъ Иванъ Аѳанасьичъ прилегъ на печи, повертѣлся и заснулъ. Осторожный скрипъ разбудилъ его. Иванъ Аѳанасьичъ приподнялся, оперся на локоть, смотритъ: дверь отворена. Онъ вскочилъ — Василисы нѣтъ. Онъ на дворъ — и на дворѣ ея нѣту; на улицу—глядь туда, сюда: Василисы не видать. Безъ шапки пробѣжалъ онъ до самаго рынка: нѣтъ, не видать Василисы. Медленно вернулся онъ въ булочную, взлѣзъ на печь, повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Тяжело ему стало. Бублицынъ.... Бублицынъ.... это имя такъ и звучало у него въ ушахъ.

— Что съ тобой, батюшка? спросила его сонливымъ голосомъ Прасковья Ивановна. — Чего охаешь?

— Ничего, матушка, такъ. Ничего. Давитъ что-то.

— Грибы, пролепетала Прасковья Ивановна: — все грибы. О господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Часъ прошелъ, другой — Василисы все нѣтъ. Пѣтушковъ двадцать разъ порывался встать и двадцать разъ съ тоской забивался подъ тулупъ.... Наконецъ однакожь онъ слѣзъ съ печи и хотѣлъ было домой пойти и на дворъ уже вышелъ, да вернулся. Прасковья Ивановна встала. Работникъ Лука, черный какъ жукъ, хотя и булочникъ, заложилъ хлѣбы въ печь. Пѣтушковъ опять вышелъ на крыльцо и задумался. Проживающій на дворѣ козелъ подобрался къ нему и слегка, дружелюбно

толкнулъ его рогами. Пѣтушковъ посмотрѣлъ на него и, Богъ знаетъ почему, сказалъ: «кысь, кысь». Вдругъ низенькая калитка тихо распахнулась и появилась Василиса. Иванъ Аѳанасьичъ отправился къ ней прямо навстрѣчу, взялъ ее за руку и довольно хладнокровно, но рѣшительно, сказалъ ей:

— Ступай за мной.

— Да позвольте, Иванъ Аѳанасьичъ.... я....

— Ступай за мной, повторилъ онъ.

Она повиновалась.

Пѣтушковъ привелъ ее къ себѣ на квартиру. Онисимъ, по обыкновенію, спалъ въ-растяжку. Иванъ Аѳанасьичъ разбудилъ его, велѣлъ зажечь свѣчку. Василиса подошла къ окошку и молча сѣла. Пока Онисимъ возился съ огнемъ въ передней, Пѣтушковъ неподвижно стоялъ у другаго окна и глядѣлъ на улицу. Вошелъ Онисимъ съ свѣчкой въ рукахъ, началъ было ворчать.... Иванъ Аѳанасьичъ быстро обернулся.

— Ступай вонъ, сказалъ онъ ему.

Онисимъ остановился посреди комнаты....

— Ступай вонъ, сейчасъ, повторилъ Пѣтушковъ грозно.

Онисимъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ.

Иванъ Аѳанасьичъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Вонъ, совсѣмъ вонъ. Изъ дому. Придешь черезъ два часа.

Онисимъ убрался.

Пѣтушковъ дождался, пока стукнула калитка, и тотчасъ же подошелъ къ Василисѣ.

— Гдѣ ты была?

Василиса смѣшалась.

— Гдѣ ты была? говорятъ тебѣ, повторилъ онъ.

Василиса посмотрѣла кругомъ....

— Тебѣ я говорю.... Гдѣ ты была?

И Пѣтушковъ поднялъ было руку....

— Не бейте меня, Иванъ Аѳанасьичъ, не бейте.... съ испугомъ пролепетала Василиса.

Пѣтушковъ отвернулся.

— Бить тебя... Нѣтъ! я тебя бить не стану. Бить тебя? Извини. Извини, голубушка. Богъ съ тобой. Когда я думалъ, что ты меня любишь, когда я.... когда....

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онъ задыхался.

— Слушай, Василиса, сказалъ онъ наконецъ: — я, ты знаешь, человѣкъ добрый; вѣдь ты знаешь, Василиса, знаешь?

— Знаю, проговорила она, запинаясь.

— Я никому зла не дѣлаю, никому, никому на свѣтѣ. И никого не обманываю. Зачѣмъ же ты меня обманываешь?

— Да я васъ не обманываю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Не обманываешь? Ну, хорошо. Ну, хорошо. Ну, говори же, гдѣ ты была?

— Я ходила къ Матренѣ.

— Врешь!

— Ей-Богу, къ Матренѣ. Вы спросите у нея, коли мнѣ не вѣрите.

— А Буб.... ну, какъ его.... чорта этого видѣла?

— Видѣла.

— Видѣла? Видѣла? — а! видѣла?

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Такъ ты съ нимъ, поутру-то, у окошка сговаривалась.... а? а?

— Они меня просили придти.

— А ты и пошла.... Спасибо, матушка, спасибо, родная. Пѣтушковъ поклонился Василисѣ въ поясъ.

— Да, Иванъ Аѳанасьичъ, вы, можетъ, думаете....

— Ужь ты бы лучше не говорила! Да и я, дуракъ, хорошъ. Чего раскричался? Да ты, пожалуй, съ кѣмъ тамъ хочешь знайся. Мнѣ до тебя дѣла нѣтъ. Вотъ еще. Я тебя и знать-то не хочу.

Василиса встала.

— Воля ваша, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Куда ты идешь?

— Да вѣдь вы сами....

— Я тебя не прогоняю, перебилъ ее Пѣтушковъ.

— Нѣтъ ужь, Иванъ Аѳанасьичъ.... Что жь ужь мнѣ у васъ оставаться?...

Пѣтушковъ далъ ей дойти до двери.

— Такъ ты уходишь, Василиса?

— Вы меня все обижаете....

— Я тебя обижаю! Бога ты не боишься, Василиса! Когда же я тебя обижалъ? когда? Ну, нѣтъ, нѣтъ, скажи, когда?

— Да какже? Вотъ и теперь чуть меня не побили.

— Василиса, грѣшно, тебѣ. Право грѣшно.

— И еще попрекали, что я, дескать, съ тобой знаться не хочу. Я дескать, баринъ.

Иванъ Аѳанасьичъ началъ молча ломать себѣ руки. Василиса дошла до средины комнаты.

— Что жь? Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ. Я сама по себѣ, а вы сами по себѣ....

— Полно, Василиса, полно, перебилъ ее Пѣтушковъ. — Ты лучше разсуди, посмотри на меня. Вѣдь я на себя не похожъ. Вѣдь я самъ не знаю, что говорю... Хотя бы ты меня пожалѣла....

— Вы меня все обижаете, Иванъ Афанасьичъ....

— Эхъ, Василиса! кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ. Не правда ли? Вѣдь ты на меня не сердишься, не правда ли?

— Вы меня все обижаете, повторила Василиса.

— Не буду, душа, не буду. Прости меня, стараго человѣка. Я впередъ уже не буду никогда. Ну, простила меня, что ли?

— Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Ну, засмѣйся, засмѣйся....

— Василиса отвернулась.

— Засмѣялась, душа, засмѣялась! закричалъ Пѣтушковъ и запрыгалъ на мѣстѣ какъ ребенокъ....

VI.

На другой день Пѣтушковъ, по обыкновенію, отправился въ булочную. Все пошло по прежнему. Но въ сердцѣ у него засѣла заноза. Онъ уже не такъ часто посмѣивался и иногда задумывался. Настало воскресенье. У Прасковьи Ивановны болѣла поясница; она не слѣзала съ палатей; черезъ силу сходила къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни Пѣтушковъ позвалъ Василису въ заднюю комнатку. Она все утро жаловалась на скуку. Судя по выраженію лица Ивана Аѳанасьича, въ его головѣ вертѣлась мысль необыкновенная и для него самого неожиданная.

Сядь-ка ты вотъ здѣсь, Василиса, сказалъ онъ ей: — а я тутъ сяду. Мнѣ нужно съ тобой поговорить маленько.

Василиса сѣла.

— Скажи мнѣ, Василиса, ты писать умѣешь?

— Писать?

— Да, писать?

— Нѣтъ, не умѣю.

— А читать?

— И читать не умѣю.

— А кто жь тебѣ письмо-то мое прочиталъ?

— Дьячокъ.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— А хотѣла бы ты знать грамотѣ?

— Да на что намъ грамотѣ знать, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Какъ на что? Книги можно читать.

— А въ книгахъ-то что стоитъ?

— Все хорошее.... Послушай, хочешь, я тебѣ принесу книжку?

— Да вѣдь я читать не умѣю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Я буду тебѣ читать.

— Да вѣдь, чай, скушно?

— Какъ можно! скучно! Напротивъ, оно противъ скуки хорошо.

— Развѣ сказки читать будете?

— А вотъ увидишь — завтра.

Пѣтушковъ къ вечеру возвратился домой и началъ рыться у себя въ ящикахъ. Нашелъ онъ нѣсколько разрозненныхъ томовъ Библіотеки для Чтенія, штукъ пять сѣрыхъ московскихъ романовъ, Ариѳметику Назарова, Дѣтскую Географію съ глобусомъ на заглавномъ листкѣ, вторую часть Исторіи Кайданова, два Сонника, Мѣсяцословъ за 1819-й годъ, два нумера Галатеи, Наталью Долгорукую Козлова и первую часть Рославлева. Долго думалъ онъ, что бы выбрать? и наконецъ рѣшился взять поэму Козлова и Рославлева.

На другой день Пѣтушковъ поспѣшно одѣлся, сунулъ обѣ книжонки подъ лацканъ сюртука, пришелъ въ булочную и, какъ только улучилъ свободное время, усадилъ Василису и началъ читать ей романъ Загоскина. Василиса сидѣла неподвижно, сперва улыбалась, потомъ какъ-будто призадумалась.... потомъ нагнулась немного впередъ; глаза ея съежились, ротъ

слегка раскрылся, руки упали на колѣни: она задремала. Пѣтушковъ читалъ скоро, невнято и глухимъ голосомъ, — поднялъ глаза....

— Василиса, ты спишь?

Она встрепенулась, потерла себѣ лицо и потянулась. Пѣтушкову досадно стало на нее и на себя....

— Скушно, лѣниво проговорила Василиса.

— Послушай, хочешь, я тебѣ стихи почитаю?

— Какъ?

— Стихи.... хорошіе стихи.

— Нѣтъ, ужь будетъ, право.

Пѣтушковъ проворно досталъ поэму Козлова, вскочилъ, прошелся по комнатѣ, стремительно подбѣжалъ къ Василисѣ — и принялся читать. Василиса закинула голову назадъ, растопырила руки, вглядѣлась въ лицо Пѣтушкова — и вдругъ залилась звонкимъ и рѣзкимъ хохотомъ.... такъ и покатилась....

Иванъ Аѳанасьичъ съ досадой швырнулъ книгу на полъ. Василиса продолжала хохотать.

— Ну, чего ты смѣешься, глупая?

Василиса заливалась пуще прежняго.

— Смѣйся, смѣйся, ворчалъ Пѣтушковъ сквозь зубы.

Василиса взялась за бока, заохала.

— Да чему ты, съумасшедшая?

Но Василиса только руками махала. Иванъ Аѳанасьичъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дому. Быстро, неровными шагами шелъ онъ по городу, шелъ, шелъ и очутился у заставы. Вдоль улицы вдругъ застучали колеса, затопали лошади.... Кто-то кликнулъ его по имени. Онъ поднялъ голову и увидалъ просторную старинную линейку. Въ линейкѣ, лицомъ къ нему, сидѣлъ г-нъ Бублицынъ между двумя дѣвицами, дочерьми господина Тютюрёва. Обѣ дѣвицы были одѣты совершенно одинаково, какъ бы въ ознаменованіе ихъ неразрывной дружбы; обѣ улыбались задумчиво, но пріятно, и томно наклоняли головки на бокъ. На другой сторонѣ линейки виднѣлась широкая соломенная шляпа почтеннаго господина Тютюрёва, и отчасти представлялся взорамъ его полный и круглый затылокъ; рядомъ съ его соломенной шляпой возвышался чепецъ

его супруги. Самое положеніе обоихъ родителей служило яв-нымъ доказательствомъ ихъ искреннаго благоволенія и довѣ-ренности къ молодому Бублицыну. И молодой Бублицынъ ви-видимо чувствовалъ и цѣнилъ ихъ лестную довѣренность. Ко-нечно, онъ сидѣлъ непринужденно, непринужденно разгова-ривалъ и смѣялся; но въ самой развязности его обращенія за-мѣчалась нѣжная, трогательная почтительность. А дѣвицы Тютюрёвы? Трудно выразить словами все, что̀ внимательный взоръ наблюдателя открывалъ въ чертахъ обѣихъ сестрицъ. Благонравіе, и кротость, и скромная веселость, грустное по-ниманіе жизни, и непоколебимая вѣра въ самихъ себя, въ вы-сокое и прекрасное призваніе человѣка на землѣ, приличное вниманіе къ юному собесѣднику, по дарованіямъ умственнымъ можетъ быть не вполнѣ имъ равному, но по сердечнымъ свой-ствамъ совершенно достойному снисхожденья; вотъ какія каче-ства и чувства изображались въ это время на лицахъ дѣвицъ Тю-тюрёвыхъ. Бублицынъ кликнулъ Ивана Аѳанасьича по имени, такъ, безо всякой причины, отъ избытка внутренняго довольст-ва; поклонился ему чрезвычайно дружелюбно и привѣтливо; сами дѣвицы Тютюрёвы поглядѣли на него ласково и кротко, какъ на человѣка, съ которымъ онѣ бы непрочь даже познакомить-ся.... Маленькой рысцей пробѣжали добрыя, сытыя, смирныя лошадки мимо Ивана Аѳанасьича; плавно покатилась линейка по широкой дорогѣ, разнося добродушный, дѣвическій смѣхъ; въ послѣдній разъ мелькнула шляпа г-на Тютюрёва; пристя-жныя закинули голову на бокъ, шепотко запрыгали по корот-кой зеленой травкѣ.... кучеръ засвисталъ одобрительно и бе-режно: линейка исчезла за ракитами.

Долго простоялъ на мѣстѣ бѣдный Пѣтушковъ.

— Сирота я, сирота казанская, прошепталъ онъ нако-нецъ....

Оборванный мальчишка остановился передъ нимъ, робко посмотрѣлъ на него, протянулъ руку....

— Христа ради, баринъ хорошій.

Пѣтушковъ досталъ грошъ.

— На̀ тебѣ на твое сиротство, проговорилъ онъ черезъ силу, и пошелъ опять въ булочную. — На порогѣ василисиной комнатки остановился Иванъ Аѳанасьевичъ.

— Вотъ, подумалъ онъ: — вотъ съ кѣмъ я знаюсь! Вотъ оно, мое семейство! вотъ оно!... И тутъ Бублицынъ, и тамъ Бублицынъ....

Василиса сидѣла къ нему спиной и, беззаботно попѣвая, разматывала нитки; платье на ней было ситцевое, полинялое; волосы она заплела кое-какъ.... Въ комнатѣ, невыносимо жаркой, пахло периной, старыми тряпками; кой-гдѣ по стѣнамъ проворно мчались рыжіе, щеголеватые прусаки; на дряхломъ комодѣ, съ дырочками вмѣсто замковъ, лежалъ, подлѣ разбитой банки, стоптанный женскій башмакъ. .. На полу еще валялась поэма Козлова.... Пѣтушковъ покачалъ головой, скрестилъ руки и вышелъ. Онъ былъ обиженъ.

Дома онъ приказалъ подать себѣ одѣться. Онисимъ поплелся за сюртукомъ. Пѣтушкову весьма хотѣлось вызвать Онисима на разговоръ, но Онисимъ молчалъ угрюмо. Наконецъ Иванъ Аѳанасьичъ не вытерпѣлъ.

— Что жь ты меня не спрашиваешь, куда я иду?

— А на что мнѣ знать, куда вы идете.

— Какъ на что? Ну, придетъ кто-нибудь за нужнымъ дѣломъ, спроситъ: гдѣ-молъ, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? А ты ему и скажешь: Иванъ Аѳанасьичъ туда-то пошелъ.

— За нужнымъ дѣломъ.... Да кто къ вамъ за нужнымъ дѣломъ-то ходитъ?

— Вотъ ты опять начинаешь грубить? Вѣдь вотъ опять?

Онисимъ отвернулся и принялся чистить сюртукъ.

— Право, Онисимъ, ты человѣкъ пренепріятный.

Онисимъ изъ-подлобья поглядѣлъ на барина.

— И всегда ты такъ. Вотъ ужь именно всегда.

Онисимъ улыбнулся.

— Да на что мнѣ у васъ спрашивать, Иванъ Аѳанасьичъ куда вы идете? Какъ-будто я не знаю? Къ булочницѣ!

— А вотъ и вздоръ? вотъ и совралъ! Совсѣмъ не къ ней. Я къ булочницѣ больше ходить не намѣренъ.

Онисимъ прищурился и тряхнулъ вѣникомъ. Пѣтушковъ ожидалъ одобренья; но слуга его безмолвствовалъ.

— Не годится, продолжалъ строгимъ голосомъ Пѣтушковъ: — не прилично.... Ну, говори же ты, что ты думаешь?

— Что мнѣ думать? Ваша воля. Что мнѣ думать?

Пѣтушковъ надѣлъ сюртукъ. — Не вѣритъ мнѣ, бестія, подумалъ онъ про себя.

Онъ вышелъ изъ дому, но ни къ кому не зашелъ. Походилъ по улицамъ. Обратилъ вниманіе на заходящее солнце. Наконецъ часу въ девятомъ воротился домой. Онъ улыбался; онъ безпрестанно пожималъ плечами, какъ бы дивясь своей глупости. Вѣдь вотъ, думалъ онъ: — что̀ значитъ твердая воля....

На другой день Пѣтушковъ всталъ довольно поздно. Ночь онъ провелъ не совсѣмъ хорошо, до самаго вечера онъ не выходилъ никуда и скучалъ страшно. Перечелъ Пѣтушковъ всѣ свои книжонки, вслухъ похвалилъ одну повѣсть въ Библіотекѣ для Чтенія. Ложась спать, велѣлъ Онисиму подать себѣ трубку, Онисимъ вручилъ ему предрянной чубучокъ. Пѣтушковъ началъ курить; чубучокъ захрипѣлъ, какъ запаленная лошадь.

— Что̀ за гадость! воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ: — гдѣ же моя черешневая трубка?

— А въ булочной, спокойно возразилъ Онисимъ. Пѣтушковъ судорожно моргнулъ глазами.

— Что̀ жь? прикажите сходить?

— Нѣтъ, не нужно; ты не-ходи.... не нужно: не ходи, слышишь?

— Слушаю-съ.

Ночь прошла кое-какъ. Утромъ, Онисимъ, по обыкновенію, подалъ Пѣтушкову на тарелкѣ съ синими цвѣточками бѣлую, свѣжую булку. Иванъ Аѳанасьичъ посмотрѣлъ въ окно и спросилъ Онисима:

— Ты ходилъ въ булочную?

— Кому жь ходить, коли не мнѣ?

— А!

Пѣтушковъ углубился въ размышленіе.

— Скажи пожалуйста, ты тамъ видѣлъ кого-нибудь?

— Извѣстно, видѣлъ.

— Кого же ты тамъ видѣлъ, напримѣръ?

— Да извѣстно кого: Василису.

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онисимъ убралъ со стола и уже вышелъ-было изъ комнаты....

— Онисимъ, слабо воскликнулъ Пѣтушковъ.

— Чего изволите?

— А.... обо мнѣ она не спрашивала?

— Извѣстно, не спрашивала.

Пѣтушковъ стиснулъ зыбы. — Вотъ, подумалъ онъ: — вотъ она, любовь-то.... Онъ опустилъ голову. — А вѣдь смѣшонъ же я былъ, подумалъ онъ опять: — вздумалъ ей стихотворенья читать! Эка! Да вѣдь она дура! Да вѣдь ей, дурѣ, только бы на печи лежать да блины ѣсть! Да вѣдь она деревяшка, совершенная деревяшка, необразованная мѣщанка!

— Не пришла.... шепталъ онъ, два часа спустя, сидя на томъ же мѣстѣ: — не пришла! Каково? вѣдь она могла видѣть, что я ушелъ отъ нея разсерженный! вѣдь она могла же знать, что я обидѣлся! Вотъ тебѣ и любовь! И не спросила даже, здоровъ ли я? Здоровъ ли, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? Вторыя сутки меня не видитъ — и ничего!... Даже можетъ быть опять изволила видѣться съ этимъ Буб.... Счастливчикъ! Тьфу, чортъ возьми, какой я дуракъ.

Пѣтушковъ всталъ, молча прошелся по комнатѣ, остановился, слегка наморщилъ брови и почесалъ у себя въ затылкѣ. Однако, сказалъ онъ вслухъ: — пойду-ка я къ ней. Надобно же посмотрѣть, что̀ она тамъ-таки дѣлаетъ? Пристыдить ее надобно. Рѣшительно пойду. Онька! одѣваться!

— Ну, думалъ онъ, одѣваясь:—посмотримъ, что̀-то будетъ? Она, пожалуй, чего добраго, на меня сердится. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ходилъ-ходилъ, ходилъ-ходилъ, да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ да пересталъ ходить. А вотъ посмотримъ.

Иванъ Аѳанасьичъ вышелъ изъ дому и добрался до булочной. Онъ остановился у калитки: надобно жь оправиться и обтянуться.... Пѣтушковъ взялся обѣими руками за фалды да чуть не оторвалъ ихъ прочь совсѣмъ.... Судорожно покрутилъ онъ затянутой шеей, растегнулъ верхній крючекъ воротника. вздохнулъ....

— Что̀ жь вы стоите, закричала ему Прасковья Ивановна изъ окошка. — Войдите.

Пѣтушковъ вздрогнулъ и вошелъ. Прасковья Ивановна встрѣтила его на порогѣ.

— Что̀ это вы, батюшка, къ намъ вчера не пожаловали? Аль нездоровьице какое помѣшало?

— Да, у меня что̀-то вчера голова болѣла....

— А вы бы къ височкамъ по огурчику приложили, мой батюшка. Какъ рукой бы сняло. А теперь не болитъ головка?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Ну, и слава Тебѣ, Господи!

Иванъ Аѳанасьичъ отправился въ заднюю комнатку. Василиса увидала его.

— А! здравствуйте, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здравствуйте, Василиса Тимофѣвна.

— Куда вы ливеръ дѣвали, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Ливеръ? какой ливеръ?

— Ливеръ.... нашъ ливеръ. Вы его, должно быть, къ себѣ занесли. Вы вѣдь такой.... прости Господи!...

Пѣтушковъ принялъ важный и холодный видъ.

— Я прикажу своему человѣку посмотрѣть. Такъ какъ я вчера здѣсь не былъ, значительно проговорилъ онъ....

— Ахъ, да вѣдь точно, васъ вчера здѣсь не было. Василиса присѣла на корточки и начала рыться въ сундукѣ.... Тетка! А тетка!

— Че-а-во?

— Ты, что̀ ль, взяла мою косынку?

— Какую косынку?

— А жолтую.

— Жолтую?

— Да, жолтую, съ разводами.

— Нѣтъ, не брала.

Пѣтушковъ нагнулся къ Василисѣ.

— Послушай, Василиса, меня; послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу. Теперь дѣло идетъ не о ливерахъ да о косынкахъ; этимъ вздоромъ можно и въ другое время заняться.

Василиса не тронулась съ мѣста и только подняла голову.

— Ты скажи мнѣ, по чистой совѣсти, любишь ли ты меня, или нѣтъ? Вотъ что̀ я желаю знать наконецъ?

— Ахъ, какой же вы, Иванъ Аѳанасьичъ.... Ну да, разумѣется.

— А коли любишь, какъ же это ко мнѣ вчера не зашла? Некогда было? Ну, прислала бы узнать, что́, дескать, не бо-

ленъ ли я, что меня нѣту? А тебѣ и горюшка мало. Я хоть тамъ, пожалуй, умирай себѣ, ты и не пожалѣешь.

— Эхъ, Иванъ Аѳанасьичъ, не все жь про одно думать; работать надобно.

— Оно конечно, возразилъ Пѣтушковъ: — а все-таки.... И надъ старшими смѣяться не слѣдуетъ.... Нехорошо. Притомъ не мѣшаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ.... А гдѣ же моя трубка?

— Вотъ ваша трубка.

Пѣтушковъ началъ курить.

VII.

Нѣсколько дней протекло снова повидимому довольно мирно. Но гроза приближалась. Пѣтушковъ мучился, ревновалъ, не спускалъ глазъ съ Василисы, тревожно наблюдалъ за ней, надоѣдалъ ей страшно. Вотъ однажды вечеромъ Василиса одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго и, улучивъ удобное мгновенье, отправилась куда-то въ гости. Наступила ночь: она не возвращалась. Пѣтушковъ на-зарѣ пришелъ къ себѣ на квартиру и въ 8-мъ часу утра побѣжалъ въ булочную.... Василиса не приходила. Съ невыразимымъ замираньемъ сердца ожидалъ онъ ее до самаго обѣда.... за столъ сѣли безъ нея.

— Куда это она запропастилась? равнодушно проговорила Прасковья Ивановна....

— Вы ее балуете, вы ее просто совершенно избалуете! съ отчаяньемъ повторилъ Пѣтушковъ.

— И! батюшка! за дѣвкой не усмотришь! отвѣчала Прасковья Ивановна. — Богъ съ ней! Лишь бы свое дѣло дѣлала.... Отчего жь человѣку и непогулять....

Морозъ подиралъ по кожѣ Ивана Аѳанасьича. Наконецъ къ вечеру явилась Василиса. Онъ только этого и ожидалъ. Торжественно поднялся Пѣтушковъ съ своего мѣста, сложилъ руки, грозно нахмурилъ брови... Но Василиса смѣло взглянула ему въ глаза, нагло засмѣялась и, не давши ему выговорить слова, проворно вошла въ свою комнату и заперлась. Иванъ Аѳанасьичъ раскрылъ ротъ, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Прасковью Ивановну.... Прасковья Ивановна опустила глаза.

Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ немного, ощупью сыскалъ фуражку, надѣлъ ее криво на голову и вышелъ, не закрывши рта.

Онъ пришелъ домой, взялъ кожаную подушку и вмѣстѣ съ нею бросился на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ. Онисимъ выглянулъ изъ передней, вошелъ въ комнату, прислонился къ двери, понюхалъ табаку, скрестилъ ноги....

— Аль нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ? спросилъ онъ Пѣтушкова.

Пѣтушковъ не отвѣчалъ.

— За дохтуромъ сходить прикажете? продолжалъ, погодя немного, Онисимъ.

Я здоровъ.... Ступай, глухо проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здоровы?... нѣтъ, вы нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ.... Какое это здоровье?

Пѣтушковъ молчалъ.

— Вы посмотрите лучше на себя. Вѣдь вы такъ исхудали, что просто на себя не стали похожи. А все изъ-за чего? Какъ подумаешь, такъ, ей-Богу, умъ за разумъ заходитъ. А еще благородные!

Онисимъ помолчалъ.... Пѣтушковъ не шевелился.

—Развѣ такъ благородные поступаютъ? Ну, пошалили бы.... почему жь бы и не такъ.... пошалили бы, да и за щеку. А то что? Вотъ ужь точно можно сказать: полюбится сатана пуще яснаго сокола.

Ивана Аѳанасьича только покоробило.

— Ну, право же такъ, Иванъ Аѳанасьичъ. Другой бы мнѣ сказалъ про васъ: вотъ что, вотъ что, вотъ какія дѣла.... Я бы ему сказалъ: Дуракъ ты, поди прочь, за кого ты меня принимаешь? Чтобы я этому повѣрилъ? Я и теперь самъ вижу, да не вѣрю. Вѣдь ужь хуже этого быть ничего не можетъ. Зелья, что ли, она какого дала вамъ? Вѣдь что въ ней? Коли такъ разсудить, совершенные пустяки, просто плюнуть стоитъ. И говорить-то она порядочно не умѣетъ... Ну, просто, дѣвка какъ дѣвка! Еще хуже.

— Ступай, простоналъ Иванъ Аѳанасьичъ въ подушку.

— Нѣтъ, я не пойду, Иванъ Аѳанасьичъ. Кому жь говорить, коли не мнѣ? Что, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ вы теперь сокрушаетесь... а изъ чего? Ну, изъ чего? помилуйте, скажите.

— Да ступай же, Онисимъ, опять простоналъ Пѣтушковъ.

Онисимъ, для приличья, помолчалъ немного.

— И вѣдь то сказать, началъ онъ опять: — она благодарности никакой не чувствуетъ. Другая бы не знала, какъ вамъ угодить; а она!... она и не думаетъ о васъ. Вѣдь это просто срамъ. Вѣдь что о васъ говорятъ, и пересказать нельзя. Меня даже стыдятъ. Ну, кабы я это прежде могъ знать, ужь яжь бы ее....

— Да ступай же наконецъ, чортъ! закричалъ Пѣтушковъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста и не поднимая головы.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, продолжалъ неумолимый Онисимъ. — Я для вашего же добра. Плюньте, Иванъ Аѳанасьичъ, просто плюньте, послушайтесь меня. А нето я бабку приведу: отговоритъ какъ разъ. Сами потомъ смѣяться будете; скажете мнѣ: Онисимъ, а вѣдь удивительно, какъ это бываетъ иногда! Ну, сами посудите: вѣдь такихъ, какъ она, у насъ какъ собакъ.... только свисни....

Какъ бѣшеный вскочилъ Пѣтушковъ съ дивана.... но, къ изумленію Онисима, уже поднявшаго обѣ руки въ уровень своихъ ланитъ, сѣлъ опять, словно кто ноги ему подкосилъ.... По блѣдному его лицу катились слезы, косичка волосъ торчала на темени, глаза глядѣли мутно.... искривленныя губы дрожали.... голова упала на грудь.

Онисимъ посмотрѣлъ на Пѣтушкова и тяжко бросился на колѣни.

— Батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ, воскликнулъ онъ: — ваше благородіе! Извольте наказать меня, дурака! Я васъ обезпокоилъ, Иванъ Аѳанасьичъ... Да какъ я смѣлъ! Извольте наказать меня, ваше благородіе.... Стоитъ вамъ плакать отъ моихъ глупыхъ рѣчей.... батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ....

Но Пѣтушковъ даже не поглядѣлъ на своего слугу, отвернулся и забился опять въ уголъ дивана.

Онисимъ поднялся, подошелъ къ барину, постоялъ надъ нимъ, раза два хватилъ себя за волосы....

— Не хотите ли, батюшка, раздѣться.... Въ постель бы легли.... малины бы покушали.... Не извольте печалиться.... Это только съ полу-горя, это все ничего.... все пойдетъ на ладъ, говорилъ онъ ему черезъ каждыя двѣ минуты....

Но Пѣтушковъ не поднимался съ дивана и только изрѣдка пожималъ плечами, подводилъ колѣни къ животу....

Онисимъ всю ночь не отходилъ отъ него. Къ утру Пѣтушковъ заснулъ, но спалъ недолго. Часовъ въ семь всталъ онъ съ дивана, блѣдный, взъерошенный, усталый, — потребовалъ чаю.

Онисимъ подобострастно и проворно наставилъ самоваръ.

— Иванъ Афанасьичъ, заговорилъ онъ наконецъ робкимъ голосомъ: — вы на меня не изволите гнѣваться?

— За что жь я буду гнѣваться на тебя, Онисимъ? отвѣчалъ бѣдный Пѣтушковъ. — Ты вчера былъ совершенно правъ, и я совершенно съ тобой во всемъ согласенъ.

— Я только изъ усердія, Иванъ Аѳанасьичъ....

— Я знаю, что изъ усердія.

Пѣтушковъ замолчалъ и опустилъ голову.

Онисимъ видѣлъ, что дѣло неладно.

— Иванъ Аѳанасьичъ, заговорилъ онъ вдругъ.

— Что?

— Хотите, я Василису позову сюда.

Пѣтушковъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, Онисимъ, не хочу (Да! какъ бы не такъ! придетъ она! подумалъ онъ про себя). — Надобно показать твердость. Это все вздоръ. Вчера я, того.... Это срамъ. Ты правъ. Надобно все это прекратить, какъ говорится, разомъ. Не правда ли?

— Сущую правду изволите говорить, Иванъ Аѳанасьичъ.

Пѣтушковъ опять погрузился въ думу. Онъ самъ себѣ дивился, словно не узнавалъ себя. Онъ сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ на полъ. Мысли въ немъ волновались словно дымъ или туманъ, а въ груди было пусто и тяжело въ одно время.

— Да что жь это такое наконецъ? думалъ онъ иногда и опять затихалъ. — Пустяки, баловство! говорилъ онъ вслухъ и поводилъ рукой по лицу, отряхался, и рука его снова падала на колѣни, глаза опять останавливались на полу.

Онисимъ внимательно и печально глядѣлъ на своего господина.

Пѣтушковъ поднялъ голову.

— А скажи-ка мнѣ, Онисимъ, заговорилъ онъ:—правда ли, точно бываютъ такія приворотныя зелья?

— Бываютъ-съ, какже-съ, возразилъ Онисимъ и выставилъ ногу впередъ. — Вотъ хоть бы изволите знать унтера Круповатаго?... У него братъ отъ приворота пропалъ. И приворотили-то его къ бабѣ старой, къ поварихѣ, вотъ что̀ извольте разсудить! Дали съѣсть простой кусокъ аржанаго хлѣба, съ наговоромъ разумѣется. Вотъ и врѣзался круповатовскій братъ по уши въ повариху, такъ и бѣгалъ всюду за поварихой, души въ ней не чаялъ, наглядѣться не могъ. Бывало, что̀ она ему ни скомандуй, онъ тотчасъ и повинуется. Даже при другихъ, при чужихъ людяхъ она имъ щоголяла. Ну, и вогнала его наконецъ въ чахотку. Такъ и умеръ круповатовскій братъ. А вѣдь повариха была, да еще и старая, престарая (Онисимъ понюхалъ табаку).—Чтобъ имъ пусто было, всѣмъ этимъ дѣвкамъ и бабамъ!

— Она меня вовсе не любитъ, это наконецъ ясно, это наконецъ никакому сомнѣнію не подвержено, бормоталъ вполголоса Пѣтушковъ, дѣлая притомъ такія движенія головой и руками, какъ-будто объяснялъ совершенно постороннему человѣку совершенно постороннее дѣло.

— Да, продолжалъ Онисимъ: — бываютъ такія бабы.

VIII.

Странное чувство овладѣло Иваномъ Аѳанасьичемъ, когда онъ вдругъ очутился на улицѣ.

— Да что̀ это я словно во снѣ хожу? думалъ онъ про себя: —съ ума я сошелъ, что̀ ли? Вѣдь это, наконецъ, невѣроятно. Ну, чортъ возьми, разлюбила меня, ну и я ее разлюбилъ, ну и.... Что̀ жь тутъ необыкновеннаго?

Пѣтушковъ нахмурилъ брови.

— Надобно это кончить наконецъ, сказалъ онъ почти вслухъ: — пойду и объяснюсь рѣшительно въ послѣдній разъ, чтобъ ужь и помину потомъ не было.

Пѣтушковъ скорыми шагами отправился въ булочную. Племянникъ работника Луки, маленькій мальчишка, другъ и наперстникъ проживавшаго на дворѣ козла, проворно вскочилъ въ калитку, лишь только завидѣлъ издали Ивана Аѳанасьича.

Прасковья Ивановна вышла навстрѣчу Пѣтушкову.

— Племянницы вашей нѣту дома? спросилъ Пѣтушковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

Пѣтушковъ внутренно обрадовался отсутствію Василисы.

— Я пришелъ съ вами объясниться, Прасковья Ивановна.

— О чемъ это, батюшка?

— А вотъ о чемъ. Вы понимаете, что послѣ всего... произошедшаго.... послѣ подобнаго, такъ сказать, поступка (Пѣтушковъ немного смѣшался).... словомъ сказать.... Но однако вы на меня пожалуйста не сердитесь.

— Такъ-съ.

— Напротивъ, войдите въ мое положеніе, Прасковья Ивановна.

— Такъ-съ.

— Вы женщина разсудительная, вы сами поймете, что.... что мнѣ уже теперь больше нельзя къ вамъ ходить.

— Такъ-съ, протяжно повторила Прасковья Ивановна.

— Повѣрьте, я очень сожалѣю; признаюсь, мнѣ даже больно, истинно больно....

— Вамъ лучше знать-съ, спокойно возразила Прасковья Ивановна. — Въ вашей волѣ-съ. А вотъ, позвольте, я счетецъ вашъ подамъ-съ.

Пѣтушковъ никакъ не ожидалъ такого скораго согласія. Онъ вообще и не желалъ «согласія»; онъ хотѣлъ-было только напугать Прасковью Ивановну и въ особенности Василису. Ему становилось жутко.

— Я знаю, заговорилъ онъ: Василисѣ это нисколько не будетъ не пріятно; напротивъ, я думаю, она будетъ рада.

Прасковья Ивановна достала счеты и начала стучать костяшками.

— Съ другой стороны, продолжалъ все болѣе и болѣе взволнованный Пѣтушковъ: — еслибъ, напримѣръ, Василиса объяснила мнѣ свое поведеніе.... можетъ быть.... я... хотя конечно... я не знаю, можетъ быть я бы увидалъ, что тутъ собственно нѣтъ никакой вины.

— За вами, батюшка, тридцать семь рублей сорокъ копеекъ ассигнаціею, заговорила Прасковья Ивановна. — Вотъ, не угодно ли повѣрить.

Иванъ Аѳанасьичъ не отвѣчалъ ни слова.

— Восемнадцать обѣдовъ по семи гривенъ за каждый: двѣнадцать рублей, шесть гривенъ.

— Итакъ, мы разстаемся съ вами, Прасковья Ивановна?

— Что жь, батюшка, дѣлать? Такіе ли бываютъ случаи? Двѣнадцать самоваровъ по гривенничку....

— Но скажите хоть вы мнѣ, Прасковья Ивановна, куда это ходила Василиса, и за чѣмъ это она....

— А я, батюшка, ея не распрашивала.... Рубль двадцать копеекъ серебряною монетой.

Иванъ Аѳанасьичъ задумался.

— Квасу и кислыхъ щей, продолжала Прасковья Ивановна, отдѣляя костяшки на счетахъ не указательнымъ, а третьимъ пальцемъ:—на полтину серебромъ. Къ чаю сахару и булокъ на полтину серебромъ. Четыре картуза табаку куплено по вашему приказанію: восемь гривенъ серебромъ. Портному Купріяну Аполлонову....

Иванъ Аѳанасьичъ вдругъ поднялъ голову, протянулъ руку и смѣшалъ кости.

— Что жь это вы, батюшка, дѣлаете! заговорила Прасковья Ивановна.—Али мнѣ не вѣрите?

— Прасковья Ивановна, возразилъ Пѣтушковъ, торопливо улыбаясь:—я раздумалъ. Я такъ, знаете, пошутилъ. Останемся-ка лучше пріятелями по старому. Что за пустяки. Какъ можно намъ съ вами разстаться, скажите пожалуйста?

Прасковья Ивановна опустила голову и не отвѣчала ему.

— Ну, повздорили—и кончено, продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ похаживая по комнатѣ, потирая руки и какъ бы снова вступая въ прежнія права. — Аминь! а вотъ я лучше трубочку выкурю.

Прасковья Ивановна все не трогалась съ мѣста....

— Я вижу, вы на меня сердитесь, сказалъ Пѣтушковъ. — Я можетъ быть васъ обидѣлъ. Ну, что жь? простите великодушно.

— Какое, батюшка, обидѣлъ! Какая тутъ обида!... Только ужь вы, батюшка, пожалуйста, прибавила Прасковья Ивановна кланяясь: — не извольте больше къ намъ ходить.

— Какъ?!

— Неслѣдъ намъ, батюшка, съ вами знаться, ваше благородіе. Ужь, пожалуйста, сдѣлайте милость....

Прасковья Ивановна продолжала кланяться.

— Отчего же? пробормоталъ изумленный Пѣтушковъ.

— Да ужь такъ, батюшка. Окажите божескую милость.

— Да нѣтъ, Прасковья Ивановна, надобно объясниться....

— Василиса, батюшка, васъ проситъ. Говоритъ: благодарна, очинно благодарна, и чувствую; только ужь впередъ, ваше благородіе, увольте.

Прасковья Ивановна чуть не въ ноги поклонилась Пѣтушкову.

— Василиса, вы говорите, меня проситъ не ходить?

— Именно такъ, батюшка, ваше благородіе. Какъ вы сегодня изволили пожаловать, да какъ заговорили, что, дескать, не желаете больше посѣщать то есть насъ, я такъ, батюшка, и обрадовалась, думаю: вотъ и слава Богу, вотъ какъ оно ладно пришлось. А то у меня у самой языкъ бы не повернулся.... Окажите милость, батюшка.

Пѣтушковъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ почти въ одно мгновенье. Прасковья Ивановна все продолжала кланяться....

— Очень хорошо, рѣзко воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ. — Прощайте.

Онъ круто повернулся и надѣлъ фуражку.

— А счетецъ-то, батюшка....

— Пришлите ко мнѣ....

Пѣтушковъ вышелъ твердой поступью изъ булочной и даже не оглянулся.

IX.

Прошли двѣ недѣли. Сначала Пѣтушковъ храбрился чрезвычайно, выходилъ, посѣщалъ своихъ товарищей, исключая, разумѣется, Бублицына, но, не смотря на преувеличенныя похвалы Онисима, чуть не сошелъ наконецъ съ ума отъ тоски, ревности и скуки. Одни разговоры съ Онисимомъ о Василисѣ доставляли ему нѣкоторую отраду. Начиналъ разговоръ, «задиралъ» всегда Пѣтушковъ: Онисимъ неохотно отвѣчалъ ему.

— А вѣдь странное дѣло, говорилъ, напримѣръ, Иванъ Аѳанасьичъ, лежа на диванѣ, межъ тѣмъ какъ Онисимъ, по обыкновенію, стоялъ прислонившись къ двери, скрестивъ руки за спину:—какъ подумаешь ну, что я нашелъ въ этой дѣвушкѣ? Кажется, ничего необыкновеннаго въ ней нѣтъ. Правда, она добра. Этого нельзя у ней отнять.

— Какое добра! съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Онисимъ.

— Ну, нѣтъ Онисимъ, продолжалъ Пѣтушковъ:—надо правду говорить. Теперь оно дѣло прошлое; мнѣ теперь все равно; но что справедливо, то справедливо. Ты ея не знаешь. Она предобрѣйшая. Ни одного нищаго не пропуститъ такъ: хоть корку хлѣба, а дастъ. Ну, и нрава она веселаго — это тоже надобно сказать.

— Вотъ еще что выдумали! Гдѣ нашли веселый нравъ!

— Я тебѣ говорю... ты ея не знаешь. И безсребренница тоже она.... это тоже. Не интересанка, нечего сказать. Ну, хоть бы я ей — ничего вѣдь не давалъ, ты самъ знаешь.

— Оттого-то она васъ и бросила.

— Нѣтъ, не оттого! со вздохомъ отвѣчалъ Пѣтушковъ.

— Да вы въ нее до сихъ поръ влюби*мши*, ядовито возражалъ Онисимъ. — Вы бы рады опять за прежнее.

— Вотъ ужь это ты пустяки сказалъ. Нѣтъ, братъ, ты меня тоже, видно, не знаешь. Меня же прогнали, да я же пойду кланяться. Нѣтъ, извини. Нѣтъ, я тебѣ говорю, повѣрь мнѣ, это все теперь дѣло прошлое.

— Дай Богъ! дай Богъ!

— Но почему жь мнѣ теперь и не отдать ей справедливости наконецъ? Ну, что жь я скажу, что она собой не хороша,—ну, кто жь мнѣ повѣритъ?

— Вотъ нашли красавицу.

— Ну, найди мнѣ, — ну, назови кого-нибудь лучше ея....

— Ну, такъ пойдите къ ней опять!...

— Эка! Да я развѣ для того это говорю, что ли? Ты меня пойми....

— Охъ! понимаю я васъ, съ тяжеломъ вздохомъ отвѣчалъ Онисимъ....

Прошла еще недѣля. Пѣтушковъ пересталъ даже разговаривать съ своимъ Онисимомъ, пересталъ выходить. Съ утра до

вечера лежалъ онъ на диванѣ, закинувъ руки за голову. Сталъ онъ худѣть и блѣднѣть, ѣлъ неохотно и торопливо, трубки вовсе не курилъ. Онисимъ только головой покачивалъ, глядя на него.

— А вѣдь вамъ нехорошо, Иванъ Аѳанасьичъ, говорилъ онъ ему не разъ.

— Нѣтъ, ничего, возражалъ Пѣтушковъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день (Онисима не было дома) Пѣтушковъ всталъ, пошарилъ у себя въ комодѣ, надѣлъ шинель, хотя солнце пекло порядкомъ, украдкой вышелъ на улицу и чрезъ четверть часа опять вернулся.... Онъ что-то несъ подъ шинелью.....

Онисима не было дома. Цѣлое утро онъ все сидѣлъ у себя въ коморкѣ, разсуждалъ самъ съ собой, ворчалъ и ругался сквозь зубы и наконецъ отправился къ Василисѣ.

Онъ засталъ ее въ булочной. Прасковья Ивановна спала на печи, мѣрно и томно похрапывая.

— Ахъ, здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ, съ улыбкой проговорила Василиса: — что васъ давно не видать?

— Здорово.

— Что вы такіе невеселые? Чайку не хотите ли?

— Не обо мнѣ теперь рѣчь, съ досадой возразилъ Онисимъ.

— А что?

— Что! Не понимаешь меня, что ли? Что! Что ты надѣлала съ моимъ бариномъ, вотъ что мнѣ скажи.

— Что такое я надѣлала?

— Что такое ты надѣлала.... Поди-ка, посмотри на него. Вѣдь онъ того и гляди, что занеможетъ аль и совсѣмъ умретъ

— Чѣмъ же я виновата, Онисимъ Сергѣичъ?

— Чѣмъ! Богъ тебя знаетъ. Вишь онъ въ тебѣ души не чаетъ. А ты съ нимъ какъ съ своимъ братомъ, прости Господи, обошлась. Не ходи, дескать: надоѣлъ. Вѣдь онъ хоть и неважный, а все же господинъ. Вѣдь онъ благородный.... Понимаешь ты это?

— Да онъ такой скучный, Онисимъ Сергѣичъ...

— Скучный! А тебѣ все веселыхъ нужно.

— Да и не то, что скучный: такой сердитый, ревнивый такой.

— Ахъ, ты, астраханская царевна Меликитриса! Вишь онъ обезпокоилъ тебя!

— Да вы сами, Онисимъ Сергѣичъ, помнится, на него сердились, зачѣмъ, дескать, знается, зачѣмъ все ходитъ?

— А что жь, хвалить его надо было за это, что ли?

— Ну, такъ за что же вы теперь на меня осерчали? Вотъ и ходить пересталъ.

— Да что жь мнѣ съ нимъ дѣлать, коли онъ такой съумасшедшій, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Такъ чѣмъ же я виновата? Чѣмъ же я помочь-то могу?

— А вотъ чѣмъ: пойдемъ-ка со мной къ нему.

— Сохрани Господи!

— Отчего жь ты не пойдешь?

— Да зачѣмъ же я пойду къ нему? помилуйте.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что вотъ онъ говоритъ, что ты добрая; посмотрю я, какая ты добрая.

— Да какое же добро я могу ему сдѣлать?

— Ну, ужь про это я знаю. Стало быть плохо, коли я къ тебѣ пришелъ. Видно ужь другаго средствія не придумалъ.

Онисимъ помолчалъ немного.

— Ну, пойдемъ, Василиса, пожалуйста, пойдемъ.

— Да, Онисимъ Сергѣичъ, я не желаю съ ними опять знаться....

— Да и ненужно — кто тебѣ говоритъ? Такъ, слова два скажи: дескать, что изволите печалиться.... полноте.... Вотъ и все.

— Право, Онисимъ Сергѣичъ....

— Да что жь мнѣ кланяться тебѣ, что ли? Ну, изволь — вотъ тебѣ и поклонъ.... на тебѣ поклонъ.

— Да право же....

— Вѣдь экая! И честь-то её не беретъ....

Василиса наконецъ согласились, накинула платокъ на голову и ушла вмѣстѣ съ Онисимомъ.

— Постой-ка немного здѣсь, въ передней, сказалъ онъ ей, когда они пришли на квартиру Пѣтушкова.—А я пойду, барину доложу....

Онъ вошелъ къ Ивану Аѳанасьичу....

Пѣтушковъ стоялъ посреди комнаты, заложивъ обѣ руки

въ карманы, преувеличенно растопыривъ ноги и слегка покачиваясь взадъ и впередъ. Лицо его пылало, глаза сіяли.

— Здравствуй, Онисимъ, дружелюбно залепеталъ онъ, очень плохо и вяло выговаривая согласныя буквы: — здравствуй, братецъ. А я, братъ, безъ тебя.... хе, хе, хе.... Пѣтушковъ засмѣялся и клюнулъ носомъ впередъ. Вотъ ужь подлинно, хе, хе, хе.... Впрочемъ, прибавилъ онъ, стараясь принять важный видъ: — я ничего. Онъ поднялъ было ногу, но чуть не упалъ и для контенансу проговорилъ басомъ: — Человѣкъ, дай трубку!

Онисимъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего барина, взглянулъ кругомъ.... На окнѣ стояла пустая, темно-зеленая бутылка съ надписью: Ромъ Ямайскій самый лучшій.

— Хватилъ, братъ, да и только, продолжалъ Пѣтушковъ. —Взялъ, да хватилъ. Хватилъ, да и все тутъ. А ты гдѣ былъ? разскажи.... не стыдись... разскажи. Ты хорошо разсказываешь.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, завопилъ Онисимъ.

— Изволь. И это изволь. Милую, милую и прощаю, возразилъ Пѣтушковъ, неопредѣленно помахивая рукой. — Всѣмъ прощаю, и тебѣ прощаю, и Василисѣ прощаю, и всѣмъ, всѣмъ прощаю. А я, братъ, хватилъ.. Хва-атилъ, братъ.... Кто это? внезапно вскрикнулъ онъ, указывая на дверь передней: — кто тамъ?

— Никого тамъ нѣтъ, торопливо отвѣтилъ Онисимъ. — Кому тамъ быть.... куда вы?

— Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ Пѣтушковъ, порываясь изъ рукъ Онисима: — пусти, я видѣлъ, — ты не говори, — я тамъ видѣлъ, пусти.... Василиса! закричалъ онъ вдругъ.

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Ну.... ну что жь ты не входишь? заговорилъ онъ наконецъ.—Войди, Василиса, войди. Я очень тебѣ радъ, Василиса.

Василиса взглянула на Онисима — и вошла въ комнату. Пѣтушковъ приблизился къ ней.... Онъ дышалъ глубоко и рѣдко. Онисимъ наблюдалъ за нимъ. Василиса боязливо косилась на обоихъ.

— Садись, Василиса, заговорилъ опять Иванъ Аѳанасьичъ. — Спасибо тебѣ, что пришла. Извини, что я.... какъ бы это сказать?... этакъ въ неприличномъ видѣ. Я не могъ предви-

дѣть, никакъ не могъ, согласись сама. Ну, садись же, вотъ хоть здѣсь на диванѣ... Такъ, кажется, я выражаюсь?

Василиса сѣла.

— Ну, здравствуй, продолжалъ Пѣтушковъ. — Ну, какъ поживаешь? что̀ дѣлала хорошаго?

— Я слава Богу, Иванъ Аѳанасьичъ. Какъ вы?

— Я! какъ видишь. Убитъ. И кѣмъ убитъ? Тобой убитъ, Василиса. Но я на тебя не сержусь. Только я убитъ. Вотъ спроси хоть у этого. (Онъ указалъ на Онисима). Ты не гляди, что я пьянъ. Я точно пьянъ; только я убитъ. Оттого и пьянъ, что убитъ.

— Помилуй Богъ, Иванъ Аѳанасьичъ!

Убитъ, Василиса, ужь я тебѣ говорю. Ты мнѣ вѣрь. Я тебя никогда не обманывалъ. Ну, что̀, твоя тетка здорова?

— Здорова, Иванъ Аѳанасьичъ. Много благодарны.

Пѣтушковъ начиналъ сильно покачиваться.

— Да вы-то нездоровы сегодня, Иванъ Аѳанасьичъ. Вы бы легли.

— Нѣтъ, я здоровъ, Василиса. Нѣтъ, ты не говори, что я нездоровъ, а ты лучше скажи, что въ развратъ я вдался, нравственность потерялъ. Вотъ это будетъ справедливо. Противъ этого я спорить не буду.

Ивана Аѳанасьича качнуло назадъ. Онисимъ подскочилъ и поддержалъ своего барина.

— А кто виноватъ? Хочешь, я скажу тебѣ, кто виноватъ? Я виноватъ, я первый. Мнѣ бы что̀ слѣдовало сдѣлать? мнѣ бы слѣдовало тебѣ сказать: Василиса, я тебя люблю. Ну, хорошо. Ну, хочешь за меня замужъ? Хочешь? Правда, ты мѣщанка, положимъ; ну да это ничего. Это бываетъ. Вотъ и у меня, тамъ, былъ знакомый: тоже этакъ женился. Чухонку взялъ. Взялъ да и женился. А со мной тебѣ было бы хорошо. Я человѣкъ добрый, ей-Богу. Ты не гляди на то, что я пьянъ, а взгляни лучше на мое сердце. Вотъ спроси хоть у этого.... человѣка. Стало быть виноватъ-то выхожу я. А теперь я, разумѣется, убитъ.

Иванъ Аѳанасьичъ болѣе и болѣе нуждался въ подпорѣ Онисима.

— А все-таки тебѣ грѣхъ, большой грѣхъ. Я тебя любилъ,

я тебя уважалъ, я.... да ужь что̀! Я и теперь готовъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Хочешь? Ты только скажи, а ужь тамъ мы сейчасъ. А только ты меня обидѣла кровно... кровно. Хоть бы сама отказала, а то черезъ тетку, черезъ толстую эту бабищу. Вѣдь только у меня и было радости, что ты. Вѣдь я бездомный человѣкъ, вѣдь я сирота! Кому теперь приласкать меня? кто мнѣ доброе слово молвитъ? Вѣдь я кругомъ сирота. Голъ какъ соколъ. Спроси хоть у эт.... Иванъ Аѳанасьичъ заплакалъ. — Василиса, послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу, продолжалъ онъ: — позволь мнѣ, этакъ, по прежнему ходить къ тебѣ. Не бойся.... я буду, того, смирнехонько. Ты ходи къ кому тамъ знаешь, я—ничего: этакъ, безъ возраженій, знаешь. Ну, соглашаешься? Хочешь, я на колѣнки стану?—(И Иванъ Аѳанасьичъ согнулъ-было колѣни, но Онисимъ подхватилъ его подъ мышки). — Пусти меня! Не твое дѣло. Тутъ идетъ рѣчь о счастьи цѣлой, понимаешь, жизни, а ты мѣшаешь....

Василиса не знала, что̀ сказать....

— Не хочешь.... Ну, какъ хочешь! Богъ съ тобой. Въ такомъ случаѣ прощай! Прощай, Василиса. Желаю тебѣ всякаго счастія и благополучія... а я... а я...

И Пѣтушковъ зарыдалъ въ три ручья. Онисимъ изо всѣхъ силъ поддерживалъ его сзади... сперва перекосилъ лицо, потомъ самъ заплакалъ.... И Василиса тоже заплакала....

X.

Лѣтъ черезъ десять можно было встрѣтить на улицахъ городка О. человѣка худенькаго, съ красненькимъ носикомъ, одѣтаго въ старый зеленый сюртучокъ съ плисовымъ засаленнымъ воротникомъ. Онъ занималъ небольшой чуланчикъ въ извѣстной намъ булочной. Прасковьи Ивановны уже не было на свѣтѣ. Хозяйствомъ завѣдывала ея племянница Василиса, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, рыжеватымъ и подслѣповатымъ мѣщаниномъ Демофонтомъ. За человѣкомъ въ зеленомъ сюртучкѣ водилась одна слабость: любилъ выпить, впрочемъ велъ себя смирно. Читатели вѣроятно узнали въ немъ Ивана Аѳанасьича. Что̀ сдѣлалось съ Онисимомъ, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

—

Passa que' colli e vieni allegramente
Non ti curar di tanta compania —
Vieni, pensando a me segretamente —
Ch'io t'accompagna per tutta la via (*).

I.

Никуда я бывало не ѣздилъ такъ часто на охоту, въ теченіе лѣта, какъ въ село Глинное, лежащее въ двадцати верстахъ отъ моей деревни. Около этого села находятся, можетъ быть, самыя лучшія мѣста для дичи въ цѣломъ нашемъ уѣздѣ. Выходивъ всѣ окрестные кусты и поля, я непремѣнно къ концу дня заворачивалъ въ сосѣднее, почти единственное въ околоткѣ болото и уже оттуда возвращался къ радушному моему хозяину, глинскому старостѣ, у котораго я постоянно останавливался. Отъ болота до Глиннаго не болѣе двухъ верстъ; дорога идетъ все лощиной, и только на половинѣ пути приходится перебраться черезъ небольшой холмъ. На вершинѣ этого холма лежитъ усадьба, состоящая изъ одного необитае-

(*) Перейди черезъ эти холмы и прійди весело ко мнѣ; не заботься о слишкомъ большомъ обществѣ. Прійди одинъ и во все время дороги думай обо мнѣ, такъ чтобъ я была твоимъ товарищемъ на всемъ пути.

маго господскаго домика и сада. Мнѣ почти всегда случалось проходить мимо нея въ самый разгаръ вечерней зари и, помнится, всякій разъ этотъ домъ со своими наглухо заколоченными окнами представлялся мнѣ слѣпымъ старикомъ, вышедшимъ погрѣться на солнцѣ. Сидитъ онъ, сердечный, близь дороги; солнечный блескъ давно смѣнился для него вѣчной мглою; но онъ чувствуетъ его по крайней мѣрѣ на приподнятомъ и вытянутомъ лицѣ, на согрѣтыхъ щекахъ. Казалось, давно никто не жилъ въ самомъ домѣ; но въ крошечномъ флигелькѣ, на дворѣ, помѣщался дряхлый вольноотпущенный человѣкъ, высокій, сутуловатый и сѣдой, съ выразительными и неподвижными чертами лица. Онъ бывало все посиживалъ на лавочкѣ предъ единственнымъ окошкомъ флигеля, съ горестной задумчивостью поглядывая вдаль, а увидавъ меня, приподнимался немного и кланялся съ той медлительной важностью, которой отличаются старые дворовые, принадлежащіе къ поколѣнію не отцевъ нашихъ, а дѣдовъ. Я заговаривалъ съ нимъ, но онъ не былъ словоохотливъ: я только узналъ отъ него, что усадьба, въ которой онъ жилъ, принадлежала внучкѣ его стараго барина, вдовѣ, у которой была младшая сестра; что обѣ онѣ живутъ въ городахъ да заморемъ, а домой и не показываются; что ему самому поскорѣй хочется дожить свой вѣкъ, потому что «жуешь, жуешь хлѣбъ, инда и тоска возьметъ: такъ давно жуешь.» Старика этого звали Лукьянычемъ.

Однажды я какъ-то долго замѣшкался въ полѣ; дичи попалось порядочно, да и день вышелъ такой для охоты хорошій— съ самаго утра тихій, сѣрый, словно весь проникнутый вечеромъ. Я забрелъ далеко, и уже не только совершенно стемнѣло, но луна взошла, а ночь, какъ говорится, давно *стала* на небѣ, когда я достигъ знакомой усадьбы. Мнѣ пришлось идти вдоль сада.... Кругомъ была такая тишина....

Я перешелъ черезъ широкую дорогу, осторожно пробрался сквозь запыленную крапиву и прислонился къ низкому плетню. Неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебряными лучами луны, — весь благовонный и влажный; разбитый по старинному, онъ состоялъ изъ одной продолговатой поляны. Прямыя дорожки сходились на самой ея серединѣ въ круглую клумбу,

густо заросшую астрами; высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ одномъ только мѣстѣ прерывалась эта кайма сажени на двѣ, и сквозь отверстіе виднѣлась часть низенькаго дома съ двумя, къ удивленію моему, освѣщенными окнами. Молодыя яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣтви кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая, пестрая тѣнь. Съ одной стороны сада липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдноярким свѣтомъ; съ другой онѣ стояли всѣ черныя и непрозрачныя; странный, сдержанный шорохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной листвѣ; онѣ какъ будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою глухую сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами; таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманьемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновеніе ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ.... Все дремало. Воздухъ весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался; онъ только изрѣдка дрожалъ, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая-то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе.... Я нагнулся черезъ плетень: передо мной красный полевой макъ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая, круглая капля ночной росы блестѣла темнымъ блескомъ на днѣ раскрытаго цвѣтка. Все дремало, все нѣжилось вокругъ; все какъ будто глядѣло вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая.... Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь?

Звука ждала она; живаго голоса ждала эта чуткая тишина— но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть.... а внезапное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье мелкой рыбы въ сажалкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся птички, далекій крикъ въ полѣ, до того далекій, что ухо не могло различить, человѣкъ ли то прокричалъ, или звѣрь, или птица, короткій, быстрый топотъ по дорогѣ: всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину.... Сердце во мнѣ томилось неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданье, не то на воспоминаніе счастія, я не смѣлъ

шевельнуться, я стоялъ неподвижно передъ этимъ неподвижнымъ садомъ, облитымъ и луннымъ свѣтомъ и росой, и, не знаю самъ почему, неотступно глядѣлъ на тѣ два окна, тускло краснѣвшія въ мягкой полутѣни, какъ вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, — раздался и прокатился волною.... Раздражительно-звонкій воздухъ отгрянулъ эхомъ.... я невольно вздрогнулъ.

Вслѣдъ за аккордомъ раздался женскій голосъ.... Я жадно сталъ вслушиваться—и.... могу ли выразить мое изумленіе?.... два года тому назадъ въ Италіи, въ Сорренто, слышалъ я ту же самую пѣсню, тотъ же самый голосъ.... Да, да....

Vieni pensando a me segretamente....

Это они, я узналъ ихъ, это тѣ звуки.... Вотъ какъ это было. Я возвращался домой, послѣ долгой прогулки на берегу моря. Я быстро шелъ по улицѣ; уже давно настала ночь, — великолѣпная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, какъ у насъ, нѣтъ! вся свѣтлая, роскошная и прекрасная, какъ счастливая женщина въ цвѣтѣ лѣтъ: луна свѣтила невѣроятно ярко; большія, лучистыя звѣзды такъ и шевелились на темно-синемъ небѣ; рѣзко отдѣлялись черныя тѣни отъ освѣщенной до желтизны земли. Съ обѣихъ сторонъ улицы тянулись каменныя ограды садовъ; апельсинныя деревья поднимали надъ ними свои кривыя вѣтки; золотые шары тяжелыхъ плодовъ то чуть виднѣлись, спрятанные между перепутанными листьями, то ярко рдѣли, пышно выставившись на луну. На многихъ деревьяхъ нѣжно бѣлѣли цвѣты; воздухъ весь былъ напоенъ благовоніемъ, томительно-сильнымъ, острымъ и почти тяжолымъ, хотя невыразимо сладкимъ. Я шелъ и, признаться, успѣвъ уже привыкнуть ко всѣмъ этимъ чудесамъ, думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣй добраться до моей гостинницы, какъ вдругъ изъ одного небольшаго павильона, надстроеннаго надъ самой стѣной ограды, вдоль которой я спѣшилъ, раздался женскій голосъ. Онъ пѣлъ какую-то пѣсню, мнѣ не знакомую, и въ звукахъ его было что-то до того призывное, онъ до того казался самъ проникнуть страстнымъ и радостнымъ ожиданьемъ, выраженнымъ словами пѣсни, что я тотчасъ невольно остановился и поднялъ голову. Въ павильонѣ было два окна; но въ обоихъ жалузи были спу-

щены, и сквозь узкія ихъ трещинки едва струился матовый свѣтъ. Повторивъ два раза — vieni, vieni, голосъ замеръ, послышался легкій звонъ струнъ, какъ бы отъ гитары, упавшей на коверъ, платье зашелестѣло, полъ слегка скрипнулъ. Полоски свѣта въ одномъ окнѣ исчезли.... кто-то изнутри подошелъ и прислонился къ нему. Я сдѣлалъ два шага назадъ. Вдругъ жалузи стукнуло и распахнулось; стройная женщина, вся въ бѣломъ, быстро выставила изъ окна свою прелестную голову и, протянувъ ко мнѣ руки, проговорила: «Sei tu?» Я потерялся, не зналъ что̀ сказать, но въ то же мгновеніе незнакомка съ легкимъ крикомъ откинулась назадъ, жалузи захлопнулось, и огонь въ павильонѣ еще болѣе померкъ, какъ будто вынесенный въ другую комнату. Я остался неподвиженъ и долго не могъ опомниться. Лицо женщины, такъ внезапно появившейся передо мною, было поразительно прекрасно. Оно слишкомъ быстро мелькнуло передъ моими глазами для того, чтобы я могъ тотчасъ же запомнить каждую отдѣльную черту; но общее впечатлѣніе было несказанно сильно и глубоко.... Я тогда же почувствовалъ, что этого лица я ввѣкъ не забуду. Мѣсяцъ ударялъ прямо въ стѣну павильона, въ то окно, откуда она мнѣ показалась, и, Боже мой! какъ великолѣпно блеснули въ его сіяніи ея большіе темные глаза! какой тяжолой волной упали ея полу-распущенные черные волосы на приподнятое круглое плечо! Сколько было стыдливой нѣги въ мягкомъ склоненіи ея стана, сколько ласки въ ея голосѣ, когда она окликнула меня — въ этомъ торопливомъ, но все еще звонкомъ шопотѣ! Простоявъ довольно долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, я, наконецъ, отошелъ немного въ сторону, въ тѣнь противоположной ограды, и сталъ оттуда съ какимъ-то глупымъ недоумѣніемъ и ожиданіемъ поглядывать на павильонъ. Я слушалъ... слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ... Мнѣ то будто чудилось чье-то тихое дыханіе за потемнѣвшимъ окномъ, то слышался какой-то шорохъ и тихій смѣхъ. Наконецъ раздались въ отдаленіи шаги... они приблизились; мужчина такого же почти роста, какъ я, показался на концѣ улицы, быстро подошелъ къ калиткѣ подлѣ самого павильона, которой я прежде не замѣтилъ, стукнулъ, не оглядываясь, два раза желѣзнымъ ея кольцемъ, подождалъ, стукнулъ опять

и запѣлъ вполголоса «Ecco ridente».... калитка отворилась... онъ безъ шуму скользнулъ въ нее. Я встрепенулся, покачалъ головой, разставилъ руки и, сурово надвинувъ шляпу на брови, съ неудовольствіемъ отправился домой. На другой день я совершенно напрасно и въ самый жаръ проходилъ часа два по улицѣ мимо павильона и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Сорренто, не посѣтивъ даже тассова дома.

Пусть же теперь вообразятъ читатели то изумленіе, которое внезапно овладѣло мной, когда я въ степи, въ одной изъ самыхъ глухихъ сторонъ Россіи, услыхалъ тотъ же самый голосъ, ту же пѣсню.... Какъ и тогда, теперь была ночь, какъ и тогда, голосъ раздался вдругъ изъ освѣщенной незнакомой комнатки; какъ и тогда, я былъ одинъ. Сердце во мнѣ сильно билось. «Не сонъ ли это?» думалъ я. И вотъ раздалось снова послѣднее — Vieni.... Неужели растворится окно? неужели въ немъ покажется женщина? Окно растворилось. Въ окнѣ показалась женщина. Я ее тотчасъ узналъ, хотя между нами было шаговъ пятьдесятъ разстоянія, хотя легкое облачко заволакивало луну. Это была она, моя соррентская незнакомка. Но она не протянула впередъ по прежнему свои обнаженныя руки: она тихо ихъ скрестила и, опершись ими на окно, стала молча и неподвижно глядѣть куда-то въ садъ. Да, это была она, это были ея незабвенныя черты, ея глаза, которымъ я не видалъ подобныхъ. Широкое бѣлое платье облекало и теперь ея члены. Она казалась нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ Сорренто. Все въ ней дышало увѣренностью и отдыхомъ любви, торжествомъ красоты, успокоенной счастіемъ. Она долго не шевелилась, потомъ оглянулась назадъ въ комнату и, внезапно выпрямившись, три раза громкимъ и звенящимъ голосомъ воскликнула: «Addio!» Далеко, далеко разнеслись прекрасные звуки, и долго дрожали они, слабѣя и замирая надъ липами сада, и въ полѣ за мною, и повсюду. Все вокругъ меня на нѣсколько мгновеній наполнилось голосомъ этой женщины, все звенѣло ей въ отвѣтъ, — звенѣло ею. Она закрыла окно, и черезъ нѣсколько мгновеній огонь погасъ въ домѣ.

Какъ только я пришелъ въ себя — а это, признаюсь, случилось нескоро — я тотчасъ отправился вдоль сада къ усадьбѣ, подошелъ къ запертымъ воротамъ и посмотрѣлъ черезъ за-

боръ. На дворѣ не замѣчалось ничего необыкновеннаго; въ одномъ углу подъ навѣсомъ стояла коляска. Передняя ея половина, вся забрызганная сухой грязью, рѣзко бѣлѣла при лунѣ. Ставни въ домѣ были закрыты по прежнему. Я забылъ сказать, что я передъ тѣмъ днемъ около недѣли не заѣзжалъ въ Глинное. Болѣе получаса расхаживалъ я въ недоумѣніи передъ заборомъ, такъ что обратилъ на себя, наконецъ, вниманіе старой дворовой собаки, которая, однако, не стала на меня лаять, а только необыкновенно иронически посмотрѣла на меня изъ подворотни своими прищуренными и подслѣповатыми глазками. Я понялъ ея намекъ и удалился. Но не успѣлъ я отойти полверсты, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ.... черезъ нѣсколько мгновеній всадникъ, на вороной лошади, крупной рысью промчался мимо и, быстро повернувшись ко мнѣ лицомъ, при чемъ я только могъ замѣтить орлиный носъ и прекрасные усы подъ надвинутой фуражкой, съѣхалъ съ дороги направо и тотчасъ же исчезъ за лѣсомъ. «Такъ вотъ онъ» — подумалъ я, и сердце во мнѣ какъ-то странно шевельнулось. Мнѣ показалось, что я узналъ его: его фигура дѣйствительно напоминало фигуру мужчины, вошедшаго при мнѣ въ калитку сада въ Сорренто. Черезъ полчаса я уже былъ въ Глинномъ у моего хозяина, разбудилъ его и тотчасъ же началъ его распрашивать о томъ, кто такой пріѣхалъ въ сосѣднюю усадьбу. Онъ мнѣ съ усиліемъ отвѣчалъ, что пріѣхали помѣщицы.

— Да какія помѣщицы? возразилъ я съ нетерпѣніемъ.
— Извѣстно какія — барыни, отвѣчалъ онъ очень вяло.
— Да какія барыни?
— Извѣстно какія бываютъ барыни.
— Русскія?
— А то какія же? извѣстно, русскія.
— Не иностранки?
— Ась?
— Давно ли онѣ пріѣхали?
— А извѣстно, недавно.
— Да надолго ли онѣ пріѣхали?
— А это неизвѣстно.
— Богаты онѣ?

— А это намъ неизвѣстно. Можетъ и богаты.

— Съ ними никакого барина не пріѣзжало?

— Барина?

— Да, барина.

Староста вздохнулъ.

— О, охъ Господи! проговорилъ онъ, зѣвая. — Н... нѣтъ, барина.... нѣтъ.... барина, кажись нѣтъ. Неизвѣстно! прибавилъ онъ вдругъ.

— А какіе тутъ еще сосѣди живутъ!

— Какіе, извѣстно какіе — всякіе,

— Всякіе! А какъ ихъ зовутъ?

— Кого, помѣщицъ-то? аль сосѣдей?

— Помѣщицъ.

Староста опять вздохнулъ.

— Какъ ихъ зовутъ? пробормоталъ онъ. — А Богъ ихъ знаетъ, какъ ихъ зовутъ! Старшую-то, кажись, Анной Ѳедоровной, а другую-то.... Нѣтъ, ту не знаю какъ зовутъ.

— Ну, фамилья ихъ какая, по крайней мѣрѣ?

— Фамилья?

— Да, фамилья, прозвище.

— Прозвище.... Да. А ей Богу же не знаю.

— Онѣ молодыя?

— Ну, нѣтъ. Этого нѣтъ.

— А какъ?

— Да младшей-то лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ.

— Ты все врешь.

Староста помолчалъ.

— Что жь — вамъ лучше знать. А намъ неизвѣстно.

— Ну, зарядилъ одно слово! вскрикнулъ я съ досадой.

Зная по опыту, что изъ русскаго человѣка, когда онъ примется отвѣчать такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности извлечь что-нибудь толковое (притомъ же мой хозяинъ только что было завалился спать и передъ каждымъ отвѣтомъ слегка покачивался впередъ, съ младенческимъ изумленіемъ расширяя глаза и съ трудомъ расклеивая губы, смазанныя медомъ перваго сладкаго сна), — я махнулъ рукой и, отказавшись отъ ужина, пошелъ въ сарай.

Я долго не могъ заснуть. «Кто она такая? — безпрестанно

спрашивалъ я самого себя. — Русская? Если русская, отчего она говоритъ поитальянски?... Староста толкуетъ, что она не молодая.... Да онъ вретъ... И кто этотъ счастливецъ ... Рѣшительно ничего понять нельзя.... Но какое странное приключеніе! Возможно ли эдакъ два раза сряду... Однако, я узнаю непремѣнно, кто она и зачѣмъ сюда пріѣхала...» Волнуемый такими безпорядочными, отрывчатыми мыслями, я заснулъ поздно и видѣлъ странные сны.... То мнѣ казалось, что я брожу гдѣ-то въ пустынѣ, въ самый жаръ полудня — и вдругъ, я вижу, передо мной по раскаленному желтому песку бѣжитъ большое пятно тѣни.... я поднимаю голову — она, моя красавица, мчится по воздуху, вся бѣлая, съ длинными бѣлыми крыльями, и манитъ меня къ себѣ. Я бросаюсь вслѣдъ за нею: но она плыветъ легко и быстро, а я не могу подняться отъ земли и напрасно простираю жадныя руки... «Addio! — говоритъ она мнѣ, улетая. — Зачѣмъ нѣтъ у тебя крыльевъ.... Addio!» И вотъ со всѣхъ сторонъ раздается Addio: каждая песчинка кричитъ и пищитъ мнѣ: Addio.... нестерпимой, острой трелью звенитъ это i... я отмахиваюсь отъ него, какъ отъ комара, — я ищу ее глазами... а ужь она стала облачкомъ и тихо поднимается къ солнцу; солнце дрожитъ, колышется, смѣется, простираетъ къ ней навстрѣчу золотыя длинныя нити, и вотъ ужь опутали ее эти нити и таетъ она въ нихъ, а я кричу во все горло, какъ изступленный: «это не солнце, это не солнце, это итальянскій паукъ! кто ему далъ паспортъ въ Россію? я его выведу на свѣжую воду: я видѣлъ, какъ онъ крадетъ апельсины въ чужихъ садахъ....» То мнѣ чудилось, что я иду по узкой, горной тропинкѣ.... Я спѣшу: мнѣ надо дойти поскорѣй куда-то, меня ждетъ какое-то неслыханное счастье; вдругъ громадная скала воздвигается передо мною. Я ищу прохода: иду направо, иду налѣво — нѣтъ прохода! И вотъ за скалою внезапно раздается голосъ: Passa, passa quei colli.... Онъ зоветъ меня, этотъ голосъ, онъ повторяетъ свой грустный призывъ. Я мечусь въ тоскѣ, ищу хотя малѣйшей разсѣлины... увы! отвѣсная стѣна, гранитъ повсюду.... Passa quei colli, жалобно повторяетъ голосъ. Сердце во мнѣ ноетъ, я бросаюсь грудью на гладкій камень, я въ изступленіи царапаю его ногтями... Темный проходъ открывается вдругъ передо мною.... Замирая отъ радости, ус-

тремляюсь я впередъ.... «Шалишь! — кричитъ мнѣ кто-то — не пройдешь....» Я гляжу: Лукьянычъ стоитъ передо мною и грозитъ и машетъ руками.... Я торопливо роюсь въ карманахъ: хочу подкупить его; но въ карманахъ ничего нѣтъ.... Лукьянычъ — говорю я ему — Лукьянычъ, пропусти меня, я тебя послѣ награжу. — «Вы ошибаетесь, сеньоръ — отвѣчаетъ мнѣ Лукьянычъ, и лицо его принимаетъ странное выраженіе — я не дворовый человѣкъ: узнайте во мнѣ Донъ Кихота Ламанчскаго, извѣстнаго странствующаго рыцаря; цѣлую жизнь отыскивалъ я свою Дульцинею — и не могъ найти ее, и не потерплю, чтобы вы нашли свою.» Passa quei colli.... раздается опять почти рыдающій голосъ. — Посторонитесь, сеньоръ! —восклицаю я съ яростью и готовъ уже ринуться.... но длинное копье рыцаря поражаетъ меня въ самое сердце.... я падаю замертво, я лежу на спинѣ.... я не могу пошевелиться.... и вотъ вижу — она входитъ съ лампадой въ рукѣ, красиво подымаетъ ее выше головы, озирается во мракѣ и, осторожно подкравшись, наклоняется надо мною.... «Такъ вотъ онъ, этотъ шутъ! — говоритъ она, съ презрительнымъ смѣхомъ. — Это онъ-то хотѣлъ узнать, кто я», и жгучее масло ея лампады капаетъ мнѣ прямо на раненое сердце.... Психея! восклицаю я съ усиліемъ и просыпаюсь....

Всю ночь я спалъ плохо и до свѣта былъ уже на ногахъ. Наскоро одѣвшись и вооружившись, отправился я прямо къ усадьбѣ. Нетерпѣніе мое было такъ велико, что заря только что разгаралась, когда я подошелъ къ знакомымъ воротамъ. Кругомъ пѣли жаворонки, галки покрикивали въ березахъ; но въ домѣ все еще спало утреннимъ, мертвеннымъ сномъ. Собака даже храпѣла за заборомъ. Съ тоской ожиданья: раздраженнаго почти до злобы, похаживалъ я по росистой травѣ и безпрестанно поглядывалъ на низенькій и неказистый домикъ, заключавшій въ стѣнахъ своихъ то загадочное существо.... Вдругъ калитка слабо визгнула, отворилась и появился на порогѣ Лукьянычъ, въ какомъ-то полосатомъ казакинѣ. Его взъерошенное, вытянутое лицо показалось мнѣ еще угрюмѣе, чѣмъ когда-либо. Не безъ изумленья посмотрѣвъ на меня, онъ уже было хотѣлъ опять затворить калитку....

— Любезный, любезный! воскликнулъ я торопливо.

— Что вамъ надо, въ такую раннюю пору? возразилъ онъ медленно и глухо.

— Скажи пожалуйста, къ вамъ, говорятъ, ваша барыня пріѣхала?

Лукьянычъ помолчалъ.

— Пріѣхала.

— Одна?

— Съ сестрой.

— Не было у нихъ вчера гостей?

— Не было.

И онъ потянулъ къ себѣ калитку.

— Постой, постой, любезный.... Сдѣлай одолженіе....

Лукьянычъ кашлянулъ и поёжился отъ холода.

— Да что вамъ такое надо.

— Скажи пожалуйста, сколько твоей барынѣ лѣтъ?

Лукьянычъ подозрительно взглянулъ на меня.

— Сколько барынѣ лѣтъ? Не знаю. Лѣтъ за сорокъ будетъ.

— За сорокъ! А сестрѣ ея сколько будетъ?

— А той подъ сорокъ.

— Неужто! И хороша она собой?

— Кто, сестра-то?

— Да, сестра.

Лукьянычъ усмѣхнулся.

— Не знаю, какъ кому покажется. По моему, нехороша.

— А что?

— Такъ, неказиста больно. Мозглявата маленько.

— Вотъ какъ! И кромѣ ихъ никто къ вамъ не пріѣхалъ?

— Никто. Кому пріѣзжать!

— Да это быть не можетъ!... Я....

— Э, баринъ! съ вами знать всего не переговоришь, возразилъ старикъ съ досадой.—Вишь холодъ какой. Прощенья просимъ.

— Постой, постой.... вотъ тебѣ.... И я протянулъ ему на передъ приготовленный четвертакъ, но рука моя толкнулась въ быстро захлопнутую калитку. Серебряная монета упала на землю, прокатилась и легла у моихъ ногъ.

«А, старый плутъ — подумалъ я — Донъ Кихотъ Ламанчскій! тебѣ видно приказали молчать.... Да погоди, меня ты не проведешь....»

И я далъ себѣ слово, во что бы то ни было, добиться толку. Около получаса ходилъ я взадъ и впередъ, не зная, на что рѣшиться. Наконецъ, я положилъ сперва разъузнать въ деревнѣ, кто именно пріѣхалъ въ усадьбу и чья она, потомъ опять-таки вернуться и, какъ говорится не отстать, пока не разъяснится дѣло. — Выйдетъ же незнакомка изъ дома, увижу же я ее наконецъ днемъ, вблизи, какъ живую женщину, не какъ видѣнье. До деревни было съ версту, и я тотчасъ отправился туда, легко и бодро выступая: странная отвага кипѣла и разыгрывалась въ крови моей; крѣпительная свѣжесть утра раздражала меня послѣ безпокойной ночи. — Въ деревнѣ я отъ двухъ отправлявшихся на работу мужиковъ узналъ все, что могъ только узнать отъ нихъ; а именно: я узналъ, что ту усадьбу вмѣстѣ съ деревней, въ которую я зашелъ, звали Михайловскимъ, что она принадлежала вдовѣ майоршѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Шлыковой, что у ней была сестра, незамужняя дѣвица Палагея Ѳедоровна Бадаева, что обѣ онѣ въ лѣтахъ, богаты, дома почти не живутъ, все въ разъѣздахъ, никого при себѣ кромѣ двухъ дворовыхъ дѣвушекъ и повара не держатъ, что Анна Ѳедоровна на дняхъ вернулась изъ Москвы съ одной только своей сестрой.... Это послѣднее обстоятельство меня сильно смутило: нельзя жь было предполагать, что и мужику приказано было молчать о моей незнакомкѣ. Допустить же, что Анна Ѳедоровна Шлыкова, вдова сорока-пяти лѣтъ, и та молодая, прелестная женщина, видѣнная мною вчера, одно и тоже лицо, — было совершенно невозможно. Палагея Ѳедоровна, по описаніямъ, также не отличалась красотою, да и сверхъ того при одной мысли, что женщину, видѣнную мною въ Сорренто, могли звать Палагеей да еще Бадаевой, я пожималъ плечами и злобно смѣялся. И однакожь, я ее видѣлъ вчера, въ этомъ домѣ... видѣлъ, своими глазами видѣлъ, думалъ я. Раздосадованный, взбѣшенный, но еще болѣе непреклонный въ своемъ намѣреніи, я было хотѣлъ тотчасъ же вернуться къ усадьбѣ.... но взглянулъ на часы: еще шести часовъ не было Я рѣшился подождать. Въ усадьбѣ, вѣроятно, всѣ еще спали.... а съ теперешнихъ поръ бродить около дома значило бы только напрасно возбуждать подозрѣніе; притомъ передо мной разстилались кусты, за ними видѣлся осиновый лѣсъ...

Я долженъ отдать себѣ ту справедливость, что, не смотря на волновавшія меня мысли, благородная страсть къ охотѣ не совсѣмъ еще замолкла во мнѣ: «авось—подумалъ я —наткнусь на выводокъ, — время и пройдетъ.» Я вошелъ въ кусты. Но, правду сказать, ходилъ я весьма небрежно и уже вовсе несообразно съ правилами искусства: не слѣдилъ постоянно глазами за собакой, не фыркалъ надъ густымъ кустомъ, въ надеждѣ, что оттуда съ громомъ и трескомъ вылетитъ краснобровый чернышъ, и безпрестанно взглядывалъ на часы, что̀ уже совсѣмъ никуда не годится. Вотъ наконецъ наступилъ девятый часъ. «Пора!» воскликнулъ я вслухъ и уже повернулъ было назадъ къ усадьбѣ, какъ вдругъ огромный чернышъ дѣйствительно затрепыхался изъ густой травы, въ двухъ шагахъ отъ меня; я выстрѣлилъ по великолѣпной птицѣ, ранилъ ее въ подкрылокъ; она чуть не свалилась, но справилась, потянула, дробя крыльями и ныряя, къ лѣсу, попыталась было подняться выше первыхъ осинокъ опушки, но ослабѣла и кубаремъ покатилась въ чащу. Бросить такую добычу было бы совершенно непростительно; я проворно пустился вслѣдъ за нею, вошелъ въ лѣсъ, сдѣлалъ знакъ Діанкѣ и черезъ нѣсколько мгновеній услышалъ безсильное клохтанье и хлопанье: то бился несчастный чернышъ подъ лапами чуткой собаки. Я поднялъ его, положилъ въ ягташъ, оглянулся—и, какъ пригвожденный, остался на мѣстѣ....

Лѣсъ, въ который я взошелъ, былъ очень частъ и глухъ, такъ что я съ трудомъ добрался до мѣста, гдѣ упала птица; но въ недальнемъ разстояніи отъ меня извивалась тележная дорога, и по этой дорогѣ ѣхали верхомъ, шагомъ и рядомъ, моя красавица и тотъ мужчина, который обогналъ меня наканунѣ; я его узналъ по усамъ. Они ѣхали тихо, молча, держа другъ друга за руку; ихъ лошади чуть выступали, лѣниво покачиваясь съ боку на бокъ и красиво вытянувъ длинныя шеи. Опомнившись отъ перваго испуга... именно, испуга: другаго названія я не могу дать чувству, внезапно меня охватившему.... я такъ и впился въ нее глазами. Какъ она была хороша! какъ очаровательно несся мнѣ на встрѣчу, среди изумрудной зелени, ея стройный образъ! Мягкія тѣни, нѣжные отблески тихо скользили по ней — по ея длинному, сѣрому платью, по тонкой, слегка

наклоненной шеѣ, по блѣдно-розовому лицу, по лоснистымъ чернымъ волосамъ, пышно выбѣгавшимъ изъ-подъ низенькой шляпы. Но какъ передать то выраженіе полнаго, страстнаго, до безмолвія страстнаго блаженства, которымъ дышали ея черты! Голова ея какъ будто склонилась подъ его бременемъ; золотыя, влажныя искорки просвѣчивались въ ея темныхъ глазахъ, до половины закрытыхъ рѣсницами; они никуда не глядѣли, эти счастливые глаза, и тонкія брови опустились надъ ними. Неопредѣленная, младенческая улыбка, — улыбка глубокой радости блуждала на ея губахъ; казалось, избытокъ счастья утомлялъ и какъ бы надломлялъ ее слегка, вотъ какъ распустившійся цвѣтокъ иногда надламываетъ свой стебель; обѣ руки ея безсильно лежали: одна — въ рукѣ ѣхавшаго съ ней мужчины, другая — на холкѣ лошади. Я успѣлъ разсмотрѣть ее но и его тоже.... Это былъ красивый, статный мужчина, съ нерусскимъ лицомъ. Онъ глядѣлъ на нее смѣло и весело и, сколько я могъ замѣтить, не безъ тайной гордости любовался ею. Онъ любовался ею, злодѣй, и былъ очень собой доволенъ и недовольно тронутъ, недовольно умиленъ, именно умиленъ.... Да и въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ заслуживаетъ такую преданность, какая сама прекрасная душа достойна доставить другой душѣ такое счастье... Признаться сказать, завидовалъ я ему!... Между тѣмъ оба они поровнялись со мною.... собака моя вдругъ выскочила на дорогу и залаяла.... Незнакомка вздрогнула, быстро оглянулась и, увидавъ меня, сильно ударила хлыстомъ по шеѣ лошади. Лошадь фыркнула, взвилась на дыбы, вынесла разомъ впередъ обѣ ноги и помчалась галопомъ.... Мужчина тотчасъ же пришпорилъ своего воронаго коня, и когда я черезъ нѣсколько мгновеній вышелъ по дорогѣ на опушку, они уже оба скакали въ золотистой дали, черезъ поле, красиво и мѣрно колыхаясь на сѣдлахъ.... и скакали не въ направленіи усадьбы....

Я глядѣлъ.... Они скоро исчезли за холмомъ, въ послѣдній разъ ярко озарившись солнцемъ на темной чертѣ небосклона. Я постоялъ, постоялъ, тихими шагами вернулся въ лѣсъ и сѣлъ закрывъ глаза рукою, на дорожкѣ. — Я замѣтилъ, что при встрѣчѣ съ незнакомыми стоитъ только закрыть глаза — и черты ихъ тотчасъ же возникнутъ передъ вами; всякій мо-

жетъ повѣрить справедливость моего замѣчанія на улицѣ. Чѣмъ знакомѣе лица, тѣмъ труднѣе являются они, тѣмъ неяснѣе ихъ впечатлѣніе; ихъ помнишь, а не видишь.... а своего собственнаго лица никакъ и не представишь.... Малѣйшая отдѣльная черта извѣстна, а цѣлаго образа не составляется. Итакъ, я сѣлъ, закрылъ глаза — и тотчасъ увидалъ и незнакомку, и ея товарища, и лошадей ихъ, и все.... особенно рѣзко и отчетливо стояло передо мною улыбающееся лицо мужчины. Я сталъ вглядываться въ него.... оно смѣшалось и растаяло въ какой-то багровой мглѣ, а вслѣдъ за нимъ и ея образъ тоже понесся прочь и утонулъ и уже болѣе не хотѣлъ возвратиться. — Я приподнялся. «Ну, что жь! — подумалъ я — по крайней мѣрѣ я ихъ видѣлъ, ясно видѣлъ обоихъ.... Остается узнать ихъ имена.» Стараться узнать ихъ имена! Какое неумѣстное, мелкое любопытство! Но, клянусь, не любопытство во мнѣ разгоралось: мнѣ, право, просто казалось невозможнымъ не добиться наконецъ, кто жь они по крайней мѣрѣ такіе, послѣ того, какъ случай такъ странно и такъ упорно сводилъ меня съ ними. Впрочемъ, нетерпѣливаго, прежняго недоумѣнія во мнѣ уже не было: оно смѣнилось какимъ-то смутнымъ, печальнымъ чувствомъ, котораго я немного стыдился.... Я завидовалъ....

Я не спѣшилъ назадъ къ усадьбѣ. Мнѣ, признаться, становилось совѣстно допытываться чужой тайны. Притомъ появленье любящей четы днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, хотя все-таки неожиданное и, повторяю, странное — не то чтобы успокоило, а какъ-то расхолодило меня. Я уже не находилъ во всемъ этомъ происшествіи ничего сверхъестественнаго, чудеснаго.... ничего похожаго на несбыточный сонъ....

Я началъ опять охотиться, съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде; но все-таки настоящихъ восторговъ не было. Выводокъ мнѣ попался и задержалъ меня часа полтора... Молодые тетеревята долго не откликивались на мой свистъ,—вѣроятно, оттого, что я свистѣлъ не довольно «объективно». — Солнце взошло уже очень высоко (часы показывали двѣнадцать), когда я направилъ шаги свои къ усадьбѣ. Я шелъ не торопясь. Вотъ глянулъ наконецъ съ холма низенькій домикъ... сердце во мнѣ опять задрожало. Я приблизился.... и не безъ тайнаго удовольствія увидѣлъ Лукьяныча. Онъ попрежнему неподвижно сидѣлъ

на лавочкѣ передъ флигелемъ. Ворота были заперты.... и ставни тоже.

— Здравствуй, дядя! крикнулъ я еще издали. — Аль погреться вышелъ?

Лукьянычъ повернулъ ко мнѣ свое худое лицо и молча приподнялъ фуражку.

Я подошелъ къ нему.

— Здравствуй, дядя, здравствуй повторилъ я, желая его задобрить. — Что жь ты, прибавилъ я, нечаянно увидѣвъ на землѣ мой новенькій четвертакъ: — не видалъ что ли его?

И я указалъ ему на серебряный кружокъ, до половины высунувшійся изъ-подъ короткой травки.

— Нѣтъ, видѣлъ.

— Такъ что жь ты его не поднялъ?

— Да такъ: не мои деньги, такъ и не поднялъ.

— Экой ты братецъ! возразилъ я не безъ замѣшательства, и, поднявъ четвертакъ, протянулъ ему его опять: — возьми, возьми на чай.

— Много благодарны, отвѣчалъ мнѣ Лукьянычъ, спокойно улыбнувшись. — Ненужно; поживемъ и такъ. — Много благодарны.

— Да я тебѣ готовъ съ удовольствіемъ дать еще больше! возразилъ я съ смущеніемъ.

— За что же? Не извольте безпокоиться — много благодарны за расположенье, а хлѣба съ насъ и въ краюхѣ будетъ. И той, пожалуй, не доѣшь — какой часъ выдетъ.

И онъ всталъ и протянулъ руку къ калиткѣ.

— Постой, постой, старикъ! заговорилъ я почти съ отчаяніемъ: — какой ты, право, сегодня, неразговорчивый.... Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, твоя барыня — встала она, что ли?

— Онѣ встали.

— И.... дома она?

— Нѣтъ, ихъ дома нѣтъ-съ.

— Въ гости выѣхала, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ: въ Москву уѣхала.

— Какъ въ Москву! Да она сегодня поутру здѣсь была?

— Здѣсь.

— И ночевала здѣсь?

— Здѣсь ночевали съ.

— И недавно сюда пріѣхала?

— Недавно.

— Такъ какъ же, братецъ?

— А вотъ эдакъ съ часъ будетъ времени, изволили обратно отправиться въ Москву.

— Въ Москву?!

Я съ остолбенѣньемъ глядѣлъ на Лукьяныча: этого, признаюсь, я не ожидалъ....

И Лукьянычъ глядѣлъ на меня.... Старчески лукавая улыбка стягивала его сухія губы и чуть свѣтилась въ печальныхъ глазахъ.

— И съ сестрой уѣхала? проговорилъ я, наконецъ.

— Съ сестрицей.

— Такъ что никого теперь въ домѣ нѣтъ?

— Никого....

«Этотъ старикъ меня обманываетъ — сверкнуло у меня въ головѣ. — Недаромъ онъ такъ лукаво ухмыляется.» — Послушай, Лукьянычъ, проговорилъ я вслухъ: — хочешь ты мнѣ сдѣлать одно одолженіе?...

— Что̀ такое вамъ угодно! медленно проговорилъ онъ, видимо начиная тяготиться моими распросами.

— Въ домѣ, ты говоришь, никого нѣтъ: можешь ты показать мнѣ его? Я бы очень былъ тебѣ благодаренъ.

— То есть вы хотите комнаты посмотрить?

— Да, комнаты.

Лукьянычъ помолчалъ.

— Извольте, произнесъ онъ, наконецъ. — Пожалуйте.

И онъ, нагнувшись, шагнулъ черезъ порогъ калитки. Я отправился вслѣдъ за нимъ. Перейдя черезъ небольшой дворикъ, мы взобрались на шаткія ступеньки крыльца. Старикъ толкнулъ дверь; въ ней и замка не было: веревочка съ узломъ торчала изъ ключевой скважины.... Мы вошли въ домъ. Онъ весь состоялъ изъ пяти-шести низенькихъ комнатъ, и, сколько я могъ различить при слабомъ свѣтѣ, скупо струившемся сквозь трещины ставенъ, мебель въ этихъ комнатахъ была весьма простая и дряхлая. Въ одной изъ нихъ (именно въ той, которая выходила въ садъ) стояло маленькое и старенькое фортепь-

яно.... я поднялъ его погнутую крышку и ударилъ по клавишамъ: кислый, шипящій звукъ раздался и болѣзненно замеръ, какъ бы жалуясь на мою дерзость. Ни по чемъ нельзя было замѣтить, что изъ этого дома недавно выѣхали люди; въ немъ и пахло чѣмъ-то мертвеннымъ и душнымъ—не жилымъ; развѣ кое-гдѣ валявшаяся бумажка своей бѣлизной давала знать, что попала сюда недавно. Я поднялъ одну такую бумажку; она оказалась клочкомъ письма; на одной сторонѣ бойкимъ женскимъ почеркомъ были начертаны слова «se faire?» на другой я разобралъ слово; bonheur.... На кругломъ столикѣ подлѣ окна стоялъ букетъ полузавявшихъ цвѣтовъ въ стаканѣ и лежала зеленькая, смятая ленточка ... я взялъ эту ленточку на память.

— Лукьянычъ отворилъ узкую дверь, заклеенную обоями....

— Вотъ, сказалъ онъ, протянувъ руку: — это вотъ спальня, а тамъ за нею еще дѣвичья, а то другихъ покоевъ нѣтъ....

Мы пошли назадъ по корридору. — А тамъ что за комната? спросилъ я, указавъ на широкую, бѣлую дверь съ замкомъ.

— Эта? отвѣчалъ мнѣ Лукьянычъ глухимъ голосомъ. — Это такъ.

— Да такъ.... Кладовая....

И онъ пошелъ было впереднюю....

— Кладовая? Нельзя ли ее посмотрѣть?....

— Да что вамъ за охота, баринъ, право! возразилъ Лукьянычъ съ неудовольствіемъ. — Что вамъ смотрѣть? Сундуки, посуда старая.... кладовая, и больше ничего....

— Все-таки покажи мнѣ ее, пожалуйста, старикъ, сказалъ я, хотя внутренно стыдился своей неприличной настойчивости. — Я, вотъ видишь ли, я желалъ бы.... я хочу у себя въ деревнѣ точно такой домъ....

Мнѣ стало совѣстно: я не могъ докончить начатой рѣчи.

Лукьянычъ стоялъ, наклонивъ на грудь сѣдую голову, и какъ-то странно посматривалъ на меня изъ подлобья.

— Покажи, проговорилъ я.

— Ну, извольте, возразилъ онъ наконецъ, досталъ ключъ и неохотно отперъ оверь.

Я заглянулъ въ кладовую. Въ ней дѣйствительно не было ничего замѣчательнаго. На стѣнахъ висѣли старые портреты, съ мрачными, почти черными лицами и злыми глазами. На полу валялся всякій хламъ.

— Ну, насмотрѣлись? угрюмо спросилъ меня Лукьянычъ.

— Да; спасибо! торопливо возразилъ я.

Онъ захлопнулъ дверь. Я вышелъ въ переднюю, а изъ передней на дворъ.

Лукьянычъ проводилъ меня, пробормоталъ: «прощенья просимъ-съ» и пошелъ въ свой флигелекъ.

— А какая это у васъ госпожа вчера гостила? крикнулъ я ему вслѣдъ: — я ее сегодня встрѣтилъ въ рощѣ!

Я надѣялся озадачить его моимъ внезапнымъ вопросомъ, вызвать необдуманный отвѣтъ. Но старикъ только глухо засмѣялся и, уходя къ себѣ, хлопнулъ дверью.

Я отправился назадъ въ Глинное. Мнѣ было неловко, какъ пристыженному мальчику.

«Нѣтъ — сказалъ я самому себѣ — видно мнѣ не добиться разрѣшенія этой загадки. Богъ съ ней! Не стану больше думать обо всемъ этомъ.»

Черезъ часъ я уже ѣхалъ домой, разсерженный и раздраженный.

Прошла недѣля. Какъ ни старался я отгонять отъ себя прочь воспоминаніе о незнакомкѣ, о ея спутникѣ, о моихъ встрѣчахъ съ ними, — оно то и дѣло возвращалось и приставало ко мнѣ со всей докучной настойчивостью послѣ-обѣденной мухи.... Лукьянычъ, съ своими таинственными взглядами и сдержанными рѣчами, съ своей холодно-печальной улыбкой, тоже безпрестанно приходилъ мнѣ на память. Самый домъ, когда я вспоминалъ о немъ, самый тотъ домъ, казалось, хитро и тупо поглядывалъ на меня сквозь свои полузакрытые ставни и какъ будто поддразнивалъ меня, какъ будто говорилъ мнѣ: а все же ты ничего не узнаешь! Я наконецъ не выдержалъ и въ одинъ прекрасный день поѣхалъ въ Глинное, а изъ Глиннаго отправился пѣшкомъ.... куда? читатель легко догадается.

Я долженъ сознаться, что, подходя къ таинственной усадьбѣ, я чувствовалъ довольно сильное волненье. Въ наружности дома не произошло никакой перемѣны: тѣ же закрытыя окна, тотъ же унылый и осиротѣлый видъ; только на лавочкѣ передъ флигелемъ вмѣсто старичка Лукьяныча сидѣлъ какой-то молодой дворовый парень лѣтъ двадцати, въ длинномъ нанковомъ кафтанѣ и красной рубахѣ. Онъ сидѣлъ, поло-

живъ на ладонь кудрявую голову, и дремалъ, изрѣдка покачиваясь и вздрагивая.

— Здравствуй, братъ! промолвилъ я громко.

Онъ тотчасъ вскочилъ и выпучилъ на меня свои оторопѣлые глаза.

— Здравствуй, братъ! повторилъ я: — а гдѣ старикъ?

— Какой старикъ? медленно проговорилъ малый.

— Лукьянычъ.

— А, Лукьянычъ! — Онъ глянулъ въ сторону. — Вамъ Лукьяныча надо?

— Да, Лукьяныча. Что, онъ дома?

— Н...нѣтъ, произнесъ малый съ разстановкой: — онъ того.... какъ бы вамъ.... того.... сказать....

— Не здоровъ онъ, что ли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же?

— Да его совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ. Съ нимъ такое... недоброе приключилось.

— Онъ умеръ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Удавился, въ-полголоса произнесъ малый.

— Удавился! съ испугомъ воскликнулъ я и всплеснулъ руками.

— Удавился.

Мы оба молча посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Давно ли? проговорилъ я наконецъ.

— Да вотъ пятый день сегодня. Вчера его хоронили.

— Да отчего онъ это удавился?

— Господь его знаетъ. Человѣкъ онъ былъ вольный, на жалованьи; нужды ни въ чемъ не зналъ, господа его какъ родного ласкали. Вѣдь у насъ господа — дай Богъ имъ здоровья! — Просто, ума не приложишь, что съ нимъ такое подѣялось. Знать, лукавый попуталъ.

— Да какъ это онъ сдѣлалъ?

— Да такъ. Взялъ да удавился.

— И ничего прежде въ немъ не замѣчали?

— Какъ вамъ сказать.... Особеннаго эдакого, чтобы.... ничего. Онъ всегда скучный такой былъ, сумнительный человѣкъ. За-

кряхтитъ, закряхтитъ, бывало. Скучно, дескать, мнѣ. Ну да вѣдь ужь лѣта его какія были. Въ послѣднее время онъ точно что-то задумываться началъ. Придетъ, бывало, къ намъ, на деревню; я-то ему племянникомъ довожусь. «Что, братъ, Вася, скажетъ — приди-ка, братъ, переночуй-ка у меня!» А что, дяденька? «Да такъ, страшно что-то; скушно одному.» Ну, и пойдешь къ нему. Бывало выдетъ на дворъ, посмотритъ, посмотритъ эдакъ на домъ, закачаетъ, закачаетъ головой да какъ вздохнетъ.... Передъ самой той ночью, какъ ему то есть жизнь покончить, онъ тоже пришелъ къ намъ, позвалъ меня. Ну, я и пошелъ. Вотъ пришли мы къ нему во флигелекъ, посидѣлъ онъ маленько на лавочкѣ, всталъ да и вышелъ. Я жду, что, молъ, долго онъ не идетъ, вышелъ на дворъ, крикнулъ: «дяденька! а дядя?» Не откликается дяденька. Я думаю, куда, молъ, онъ это пошелъ, не въ домъ ли, да и пошелъ въ домъ. Ужь смеркаться начинало. Вотъ прохожу я мимо кладовой, слышу, скребетъ тамъ что-то за дверью; я взялъ да дверь и отворилъ, глядь, а онъ тамъ сидитъ, прикорнулъ подъ окномъ. «Что, молъ, говорю, дяденька вы тутъ дѣлаете?» А онъ какъ обернется, да какъ гикнетъ на меня, а глаза-то у него такіе быстрые, быстрые, такъ и горятъ какъ у кота. «Чего тебѣ? Развѣ не видишь — брѣюсь?» И голосъ такой хриплый. У меня вдругъ волосы такъ дыбомъ и поднялись, и самъ не знаю отчего, такъ мнѣ страшно стало.... знать о ту пору бѣсы-то его ужь обступили. «Въ потьмахъ-то», говорю я, а у самого такъ колѣни дрожатъ. «Ну — говоритъ — хорошо, ступай». Я пошелъ, и онъ изъ кладовой вышелъ и дверь на замокъ заперъ. Вотъ пришли мы опять во флигелекъ, страхъ съ меня тотчасъ и соскочилъ. «Что, молъ, говорю я, дяденька, ты въ кладовой дѣлалъ?» Онъ такъ и всполохнулся. А ты молчи, говоритъ, молчи!» да и полѣзъ на лежанку. «Ну — думаю я — лучше не стану я съ нимъ заговаривать: вишь онъ сегодня что-то того, не здоровъ должно быть». Вотъ я взялъ да и легъ тоже на лежанку. А ночникъ горитъ въ углу. Вотъ лежу я и такъ, знаете, дремится мнѣ.... вдругъ слышу, дверь тихонько скрыпъ да и отворилась.... такъ немножко. А дяденька-то къ двери спиной лежалъ, да и на ухо онъ всегда, вы можетъ припомните, тугъ бывалъ. А тутъ какъ

вскочитъ вдругъ.... «Кто меня зоветъ, а? Кто? за мной пришелъ, за мной!» да безъ шапки на дворъ.... Я подумалъ «что съ нимъ это?» да, грѣшный человѣкъ, тутъ же и заснулъ.... На другое утро просыпаюсь.... нѣтъ Лукьяныча. Вышелъ изъ комнатки, сталъ его кликать — нѣту нигдѣ. Спрашиваю у сторожа: «не видалъ, молъ, не выходилъ дяденька?» «Нѣтъ — говоритъ — не видалъ.» «Что, братъ — говорю — нѣтъ его что-то....» «Ой?» Мы такъ вдругъ оба и струхнули. «Пойдемъ— говорю—Ѳедосѣичъ, пойдемъ—говорю—посмотримъ, нѣтъ ли его въ домѣ.» «Пойдемъ — говоритъ — Василій Тимофѣичъ?», а самъ бѣлъ какъ глина. Пошли мы въ домъ.... сталъ я проходить мимо кладовой да какъ глянулъ, а замокъ-то виситъ на пробоѣ открытый, я толкъ въ дверь, а дверь-то изнутри заперта.... Ѳедосѣичъ тотчасъ обѣжалъ кругомъ, посмотрѣлъ въ окно. «Василій Тимофѣичъ! кричитъ—ноги висятъ, ноги....» Я къ окну. А ноги-то это его, лукьянычевы ноги. Такъ посереди комнаты и повѣсился.... Ну, послали за судомъ.... Сняли его съ веревки: двѣнадцатью узлами завязана была веревка.

— Ну что же судъ?

— Да что судъ? Ничего. Подумали, подумали, какая можетъ быть причина. Нѣтъ никакой причины. Такъ и рѣшили, что, должно полагать, не въ своемъ былъ умѣ. У него жь въ послѣднее время голова болѣла часто, все головой жаловался....

Я еще около получаса потолковалъ съ малымъ и ушелъ наконецъ въ совершенномъ смущеніи. Признаюсь, я не могъ безъ тайнаго, суевѣрнаго страха смотрѣть на этотъ дряхлый домъ.... Черезъ мѣсяцъ я уѣхалъ изъ деревни; и понемногу всѣ эти ужасы, эти таинственныя встрѣчи вышли у меня изъ головы.

II.

Прошло три года. Бо́льшую часть этого времени я провелъ въ Петербургѣ да заграницей, и если когда я и заѣзжалъ къ себѣ въ деревню, то не болѣе какъ на нѣсколько дней, такъ что мнѣ ни разу не пришлось побывать ни въ Глинномъ, ни въ Михайловскомъ. Ни красавицу мою я не видалъ нигдѣ, ни того мужчину. Однажды, на исходѣ третьяго года, въ Москвѣ мнѣ

случилось встрѣтиться съ г-жею Шлыковой и ея сестрицей, Палагеей Бадаевой — съ той самой Палагеей, которою я, грѣшный человѣкъ, до тѣхъ поръ все считалъ вымышленнымъ лицомъ — на вечерѣ у одной моей знакомой. Обѣ дамы были уже не молодыхъ лѣтъ, довольно пріятной наружности; разговоръ ихъ отличался умомъ и веселостью; онѣ много путешествовали, и путешествовали съ пользой; въ обращеніи ихъ замѣчалась непринужденная веселость. Но между моей незнакомкой и ими не было рѣшительно ничего общаго. Меня представили имъ. Мы съ г-жею Шлыковой разговорились (сестрицу ея занималъ какой-то заѣзжій геологъ). Я объявилъ ей, что имѣю удовольствіе быть ея сосѣдомъ по....му уѣзду.

— А! у меня тамъ точно есть небольшое имѣнье, замѣтила она: — возлѣ Глиннаго.

— Какже, какже, возразилъ я: — я знаю ваше Михайловское. Вы тамъ бываете?

— Я? рѣдко.

— Три года тому назадъ были?

— Постойте! кажется, была. Да была, точно.

— Съ сестрицей вашей или однѣ?

Она взглянула на меня.

— Съ сестрой. Мы тамъ съ недѣлю провели. По дѣламъ, знаете. Впрочемъ, мы никого не видали.

— Гм.... Тамъ, кажется, сосѣдей очень мало.

— Да, мало. Я же до нихъ не охотница.

— Скажите, началъ я:—вѣдь у васъ тамъ, кажется, въ томъ же году случилось несчастье. Лукьянычъ....

Глаза г-жи Шлыковой тотчасъ наполнились слезами.

— А вы его знали? промолвила она съ живостью. — Такое несчастье! Такой былъ прекрасный, добрый старикъ... и представьте, вѣдь безъ всякой причины....

— Да, да, пробормоталъ я: — такое несчастье.

Сестра г-жи Шлыковой подошла къ намъ. Ей, вѣроятно, ужь начинали надоѣдать ученыя разсужденія геолога о формаціи береговъ Волги.

— Вообрази, Pauline, начала моя собесѣдница: —М-г зналъ Лукьяныча.

— Въ самомъ дѣлѣ? Бѣдный старикъ!

— Я не разъ охотился около Михайловскаго въ то время, когда вы тамъ были, три года тому назадъ, замѣтилъ я.

— Я? возразила Палагея съ нѣкоторымъ недоумѣньемъ.

— Ну да, конечно! поспѣшно подхватила ея сестрица: — развѣ ты не помнишь?

И она пристально поглядѣла ей въ глаза.

— Ахъ, да да.... точно! отвѣчала вдругъ Палагея.

«Эхе-хе — подумалъ я — на врядъ ли ты была въ Михайловскомъ, голубушка.»

— Не споете ли намъ что-нибудь, Палагея Ѳедоровна, заговорилъ внезапно одинъ высокій молодой человѣкъ, съ бѣлокурымъ кокомъ и мутно-сладкими глазками.

— Я, право, не знаю, проговорила дѣвица Бадаева.

— А вы поете? воскликнулъ я съ жадностью и быстро поднялся съ мѣста: — ради Бога.... Ахъ, ради Бога, спойте намъ что-нибудь.

— Но что мнѣ спѣть вамъ?

— Не знаете ли вы, началъ я, всячески стараясь придать себѣ видъ равнодушный и развязный: — одну итальянскую пѣсенку.... она такъ начинается: passa que' colli.

— Знаю, отвѣчала Палагея совершенно невинно.—Что жь, ее вамъ спѣть? Извольте.

И она сѣла за фортепьяно. Я, какъ Гамлетъ, вперилъ взоры свои въ г-жу Шлыкову. Мнѣ показалось, что при первомъ звукѣ она слегка вздрогнула; впрочемъ, она спокойно досидѣла до конца. Дѣвица Бадаева пѣла не дурно. Пѣсенка кончилась — раздались обычныя рукоплесканія. Стали просить ее спѣть еще что-нибудь; но обѣ сестры перемигнулись и черезъ нѣсколько минутъ уѣхали. Когда онѣ выходили изъ комнаты, мнѣ послышалось слово: importun.

«Подѣломъ!» подумалъ я—и уже больше съ ними не встрѣчался.

Прошелъ еще годъ. Я переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Настала зима; начались маскарады. Однажды, выходя, въ одиннадцатомъ часу вечера, изъ одного пріятельскаго дома, я почувствовалъ себя въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что рѣшился отправиться въ маскарадъ, въ Дворянское Собраніе. Долго бродилъ я вдоль колоннъ и мимо зеркалъ съ

скромно-фатальнымъ выраженіемъ на лицѣ, — съ тѣмъ выраженіемъ, которое, сколько я могъ замѣтить, въ подобныхъ случаяхъ появляется у самыхъ порядочныхъ людей — почему, одинъ Господь вѣдаетъ; долго бродилъ я, изрѣдка отшучиваясь отъ пискливыхъ домино съ подозрительными кружевами и несвѣжими перчатками, и еще рѣже заговаривая самъ съ ними; долго предавалъ я свои уши завываньямъ трубъ и визгу скрипокъ; наконецъ, наскучавшись вдоволь и добившись головной боли, хотѣлъ уже я ѣхать домой.... и.... и остался. Я увидалъ женщину въ черномъ домино, прислонившуюся къ колоннѣ, — увидалъ ее, остановился, подошелъ къ ней — и.... повѣрятъ ли мнѣ мои читатели?.... тотчасъ узналъ въ ней мою незнакомку. Почему узналъ я ее: по взгляду ли, который она разсѣянно бросила на меня сквозь продолговатыя отверстія маски, по дивному ли очертанію ея плечь и рукъ, по особенной ли женственной величавости всего ея образа, или наконецъ по какому-то тайному голосу, который внезапно заговорилъ во мнѣ, — не могу сказать, но только я узналъ ее. Съ дрожью на сердцѣ прошелъ я нѣсколько разъ мимо нея. Она не шевелилась; въ ея позѣ было что-то до того безнадежно-горестное, что, глядя на нее, я невольно вспомнилъ два стиха испанскаго романса:

Я печальная картина,
Прислоненная къ стѣнѣ (*).

Я зашелъ за колонну, о которую она опиралась, и, наклонивъ голову къ самому ея уху, тихо произнесъ:

— Passa que' colli....

Она вся затрепетала и быстро обернулась ко мнѣ. Глаза наши такъ близко встрѣтились, что я могъ замѣтить, какъ испугъ расширилъ ея зрачки. Съ недоумѣніемъ, слабо протянувъ одну руку, смотрѣла она на меня.

— 6 мая 184. года, въ Сорренто, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ dela Crosse, проговорилъ я медленнымъ голосомъ, не спуская съ нея глазъ: — потомъ, въ Россіи, въ ....й губерніи, въ сельцѣ Михайловскомъ, 22 іюля 184. года....

(*) Soy un cuadro de tristeza,
Arrimado a la pared.

Я сказалъ все это по-французски. Она подалась немного назадъ, окинула меня съ ногъ до головы изумленнымъ взоромъ и, прошептавъ: «Venez», проворно пошла вонъ изъ залы. Я отправился вслѣдъ за ней.

Мы шли молча. Я не въ силахъ передать, что̀ я чувствовалъ, идя съ ней рядомъ. Прекрасное сновидѣніе, которое бы вдругъ стало дѣйствительностью.... Статуя Галатеи, сходящая живой женщиной съ своего пьедестала въ глазахъ замирающаго Пигмаліона.... Я не вѣрилъ себѣ, я едва могъ дышать.

Мы прошли нѣсколько комнатъ.... Наконецъ, въ одной изъ нихъ она остановилась передъ небольшимъ диваномъ у окна, и сѣла. Я сѣлъ подлѣ нея.

Она медленно обернула ко мнѣ свою голову и внимательно посмотрѣла на меня.

— Вы.... вы отъ *него?* проговорила она.

Голосъ ея былъ слабъ и невѣренъ....

Ея вопросъ меня нѣсколько смутилъ.

— Нѣтъ.... не отъ него, отвѣчалъ я, запинаясь.

— Вы его знаете?

— Знаю, возразилъ я, съ таинственной важностью. — Мнѣ хотѣлось поддержать свою роль. — Знаю.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на меня, хотѣла что-то сказать и потупилась.

— Вы его ждали въ Сорренто, продолжалъ я: — вы видѣлись съ нимъ въ Михайловскомъ, вы ѣздили съ нимъ верхомъ....

— Ка̀къ вы могли.... начала было она.

— Ужь я знаю.... я все знаю....

— Ваше лицо мнѣ какъ будто знакомо, продолжала она: — но нѣтъ....

— Нѣтъ, я вамъ не знакомъ.

— Такъ что̀ же вы хотите?

— Да ужь я знаю, твердилъ я.

Я очень хорошо понималъ, что мнѣ слѣдовало воспользоваться отличнымъ началомъ, идти далѣе, что мои повторенія: «я все знаю, ужь я знаю», становились смѣшными — но мое волненіе было такъ велико, эта неожиданная встрѣча до того меня смутила, я такъ потерялся, что рѣшительно не умѣлъ

сказать ничего другаго. Притомъ же я дѣйствительно больше ничего и не зналъ. Я чувствовалъ что я глупѣю, чувствовалъ, что я изъ таинственнаго всевѣдущаго существа, какимъ я сперва ей долженъ былъ показаться, быстро превращаюсь въ какого-то ухмыляющагося дурачка.... но дѣлать было нечего.

— Да, я все знаю, пробормоталъ я еще разъ.

Она взглянула на меня, проворно встала и хотѣла удалиться.

Но это было бы слишкомъ жестоко. Я ее схватилъ за руку.

— Ради Бога, началъ я: — сядьте, выслушайте меня....

Она подумала и сѣла.

— Я вамъ сейчасъ говорилъ, продолжалъ я съ жаромъ: — что я все знаю — это вздоръ. Я ничего не знаю, рѣшительно ничего; я не знаю, ни кто вы, ни кто онъ, и если я могъ васъ удивить тѣмъ, что̀ я сказалъ вамъ сейчасъ у колонны, то припишите это одному случаю, странному, непонятному случаю, который, какъ будто на смѣхъ, два раза и почти одинаковымъ образомъ, сталкивалъ меня съ вами, дѣлалъ меня невольнымъ свидѣтелемъ того, что̀, можетъ быть, вы бы желали сохранить въ тайнѣ....

И я тутъ же, нисколько не обинуясь и безъ малѣйшей утайки, разсказалъ ей все: встрѣчи мои съ ней въ Сорренто, въ Россіи, мои тщетные распросы въ Михайловскомъ, даже разговоръ мой въ Москвѣ съ Шлыковой и ея сестрой.

— Теперь вы все знаете, продолжалъ я, окончивъ свой разсказъ. — Я не стану описывать вамъ, какое глубокое, какое потрясающее впечатлѣніе вы произвели на меня: видѣть васъ и не быть очарованнымъ вами — невозможно. Съ другой стороны мнѣ тоже не для чего говорить вамъ, какого рода было это впечатлѣніе. Вспомните, при какихъ условіяхъ я оба раза видѣлъ васъ.... Повѣрьте, я не охотникъ предаваться безумнымъ надеждамъ, но поймите также и то неизъяснимое волненіе, которое овладѣло мною сегодня, и извините меня, извините неловкую хитрость, къ которой я рѣшился прибѣгнуть, чтобъ обратить ваше вниманіе, хотя на мгновеніе....

Она выслушала мои сбивчивыя объясненія, не поднимая головы.

— Что̀ же вы хотите отъ меня? сказала она наконецъ.

— Я?... Я ничего не хочу.... Я и такъ уже счастливъ.... Я слишкомъ уважаю чужія тайны.

— Будто? Однако, вы до сихъ поръ, кажется.... Впрочемъ, продолжала она:—я не хочу упрекать васъ. Всякій на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже. Притомъ случай дѣйствительно такъ настойчиво сближалъ насъ.... это какъ будто даетъ вамъ нѣкоторое право на мою откровенность. Слушайте: я не принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, непонятныхъ и несчастныхъ, которыя ѣздятъ по маскарадамъ для того, чтобы болтать съ первымъ встрѣчнымъ о своихъ страданіяхъ, которымъ нужны сердца, исполненныя сочувствія.... Мнѣ ничьего сочувствія не нужно, мое собственное сердце умерло, и я пріѣхала сюда для того только, чтобы окончательно похоронить его.

Она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Я надѣюсь, продолжала она съ нѣкоторымъ усиліемъ:— что вы не принимаете моихъ словъ за обыкновенныя маскарадныя изліянія. Вы должны понять, что мнѣ не до того....

И точно, въ ея голосѣ было что-то страшное, при всей вкрадчивой мягкости его звуковъ.

— Я русская, сказала она порусски — до тѣхъ поръ она выражалась на французскомъ языкѣ: — хотя мало жила въ Россіи.... Имя вамъ мое знать не нужно. Анна Ѳедоровна моя старинная пріятельница; я точно ѣздила въ Михайловское подъ именемъ ея сестры.... Тогда мнѣ нельзя было съ нимъ видѣться явно.... И безъ того начинали ходить слухи.... тогда еще существовали препятствія — онъ не былъ свободенъ.... Эти препятствія исчезли.... но тотъ, чье имя должно было сдѣлаться моимъ, тотъ, съ которымъ вы меня видѣли, меня бросилъ.

Она сдѣлала движеніе рукой и помолчала.

— Вы точно его не знаете? не встрѣчались съ нимъ?

— Ни разу.

— Онъ почти все это время провелъ за границей. Впрочемъ, онъ теперь здѣсь.... Вотъ и вся моя исторія, прибавила она: — вы видите, въ ней нѣтъ ничего таинственнаго, ничего особеннаго.

— А Сорренто? робко прервалъ я.

— Я съ нимъ познакомилась въ Сорренто, медленно возразила она и задумалась.

Мы оба умолкли. Странное смущеніе овладѣло мною. Я сидѣлъ подлѣ нея, подлѣ той женщины, чей образъ такъ часто носился въ мечтахъ моихъ, такъ мучительно волновалъ и раздражалъ меня, — я сидѣлъ подлѣ нея и чувствовалъ холодъ и тяжесть на сердцѣ. Я зналъ, что ничего не выйдетъ изъ этой встрѣчи, что между ею и мной была бездна, что мы, разставшись, разойдемся навсегда. Протянувъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни, сидѣла она равнодушно и небрежно. Знаю я эту небрежность неизлечимаго горя, знаю равнодушіе безвозвратнаго несчастья! Маски четами проходили мимо насъ; звуки «однообразнаго и безумнаго» вальса то глухо отдавались въ отдаленьи, то приносились рѣзкими взрывами; тяжело и печально волновала меня веселая бальная музыка. «Неужели — думалъ я—эта женщина та самая, которая явилась мнѣ нѣкогда въ окнѣ того далекаго деревенскаго домика во всемъ блескѣ торжествующей красоты?....» И между тѣмъ время, казалось, не коснулось ея. Нижняя часть ея лица, не скрытая кружевами маски, была почти младенчески нѣжна; но отъ нея вѣяло холодомъ какъ отъ статуи.... Возвратилась Галатея на свой пьедесталъ, и уже не сойти ей съ него болѣе.

Вдругъ она выпрямилась, заглянула въ другую комнату и встала.

— Дайте мнѣ руку, сказала она мнѣ: — пойдемте, скорѣй-скорѣй.

Мы вернулись въ залу. Она шла такъ быстро, что я едва за ней поспѣвалъ. У одной колонны она остановилась.

— Подождемте здѣсь, прошептала она.

— Вы кого нибудь ищете, началъ было я ...

Но она не обращала на меня вниманія: пристальный взоръ ея вперился въ толпу. Темно и грозно глядѣли изъ-подъ чернаго бархата ея черные большіе глаза.

Я обернулся въ направленіи ея взора и все понялъ. По корридору, образуемому рядомъ колоннъ и стѣной, шелъ онъ, тотъ мужчина, котораго я встрѣтилъ съ нею въ лѣсу. Я узналъ его тотчасъ; онъ почти не измѣнился. Также красиво вился его русый усъ, такой же спокойной и самоувѣренной веселостью свѣтились его каріе глаза. Онъ шелъ не торопясь и, слегка наклонивъ свой тонкій станъ, разсказывалъ что-то

женщинѣ въ домино, которую велъ подъ руку. Поровнявшись съ нами, онъ внезапно поднялъ голову, посмотрѣлъ сперва на меня, потомъ на ту, съ которой я стоялъ, и, вѣроятно, узналъ ее, узналъ ея глаза, потому что брови его слегка дрогнули, — онъ прищурился и чуть замѣтная, но нестерпимо дерзкая усмѣшка шевельнула его губы. Онъ нагнулся къ своей спутницѣ, шепнулъ ей на ухо два слова, та тотчасъ оглянулась, голубенькіе ея глазки торопливо окинули насъ обоихъ, и, тихо засмѣявшись, погрозила она ему своей маленькой ручкой. Онъ слегка приподнялъ одно плечо, она кокетливо къ нему прижалась....

Я обернулся къ моей незнакомкѣ. Она смотрѣла вслѣдъ уходящей четѣ и вдругъ, выдернувъ у меня руку, бросилась къ дверямъ. Я было устремился вслѣдъ за ней, но она, обернувшись, такъ на меня взглянула, что я глубоко ей поклонился и остался на мѣстѣ. Я понялъ, что преслѣдовать ее было бы грубо и глупо.

— Скажи, пожалуйста, братецъ, говорилъ я, четверть часа спустя, одному изъ моихъ пріятелей — живому адресъ-календарю Петербурга: — что это за высокій, красивый господинъ съ усами?

— Это?... это какой-то иностранецъ, довольно загадочное существо, очень рѣдко появляющееся на нашемъ горизонтѣ. А что?

— Такъ!...

Я вернулся домой. Съ тѣхъ поръ я уже нигдѣ не встрѣчалъ моей незнакомки. Зная имя человѣка, котораго она любила, я бы, вѣроятно, могъ добиться наконецъ, кто она была такая, но я самъ не желалъ этого. Я сказалъ выше, что эта женщина появилась мнѣ какъ сновидѣніе—и какъ сновидѣніе прошла она мимо и исчезла навсегда.

РАЗГОВОРЪ

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНА.

(ПОСВЯЩЕНО П. М. САДОВСКОМУ).

—

По большой ....ой дорогѣ тащится довольно уже ветхій тарантасъ, запряженный тройкой загнанныхъ лошадей. Въ тарантасѣ сидятъ рядомъ: господинъ лѣтъ 28-ми, Аркадій Артемьевичъ, *Михрюткинъ*, худенькій человѣчекъ съ крошечнымъ лицемъ, унылымъ, краснымъ носомъ и бурыми усиками, закутанный въ сѣрую поношенную шинель — и слуга его *Селивёрстъ* (онъ также и земскій), расплывшійся, пухлый мужчина 40 лѣтъ, рябой, съ свиными глазками и желтыми волосами. На козлахъ сидитъ кучеръ *Ефремъ*, бородастый, красный и курносый, одѣтый въ тяжолый рыжій армякъ и шляпу съ опустившимися краями; ему тоже около 40 лѣтъ. Солнце печетъ; жара и духота страшная.—Ѣдутъ они изъ уѣзднаго города, и полчаса тому назадъ останавливались въ постояломъ дворикѣ, гдѣ и Ефремъ и Селевёрстъ оба успѣли немного выпить. — Г. Михрюткинъ часто кашляетъ, — грудь у него разстроена, и вообще онъ видъ имѣетъ недовольный. — Онъ говоритъ торопливо и смутно, словно съ просонья; Ефремъ, вы-

ражается медленно и обдуманно; Селивёрстъ произноситъ слова съ трудомъ, словно выпираетъ ихъ изъ желудка; онъ страждетъ одышкой.

Михрюткинъ (внезапно встряхнувъ шинелью). Ефремъ—а Ефремъ!

Ефремъ (оборачиваясь къ нему въ половину). Чего изволите?

Михрюткинъ. Да что, ты спишь должно быть на козлахъ-то? — Какъ же ты не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается — а? — Любезный ты мой другъ.

Ефремъ. А что-съ?

Михрюткинъ. Что-съ! — У тебя одна пристяжная вовсе не работаетъ. — Что жь ты за кучеръ послѣ этого — а?

Ефремъ. Какая пристяжная не работаетъ?

Михрюткинъ. Какая.... какая.... Извѣстно какая: правая вороная. Ничего не везётъ — развѣ ты не видишь?

Ефремъ. Правая?

Михрюткинъ. Ну не разсуждай, пожалуйста, и не повторяй словъ моихъ. Я этой гнусной привычки въ дворовыхъ людяхъ терпѣть не могу. — Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да впередъ не давай ей дремать, да и самъ тоже того.... (Ефремъ съ язвительной усмѣшкой сѣчетъ правую пристяжную). Послѣ этого мнѣ остается самому на козлы сѣсть,—да развѣ этомое дѣло. Это твое дѣло. Дуракъ.

(Ефремъ продолжаетъ сѣчь пристяжную. Она брыкаетъ).

Ну однако — тише! (Помолчавъ). Экая между прочимъ жара несносная. (Закутывается въ шинель и кашляетъ).

Селивёрстъ (помолчавъ). Да-съ... оно точно: жара. Ну, а впрочемъ — для уборки хлѣбовъ — оно ничего-съ. — О — охъ Господи! (Вздыхаетъ и чмокаетъ губами, какъ бы собираясь дремать).

Михрюткинъ (помолчавъ — Селивёрсту). Скажи, пожалуйста— что это за толстая баба на постояломъ дворѣ съ нами разсчитывалась. — Я прежде ея не видывалъ.

Селивёрстъ. А сама хозяйка. Изъ Бѣлева надысь наѣхала.

Михрюткинъ. Отчего она такая толстая?

Селивёрстъ. А кто жь ее знаетъ! Инаго эдакъ вдругъ разопрётъ — чѣмъ онъ въ іефтемъ случаѣ виноватъ?

Михрюткинъ. Она съ насъ дорого взяла — эта баба. Я замѣтилъ — ты никогда на постоялыхъ дворахъ не торгуешь-

ся. Никогда. — Что запросятъ ты и даешь. Знать она тебѣ поднесла, эта баба. И въ городѣ тоже втрое заплатилъ.

Селивёрстъ. Что вы изволите говорить, Аркадій Артемьичъ!.... Я, кажется, не таковскій человѣкъ, чтобы изъ какихъ тамъ нибудь угожденьевъ или видовъ....

Михрюткинъ. Ну хорошо, хорошо....

Селивёрстъ. Я, Аркадій Артемьичъ, съ-измала еще вашему батюшкѣ покойному служилъ — и до сихъ поръ служу, вашей милости, то есть; и никто за мной никакихъ операцій не замѣчалъ. Потому что я чувствую; и чтобы что-нибудь эдакъ противъ господской выгоды; или вообще не по совѣсти — честь свою замарать согласиться; да я, помилуйте — я — да и Господи Боже ты мой....

Михрюткинъ. Ну, да хорошо же....

Селивёрстъ. А баба эта съ насъ даже не дорого взяла; такъ ли еще берутъ на постоялыхъ дворахъ! — Вы говорите — она мнѣ поднесла: что жъ? можетъ быть, и поднесла. Я отъ своего количества не отказываюсь. Я пью; но пью умѣренно, съ воздержаніемъ.

Михрюткинъ. Ну да говорятъ тебѣ — хорошо.

Селивёрстъ. Вы только напрасно меня обидѣть изволили, Аркадій Артемьичъ — Богъ съ вами. — (Михрюткинъ молчитъ). Богъ съ вами совсѣмъ!

Михрюткинъ (съ сердцемъ). Ну да перестань же.

Селивёрстъ. Слушаю-съ. (Воцаряется молчанье).

Михрюткинъ (который напрасно старался заснуть, Ефрему). А отчего это у тебя коренная ушами трясетъ — устала что ли она — вишь, вишь, на каждомъ шагу встряхиваетъ?

Ефремъ (оборачиваясь въ половину). Какая лошадь ухми трясетъ?

Михрюткинъ. Коренная; развѣ ты не видишь?

Ефремъ. Коренная ухми трясетъ?

Михрюткинъ Да — да; ушми.

Ефремъ. Не знаю, отчего она ухми трясти будетъ. Развѣ отъ мухъ.

Михрюткинъ. Отъ мухъ лошадь все головой трясетъ — а не одними ухми. — (Помолчавъ). А что — вѣдь она, кажется, на ноги разбита?

Ефремъ. Лядащая (1) лошадь, какъ есть. (Бьетъ ее кнутомъ).

Михрюткинъ. Ну, ты ее не любишь, я знаю.

Ефремъ. Нѣтъ, Аркадій Артемьичъ, я ее люблю: (бьетъ ее), я, Аркадій Артемьичъ, всѣхъ вашихъ лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дѣло; а тотъ ужь не кучеръ, который не соблюдаетъ лошадей — тотъ просто легковѣрный человѣкъ.—Нѣтъ, — я ее люблю. А только я справедливъ. — Гдѣ хвалить нечего — не хвалю.

Михрюткинъ. Что жь ты въ ней, напримѣръ, находишь дурнаго?

Ефремъ. Аркадій Артемьичъ, позвольте вамъ доложить. Лошадь лошади рознь.—Вотъ какъ между людьми, напримѣръ, человѣкъ бываетъ натуральный, безъ образованья, однимъ словомъ — пахондрикъ; такъ и въ лошадяхъ. Необстоятельная лошадь, Аркадій Артемьичъ; пріятности въ ней никакой нѣтъ. — Что, напримѣръ, бѣжитъ она — на взволокъ что ли, по ровному ли мѣсту — или, напримѣръ, подъ гору спущаетъ — ничего въ ней нѣтъ — извольте сами посмотрѣть. (Гнется на одинъ бокъ). Ну, что бѣжитъ, помилуйте, — Нѣтъ отъ нея никакого удовольствія. Просто пустая лошадь. (Бьетъ ее кнутомъ).

Михрюткинъ. Ну, а пристяжныя, по твоему — каковы?

Ефремъ. Ну, пристяжныя — ничего. Вороная, напримѣръ, лошадь обходительная, божевольна (2) маленько, пуглива — ну, и лѣнца есть; а только обходительная лошадь, вѣжливая; а ужь эта вотъ — (указывая кнутомъ на лѣвую пристяжную) гнѣдая — просто безъ числа. — Конь добрый, степенный, ко кнуту ласковъ, бѣжитъ прохладно, доброхотъ: слуга, можно сказать, изъ слугъ слуга. — Ногами, правда, не много тронутъ — да вѣдь у насъ какая ѣзда, Аркадій Артемьичъ, помилуйте. — То туды, то сюды — покоя нѣтъ лошадямъ ни малѣющаго. — То вы сами изволите куда, напримѣръ, прокатиться — то барыня погонитъ въ городъ — то прикащикъ поскачетъ. — Гдѣ жь имъ тутъ справиться? А ужь я, кажется, объ нихъ, какъ объ отцахъ родныхъ забочусь. Эхъ вы, котята! (погоняетъ ихъ).

Михрюткинъ (помолчавъ). Такъ что жь ты думаешь на счетъ коренной-то — коли она такъ плоха?

Ефремъ. Продать ее слѣдуетъ, Аркадій Артемьичъ. На что такую лошадь держать — сами вы извольте разсудить — что дурная, что хорошая лошадь — одинаково кормъ ѣдятъ. А то и промѣнять ее можно.

Михрюткинъ. Промѣнять! — Знаю я ваши промѣны! — Придашь денегъ пропасть, своя лошадь ни за что пойдетъ, а смотришь та-то еще хуже.

Ефремъ. На что же такъ мѣнять, Аркадій Артемьичъ. — Эдакъ мѣнять не хорошо. Надо безъ придачи мѣнять — ухо на ухо.

Михрюткинъ. Ухо на ухо! Да гдѣ жь ты такого дурака найдешь, который бы тебѣ за дрянную лошадь — хорошую безъ придачи отдалъ — а? — Что ты однако, за кого меня принимаешь, наконецъ? (кашляетъ).

Ефремъ. Да Аркадій Артемьичъ, помилуйте. — Кому какая лошадь нужна: иному наша лошадь покажется, а намъ — его. — Вотъ хучь бы у сосѣда нашего, у Евграфа Авдѣича есть животикъ; Евграфъ-то Авдѣичъ порастратился, такъ можетъ быть, онъ сгоряча согласится. А лошадка добрая; добрая лошадка. — Онъ же такой человѣкъ разсѣянный, вертлюшокъ; гдѣ ему лошадь прокормить — самъ безъ хлѣба сидитъ.

Михрюткинъ. А ты однако, я вижу, глупъ. Коли ему нечѣмъ лошадь прокормить — ну изъ чего, ну съ какой стати станетъ онъ мѣняться — а?

Ефремъ. Ну, такъ купить у него можно. А онъ отдастъ дёшево. Просто, за что угодно отдастъ. Лишь бы со двора долой.

Михрюткинъ (помолчавъ). А лошадь точно порядочная?

Ефремъ. Отмѣнная лошадь — вотъ изволите увидѣть.

Михрюткинъ (опять помолчавъ). Да ты, — чортъ тебя знаетъ — ты все врешь.

Ефремъ. Зачѣмъ врать? Песъ вретъ; за то онъ и собака.

Михрюткинъ (недовольнымъ голосомъ). Ну не разсуждай. (Помолчавъ). — И на этой еще поѣздимъ.

Ефремъ. Какъ вашей милости угодно будетъ. — А только эта лошадь, воля ваша, просто никуда. Просто — вохлякъ (3).

Михрюткинъ. Что-о?

Ефремъ. Вохлякъ.

Михрюткинъ. Самъ ты вохлякъ.

Ефремъ (оборачиваясь въ половину). Кто.... я вохлякъ?

Михрюткинъ. Да—ты. Что жь тутъ удивительнаго!—Ты.

Ефремъ (протянувъ голову). Ну... ну это вы однако, Аркадій Артемьичъ, уже того... больно изволите того... (онъ чрезвычайно обиженъ и взволнованъ).

Михрюткинъ. (вспыхнувъ). Что-ò... Что-ò?

Ефремъ. Да помилуйте.... какъ же можно.

Михрюткинъ. Молчать! молчать! говорю тебѣ — молчать! — Ахъ ты армякъ верблюжій! — Обижаться вздумалъ — вишь! Да — вохлякъ, вохлякъ — еще какой вохлякъ. Что жь — послѣ этого я, по твоему, уже ничего не смѣй сказать? Ты мнѣ тутъ, Богъ тебя знаетъ, что наболталъ, — а я долженъ передъ тобой безмолствовать? — Вишь — краснобай эдакой! — Еще обижается! — (кашляетъ). Молчать!... (Страшный кашель прерываетъ слова Михрюткина. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажку, развертываетъ ее, достаетъ оттуда кусокъ леденца, и принимается сосать его. — Ефремъ молча погоняетъ лошадей; выраженіе его лица достойное и строгое. — Успокоившись немножко, Михрюткинъ напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку — и толкаетъ подъ бокъ Селивёрста, который во все время разговора Аркадія Артемьича съ Ефремомъ спалъ мертвымъ сномъ). Селивёрстъ — Селивёрстъ! — Ну — разоспался, охреянъ неприличный, Селивёрстъ!

Селивёрстъ (просыпаясь). Чего прикажите?

Михрюткинъ. Вотъ то-то и есть. — Не будь я такъ непростительно добръ съ вами, вы бы меня уважали; а то вы всякое уваженіе ко мнѣ потеряли. Ну что спишь, словно не видалъ, какъ спятъ.... Тутъ кучеръ позабылся, барина обезпокоилъ — а ты спишь.

Селивёрстъ. Я такъ только немножко, Аркадій Артемьичъ...

Михрюткинъ. То-то такъ (утихая). Поправь мнѣ подушку сзади. (Селивёрстъ поправляетъ подушку). Одному я удивляюсь: кажется, ужь на что я снисходителенъ, ужь на что; а никакой привязанности въ васъ не заслужилъ.—Вы всѣ меня за грошъ готовы продать — ей-ей, (едва сдерживая слезы). Да вотъ, потерпите маленько; не долго мнѣ вамъ надоѣдать. Скоро, скоро сложу я свою головушку (кланяется), посмотрю я, лучше ли вамъ будетъ безъ меня.

Селивёрстъ. Аркадій Артемьичъ, что это вы изволите говорить? — Не извольте отчаяваться. Богъ милостивъ. И не стыдно тебѣ, Ефремъ, азіятская ты душа...

Михрюткинъ (перерывая Селивёрста). Не объ Ефремѣ рѣчь. Всѣ вы таковы. — Вотъ, напримѣръ, что я стану теперь дѣлать? — Какъ я женѣ на глаза покажусь? — Послѣднія были денежки — и тѣ даромъ ухлопалъ. — Еще хуже надѣлалъ. Ужь теперь мнѣ отъ опеки не отвертѣться... шалишь! Ужь теперь меня проберутъ — вотъ какъ проберутъ!

Селивёрстъ. Оно, точно, Аркадій Артемьичъ, не ладно. — Кому жь іефто знать коли не мнѣ? — Да чѣмъ же мы-то виноваты, помилосердуйте — скажите. Ужь мы бы, кажется, тѣломъ и душой; и всѣмъ, всѣмъ рады...

Михрюткинъ. По крайней мѣрѣ, не огорчали бы, не раздражали. Видите барину плохо приходится, просто такъ приходится плохо — что сказать нельзя — очи, какъ говорится, на лобъ лѣзутъ — а вы-то тутъ, вамъ-то тутъ любо... (сосетъ леденецъ).

Селиверстъ. Вся причина въ томъ, что люди въ городѣ живутъ безчувственные... удоблетворили ихъ — какого имъ еще рожна нужно — прости Господи мое прегрѣшенье! — Экіе черти, право, согрѣшилъ я грѣшный! (плюетъ).

Михрюткинъ. Именно грабители. — Вотъ мнѣ въ городѣ леденецъ продали; говорили малиной отзываться будетъ; а въ немъ и сладости никакой нѣтъ; просто одинъ клей туда напиханъ. — (помолчавъ). Хоть бы провизіи на эти пятьдесятъ рублей купилъ! — Лиссабонскаго-то вѣдь, чай, ни одной бутылочки не осталось?

Селиверстъ. Послѣднюю передъ отъѣздомъ изволили выкушать.

Михрюткинъ. Ну такъ и есть! — И женѣ ничего не купилъ — а она приказывала — эхъ!

Селиверстъ. Раиса Карповна гнѣваться будетъ, точно.

Михрюткинъ (слезливо, почти крича). Ну для чего ты меня раздражаешь? Ну для чего? — Боже мой, Боже мой! Что жь это такое! что жь это такое! — Что жь это я за несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ (потупляетъ голову и кашляетъ).

Селиверстъ. Аркадій Артемьичъ... По глупости. Изви-

ните. (Михрюткинъ кашляетъ и кутается въ шинель). Отъ ревности, Аркадій Артемьичъ. —

(Михрюткинъ молчитъ. Селиверстъ въ свою очередь умолкаетъ. Никто не говоритъ втеченіи четверти часа. Лошади едва плетутся рысцей, оводы жадно вьются надъ ними. Селиверстъ опять засыпаетъ. Михрюткинъ, понемногу, поднимаетъ голову).

Михрюткинъ (успокоеннымъ голосомъ Ефрему). Ну что — опомнился? (Молчаніе). Тебѣ говорю, опомнился?

Ефремъ (помолчавъ и передернувъ возжами). Опомнился.

Михрюткинъ. Очунѣлъ? (4)

Ефремъ. Очунѣлъ.

Михрюткинъ. Ну что жь ты — не знаешь порядковъ, что ли? Извиненья попроси.

Ефремъ. Простите меня, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ. Богъ тебя проститъ. — (Помолчавъ). А какой масти Евграфа Авдѣичина-то лошадь?

Ефремъ. Гнѣдая.

Михрюткинъ. Гнѣдая... А сколько ей лѣтъ?

Ефремъ. Девять лѣтъ.

Михрюткинъ. А хорошо бѣжитъ?

Ефремъ. Хорошо.

Михрюткинъ. Какой однако у тебя злющій нравъ! — Отвѣчаешь мнѣ — словно брешешь... Ты сердишся на меня?

Ефремъ (помолчавъ). Помилуйте — Аркадій Артемьичъ, — развѣ я не знаю? — Я все знаю, Аркадій Артемьичъ. Какъ нашему брату не знать. — Господинъ, напримѣръ, гнѣваться изволитъ. — Такъ что жь? — Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Михрюткинъ. Хорошо, вотъ это хорошо.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ; мы, конечно, не то, чтобы въ отдаленности пробавлялись, за моремъ не бывали, точно; въ Петербурхѣ больше понатерлись: все-таки — не такіе уже однако пеньтюхи, чтобы, примѣромъ будучи, коровы отъ свиньи не спознать. Иному мужику, конечно, всякая дрянь въ диво! — ему что — онъ деревеньщина, неучь; гдѣ ему! — Слѣдуетъ разсудить: во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ разсудить — съ кѣмъ грѣха не случается? — Ну, какъ-нибудь не спапашился (5) — или такъ просто сказать, не въ часъ попался — ну не показалось господину. — Онъ тебя и того; а ты выжидай;

глядишь: блажь соскочила — и опять опять старые порядки пошли.

Михрюткинъ. Вотъ что умно, такъ умно; я никогда не скажу, что человѣкъ глупости говоритъ, когда онъ умно говоритъ; никогда я этого не сдѣлаю.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. — Вѣдь вамъ все это еще лучше моего извѣстно. Что я за іезопъ такой, чтобы сердиться. — За всякимъ толчкомъ, не токмя что за побранкой — не угоняешся. — Вы сами знаете: быль что смола, нѣбыль что вода. А непріятность со всякимъ можетъ случиться; первѣющій астрономъ — и тотъ отъ бѣды не убережется. — Стрясется вдругъ.... откуда, батюшки? — Да и кто можетъ опредѣлить напередъ: это вотъ эдакъ будетъ— а это такъ. А Господь его знаетъ, какъ оно тамъ выдетъ! — Это все темнота. — Вотъ, напримѣръ, хучь медвѣдь:—звѣрь лѣсной, пространный, — а хвостъ у него — такъ, съ пуговку небольшую; а сорока вотъ — птица малая, перелётная — а вишь хвостище какой нацѣпила. — Да кто жь это пойметъ? — Тутъ есть мудрость; тутъ ничего не разберешь; одна надежда на Бога. — Вотъ, напримѣръ — позвольте вамъ доложить, Аркадій Артемьичъ, отъ усердія позвольте доложить. — Вы вотъ изволите отчаяваться — а отъ чего?

Михрюткинъ. Какъ отъ чего? — Еще бы мнѣ не отчаяваться! — Вотъ еще что вздумалъ: отъ чего?

Ефремъ. Я знаю; знаю, Аркадій Артемьичъ — помилуйте, какъ намъ не знать? — Мы все знаемъ. — Но вы вотъ что извольте сообразить: и тутъ, и въ этимъ случаѣ, ничего тоже сказать нельзя навѣрнякъ. Вотъ, напримѣръ. Вы изволите знать сосѣда нашего — Финтреблюдова? — Ужь на что былъ важный баринъ — лакеи въ кувбическую сажень ростомъ, что одного галуна, дворня — просто картинная галдарея — лошади — рысаки тысячные, — кучеръ — не кучеръ, просто единорогъ сидитъ. — Залы тамъ, трубачи, Французы на хорахъ, — тѣ же арапы — ну просто всѣ удобства, какія только есть въ жизни — И чѣмъ же кончилось? — Продали же его имѣніе сукціону. — А васъ, можетъ быть, Господь и помилуетъ, и все такъ обойдется.

Михрюткинъ. Дай Богъ! — Но мнѣ что-то не вѣрится.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. — Отчего же не вѣрится?

Михрюткинъ. Не таково мое счастье, братъ. Ужь я себя знаю; знаю я свое счастье, выѣденнаго яйца оно не стоитъ, мое счастье-то.

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ!

Михрюткинъ. Да ужь ты не говори, пожалуйста. — Ты вотъ лучше посмотри — лошади-то твои не бѣгутъ вовсе.

Ефремъ. Помилуйте, лошади бѣгутъ, какъ слѣдуетъ.

Михрюткинъ. Ну хорошо.... Я не говорю.... я съ тобой согласенъ. (Возвышаетъ голосъ). Я согласенъ съ тобой, говорю тебѣ. — (Вздыхаетъ). Экая жара, Боже мой! — (Помолчавъ). Эка паритъ, Господи! — (Еще помолчавъ). Мнѣ хочется попробовать, не засну ли я маленько.... (Оправляется и прислоняетъ голову къ боку кибитки).

Ефремъ. Ну что жь — и съ Богомъ, батюшка. —

(Продолжительное молчанье. — Михрюткинъ засыпаетъ и похрапываетъ, слегка посвистывая и пощелкивая во снѣ. Голова у него завалилась назадъ. Ротъ раскрывается).

Селивёрстъ (открываетъ сперва одинъ глазъ, потомъ другой, и въ-полголоса обращается къ Ефрему). Однако ты, я вижу — хорошъ гусь. — Чего соловьемъ распѣлся?

Ефремъ (помолчавъ, и тоже въ-полголоса). Чего распѣлся?—Экой ты, братецъ, непонятный. — Развѣ ты не видишь — баринъ у насъ еще младъ, молодушенъ.... Надобно жь ему посовѣтовать, какъ, то есть, ему въ жизни дѣйствовать....

Селивёрстъ. Ну его! — Вишь вздумалъ няньчиться!...

Ефремъ. Что жь — коли другіе пренебрегаютъ....

Селивёрстъ. Другіе.... другіе....

Ефремъ. Конечно другіе. — Впрочемъ — ты.... извѣстное дѣло. Ты.... Для тебя, что баринъ, что чужой человѣкъ — все едино.

Селивёрстъ. Можетъ быть. А тебѣ, небось, нѣтъ?

Ефремъ (помолчавъ). А что — неужто въ заправду опеку хотятъ наложить?

Селивёрстъ. Непремѣнно наложатъ. Мнѣ самъ секлетарь сказывалъ.

Ефремъ. Вотъ какъ. Ну, — а барыня... стало-быть и она не будетъ — того — распоряжаться?

Селивёрстъ. Вѣстимо, не будетъ. Имѣнье не ея.

Ефремъ. Нѣтъ, — я по дому говорю, по дому.

Селивёрстъ. Нѣтъ, по дому распоряжаться будетъ.

Ефремъ. Такъ какой же въ эфтомъ толкъ? — Хороша твоя опека — нечего сказать. (Михрюткинъ ворочается во снѣ. Селивёрстъ и Ефремъ зорко взглядываютъ на него; онъ спитъ). Еще пуще осерчаетъ, чего добраго.

Селивёрстъ. И это бываетъ.

Ефремъ. То-то-же бываетъ. Впрочемъ, мнѣ его жаль.

Селивёрстъ. А мнѣ не жаль. Вольно жь было ему. — Несчастный, кричитъ, человѣкъ я теперича сталъ въ свѣтѣ.... А кто виноватъ? Не дурачился бы сверхъ мѣръ человѣческихъ. Да.

Ефремъ. Эхъ, Александрычъ, какой ты, право, неразсудительный!..! Ты сообрази: вѣдь онъ все-таки есть баринъ.

Селивёрстъ. Ну, да ужь ты мнѣ пожалуйста тамъ не расписывай....

(Михрюткинъ опять ворочается и приподнимается слегка. Селивёрстъ проворно прячетъ голову въ уголъ, и закрываетъ глаза. Ефремъ проводитъ кнутомъ надъ лошадьми, и кричитъ: а ва, ва, хвы, хвы, хва)....

Михрюткинъ (открываетъ глаза, щурится и потягивается). А я кажется того, соснулъ.

Ефремъ. Изволили почивать, точно.

Михрюткинъ. Далеко мы отъѣхали?

(Селивёрстъ приподнимается).

Ефремъ. До повертка еще версты три будетъ.

Михрюткинъ (помолчавъ). Какой мнѣ однако непріятный сонъ приснился! — Не помню хорошенько — что такое было — а только очень что-то непріятное. (Помолчавъ) На счетъ имѣнья.... опеки. — Будто вдругъ меня подъ судъ во Францію повезли.... очень непріятно.... очень.

Селивёрстъ. Извѣстно..... сонное мечтанье.

Михрюткинъ. — Меня это безпокоитъ. — (Кашлянувъ).

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, зачѣмъ вы изволите безпокоиться. — Съ кѣмъ этого не бываетъ? — Вотъ я на дняхъ имѣлъ сонъ, вотъ ужь точно удивительный сонъ, просто непонятный. — Вижу я, — (наклоняетъ голову и у самаго своего желудка нюхаетъ изъ таблинки табакъ, чтобы не засорить глаза барину). Вижу я.... (крехтитъ и шепчетъ въ-полголоса: Экъ пробралъ, разбойникъ)....

Вижу я себя эдакъ словно въ полѣ, ночью, на дорогѣ. Вотъ иду я дорогой — да и думаю: — куда жь это я иду? — А мѣста кругомъ, какъ будто, незнакомыя—холмы какіе-то, буераки—пустыя мѣста. — Вотъ иду я и, знаете ли, эдакъ все смотрю — куда жь эта дорога ведетъ; не знаю, молъ, куда это она ведетъ. — И вдругъ мнѣ не встрѣчу будто телёнокъ бѣжитъ — да такъ шибко бѣжитъ и головой трясетъ. — Ну, хорошо. Бѣжитъ, сударь, телёнокъ, — а я будто думаю — э! да это никакъ отца Пафнутья телёнокъ сорвался, дай поймаю его. — Да какъ ударюсь бѣжать за нимъ.... А ночь, изволю вамъ доложить, темная, претемная — просто зги не видать. Вотъ — бѣгу я за нимъ — за этимъ телёнкомъ-та — не поймаю его — ну что хошь — не поймаю. — Ахъ, братецъ ты мой, думаю я, эдакъ будто самъ про себя—да вѣдь это, должно быть, не телёнокъ, а что-нибудь эдакое нехорошее. Дай, думаю, я вернусь—пусть бѣжитъ себѣ, куда знаетъ. Ну, хорошо. Вотъ иду я опять прежней дорогой — а близь дороги этакъ будто древо стоитъ—иду я, — а онъ вдругъ какъ наскочитъ сзади на меня, — да какъ толкнетъ меня рогами въ бедро... Смерть моя пришла. Оробѣлъ я — во снѣ то, знаете ли — просто такъ оробѣлъ, что и сказать невозможно, — даже лытки (6) трясутся. Однако, думаю я, что жь это онъ будетъ меня въ бедро толкать — да, знаете ли, эдакъ взялъ да оглянулся.... А ужь за мной не телёнокъ, а будто жена стоитъ, какъ есть простоволосая, и смотритъ на меня злобственно. Я къ ней — а она какъ примется ругать меня... Ты, молъ, пьяница, куда ходилъ?

Я, говорю, я не пьяница, говорю; гдѣ ты эдакихъ пьяницъ видала, говорю, — а ты сама мнѣ лучше скажи, какимъ ты манеромъ сюда попала? Я, молъ, барину пожалюсь, — безстыдница ты эдакая.... И Раисѣ Карпіевнѣ тоже пожалюсь. — А она будто вдругъ какъ захохо-читъ, какъ захохо-читъ... у меня такъ по животику мурашки и поползли. — Гляжу я на нее, а у ней глаза такъ и свѣтятся, зеленые такіе, какъ у кошки. Не смѣйся эдакъ жена, говорю я ей — эдакъ смѣяться грѣхъ. Не смѣйся — уважь меня. — Какая, говоритъ, я тебѣ жена — я русалка. Вотъ, постой, я тебя съѣмъ. Да какъ разинетъ ротъ — а у ней во рту зубовъ-то зубовъ — какъ у щуки.... Тутъ ужь я просто не выдержалъ, закричалъ, благимъ матомъ зак-

ричалъ.... Купріянычъ-то, старикъ, со мной въ одномъ углѣ спалъ — такъ тотъ, какъ сумасшедшій, съ палатей долой кубаремъ — подбѣгаетъ ко мнѣ, крестить меня, что съ тобой, Ефремушка, говоритъ, что съ тобой, дай потру животъ — а я сижу на постелькѣ, да этакъ весь трясусь, гляжу на него, просто ничего не понимаю — даже рубашка на тѣлѣ трясется. Такъ вотъ какіе бываютъ удивительные сны!

Михрюткинъ. Да; странный сонъ. Что жь, ты женѣ разсказалъ его?

Ефремъ. Какъ же.

Михрюткинъ. Ну, что жь она?

Ефремъ. Она говоритъ — что телёнка во снѣ видѣть, значитъ къ прыщамъ; а русалку видѣть — къ побоямъ.

Михрюткинъ. А! я этого не зналъ.

Ефремъ. А говоритъ, закричалъ ты оттого, что домовой на тебѣ ѣздилъ.

Михрюткинъ. Вотъ вздоръ какой! будто есть домовые.

Ефремъ. А то какъ же-съ? Помилуйте. Намеднись ключница зачѣмъ-то, подъ вечеръ, въ баню пошла — не мыться пошла — баню-то въ тотъ день и не топили, — да и съ какой стати старухѣ мыться, — а такъ — нужда какая-то приспичила. Что жь вы думаете? входитъ она въ предбанникъ, а въ предбанникѣ-то темно, — протягиваетъ руку — и вдругъ чувствуетъ — кто-то стоитъ. Она щупаетъ: овчина, да такая густая, прегустая.

Михрюткинъ. Это вѣрно, тулупъ какой висѣлъ — она его и тронула.

Ефремъ. Тулупъ? Да въ предбанникѣ отъ роду никакого тулупа не висѣло.

Михрюткинъ. Ну, такъ мужикъ какой-нибудь зашелъ.

Ефремъ. Мужикъ? А зачѣмъ мужикъ станетъ тулупъ шерстью къ верху надѣвать. Мужикъ этого не сдѣлаетъ.

Михрюткинъ. Ну и что жь случилось?

Ефремъ. А вотъ что случилось. Говоритъ она, старуха-то: съ нами крестная сила! Кто это? — Ей не отвѣчаютъ. Она опять: да кто жь это такое? — А тотъ-то какъ забормочетъ вдругъ помедвѣжьи.... Она такъ и прыснула вонъ. — Насилу отдохнула, старая.

Михрюткинъ. Такъ кто жь это по твоему, былъ?

Ефремъ. Извѣстно кто: домовой. Онъ воду любитъ.

Михрюткинъ (помолчавъ). Ну, глупъ же ты, Ефремъ, признаюсь, — (Обращаясь къ Селивёрсту). И ты тоже въ домовыхъ вѣришь?

Селивёрстъ (съ неудовольствіемъ). Охота вамъ, баринъ, объ эфтихъ предметахъ разговаривать.

Ефремъ. Да помилуйте, Аркадій Артемьичъ; это малые дѣтки знаютъ. А на лошадяхъ, по ночамъ, кто ѣздитъ! Да у насъ не одни домовые — у насъ и марухи водятся.

Селивёрстъ. Да перестань Ефремъ!

Ефремъ. А что?

Селивёрстъ. Да такъ. Не хорошо. Вотъ нашелъ предметъ къ разговору.

Михрюткинъ. Марухи? Это что еще такое!

Ефремъ. А вы не знаете? Старыя такія, маленькія бабы, по ночамъ на печахъ сидятъ, пряжу прядутъ и все эдакъ подпрыгиваютъ, да шепчутъ. Намеднись въ Марчукова Ѳедора одна эдакая маруха кирпичемъ пустила — онъ было къ ней на печку полѣзъ....

Михрюткинъ. Онъ, дуракъ, во снѣ это видѣлъ.

Ефремъ. Нѣтъ — не во снѣ.

Михрюткинъ. А коли не во снѣ, зачѣмъ онъ къ ней полѣзъ?

Ефремъ. Видно поближе разсмотрѣть захотѣлось.

Михрюткинъ. То-то же поближе! (Помолчавъ). Какой однако это вздоръ, ха, ха! (Опять помолчавъ). И къ чему ты объ этомъ заговорилъ — я удивляюсь. Только уныніе наводитъ.

Селивёрстъ. И точно — уныніе.

Михрюткинъ. Конечно, я этимъ пустякамъ не вѣрю. Конечно. Одни только необразованные люди могутъ этому вѣрить.

Ефремъ. Ваша правда, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ. Вѣдь этѣ марухи, напримѣръ, и прочее — вѣдь ты самъ посуди — это развѣ тѣло? — Какъ ты полагаешь?

Ефремъ. А не умѣю вамъ сказать, Аркадій Артемьичъ; кто ихъ знаетъ, что онѣ такое.

Михрюткинъ. А коли не тѣло, развѣ онѣ могутъ жить, существовать то есть? — Ты меня пойми: то бываетъ тѣло— а то духъ.

Ефремъ. Та-акъ-съ.

Михрюткинъ. Ну—и слѣдовательно это все вздоръ, одна мечта; просто сказать — предразсудокъ.

Ефремъ. Ну, конечно.

Михрюткинъ. А все-таки объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Къ чему? Вопросъ.

Ефремъ. Къ слову пришлось, а впрочемъ Богъ съ ними совсѣмъ... (Коренная спотыкается). Ну ты — съѣли тебя мухи-то!

Селивёрстъ. Вотъ, дуракъ, какъ несообразно говоритъ! — (Плюетъ). Пфу! Чтобъ имъ пусто было! — Экой ты, Ефремъ, легкомысленный человѣкъ — а еще кучеръ!

Ефремъ. Ну, да вѣдь ужь вы, Селивёрстъ Александрычъ...

Михрюткинъ. Ну, ну, ну!.. Это что еще? Этого еще недоставало, чтобы вы въ моемъ присутствіи поссорились...

Ефремъ. Помилуйте, Аркадій Артемьичъ...

Михрюткинъ. Покорнѣйше прошу васъ обоихъ молчать — (Небольшое молчаніе). А тебя, Селивёрстъ, прошу не спать. Вопервыхъ, оно не учтиво — и вовторыхъ — безпорядокъ. Что за спанье днемъ? На то есть ночь. — Терпѣть я не могу этихъ безпорядковъ!

Селиверстъ. Слушаю-съ.

Михрюткинъ (помолчавъ, Ефрему). Ахъ, да! скажи-ка твоей женѣ — кстати объ ней рѣчь зашла, — чтобы она не забыла окурить коровъ... Мнѣ въ городѣ сказывали — въ Жерловой падёжъ.

Ефремъ. Слушаю-съ.

Михрюткинъ (помолчавъ). А что она... твоя жена... Доволенъ ты ей?

Ефремъ. Въ какомъ, то-есть, напримѣръ, смыслѣ вы изволите говорить?

Михрюткинъ. Извѣстно, въ какомъ. Такъ вообще. Я съ своей стороны ею доволенъ. Она скотница хорошая.

Ефремъ. Знаетъ свое дѣло.—(Медленно). Извѣстная вещь— безъ жены человѣку быть несвойственно. Жена на то и дана человѣку, чтобы служить ему, такъ сказать, въ знакъ удов-

летворенья. Ну, а впрочемъ и въ этимъ случаѣ, осторожность не помѣха. Недаромъ въ пословицѣ говорится: не вѣрь коню въ полѣ — а женѣ въ домѣ. Баба извѣстно—человѣкъ лукавый, слабый человѣкъ; баба — плутъ. А мужъ не зѣвай. Женнино дѣло — мужу угождать и дѣтей соблюдать; а мужнино дѣло — жену въ повиновеньи содержать: и въ ласкѣ-то будь онъ къ ней строгъ. — Вотъ эдакъ все хорошо и пойдетъ. (Стегаетъ лошадей). Иные мужья, въ простонародьи, эдакъ, я знаю, говорятъ про своихъ женъ: ахъ погибели на тебя нѣтъ! — Я ихъ осуждаю..

Михрюткинъ (торопливо). Какъ — какъ они говорятъ?

Ефремъ. Погибели на тебя нѣтъ...

Михрюткинъ (задумчиво). Гмъ... вотъ какъ...

Ефремъ. Я ихъ осуждаю... Почему? Потому я ихъ осуждаю..

Михрюткинъ (съ жаромъ). А я ихъ не осуждаю... я ихъ не осуждаю... (Помолчавъ). Однако — перестань, наконецъ, молоть вздоръ. — Право, съ тобой... Богъ знаетъ до чего... право. — (Помолчавъ и опять указывая рукой впередъ). Что — вѣдь это, кажется, поворотъ въ Голоплёки?

Ефремъ. Это-съ.

Михрюткинъ. — Ну, и слава Богу — (Сбрасываетъ съ себя шинель и отряхается). Живёй, Ефремушка, живёй! (наклоняется впередъ). Вотъ онъ, повертокъ-то; вотъ онъ. (Тарантасъ сворачиваетъ съ большой дороги).—Что, теперь версты три осталось—небольше?

Ефремъ. Будетъ ли еще. — Вотъ только стоитъ спуститься въ верхъ (7), а тамъ взобрался на взлобочекъ (8) — да и пошелъ взлызомъ (9) — катай-валяй!

Михрюткинъ (словно про себя). А что не говорите, пріятно возвращаться на родину. — Душа веселится — сердце радуется. — Даже лошади съ бо́льшимъ удовольствіемъ везутъ. — Вишь, вишь, вѣтерокъ — прямо въ лицо мнѣ дуетъ, канашка! — (Къ Селивёрсту). Что-вѣдь это, кажется, Грачевская роща на горѣ?

Селивёрстъ. Точно такъ — Грачевская.

Михрюткинъ. Славный лѣсокъ! Видный лѣсокъ! Пріятный лѣсокъ! (Продолжая глядѣть кругомъ). Вишь какая гречиха! И овсы вотъ хороши. Такъ и играютъ на солнцѣ, бестьи!—Вонъ иржи (10) тоже хороши. Чьи эти овсы?

Селивёрстъ. Безкучинскихъ однодворцевъ.

Михрюткинъ. Вишь однодворцы! — Что у нихъ — хозяйство каково?

Селивёрстъ. Хозяйство у нихъ не то, чтобы того... а впрочемъ — ничего. Живутъ; чего имъ еще.

Михрюткинъ. — Хорошіе овсы. — (Помолчавъ). И у насъ овсы недурны... Но къ чему мнѣ они теперь? — Къ чему все это? — Вѣдь я пропалъ, совершенно пропалъ... Пропала моя головушка... Отнимутъ у меня и это послѣднее удовольствіе...

Селивёрстъ. Не извольте отчаяваться, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ. И Раиса Карповна — задастъ она мнѣ встрёпку теперь! А я еще, глупый человѣкъ, радуюсь, что на родину возвращаюсь! — Ахъ, я несчастнѣйшее, несчастнѣйшее существо! (Умолкаетъ и спустя нѣсколько времени подымаетъ голову). Вотъ ужь Ахлопково стало видно... Хорошее сельцо. — Вонъ поповскій орѣшникъ. — Въ этомъ орѣшникѣ, должно быть, зайцы есть. — Эхъ ребята, послушайте-ка... Что унывать?— Ну-ка—«Въ темномъ лѣсѣ.»—(Запѣваетъ). Въ темномъ лѣсѣ....

Ефремъ и Селивёрстъ (дружно подхватываютъ).

Въ тёмномъ лѣсѣ,
Въ тёмномъ лѣсѣ —
Въ тёмномъ...

Михрюткинъ. Ты высоко забираешь, Ефремъ — ты не дьячокъ — что ты голосомъ виляешь-то?

Ефремъ (откашливаясь). А вотъ сейчасъ лучше пойдетъ.

Михрюткинъ (тоненькимъ голосомъ). Да въ залѣсьи....

Ефремъ и Селивёрстъ. Да въ залѣсьи...

Михрюткинъ (кашляя). Распашу... распашу я...

Ефремъ. Эй вы, маленькія!.. Распашу я... распашу я...

Селивёрстъ. Распашу я...

(Кашель заставляетъ Михрюткина умолкнуть; Селиверстъ запинается. — Слышенъ одинъ высочайшій фальцетъ Ефрема, который поетъ:

И па... шин... нику...
И па... шин... нику)...

(Тарантасъ въѣзжаетъ въ березовую рощу).

ОРЛОВСКІЯ СЛОВА,

КОТОРЫЯ ПОПАДАЮТСЯ ВЪ «РАЗГОВОРѢ»:

1. Лядащій — никуда негодный, дрянной.
2. Божевольный — шаловливый, пугливый
3. Вохлякъ — неловкій, мѣшокъ.
4. Очунѣть — придти въ себя.
5. Спапашиться — справиться, изловчиться.
6. Лытки — мышцы подъ колѣнками.
7. Верхъ — оврагъ.
8. Взлобокъ, взлобочекъ — выдающійся мысъ между двумя оврагами.
9. Взлызъ — покатое мѣсто, pente douce.
10. Иржы — множественное число слова: рожь.

МУМУ́.

—

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ съ бѣлыми колоннами, антресолью и покривившимся балкономъ, жила нѣкогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ея служили въ Петербургѣ, дочери вышли замужъ; она выѣзжала рѣдко и уединенно доживала послѣдніе годы своей скупой и скучающей старости. День ея, нерадостный и ненастный, давно прошелъ; но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи.

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ — дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно мо-

лотилъ трехъ аршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ. Славный онъ былъ мужикъ, и, не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ.... Но вотъ Гарасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руки метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ сообщества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево ростетъ на плодородной землѣ.... Переселенный въ городъ, онъ не понималъ что̀ съ нимъ такое дѣется, — скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги — и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ — Богъ вѣсть! Занятія Гарасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался по среди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая добиться отъ нихъ разрѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бротался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человѣкъ, и Гарасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью. Дѣла у него было немного; вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить. И, надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность: на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застрянетъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ — и не только телѣгу, самое лошадь спихнетъ съ мѣста; дрова ли примется онъ ко-

лоть, топоръ такъ и звенитъ у него какъ стекло и летятъ во всѣ стороны осколки и полѣнья; а что насчетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ онъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ объ дружку лбами, да такъ стукнулъ, что хоть въ полицію ихъ потомъ не веди, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его; даже днемъ проходившіе, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ будто онъ могъ слышать ихъ крики. Со всей остальной челядью Гарасимъ находился въ отношеніяхъ не то чтобы пріятельскихъ — они его побаивались — а короткихъ; онъ считалъ ихъ за своихъ. Они съ нимъ объяснялись знаками, и онъ ихъ понималъ, въ точности исполнялъ всѣ приказанія, но права свои тоже зналъ, и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто въ застолицѣ. Вообще Гарасимъ былъ нрава строгаго и серьознаго, любилъ во всемъ порядокъ; даже пѣтухи при немъ не смѣли драться, — а то бѣда! увидитъ, тотчасъ схватитъ за ноги, повертитъ разъ десять на воздухѣ колесомъ и броситъ врозь. На дворѣ у барыни водились тоже гуси; но гусь, извѣстно, птица важная и разсудительная; Гарасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе, ходилъ за ними и кормилъ ихъ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака. Ему отвели надъ кухней коморку; онъ устроилъ ее себѣ самъ, по своему вкусу, соорудилъ въ ней кровать изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбанахъ, — истинно богатырскую кровать; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы; подъ кроватью находился дюжій сундукъ; въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства, а возлѣ столика — стулъ на трехъ ножкахъ, да такой прочный и приземистый, что самъ Гарасимъ бывало подниметъ его, уронитъ и ухмыльнется. Коморка запиралась на замокъ, напоминавшій своимъ видомъ калачъ, только черный; ключъ отъ этого замка Гарасимъ всегда носилъ съ собой на пояскѣ. Онъ не любилъ, чтобы къ нему ходили.

Такъ прошелъ годъ, по окончаніи котораго съ Гарасимомъ случилось небольшое происшествіе.

Старая барыня, у которой онъ жилъ въ дворникахъ, во всемъ слѣдовала древнимъ обычаямъ и прислугу держала многочисленную: въ домѣ у ней находились не только прачки, швеи,

столяры, портные и портнихи, былъ даже одинъ шорникъ, онъ же считался ветеринарнымъ врачемъ и лекаремъ для людей, былъ домашній лекарь для госпожи, былъ наконецъ одинъ башмачникъ, по имени Капитонъ. Климовъ, пьяница горькій. Климовъ почиталъ себя существомъ обиженнымъ и неоцѣненнымъ по достоинству, человѣкомъ образованнымъ и столичнымъ, которому не въ Москвѣ бы жить, безъ дѣла, въ какомъ-то захолустьѣ, и если пилъ, какъ онъ самъ выражался, съ разстановкой и стуча себя въ грудь, то пилъ уже именно съ горя. Вотъ зашла однажды о немъ рѣчь у барыни съ ея главнымъ дворецкимъ, Гаврилой, человѣкомъ, которому, судя по однимъ его желтымъ глазкамъ и утиному носу, сама судьба, казалось, опредѣлила быть дворецкимъ. Барыня сожалѣла объ испорченной нравственности Капитона, котораго наканунѣ только что отыскали гдѣ-то на улицѣ.

— А что, Гаврило, заговорила вдругъ она: — не женить ли намъ его, какъ ты ду-маешь? Можетъ, онъ остепениться.

— Отчего же не женить-съ! можно-съ, отвѣтилъ Гаврило:— и очень даже будетъ хорошо-съ.

— Да; только кто жь за него пойдетъ?

— Конечно-съ. А, впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно-съ. Все же онъ, такъ сказать, на что-нибудь можетъ быть потребенъ; изъ десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравиться?

Гаврило хотѣлъ было что-то возразить, да сжалъ губы.

— Да!... пусть посватаетъ Татьяну, рѣшила барыня, съ удовольствіемъ понюхивая табочокъ: — слышишь.

— Слушаю-съ, произнесъ Гаврило и удалился.

Возвратясь въ свою комнату (она находилась во флигелѣ и была почти вся загромождена кованными сундуками), Гаврило сперва выслалъ вонъ свою жену, а потомъ подсѣлъ къ окну и задумался. Неожиданное распоряженіе барыни его видимо озадачило. Наконецъ онъ всталъ и велѣлъ кликнуть Капитона. Капитонъ явился.... Но прежде, чѣмъ мы передадимъ читателямъ ихъ разговоръ, считаемъ не лишнимъ разсказать въ немногихъ словахъ, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повелѣніе барыни смутило дворецкаго.

Татьяна, состоявшая, какъ мы сказали выше, въ должности прачки (впрочемъ, ей, какъ искусной и ученой прачкѣ, поручалось одно тонкое бѣлье), была женщина лѣтъ двадцати-осьми, маленькая, худая, бѣлокурая, съ родинками на лѣвой щекѣ. Родинки на лѣвой щекѣ почитаются на Руси худой примѣтой—предвѣщаніемъ несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ дѣлѣ, работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: одинъ какой-то старый ключникъ, оставленный за негодностью въ деревнѣ, доводился ей дядей, да другіе дядья у ней въ мужикахъ состояли,—вотъ и все. Когда-то она слыла красавицей, но красота съ нея очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирнаго, или, лучше сказать, запуганнаго; къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ—боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала. Когда Гарасима привезли изъ деревни, она чуть не обмерла отъ ужаса при видѣ его громадной фигуры, всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробѣгать мимо него, спѣша изъ дома въ прачешную. Гарасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться когда она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли выраженіемъ лица, робостью ли движеній—Богъ его знаетъ! Вотъ, однажды, пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренныхъ пальцахъ накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за локоть; она обернулась и такъ и вскрикнула: за ней стоялъ Гарасимъ. Глупо смѣясь и ласково мыча, протягивалъ онъ ей прянишнаго пѣтушка, съ сусальнымъ золотымъ на хвостѣ и крыльяхъ. Она было хотѣла отказаться, но онъ насильно впихнулъ ей прямо въ руку, покачалъ головой, пошелъ прочь и, обернувшись, еще разъ промычалъ ей что-то очень дружелюбное. Съ того дня онъ ужь ей не давалъ покоя: куда, бывало, она ни пойдетъ, онъ ужь тутъ какъ тутъ, идетъ ей на встрѣчу, улы-

бается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащитъ изъ-за пазухи и всучитъ ей, метлой передъ ней пыль разчиститъ. Бѣдная дѣвка просто не знала, какъ ей быть и что дѣлать. Скоро весь домъ узналъ о продѣлкахъ нѣмаго дворника; насмѣшки, прибауточки, колкія словечки посыпались на Татьяну. Надъ Герасимомъ, однако, глумиться не всѣ рѣшались: онъ шутокъ не любилъ; да и ее при немъ оставляли въ покоѣ. Рада не рада, а попала дѣвка подъ его покровительство. Какъ всѣ глухонѣмые, онъ очень былъ догадливъ и очень хорошо понималъ, когда надъ нимъ или надъ ней смѣялись. Однажды за обѣдомъ, кастеляниха, начальница Татьяны, принялась ее, какъ говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бѣдная, не знала куда глаза дѣть и чуть не плакала съ досады. Герасимъ вдругъ приподнялся, протянулъ свою огромную ручищу, наложилъ ее на голову кастеляниши и съ такой угрюмой свирѣпостью посмотрѣлъ ей въ лицо, что та такъ и пригнулась сама къ столу. Всѣ умолкли. Герасимъ снова взялся за ложку и продолжалъ хлѣбать щи. «Вишь глухой чортъ, лѣшій!» пробормотали всѣ вполголоса, а кастеляниха встала да ушла въ дѣвичью. А то, въ другой разъ, замѣтивъ, что Капитонъ, тотъ самый Капитонъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, какъ-то слишкомъ любезно раскалякался съ Татьяной, Герасимъ подозвалъ его къ себѣ пальцемъ, отвелъ въ каретный сарай да, ухвативъ за конецъ стоявшее въ углу дышло, слегка, но многозначительно погрозился ему имъ. Съ тѣхъ поръ ужь никто не заговаривалъ съ Татьяной. И все это ему сходило съ рукъ. Правда, кастеляниха, какъ только прибѣжала въ дѣвичью, тотчасъ упала въ обморокъ и вообще такъ искусно дѣйствовала, что въ тотъ же день довела до свѣдѣнія барыни грубый поступокъ Герасима; но причудливая старуха только разсмѣялась, нѣсколько разъ, къ крайнему оскорбленію кастеляниши, заставила ее повторить, какъ, дескать, онъ принагнулъ тебя своей тяжолой ручкой, и на другой день выслала Герасиму цѣлковый. Она его жаловала, какъ вѣрнаго и сильнаго сторожа. Герасимъ порядкомъ ея побаивался, но все-таки надѣялся на ея милость и собирался уже отправиться къ ней съ просьбой, не позволитъ ли она ему жениться на Татьянѣ. Онъ только ждалъ новаго кафтана, обѣщаннаго ему дворецкимъ, чтобъ въ приличномъ видѣ явиться пе-

редъ барыней, какъ вдругъ этой самой барынѣ пришла въ голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко самъ пойметъ причину смущенія, овладѣвшаго дворецкимъ Гаврилой послѣ разговора съ госпожей. «Госпожа — думалъ онъ, посиживая у окна — конечно, жалуетъ Гарасима (Гаврилѣ хорошо это было извѣстно и оттого онъ самъ ему потакалъ), все же онъ существо безсловесное; не доложить же госпожѣ, что вотъ Гарасимъ, молъ, за Татьяной ухаживаетъ. Да и наконецъ оно и справедливо, какой онъ мужъ? А съ другой стороны, стоитъ этому, прости Господи, лѣшему узнать, что Татьяну выдаютъ за Капитона, вѣдь онъ все въ домѣ переломаетъ, ей-ей. Вѣдь съ нимъ не столкуешь; вѣдь его, чорта эдакого, согрѣшилъ я грѣшный, никакимъ способомъ не уломаешь.... Право....»

Появленіе Капитона прервало нить гаврилиныхъ размышленій. Легкомысленный башмачникъ вошелъ, закинулъ руки назадъ и, развязно прислонясь къ выдающемуся углу стѣны подлѣ двери, поставилъ правую ножку крестообразно передъ лѣвой и встряхнулъ головой. Вотъ, молъ, я. Чего вамъ потребно?

Гаврило посмотрѣлъ на Капитона и застучалъ пальцами по косяку окна. Капитонъ только прищурилъ немного свои оловянные глазки, но не опустилъ ихъ, даже усмѣхнулся слегка и провелъ рукой по своимъ бѣлесоватымъ волосамъ, которые такъ и ерошились во всѣ стороны. «Ну, да я, молъ, я. Чего глядишь?»

— Хорошъ, говорилъ Гаврило и помолчалъ. — Хорошъ, нечего сказать!

Капитонъ только плечиками передернулъ. «А ты небось лучше?» подумалъ онъ про себя.

— Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, продолжалъ, съ укоризной, Гаврило: — ну, на кого ты похожъ?

Капитонъ окинулъ спокойнымъ взоромъ свой истасканный и оборванный сюртукъ, свои заплатанные панталоны, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ свои дырявые сапоги, особенно тотъ, объ носокъ котораго такъ щеголевато опиралась его правая ножка, и снова посмотрѣлъ на дворецкаго.

— А что-съ?

— Что-съ повторилъ Гаврило. — Что-съ? Еще ты говоришь: что-съ? На чорта ты похожъ, согрѣшилъ я грѣшный, вотъ на кого ты похожъ.

Капитонъ проворно замигалъ глазками.

«Ругайтесь, молъ, ругайтесь, Гаврило Андреичъ», подумалъ онъ опять про себя.

— Вѣдь вотъ ты опять пьянъ былъ, началъ Гаврило: — вѣдь опять? А? ну, отвѣчай же.

— По слабости здоровья спиртнымъ напиткамъ подвергался дѣйствительно, возразилъ Капитонъ.

— По слабости здоровья!... Мало тебя наказываютъ — вотъ что. А въ Питерѣ еще былъ въ ученьи... Многому ты выучился въ ученьи. Только хлѣбъ даромъ ѣшь.

— Въ этомъ случаѣ, Гаврило Андреичъ, одинъ мнѣ судья; Самъ Господь Богъ, и больше никого. Тотъ одинъ знаетъ, каковъ я человѣкъ на семъ свѣтѣ суть и точно ли даромъ хлѣбъ ѣмъ. А что касается, въ соображеніи, до пьянства, то въ этомъ случаѣ виноватъ не я, а болѣе одинъ товарищъ; самъ же меня онъ сманулъ, да и сполитиковалъ, ушелъ, то есть, а я....

— А ты остался, гусь на улицѣ. Ахъ, ты забубенный человѣкъ! Ну, да дѣло не въ томъ, продолжалъ дворецкій;—а вотъ что. Барынѣ.... тутъ онъ помолчалъ: барынѣ угодно, чтобъ ты женился. Слышишь. Онѣ полагаютъ, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

— Какъ не понимать-съ.

— Ну, да. По моему, лучше бы тебя хорошенько въ руки взять. Ну, да это ужь ихъ дѣло. Что жь? ты согласенъ?

Капитонъ осклабился.

— Женитьба дѣло хорошее для человѣка, Гаврило Андреичъ; и я, съ своей стороны, съ очень моимъ пріятнымъ удовольствіемъ.

— Ну, да, возразилъ Гаврило и подумалъ про себя: — нѣчего сказать, аккуратно говоритъ человѣкъ. — Только вотъ что, продолжалъ онъ вслухъ: — невѣсту-то тебѣ пріискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать....

— Татьяну.

— Татьяну?...

И Капитонъ вытаращилъ глаза и отдѣлился отъ стѣны.

— Ну чего жь ты всполохнулся?... Развѣ она тебѣ не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврило Андреичъ! дѣвка она ничего, работница, смирная дѣвка.... Да вѣдь вы сами знаете, Гаврило Андреичъ, вѣдь тотъ-то, лѣшій, кикимора-то степная, вѣдь онъ за ней....

— Знаю, братъ, все знаю, съ досадой прервалъ его дворецкій: — да вѣдь....

— Да помилуйте, Гаврило Андреичъ! вѣдь онъ меня убьетъ, ей-Богу, убьетъ, какъ муху какую-нибудь прихлопнетъ; вѣдь у него рука, вѣдь вы изволите сами посмотрѣть, что у него за рука, вѣдь у него, просто, Минина и Пожарскаго рука. Вѣдь онъ, глухой, бьетъ и не слышитъ какъ бьетъ! Словно во снѣ кулачищами-то махаетъ. И унять его нѣтъ никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврило Андреичъ, онъ глухъ и, въ добаву, глупъ какъ пятка. Вѣдь это какой-то звѣрь, идолъ, Гаврило Андреичъ, — хуже идола.... осина какая-то: за что же я теперь отъ него страдать долженъ? Конечно, мнѣ ужь теперь все ни почемъ: обдержался, обтерпѣлся человѣкъ, обмаслился какъ коломенской горшокъ, — все же я, однако, человѣкъ, а не какой-нибудь въ самомъ дѣлѣ ничтожный горшокъ.

— Знаю, знаю, не расписывай....

— Господи Боже мой! съ жаромъ продолжалъ башмачникъ — когда же конецъ? когда, Господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! Въ младыхъ лѣтахъ былъ я битъ черезъ нѣмца хозяина, въ лучшій суставъ жизни моей битъ отъ своего же брата, наконецъ въ зрѣлые годы вотъ до чего дослужился....

— Эхъ ты, мочальная душа, проговорилъ Гаврило. — Чего распространяешься, право!

— Какъ чего, Гаврило Андреичъ! Не побоевъ я боюсь, Гаврило Андреичъ. Накажи меня господинъ въ стѣнахъ, да подай мнѣ при людяхъ привѣтствіе, и все я въ числѣ человѣковъ, а тутъ вѣдь отъ кого приходится....

— Ну, пошелъ вонъ, нетерпѣливо перебилъ его Гаврило.

Климовъ отвернулся и поплелся вонъ.

— А положимъ, его бы не было, крикнулъ ему во слѣдъ дворецкій: — ты-то самъ согласенъ?

— Изъявляю, возразилъ Капитонъ и удалился.

Краснорѣчіе не покидало его даже въ крайнихъ случаяхъ.

Дворецкій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, позовите теперь Татьяну, промолвилъ онъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Что прикажете, Гаврило Андреичъ? проговорила она тихимъ голосомъ.

Дворецкій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ну, промолвилъ онъ: — Танюша, хочешь замужъ идти? барыня тебѣ жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврило Андреичъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ? прибавила она, съ нерѣшительностью.

— Климова, башмачника.

— Слушаю съ.

— Онъ легкомысленный человѣкъ, — это точно. Но госпожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется.

— Слушаю-съ.

— Одна бѣда.... вѣдь этотъ глухарь-то, Гараська, онъ вѣдь за тобой ухаживаетъ. И чѣмъ ты этого медвѣдя къ себѣ приворожила? А вѣдь онъ убьетъ тебя, пожалуй, медвѣдь эдакой.

— Убьетъ, Гаврило Андреичъ, безпремѣнно убьетъ.

— Убьетъ.... Ну, это мы увидимъ. Какъ это ты говоришь: убьетъ. Развѣ онъ имѣетъ право тебя убивать, посуди сама.

— А не знаю, Гаврило Андреичъ, имѣетъ ли, нѣтъ ли.

— Экая! вѣдь ты ему эдакъ ничего не обѣщала....

— Чего изволите-съ?

Дворецкій помолчалъ и подумалъ:

— Безотвѣтная ты душа! — Ну, хорошо, прибавилъ онъ: — мы еще поговоримъ съ тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

«А, можетъ быть, барыня-то завтра и забудетъ объ этой свадьбѣ—подумалъ дворецкій—я-то изъ чего растревожился?

Озорника-то этого мы скрутимъ, коли что, въ полицію знать дадимъ....»—Устинья Ѳедоровна! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ своей женѣ: — наставьте-ка самоварчикъ, моя почтенная....

Татьяна почти весь тотъ день не выходила изъ прачешной. Сперва она всплакнула, потомъ утерла слезы и принялась по прежнему за работу. Капитонъ до самой поздней ночи просидѣлъ въ заведеніи съ какимъ-то пріятелемъ мрачнаго вида и подробно ему разсказывалъ, какъ онъ въ Питерѣ проживалъ у одного барина, который всѣмъ бы взялъ, да за порядками былъ наблюдателенъ и притомъ одной ошибкой маленечко произволялся: хмѣлемъ гораздо забиралъ, а что до женскаго пола, просто во всѣ качества доходилъ.... Мрачный товарищъ только поддакивалъ; но когда Капитонъ объявилъ наконецъ, что онъ, по одному случаю, долженъ завтра же руку на себя наложить, мрачный товарищъ замѣтилъ, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тѣмъ ожиданія дворецкаго не сбылись. Барыню такъ заняла мысль о капитоновой свадьбѣ, что она даже ночью только объ этомъ разговаривала съ одной изъ своихъ компаньонокъ, которая держалась у ней въ домѣ единственно на случай безсонницы и какъ ночной извощикъ спала днемъ. Когда Гаврило вошелъ къ ней послѣ чаю съ докладомъ, первымъ ея вопросомъ было: а что наша свадьба, идетъ? Онъ, разумѣется, отвѣчалъ, что идетъ какъ нельзя лучше, и что Капитонъ сегодня же къ ней явится съ поклономъ. Барынѣ что-то нездоровилось; она не долго занималась дѣлами. Дворецкій возвратился къ себѣ въ комнату и созвалъ совѣтъ. Дѣло точно требовало особеннаго обсужденія. Татьяна не прекословила, конечно, но Капитонъ объявлялъ во всеуслышаніе, что у него одна голова, а не двѣ и не три.... Гарасимъ сурово и быстро на всѣхъ поглядывалъ, не отходилъ отъ дѣвичьяго крыльца, и, казалось, догадывался, что затѣвается что-то для него недоброе. Собравшіеся (въ числѣ ихъ присутствовалъ старый буфетчикъ, по прозвищу Дядя Хвостъ, къ которому всѣ съ почтеньемъ обращались за совѣтомъ, хотя только и слышали отъ него, что: вотъ оно какъ, да: да, да, да), — начали съ того, что на всякій случай для безопастности заперли Капитона въ

чуланчикъ съ водочистительной машиной и принялись думать крѣпкую думу. Конечно, легко было прибѣгнуть къ силѣ; но Боже сохрани! выдетъ шумъ, барыня обезпокоится — бѣда! Какъ быть? Думали, думали и выдумали наконецъ. Неоднократно было замѣчено, что Гарасимъ терпѣть не могъ пьяницъ.... Сидя за воротами, онъ всякій разъ, бывало, съ негодованіемъ отворачивался, когда мимо его невѣрными шагами и съ козырькомъ фуражки на ухѣ проходилъ какой-нибудь нагрузившійся человѣкъ. Рѣшили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмѣльной и прошла бы пошатываясь и покачиваясь мимо Гарасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась, но ее уговорили, притомъ она сама видѣла, что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили изъ чуланчика: дѣло все-таки до него касалось. Гарасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у воротъ и тыкалъ лопатой въ землю.... Изъ-за всѣхъ угловъ, изъ-подъ шторъ за окнами глядѣли на него....

Хитрость удалась какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну, онъ сперва, по обыкновенію, съ ласковымъ молчаньемъ закивалъ головой; потомъ вглядѣлся, уронилъ лопату, вскочилъ, подошелъ къ ней, придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу.... Она отъ страха еще болѣе зашаталась и закрыла глаза.... Онъ схватилъ ее за руку, помчалъ черезъ весь дворъ и, войдя съ нею въ комнату, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и обмерла... Гарасимъ постоялъ, поглядѣлъ на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою коморку. Цѣлые сутки не выходилъ онъ оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что онъ сквозь щелку видѣлъ, будто Гарасимъ, сидя на кровати и приложивъ къ щекѣ руку, тихо, мѣрно и только изрѣдка мыча — пѣлъ, т. е. покачивался, закрывалъ глаза и встряхивалъ головой, какъ ямщики или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заунывныя пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и онъ отошелъ отъ щели. Когда же на другой день Гарасимъ вышелъ изъ коморки, въ немъ особенной перемѣны нельзя было замѣтить. Онъ только сталъ какъ будто поугрюмѣе, а на Татьяну и на Капитона не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ тотъ же вечеръ они оба съ гусями подъ мышкой отправились къ ба-

рынѣ, и черезъ недѣлю женились. Въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что та шаталась какъ былинка на вѣтру и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками.

Все это происходило весною. Прошелъ еще годъ, въ теченіе котораго Капитонъ окончательно спился съ кругу и, какъ человѣкъ, рѣшительно никуда негодный, былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню, вмѣстѣ съ своею женой. Въ день отъѣзда онъ сперва очень храбрился и увѣрялъ, что куда его ни пошли, хоть туда, гдѣ бабы рубахи моютъ да вальки на небо кладутъ, онъ все не пропадетъ, — но потомъ упалъ духомъ, сталъ жаловаться, что его везутъ къ необразованнымъ людямъ, и такъ ослабѣлъ наконецъ, что даже собственную шапку на себя надѣть не могъ; какая-то сострадательная душа надвинула ее ему на лобъ, поправила козырекъ и сверху ее прихлопнула. Когда же все было готово и мужики уже держали возжи въ рукахъ и ждали только словъ: «съ Богомъ!» Герасимъ вышелъ изъ своей коморки, приблизился къ Татьянѣ и подарилъ ей на память красный, бумажный платокъ, купленный имъ для нея же съ годъ тому назадъ. Татьяна, съ великимъ равнодушіемъ переносившая до того мгновенія всѣ превратности своей жизни, тутъ, однако, не вытерпѣла, прослезилась и, садясь въ телѣгу, христіански три раза поцѣловалась съ Герасимомъ. Онъ хотѣлъ проводить ее до заставы и пошелъ сперва рядомъ съ ея телѣгой, но вдругъ остановился на Крымскомъ броду, махнулъ рукой и отправился вдоль рѣки.

Дѣло было къ вечеру.... Онъ шелъ тихо и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшаго щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, не смотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собаченку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ въ пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою коморку, уложилъ

спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжолымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разославъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать. Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался немножко больше другаго; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась.... Гарасимъ взялъ ее легонько двумя пальчиками за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Гарасимъ глядѣлъ, глядѣлъ да какъ засмѣется вдругъ... Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ, наконецъ, самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ и тихимъ сномъ.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Гарасимъ за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой). Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она странно привязалась къ Гарасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ — нѣмые знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманіе другихъ — онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Гарасима. Гарасимъ самъ ее любилъ безъ памяти.... и ему было непріятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что-ли за нее, ревновалъ-ли онъ къ ней — Богъ вѣсть! Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, проводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала къ его коморкѣ. Онъ нарочно для нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, и она какъ будто чувствовала, что только въ гарасимовой коморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ,

съ довольнымъ видомъ вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняшка, которая, сидя на заднихъ лапкахъ и поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды и обыкновенно три раза сряду — нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ: либо чужой близко подходилъ къ забору, либо гдѣ-нибудь поднимался подозрительный шумъ или шорохъ.... Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще кромѣ ея на дворѣ старый песъ, жолтаго цвѣта, съ бурыми крапинами, по имени Волчокъ, но того никогда даже ночью не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ свернувшись въ своей конурѣ и лишь изрѣдка издавалъ сиплый, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ бы самъ чувствуя всю его безполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила и, когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, навостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налѣво, при малѣйшемъ стукѣ за дверями....

Такъ прошелъ еще годъ. Герасимъ продолжалъ свои дворническія занятія и очень былъ доволенъ своей судьбой, какъ вдругъ произошло одно неожиданное обстоятельство... а именно: въ одинъ прекрасный лѣтній день, барыня съ своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила; приживалки смѣялись и шутили тоже, но особенной радости онѣ не чувствовали: въ домѣ не очень-то любили, когда на барыню находилъ веселый часъ, потому что, вопервыхъ, она тогда требовала отъ всѣхъ немедленнаго и полнаго сочувствія и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сіяло удовольствіемъ, а вовторыхъ, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно замѣнялись мрачнымъ и кислымъ расположеніемъ духа. Въ тотъ день она какъ-то счастливо встала; на картахъ ей вышло четыре валета: исполненіе желаній (она всегда гадала по утрамъ), — и чай ей показался особенно вкуснымъ, за что горничная получила на словахъ похвалу и деньгами гривенникъ. Съ сладкой улыбкой на сморщенныхъ губахъ гуляла барыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на

самой средней клумбѣ, подъ розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала ее.

— Боже мой! воскликнула она вдругъ: — что́ это за собака?

Приживалка, къ которой обратилась барыня, заметалась, бѣдненькая, съ тѣмъ тоскливымъ безпокойствомъ, которое обыкновенно овладѣваетъ подвластнымъ человѣкомъ, когда онъ еще не знаетъ хорошенько, какъ ему понять восклицаніе начальника.

— Н.....н....е знаю-съ, пробормотала она: — кажется, нѣмаго.....

— Боже мой! прервала ее барыня: — да она премиленькая собачка! велите ее привести. Давно она у него? Какже я это ее не видала до сихъ поръ?... Велите ее привести.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— Человѣкъ, человѣкъ! закричала она: — приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ.

— А, ее Муму зовутъ, промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ахъ, очень-съ! возразила приживалка. — Скорѣй, Степанъ!

Степанъ, дюжій парень, состоявшій въ должности лакея, бросился сломя голову въ палисадникъ и хотѣлъ было схватить Муму, но та ловко вывернулась изъ-подъ его пальцевъ и, поднявъ хвостъ, пустилась во всѣ лопатки къ Герасиму, который въ то время у кухни выколачивалъ и вытряхивалъ бочку, перевертывая ее въ рукахъ какъ дѣтскій барабанъ. Степанъ побѣжалъ за ней вслѣдъ, началъ ловить ее у самыхъ ногъ ея хозяина; но проворная собачка не давалась чужому въ руки, прыгала и увертывалась. Герасимъ смотрѣлъ съ усмѣшкой на всю эту возню; наконецъ Степанъ съ досадой приподнялся и поспѣшно растолковалъ ему знаками что барыня, молъ, требуетъ твою собаку къ себѣ. Герасимъ немного изумился, однако подозвалъ Муму, поднялъ ее съ земли и передалъ Степану. Степанъ принесъ ее въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отъ роду еще не бывавшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась было къ

двери, но, оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— Муму, Муму, подойди же ко мнѣ, подойди къ барынѣ, говорила госпожа: — подойди, глупенькая... не бойсь....

— Подойди, подойди, Муму, къ барынѣ, твердили приживалки: — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— Принесите ей что-нибудь поѣсть, сказала барыня. — Какая она глупая! къ барынѣ нейдетъ. Чего боится?

— Онѣ не привыкли еще, произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму, даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась по прежнему.

— Ахъ, какая же ты! промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. — Барыня проворно отдернула руку ...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— Ахъ! закричали разомъ всѣ приживалки: — не укусила ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила): — ахъ, ахъ!

— Отнести ее вонъ, проговорила измѣнившимся голосомъ старуха. — Скверная собаченка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ, промолвила: «Зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову», и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тотъ подхватилъ Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Герасима — а черезъ полчаса въ домѣ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ диванѣ мрачнѣе грозовой тучи.

Какія бездѣлицы, подумаешь, могутъ иногда разстроить человѣка!

До самаго вечера барыня была не въ духѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала, не играла въ карты и ночь дурно провела. Вздумала, что о-де-колонъ ей подали не тотъ, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнетъ мыломъ, и заставила кастеляншу все бѣлье перенюхать, — словомъ, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велѣла позвать Гаврилу часомъ ранѣе обыкновеннаго.

— Скажи, пожалуйста, начала она, какъ только тотъ, не безъ нѣкотораго внутренняго лепетанія, переступилъ порогъ ея кабинета: — что̀ это за собака у насъ на дворѣ всю ночь лаяла? мнѣ спать не дала!

— Собака-съ.... какая-съ.... можетъ быть, нѣмаго собака-съ, произнесъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не знаю, нѣмаго ли, другаго ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собакъ! Желаю знать? Вѣдь есть у насъ дворная собака?

— Какже-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.

— Ну чего еще, на что̀ намъ еще собака? Только одни безпорядки заводить. Старшаго нѣтъ въ домѣ — вотъ что̀. И на что нѣмому собака? Кто ему позволилъ собакъ у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызетъ, — а у меня тамъ розы посажены....

Барыня помолчала.

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было... слышишь?

— Слушаю-съ.

— Сегодня же. А теперь ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову.

Гаврило вышелъ.

Проходя черезъ гостиную, дворецкій для порядка переставилъ колокольчикъ съ одного стола на другой, въ тихомолочку высморкалъ въ залѣ свой утиный носъ и вошелъ въ переднюю. Въ передней на коникѣ спалъ Степанъ, въ положеніи убитаго воина на батальной картинѣ, судорожно вытянулъ обнаженныя ноги изъ-подъ сюртука, служившаго ему вмѣсто одѣяла. Дворецкій растолкалъ его и вполголоса сообщилъ ему какое-то приказаніе, на которое Степанъ отвѣчалъ полу-зѣвкомъ, полухохотомъ Дворецкій удалился, а Степанъ вскочилъ, натянулъ

на себя кафтанъ и сапоги, вышелъ и остановился у крыльца. Не прошло пяти минутъ, какъ появился Герасимъ съ огромной вязанкой дровъ за спиной, въ сопровожденіи неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинетъ приказывала протапливать даже лѣтомъ). Герасимъ сталъ бокомъ передъ дверью, толкнулъ ее плечомъ и ввалился въ домъ съ своей ношей, а Муму, по обыкновенію, осталась его дожидаться. Тогда Степанъ, улучивъ удобное мгновеніе; внезапно бросился на нее, какъ коршунъ на цыпленка, придавилъ ее грудью къ землѣ, сгребъ въ охапку и, не надѣвъ даже картуза, выбѣжалъ съ нею на дворъ, сѣлъ на перваго попавшагося извощика и поскакалъ въ Охотный Рядъ. Тамъ онъ скоро отыскалъ покупщика, которому уступилъ ее за полтинникъ, съ тѣмъ только, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ недѣлю продержалъ ее на привязи, и тотчасъ вернулся, но не доѣзжая до дому, слѣзъ съ извощика и, обойдя дворъ кругомъ, съ задняго переулка, черезъ заборъ перескочилъ на дворъ; въ калитку-то онъ побоялся идти, какъ бы не встрѣтить Герасима. Впрочемъ, его безпокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворѣ. Выдя изъ дому, онъ тотчасъ хватился Муму; онъ еще не помнилъ, чтобъ она когда нибудь не дождалась его возвращенія, сталъ повсюду бѣгать, искать ее, кликать по своему.... бросился въ свою коморку, на сѣновалъ, выскочилъ на улицу, — туда-сюда.... Пропала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая на поларшина отъ земли, рисовалъ ее руками... Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и, только головами качали. другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій принялъ чрезвычайно важный видъ и началъ ричать на кучеровъ. Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора долой....

Уже смеркалось, какъ онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрной походкѣ, по запыленной одеждѣ его, можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать полъ-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столпилось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: «Муму!» — Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Всѣ посмотрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ слова.... а любопытный форей-

торъ Антипка разсказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что немой-де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Гарасимъ не показывался, такъ что вмѣсто его за водой долженъ былъ съѣздить кучеръ Потапъ, чѣмъ кучеръ Потапъ очень остался недоволенъ. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ея приказаніе. Гаврило отвѣчалъ, что исполнено. На другое утро Гарасимъ вышелъ изъ своей коморки за работу. Къ обѣду онъ пришелъ, поѣлъ и ушелъ опять, никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухо-нѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣновалъ. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и безпрестанно поворачиваясь, лежалъ Гарасимъ и вдругъ почувствовалъ, какъ будто его дергаютъ за полу; онъ весь затрепеталъ, однако не поднялъ головы, даже зажмурился; но вотъ опять его дернули, сильнѣе прежняго; онъ вскочилъ... передъ нимъ, съ обрывкомъ на шеѣ, вертѣлась Муму. Протяжный крикъ радости вырвался изъ его безмолвной груди; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ своихъ объятьяхъ; она въ одно мгновенье облизала ему носъ, глаза, усы и бороду... Онъ постоялъ, подумалъ, осторожно слѣзъ съ сѣнника, оглянулся и, удостовѣрившись, что никто его не увидитъ, благополучно пробрался въ свою коморку. Гарасимъ уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее должно быть свели по приказанію барыни; люди-то ему объяснили знаками, какъ его Муму на нее окрысилась, и онъ рѣшился принять свои мѣры. Сперва онъ накормилъ Муму хлѣбушкомъ, обласкалъ ее, уложилъ, потомъ началъ соображать, да всю ночь напролетъ и соображалъ, какъ бы получше ее спрятать. Наконецъ онъ придумалъ весь день оставлять ее въ коморкѣ и только изрѣдка къ ней навѣдываться, а ночью выводить. Отверстіе въ двери онъ плотно заткнулъ старымъ своимъ армякомъ и чуть свѣтъ былъ уже на дворѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лицѣ. Бѣдному глухому въ голову не могло придти, что Муму себя визгомъ своимъ выдастъ: дѣйствительно, всѣ въ домѣ скоро узнали, что собака нѣмаго воротилась и сидитъ у него взаперти, но, изъ сожалѣнія къ нему и къ ней,

а отчасти, можетъ быть, и изъ страху передъ нимъ, не давали ему понять, что провѣдали его тайну. Дворецкій одинъ почесалъ у себя въ затылкѣ, да махнулъ рукой. «Ну, молъ, Богъ съ нимъ! Авось до барыни не дойдетъ!» Зато никогда такъ нѣмой не усердствовалъ, какъ въ тотъ день: вычистилъ и выскребъ весь дворъ, выпололъ всѣ травки до единой, собственноручно повыдергалъ всѣ колушки въ заборѣ палисадника чтобы удостовѣриться, довольно ли они крѣпки, и самъ же ихъ потомъ вколотилъ,—словомъ, возился и хлопоталъ такъ, что даже барыня обратила вниманіе на его радѣніе. Въ теченіе дня Герасимъ раза два украдкой заходилъ къ своей затворницѣ; когда же наступила ночь, онъ легъ спать вмѣсто съ ней въ коморкѣ, а не на сѣновалѣ, и только во второмъ часу вышелъ погулять съ ней на чистомъ воздухѣ. Походивъ съ ней довольно долго по двору, онъ уже было собирался вернуться, какъ вдругъ за заборомъ, со стороны переулка, раздался шорохъ. Муму навострила уши, зарычала, подошла къ забору, понюхала и залилась громкимъ и пронзительнымъ лаемъ. Какой-то пьяный человѣкъ вздумалъ тамъ угнѣздиться на ночь. Въ это самое время барыня только-что засыпала послѣ продолжительнаго «нервическаго волненія»: эти волненія у ней всегда случались послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Внезапный лай ее разбудилъ; сердце у ней забилось и замерло. «Дѣвки, дѣвки! простонала она. — Дѣвки!» Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. «Охъ, охъ, умираю! проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!... Охъ, пошлите за докторомъ. Они меня убить хотятъ.... Собака, опять собака! Охъ!» И она закинула голову назадъ, что должно было означать обморокъ. Бросились за докторомъ, т. е. за домашнимъ лекаремъ Харитономъ. Этотъ лекарь, котораго все искусство состояло въ томъ, что онъ носилъ сапоги съ мягкими подошвами, умѣлъ деликатно браться за пульсъ, спалъ четырнадцать часовъ въ сутки, а остальное время все вздыхалъ да безпрестанно подчивалъ барыню лавро-вишневыми каплями,— этотъ лекарь тотчасъ прибѣжалъ, покурилъ жженными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднесъ ей на серебряномъ подносикѣ рюмку съ забѣтными каплями. Барыня приняла ихъ, но тотчасъ же слезливымъ голосомъ стала опять

жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бѣдную, старую женщину, всѣ бросили, что никто о ней не сожалѣетъ, что всѣ хотятъ ея смерти. Между тѣмъ несчастная Муму продолжала лаять, а Герасимъ напрасно старался отозвать ее отъ забора. «Вотъ.... вотъ.... опять....» пролепетала барыня и снова подкатила глаза подъ лобъ. Лекарь шепнулъ дѣвкѣ, та бросилась въ переднюю, растолкала Степана, тотъ побѣжалъ будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велѣлъ поднять весь домъ.

Герасимъ обернулся, увидалъ замелькавшіе огни и тѣни въ окнахъ и, почуявъ сердцемъ бѣду, схватилъ Муму подъ мышку, вбѣжалъ въ коморку и заперся. Черезъ нѣсколько мгновеній пять человѣкъ ломились въ его дверь, но, почувствовавъ сопротивленіе засова, остановились. Гаврило прибѣжалъ въ страшныхъ попыхахъ, приказалъ имъ всѣмъ оставаться тутъ до утра и караулить, а самъ потомъ ринулся въ дѣвичью и черезъ старшую компаньонку, Любовь Любимовну, съ которой вмѣстѣ кралъ и учитывалъ чай, сахаръ и прочую бакалію, велѣлъ доложить барынѣ, что собака, къ несчастью, опять откуда-то прибѣжала, но что завтра же ее въ живыхъ не будетъ, и чтобы барыня сдѣлала милость не гнѣвалась и успокоилась. Барыня, вѣроятно, не такъ то бы скоро успокоилась, да лекарь второпяхъ вмѣсто двѣнадцати капель налилъ цѣлыхъ сорокъ: сила лавро-вишенья и подѣйствовала—черезъ четверть часа барыня уже почивала крѣпко и мирно; а Герасимъ лежалъ, весь блѣдный, на своей кровати и сильно сжималъ пасть Муму.

На слѣдующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврило ожидалъ ея пробужденія, для того, чтобы дать приказъ къ рѣшительному натиску на герасимово убѣжище, а самъ готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа въ постели, барыня велѣла позвать къ себѣ старшую приживалку.

—Любовь Любимовна, начала она тихимъ и слабымъ голосомъ: она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдалицей; нечего и говорить, что всѣмъ людямъ въ домѣ становилось тогда очень неловко:— Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положеніе; подите, душа моя, къ Гаврилѣ Андреичу, поговорите съ нимъ: неужели для него какая

нибудь собачонка дороже спокойствія, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому вѣрить, прибавила она, съ выраженьемъ глубокаго чувства:—подите, душа моя, будьте такъ добры, подите къ Гаврилѣ Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась въ гаврилину комнату. Неизвѣстно о чемъ происходилъ у нихъ разговоръ; но спустя нѣкоторое время цѣлая толпа людей подвигалась черезъ дворъ въ направленіи коморки Гарасима: впереди выступалъ Гаврило, придерживая рукою картузъ, хотя вѣтру не было: около него шли лакеи и повара; изъ окна глядѣлъ Дядя Хвостъ и распоряжался, т. е. только такъ руками разводилъ; позади всѣхъ прыгали и кривлялись мальчишки, изъ которыхъ половина набѣжала чужихъ. На узкой лѣстницѣ, ведущей къ коморкѣ, сидѣлъ одинъ караульщикъ; у двери стояли два другихъ, съ палками. Стали взбираться по лѣстницѣ, заняли ее во всю длину. Гаврило подошелъ къ двери, стукнулъ въ нее кулакомъ, крикнулъ:

— Отвори.

Послышался сдавленный лай; но отвѣта не было.

— Говорятъ, отвори! повторилъ онъ.

— Да, Гаврило Андреичъ, замѣтилъ снизу Степанъ: — вѣдь онъ глухой—не слышитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Какъ же быть? возразилъ сверху Гаврило.

— А у него тамъ дира въ двери, отвѣчалъ Степанъ:—такъ вы палкой-то пошевелите.

Гаврило нагнулся.

— Онъ ее армякомъ какимъ-то заткнулъ, диру-то.

— А вы армякъ пропихните внутрь.

Тутъ опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается, замѣтили въ толпѣ и опять разсмѣялись.

Гаврило почесалъ у себя за ухомъ.

— Нѣтъ, братъ, продолжалъ онъ наконецъ:—армякъ-то ты пропихивай самъ коли хочешь.

— А что̀жь, извольте!

И Степанъ вскарабкался наверхъ, взялъ палку, просунулъ внутрь армякъ и началъ болтать въ отверстіи палкой, приго-

варивая: «выходи, выходи!» Онъ еще болталъ палкой, какъ вдругъ дверь коморки быстро распахнулась—вся челядь тотчасъ кубаремъ скатилась съ лѣстницы, Гаврило прежде всѣхъ. Дядя Хвостъ заперъ окно.

— Ну, ну, ну, ну, кричалъ Гаврило со двора: — смотри у меня, смотри.

Герасимъ неподвижно стоялъ на порогѣ. Толпа собралась у подножія лѣстницы. Герасимъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ людишекъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ, сверху, слегка оперши руки въ бока; въ своей красной, крестьянской рубашкѣ, онъ казался какимъ-то великаномъ передъ ними. Гаврило сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Смотри, братъ, примолвилъ онъ:— у меня не озарничай.

И онъ началъ ему объяснять знаками, что барыня, молъ, непремѣнно требуетъ твоей собаки: подавай, молъ, ее сейчасъ, ато бѣда тебѣ будетъ.

Герасимъ посмотрѣлъ на него, указалъ на собаку, сдѣлалъ знакъ рукою у своей шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопросительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.

— Да, да, возразилъ тотъ, кивая головой:—да, непремѣнно.

Герасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любопытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушенія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврило.

Герасимъ поглядѣлъ на него, презрительно усмѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— Чтожъ это такое значитъ? началъ Гаврило. — Онъ запрется?

— Оставьте его, Гаврило Андреичъ, промолвилъ Степанъ: — онъ сдѣлаетъ, коли обѣщалъ. Ужь онъ такой.... Ужь коли онъ обѣщаетъ, это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что правда, то правда. Да.

— Да, повторили всѣ и тряхнули головами.—Это такъ. Да.

Дядя Хвостъ отворилъ окно и тоже сказалъ: «да.»

—Ну, пожалуй, посмотримъ, возразилъ Гаврило:—а караулъ все-таки не снимать.... Эй ты, Ерошка! прибавилъ онъ, обращаясь къ какому-то блѣдному человѣку, въ жолтомъ нанковомъ казакинѣ, который считался садовникомъ: — что тебѣ дѣлать! возьми палку да сиди тутъ, и чуть что, тотчасъ ко мнѣ бѣги!

Ерошка взялъ палку и сѣлъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы Толпа разошлась, исключая немногихъ любопытныхъ и мальчишекъ, а Гаврило вернулся домой и черезъ Любовь Любимовну велѣлъ доложить барынѣ, что все исполнено, а самъ на всякій случай послалъ форейтора къ хожалому. Барыня завязала въ носовомъ платкѣ узелокъ, налила на него о-де-колону, понюхала, потерла себѣ виски, накушалась чаю и, будучи еще подъ вліяніемъ лавро вишневыхъ капель, заснула опять.

Спустя часъ послѣ всей этой тревоги, дверь коморки растворилась и показался Герасимъ. На немъ былъ праздничный кафтанъ; онъ велъ Муму на веревочкѣ. Ерошка посторонился и далъ ему пройти. Герасимъ направился въ воротамъ. Мальчишки и всѣ бывшіе на дворѣ проводили его глазами, молча. Онъ даже не обернулся, шапку надѣлъ только на улицѣ. Гаврило послалъ вслѣдъ за нимъ того же Ерошку въ качествѣ наблюдателя. Ерошка увидалъ издали, что онъ вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ собакой, и сталъ дожидаться его выхода.

Въ трактирѣ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжолыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая—въ щи. Онъ заслонилъ лицо свое рукой. Муму съѣла полтарелки и отошла, облизываясь. Герасимъ всталъ, заплатилъ за щи и пошелъ вонъ, сопровождаемый нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ половаго. Ерошка, увидавъ Гара-

сима, заскочилъ за уголъ и пропустивъ его мимо, опять отправился вслѣдъ за нимъ.

Герасимъ шелъ не торопясь и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ бы въ раздумьи, и вдругъ быстрыми шагами отправился прямо къ Крымскому Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристроивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкой. Отъ Крымскаго Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста, гдѣ стояли двѣ лодочки, съ веслами, привязанными къ колушкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде), и вскочилъ въ одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ Муму. Какой-то хромой старичишко вышелъ изъ-за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него. Но Герасимъ только закивалъ головой и такъ сильно принялся грести, хотя и противъ теченья рѣки, что въ одно мгновеніе умчался саженей на сто. Старикъ постоялъ, постоялъ, почесалъ себѣ спину сперва лѣвой, потомъ правой рукой и вернулся, хромая, въ шалашъ.

А Герасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ уже Москва осталась назади. Вотъ уже потянулись по берегамъ луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повѣяло деревней. Онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладинкѣ — дно было залито водой — и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у ней на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относило назадъ къ городу. Наконецъ Герасимъ выпрямился поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее.... Она довѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки.... Герасимъ ничего не слыхалъ, ни быстраго визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ, и когда онъ снова раскрылъ глаза, по прежнему спѣшили по рѣкѣ, какъ бы гоняясь другъ за дружкой, маленькія волны, по прежнему поплескивали онѣ о бока лодки, и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги.

Ерошка, какъ только Гарасимъ скрылся у него изъ виду, вернулся домой и донесъ все, что видѣлъ.

— Ну, да, замѣтилъ Степанъ:—онъ ее утопитъ. Ужь можно быть спокойнымъ. Коли онъ что обѣщалъ...

Въ теченіи дня никто не видѣлъ Гарасима. Онъ дома не обѣдалъ. Насталъ вечеръ; собрались къ ужину всѣ, кромѣ его.

— Экой чудный этотъ Гарасимъ! пропищала толстая прачка: — можно ли эдакъ изъ-за собаки проклажаться!.... Право!

— Да Гарасимъ былъ здѣсь, воскликнулъ вдругъ Степанъ, загребая себѣ ложкой каши.

— Какъ? когда?

— Да вотъ часа два тому назадъ. Какже. Я съ нимъ въ воротахъ повстрѣчался; онъ ужь опять отсюда шелъ, со двора выходилъ. Я было хотѣлъ спросить его насчетъ собаки-то, да онъ, видно, не въ духѣ былъ. Ну и толкнулъ меня; должно быть, онъ такъ только отсторонить меня хотѣлъ: дескать, не приставай, — да такого необыкновеннаго леща мнѣ въ становую жилу поднесъ, важно такъ, что ой-ой-ой! —И Степанъ съ невольной усмѣшкой пожался и потеръ себѣ затылокъ. — Да, прибавилъ онъ: — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Всѣ посмѣялись надъ Степаномъ и, послѣ ужина, разошлись спать.

А, между тѣмъ, въ ту самую пору, по Т...у шоссе, усердно и безостановочно шагалъ какой-то великанъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ. Это былъ Гарасимъ. Онъ спѣшилъ безъ оглядки, спѣшилъ домой, къ себѣ въ деревню, на родину. Утопивъ бѣдную Муму, онъ прибѣжалъ въ свою коморку, проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ на плечо да и былъ таковъ. Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда, когда его везли въ Москву; деревня, изъ которой барыня его взяла, лежала всего въ двадцати-пяти верстахъ отъ шоссе. Онъ шелъ по немъ съ какой-то несокрушимой отвагой, съ отчаянной и вмѣстѣ радостной рѣшимостью. Онъ шелъ; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились впередъ. Онъ торопился какъ будто мать-старушка ждала его на родинѣ, какъ будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на

чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ.... Только-что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла; съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезавшаго дня,—съ другой стороны уже вздымался синій, сѣдой сумракъ. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, въ запуски перекликивались коростели.... Гарасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночнаго шушуканья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильныя его ноги; но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему на встрѣчу, — вѣтеръ съ родины, — ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу, — дорогу домой, прямую какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя звѣзды, свѣтившія его пути, и какъ левъ выступалъ сильно и бодро, такъ что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только-что расходившагося молодца, между Москвой и имъ легло уже тридцать-пять верстъ....

Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую туда поселили. Помолясь передъ образами, тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала было удивился; но сѣнокосъ только что начинался: Гарасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки, — и пошелъ косить онъ по старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его розмахи да загребы....

А въ Москвѣ, на другой день послѣ побѣга Гарасима, хватились его. Пошли въ его коморку, обшарили ее, сказали Гаврилѣ. Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и рѣшилъ, что нѣмой либо бѣжалъ, либо утопъ вмѣстѣ со своей глупой собакой. Дали знать полиціи, доложили барынѣ. Барыня разгнѣвалась, расплакалась, велѣла отыскать его, во что бы то ни стало, увѣряла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и наконецъ такой дала нагоняй Гаврилѣ, что тотъ цѣлый день только потряхивалъ головой да приговаривалъ: «Ну!» пока Дядя Хвостъ его не урезонилъ, сказавъ ему: «Ну-у!» Наконецъ пришло извѣстіе изъ деревни о прибытіи

туда Гарасима. Барыня нѣсколько успокоилась; сперва было отдала приказаніе немедленно вытребовать его назадъ въ Москву, потомъ, однако, объявила, что такой неблагодарный человѣкъ ей вовсе не нуженъ. Впрочемъ, она скоро сама послѣ того умерла; а наслѣдникамъ ея было не до Гарасима: они и остальныхъ-то матушкиныхъ людей распустили по оброку.

И живетъ до сихъ поръ Гарасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучь по прежнему и работаетъ за четырехъ по прежнему и по прежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что, со времени своего возвращенія изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами, даже не глядитъ на нихъ, и ни одной собаки у себя не держитъ. «Впрочемъ — толкуютъ мужики — его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака — на что ему собака! къ нему на дворъ вора о́селомъ не затащишь!» Такова ходитъ молва о богатырской силѣ нѣмаго.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

—

На большой Б....й дорогѣ, въ одинаковомъ почти разстояніи отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, чрезъ которые она проходитъ, еще недавно стоялъ обширный постоялый дворъ, очень хорошо извѣстный проѣзжимъ извощикамъ, обознымъ мужикамъ, купеческимъ прикащикамъ, мѣщанамъ-торговцамъ, и вообще всѣмъ многочисленнымъ и разнороднымъ проѣзжимъ, которые во всякое время года накатываютъ наши дороги. Бывало, всѣ заворачивали на тотъ дворъ. Развѣ только какая-нибудь помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ доморощенныхъ лошадей, торжественно проплывала мимо, что̀ не мѣшало однако ни кучеру, ни лакею на запяткахъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вниманіемъ посмотрѣть на лишкомъ имъ знакомое крылечко; или какой-нибудь голякъ въ дрянной тележкѣ и съ тремя пятаками въ мошнѣ за пазухой, поровнявшись съ богатымъ дворомъ, понукалъ свою усталую лошаденку, поспѣшая на ночлегъ въ лежавшіе подъ большакомъ выселки, къ мужичку хозяину, у котораго кромѣ сѣна и хлѣба не найдешь ничего, да за то лишней копейки не заплатишь. Кромѣ своего выгоднаго мѣстоположенія, постоялый дворъ, о которомъ мы начали рѣчь, бралъ многимъ: отличной водой въ двухъ глубокихъ колодцахъ со скрипучими колесами и желѣз-

ными бадьями на цѣпяхъ; просторнымъ дворомъ съ сплошными тесовыми навѣсами на толстыхъ столбахъ; обильнымъ запасомъ хорошаго овса въ подвалѣ; теплой избой съ огромнѣйшей русской печью, къ которой на подобіе богатырскихъ плечей прилегали длинные борова, и наконецъ двумя довольно чистыми комнатками, съ красно-лиловыми, снизу нѣсколько оборванными бумажками на стѣнахъ, деревяннымъ крашеннымъ диваномъ, такими же стульями и двумя горшками гераніума на окнахъ, которые, впрочемъ, никогда не отпирались и тускнѣли многолѣтней пылью. Другія еще удобства представлялъ этотъ постоялый дворъ; — кузница была отъ него близко, тутъ же почти находилась мельница; наконецъ и поѣсть въ немъ можно было хорошо, по милости толстой и румяной бабы стряпухи, которая кушанье варила вкусно и жирно и не скупилась на припасы; до ближайшаго кабака считалось всего съ полверсты; хозяинъ держалъ табакъ нюхательный, хотя и смѣшанный съ золой, однако чрезвычайно забористый и пріятно разъѣдающій носъ — словомъ, много было причинъ, почему въ томъ дворѣ не переводились всякаго рода постояльцы. Полюбился онъ проѣзжимъ — вотъ главное; безъ этого, извѣстно, никакое дѣло въ ходъ не пойдетъ, а полюбился онъ болѣе потому, какъ толковали въ околоткѣ, что самъ хозяинъ былъ очень счастливъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ удачливъ, хоть онъ и мало заслуживалъ свое счатье, да видно кому повезетъ—такъ ужь повезетъ.

Хозяинъ этотъ былъ мѣщанинъ, звали его Наумомъ Ивановымъ. Роста онъ былъ средняго, толстъ, сутуловатъ и плечистъ; голову имѣлъ большую, круглую, волосы волнистые и уже сѣдые, хотя ему на видъ не было болѣе сорока лѣтъ; лицо полное и свѣжее, низкій, но бѣлый и ровный лобъ и маленькіе, свѣтлые, голубые глаза, которыми онъ очень странно глядѣлъ: — изъ подлобья и въ то же время нагло, что довольно рѣдко встрѣчается. Голову онъ всегда держалъ понуро и съ трудомъ ее поворачивалъ, можетъ быть, оттого, что шея у него была очень коротка; ходилъ бѣгло и не взмахивалъ, а разводилъ на ходу сжатыми руками. Когда онъ улыбался, а улыбался онъ часто, но безъ смѣха, словно про себя, — его крупныя губы непріятно раздвигались и выказывали рядъ

сплошныхъ и блестящихъ зубовъ. Говорилъ онъ отрывисто и съ какимъ-то угрюмымъ звукомъ въ голосѣ. Бороду онъ брилъ, но не ходилъ понѣмецки. Одежда его состояла изъ длиннаго, весьма поношеннаго кафтана, широкихъ шароваръ и башмаковъ на босу ногу. Онъ часто отлучался изъ дому по своимъ дѣламъ, а у него ихъ было много — онъ барышничалъ лошадьми, нанималъ землю, держалъ огороды, скупалъ сады и вообще занимался разными торговыми оборотами — но отлучки его никогда долго не продолжались; какъ коршунъ, съ которымъ онъ особенно по выраженію глазъ своихъ имѣлъ много сходнаго, возвращался онъ въ свое гнѣздо. Онъ умѣлъ держать это гнѣздо въ порядкѣ: всюду поспѣвалъ, все выслушивалъ и приказывалъ, выдавалъ, отпускалъ и разсчитывался самъ, и никому не спущалъ ни копейки, однако и лишняго не бралъ.

Постояльцы съ нимъ не заговаривали, да и онъ самъ не любилъ тратить по пусту слова. «Мнѣ ваши деньги нужны, а вамъ моя харчь», толковалъ онъ, словно отрывая каждое слово: «не дѣтей намъ съ вами крестить, проѣзжій поѣлъ, покормилъ, не засиживайся. А усталъ, такъ спи, не болтай». Работниковъ держалъ онъ рослыхъ и здоровыхъ, но смирныхъ и повадливыхъ; они его очень боялись. Онъ въ ротъ не бралъ хмѣльнаго, а имъ выдавалъ въ великіе праздники по гривеннику на водку; въ другіе дни они не смѣли пить. Люди, подобные Науму, скоро богатѣютъ.... но до блестящаго положенія, въ которомъ онъ находился, — а его считали въ сорокахъ или пятидесяти тысячахъ, — Наумъ Ивановъ дошелъ непрямымъ путемъ....

Лѣтъ за двадцать до того времени, къ которому мы отнесли начало нашего разсказа, уже существовалъ на томъ же мѣстѣ большой дороги постоялый дворъ. Правда, на немъ не было темно-красной тесовой крыши, которая придавала дому Наума Иванова видъ дворянской усадьбы, и строеніемъ былъ онъ побѣднѣй, и на дворѣ навѣсы имѣлъ соломенные, а вмѣсто бревенчатыхъ стѣнъ, плетеныя; не отличался онъ также трехъугольнымъ греческимъ фронтономъ на точенныхъ столбикахъ, но все же онъ былъ постоялый дворъ хоть куда — помѣстительный, прочный, теплый и проѣзжіе охотно его посѣщали.

Хозяинъ его въ то время былъ не Наумъ Ивановъ, а нѣкто Акимъ Семеновъ, крестьянинъ сосѣдней помѣщицы, Лизаветы Прохоровны Кунце — штабъ-офицерши. Этотъ Акимъ былъ смышленный и тороватый мужикъ, который въ молодыхъ еще лѣтахъ, отправившись въ извозъ съ двумя плохими лошадками, воротился черезъ годъ съ тремя порядочными, да съ тѣхъ поръ почти всю жизнь пространствовалъ по большимъ дорогамъ, ходилъ въ Казань и Одессу, въ Оренбургъ и въ Варшаву и за границу въ «Липецкъ» (*), и ходилъ ужь подъ конецъ съ двумя тройками крупныхъ и сильныхъ жеребцовъ, запряженныхъ въ двѣ громадныя телѣги. Надоѣло ему, что ли, его бездомовное, скитальческое житье, захотѣлось ли ему завестись семействомъ (въ одну изъ его отлучекъ умерла у него жена; дѣти, которые были, тоже померли), только онъ рѣшился наконецъ бросить свое прежнее ремесло и завести постоялый дворъ. Съ позволенія своей барыни, основался онъ на большой дорогѣ, гдѣ еще покойнымъ ея мужемъ пріобрѣтено было полдесятины земли и застроилъ на ней постоялый дворъ. Дѣло пошло на ладъ. Денегъ у него на обзаведеніе было слишкомъ довольно; опытность, пріобрѣтенная имъ въ теченіе долговременныхъ странствованій по всѣмъ концамъ Россіи, послужила ему въ великую пользу: онъ зналъ, чѣмъ угодить проѣзжимъ, особенно прежней своей братьѣ, троичнымъ извощикамъ, изъ которыхъ со многими онъ былъ знакомъ лично, и которыми особенно дорожатъ содержатели постоялыхъ дворовъ: такъ много ѣдятъ и потребляютъ эти люди на себя и на своихъ могучихъ лошадей. Акимовъ дворъ сталъ извѣстенъ на сотни верстъ вокругъ.... Къ нему даже охотнѣе заѣзжали, чѣмъ къ смѣнившему его впослѣдствіи Науму, хотя Акимъ далеко не могъ сравниться съ Наумомъ въ умѣньи хозяйничать; у Акима все было больше на старинную ногу, тепло, но не совсѣмъ чисто; и овесъ у него попадался легкій или подмоченный, и кушанье-то варилось съ грѣхомъ пополамъ; у него иногда и такую снѣдь подавали на столъ, что лучше бы ей совсѣмъ въ печи оставаться, и не

(*) Въ Лейпцигъ.

то, чтобы онъ на харчи скупился, а такъ—баба не досмотритъ. За то онъ и съ цѣны готовъ былъ сбавить, и въ долгъ, пожалуй, не отказывался повѣрить, словомъ — хорошій былъ человѣкъ, ласковый хозяинъ. На разговоры, на угощенье онъ тоже былъ податливъ; за самоваромъ иной часъ такъ разболтается, что уши развѣсишь, особенно какъ станетъ разсказывать про Питеръ, про степи черкасскія, или вотъ еще про заморскую сторону; ну и выпить, разумѣется, съ хорошимъ человѣкомъ любилъ, только не до безобразія, а больше для общества — такъ объ немъ отзывались проѣзжіе. Весьма благоволили къ нему купцы, и вообще всѣ тѣ люди, которыхъ называютъ старозавѣтными, тѣ люди, которые не подпоясавшись въ дорогу не поѣдутъ, и въ комнату не войдутъ не перекрестившись, и не заговорятъ съ человѣкомъ, не поздоровавшись съ нимъ напередъ. Уже одна наружность Акима располагала въ его пользу: онъ былъ роста высокаго, нѣсколько худъ, но очень строенъ, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; лицо имѣлъ длинное, благообразное и правильное, высокій и открытый лобъ, носъ прямой и тонкій, и небольшія губы. Взглядъ его карихъ на выкатѣ глазъ такъ и сіялъ привѣтливой кротостью, жидкіе и мягкіе волосы завивались въ кольца около шеи; на макушкѣ оставалось ихъ очень немного. Звукъ Акимова голоса былъ очень пріятенъ, хотя слабъ; въ молодости онъ отлично пѣвалъ, но продолжительныя путешествія на открытомъ воздухѣ зимой разстроили его грудь. За то говорилъ онъ очень плавно и сладко. Когда онъ смѣялся, у него около глазъ располагались лучеобразныя морщинки, чрезвычайно милыя на видъ; — только у добрыхъ людей можно замѣтить такія морщинки. Движенья Акима были большею частью медленны и не лишены нѣкоторой увѣренности и важной учтивости, какъ у человѣка бывалаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку.

Точно, всѣмъ бы хорошъ былъ Акимъ, или какъ его называли въ барскомъ домѣ, куда онъ хаживалъ часто и уже непремѣнно по воскресеньямъ, послѣ обѣдни — Акимъ Семеновичъ, — всѣмъ бы былъ онъ хорошъ, кабы не водилась за нимъ одна слабость, которая уже многихъ людей на землѣ погубила, а подъ конецъ сгубила и его самого—слабость къ женскому полу. Влюбчивость Акима доходила до крайности; серд-

це его никакъ не умѣло противиться женскому взгляду, онъ таялъ отъ него, какъ первый осенній снѣгъ отъ солнца... и порядочно уже пришлось ему поплатиться за свою излишнюю чувствительность.

Въ теченіе перваго года послѣ поселенья своего на большой дорогѣ, Акимъ такъ былъ занятъ постройкой двора, обзаведеніемъ хозяйства, и всѣми хлопотами, которыя неразлучны съ каждымъ новосельемъ, что ему рѣшительно некогда было думать о женщинахъ, а если и приходили ему на умъ какія-нибудь грѣшныя мысли, такъ онъ ихъ тотчасъ прогонялъ чтеніемъ разныхъ священныхъ книгъ, къ которымъ питалъ великое уваженіе (грамотѣ онъ выучился еще съ первой своей поѣздки), пѣніемъ вполголоса псалмовъ, или другимъ какимъ богобоязненнымъ занятіемъ. — Притомъ же ему уже пошелъ тогда 46-й годъ — а въ эти лѣта всякія страсти замѣтно утихаютъ и стынутъ — и для женитьбы прошла пора. Акимъ самъ начинаетъ думать, что съ него ета блажь, какъ онъ выражался, соскочила.... да видно своей судьбы не минуешь.

Бывшая Акимова помѣщица, Лизавета Прохоровна Кунце — штабъ-офицерша, оставшаяся вдовой послѣ супруга нѣмецкаго происхожденія, была сама урожденка города Митавы, гдѣ она провела первые годы своего дѣтства, и гдѣ у ней оставалось очень многочисленное и бѣдное семейство, о которомъ она, впрочемъ, заботилась мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ ея братьевъ, армейскій пѣхотный офицеръ, нечаянно заѣхалъ къ ней въ домъ и на второй же день до того разбуянился, что чуть не прибилъ самой хозяйки, назвавъ ее притомъ du Lumpen mam'sell, между тѣмъ, какъ наканунѣ самъ величалъ ее ломанымъ русскимъ языкомъ «сестрица и благодѣтель». Лизавета Прохоровна почти безвыѣздно жила въ своемъ хорошенькомъ, трудами супруга, бывшаго архитектора, благопріобрѣтенномъ имѣньѣ; сама имъ управляла и очень недурно управляла. Лизавета Прохоровна не упускала ни малѣйшей своей выгоды, изо всего извлекала пользу для себя; и въ этомъ, да еще въ необыкновенномъ умѣньи тратить вмѣсто гроша копейку, сказалась ея нѣмецкая природа; во всемъ другомъ она очень обрусѣла. Дворни у нея водилось значительное количество, особенно держала она много дѣвокъ, которыя,

впрочемъ, ѣли хлѣбъ не даромъ; съ утра до вечера спины ихъ не разгибались надъ работой; она любила выѣзжать въ каретѣ, съ ливрейными лакеями на запяткахъ; любила, чтобъ ей сплетничали и наушничали и сама отлично сплетничала; любила взыскать человѣка своей милостью и вдругъ поразить его опалой — словомъ Лизавета Прохоровна вела себя ужь точно какъ барыня. Акима она жаловала — деньги за наемъ земли онъ платилъ ей исправно — милостиво съ нимъ заговаривала, и даже, шутя, приглашала его къ себѣ въ гости.... но именно въ господскомъ домѣ ожидала Акима бѣда.

Въ числѣ горничныхъ Лизаветы Прохоровны находилась одна дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, сирота, по имени Дуняша. Она была недурна собой, стройна и ловка: черты ея, хотя неправильныя, могли понравиться: свѣжій цвѣтъ кожи, густые бѣлокурые волосы, живые сѣрые глазки, маленькій круглый носъ, румяныя губы и особенное какое-то развязное, полу-насмѣшливое, полу-вызывающее выраженіе лица — все это было довольно мило въ своемъ родѣ. Притомъ она, не смотря на свое сиротство, держала себя строго, почти надменно; она происходила отъ столбовыхъ дворовыхъ; ея покойный отецъ Аре́фій лѣтъ 30 былъ ключникомъ, а дѣдъ Степанъ служилъ каммердинеромъ у одного давно умершаго барина, гвардіи сержанта и князя. Одѣвалась она опрятно и щеголяла своими руками, которыя дѣйствительно были чрезвычайно красивы. Дуняша показывала большое пренебреженіе ко всѣмъ своимъ поклонникамъ, съ самоувѣренной улыбочкой выслушивала ихъ любезности и если и отвѣчала имъ, то бо́льшей частью одними восклицаніями, въ родѣ: да! какъ же! стану я! вотъ еще!... Эти восклицанія у ней почти не сходили съ языка. Дуняша провела около трехъ лѣтъ въ Москвѣ въ ученьи, гдѣ она пріобрѣла тѣ особеннаго рода ужимки и замашки, которыми отличаются горничныя побывавшія въ столицахъ. О ней отзывались, какъ о дѣвушкѣ съ самолюбіемъ (великая похвала въ устахъ дворовыхъ людей), которая хотя и видала виды, однако себя не уронила. Шила она тоже недурно, но за всѣмъ тѣмъ Лизавета Прохоровна къ ней не слишкомъ благоволила, по милости главной горничной Кирилловны, женщины уже немолодой, пронырливой и хитрой. Кирилловна пользовалась боль-

шимъ вліяніемъ на свою госпожу и очень искусно умѣла устранять соперницъ.

Въ эту-то Дуняшу и влюбись Акимъ! Да такъ, какъ прежде никогда не влюблялся. Онъ сначала увидалъ ее въ церкви; она только что возвратилась изъ Москвы.... потомъ встрѣчался съ ней нѣсколько разъ въ барскомъ домѣ, наконецъ провелъ съ ней цѣлый вечеръ у прикащика, куда его пригласили на чай, вмѣстѣ съ другими почетными людьми. Дворовые имъ не брезгали, хоть онъ и не принадлежалъ къ ихъ сословію и носилъ бороду; но онъ былъ человѣкъ образованный, грамотный, а главное съ деньгами; при томъ и одѣвался онъ не помужицки, носилъ длинный кафтанъ изъ чернаго сукна, выростковые сапоги и платочекъ на шеѣ. Правда, иные дворовые и толковали промежь себя, что, дескать, все-таки видно, что онъ не нашъ, но въ глаза ему чуть не льстили. Въ тотъ вечеръ у прикащика, Дуняша окончательно покорила влюбчивое сердце Акима, хотя уже рѣшительно не отвѣчала ни одного слова на всѣ его заискивающія рѣчи и лишь изрѣдка съ боку посматривала на него, какъ бы удивляясь, за чѣмъ этотъ мужикъ тутъ. Все это только больше распаляло Акима. Онъ ушелъ къ себѣ домой, думалъ, думалъ и рѣшился добиться ея руки.... Такъ-то она его къ себѣ «присушила!» Но какъ описать гнѣвъ и негодованіе Дуняши, когда дней черезъ пять Кирилловна, ласково зазвавъ ее къ себѣ въ комнату, объявила ей, что Акимъ (а видно онъ умѣлъ, какъ за дѣло взяться!) что этотъ бородачъ и мужикъ Акимъ, съ которымъ и сидѣть-то рядомъ она почитала обидой, за нее сватается!

Дуняша сперва вспыхнула вся, потомъ принужденно захохотала, потомъ заплакала, но Кирилловна такъ искусно повела атаку, такъ ясно дала ей почувствовать собственное ея положеніе въ домѣ, такъ ловко намекнула на приличный видъ, богатство и слѣпую преданность Акима, наконецъ такъ значительно упомянула о желаніи самой барыни, что Дуняша вышла изъ комнаты уже съ раздумьемъ на лицѣ, и, встрѣтившись съ Акимомъ, только пристально посмотрѣла ему въ глаза, но не отвернулась. Несказанно щедрые подарки этого влюбленнаго человѣка разсѣяли ея послѣднія недоумѣнья.... Лизавета Прохоровна, которой Акимъ на радости поднесъ сотню персиковъ

на большомъ серебряномъ блюдѣ, согласилась на его бракъ съ Дуняшей и этотъ бракъ состоялся. Акимъ не пожалѣлъ издержекъ — и невѣста, которая, наканунѣ, сидѣла на дѣвишникѣ, какъ убитая, а въ самое утро свадьбы все плакала, пока ее Кирилловна наряжала къ вѣнцу, скоро утѣшилась.... Ей барыня дала надѣть въ церковь свою шаль — а Акимъ въ тотъ же день подарилъ ей такую же, чуть ли не лучше.

Итакъ Акимъ женился; перевезъ свою молодую къ себѣ во дворъ.... Начали они жить. Дуняша оказалась плохою хозяйкой, плохою подпорой мужу. Она ни во что не входила, грустила, скучала, развѣ какой нибудь проѣзжій офицеръ обращалъ на нее вниманіе и любезничалъ съ ней, сидя за широкимъ самоваромъ; часто отлучалась, то въ городъ за покупками, то въ барскій домъ, до котораго отъ постоялаго двора считалось версты четыре. Въ барскомъ домѣ она отдыхала; тамъ ее окружали свои; дѣвушки завидовали ея нарядамъ; Кирилловна подчивала ее чаемъ; сама Лизавета Прохоровна съ ней разговаривала.... Но и эти посѣщенія необходились безъ горькихъ ощущеній для Дуняши.... Ей, напримѣръ, какъ дворничихѣ, уже не приходилось носить шляпки и она принуждена была повязывать свою голову платкомъ.... какъ купчиха, говорила ей лукавая Кирилловна.... какъ какая-нибудь мѣщанка, думала Дуняша про себя....

Не разъ пришли Акиму на память слова единственнаго его родственника, старика дяди, мужика, заматерѣлаго, безсемейнаго бобыля: ну, братъ, Акимушка, сказалъ онъ ему, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, слышалъ я, ты сватаешься....

— Ну да; а что?

— Эхъ Акимъ, Акимъ! Ты намъ, мужикамъ, не братъ теперь, что и говорить — да и она тебѣ не сестра.

— Да чѣмъ же она мнѣ не сестра?

— А хоть бы вотъ чѣмъ—возразилъ тотъ, и указалъ Акиму на его бороду, которую онъ въ угодность своей невѣстѣ началъ подстригать—сбрить-то ее совсѣмъ онъ не согласился.... Акимъ потупился; а старикъ отвернулся, запахнулъ полы своего разорваннаго на плечахъ тулупа и пошелъ прочь; встряхивая головой.

Да; не разъ задумывался, кряхтѣлъ и вздыхалъ Акимъ.... Но

любовь его къ хорошенькой женѣ не уменьшалась; онъ гордился ею — особенно когда сравнивалъ ее, не говоримъ уже съ другими бабами, или съ своей прежней женой, на которой его женили шестнадцати лѣтъ — но съ другими дворовыми дѣвушками; «вотъ молъ мы какую пташку заполевали»!... Малѣйшая ея ласка доставляла ему великое удовольствіе.... Авось, думалъ онъ, попривыкнетъ, обживется.... Притомъ она вела себя очень хорошо, и никто не могъ сказать про нее худаго слова.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Дуняша, дѣйствительно, кончила тѣмъ, что привыкла къ своему житью. — Акимъ чѣмъ больше старѣлъ, тѣмъ больше къ ней привязывался и довѣрялъ ей; товарки ея, которыя вышли замужъ не за мужиковъ, терпѣли нужду кровную, либо бѣдствовали, либо попали въ недобрыя руки.... А Акимъ богатѣлъ, да богатѣлъ. Все ему удавалось — счастье ему везло; одно только его сокрушало: дѣтей ему Богъ не давалъ. Дуняшѣ уже перешло за 25 лѣтъ; ужь всѣ ее стали величать Авдотьей Арефьевной. Настоящей хозяйкой она все-таки не сдѣлалась; но домъ свой полюбила, распоряжалась припасами, присматривала за работницей.... Правда, она все дѣлала кое-какъ—не наблюдала какъ бы слѣдовало за чистотой и порядкомъ; за то въ главной комнатѣ постоялаго двора, рядомъ съ портретомъ Акима, висѣлъ ея портретъ, писанный масляными красками и заказанный ею самою доморощенному живописцу, сыну приходскаго дьякона. — Она была представлена въ бѣломъ платьѣ, жолтой шали, съ шестью нитками крупнаго жемчуга на шеѣ, длинными серьгами въ ушахъ и кольцами на каждомъ пальцѣ. — Узнать ее было можно — хотя живописецъ изобразилъ ее черезчуръ дебелой и румяной — и глаза ей написалъ вмѣсто сѣрыхъ, чорные и даже нѣсколько косые... Акимъ ему вовсе не удался — онъ вышелъ у него какъ-то очень темно — à la Rembrandt — такъ что иной проѣзжій подойдетъ бывало, посмотритъ и только помычитъ немного. Одѣваться Авдотья стала довольно небрежно; накинетъ большой платокъ на плечи — а платье подъ нимъ какъ-нибудь сидитъ: лѣнь ее обуяла, та вздыхающая, вялая, сонливая лѣнь, къ которой слишкомъ склоненъ русскій человѣкъ, особенно когда существованіе его обезпечено....

Со всѣмъ тѣмъ дѣла Акима и жены его шли очень хорошо —они жили ладно и слыли за примѣрныхъ супруговъ. Но какъ бѣлка, которая чиститъ себѣ носъ въ то самое мгновенье, когда стрѣлокъ въ нее цѣлится, человѣкъ не предчувствуетъ своего несчастья — и вдругъ подламывается какъ на льду....

Въ одинъ осенній вечеръ, на постояломъ дворѣ у Акима остановился купецъ съ краснымъ товаромъ. Разными окольными дорогами пробирался онъ съ двумя нагруженными кибитками изъ Москвы въ Харьковъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ разнощиковъ, которыхъ помѣщики и въ особенности помѣщичьи жены и дочери ожидаютъ иногда съ такимъ великимъ нетерпѣніемъ. Съ этимъ резнощикомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, ѣхало двое товарищей или, говоря правильнѣе, двое работниковъ — одинъ блѣдный, худой и горбатый, другой молодой, видный, красивый малый лѣтъ 20. Они спросили себѣ поужинать, потомъ сѣли за чай; разнощикъ попросилъ хозяевъ выкушать съ ними по чашкѣ — хозяева не отказались. Между двумя стариками (Акиму стукнуло 59 лѣтъ) скоро завязался разговоръ; разнощикъ распрашивалъ о сосѣднихъ помѣщикахъ — а никто лучше Акима не могъ сообщить ему всѣ нужныя свѣдѣнія на ихъ счетъ; горбатый работникъ безпрестанно ходилъ смотрѣть телѣги и наконецъ убрался спать; Авдотьѣ пришлось бесѣдовать съ другимъ работникомъ.... Она сидѣла подлѣ него и говорила мало, больше слушала, что тотъ ей разсказывалъ; но видно, рѣчи его ей нравились; ея лицо оживилось, краска заиграла на щекахъ, и смѣялась она довольно часто и охотно. Молодой работникъ сидѣлъ почти не шевелясь, и наклонивъ къ столу свою кудрявую голову; говорилъ тихо, не возвышая голоса и не торопясь; за то глаза его, небольшіе, но дерзкосвѣтлые и голубые, такъ и впились въ Авдотью; она сперва отворачивалась отъ нихъ, потомъ сама стала глядѣть ему въ лицо... Лицо этого молодаго парня было свѣжо и гладко какъ крымское яблоко; онъ часто ухмылялся и поигрывалъ бѣлыми пальцами по подбородку, уже покрытому рѣдкимъ и темнымъ пухомъ. Выражался онъ по-купечески, но очень свободно и съ какой-то небрежной самоувѣренностью — и все смотрѣлъ на нее тѣмъ же пристальнымъ и наглымъ взглядомъ.... Вдругъ онъ пододвинулся къ ней немного поближе и, нимало неизмѣ-

нившись въ лицѣ, сказалъ ей: Авдотья Арефьевна, лучше васъ на свѣтѣ никого нѣтъ; я, кажется, помереть готовъ для васъ.

Авдотья громко засмѣялась.

— Чему ты? спросилъ ее Акимъ.

— Да вотъ — они такое все смѣшное разсказываютъ, проговорила она безъ особеннаго, впрочемъ, смущенія.

Старый разнощикъ осклабился.

— Хе, хе, да-съ; у меня Наумъ такой ужь балагуръ-съ. Но вы его не слушайте-съ.

— Да! какъ же! стану я ихъ слушать — возразила она и покачала головой.

— Хе, хе, конечно-съ, замѣтилъ старикъ. Ну однако, прибавилъ онъ на распѣвъ: — прощенья просимъ-съ, много довольны-съ, а пора и на баковую-съ... И онъ всталъ.

— Много довольны-съ и мы-съ, промолвилъ Акимъ и тоже всталъ: — за угощенье, то есть, впрочемъ, спокойной ночи желаемъ-съ. Авдотьюшка, вставай.

Авдотья поднялась, словно нехотя, за ней поднялся и Наумъ.... и всѣ разошлись.

Хозяева отправились въ отдѣльную коморку, служившую имъ вмѣсто спальни. Акимъ захрапѣлъ тотчасъ. Авдотья долго не могла заснуть.... Сперва она лежала тихо, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ; потомъ начала метаться на горячемъ пуховикѣ, то сбрасывала, то натягивала одѣяло.... потомъ задремала тонкой дремотой. Вдругъ раздался со двора громкій мужской голосъ: онъ пѣлъ какую-то протяжную, но не заунывную пѣснь, слова которой нельзя было разобрать. Авдотья раскрыла глаза, облокотилась и стала слушать.... Пѣсня все продолжалась.... Звонко переливалась она въ осеннемъ воздухѣ.

Акимъ поднялъ голову.

— Кто это поетъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Хорошо поетъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного. — Хорошо. Экій голосина сильный. Вотъ и я въ свое время пѣвалъ, продолжалъ онъ, — и хорошо пѣвалъ, да голосъ испортился. А этотъ хорошъ. Знать молодецъ тотъ поетъ, Наумомъ что ли его зовутъ. — И онъ повернулся на другой бокъ — вздохнулъ и заснулъ опять.

Долго еще не умолкалъ голосъ.... Авдотья все слушала, да слушала, наконецъ онъ вдругъ словно оборвался, еще разъ вскрикнулъ лихо и медленно замеръ. Авдотья перекрестилась, положила голову на подушку.... Прошло полчаса.... Она приподнялась и стала тихонько спускаться съ постели....

— Куда ты, жена? спросилъ ее сквозь сонъ Акимъ.

Она остановилась.

— Лампадку поправить, проговорила она: не спится что-то....

— А ты помолись, пролепеталъ Акимъ, засыпая.

— Авдотья подошла къ лампадкѣ, стала поправлять ее и нечаянно погасила; вернулась и легла. Все утихло.

На другое утро, рано, купецъ отправился въ путь съ своими товарищами. Авдотья спала. Акимъ проводилъ ихъ съ полверсты, ему надобно было зайдти на мельницу. Вернувшись домой онъ засталъ уже свою жену одѣтую и не одну; съ ней былъ вчерашній молодой парень Наумъ. Они стояли подлѣ стола у окна и разговаривали. Увидавъ Акима, Авдотья молча пошла вонъ изъ комнаты, а Наумъ сказалъ, что вернулся за хозяйскими рукавицами, которыя тотъ будто позабылъ на лавкѣ, и тоже ушелъ.

Мы теперь же скажемъ читателямъ то, о чемъ они вѣроятно и безъ насъ догадались: Авдотья страстно полюбила Наума. Какъ это могло случиться такъ скоро, объяснить трудно; тѣмъ болѣе трудно, что до того времени, она вела себя безукоризненно, не смотря на множество случаевъ и покушеній измѣнить супружеской вѣрности. Впослѣдствіи, когда связь ея съ Наумомъ стала гласною, многіе въ околоткѣ толковали, что онъ въ первый же вечеръ подсыпалъ ей въ чашку чая приворотнаго зелья (у насъ еще твердо вѣрятъ въ дѣйствительность подобнаго средтсва), и это это очень легко можно было замѣтить по Авдотьѣ, которая будто скоро потомъ начала худѣть и скучать.

Какъ бы то ни было, но только Наума стали довольно часто видать на Акимовомъ дворѣ. Сперва проѣхалъ онъ опять съ тѣмъ же купцомъ, а мѣсяца черезъ три появился уже одинъ съ собственнымъ товаромъ; потомъ пронесся слухъ, что онъ поселился въ одномъ изъ близлежащихъ уѣздныхъ городовъ, и съ той поры уже не проходило недѣли, чтобы не показалась

на большой дорогѣ его крѣпкая крашеная тележка, запряженная парой круглыхъ лошадокъ, которыми онъ правилъ самъ. Между Акимомъ и имъ не существовало особой дружбы, да и непріязни между ними не замѣчалось; Акимъ не обращалъ на него большаго вниманія, и зналъ только о немъ, какъ о смышленомъ маломъ, который бойко пошелъ въ ходъ. Настоящихъ чувствъ Авдотьи онъ не подозрѣвалъ и продолжалъ довѣрять ей по прежнему.

Такъ прошло еще два года.

Вотъ однажды въ лѣтній день, передъ обѣдомъ, часу во второмъ, Лизавета Прохоровна, которая въ теченіи именно этихъ двухъ годовъ, какъ-то вдругъ сморщилась и пожелтѣла, не смотря на всѣ возможныя притиранія, румяна и бѣлила, Лизавета Прохоровна съ собачкой и складнымъ зонтикомъ вышла погулять въ свой нѣмецкій чистенькій садикъ. Слегка шумя накрахмаленнымъ платьемъ, шла она маленькими шагами по песчаной дорожкѣ, между двумя рядами вытянутыхъ въ струнку георгинъ, какъ вдругъ ее нагнала старинная наша знакомая Кирилловна, и почтительно доложила, что какой-то Б....й купецъ желаетъ ее видѣть по весьма важному дѣлу. Кирилловна по прежнему пользовалась господскою милостью, (въ сущности *она* управляла имѣніемъ г-жи Кунце) и съ нѣкотораго времени получила позволеніе носить бѣлый чепецъ, что придавало еще болѣе рѣзкости тонкимъ чертамъ ея смуглаго лица.

— Купецъ? спросила барыня. Что ему нужно?

— Не знаю-съ, что имъ надоть, возразила Кирилловна вкрадчивымъ голосомъ: — а только кажется они желаютъ у васъ что-то купить-съ.

Лизавета Прохоровна вернулась въ гостиную, сѣла на обыкновенное свое мѣсто, кресло съ куполомъ, по которому красиво извивался плющь, и велѣла кликнуть Б....аго купца.

Вошелъ Наумъ, поклонился и остановился у двери.

— Я слышала, вы у меня что-то купить хотите, начала Лизавета Прохоровна и сама про себя подумала: — какой красивый мужчина этотъ купецъ.

— Точно такъ-съ.

— Что же именно?

— Не изволите ли продавать постоялый вашъ дворъ?

— Какой дворъ?

— Да вотъ что на большой дорогѣ, отсюда не далече.

— Да это дворъ не мой. Это Акимовъ дворъ.

— Какъ не вашъ? На вашей землицѣ сидитъ-съ,

— Положимъ — земля моя; да дворъ-то его.

— Такъ-съ. Такъ вотъ не изволите ли вы его продать намъ-съ.

— Какъ же я его продамъ?

— Такъ-съ. А мы бы цѣну хорошую положили-съ.

Лизавета Прохоровна помолчала.

— Право это странно, начала она опять: — какъ вы говорите. А чтобы вы дали? прибавила она. — То есть, я не для себя спрашиваю, а для Акима.

— Да совсѣмъ строеніемъ-съ и угодьями-съ, ну да конечно и съ землей, какая при томъ дворѣ находится, двѣ тысячи рублей бы дали-съ.

— Двѣ тысячи рублей! Это мало, возразила Лизавета Прохоровна.

— Настоящая цѣна-съ.

— Да вы съ Акимомъ говорили?

— Зачѣмъ намъ съ ними говорить-съ. Дворъ вашъ, такъ вотъ мы съ вами и изволимъ разговаривать-съ.

— Да я жь вамъ объявила.... Право это удивительно, какъ это вы меня не понимаете!

— Отчего же не понять-съ, понимаемъ-съ.

Лизавета Прохоровна посмотрѣла на Наума, Наумъ посмотрѣлъ на Лизавету Прохоровну.

— Такъ какъ же-съ, началъ онъ: — какое будетъ, съ вашей стороны, то есть, предложеніе?

— Съ моей стороны.... Лизавета Прохоровна зашевелилась на креслѣ. — Вопервыхъ, я вамъ говорю, что двухъ тысячъ мало, а вовторыхъ....

— Сотенку накинемъ-съ, извольте.

Лизавета Прохоровна встала.

— Я вижу вы совсѣмъ не то говорите, я вамъ уже сказала, что я этотъ дворъ не могу продавать и не продамъ. Вѣдь, Акимъ, пожалуй со мной тяжбу затѣетъ.

Наумъ улыбнулся и помолчалъ.

— Ну, какъ угодно-съ.... промолвилъ онъ слегка пожавъ плечомъ: — просимъ прощенья-съ. И онъ поклонился и взялся за ручку двери.

Лизавета Прохоровна обернулась къ нему.

— Впрочемъ.... проговорила она съ едва замѣтной запинкой: — вы еще не уѣзжайте. — Она позвонила: изъ кабинета явилась Кирилловна. — Кирилловна, вели напоить г-на купца чаемъ. Я васъ еще увижу, прибавила она, слегка кивнувъ головой.

Наумъ еще разъ поклонился и вышелъ вмѣстѣ съ Кирилловной.

Лизавета Прохоровна раза два прошлась по комнатѣ и опять позвонила. На этотъ разъ вошелъ казачокъ. Она приказала ему позвать Кирилловну. Черезъ нѣсколько мгновеній вошла Кирилловна, чуть поскрыпывая своими новыми козловыми башмаками.

— Слышала ты, начала Лизавета Прохоровна, съ принужденнымъ смѣхомъ: — что мнѣ купецъ этотъ предлагаетъ—такой, право, чудакъ!

— Нѣтъ-съ не слыхала.... Что такое-съ? И Кирилловна слегка прищурила свои чорные, калмыцкіе глазки.

— Онъ у меня Акимовъ дворъ хочетъ купить.

— Такъ что же-съ?

— Да вѣдь какже... А что-же Акимъ? Я его Акиму отдала.

— И, помилуйте, барыня, что̀ вы это изволите говорить? Развѣ этотъ дворъ не вашъ?

— Что *ты* это говоришь, Кирилловна, помилуй? — Лизавета Прохоровна достала батистовый платокъ и первически высморкалась. — Какъ же Акимъ будетъ....

— Акимъ? Да онъ и такъ столько времени пользовался.... Вѣдь все по вашей же милости. А вы думаете, сударыня, что у него такъ и не останется больше денегъ? Да онъ богаче васъ, ей Богу-съ.

— Все это такъ, конечно; но все же я не могу.... Какъ же это я этотъ дворъ продамъ?

— Отчего же не продать-съ? продолжала Кирилловна. — Благо покупщикъ нашелся. Позвольте узнать-съ, сколько они вамъ предлагаютъ?

— Двѣ тысячи рублей слишкомъ, тихо проговорила Лизавета Прохоровна.

— Онъ, сударыня, больше дастъ, коли двѣ тысячи съ перваго слова предлагаетъ. А съ Акимомъ вы потомъ сдѣлаетесь — Онъ еще благодаренъ будетъ.

— Конечно, надо будетъ сдѣлаться. Но нѣтъ, Кирилловна, какъ же я продамъ.... И Лизавета Прохоровна заходила взадъ и впередъ по комнатѣ.... — Нѣтъ, это невозможно, это не годится.... нѣтъ, пожалуйста ты мнѣ больше этого не говори... а то я разсержусь...

Но не смотря на запрещенія взволнованной Лизаветы Прохоровны, Кирилловна продолжала говорить, и черезъ полчаса, возвратилась къ Науму, котораго оставила въ буфетѣ за самоваромъ.

— Что вы мнѣ скажете-съ, моя почтеннѣйшая, проговорилъ Наумъ, щеголевато опрокинувъ допитую чашку на блюдечко.

— А то скажу, возразила Кирилловна: — что идите къ барынѣ, она васъ зоветъ.

— Слушаю-съ отвѣчалъ Наумъ, всталъ и вслѣдъ за Кирилловной отправился въ гостиную.

Дверь за ними затворилась.... Когда наконецъ та дверь опять открылась, и Наумъ, кланяясь, вышелъ изъ нея спиной, дѣло было уже слажено; Акимовъ дворъ принадлежалъ ему: онъ пріобрѣлъ его за 2,800 рублей ассигнаціями; купчую положили совершить какъ можно скорѣе и до времени не разглашать ея; Лизавета Прохоровна получила сто рублей задатку, да двѣсти рублей пошло Кирилловнѣ на магарычъ. «Не дорого купилъ, думалъ Наумъ, взлѣзая на тележку, спасибо случай вышелъ.»

Въ то самое время, когда въ барскомъ домѣ происходила разсказанная нами сдѣлка, Акимъ сидѣлъ у себя одинъ подъ окномъ на лавкѣ, и съ недовольнымъ видомъ поглаживалъ свою бороду.... Мы сказали выше, что онъ не подозрѣвалъ расположенія своей жены къ Науму, хотя добрые люди не разъ ему намекали, что пора, молъ, тебѣ за умъ взяться; конечно, онъ самъ иногда могъ замѣтить, что хозяйка его съ нѣкотораго времени какъ будто норовистѣй стала, да вѣдь извѣстно: женскій полъ ломливъ и прихотливъ. Даже когда ему дѣйстви-

тельно казалось, что у него въ домѣ не ладно что-то, онъ только рукой махалъ: не хотѣлось ему, какъ говорится, поднимать струшню; добродушіе въ немъ не убавлялось съ годами, да и лѣнь брала свое. Но въ тотъ день онъ былъ очень не въ духѣ; наканунѣ онъ совершенно нечаянно подслушалъ на улицѣ разговоръ между своей работницей и другой сосѣдней бабой....

Баба спрашивала работницу отчего она къ ней на праздникъ вечеркомъ не зашла, «я, дескать, тебя поджидала.»

— Да я было и пошла, возразила работница: — да грѣшнымъ дѣломъ на хозяйку насовалась, чтобъ ей пусто было!

— Насовалась.... повторила баба какимъ-то растянутымъ голосомъ и подперла рукою щеку. — А гдѣ жь это ты на нее насовалась, мать моя?

А за конопляниками, за поповскими. Хозяйка-то, знать, къ своему-то, къ Науму, въ конопляники вышла, а мнѣ-то въ темнотѣ не видать; отъ мѣсяца что ли, Господь его знаетъ, прямо такъ на нихъ и наскочила.

— Наскочила, опять повторила баба. — Ну и что же она, мать моя, съ нимъ—стоитъ?

—Стоитъ—ничего. Онъ стоитъ и она стоитъ. Увидала меня, говоритъ, куда ты это бѣгаешь. Пошла-ка съ домой. Я и пошла.

—Пошла.—Баба помолчала.—Ну, прощай Ѳетиньюшка, промолвила она, и поплелась своей дорогой.

Разговоръ этотъ непріятно подѣйствовалъ на Акима. Любовь его къ Авдотьѣ уже охладѣла, но все-таки слова работницы ему не понравились. А она сказала правду: дѣйствительно, въ тотъ вечеръ Авдотья выходила къ Науму, который ожидалъ ее въ сплошной тѣни, падавшей на дорогу отъ недвижнаго и высокаго конопляника. Роса смочила сверху до низу каждый его стебель; сильный до-одури запахъ билъ кругомъ. Мѣсяцъ только что всталъ, большой и багровый въ черноватомъ и тускломъ туманѣ. Наумъ еще издали услыхалъ торопливые шаги Авдотьи и направился къ ней на встрѣчу. Она подошла къ нему вся блѣдная отъ бѣгу; луна свѣтила ей въ лицо.

—Ну что, принесла? спросилъ онъ ее.

— Принести-то принесла, отвѣчала она нерѣшительнымъ голосомъ:—да что, Наумъ Ивановичъ....

— Давай, коли принесла, перебилъ онъ ее и протянулъ руку....

Она достала изъ-подъ косынки какой-то свертокъ, Наумъ тотчасъ взялъ его, и положилъ къ себѣ за пазуху.

— Наумъ Иванычъ, произнесла Авдотья медленно и не спуская съ него глазъ.... Охъ, Наумъ Иванычъ, погублю я для тебя свою душеньку....

Въ это мгновенье подошла къ нему работница.

Итакъ, Акимъ сидѣлъ на лавочкѣ и съ неудовольствіемъ поглаживалъ свою бороду. Авдотья то и дѣло входила въ комнату и опять выходила вонъ. Онъ только провожалъ ее глазами. Наконецъ, она вошла еще разъ, и, захвативъ въ коморкѣ душегрѣйку, перешагнула уже порогъ.... онъ не вытерпѣлъ и заговорилъ какъ будто про себя:

— Удивляюсь я, началъ онъ, чего это бабы всегда суетятся. Посидѣть, этакъ, чтобы на мѣстѣ, этого отъ нихъ и не требуй. Это не ихъ дѣло. А вотъ куда-нибудь сбѣгать, утромъ ли, вечеромъ ли, это онѣ любятъ. Да.

Авдотья выслушала мужнину рѣчь до конца, не перемѣнивъ своего положенія; только при словѣ «вечеромъ» чуть повела головой и словно задумалась.

— Ужь ты, Семенычъ, промолвила она наконецъ съ досадой: —извѣстно, какъ начнешь разговаривать, ужь тутъ....

Она махнула рукой и ушла, хлопнувъ дверью. Авдотья, дѣйствительно, не слишкомъ высоко цѣнила Акимово краснорѣчіе, и, бывало, по вечерамъ, когда онъ принимался разсуждать съ проѣзжими, или пускался въ разсказы, зѣвала тихомолкомъ, или уходила. Акимъ посмотрѣлъ на запертую дверь.... «Какъ начнешь разговаривать», повторилъ онъ вполголоса.... «то-то и есть, что я мало разговаривалъ съ тобой.... И кто же? свой же братъ, да еще....» И онъ всталъ, подумалъ, да постучалъ себѣ кулакомъ по затылку....

Нѣсколько дней прошло послѣ этого дня довольно страннымъ образомъ. Акимъ все поглядывалъ на жену свою, какъ будто собирался ей что-то сказать; и она съ своей стороны на него подозрительно посматривала; при томъ они оба принужденно молчали; впрочемъ это молчаніе обыкновенно прерывалось брюзгливымъ замѣчаніемъ Акима на счетъ какого-нибудь

упущенія въ хозяйствѣ, или на счетъ женщинъ вообще; Авдотья большею частію не отвѣчала ему ни слова. Однако при всей добродушной слабости Акима, между имъ и Авдотьей непремѣнно дошло бы до рѣшительнаго объясненія еслибъ не случилось, наконецъ, происшествія, послѣ котораго всякія объясненія были безполезны.

А именно, въ одно утро, Акимъ съ женой только что собирались пополдничать (проѣзжихъ въ постояломъ дворѣ за лѣтними работами ни одного не было), какъ вдругъ телѣжка бойко застучала по дорогѣ и круто остановилась передъ крыльцомъ. Акимъ глянулъ въ окошко, нахмурился и потупился: изъ телѣжки, не торопясь, вылѣзалъ Наумъ. Авдотья его не увидала, но когда раздался въ сѣняхъ его голосъ, ложка слабо дрогнула въ ея рукѣ. Онъ приказывалъ работнику лошадь поставить на дворъ. Наконецъ дверь распахнулась и онъ вошелъ въ комнату.

— Здорово, промолвилъ онъ, и снялъ шапку.

— Здорово, повторилъ сквозь зубы Акимъ. — Откуда Богъ принесъ?

— По сосѣдству, возразилъ тотъ, и сѣлъ на лавку.—Я отъ барыни.

— Отъ барыни, проговорилъ Акимъ, все не поднимаясь съ мѣста.—По дѣламъ, что ль?

— Да, по дѣламъ; Авдотья Арефьевна, наше вамъ почтеніе.

— Здравствуйте, Наумъ Иванычъ, отвѣтила она.

Всѣ помолчали.

—Что это у васъ, похлебка знать, какая, началъ Наумъ....

— Да, похлебка, возразилъ Акимъ, и вдругъ поблѣднѣлъ:— да не про тебя.

Наумъ съ удивленіемъ глянулъ на Акима.

— Какъ не про меня?

— Да такъ, вотъ, что не про тебя.—У Акима глаза заблестѣли, и онъ ударилъ рукой по столу.—У меня въ домѣ ничего про тебя нѣту, слышишь?

— Что ты, Семенычъ, что ты? Что съ тобой?

— Со мной-то ничего, а *ты* мнѣ надоѣлъ, Наумъ Иванычъ, вотъ что.—Старикъ всталъ и весь затрясся. — Больно часто сталъ ко мнѣ таскаться, вотъ что.

Наумъ тоже всталъ.

— Да ты, братъ, чай рехнулся, произнесъ онъ съ усмѣшкой.—Авдотья Арефьевна, что это съ нимъ!...

—Я тебѣ говорю, закричалъ дребезжащимъ голосомъ Акимъ: — пошелъ вонъ, слышишь.... какая тебѣ тутъ Авдотья Арефьевна.... я тебѣ говорю, слышишь, проваливай!

— Что ты такое мнѣ говоришь? спросилъ значительно Наумъ.

— Пошелъ вонъ отсюда; вотъ что я тебѣ говорю. Вотъ Богъ, а вотъ порогъ.... понимаешь? а не то худо будетъ!

Наумъ шагнулъ впередъ.

— Батюшки, не деритесь, голубчики мои, залепетала Авдотья, которая до того мгновенья сидѣла неподвижно за столомъ....

Наумъ глянулъ на нее.

— Не безпокойтесь, Авдотья Арефьевна, зачѣмъ драться. Экъ-ста, братъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Акиму: — какъ ты раскрычался. Право. Экой прыткій. Слыханое ли дѣло, изъ чужаго дома выгонять, прибавилъ съ медленной разстановкою Наумъ:—да еще хозяина.

— Какъ изъ чужаго дома, пробормоталъ Акимъ. — Какого хозяина?

— А хоть бы меня.

И Наумъ прищурился и оскалилъ свои бѣлые зыбы.

— Какъ тебя? Развѣ не я хозяинъ?

— Экой ты безтолковый, братецъ. Говорятъ тебѣ—я хозяинъ.

Акимъ вытаращилъ глаза.

— Что ты такое врешь, словно бѣлены объѣлся, заговорилъ онъ наконецъ —Какой ты тутъ къ чорту хозяинъ?

— А! что съ тобой толковать, вскрикнулъ съ нетерпѣніемъ Наумъ. — Видишь ты эту бумагу, продолжалъ онъ, выхвативъ изъ кармана сложенный вчетверо гербовый листъ:—видишь? Это купчая, понимаешь, купчая и на землю и на дворъ, я ихъ купилъ у помѣщицы, у Лизаветы Прохоровны купилъ; вчера купчую въ Б....ѣ совершили—хозяинъ здѣсь стало быть я, а не ты. Сегодня же собери свои пожитки, прибавилъ онъ, кладя обратно бумагу въ карманъ:—а завтра, чтобъ и духа твоего здѣсь не было, слышишь?

Акимъ стоялъ, какъ громомъ пришибленный.

— Разбойникъ, простоналъ онъ наконецъ: — разбойникъ.... Эй, Ѳедька, Митька, жена, жена, хватайте его, хватайте — держите его!

Онъ совсѣмъ потерялся.

— Смотри, смотри, съ угрозой произнесъ Наумъ: — смотри, старикъ, не дури....

— Да бей же его, бей его, жена! твердилъ слезливымъ голосомъ Акимъ, напрасно и безсильно порываясь съ мѣста. — Душегубецъ, разбойникъ.... Мало тебѣ ея.... и домъ ты мой у меня отнять хочешь, и все.... Да нѣтъ, стой же.... этого быть не можетъ.... Я пойду самъ, я самъ скажу.... какъ.... за что же продавать.... Постой.... постой....

И онъ безъ шапки бросился на улицу.

— Куда, Акимъ Иванычъ, куда бѣжишь, батюшка, заговорила работница Ѳетинья, столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ.

— Къ барынѣ! пусти! Къ барынѣ.... завопилъ Акимъ, и увидавъ Наумову телѣгу, которую не успѣли еще ввезти на дворъ, вскочилъ въ нее, схватилъ возжи и, ударивъ изо всей силы по лошади, пустился вскачь къ господскому двору.

— Матушка, Лизавета Прохоровна, твердилъ онъ про себя, въ продолженіе всей дороги:—за что же такая немилость? кажется усердствовалъ!

И между тѣмъ онъ все сѣкъ, да сѣкъ лошадь. Встрѣчавшіеся съ нимъ сторонились и долго смотрѣли ему вслѣдъ.

Въ четверть часа доѣхалъ Акимъ до усадьбы Лизаветы Прохоровны, подскакалъ къ крыльцу, соскочилъ съ телѣги и прямо ввалился въ переднюю.

— Чего тебѣ? пробормоталъ испуганный лакей, сладко дремавшій на коникѣ.

— Барыню, мнѣ нужно барыню видѣть, громко проговорилъ Акимъ.

Лакей изумился.

— Аль что случилось, началъ онъ.. .

— Ничего не случилось, а мнѣ барыню нужно видѣть.

— Что, что, промолвилъ болѣе и болѣе изумленный лакей и медленно выпрямился.

Акимъ опомнился.... Словно холодной водой его облили.

— Доложите, Петръ Евграфычъ, барынѣ, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ:—что Акимъ, молъ, желаетъ ихъ видѣть....

—Хорошо.... пойду.... доложу.... а ты знать пьянъ, подожди, проворчалъ лакей и удалился.

Акимъ потупился, и какъ будто смутился.... Рѣшимость быстро исчезала въ немъ съ самаго того мгновенья, какъ только онъ вступилъ въ прихожую.

Лизавета Прохоровна тоже смутилась, когда ей доложили о приходѣ Акима. Она тотчасъ велѣла позвать Кирилловну къ себѣ въ кабинетъ.

— Я не могу его принять, торопливо заговорила она, лишь только та показалась: — никакъ не могу. Что я ему скажу? Я вѣдь говорила тебѣ, что онъ непремѣнно придетъ и будетъ жаловаться, прибавила она съ досадой и волненіемъ: — я говорила....

— Для чего же вамъ его принимать-съ, спокойно возразила Кирилловна: — это и не нужно-съ. За чѣмъ вы будете безпокоиться, помилуйте.

— Да какъ же быть?

— Если позволите, я съ нимъ поговорю.

Лизавета Прохоровна подняла голову.

— Сдѣлай одолженіе, Кирилловна. Поговори съ нимъ. Ты ему скажи тамъ — ну, что я нашла нужнымъ.... а впрочемъ, что я его вознагражу.... ну тамъ, ты ужь знаешь. Пожалуйста, Кирилловна.

— Не извольте, сударыня, безпокоиться, возразила Кирилловна и ушла поскрыпывая башмаками.

Четверти часа не протекло, какъ скрыпъ ихъ послышался снова, и Кирилловна вошла въ кабинетъ съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ той же лукавой смышленостью въ глазахъ.

— Ну, что, спросила ее барыня: — что Акимъ?

— Ничего-съ. Говоритъ-съ, что все въ волѣ милости вашей; были бы вы здоровы и благополучны, а съ его вѣкъ станетъ.

— И онъ не жаловался?

— Никакъ нѣтъ-съ. Чего ему жаловаться?

— Зачѣмъ же онъ приходилъ? промолвила Лизавета Прохоровна, не безъ нѣкотораго недоумѣнія.

— А приходилъ онъ просить-съ, пока до награжденья, не будетъ ли милости вашей, въ прежней его избѣ поселиться? Она же пустая стоитъ, только Петровичъ въ ней живетъ.

— Разумѣется, позволить, позволить ему, съ живостью подхватила Лизавета Прохоровна: — разумѣется. Съ удовольствіемъ. И вообще, скажи ему, что я его вознагражу. Ну, спасибо тебѣ, Кирилловна. А онъ, я вижу, добрый мужикъ. Постой, прибавила она: — дай ему вотъ это, отъ меня. И она достала изъ рабочаго столика трехъ рублевую ассигнацію. — Вотъ возьми, отдай ему.

— Слушаю-съ, возразила Кирилловна, спокойно возвратившись въ свою комнату, спокойно заперла ассигнацію къ кованный сундучокъ, стоявшій у ея изголовья; она сохраняла въ немъ всѣ свои наличныя денежки, а ихъ было не мало.

Кирилловна донесеніемъ своимъ успокоила госпожу, но разговоръ между ею и Акимомъ происходилъ въ дѣйствительности не совсѣмъ такъ, какъ она его передала, а именно: она велѣла его позвать къ себѣ въ дѣвичью. Онъ сперва было не пошелъ къ ней, объявивъ притомъ, что желаетъ видѣть не Кирилловну, а самоё Лизавету Прохоровну, однако, наконецъ послушался и отправился чрезъ заднее крыльцо къ Кирилловнѣ. Онъ засталъ ее одну. Войдя въ комнату, онъ тотчасъ же остановился и прислонился подлѣ двери къ стѣнѣ, хотѣлъ было заговорить.... и не могъ.

Кирилловна пристально посмотрѣла на него.

— Вы, Акимъ Семенычъ, начала она: — желаете барыню видѣть?

Онъ только головой кивнулъ.

— Этого нельзя, Акимъ Семенычъ. Да и къ чему? сдѣланнаго не передѣлаешь, а только вы ихъ обезпокоите. Онѣ васъ теперь не могутъ принять, Акимъ Семенычъ.

— Не могутъ, повторилъ онъ и помолчалъ.—Такъ какже, проговорилъ онъ медленно:—стало быть такъ дому и пропадать.

— Послушайте, Акимъ Семенычъ. Вы, я знаю, всегда были благоразумный человѣкъ. За вашъ домъ барыня заплатитъ. А перемѣнить этого нельзя. Ужь этого не перемѣнишь. Что мы тутъ будемъ съ вами разсуждать, вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Не правда ли?

Акимъ заложилъ руки за спину.

— А вы лучше подумайте, продолжала Кирилловна: — не попросить ли вамъ госпожу, чтобъ избу, напримѣръ, вамъ вашу прежнюю отдали....

— Стало быть дому такъ и пропадать, повторилъ Акимъ прежнимъ голосомъ.

— Акимъ Семёнычъ, я жь вамъ говорю нельзя. Вы сами это знаете лучше меня.

— Да. По крайней мѣрѣ, за сколько онъ пошелъ — дворъ-то?

— Не знаю я этого Акимъ Семенычъ, не могу вамъ сказать.... Да что вы такъ стоите, прибавила она: — присядьте.

— Постоимъ-съ и такъ. Наше дѣло мужицкое, благодаримъ покорно.

— Какой же вы мужикъ, Акимъ Семенычъ? Вы тотъ же купецъ, васъ и съ дворовымъ сравнить нельзя, что вы это? Не убивайтесь понапрасну. Не хотите ли чаю?

— Нѣтъ, спасибо, не требуется. Такъ за вами домикъ остался, прибавилъ онъ, отдѣляясь отъ стѣны. — Спасибо и на этомъ. Прощенья просимъ, сударушка.

И онъ обернулся и вышелъ вонъ. Кирилловна одернула свой фартукъ и отправилась къ барынѣ.

— А знать я и впрямь купцомъ сталъ, сказалъ самому себѣ Акимъ, остановившись въ раздумьи передъ воротами. — Хорошъ купецъ! Онъ махнулъ рукой и горько усмѣхнулся. — Что жь! Пойдти домой!

И совершенно забывъ о Наумовой лошади, на которой пріѣхалъ, поплелся онъ пѣшкомъ по дорогѣ къ постоялому двору. Онъ еще не успѣлъ отойдти первой версты, какъ вдругъ услышалъ рядомъ съ собой стукъ телѣжки.

— Акимъ, Акимъ Семенычъ, звалъ его кто-то.

Онъ поднялъ глаза и увидалъ знакомца своего, отставленнаго дьячка, Ефрема, прозваннаго Кротомъ, маленькаго сгорбленнаго человѣчка, съ вострымъ носикомъ и слѣпыми глазками. Онъ сидѣлъ въ дрянной телѣжонкѣ, на клочкѣ соломы, прислонясь грудью къ облучку.

— Домой, что ль идешь? спросилъ онъ Акима.

Акимъ остановился.

— Домой.

— Хочешь, подвезу?

— А пожалуй, подвези.

Ефремъ посторонился и Акимъ взлѣзъ къ нему въ телѣгу. Ефремъ, который былъ, казалось, на-веселѣ, принялся стегать свою лошаденку концами веревочныхъ возжей; она побѣжала усталой рысью, безпрестанно вздергивая незанузданной мордой.

Они проѣхали съ версту, не сказавъ другъ другу ни слова. Акимъ сидѣлъ, наклонивъ голову, а Ефремъ такъ только бурлилъ что-то себѣ подъ носъ, то понукая, то сдерживая лошадь.

— Куда жь это ты безъ шапки ходилъ, Семенычъ, внезапно спросилъ онъ Акима, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ вполголоса: — въ заведеньицѣ оставилъ, вотъ что. Питухъ ты я тебя знаю, и за то люблю, что питухъ; ты не бійца, не буянъ, не напрасливый; домостроитель ты, но питухъ, и такой питухъ—давно бы тебя пора подъ начало за это, ей-Богу; потому это дѣло скверное.... Ура! закричалъ онъ вдругъ во все горло, — ура! ура!

— Стойте, стойте, раздался вблизи женскій голосъ: — стойте!

Акимъ оглянулся. Къ телѣгѣ черезъ поле бѣжала женщина, до того блѣдная и растрепанная, что онъ ея сперва не узналъ.

— Стойте, стойте, простонала она опять, задыхаясь и махая руками.

Акимъ вздрогнулъ: это была его жена.

Онъ ухватилъ возжи.

— А зачѣмъ останавливаться, забормоталъ Ефремъ: — для бабы-то останавливаться? Ну-у!

Но Акимъ круто осадилъ лошадь.

Въ это мгновеніе Авдотья добѣжала до дороги, и такъ и повалилась прямо лицомъ въ пыль.

— Батюшка, Акимъ Семенычъ, завопила она:—вѣдь и меня онъ выгналъ!

Акимъ посмотрѣлъ на нее и не пошевелился, только еще крѣпче натянулъ возжи.

— Ура! снова воскликнулъ Ефремъ.

— Такъ выгналъ онъ тебя? проговорилъ Акимъ.

— Выгналъ, батюшка, голубчикъ мой, отвѣтила всхлипывая Авдотья. — Выгналъ, батюшка. Говоритъ, домъ теперь мой, такъ ступай, молъ, вонъ.

— Важно, вотъ оно какъ! хорошо, важно замѣтилъ Ефремъ.

— А ты, чай, оставаться собиралась, горько промолвилъ Акимъ, продолжая сидѣть на телѣгѣ.

— Какое оставаться! Да, батюшка, подхватила Авдотья, которая приподнялась было на колѣнки и снова ударилась о-земь: — вѣдь ты не знаешь, вѣдь я.... Убей меня, Акимъ Семенычъ, убей меня тутъ же на мѣстѣ....

— За что тебя бить, Арефьевна! уныло возразилъ Акимъ: — сама ты себя побѣдила! чего ужь тутъ?

— Да вѣдь ты что думаешь, Акимъ Семенычъ.... Вѣдь денежки.... твои денежки.... Вѣдь нѣтъ ихъ, твоихъ денежекъ-то.... Вѣдь я ихъ, окаянная, изъ подполицы достала, всѣ ихъ тому-то, злодѣю-то, Науму отдала, окаянная.... И зачѣмъ ты мнѣ сказалъ, куда ты деньги прячешь, окаянная я.... Вѣдь онъ на твои денежки и дворикъ-то купилъ... злодѣй этакой...

Рыданія заглушили ея голосъ.

Акимъ схватился обѣими руками за голову.

— Какъ! закричалъ онъ наконецъ: — такъ и деньги всѣ.... и деньги, и дворъ, и ты это.... А! изъ подполицы достала.... достала.... Да я убью тебя, змѣя подколодная....

И онъ соскочилъ съ телѣги.

— Семенычъ, Семенычъ, не бей, не дерись, пролепеталъ Ефремъ, у котораго отъ такого неожиданнаго происшествія хмѣль начиналъ проходить.

— Нѣтъ, батюшка, убей меня, батюшка, убей меня, окаянную; бей, не слушай его, кричала Авдотья, судорожно валяясь у Акимовыхъ ногъ.

Онъ постоялъ, посмотрѣлъ на нее, отошелъ нѣсколько шаговъ, и присѣлъ на траву возлѣ дороги. Наступило небольшое молчаніе. Авдотья повернула голову въ его сторону.

— Семенычъ, а Семенычъ, заговорилъ Ефремъ, приподнявшись въ телѣгѣ:—полно тебѣ.... вѣдь ужь того.... бѣдѣ-то не поможешь. Тьфу ты, какая оказія, продолжалъ онъ словно про себя: — экая баба проклятая.... Иди къ нему, ты, прибавилъ онъ, наклонившись черезъ грядку къ Авдотьѣ: — вишь онъ ошалѣлъ.

Авдотья встала, приблизилась къ Акиму и снова упала ему въ ноги.

— Батюшка, начала она слабымъ голосомъ....

Акимъ поднялся и пошелъ обратно къ телѣгѣ. Она ухватилась за полу его кафтана.

— Пошла прочь, крикнулъ онъ свирѣпо, и оттолкнулъ ее.

—Куда же ты, спросилъ его Ефремъ, увидавъ, что онъ опять къ нему садится.

—А ты хотѣлъ меня ко двору подвезти, промолвилъ Акимъ: — такъ довези меня ужь до своего двора... Моего-то вишь не стало. Купили вишь его у меня.

— А ну, изволь, поѣдемъ ко мнѣ. А ее-то какъ?

Акимъ ничего не отвѣчалъ.

— А меня-то, меня-то, подхватила съ плачемъ Авдотья: — меня-то на кого ты оставляешь.... куда же я-то пойду?

— А къ нему ступай, возразилъ, не оборачиваясь, Акимъ— къ кому ты деньги мои отнесла.... Пошелъ, Ефремъ!

Ефремъ ударилъ по лошадѣ, телѣга покатилась. Авдотья заголосила....

Ефремъ жилъ въ верстѣ отъ Акимова двора, въ маленькомъ домикѣ, на поповской слободкѣ, расположенной около одинокой пятиглавой церкви, недавно выстроенной наслѣдниками богатаго купца, въ силу духовнаго завѣщанья. Ефремъ во всю дорогу ничего не говорилъ Акиму, и только изрѣдка потряхивалъ головой и произносилъ слова въ родѣ: «Ахъ ты, да эхъ ты!» Акимъ сидѣлъ неподвижно, немного отворотясь отъ Ефрема. Наконецъ они пріѣхали. Ефремъ соскочилъ первый съ телѣги. Ему на встрѣчу выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести, въ низко-подпоясанной рубашонкѣ, и закричала:

— Тятя! тятя!

— А гдѣ твоя мать? спросилъ ее Ефремъ.

— Спитъ въ закуткѣ.

— Ну, пущай спитъ. Акимъ Семенычъ, что же вы, пожалуйте въ комнату.

(Надо замѣтить, что Ефремъ «тыкалъ» его только съ пьяна, Акиму и не такія лица говорили вы).

Акимъ вошелъ въ дьячкову избу.

— Вотъ сюда на лавочку, пожалуйте, говорилъ Ефремъ. —

Подите вы, пострѣлята, крикнулъ онъ на трехъ другихъ ребятишекъ, которые вмѣстѣ съ двумя исхудалыми и запачканными пепломъ кошками, появились вдругъ изъ разныхъ угловъ комнаты.—Подите вонъ! Брысь! Вотъ сюда, Акимъ Семенычъ, сюда, продолжалъ онъ, усаживая гостя: — да не прикажите ли чего?

— Что я тебѣ скажу, Ефремъ, произнесъ наконецъ Акимъ: — нельзя ли вина?

Ефремъ встрепенулся.

— Вина? Мигомъ. Дома-то его у меня нѣту, вина-то, а вотъ я сейчасъ сбѣгаю къ сосѣду. Мигомъ сбѣгаю....

И онъ схватилъ свою ушастую шапку.

— Да побольше принеси, я заплачу, крикнулъ ему вслѣдъ Акимъ. — На это денегъ-то у меня еще станетъ.

— Мигомъ! повторилъ еще разъ Ефремъ, исчезая за дверью. Онъ дѣйствительно вернулся очень скоро съ двумя штофами подъ мышкой, изъ которыхъ одинъ уже былъ раскупоренъ, поставилъ ихъ на столъ, досталъ два зеленыхъ стаканчика, краюху хлѣба и соли.

— Вотъ это люблю, твердилъ онъ, садясь передъ Акимомъ. Чего гореватъ? — Онъ налилъ и ему и себѣ.... и пустился болтать.... Поступокъ Авдотьи его озадачилъ. — Удивительное право дѣло, говорилъ онъ, какимъ это образомъ произошло? стало быть онъ приворожилъ ее къ себѣ.... ась? Вотъ что значитъ жену-то какъ нужно строго соблюдать! Въ ежовыхъ рукавицахъ держать ее слѣдуетъ. А все-таки вамъ домой заѣхать не худо, вѣдь тамъ чай у васъ добра много осталось.... И много еще подобныхъ рѣчей произнесъ Ефремъ; онъ, когда пилъ, не любилъ молчать.

Черезъ часъ вотъ что происходило въ Ефремовомъ домѣ. Акимъ, который въ теченіе всей попойки ни слова не отвѣчалъ на распросы и замѣчанія своего болтливаго хозяина и только выпивалъ стаканъ за стаканомъ, спалъ на печи весь красный, спалъ тяжелымъ и мучительнымъ сномъ; ребятишки на него дивились, а Ефремъ.... Увы! Ефремъ тоже спалъ, но только въ очень тѣсномъ и холодномъ чуланѣ, куда заперла его жена, женщина весьма мужественнаго и сильнаго тѣлосложенія. Онъ было отправился къ ней, въ закуту, и началъ ей не то грозить,

не то разсказывать что-то, но до того несообразно и непонятно выражался, что она тотчасъ же смѣкнула въ чемъ дѣло, взяла его за воротникъ и отвела куда слѣдуетъ. Впрочемъ, онъ спалъ въ чуланѣ очень хорошо и даже покойно. Привычка!

—

Кирилловна не совсѣмъ вѣрно передала Лизаветѣ Прохоровнѣ разговоръ свой съ Акимомъ... тоже можно сказать и объ Авдотьѣ. Наумъ ее не выгналъ, хотя она и сказала Акиму, что онъ ее выгналъ; онъ не имѣлъ права её выгонять.... Онъ былъ обязанъ дать старымъ хозяевамъ время выбраться. Между имъ и Авдотьей происходили объясненія совсѣмъ другаго рода.

Когда Акимъ съ крикомъ: что онъ поѣдетъ къ барынѣ—выскочилъ на улицу, Авдотья обратилась къ Науму, поглядѣла на него во всѣ глаза, и всплеснула руками.

— Господи! начала она, Наумъ Иванычъ, что это такое? Вы нашъ дворъ купили?

— А что-съ? возразилъ тотъ. — Купилъ-съ.

Авдотья помолчала, и вдругъ всполохнулась.

— Такъ вамъ вотъ на что деньги нужны были?

— Точно такъ изволите говорить-съ. Эге, да кажется вашъ муженекъ на моей лошади поѣхалъ, прибавилъ онъ, услышавъ стукъ.... Каковъ молодецъ!

— Да вѣдь это грабежъ, послѣ этого, возопила Авдотья, вѣдь это наши деньги, мужнины деньги, и дворъ нашъ....

— Нѣтъ-съ, Авдотья Арефьевна, перебилъ ее Наумъ, дворъ былъ не вашъ-съ, къ чему это говорить; дворъ былъ на господской землѣ, такъ и онъ господскій, а деньги точно ваши были; только вы были, можно сказать, такъ добры, и мнѣ ихъ пожертвовали-съ; и я вамъ остаюсь благодарнымъ, и даже при случаѣ вамъ ихъ отдамъ, коли ужь такой случай выдетъ-съ; а только мнѣ голякомъ оставаться не приходится, сами извольте разсудить.

Наумъ сказалъ все это очень спокойно и даже съ небольшой улыбкой.

— Батюшки мои! закричала Авдотья, да что же это такое! Что это! Да какъ я послѣ этого мужу на глаза покажусь! Злодѣй ты, прибавила она, съ ненавистью глядя на молодое, свѣ-

жее лицо Наума, — вѣдь я душу свою для тебя загубила, вѣдь я для тебя воровкой стала, вѣдь ты насъ по міру пустилъ, злодѣй ты эдакой. Вѣдь мнѣ послѣ этого только и осталось, что ѳселъ себѣ на шею надѣть, злодѣй, обманщикъ, погубитель ты мой....

И она зарыдала въ три ручья....

— Не извольте безпокоиться, Авдотья Арефьевна, промолвилъ Наумъ; а скажу вамъ одно: своя рубашка къ тѣлу ближе; впрочемъ на то и щука въ морѣ, Авдотья Арефьевна, чтобы карась не дремалъ.

— Куда же мы пойдемъ теперь, куда дѣнемся! съ плачемъ лепетала Авдотья.

— А этого я не могу сказать-съ.

— Да я зарѣжу тебя, злодѣй, зарѣжу, зарѣжу....

— Нѣтъ, этого вы не-сдѣлаете, Авдотья Арефьевна; къ чему это говорить, а только, я вижу, мнѣ теперь лучше отсюда уйдти маленько, а то вы ужь очень безпокоитесь.... Прощенья просимъ съ, а завтра безпремѣнно завернемъ.... А работниковъ своихъ ужь вы позвольте мнѣ прислать къ вамъ сегодня, прибавилъ онъ, между тѣмъ, какъ Авдотья продолжала твердить сквозь слезы, что она и его и себя зарѣжетъ.

— Да вотъ они кстати и идутъ, замѣтилъ онъ, глянувъ въ окно. А то, пожалуй, какая-нибудь бѣда, Боже сохрани, приключится.... Этакъ-то спокойнѣе будетъ. Вы ужь сдѣлайте милость, пожиточки свои соберите сегодня-съ, а они у васъ покараулятъ и помогутъ вамъ, пожалуй. Просимъ прощенія-съ.

Онъ поклонился, вышелъ и подозвалъ къ себѣ работниковъ....

Авдотья упала на лавку, потомъ легла грудью на столъ, и начала ломать себѣ руки, потомъ вдругъ вскочила и побѣжала вслѣдъ за мужемъ.... Мы разсказали ихъ свиданіе.

Когда Акимъ уѣхалъ отъ нея прочь вмѣстѣ съ Ефремомъ, оставивъ ее одну въ полѣ, она сперва долго плакала, не сходя съ мѣста. Наплакавшись дѳ-сыта она отправилась къ господской усадьбѣ. Горько было ей войдти въ домъ, еще горше показаться въ дѣвичьей. Всѣ дѣвушки бросились къ ней на встрѣчу съ участьемъ и сожалѣніемъ. При видѣ ихъ, Авдотья не могла удержать слезъ своихъ; онѣ такъ и брызнули изъ ея опухшихъ и покраснѣвшихъ глазъ. Вся обезсиленная, сѣла на пер-

вый попавшійся стулъ. Побѣжали за Кирилловной. Кирилловна пришла, обошлась съ ней весьма ласково, но до барыни ее не допустила, такъ же, какъ не допустила Акима. Авдотья сама не очень настаивала на свиданье съ Лизаветой Прохоровной; она пришла въ господскій домъ единственно потому, что рѣшительно не знала, куда голову преклонить.

Кирилловна велѣла подать самоваръ. Авдотья долго отказы валась пить чай, но уступила наконецъ просьбамъ и убѣжденіямъ всѣхъ дѣвушекъ и запервой чашкой выпила еще четыре. Когда Кирилловна увидѣла, что ея гостья нѣсколько успокоилась и только изрѣдка вздрагивала и слабо всхлипывала, она спросила ее, куда они намѣрены переселиться и что хотятъ сдѣлать съ своими вещами. Авдотья отъ этого вопроса опять заплакала, стала увѣрять, что ей кромѣ смерти ничего уже не нужно; но Кирилловна, какъ женщина съ головой, ее тотчасъ остановила и присовѣтовала, не теряя попусту времени, съ сегодняшняго же дня, приступить къ перевозкѣ вещей, въ бывшую Акимову избу на деревнѣ, гдѣ жилъ его дядя, тотъ самый старикъ, который отговаривалъ его жениться; объявила, что съ позволенія барыни имъ дадутъ на подъемъ и въ подмогу людей и лошадей «а что до васъ касается, моя душенька», прибавила Кирилловна, сложивъ въ кислую улыбочку свои кошачьи губы, «у насъ всегда мѣсто для васъ найдется и намъ очень будетъ пріятно, если вы у насъ погостите до тѣхъ поръ, пока опять справитесь и обзаведетесь домкомъ. Главное — унывать не нужно. Господь далъ, Господь взялъ и опять дастъ; все въ Его волѣ. Лизавета Прохоровна, конечно по своимъ соображеніямъ должна была продать вашъ дворъ, но она васъ не забудетъ и вознаградитъ; такъ она приказала сказать Акиму Семенычу.... Гдѣ онъ теперь?»

Авдотья отвѣчала, что онъ, встрѣтившись съ ней, очень ее обидѣлъ и уѣхалъ къ дьячку Ефрему.

— Къ этому! значительно возразила Кирилловна.... Ну, я понимаю, что ему теперь трудно, пожалуй его сегодня не отыщешь; какъ быть? Нужно распорядиться. Малашка, прибавила она, обращаясь къ одной изъ горничныхъ, попроси-ка сюда Никанора Ильича; мы съ нимъ потолкуемъ. — Никаноръ Ильичъ, человѣкъ наружности весьма мизерной, нѣчто въ родѣ

прикащика, тотчасъ явился, подобострастно выслушалъ все, что ему сказала Кирилловна, проговорилъ «будетъ исполнено», вышелъ и распорядился. Авдотьѣ выдали три подводы съ тремя крестьянами; къ нимъ по собственной охотѣ присоединился четвертый, который самъ объявилъ про себя, что онъ будетъ «потолковѣй ихъ» и она отправилась вмѣстѣ съ ними на постоялый дворъ, гдѣ нашла своихъ прежнихъ работниковъ и работницу Ѳетинью въ большомъ смущеньи и ужасѣ....

Наумовы новобранцы, три очень дюжихъ парня, какъ пришли съ утра, такъ ужь никуда не уходили и караулили дворъ очень усердно, по обѣщанію Наума, до того усердно, что у одной новой телѣги, вдругъ, не оказалось шинъ....

Горько, горько было укладываться бѣдной Авдотьѣ. Не смотря на помощь толковаго человѣка, который, впрочемъ, только и умѣлъ, что ходить съ палочкой въ рукѣ, глядѣть на другихъ и сплевывать въ сторону, она не успѣла выбраться въ тотъ же день и осталась ночевать въ постояломъ дворѣ, упросивъ напередъ Ѳетинью не выходить изъ ея комнаты; впрочемъ, она задремала только на зарѣ лихорадочной дремотой и слезы текли по ея щекамъ даже во снѣ.

Между тѣмъ, Ефремъ проснулся раньше обыкновеннаго въ своемъ чуланѣ, и началъ стучаться и проситься вонъ.—Жена сперва не хотѣла выпустить его, объявивъ ему чрезъ дверь, что онъ еще не выспался; но онъ подстрекнулъ ея любопытство обѣщаніемъ разсказать ей необыкновенное происшествіе съ Акимомъ; она вынула щеколду. — Ефремъ сообщилъ ей все, что зналъ и кончилъ вопросомъ: что̀, молъ, проснулся онъ или нѣтъ?

— А Господь его знаетъ — отвѣчала жена — поди, посмотри самъ; съ печи еще не слѣзалъ.—Вишь вы оба вчера какъ напились; поглядѣлъ бы хоть ты на себя — лицо на лицо не похоже, такъ чумичка какая-то, а что̀ въ волосахъ сѣна набилось....

— Ничего, что набилось, возразилъ Ефремъ — и, провѣдя рукой по головѣ, вошелъ въ комнату. — Акимъ уже не спалъ; онъ сидѣлъ со свѣшенными ногами на печи; очень странно и взъерошено было также его лицо. Оно казалось тѣмъ болѣе измятымъ, что Акимъ не имѣлъ привычки много пить.

— Ну, что, Акимъ Семенычъ, какъ выспались, началъ Ефремъ....

Акимъ посмотрѣлъ на него мутнымъ взоромъ.

— Что братъ, Ефремъ, заговорилъ онъ сипло — нельзя ли опять — того?

Ефремъ быстро взглянулъ на Акима.... Онъ почувствовалъ въ это мгновенье нѣкоторое внутреннее содроганіе; подобнаго рода ощущеніе испытываетъ стоящій подъ опушкою охотникъ при внезапномъ тяканіи гончей въ лѣсу, изъ котораго уже казалось, весь звѣрь выбѣжалъ.

— Какъ — еще? спросилъ онъ наконецъ.

— Да; еще.

«Жена увидитъ», подумалъ Ефремъ — «непуститъ, пожалуй». — Ничего, можно, промолвилъ онъ громко:—потерпите. Онъ вышелъ и, благодаря искусно принятымъ мѣрамъ, успѣлъ, незамѣтнымъ образомъ, пронести подъ полой большую бутылку....

Акимъ взялъ эту бутылку.... Но Ефремъ не сталъ пить съ нимъ вмѣстѣ, по вчерашнему, — онъ боялся жены, и объявилъ Акиму, что поѣдетъ посмотрѣть, что такое у него дѣлается и какъ укладываютъ его пожитки, и не грабятъ ли его, — тотчасъ отправился къ постоялому двору на своей некормленной лошадкѣ верхомъ — при чемъ однако себя не забылъ, если принять въ соображеніе его оттопырившуюся пазуху. Акимъ скоро послѣ его ухода уже спалъ опять какъ убитый на печи.... Онъ даже тогда не проснулся, по крайней мѣрѣ не подалъ вида, что проснулся, когда вернувшійся часа черезъ четыре Ефремъ началъ его толкать и будить, и лепетать надъ нимъ какія-то чрезвычайно сбивчивыя слова, о томъ, что уже все поѣхало и переѣхало и образа молъ сняты уже и поѣхали и все уже кончено — и что его всѣ ищутъ, но что онъ Ефремъ распорядился и запретилъ.... и т. д. Впрочемъ лепеталъ онъ не долго. Жена его опять отвела въ чуланъ, а сама, въ большомъ негодованіи и на мужа своего, и на гостя, по милости котораго мужъ «запилъ», легла въ комнатѣ на полатяхъ.... Но когда, проснувшись по обычаю своему ранехонько, глянула она на печь, уже Акима на ней не было.... Еще вторые пѣтухи не пропѣли и ночь еще стояла такая темная,

что само небо чуть-чуть сѣрѣло прямо надъ головой, а по краямъ совершенно утопало во мракѣ — какъ уже Акимъ выходилъ изъ воротъ дьячковскаго дома. Лицо его было блѣдно — но онъ зорко глядѣлъ кругомъ и походка его не изобличала пьянаго.... Онъ шелъ въ направленіи прежняго своего жилища — постоялаго двора, уже поступившаго окончательно во владѣніе новаго хозяина — Наума.

Наумъ тоже не спалъ въ то время, когда Акимъ покидалъ украдкой домъ Ефрема. Онъ не спалъ; подославъ подъ себя тулупчикъ, лежалъ онъ одѣтый на лавкѣ. Не совѣсть его мучила — нѣтъ! онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ присутствовалъ съ утра при укладкѣ и перевозкѣ всего Акимова скарба и не разъ самъ заговаривалъ съ Авдотьей, которая до того упала духомъ, что даже не упрекала его.... Совѣсть его была покойна, но его занимали разныя предположенія и разсчеты. Онъ не зналъ, посчастливится ли ему на новомъ поприщѣ; до тѣхъ поръ онъ никогда еще не содержалъ постоялаго двора— да и вообще не имѣлъ своего угла; ему и не спалось. «Хорошо начато дѣльце, думалъ онъ — что дальше будетъ....» Отправивши передъ вечеромъ послѣднюю телѣгу съ Акимовымъ добромъ (Авдотья съ плачемъ пошла за нею), онъ осмотрѣлъ весь дворъ, всѣ закуты, погреба, сараи, лазилъ на чердакъ, неоднократно приказывалъ своимъ работникамъ караулить крѣпко на-крѣпко, и оставшись одинъ послѣ ужина, все не могъ заснуть. Такъ случилось, что въ тотъ день ни одинъ изъ проѣзжихъ не остался ночевать; это его очень обрадовало. «Собаку нужно завтра купить непремѣнно, какую-нибудь, позлѣй, у мельника; вишь они свою увели» — говорилъ онъ самому себѣ, ворочаясь съ боку на бокъ и вдругъ проворно поднялъ голову... Ему показалось, что кто-то прошелъ подъ окномъ... Онъ прислушался.... Ничего. Только кузнечикъ по временамъ осторожно трещалъ за печкой, да мышь гдѣ-то скреблась, да слышалось его собственное протяжное дыханіе. Все было тихо въ пустой комнатѣ, тускло освѣщенной желтыми лучами маленькой стеклянной лампадки, которую онъ успѣлъ повѣсить и зажечь передъ образкомъ въ углу.... Онъ опустилъ голову; вотъ ему опять послышалось, какъ будто скрипнули ворота... потомъ слегка затрещалъ плетень... Онъ не вы-

держалъ, вскочилъ, отворилъ дверь въ другую комнату и вполголоса кликнулъ: Ѳедоръ, а Ѳедоръ! Никто не отозвался ему.... Онъ вышелъ въ сѣни и чуть не упалъ, споткнувшись на Ѳедора, развалившагося на полу. Мыча сквозь сонъ, зашевелился работникъ; Наумъ растолкалъ его.

— Что тамъ — что надо, началъ было Ѳедоръ.

— Чего орёшь, молчи, произнесъ шопотомъ Наумъ.

— Эка спите проклятые. Ничего не слыхалъ?

— Ничего, отвѣчалъ тотъ.... А что?

— А гдѣ другіе спятъ?....

— Другіе спятъ гдѣ приказано.... Да развѣ что....

— Молчи — ступай за мной.

Наумъ тихонько отперъ дворь изъ сѣней на дворъ.... На дворѣ было очень темно.... навѣсы съ ихъ столбами только потому и можно было различить, что они еще гуще чернѣли среди черной мглы....

— Не засвѣтить ли фонарикъ, проговорилъ вполголоса Ѳедоръ....

Но Наумъ махнулъ рукой и притаилъ дыханіе.... Сперва онъ ничего не услыхалъ, кромѣ тѣхъ ночныхъ звуковъ, которые почти всегда услышишь въ обитаемомъ мѣстѣ: лошадь жевала овесъ, свинья слабо хрюкнула разъ сквозь сонъ, гдѣ-то похрапывалъ человѣкъ; но вдругъ дошелъ до его ушей какой-то подозрительный шумъ, поднявшійся на самомъ концѣ двора, подлѣ забора...

Казалось, кто-то тамъ ворочался и какъ будто дышалъ или дулъ.... Наумъ глянулъ черезъ плечо на Ѳедора и осторожно сойдя съ крылечка, пошелъ на шумъ.... Раза два останавливался онъ, прислушивался и продолжалъ снова красться.... Вдругъ онъ вздрогнулъ... Въ десяти шагахъ отъ него, въ густой темнотѣ, ярко зардѣлась огненная точка: то былъ раскаленный уголь, и возлѣ самаго угля, показалась на мигъ передняя часть чьего-то лица съ вытянутыми губами... Быстро и молча, какъ кошка на мышь, ринулся Наумъ на огонь.... Торопливо поднявшись съ земли, бросилось ему на встрѣчу какое-то длинное тѣло и чуть не сбило его съ ногъ, чуть не выскользнуло изъ его рукъ, но онъ вцѣпился въ него изо всѣхъ силъ.... «Ѳедоръ, Андрей, Петрушка, закричалъ онъ что было

мочи: скорѣй сюда, сюда, вора поймалъ, зажигателя...» Человѣкъ, котораго онъ схватилъ, сильно барахтался и бился.... но не выпускалъ его Наумъ.... Ѳедоръ тотчасъ подскочилъ къ нему на подмогу.

— Фонарь, скорѣй фонарь! бѣги за фонаремъ, буди другихъ, скорѣй! крикнулъ ему Наумъ:—а я съ нимъ пока одинъ справлюсь — я сижу на немъ.... Скорѣй! Да захвати кушакъ связать его.

Ѳедоръ побѣжалъ въ избу.... Человѣкъ, котораго держалъ Наумъ вдругъ пересталъ биться....

— Такъ видно тебѣ мало и жены, и денегъ, и двора — меня тоже погубить хочешь, заговорилъ онъ глухо....

Наумъ узналъ Акимовъ голосъ.

— Такъ это ты голубчикъ, промолвилъ онъ: — хорошо же, погоди.

— Пусти, проговорилъ Акимъ. — Али тебѣ не довольно?

— А вотъ я тебѣ завтра передъ судомъ покажу, какъ мнѣ довольно.... — И Наумъ еще плотнѣе обнялъ Акима....

Прибѣжали работники съ двумя фонарями и веревками.... «Вяжите его!» рѣзко скомандовалъ Наумъ.... Работники ухватили Акима, подняли его, скрутили ему руки назадъ.... Одинъ изъ нихъ началъ было ругаться, но узнавши стараго хозяина постоялаго двора, замолчалъ и только переглянулся съ другими.

— Вишь, вишь, твердилъ въ это время Наумъ, поводя фонаремъ надъ землей: — вотъ и уголь въ горшкѣ — смотрите-ка, въ горшкѣ цѣлую головешку притащилъ — надо будетъ узнать, гдѣ онъ горшокъ этотъ взялъ.... вотъ онъ и сучьевъ наломалъ.... И Наумъ тщательно затопталъ огонь ногой. Обыщи-ка, — Ѳедоръ! прибавилъ онъ, нѣтъ ли у него тамъ еще чего?

Ѳедоръ обшарилъ и ощупалъ Акима, который стоялъ неподвижно и повѣсилъ, какъ мертвый, голову на грудь. — Есть, вотъ, ножъ, проговорилъ Ѳедоръ, доставая изъ-за Акимовой пазухи старый кухонный ножъ....

Эге, любезный, такъ ты вотъ куда мѣтилъ, воскликнулъ Наумъ. — Ребята, вы свидѣтели.... вотъ онъ зарѣзать меня хотѣлъ, дворъ поджечь.... Заприте-ка его до утра въ подвалѣ,

оттуда онъ не выскочитъ.... Караулить я самъ всю ночь буду, а завтра чуть свѣтъ мы его къ исправнику.... а вы свидѣтели, слышите!

Акима втолкнули въ подвалъ—захлопнули за нимъ дверь... Наумъ приставилъ къ ней двухъ работниковъ и самъ не легъ спать.

Между тѣмъ Ефремова жена, убѣдившись, что ея непрошенный гость удалился — принялась было за стряпню, хотя на дворѣ еще чуть брезжило.... Въ тотъ день былъ праздникъ. Она присѣла къ печкѣ—достать огоньку, и увидала, что кто-то уже прежде выгребалъ оттуда жаръ; хватилась потомъ ножа — не нашла ножа; наконецъ изъ четырехъ своихъ горшковъ не досчиталась одного. Ефремова жена слыла бабой не глупой—и не даромъ. Она постояла въ раздумьи, постояла и пошла въ чуланъ къ мужу. Не легко было добудиться его — и еще труднѣе растолковать ему, зачѣмъ его будили.... На все, что ни говорила дьячиха, Ефремъ отвѣчалъ все одно и то же:

— Ушелъ — ну, Богъ съ нимъ... я-то что? Унесъ ножъ горшокъ — ну, Богъ съ нимъ — а я-то что?

Однако, наконецъ, онъ всталъ и, внимательно выслушавъ жену, рѣшилъ, что дѣло это не хорошее, и что этого такъ оставить нельзя.

— Да, твердила дьячиха: это не хорошо; эдакъ онъ, пожалуй, бѣдъ надѣлаетъ, съ отчаянья-то.... Я уже вечоръ видѣла, что онъ не спалъ, такъ лежалъ на печи: тебѣ бы, Ефремъ Александрычъ, не худо бы провѣдать, что-ли...

— Я вамъ, Ульяна Ѳедоровна, что доложу, началъ Ефремъ. я на постоялый дворъ тепереча поѣду самъ; а вы ужь будьте ласковы, матушка, дайте мнѣ опохмѣлиться винца стаканчикъ.

Ульяна призадумалась.

— Ну, рѣшила она, наконецъ: — дамъ я тебѣ вина, Ефремъ Александрычъ; только ты смотри не балуй.

— Будьте спокойны, Ульяна Ѳедоровна.

И, подкрѣпивъ себя стаканчикомъ, Ефремъ отправился на постоялый дворъ.

Еще голько разсвѣтало, когда онъ подъѣхалъ ко двору, а уже у воротъ стояла запряженная телѣга и одинъ изъ работниковъ Наума сидѣлъ на облучкѣ, держа въ рукахъ возжи.

— Куда это? спросилъ его Ефремъ.

— Въ городъ, нехотя отвѣчалъ работникъ.

— Зачѣмъ это?

Работникъ только передернулъ плечами и не отвѣчалъ. Ефремъ соскочилъ съ своей лошадки и вошелъ въ домъ. Въ сѣняхъ ему попался Наумъ, совсѣмъ одѣтый и въ шапкѣ.

Поздравляемъ съ новосельемъ новаго хозяина, проговорилъ Ефремъ, который зналъ его лично. — Куда такъ рано?

— Да, есть съ чѣмъ поздравлять, сурово возразилъ Наумъ. Въ первый же день, да чуть не сгорѣлъ.

Ефремъ дрогнулъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, нашелся добрый человѣкъ, поджечь хотѣлъ. Благо на дѣлѣ поймалъ; теперь въ городъ везу.

— Ужь не Акимъ ли?... медленно спросилъ Ефремъ.

— А ты почемъ знаешь? Акимъ. Пришелъ ночью съ головешкой въ горшкѣ — и ужь на дворъ пробрался и огонь подложилъ.... всѣ мои ребята свидѣтели. — Хочешь посмотрѣть? Намъ же его кстати пора везти.

— Батюшка, Наумъ Иванычъ, заговорилъ Ефремъ, отпустите его, не погубите вы старика до конца. Не берите этого грѣха на душу, Наумъ Иванычъ. Вы подумайте — человѣкъ въ отчаяніи — потерялся значитъ....

— Полно врать, перебилъ его Наумъ. — Какъ же! выпущу я его! Да онъ завтра же меня подожжетъ опять....

— Не подожжетъ, Наумъ Иванычъ, повѣрьте. Повѣрьте, вамъ самимъ эдакъ будетъ покойнѣе — вѣдь тутъ распросы пойдутъ, судъ — вѣдь вы сами знаете.

— Такъ что жь что судъ? Мнѣ суда бояться нечего.

— Батюшка, Наумъ Иванычъ, какъ суда не бояться....

— Э, полно; ты, я вижу пьянъ съ утра, а еще сегодня праздникъ.

Ефремъ, вдругъ, совершенно неожиданно, заплакалъ.

— Я пьянъ, да правду говорю, пробормоталъ онъ. А вы для праздничка Христова его простите.

— Ну пойдемъ, нюня.

И Наумъ пошелъ къ крыльцу....

— Для Авдотьи Арефьевны его простите, говорилъ Ефремъ, слѣдуя за нимъ.

Наумъ подошелъ къ подвалу, широко отворилъ дверь. Ефремъ съ боязливымъ любопытствомъ вытянулъ шею изъ-за Наумовой спины, и съ трудомъ различилъ въ углу неглубокаго подвала — Акима. Бывшій богатый дворникъ, уважаемый въ околоткѣ человѣкъ, сидѣлъ съ связанными руками на соломѣ, какъ преступникъ.... Услышавъ шумъ, онъ поднялъ голову.... Казалось, онъ страшно исхудалъ за эти послѣдніе два дня, особенно за эту ночь — впалые глаза едва виднѣлись подъ высокимъ, какъ воскъ пожелтѣвшимъ лбомъ, пересохшія губы потемнѣли.... все лицо его измѣнилось и приняло странное выраженіе: жестокое и запуганное.

— Вставай и выходи, проговорилъ Наумъ.

Акимъ всталъ и шагнулъ черезъ порогъ.

— Акимъ Семенычъ, завопилъ Ефремъ, погубилъ ты свою головошку, голубчикъ!...

Акимъ глянулъ на него молча.

— Зналъ бы я, для чего ты вина спрашивалъ—не далъ бы я тебѣ; право, не далъ бы; кажется, самъ бы все выпилъ!

— Эхъ, Наумъ Иванычъ, прибавилъ Ефремъ, ухвативъ Наума за руку: помилуйте его, отпустите.

— Эка штука, съ усмѣшкой возразилъ Наумъ.—Ну выходи же, прибавилъ онъ, снова обратившись къ Акиму.... Чего ждешь?

— Наумъ Ивановъ.... началъ Акимъ.

— Чего?

— Наумъ Ивановъ, повторилъ Акимъ, послушай: я виноватъ; самъ съ тебя расправы захотѣлъ; а насъ съ тобой Богъ разсудитъ долженъ. Ты у меня все отнялъ, самъ знаешь, все до послѣдняго. — Теперь ты меня погубить можешь, а только я тебѣ вотъ что скажу: коли ты меня отпустишь теперь — ну! такъ и быть! владѣй всѣмъ! я согласенъ и желаю тебѣ всякой удачи. А я тебѣ, какъ передъ Богомъ говорю: отпустишь — пенять не будешь. Богъ съ тобой!

Акимъ закрылъ глаза и умолкъ.

— Какъ же, какъ же, возразилъ Наумъ. — можно тебѣ повѣрить.

— А, ей Богу, можно, заговорилъ Ефремъ; право можно. Я за него, за Акима Семеныча, головой готовъ поручиться—ну, право.

— Вздоръ! воскликнулъ Наумъ. — Ѣдемъ!

Акимъ посмотрѣлъ на него.

— Какъ знаешь, Наумъ Ивановъ. Твоя воля. Много ты только на душу себѣ берешь. Что жь, коли тебѣ-таки ужь не терпится — ѣдемъ....

Наумъ въ свою очередь зорко поглядѣлъ на Акима.

«А въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ про себя, отпустить его къ чорту! А то меня эдакъ, пожалуй, люди поѣдомъ поѣдятъ. Отъ Авдотьи проходу не будетъ....»

Пока Наумъ разсуждалъ самъ съ собою — никто не произнесъ ни слова. Работникъ на телѣгѣ, которому сквозь ворота все было видно, только потряхивалъ головой и похлопывалъ по лошади возжами. Другіе два работника стояли на крылечкѣ и тоже молчали.

— Ну, слушай, старикъ, началъ Наумъ: — когда я тебя отпущу — и вотъ этимъ молодцамъ (онъ указалъ головой на работниковъ) — не велю болтать; что же, мы съ тобой квиты будемъ — понимаешь меня — квиты... ась?

— Говорятъ тебѣ, владѣй всѣмъ.

— Ты меня въ долгу считать у себя не будешь?

— Ни ты у меня въ долгу не будешь, ни я у тебя.

Наумъ опять помолчалъ.

— А побожись!

— Вотъ какъ Богъ святъ, возразилъ Акимъ.

— Вѣдь вотъ я знаю напередъ, что раскаяваться буду, промолвилъ Наумъ: — да ужь такъ, куда не шло! Давай сюда руки.

Акимъ повернулся къ нему спиной; Наумъ началъ его развязывать.

— Смотри же старикъ, прибавилъ онъ, стаскивая съ его кистей веревку — помни, я тебя пощадилъ, смотри!

— Голубчикъ вы мой, Наумъ Иванычъ, пролепеталъ тронутый Ефремъ: — Господь васъ за это помилуетъ!

Акимъ выправилъ опухшія и похолодѣлыя руки и пошелъ было къ воротамъ....

Наумъ вдругъ, какъ говорится, ожидовѣлъ — знать, ему жаль стало, что выпустилъ Акима....

— Ты побожился, смотри, крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Акимъ оборотился, и, обведя глазами кругомъ двора, промолвилъ печально: владѣй всѣмъ, на вѣки нерушимо.... прощай.

И онъ тихо вышелъ на улицу, въ сопровожденіи Ефрема. Наумъ махнулъ рукой, велѣлъ отпречь телѣгу и вернулся въ домъ.

— Куда же ты, Акимъ Семенычъ, развѣ не ко мнѣ? воскликнулъ Ефремъ, увидавъ, что Акимъ своротилъ съ большой дороги направо....

— Нѣтъ, Ефремушка, спасибо, отвѣтилъ Акимъ.... Пойду посмотрѣть, что жена дѣлаетъ.

— Послѣ посмотришь.... А теперь надо бы на радости — того....

— Нѣтъ, спасибо, Ефремъ.... Довольно и такъ. Прощай.

И Акимъ пошелъ не оглядываясь.

— Эка! Довольно и такъ! произнесъ озадаченный дьячекъ: а я еще за него божился! Вотъ ужь не ожидалъ я этого, прибавилъ онъ съ досадой — послѣ того, какъ я за него божился. Тьфу!

Онъ вспомнилъ, что забылъ взять ножъ свой и горшокъ, и вернулся на постоялый дворъ.... Наумъ велѣлъ выдать ему его вещи, но даже не подумалъ угостить его. Совершенно раздосадованный и совершенно трезвый, явился онъ къ себѣ домой.

— Ну что, спросила его жена — нашелъ?

— Что нашелъ? возразилъ Ефремъ — вѣстимо нашелъ: вотъ твоя посуда.

— Акимъ? съ особеннымъ удареніемъ спросила жена.

Ефремъ кивнулъ головой.

— Акимъ. Но каковъ же онъ гусь! Я же за него божился, безъ меня бы ему въ острогѣ пропадать, а онъ хоть бы чарочку мнѣ поднесъ. Ульяна Ѳедоровна, уважьте хоть вы меня, дайте стаканчикъ.

Но Ульяна Ѳедоровна не уважила его и прогнала его съ глазъ долой.

Между тѣмъ, Акимъ шелъ тихими шагами по дорогѣ къ деревнѣ Лизаветы Прохоровны. Онъ еще не могъ хорошенько опомниться; вся внутренность въ немъ дрожала, какъ у человѣка, который только что избѣжалъ явной смерти. Онъ словно

не вѣрилъ своей свободѣ; съ тупымъ изумленіемъ глядѣлъ онъ на поля, на небо, на жаворонковъ, трепетавшихъ въ тепломъ воздухѣ. Наканунѣ, у Ефрема, онъ съ самаго обѣда не спалъ, хоть и лежалъ неподвижно на печи; сперва онъ хотѣлъ виномъ заглушить въ себѣ нестерпимую боль обиды, тоску досады, бѣшеной и безсильной.... но вино не могло одолѣть его до конца; сердце въ немъ расходилось и онъ началъ придумывать, какъ бы отплатить своему злодѣю.... онъ думалъ объ одномъ Наумѣ. Лизавета Прохоровна не приходила ему въ голову, отъ Авдотьи онъ мысленно отворачивался.... Къ вечеру жажда мести разгорѣлась въ немъ до изступленія, и онъ, добродушный и слабый человѣкъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дождался ночи, и какъ волкъ на добычу, съ огнемъ въ рукахъ, побѣжалъ истреблять свой бывшій домъ.... Но вотъ его схватили.... заперли.... Настала ночь. Чего онъ не передумалъ въ эту жестокую ночь! Трудно передать словами все, что происходитъ въ человѣкѣ въ подобныя мгновенья, всѣ терзанья, которыя онъ испытываетъ; оно тѣмъ болѣе трудно, что эти терзанья и въ самомъ-то человѣкѣ безсловесны и нѣмы.... Къ утру, передъ приходомъ Наума съ Ефремомъ, Акиму стало какъ будто легко.... Все пропало! подумалъ онъ.... все на вѣтеръ пошло!... и махнулъ рукой на все.... Еслибъ онъ былъ рожденъ съ душой не доброй, въ это мгновенье онъ могъ бы сдѣлаться злодѣемъ; но зло не было свойственнымъ Акиму. Подъ ударомъ неожиданнаго и незаслуженнаго несчастья, въ чаду отчаянія, рѣшился онъ на преступное дѣло; оно потрясло его до основанія, и не удавшись, оставило въ немъ одну глубокую усталость.... Чувствуя свою вину, оторвался онъ сердцемъ ото всего житейскаго и началъ горько, но усердно.... молиться. Сперва молился онъ шопотомъ, наконецъ онъ, можетъ быть, случайно, громко произнесъ: Господи! — и слезы брызнули изъ его глазъ.... Долго плакалъ онъ, и утихъ наконецъ.... Мысли его вѣроятно бы измѣнились, еслибъ ему пришлось поплатиться за свою вчерашнюю попытку.... но вотъ онъ вдругъ получилъ свободу.... и онъ шелъ на свиданіе съ женою, полуживой, весь разбитый, но спокойный.

Домъ Лизаветы Прохоровны стоялъ въ полутора верстѣ отъ ея деревни, налѣво отъ проселка, по которому шелъ Акимъ.

У поворотка, ведущаго къ господской усадьбѣ, онъ остановился было.... и прошелъ мимо. Онъ рѣшился сперва зайдти въ свою бывшую избу къ старику дядѣ.

Небольшая и довольно уже ветхая Акимова изба находилась почти на самомъ концѣ деревни; Акимъ прошелъ всю улицу, не встрѣтивъ ни души. Весь народъ былъ у обѣдни. Только одна больная старуха подняла окошечко, чтобъ посмотрѣть ему вслѣдъ, да дѣвочка, выбѣжавшая съ пустымъ ведромъ къ колодцу, зазѣвалась на него и тоже проводила его глазами. Первый человѣкъ, ему попавшійся на встрѣчу, былъ именно тотъ дядя, котораго онъ искалъ. Старикъ съ самаго утра просидѣлъ на заваленкѣ подъ окошкомъ, понюхивая табачокъ и грѣясь на солнцѣ, ему не совсѣмъ здоровилось, оттого онъ и въ церковь не ходилъ; онъ только-что собрался было навѣстить другаго, тоже хвораго старика сосѣда, какъ вдругъ увидалъ Акима.... Онъ остановился, допустилъ его до себя, и, заглянувъ ему въ лицо, промолвилъ:

— Здорово, Акимушка!

— Здорово, отвѣчалъ Акимъ и, минуя старика, вошелъ въ ворота своей избы.... На дворѣ стояли его лошади, корова, телѣга; тутъ же ходили его куры.... Онъ молча вошелъ въ избу. Старикъ послѣдовалъ за нимъ. Акимъ присѣлъ на лавку и оперся въ нее кулаками. Старикъ жалостливо посматривалъ на него, стоя у дверей.

— А гдѣ хозяйка? спросилъ Акимъ.

— А въ барскомъ домѣ, проворно возразилъ старикъ. Она тамъ. Здѣсь твою скотинку поставила, да сундуки какіе были, а она тамъ. Аль сходить за ней?

Акимъ помолчалъ.

— Сходи, проговорилъ онъ наконецъ.

— Эхъ, дядя, дядя, промолвилъ онъ, со вздохомъ, — пока тотъ доставалъ съ гвоздя шапку: — помнишь, ты мнѣ что наканунѣ свадьбы сказалъ?...

— На все воля Божія, Акимушка.

— Помнишь, ты мнѣ сказалъ, что, дескать, я вамъ мужикамъ не свой братъ, а теперь вотъ какія времена подошли.... Самъ голъ, какъ соколъ, сталъ.

— Про дурныхъ людей не напасешься, отвѣчалъ старикъ,—

а его безсовѣстнаго какъ бы кто могъ проучить хорошенько, баринъ, напримѣръ, какой, или другая власть, а то чего ему бояться? Волкъ, такъ волчью хватку и знаетъ. — И старикъ надѣлъ шапку и отправился.

Авдотья только-что возвратилась изъ церкви, когда ей сказали, что мужнинъ дядя ее спрашиваетъ. До того времени она очень рѣдко его видала, онъ къ нимъ на постоялый дворъ не хаживалъ и вообще слылъ за чудака: до страсти любилъ табакъ и все больше помалчивалъ.

Она вышла къ нему.

— Чего тебѣ, Петровичъ, аль что случилось?

— Ничего не случилось, Авдотья Арефьевна, мужъ тебя спрашиваетъ.

— Развѣ онъ вернулся?

— Вернулся.

— Да гдѣ жь онъ?

— А на деревнѣ, въ избѣ сидитъ.

Авдотья оробѣла.

— Что, Петровичъ, спросила она, глядя ему прямо въ глаза, серчаетъ онъ?

— Не видать, чтобы серчалъ.

Авдотья потупилась.

— Ну, пойдемъ, промолвила она, надѣла большой платокъ и оба отправились. Молча шли они до самой деревни. Когда же стали они приближаться къ избѣ, Авдотью страхъ разобралъ такой, что колѣнки у ней задрожали.

— Батюшка, Петровичъ, проговорила она: войди ты первый.... Скажи ему, что я, молъ, пришла.

Петровичъ вошелъ въ избу и нашелъ Акима сидящаго въ глубокомъ раздумьѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ его оставилъ.

— Что, промолвилъ Акимъ, поднявъ голову: — али не пришла?

— Пришла, возразилъ старикъ. — У воротъ стоитъ...

— Ну, пошли ее сюда.

Старикъ вышелъ, махнулъ Авдотьѣ рукой, сказалъ ей: ступай, а самъ опять присѣлъ на заваленкѣ. Авдотья съ трепетомъ отперла дверь, переступила порогъ и остановилась....

Акимъ посмотрѣлъ на нее.

— Ну, Арефьевна, началъ онъ: — что мы теперь съ тобою будемъ дѣлать?

— Виновата, прошептала она.

— Эхъ, Арефьевна, всѣ мы грѣшные люди. Что тутъ толковать-то!

— Это онъ, злодѣй, погубилъ насъ обоихъ, заговорила Авдотья звенящимъ голосомъ, и слезы потекли по ея лицу. — Ты, Акимъ Семенычъ, этого такъ не оставляй, получи съ него деньги-то. Ты меня не жалѣй. Я подъ присягой готова показать, что деньги ему въ займы дала. Лизавета Прохоровна вольна была дворъ нашъ продать, онъ-то за что насъ грабитъ.... Получи съ него деньги.

— Мнѣ съ него не приходится получить деньги, угрюмо возразилъ Акимъ. — Мы съ нимъ разсчитались.

Авдотья изумилась.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Знаешь ли ты, продолжалъ Акимъ, и глаза его загорѣлись: — знаешь ли ты, гдѣ я провелъ ночь? Не знаешь? У Наума въ подвалѣ, по рукамъ, по ногамъ связанный, какъ баранъ, вотъ гдѣ я провелъ ночь. Я у него дворъ хотѣлъ поджечь, да онъ меня поймалъ, Наумъ-то; ловокъ онъ больно. А сегодня меня собирался въ городъ везти, да ужь такъ помиловалъ; стало быть мнѣ съ него денегъ не приходится получать. Да и какъ я получу съ него деньги.... А когда, скажетъ онъ, я у тебя занималъ деньги? Что жь, мнѣ сказать, жена ихъ у меня подъ поломъ отрыла да и снесла тебѣ? Вретъ, онъ скажетъ, твоя жена. Али тебѣ, Арефьевна, огласки мало? Молчи ужь лучше, говорятъ тебѣ, молчи.

— Виновата, Семенычъ, виновата, шепнула снова перепуганная Авдотья.

— Не въ томъ дѣло, возразилъ Акимъ, помолчавъ немного: — а что мы будемъ дѣлать съ тобой? Дома у насъ теперь не стало.... Денегъ тоже....

— Какъ-нибудь перебьемся, Акимъ Семенычъ, Лизавету Прохоровну попросимъ, она намъ поможетъ, мнѣ Кирилловна обѣщала.

— Нѣтъ, Арефьевна, ужь ты сама ее проси съ твоей Ки-

рилловной сообща, вы вѣдь одного поля ягодки. Я вотъ что тебѣ скажу: ты здѣсь оставайся, съ Богомъ; я здѣсь не останусь. Благо у насъ дѣтей нѣтъ, а я одинъ авось не пропаду. Одна голова не бѣдна.

— Что же ты, Семенычъ, аль опять въ извозъ пойдешь?

Акимъ горько засмѣялся.

— Хорошъ я извощикъ, нѣча сказать. Вотъ нашла молодца. Нѣтъ, Арефьевна, вѣдь это дѣло не то, что, примѣрно сказать, жениться; на это дѣло старикъ не годится. Я только здѣсь не хочу остаться, вотъ, что... не хочу, чтобы на меня пальцами тыкали.... понимаешь? Я пойду грѣхи свои отмаливать, Арефьевна, вотъ я куда пойду.

— Какіе же твои грѣхи, Семенычъ? робко произнесла Авдотья.

— Ужь про нихъ, жена, я самъ знаю.

— Да на кого же ты меня оставишь, Семенычъ? Какъ я безъ мужа жить-то буду?

— На кого я тебя оставлю? Эхъ, Арефьевна, какъ ты это говоришь, право. Очень тебѣ нуженъ такой мужъ, какъ я, да еще старый, да еще разоренный. Какъ же! Обходилась прежде, обойдешься и впередъ. А добро какое еще у насъ осталось, возьми себѣ, ну его!...

— Какъ знаешь, Семенычъ, печально возразила Авдотья: — ты лучше это знаешь.

— То-то. Только ты не думай, чтобъ я серчалъ на тебя, Арефьевна. Нѣтъ, чего серчать, когда ужь того.... Прежде надо было спохватиться. Самъ я виноватъ—и наказанъ (Акимъ вздохнулъ). — Люби кататься, люби и саночки возить. Лѣта мои старыя, пора о душенкѣ своей подумать. Меня самъ Господь вразумилъ. Вишь я, старый дуракъ, съ молодой женой хотѣлъ въ свое удовольствіе пожить.... Нѣтъ, братъ-старикъ, ты сперва помолись, да лбомъ о-земь постучи, да потерпи, да постись.... А теперь, ступай, мать моя. Усталъ я очень, сосну маленько.

И Акимъ протянулся, крехтя, на лавкѣ.

Авдотья хотѣла было что-то сказать, постояла, поглядѣла, отвернулась и ушла.... Она не ожидала, что такъ дешево отдѣлается.

— Что, не побилъ? спросилъ ее Петровичъ, сидя, весь сгорбленный, на заваленкѣ, когда она съ нимъ поровнялась. Авдотья молча прошла мимо. — Вишь, не билъ, произнесъ про себя старикъ, усмѣхнулся, взъерошилъ бороду и понюхалъ табаку.

—

Акимъ исполнилъ свое намѣреніе. Онъ устроилъ наскоро свои дѣлишки, и нѣсколько дней спустя, послѣ переданнаго нами разговора, зашелъ, одѣтый по дорожному, проститься съ своей женой, которая поселилась на время во флигелькѣ господскаго дома. Прощаніе ихъ продолжалось не долго.... Тутъ же случившаяся Кирилловна присовѣтовала Акиму явиться къ барынѣ; онъ явился къ ней. Лизавета Прохоровна приняла его съ нѣкоторымъ смущеньемъ, но благосклонно допустила его къ рукѣ, и спросила, куда онъ намѣренъ идти? Онъ отвѣчалъ, что пойдетъ сперва въ Кіевъ, а оттуда куда Богъ дастъ. Она похвалила его и отпустила. Съ тѣхъ поръ онъ очень рѣдко показывался домой, хотя никогда не забывалъ принести барынѣ просвиру съ вынутымъ заздравнымъ.... За то вездѣ, куда только стекаются богомольные русскіе люди, можно было увидѣть его исхудавшее и постарѣвшее, но все еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергія, и у Бѣлыхъ береговъ, и въ Оптиной пустынѣ, и въ отдаленномъ Валаамѣ; вездѣ бывалъ онъ....

Въ нынѣшнемъ году онъ проходилъ мимо васъ, въ рядахъ несмѣтнаго народа, идущаго крестнымъ ходомъ за иконой Богородицы въ Коренную; на слѣдующій годъ вы заставали его сидящимъ, съ котомкой за плечами, вмѣстѣ съ другими странниками, на паперти Николая Чудотворца во Мценскѣ.... въ Москву онъ являлся почти каждую весну.

Изъ края въ край скитался онъ своимъ тихимъ, неторопливымъ, но безостановочнымъ шагомъ — говорятъ, онъ побывалъ въ самомъ Іерусалимѣ.... Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много говорили о его набожности и смиренномудріи тѣ люди, которымъ удавалось съ нимъ бесѣдовать.

А Наумово хозяйство шло между тѣмъ, какъ нельзя лучше. Живо и толково принялся онъ за дѣло, и, какъ говорится,

круто пошелъ въ гору. Всѣ въ околоткѣ знали, какими средствами досталъ онъ себѣ постоялый дворъ, знали также, что Авдотья отдала ему мужнины деньги; никто не любилъ Наума за его холодный и рѣзкій нравъ....съ укоризной разсказывали про него, будто онъ однажды самому Акиму, попросившему у него подъ окномъ милостыню, отвѣчалъ, что Богъ, молъ, подастъ, и ничего не вынесъ ему; но всѣ соглашались, что счастливѣй его человѣка не было: хлѣбъ у него родился лучше, чѣмъ у сосѣда; пчелы роились больше; куры даже чаще неслись; скотъ никогда не болѣлъ, лошади не хромали.... Авдотья долго не могла слышать его имени (она приняла предложеніе Лизаветы Прохоровны, и снова поступила къ ней на службу въ качествѣ главной швеи), но подъ конецъ ея отвращеніе нѣсколько уменьшилось; говорятъ, нужда заставила ее прибѣгнуть къ нему и онъ далъ ей рублей сто.... Не будемъ слишкомъ строго судить ее: бѣдность хоть кого скрутитъ, а внезапный переворотъ въ ея жизни очень ее состарилъ и смирилъ: трудно повѣрить, какъ скоро она подурнѣла, какъ опустилась и упала духомъ....

— Чѣмъ же все кончилось? спроситъ читатель.

А вотъ чѣмъ: Наумъ удачно хозяйничавши лѣтъ пятнадцать, выгодно сбылъ свой дворъ другому мѣщанину.... Онъ бы никогда не разстался съ своимъ дворомъ, еслибъ не случилось слѣдующаго, повидимому незначительнаго обстоятельства: два утра сряду собака его, сидя передъ окнами, протяжно и жалобно выла; онъ во второй разъ вышелъ на улицу, внимательно посмотрѣлъ на воющую собаку, покачалъ головой, отправился въ городъ и въ тотъ же день сошелся въ цѣнѣ съ мѣщаниномъ, который уже давно приторговывался къ его двору.... Черезъ недѣлю онъ уѣхалъ куда-то далеко— изъ губерніи вонъ; новый хозяинъ переселился на его мѣсто, и что же? въ тотъ же самый вечеръ дворъ сгорѣлъ до тла, ни одна клѣть не уцѣлѣла, и Наумовъ наслѣдникъ остался нищимъ. Читатель легко себѣ представитъ, какіе поднялись толки въ сосѣдствѣ по случаю этого пожара... Видно онъ свою «задачу» съ собой унесъ, твердили всѣ.... О немъ ходятъ слухи, будто онъ занялся хлѣбной торговлей и разбогатѣлъ сильно. Но на долго ли? Не такіе столбы валились, и злому дѣлу рано или поздно приходитъ злой конецъ. О Лизаветѣ Прохоровнѣ много сказать нечего:

она жива до сихъ поръ, и, какъ это часто бываетъ съ людьми такого рода, ни въ чемъ не измѣнилась, даже не слишкомъ постарѣла, только какъ будто суше стала; притомъ, скупость въ ней чрезвычайно усилилась, хотя трудно понять, для кого это она все бережетъ, не имѣя дѣтей, и не будучи ни къ кому привязана. Въ разговорѣ она часто упоминаетъ объ Акимѣ, и увѣряетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ узнала всѣ его качества, она русскаго мужика очень стала уважать. Кирилловна отъ нея откупилась за порядочныя деньги, и вышла замужъ по любви, за какого-то молодца, бѣлокураго офиціанта, отъ котораго терпитъ муку горькую; Авдотья живетъ по прежнему на женской половинѣ у Лизаветы Прохоровны, но опустилась еще нѣсколькими ступенями ниже, одѣвается очень бѣдно, почти грязно, и отъ столичныхъ замашекъ модной горничной, отъ привычекъ зажиточной дворничихи, не осталось уже въ ней и слѣда.... Ея никто не замѣчаетъ, и она сама рада, что ея не замѣчаютъ; старикъ Петровичъ умеръ, а Акимъ все еще странствуетъ — и Богъ знаетъ, сколько ему еще придется странствовать!

ЗАТИШЬЕ.

—

I.

Въ довольно большой, недавно выбѣленной комнатѣ господскаго флигеля, въ деревнѣ Сасовѣ, ...го уѣзда, Т.... губерніи, сидѣлъ за старымъ покоробленнымъ столикомъ, на деревянномъ узкомъ стулѣ молодой человѣкъ въ пальто и разсматривалъ счеты. Двѣ стеариновыя свѣчки, въ дорожныхъ серебряныхъ шандалахъ, горѣли передъ нимъ; въ одномъ углу на лавкѣ стоялъ открытый погребецъ, въ другомъ слуга устанавливалъ желѣзную кровать. За низкой перегородкой ворчалъ и шипѣлъ самоваръ; собака ворочалась на только-что принесенномъ сѣнѣ. Въ дверяхъ стоялъ мужикъ въ новомъ армякѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ большой бородой и умнымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ старостэ; онъ внимательно глядѣлъ на сидѣвшаго молодаго человѣка. У одной стѣны стояло очень ветхое крошечное фортепьяно, возлѣ столь же древняго комода съ дырами вмѣсто замковъ; между окнами виднѣлось темное зеркальцо; на перегородкѣ висѣлъ старый почти весь облупившійся портретъ напудренной женщины, въ роброндѣ и съ черной ленточкой на тонкой шеѣ. Судя по замѣтной кривизнѣ потолка и покатости щелистаго пола, флигелекъ, въ которой мы ввели читателя, существовалъ давнымъ давно; въ немъ

никто постоянно не жилъ, онъ служилъ для господскаго пріѣзда. Молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, былъ именно владѣлецъ деревни Сасовой. Онъ только наканунѣ прибылъ изъ главнаго своего имѣнія, отстоявшаго верстъ на сто оттуда, и на другой же день собирался уѣхать, окончивши осмотръ хозяйства, выслушавши требованія крестьянъ и провѣривъ всѣ бумаги.

— Ну, однако, довольно, промолвилъ онъ, приподнявъ голову: — усталъ. Ты теперь можешь идти, прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ: — а завтра приходи пораньше, да съ утра повѣсти мужиковъ, чтобы на сходку явились, слышишь?

— Слушаю.

— Да земскому вели мнѣ вѣдомость за послѣдній мѣсяцъ представить. Однако ты хорошо сдѣлалъ, продолжалъ баринъ, оглянувшись: — что стѣны выбѣлилъ. Все какъ будто чище.

Староста молча тоже оглянулъ стѣны.

— Ну, теперь ступай.

Староста поклонился и вышелъ.

Баринъ потянулся.

— Эй! крикнулъ онъ.—Дайте мнѣ чаю.... Пора спать.

Слуга отправился за перегородку и скоро вернулся съ стаканомъ чаю, связкой городскихъ котелокъ и сливочникомъ на желѣзномъ подносѣ. Баринъ принялся пить чай, но не успѣлъ онъ отхлебнуть болѣе двухъ глотковъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался стукъ вошедшихъ людей и чей-то пискливый голосъ спросилъ:

—Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно ихъ видѣть?

Владиміръ Сергѣичъ (такъ именно звали молодаго человѣка въ пальто) съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего человѣка и торопливымъ шопотомъ проговорилъ:

— Поди узнай, кто это?

Человѣкъ вышелъ и прихлопнулъ за собой плохо затворявшуюся дверь.

—Доложи Владиміру Сергѣичу, раздался тотъ же пискливый голосъ: — что сосѣдъ ихъ Ипатовъ желаетъ ихъ видѣть, буде не обезпокоитъ, да со мной еще пріѣхалъ другой сосѣдъ, Бодряковъ, Иванъ Ильичъ, тоже желаютъ почтеніе свое засвидѣтельствовать.

Невольное движеніе досады вырвалось у Владиміра Сергѣича. Однако, когда слуга его вошелъ въ комнату, онъ сказалъ ему:

—Проси.

И онъ всталъ въ ожиданіи гостей.

Дверь отворилась, и появились гости. Одинъ изъ нихъ, плотный сѣдой старичекъ, съ круглой головкой и свѣтлыми глазками, шелъ впереди; другой высокій, худощавый мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ длиннымъ смуглымъ лицомъ и безпорядочными чорными волосами, выступалъ, переваливаясь, сзади. На старичкѣ былъ опрятный сѣрый сюртукъ, съ большими перламутровыми пуговицами; розовый галстучекъ, до половины скрытый отвороченнымъ воротникомъ бѣлой рубашки, свободно охватывалъ его шею; на ногахъ у него красовались штиблеты; пріятно пестрѣли клѣтки его шотландскихъ панталонъ, и вообще онъ весь производилъ впечатлѣніе пріятное. Его товарищъ, напротивъ, возбуждалъ въ зрителѣ чувство менѣе выгодное: на немъ былъ черный старый фракъ, застегнутый наглухо; штаны его, изъ толстаго зимняго трико, подходили подъ цвѣтъ фрака; ни около шеи, ни у кистей рукъ не виднѣлось бѣлья. Старичокъ первый приблизился къ Владимиру Сергѣичу и, любезно поклонившись, заговорилъ тѣмъ же тоненькимъ голоскомъ:

— Честь имѣю рекомендоваться—ближайшій вашъ сосѣдъ и даже родственникъ, Ипатовъ, Михайло Николаичъ. Давно желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться. Надѣюсь, что не обезпокоилъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ и самъ желалъ.... и что безпокойства никакого нѣтъ и не угодно ли сѣсть.... чаю выкушать.

— А этотъ дворянинъ, продолжалъ старичокъ, выслушавъ съ привѣтной улыбкой недомолвленныя рѣчи Владиміра Сергѣича и протянувъ руку въ направленіи господина во фракѣ: — тоже вашъ сосѣдъ.... и мой хорошій знакомый, Бодряковъ, Иванъ Ильичъ, сильно желалъ съ вами познакомиться.

Господинъ во фракѣ, по лицу котораго никто бы не предположилъ, чтобы онъ чего-нибудь могъ сильно пожелать въ своей жизни — до того разсѣянно и въ то же время сонливо было

выраженіе этого лица,—господинъ во фракѣ поклонился неловко и вилъ. Владиміръ Сергѣичъ поклонился ему въ отвѣтъ и вторично попросилъ гостей присѣсть.

Гости сѣли.

— Очень, очень радъ, началъ старичокъ, пріятно разставивъ руки, между тѣмъ какъ его товарищъ, принялся, слегка раскрывъ ротъ, оглядывать потолокъ:—очень радъ, что имѣю наконецъ честь видѣть васъ лично. Хотя вы постояннымъ жительствомъ вашимъ и обрѣтаетесь въ довольно отдаленномъ отъ здѣшнихъ мѣстъ уѣздѣ, однако мы считаемъ васъ тоже своимъ, кореннымъ, такъ сказать, владѣльцемъ.

— Мнѣ это очень лестно, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Лестно ли, нѣтъ ли, а оно такъ. Вы, Владиміръ Сергѣичъ, извините, мы здѣсь, въ ....омъ уѣздѣ, народъ прямой, по простотѣ живемъ, говоримъ, что думаемъ, безъ обиняковъ. У насъ даже, скажу вамъ, на именины другъ къ другу ѣздятъ не иначе какъ въ сюртукахъ. Право! Такъ ужь у насъ заведено. Въ сосѣднихъ уѣздахъ насъ за это сюртучниками называютъ и даже упрекаютъ яко бы въ дурномъ тонѣ, но мы на это и вниманія не обращаемъ! Помилуйте, въ деревнѣ жить да еще чиниться?

—Конечно, что можетъ быть лучше.... въ деревнѣ этой натуральности въ обращеніи, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

—А между тѣмъ, возразилъ старичокъ:—и у насъ въ уѣздѣ живутъ люди, можно сказать, умнѣйшіе, европейски образованные люди, хоть и фраковъ не носятъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, историкъ нашъ, Евсюковъ, Степанъ Степанычъ; онъ россійской исторіей съ самыхъ древнѣйшихъ временъ занимается и въ Петербургѣ извѣстенъ, ученѣйшій человѣкъ! Въ городѣ нашемъ старинное шведское ядро, знаете... тамъ оно среди площади поставлено, вѣдь это онъ его открылъ. Какъ-же! Центелеръ, Антонъ Карлычъ... тотъ естественную исторію изучилъ; впрочемъ, говорятъ, эта наука всѣмъ нѣмцамъ далась. Когда у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, забѣжавшую гіенну убили, такъ вѣдь это Антонъ Карлычъ открылъ, что она дѣйствительно была гіенна, по причинѣ особеннаго устройства ея хвоста. Вотъ еще Кабурдинъ есть у насъ помѣщикъ, тотъ больше легкія статейки пишетъ; очень бойкое у него перо, въ Га-

латеѣ есть его статейки. Бодряковъ.... не Иванъ Ильичъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ этимъ неглежируетъ, а другой Бодряковъ, Сергѣй.... какъ бишь его по батюшкѣ-то, Иванъ Ильичъ.... какъ бишь?

— Сергѣичъ, подхватилъ Иванъ Ильичъ.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ, тотъ стихами занимается. Ну, конечно, не Пушкинъ, а иногда такъ отбрѣетъ, что хоть бы въ столицѣ. Вы его эпиграмму на Агея Ѳомича знаете?

— На какого Агея Ѳомича?

— Ахъ, извините; я все забываю, что вы все-таки не здѣшній житель. На нашего исправника. Очень смѣшная вышла эпиграмма. Иванъ Ильичъ, ты, кажется, ее помнишь.

Агей Ѳомичъ — равнодушно заговорилъ Бодряковъ — не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ...

— Надо вамъ сказать, перебилъ Ипатовъ: — что его выбрали почти что одними бѣлыми шарами, ибо человѣкъ онъ наидостойнѣйшій.

Агей Ѳомичъ — повторилъ Бодряковъ — не даромъ славно

Дворянскимъ выборомъ почтенъ:
Онъ пьетъ и кушаетъ исправно,
Такъ какже не исправникъ онъ?

Старичокъ засмѣялся.

—Хе, хе, хе! а вѣдь не дурно? Съ тѣхъ поръ, повѣрите ли вы, всякій изъ насъ скажетъ, напримѣръ, Агею Ѳомичу здравствуйте и ужь непремѣнно прибавитъ: «такъ какже не исправникъ онъ?» И Агей Ѳомичъ, вы думаете, сердится? Нисколько. Нѣтъ—у насъ этого и въ заведеніи нѣтъ. Вотъ спросите хоть Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ только глазами повелъ.

— Сердиться за шутку, какъ это можно! Вотъ хоть бы Иванъ Ильичъ, его у насъ прозываютъ Складная Душа, потому что онъ весьма скоро на все соглашается. Что жь? развѣ Иванъ Ильичъ за это обижается? Никогда!

Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ, медленно мигая, сперва на старичка, потомъ на Владиміра Сергѣича.

Названіе «Складная Душа», дѣйствительно, очень шло къ Ивану Ильичу. Въ немъ и слѣда не было того, что называется волей или характеромъ. Всякій, кто только хотѣлъ, могъ уве-

сти его съ собой куда угодно; стоило только сказать ему: Иванъ Ильичъ поѣдемте, онъ бралъ шапку и ѣхалъ; а подверни тутъ другой и скажи ему: Иванъ Ильичъ, останьтесь, онъ клалъ шапку и оставался. Нрава онъ былъ миролюбиваго и тихаго, весь свой вѣкъ прожилъ холостякомъ, въ карты не игралъ, но любилъ сидѣть возлѣ играющихъ и глядѣть имъ поочереди въ лица. Безъ общества онъ жить не могъ и уединенія не переносилъ; онъ тогда впадалъ въ унынie, впрочемъ, это съ нимъ случалось очень рѣдко. За нимъ водилась еще одна особенность: вставъ рано по утру съ постели, онъ вполголоса напѣвалъ старинный романсъ.

Въ деревнѣ нѣкогда баронъ
Жилъ съ деревенской простотою....

Вслѣдствіе этой особенности Ивана Ильича, его прозывали также щуромъ; извѣстно, что щуръ въ клѣткѣ поетъ только разъ въ теченьи дня, рано поутру. Таковъ былъ Иванъ Ильичъ Бодряковъ.

Разговоръ между Ипатовымъ и Владиміромъ Сергѣичемъ продолжался довольно долго, но уже не въ прежнемъ, такъ сказать, умозрительномъ направленіи. Старичокъ распрашивалъ Владиміра Сергѣича объ его имѣніи, о состояніи его лѣсныхъ и другихъ дачъ, объ усовершенствованіяхъ, которыя онъ уже ввелъ или только намѣревался ввести въ своемъ хозяйствѣ; сообщилъ ему нѣсколько своихъ собственныхъ наблюденій, посовѣтовалъ, между прочимъ, для истребленія луговыхъ кочекъ, обсыпать ихъ кругомъ овсомъ, что будто бы побуждаетъ свиней срывать ихъ своими носами и т. п. Наконецъ, однако, замѣтивъ, что у Владиміра Сергѣича слипались глаза и въ самыхъ словахъ проявлялась нѣкоторая медлительность и безсвязность, старичокъ всталъ и, любезно поклонившись, объявилъ, что не намѣренъ болѣе стѣснять своимъ присутствіемъ, но что надѣется имѣть удовольствіе видѣть у себя дорогаго гостя не позже завтрашняго дня къ обѣду.

— А въ мою деревню, прибавилъ онъ: — не говорю уже малое дитя, первая встрѣшняя, смѣю сказать, курица или баба вамъ дорогу укажетъ, стоитъ только спросить Ипатовку. Лошади сами добѣгутъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ съ небольшой, впрочемъ, свойственной ему запинкой, что постарается.... что если ничего не воспрепятствуетъ....

— Нѣтъ ужь мы васъ будемъ ждать навѣрное, перебилъ его ласково старичокъ, крѣпко пожалъ ему руку и проворно вышелъ, воскликнувъ у двери въ полуоборотъ:—безъ церемоніи!

Сладная Душа Бодряковъ поклонился молча и исчезъ вслѣдъ за своимъ товарищемъ, предварительно споткнувшись на порогѣ.

Проводивъ нежданыхъ гостей, Владиміръ Сергѣичъ тотчасъ раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ принадлежалъ къ числу людей, которые, осторожно попытавши свои силы на двухъ, трехъ различныхъ поприщахъ, сами говорятъ о себѣ, что рѣшились наконецъ взглянуть на жизнь съ практической точки зрѣнія, и посвящаютъ досугъ умноженію своихъ доходовъ. Онъ былъ не глупъ, довольно скупъ и очень разсудителенъ, любилъ чтеніе, общество, музыку, но все въ мѣру.... и держалъ себя очень прилично. Ему было всего двадцать-семь лѣтъ. Подобныхъ ему молодыхъ людей развелось въ послѣдне время много. Онъ былъ средняго росту, хорошо сложенъ, черты лица имѣлъ пріятныя, но мелкія; выраженіе ихъ почти никогда не мѣнялось, глаза его глядѣли всегда однимъ и тѣмъ же сухимъ и свѣтлымъ взоромъ; лишь изрѣдка смягчался онъ легкимъ оттѣнкомъ не то грусти, не то скуки: учтивая улыбка почти не покидала его губъ. Волосы у него были прекрасные, бѣлокурые, шелковистые и въ длинныхъ завиткахъ. За Владиміромъ Сергѣичемъ считалось около шести-сотъ душъ хорошаго имѣнія, и онъ думалъ о бракѣ, бракѣ по наклонности, но въ то же время выгодномъ. Особенно хотѣлось ему сыскать жену со связями. Онъ находилъ, что у него не достаточно было связей. Словомъ — онъ заслуживалъ вошедшее недавно въ моду названіе джентльмена.

Вставши на другое утро, по обыкновенію, очень рано, джентльменъ нашъ занялся дѣлами и, должно отдать ему справедливость, занялся ими довольно дѣльно, что не всегда можно сказать про молодыхъ практическихъ людей у насъ на Руси. Онъ терпѣливо выслушалъ сбивчивыя просьбы и жалобы му-

жиковъ, удовлетворилъ ихъ на сколько могъ, разобралъ возникшіе споры и несогласія между родными, однихъ усовѣстилъ, на другихъ прикрикнулъ, провѣрилъ отчетъ земскаго, вывелъ на свѣжую воду двѣ три плутни старосты, словомъ — распорядился такъ, что и самъ остался собою доволенъ и крестьяне, возвращаясь со сходки ко дворамъ, отзывались о немъ хорошо. Не смотря на слово, данное наканунѣ Ипатову, Владиміръ Сергѣичъ рѣшился было обѣдать дома и даже заказалъ своему походному повару любимый рисовый супъ съ потрохами, но вдругъ, быть можетъ, вслѣдствіе чувства довольства, наполнившаго его душу съ утра, остановился посреди комнаты, ударилъ себя рукою по лбу и не безъ нѣкоторой удали громко воскликнулъ: «А поѣду-ка я къ этому старому краснобаю!» Сказано, сдѣлано; черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ своемъ новенькомъ и маленькомъ тарантасѣ, запряженномъ четвернею добрыхъ крестьянскихъ лошадей, и ѣхалъ въ Ипатовку, до которой считалось не болѣе двѣнадцати верстъ отличной дороги.

II.

Усадьба Михайла Николаича Ипатова состояла изъ двухъ отдѣльныхъ господскихъ домиковъ, построенныхъ другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ огромнаго проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этотъ прудъ; почти въ уровень съ ней виднѣлась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались черезъ широкую водную гладь блестящими стеклами своихъ маленькихъ чистыхъ оконъ. Посерединѣ каждаго изъ домиковъ выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтонъ, подпертый четырьмя тѣсно поставленными бѣлыми колоннами. Вокругъ всего пруда шелъ старинный садъ, липы тянулись по немъ аллеями, стояли сплошными купами; заматерѣлыя сосны, съ блѣдно-жолтыми стволами темные дубы, великолѣпные ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ обоихъ домиковъ, остав-

ляя открытыми однѣ ихъ переднія стороны, отъ которыхъ бѣжали внизъ по скатамъ извилистыя, убитыя кирпичемъ дорожки. Пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда; онъ никогда не зацвѣталъ, благодаря обильнымъ ключамъ, бившимъ въ его «головѣ» со дна крутаго и каменистаго оврага. Мѣстоположеніе усадьбы было хорошо: привѣтливо, уединенно и привольно.

Въ одномъ изъ двухъ маленькихъ домиковъ жилъ самъ Михаилъ Николаичъ; въ другомъ жила его мать, дряхлая старуха лѣтъ семидесяти. Взъѣхавши на плотину, Владиміръ Сергѣичъ не зналъ, къ какому дому направиться. Онъ оглянулся — дворовый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полусгнившей карягѣ. Владиміръ Сергѣичъ окликнулъ его.

— Да вамъ къ кому, къ старой барынѣ, аль къ барчуку? возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ поплавка.

— Къ какой барынѣ? отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ: — я къ Михаилу Николаичу.

— А! къ барчуку? Ну такъ ступайте направо.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ неподвижной воды небольшаго серебристаго карася. Владиміръ Сергѣичъ отправился направо.

Михаилъ Николаичъ игралъ въ шашки съ Складной Душою, когда ему доложили о пріѣздѣ Владиміра Сергѣича. Онъ очень обрадовался, вскочилъ съ креселъ, выбѣжалъ въ переднюю и въ передней же трижды съ нимъ облобызался.

— Вы меня застаете съ моимъ неизмѣннымъ пріятелемъ, Владиміръ Сергѣичъ, заговорилъ словоохотливый старичокъ: — съ Иваномъ Ильичемъ, который, скажу мимоходомъ, совершенно очарованъ вашей обходительностью. (Иванъ Ильичъ молча глянулъ въ уголъ). Онъ былъ такъ добръ, остался со мной въ шашки играть, а мои всѣ пошли въ садъ гулять, но я сейчасъ за ними пошлю....

— Да зачѣмъ же безпокоить, началъ было Владиміръ Сергѣичъ....

— Какое безпокойство, помилосердуйте. Эй Ванька, сбѣгай за барышнями скорѣй.... скажи, гость молъ пожаловалъ. А каково вамъ здѣшняя мѣстность нравится, вѣдь недурна, не правда ли? Кабурдинъ стихи на нее сочинилъ. «Ипатовка, пріютъ

любезный», такъ начинается, дальше тоже хорошо, только не все помню. Садъ великъ, вотъ бѣда, не по средствамъ. А эти два дома, столь между собой схожія, какъ вы изволили, можетъ быть, замѣтить, были построены двумя братьями, отцомъ моимъ Николаемъ и дядей Сергѣемъ; они же и садъ развели, друзья были примѣрные.... Дамонъ—и... вотъ тебѣ на! забылъ какъ другаго звали....

— Пиѳіонъ, замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Полно, такъ ли? Ну все равно. (Дома старикъ говорилъ гораздо развязнѣе, чѣмъ въ гостяхъ). Вамъ, Владиміръ Сергѣичъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, что я вдовецъ, лишился жены; старшіе дѣтки къ казенныхъ заведеніяхъ, а со мной только двѣ меньшенькихъ, да свояченица живетъ, женнина сестра, вотъ вы ее сейчасъ увидите. Да что жь это, я васъ ни чѣмъ не подчую. Иванъ Ильичъ, распорядись, братецъ, насчетъ закуски.... какую вы водку предпочитать изволите?

— Я до обѣда ничего не пью.

— Помилуйте, какъ это можно! А впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно. Гостю воля, гостю честь. Вѣдь здѣсь у насъ по простотѣ. Здѣсь у насъ, осмѣлюсь такъ выразиться, не то чтобы захолустье, а затишье, право затишье, уединенный уголокъ — вотъ что! Но что же вы не сядете?

Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ, не выпуская изъ рукъ шляпы.

— Позвольте васъ облегчить, проговорилъ Ипатовъ, и деликатно отнявъ у него шляпу, отнесъ ее въ уголъ, потомъ возвратился, съ ласковой улыбкой посмотрѣлъ гостю въ глаза и, не зная, что бы такое сказать ему пріятное, спросилъ его самымъ радушнымъ образомъ, любитъ ли онъ играть въ шашки?

— Я плохо играю во всѣ игры, отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— И это съ вашей стороны прекрасно, возразилъ Ипатовъ: — но шашки, это не игра, это скорѣе забава, препровожденіе праздпаго времени; не такъ ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ взглянулъ на Ипатова равнодушнымъ взглядомъ, словно думая про себя: «а чортъ ихъ знаетъ — игра ли она или забава», но погодя немного, онъ промолвилъ:

— Да; шашки — ничего.

— Вотъ, говорятъ, шахматы другое дѣло, продолжалъ

Ипатовъ: — говорятъ, это игра претрудная. Но по моему.... а да вотъ и мои идутъ! перебилъ онъ самъ себя, взглянувъ въ полураскрытую стеклянную дверь, выходившую въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ всталъ, обернулся и увидалъ сперва двухъ дѣвочекъ лѣтъ около десяти, въ розовыхъ ситцевыхъ платьецахъ и большихъ шляпахъ, проворно взбѣгавшихъ по ступенямъ террасы; вскорѣ за ними появилась дѣвушка лѣтъ двадцати, высокаго роста, полная и стройная, въ темномъ платьѣ. Всѣ онѣ вошли въ комнату, дѣвочки чинно присѣли передъ гостемъ.

— Вотъ-съ, рекомендую, проговорилъ хозяинъ: — мои дочки-съ. Эту вотъ Катей зовутъ-съ, а эту Настей, а эта вотъ моя свояченица, Марья Павловна, о которой я уже имѣлъ удовольствіе вамъ говорить. Прошу любить да жаловать.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился Марьѣ Павловнѣ; она отвѣчала ему едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Марья Павловна держала въ рукѣ большой раскрытый ножъ; ея густые русые волосы слегка растрепались, небольшой зеленый листокъ запутался въ нихъ, коса выбилась изъ-подъ гребня, смуглое лицо зарумянилось и красныя губы раскрылись; платье казалось измятымъ. Она дышала быстро; глаза ея блестѣли; видно было, что она работала въ саду. Она тотчасъ же вышла изъ комнаты, дѣвочки побѣжали за ней.

— Туалетъ-съ немножко въ порядокъ привести, замѣтилъ старикъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу:—безъ этого нельзя-съ.

Владиміръ Сергѣичъ осклабился ему въ отвѣтъ и слегка задумался. Марья Павловна его поразила. Давно не видывалъ онъ такой прямо русской, степной красоты. Она скоро вернулась, сѣла на диванъ, и осталась неподвижной. Волосы свои она убрала, но платья не перемѣнила, не надѣла даже манжетокъ. Черты ея лица выражали не то, чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лобъ ея былъ широкъ и низокъ, носъ коротокъ и прямъ; лѣнивая и медленная усмѣшка изрѣдка кривила ея губы; презрительно хмурились ея прямыя брови. Она почти постоянно держала свои большіе, темные глаза опущенными. Я знаю, казалось, говорило ея непривѣтное молодое лицо, я знаю, что вы всѣ на меня смотрите, ну смотрите, надоѣли!

Когда же она поднимала свои глаза, въ нихъ было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взоръ лани. Сложена она была великолѣпно. Классическій поэтъ сравнилъ бы ее съ Церерой или Юноной.

— Что вы дѣлали въ саду, спросилъ ее Ипатовъ, желавшій вовлечь ее въ разговоръ.

— Сухія сучья рѣзали и копали гряды, отвѣчала она голосомъ нѣсколько низкимъ, но пріятнымъ и звучнымъ.

— И что жь, вы устали?

— Дѣти устали, я нѣтъ.

— Я знаю, возразилъ съ улыбкой старикъ: — ты у меня настоящая Бобелина! А у бабушки были?

— Были, она почиваетъ.

— Вы любите цвѣты, спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Люблю.

— Отчего ты шляпы не надѣваешь, когда выходишь, замѣтилъ ей Ипатовъ: — посмотри, какъ ты раскраснѣлась и загорѣла.

Она молча провела рукой по лицу. Руки у ней были не велики, но немного широки и довольно красны. Она не носила перчатокъ.

— И садоводство вы любите? опять спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Да.

Владиміръ Сергѣичъ принялся разсказывать, какой у него въ сосѣдствѣ прекрасный садъ у богатаго помѣщика Н*.—Главный садовникъ, нѣмецъ, одного жалованья получаетъ двѣ тысячи рублей серебромъ, сказалъ онъ между прочимъ.

— А какъ зовутъ этого садовника, спросилъ вдругъ Иванъ Ильичъ.

— Не помню, кажется Мейеръ или Миллеръ. А вамъ на что?

— Такъ-съ, отвѣтилъ Иванъ Ильичъ. — Фамилію узнать.

Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ свой разсказъ. Дѣвочки, дочери Михайла Николаича, вошли, тихонько сѣли и тихонько стали слушать....

Слуга показался въ дверяхъ и доложилъ, что Егоръ Капитонычъ пріѣхалъ.

— А, проси, проси! воскрикнулъ Ипатовъ.

Вошелъ старичокъ низенькій и толстенькій, изъ породы людей, называемыхъ каратышками или карандашами, съ пухлымъ и въ тоже время сморщеннымъ личикомъ, въ родѣ печенаго яблока. На немъ была сѣрая венгерка съ черными шнурками и стоячимъ воротникомъ; его широкіе плисовые шаровары, кофейнаго цвѣта, оканчивались далеко выше щиколдокъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Егоръ Капитонычъ, воскликнулъ Ипатовъ, идя ему навстрѣчу: — давненько мы съ вами не видались.

— Да что, возразилъ Егоръ Капитонычъ картавымъ и плаксивымъ голосомъ, раскланявшись предварительно со всѣми присутствовавшими: — вѣдь вы знаете, Михаилъ Николаичъ, свободный ли я человѣкъ?

— А чѣмъ же вы не свободный человѣкъ, Егоръ Капитонычъ?

— Да какъ же, Михаилъ Николаичъ, семейство, дѣла.... А тутъ еще Матрена Марковна.

И онъ махнулъ рукой.

— А что жь Матрена Марковна?

И Ипатовъ слегка подмигнулъ Владиміру Сергѣичу, какъ бы желая заранѣе возбудить его вниманіе.

— Да, извѣстно, возразилъ Егоръ Капитонычъ, садясь: — все мною недовольна, будто вы не знаете? Что я ни скажу, все не такъ, не дилекатно, не прилично. А почему не прилично, Господь Богъ знаетъ. И барышни, дочери мои то-есть, туда же, съ матери примѣръ берутъ. Я не говорю, Матрена Марковна прекраснѣйшая женщина, да уже очень строга насчетъ манеръ.

— Да чемъ же ваши манеры дурны, Егоръ Капитонычъ, помилуйте?

— Я и самъ то же думаю, да видно ей угодить мудрено. Вчера, напримѣръ, говорю я за столомъ: Матрена Марковна (и Егоръ Капитонычъ придалъ голосу своему самое вкрадчивое выраженіе), Матрена Марковна, говорю я, что это, какъ Алдошка лошадей не бережетъ, ѣздить не умѣетъ, говорю; воронаго-то жеребца со всѣмъ закачало. Ихъ, Матрена Марковна, какъ вспыхнетъ, какъ примется стыдить меня, выражаться ты, дескать, прилично не умѣешь въ дамскомъ обществѣ; ба-

рышни тотчасъ изъ-за стола повскакали, а на другой день Бирюлевскимъ барышнямъ, женинымъ племянницамъ, уже все извѣстно. А чѣмъ я дурно выразился? посудите сами. И что бы я ни сказалъ, иногда неосторожно, точно, съ кѣмъ этого не бываетъ, особенно дома, Бирюлевскимъ барышнямъ на другой день уже все извѣстно. Просто не знаешь какъ быть. Иногда сижу я эдакъ, думаю съ своей манерой, — я, вы, можетъ, знаете, дышу тяжело, — Матрена Марковна опять меня стыдить примется: не сопи, говоритъ, кто пыньче сопитъ! Что ты бранишься, говорю я, Матрена Марковна, помилуй, надо соболѣзновать, а ты бранишься. Ужь я теперь дома больше не думаю. Сижу и на низъ все такъ гляжу. Ей Богу. А то еще на дняхъ, спать мы ложились, Матрена Марковна, говорю я, что ты это, матушка, своего казачка какъ избаловала, вѣдь онъ, говорю, поросенокъ эдакой, хоть бы въ воскресенье лицо-то вымылъ. Что жь? вѣдь кажется, далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ, опять начала меня Матрена Марковна стыдить: не умѣешь, говоритъ, въ дамскомъ обществѣ держать себя, а на другой день Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно. Гдѣ ужь тутъ о выѣздахъ думать, Михаилъ Николаичъ?

— Это для меня удивительно, что вы говорить изволите, возразилъ Ипатовъ: — я этого не ожидалъ отъ Матрены Марковны; кажется, она...

— Прекраснѣйшая женщина, подхватилъ Егоръ Капитонычъ: — примѣрная, можно сказать, супруга и мать, насчетъ манеръ только строга. Говоритъ во всемъ нуженъ ансамбль, и будто его у меня нѣтъ. Я пофранцузски, вы знаете, не говорю, такъ только понимаю. Но какой же это ансамбль, котораго у меня нѣтъ?

Ипатовъ, который самъ не больно былъ силенъ во французскомъ языкѣ, только плечами пожалъ.

— А что ваши дѣтки, сыновья то есть? спросилъ онъ Егора Капитоныча, немного погодя.

Егоръ Капитонычъ посмотрѣлъ на него сбоку.

— Что, сыновья ничего. Я ими доволенъ. Барышни, тѣ отъ рукъ отбились, а сыновьями я доволенъ. Леля служитъ хорошо, начальство его одобряетъ; Леля у меня ловкій ребенокъ. Ну Михецъ—тотъ не такъ: филантропъ какой-то вышелъ.

— Отчего филантропъ?

— Господь его знаетъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, дичится. Матрена Марковна его больше конфузитъ. Что, говоритъ, съ отца примѣръ берешь-то? Ты его уважай, а въ манерахъ подражай матери. Выровняется, пойдетъ и онъ.

Владиміръ Сергѣичъ попросилъ Ипатова познакомить его съ Егоромъ Капитонычемъ. Между ними завязался разговоръ. Марья Павловна не принимала въ немъ участія; къ ней подсѣлъ Иванъ Ильичъ, да и тотъ сказалъ ей всего слова два; дѣвочки подошли къ нему и начали что-то шопотомъ ему разсказывать.... Вошла ключница, худая старуха, повязанная темнымъ платкомъ и объявила, что обѣдъ готовъ. Всѣ отправились въ столовую.

Обѣдъ продолжался довольно долго. Ипатовъ хорошаго держалъ повара, и вина онъ выписывалъ недурныя, хотя не изъ Москвы, а изъ губернскаго города. Ипатовъ жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе. Душъ за нимъ всего числилось не болѣе трехъ сотъ, но онъ никому не былъ долженъ и имѣнье привелъ въ порядокъ. За столомъ разговаривалъ больше самъ хозяинъ. Егоръ Капитонычъ ему вторилъ, но въ то же время не забывалъ себя; кушалъ и пилъ на славу. Марья Павловна все молчала, лишь изрѣдка отвѣчая полу-улыбками на торопливыя рѣчи двухъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ по обоимъ ея бокамъ; онѣ, повидимому, очень ее любили; Владиміръ Сергѣичъ пытался нѣсколько разъ заговорить съ нею, однако, безъ особеннаго успѣха. Складная Душа Бодряковъ даже ѣлъ лѣниво и вяло. Послѣ обѣда всѣ пошли на террасу пить кофе. Погода была прекрасная; изъ саду несло сладкимъ запахомъ липъ, стоявшихъ тогда въ полномъ цвѣту; лѣтній воздухъ, слегка охлажденный густою тѣнью деревьевъ и влажностью близкаго пруда, дышалъ какой-то ласковой теплотой. Вдругъ изъ-за тополей плотины примчался конскій топотъ, и спустя мгновенье показалась всадница въ длинной амазонкѣ и круглой сѣрой шляпѣ на гнѣдой лошади; она ѣхала галопомъ, казачокъ скакалъ сзади ея на небольшомъ бѣломъ клепперѣ.

— А! воскликнулъ Ипатовъ: — Надежда Алексѣевна ѣдетъ — вотъ пріятный сюпризъ.

— Одна? спросила Марья Павловна, стоявшая до того мгновенья неподвижно у дверей.

— Одна.... видно Петра Алексѣича что-нибудь задержало.

Марья Павловна глянула изъ подлобья, краска разлилась по ея лицу, она отворотилась.

Между тѣмъ всадница выѣхала черезъ калитку въ садъ, подскакала къ террассѣ и легко спрыгнула на землю, не дождавшась ни своего казачка, ни Ипатова, который направился было къ ней навстрѣчу. Проворно подобравъ подолъ своей амазонки, вбѣжала она по ступенямъ, и, вскочивъ на террасу, весело воскликнула:

— Вотъ и я!

— Милости просимъ! промолвилъ Ипатовъ: — Вотъ неожиданно-то, вотъ мило. Позвольте поцаловать вашу ручку...

— Извольте возразила гостья: — только стащите перчатку сами. Я не могу. И протянувъ ему руку, кивнула головой Марьѣ Павловнѣ, — Маша, вообрази, братъ не будетъ сегодня, сказала она съ маленькимъ вздохомъ.

— Я и такъ вижу, что его нѣтъ, вполголоса отвѣчала Марья Павловна.

— Онъ велѣлъ тебѣ сказать, что занятъ. Ты не сердись. Здравствуйте, Егоръ Капитонычъ; здравствуйте, Иванъ Ильичъ. Здравствуйте, дѣти... Вася, прибавила гостья, обратившись къ своему казачку: — вели хорошенько проводить Красавчика, слышишь. Маша дай мнѣ, пожалуйста, булавку, шлейфъ приколоть... Михаилъ Николаичъ, подите-ка сюда.

Ипатовъ подошелъ къ ней поближе.

— Кто это новое лицо? спросила она его довольно громко.

— Это сосѣдъ, Астаховъ, Владиміръ Сергѣичъ, знаете, чье Сасово. Хотите я васъ съ нимъ познакомлю?

— Хорошо... послѣ. Ахъ, какая прекрасная погода, продолжала она. — Егоръ Капитонычъ, скажите, Матрена Марковна неужели даже въ такую погоду ворчитъ...

— Матрена Марковна не ворчитъ ни въ какую погоду, сударыня, а она только строга насчетъ манеръ...

— А что дѣлаютъ Бирюлевскія барышни? Неправда ли, на другой день уже все имъ извѣстно....

И она засмѣялась звонкимъ и серебристымъ смѣхомъ.

— Вы все изволите смѣяться, возразилъ Егоръ Капитонычъ. — Впрочемъ, когда же и смѣяться какъ не въ ваши года.

— Егоръ Капитонычъ милый не сердитесь. Ахъ я устала, позвольте сѣсть....

Надежда Алексѣевна опустилась въ кресла и шаловливо надвинула шляпу на самыя глаза.

Ипатовъ подвелъ къ ней Владиміра Сергѣича.

— Позвольте, Надежда Алексѣевна, представить вамъ сосѣда нашего, господина Астахова, о которымъ вы вѣроятно много слышали.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился, а Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него изъ-подъ околышка своей круглой шляпы.

— Надежда Алексѣевна Веретьева, наша сосѣдка, продолжалъ Ипатовъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу. — Живетъ здѣсь съ братцомъ своимъ, Петромъ Алексѣичемъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ. Большая пріятельница моей своячениць и вообще къ нашему дому благоволитъ.

— Цѣлый формулярный списокъ, промолвила съ усмѣшкой Надежда Алексѣевна, по прежнему поглядывая на Владиміра Сергѣича изъ-подъ шляпы.

А Владиміръ Сергѣичъ между тѣмъ думалъ про себя: «Да вѣдь и это прехорошенькая.» И точно, Надежда Алексѣевна была очень милая дѣвица. Тоненькая и стройная, она казалась гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Ей уже минулъ двадцать седьмой годъ. Лицо она имѣла круглое, головку небольшую, пушистые бѣлокурые волосы, острый, почти нахально вздернутый носикъ и веселые, нѣсколько лукавые глазки. Насмѣшливость такъ и свѣтилась въ нихъ, такъ и зажигалась въ нихъ искрами. Черты лица ея, чрезвычайно оживленныя и подвижныя, принимали иногда выраженіе почти забавное; въ нихъ проглядывалъ юморъ. Изрѣдка, бо́льшей частью внезапно, тѣнь раздумья набѣгала на ея лицо — тогда оно становилось кроткимъ и добродушнымъ, но долго предаваться раздумью она не могла. Она легко схватывала смѣшныя стороны людей и порядочно рисовала каррикатуры. Съ самаго рожденія ее всѣ баловали, и это тотчасъ можно было замѣтить: люди избалованные въ дѣтствѣ, сохраняютъ особый отпечатокъ до конца жизни. Братъ ее любилъ, хотя увѣрялъ, что она жалится не какъ пчела, а какъ оса, потому что пчела ужалитъ, да и умретъ, а осѣ ужалить ничего не значитъ. Это сравненіе ее сердило.

— Вы на долго сюда пріѣхали? спросила она Владиміра Сергѣича, опустивъ глаза и вертя въ рукахъ хлыстикъ.

— Нѣтъ, я располагаю завтра же выѣхать отсюда.

— Куда?

— Домой.

— Домой? Зачѣмъ? смѣю спросить.

— Какъ зачѣмъ, помилуйте. Дома у меня дѣла есть, не терпящія отлагательства.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Развѣ вы такой... аккуратный человѣкъ?

— Я стараюсь быть аккуратнымъ человѣкомъ, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ. — Въ наше положительное время всякій порядочный человѣкъ *долженъ* быть положительнымъ и аккуратнымъ.

— Это совершенно справедливо, замѣтилъ Ипатовъ. — Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ только глянулъ на Ипатова, а Егоръ Капитонычъ промолвилъ:

— Да, это такъ.

— Жаль, сказала Надежда Алексѣевна: — а у насъ именно недостаетъ jeune premier. Вы вѣдь умѣете играть комедіи?

— Я никогда не испытывалъ силъ своихъ на этомъ поприщѣ.

— Я увѣрена, что вы хорошо бы сыграли. У васъ осанка такая... важная, это для нынѣшнихъ jeune premier необходимо. Мы съ братомъ собираемся завести здѣсь театръ. Впрочемъ, мы не одни комедіи будемъ играть, мы все будемъ играть—драмы, балеты и даже трагедіи. Чѣмъ Маша не Клеопатра или не Федра? Посмотрите-ка на нее.

Владиміръ Сергѣичъ обернулся... Прислонившись головою къ двери и скрестивъ руки, Марья Павловна задумчиво глядѣла въ даль... Въ это мгновенье ея стройныя черты дѣйствительно напоминали облики древнихъ изваяній. Послѣднихъ словъ Надежды Алексѣевны она не разслышала; но, замѣтивъ, что взгляды всѣхъ внезапно на нее устремились, она тотчасъ догадалась въ чемъ было дѣло, покраснѣла и хотѣла уйдти въ гостиную.... Надежда Алексѣевна проворно схватила ее за руку и, съ кокетливой ласковостью котенка, притянула къ себѣ и

поцаловала эту почти мужскую руку. Марья Павловна вспыхнула еще ярче.

— Ты все шалишь, Нядя, промолвила она.

— Развѣ я не правду про тебя сказала? Я готова сослаться на всѣхъ... Ну полно, полно, не буду. А я опять такъ скажу, продолжала Надежда Алексѣевна, обратившись къ Владиміру Сергѣичу: — жаль что вы ѣдете. Правда, есть у насъ одинъ jeune premier, самъ навязывается, да ужь очень плохъ.

— Кто такой? позвольте узнать.

— Бодряковъ, поэтъ. Гдѣ жь поэту быть jeune premier? Во-первыхъ онъ такъ одѣвается, что ужасъ; вовторыхъ, эпиграммы онъ пишетъ, а передъ всякой женщиной, даже передо мной, представьте! робѣетъ, пришепётываетъ, одна рука у него всегда выше головы и я ужь не знаю что. Скажите пожалуйста, мосьё Астаховъ, всѣ ли поэты таковы?

Владиміръ Сергѣичъ слегка выпрямился.

— Я ни одного изъ нихъ не зналъ лично, да и, признаться, не искалъ никогда ихъ знакомства.

— Да, вѣдь вы положительный человѣкъ. Придется взять Бодрякова, нечего дѣлать. Другіе jeune premier еще хуже. Этотъ, по крайней мѣрѣ, роль наизустъ выучитъ. Маша у насъ, кромѣ трагическихъ ролей, будетъ исполнять должность примадонны... Вы, мосьё Астаховъ, не слыхали, какъ она поетъ?

— Нѣтъ, возразилъ, осклабясь, Владиміръ Сергѣичъ:—я и не зналъ...

— Что съ тобою сегодня, Надя, заговорила съ недовольнымъ видомъ Марья Павловна.

Надежда Алексѣевна вскочила.

— Ради Бога, Маша, спой намъ что-нибудь, пожалуйста... пожалуйста... Я отъ тебя не отстану, пока ты не споешь намъ что-нибудь, Маша, душка. Я бы сама спѣла, чтобы занять гостя, а вѣдь ты знаешь, какой у меня нехорошій голосъ. За то, посмотри, какъ я славно буду тебѣ аккомпанировать.

Марья Павловна помолчала.

— Отъ тебя не отдѣлаешься, сказала она наконецъ. — Ты, какъ избалованное дитя, привыкла исполнять всѣ свои прихоти. Изволь, я буду пѣть.

— Браво, браво, воскликнула Надежда Алексѣвна и захло-

пала въ ладоши. — Господа, пойдемте въ гостиную. А что касается до прихотей, прибавила она, смѣясь: — это тебѣ припомнится. Можно ли при незнакомыхъ людяхъ выставлять мои слабости? Егоръ Капитонычъ, Матрена Марковна *такъ* васъ стыдитъ при чужихъ?

— Матрена Марковна, пробормоталъ Егоръ Капитонычъ: — очень почтенная дама, только насчетъ манеръ...

— Ну пойдемте, пойдемте, перебила его Надежда Алексѣевна и вошла въ гостиную.

Всѣ отправились вслѣдъ за ней. Она сбросила съ себя шляпу и сѣла за фортепьяно. Марья Павловна стала возлѣ стѣны, довольно далеко отъ Надежды Алексѣевны.

— Маша, проговорила она, подумавъ немного:—спой намъ: «Хлопецъ сѣе жито».

Марья Павловна запѣла. Голосъ у ней былъ чистъ и силенъ, и пѣла она хорошо — просто и безъ вычуръ. Всѣ слушали ее съ большимъ вниманіемъ, а Владиміръ Сергѣичъ не могъ скрыть свое изумленье. Когда Марья Павловна кончила, онъ подошелъ къ ней и началъ ее увѣрять, что онъ никакъ не ожидалъ....

— Погодите, то ли еще будетъ! перебила его Надежда Алексѣевна: — Маша, потѣшу я твою хохлацкую душу, спой намъ теперь: «Гоминъ-гоминъ по дуброви....»

— Развѣ вы малоросска? спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Я родомъ изъ Малороссіи, отвѣчала она и принялась пѣть: «Гоминъ-гоминъ....»

Сначала она выговаривала слова равнодушно, но заунывно-страстный, родной напѣвъ расшевелилъ понемногу ее самое, щеки ея покраснѣли, взоръ заблисталъ, голосъ зазвучалъ горячо. Она кончила.

— Боже мой! какъ ты это хорошо спѣла, проговорила Надежда Алексѣевна, склонясь надъ клавишами. — Какъ жаль, что брата здѣсь не было!

Марья Павловна тотчасъ опустила глаза и усмѣхнулась своей обычной, горькой усмѣшкой.

— А надо бы еще что-нибудь, замѣтилъ Ипатовъ.

— Да, еслибъ вы были такъ добры, прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Извините меня, я больше пѣть сегодня не буду, промолвила Марья Павловна и вышла вонъ изъ комнаты.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла ей вслѣдъ, сперва задумалась, потомъ улыбнулась, принялась наигрывать однимъ пальцомъ: «Хлопецъ сѣе жито», потомъ вдругъ заиграла блестящую польку, и, не кончивъ ея, взяла громкій аккордъ, захлопнула крышку фортепьянъ и встала.

— Жаль, что не съ кѣмъ потанцовать, воскликнула она:— вотъ бы кстати!

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней.

— Какой чудесный голосъ у Марьи Павловны, замѣтилъ онъ: — и съ какимъ она чувствомъ поетъ!

— А вы любите музыку?

— Да... очень.

— Такой ученый человѣкъ и любите музыку!

— Да почему вы думаете, что я ученый?

— Ахъ, да; извините, я все забываю, вы положительный человѣкъ. Куда же это ушла Маша? Постойте я схожу за ней.

И Надежда Алексѣевна выпорхнула вонъ изъ гостиной.

— Вертушка, какъ изволите видѣть, промолвилъ Ипатовъ, подходя къ Владиміру Сергѣичу: — но серце добрѣйшее. И какое воспитаніе получила, вы не можете представить! На всѣхъ языкахъ объясняется. Ну, люди они съ состояніемъ, оно понятно.

— Да, разсѣянно произнесъ Владиміръ Сергѣичъ. — Очень любезная дѣвица. Но, позвольте спросить, супруга ваша тоже родомъ была изъ Малороссіи?

—Точно такъ-съ. Покойница жена моя была малороссіянка, такъ же, какъ и сестра ея, Марья Павловна. Жена моя, сказать по правдѣ, даже выговоръ не совсѣмъ имѣла чистый; хотя она россійскимъ языкомъ владѣла въ совершенствѣ, однако, все-таки не совсѣмъ правильно изъяснялась; знаете тамъ *и* за *ы*, да *ха*, да *же*; ну Марья Павловна, та еще въ малыхъ лѣтахъ изъ родины выѣхала. А вѣдь малороссіянская кровь все видна, не правда ли?

—Удивительно поетъ Марья Павловна, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Дѣйствительно не дурно. А впрочемъ, что же это намъ чаю не несутъ? И куда это барышни ушли? Пора чай пить.

Барышни возвратились не скоро. Между тѣмъ принесли самоваръ, накрыли столъ для чаю. Ипатовъ послалъ за ними. Онѣ пришли обѣ вмѣстѣ. Марья Павловна сѣла за столъ разливать чай, а Надежда Алексѣевна подошла къ двери террасы и стала глядѣть въ садъ. Послѣ свѣтлаго лѣтняго дня наступилъ ясный и тихій вечеръ: заря пылала; до половины облитый ея багрянцемъ, широкій прудъ стоялъ неподвижнымъ зеркаломъ, величаво отражая въ серебристой мглѣ своего глубокаго лона и всю воздушную бездну неба и опрокинутыя, какъ бы почернѣвшія деревья и домъ. Все замолкало кругомъ. Шума уже не было нигдѣ.

— Посмотрите какъ хорошо, сказала Надежда Алексѣевна подошедшему къ ней Владиміру Сергѣичу:—вонъ тамъ, внизу, въ прудѣ звѣзда зажглась подлѣ огонка въ домѣ, онъ красный, она золотая. А вотъ и бабушка ѣдетъ, прибавила она громко.

Изъ-за куста сирени показалась небольшая колясочка. Два человѣка везли ее Въ ней сидѣла старушка, вся закутанная, вся сгорбленная, съ головой, склоненной на самую грудь. Бахрома ея бѣлаго чепца почти совсѣмъ закрывала ея изсохшее и съеженное личико. Колясочка остановилась передъ террасой, Ипатовъ вышелъ изъ гостиной, за нимъ выбѣжали его дочки. Онѣ, какъ мышата, въ теченіе всего вечера, то-и-дѣло шныряли изъ комнаты въ комнату.

— Добраго вечера желаю вамъ, матушка, сказалъ Ипатовъ, подходя къ старухѣ и возвысивъ голосъ. — Какъ вы себя чувствуете?

— Пріѣхала посмотрѣть на васъ, глухо и съ усиліемъ проговорила старушка. — Вишь какой славный вечеръ. День-то я спала, а теперь ноги заломили. Охъ, мнѣ эти ноги. Не служатъ, а болятъ.

— Позвольте, матушка, представить вамъ нашего сосѣда, господина Астахова, Владиміра Сергѣича.

— Очень рада, возразила старуха, окинувъ его своими большими и чорными, но уже потускнѣвшими глазами. — Прошу полюбить моего сынка. Человѣкъ онъ хорошій; воспитаніе я ему дала какое могла, извѣстно, дѣло женское. Малодушіе въ немъ еще есть, да Богъ дастъ, поостепенится, а пора бы; пора мнѣ сдать ему дѣла. Это вы, Надя, прибавила старуха, взглянувъ на Надежду Алексѣевну:

— Я, бабушка.

— А Маша чай разливаетъ?

— Да бабушка, разливаетъ чай.

— А кто еще тамъ?

— Иванъ Ильичъ да Егоръ Капитонычъ.

— Матрены Марковны мужъ?

— Онъ, бабушка.

Старуха пожевала губами.

— Ну, хорошо, Да что, Миша, я никакъ старосты не добьюсь, вели ему придти ко мнѣ завтра пораньше, у меня съ нимъ дѣла будетъ много. Безъ меня, у васъ, я вижу, все не такъ идетъ. Ну довольно, устала я, везите меня, вы. Прощайте, батюшка, имени и отчества не помню, прибавила она, обратившись къ Владиміру Сергѣичу:— извините старуху. А вы, внучки, не провожайте меня. Не надо. Вамъ бы только все бѣгать. Сидите, сидите, да уроки твердите, слышите. Маша васъ балуетъ. Ну, ступайте.

Съ трудомъ приподнятая голова старушки опять упала къ ней на грудь....

Колясочка тронулась и тихо укатилась.

— Сколько лѣтъ вашей матушкѣ? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Всего семьдесятъ-третій годъ пошелъ; да вотъ ужь двадцать-шесть лѣтъ, какъ ноги у ней отнялись; это съ ней случилось скоро послѣ кончины покойнаго батюшки. А была красавицей.

Всѣ помолчали.

Вдругъ Надежда Алексѣевна вздрогнула.

— Что это, летучая, кажется, мышь пролетѣла? Ай, какой ужасъ!

И она поспѣшно вернулась въ гостиную.

— Пора мнѣ домой ѣхать. Михаилъ Николаичъ, велите осѣдлать мою лошадь.

— И мнѣ пора, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Куда же вы? промолвилъ Ипатовъ.— Переночуйте здѣсь. Надеждѣ Алексѣевнѣ всего двѣ версты ѣхать, а вамъ цѣлыхъ двѣнадцать. Да и вы, Надежда Алексѣевна, куда спѣшите? Подождите мѣсяца, онъ теперь скоро взойдетъ. Еще свѣтлѣе будетъ ѣхать.

— Пожалуй, сказала Надежда Алексѣевна: — я давно не ѣздила при лунѣ.

— А вы ночуете? спросилъ Ипатовъ Владиміра Сергѣича.

— Я, право, не знаю... Впрочемъ, если я не стѣсню....

— Нисколько, помилуйте, я сейчасъ велю вамъ комнату приготовить.

— А вѣдь хорошо ѣхать верхомъ при лунѣ, заговорила Надежда Алексѣевна, какъ только подали свѣчи, принесли чай, и Ипатовъ съ Егоромъ Капитонычемъ засѣли играть въ преферансъ вдвоемъ, а Складная Душа безмолвно усѣлся возлѣ нихъ: — особенно по лѣсу, между кустами орѣшника. И жутко и пріятно, и какая странная игра свѣта и тѣни — все кажется какъ будто кто то крадется за вами или впереди....

Владиміръ Сергѣичъ снисходительно осклабился.

— А то вотъ еще, продолжала она: — случалось ли вамъ сидѣть въ теплую, темную, тихую ночь возлѣ лѣса, мнѣ всегда кажется тогда, что сзади, близко, надъ самымъ ухомъ какъ будто двое горячо спорятъ чуть слышнымъ шопотомъ.

— Это кровь стучитъ, проговорилъ Ипатовъ.

— Вы очень поэтически описываете, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Вы думаете?... Въ такомъ случаѣ Машѣ мои описанія не понравились бы.

— Почему? развѣ Марья Павловна не любитъ поэзіи?

— Нѣтъ, она находитъ, что все это сочинено, все не правда; этого-то она и не любитъ.

— Странный упрекъ! воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ. — Сочинено! да какже иначе? на что же послѣ этого сочинители?

— Ну вотъ подите; впрочемъ, вѣдь и вы не должны любить поэзіи.

— Напротивъ, я люблю хорошіе стихи, когда они дѣйствительно хороши и благозвучны и, какъ бы это сказать, представляютъ идеи, мысли...

Марья Павловна встала.

Надежда Алексѣевна быстро обернулась къ ней.

— Куда ты, Маша?

— Дѣтей уложить. Девять часовъ скоро.

— Да развѣ безъ тебя они не лягутъ?

Но Марья Павловна взяла дѣтей за руки и ушла съ ними.

— Она сегодня не въ духѣ, замѣтила Надежда Алексѣевна: — и я знаю отчего, прибавила она вполголоса. — Но это пройдетъ.

— Позвольте спросить, началъ Владиміръ Сергѣичъ — вы зиму гдѣ намѣрены провести?

— Можетъ быть здѣсь, можетъ быть въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, я въ Петербургѣ соскучусь.

— Въ Петербургѣ-то, помилуйте! Какъ это возможно?

— И Владиміръ Сергѣичъ пустился описывать всѣ удобства, всѣ выгоды и прелести столичной жизни. Надежда Алексѣевна слушала его со вниманіемъ, не сводя съ него глазъ. Она словно изучала его черты и изрѣдка посмѣивалась про себя.

— Я вижу, вы очень краснорѣчивы, сказала она наконецъ: — придется прожить зиму въ Петербургѣ.

— Вы не будете раскаяваться, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаяваюсь, не стоитъ труда. Сдѣлалъ глупость, старайся поскорѣй забыть ее — вотъ и все,

— Позвольте спросить, заговорилъ послѣ небольшаго молчанія Владиміръ Сергѣичъ на французскомъ языкѣ:—вы давно знакомы съ Марьей Павловной?

— Позвольте спросить, возразила съ быстрой усмѣшкой Надежда Алексѣевна: — почему вы именно этотъ вопросъ мнѣ пофранцузски сдѣлали?

— Такъ... безъ всякой особенной причины...

Надежда Алексѣевна опять усмѣхнулась.

— Нѣтъ, я не очень давно ее знаю. А не правда ли, она замѣчательная дѣвушка?

— Она очень оригинальна, промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ сквозь зубы.

— А что, это въ вашихъ устахъ, въ устахъ положительныхъ людей, похвала? не думаю. Можетъ быть и я вамъ кажусь оригинальной? Однако, прибавила она, поднимаясь съ мѣста и взглянувъ въ раскрытое окно: — луна должно быть взошла, это ея отблескъ надъ тополями. Пора ѣхать... Пойду прикажу осѣдлать Красавчика.

— Ужь онъ осѣдланъ-съ, проговорилъ казачокъ Надежды Алексѣевны, выступая изъ тѣни сада въ полосу свѣта, падавшую на террасу.

— А! ну прекрасно! Маша, гдѣ-же ты? приди проститься со мною.

Марья Павловна появилась изъ сосѣдней комнаты. Мужчины встали изъ-за карточнаго стола.

— Такъ вы ужь и ѣдете? спросилъ Ипатовъ.

— Ѣду, пора.

Она приблизилась къ двери сада.

— Какая ночь! воскликнула она: — подойдите, поставьте ей лицо, чувствуете вы, она какъ будто дышетъ? и какой запахъ! всѣ цвѣты теперь проснулись. Да, кстати, Маша, прибавила она: — я вѣдь сказала Владиміру Сергѣичу, что ты не любишь поэзіи. А теперь прощайте... вотъ и лошадь мою ведутъ...

И она проворно сбѣжала по ступенямъ террасы, легко взобралась на сѣдло, сказала «до завтра» и, ударивъ лошадь хлыстикомъ по шеѣ, поскакала къ плотинѣ... казачокъ пустился рысью вслѣдъ за ней.

Всѣ посмотрѣли ей вслѣдъ...

— До завтра! раздался еще разъ ея голосъ изъ-за тополей.

Стукъ копытъ долго слышался въ тишинѣ лѣтней ночи. Наконецъ Ипатовъ предложилъ вернуться въ домъ.

— Оно точно хорошо на воздухѣ, сказалъ онъ: — а надо жь партію нашу доиграть.

Всѣ послушались его. Владиміръ Сергѣичъ началъ распрашивать Марью Павловну, почему она поэзіи не любитъ.

— Мнѣ стихи не нравятся, возразила она какъ бы нехотя.

— Да вы, можетъ быть, мало стиховъ читали.

— Я сама ихъ не читала, а мнѣ читали.

— И неужели ни одни вамъ не понравились?

— Ни одни.

— Даже Пушкина стихи?

— Даже Пушкина.

— Отчего?

Марья Павловна не отвѣчала, а Ипатовъ, оборотясь черезъ спинку стула, замѣтилъ съ добродушнымъ смѣхомъ, что она не

только стиховъ, но и сахару не любитъ, и вообще ничего сладкаго терпѣть не можетъ.

—Да вѣдь есть стихи не сладкіе, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Напримѣръ? спросила его Марья Павловна?

Владиміръ Сергѣичъ почесалъ у себя за ухомъ.... Онъ самъ немного стиховъ зналъ на память, особенно не сладкихъ.

— Да, вотъ, воскликнулъ онъ наконецъ: — знаете вы «Анчаръ» Пушкина? Нѣтъ? Ужь это стихотвореніе никакъ не можетъ назваться сладкимъ.

— Прочтите, проговорила Марья Павловна и потупилась.

Владиміръ Сергѣичъ сперва посмотрѣлъ въ потолокъ, нахмурился, помычалъ немного про себя и наконецъ прочелъ «Анчаръ».

Послѣ первыхъ-четырехъ стиховъ Марья Павловна медленно подняла глаза, а когда Владиміръ Сергѣичъ кончилъ, также медленно сказала:

— Пожалуйста, прочтите опять.

— Стало быть эти стихи вамъ понравились? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Прочтите еще.

Владиміръ Сергѣичъ повторилъ «Анчаръ». Марья Павловна встала, вышла въ другую комнату и вернулась съ листомъ бумаги, чернилицей и перомъ.

— Пожалуйста, напишите это для меня, сказала она Владиміру Сергѣичу.

— Извольте, съ удовольствіемъ, возразилъ онъ, принимаясь писать: — но, признаюсь, я удивляюсь, отчего эти стихи могли вамъ такъ понравиться. Я ихъ прочелъ собственно для того, чтобы показать вамъ, что не всѣ стихи бываютъ сладкіе.

— Признаюсь! воскликнулъ Ипатовъ. — Что ты думаешь объ этихъ стихахъ, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ, по своему обыкновенію, только взглянулъ на Ипатова; но не вымолвилъ ни слова.

— Вотъ-съ — готово, произнесъ Владиміръ Сергѣичъ, поставивъ восклицательный знакъ въ концѣ послѣдняго стиха.

Марья Павловна поблагодарила его и унесла исписанный листикъ къ себѣ.

Черезъ полчаса подали ужинъ, а черезъ часъ всѣ гости разошлись по своимъ комнатамъ. Владиміръ Сергѣичъ неоднократно обращался къ Марьѣ Павловнѣ, но вести разговоръ съ ней было трудно, и разсказы его, казалось, не слишкомъ ее занимали. Ложась спать, онъ много думалъ о ней и о Надеждѣ Алексѣевнѣ. Впрочемъ, онъ бы, вѣроятно, скоро заснулъ, еслибъ не помѣшалъ ему сосѣдъ, Егоръ Капитонычъ. Мужъ Матрены Марковны, уже совершенно раздѣвшись и лежа въ постели, очень долго разговаривалъ съ своимъ слугою, все наставленія ему читалъ. Каждое слово его явственно доходило до слуха Владиміра Сергѣича: одна тонкая перегородка ихъ раздѣляла.

— Держи свѣчку передъ своею грудью, говорилъ Егоръ Капитонычъ жалобнымъ голосомъ: — держи такъ, чтобы я лицо твое могъ видѣть. Состарѣлъ ты меня, состарѣлъ безсовѣстный ты человѣкъ, состарѣлъ совершенно.

— Да чѣмъ, помилуйте, состарѣлъ я васъ Егоръ Капитонычъ? послышался глухой и заспанный голосъ слуги.

— Чѣмъ? я тебѣ скажу чѣмъ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: Митька, говорилъ я тебѣ, когда ты со мной куда въ гости поѣдешь, всегда забирай по двѣ штуки каждаго платья, особенно.... держи свѣчку передъ грудью.... особенно верхняго. А сегодня что ты со мной сдѣлалъ?

— Что-съ?

— Что-съ? завтрашній день, что я надѣну?

— Да то же. что и сегодня-съ.

— Состарѣлъ ты меня, злодѣй, состарѣлъ. Я ужь и сегодня не зналъ куда отъ жары дѣться. Держи свѣчку передъ грудью, говорятъ тебѣ, да не спи, когда баринъ съ тобой бесѣдуетъ.

— Да и Матрена Марковна сказала-съ, что довольно, молъ, на что такую пропасть всегда съ собой забираете. Только трется даромъ.

— Матрена Марковна.... Развѣ это женское дѣло, въ это входить? Состарѣли вы всѣ меня. Охъ, состарѣли!

— Да и Яхимъ то же говорилъ-съ.

— Какъ ты сказалъ?

— Я говорю, Яхимъ то же говорилъ-съ.

— Яхимъ! Яхимъ! повторилъ съ укоризной Егоръ Капито-

нычъ: —эхъ, состарѣли меня, окаянные, говорить порусски не умѣютъ путемъ. Яхимъ! что за Яхимъ? Ефимъ, ну это куда еще ни шло, сказать можно для чего, что настоящее, греческое имя есть Евѳимій, понимаешь ты меня?... держи свѣчку передъ грудью.... такъ для скорости, пожалуй, можно сказать Ефимъ, но ужь никакъ не Яхимъ. Яхимъ! прибавилъ Егоръ Капитонычъ, напирая на букву *я*. — Состарѣли меня, злодѣи. Держи свѣчку передъ грудью!

И долго еще продолжалъ Егоръ Капитонычъ наставлять слугу своего уму-разуму, не смотря на вздохи, покашливанья и другіе знаки нетерпѣнія Владиміра Сергѣича....

Наконецъ онъ отпустилъ своего Митьку и заснулъ, но и отъ этого Владиміру Сергѣичу не стало легче: Егоръ Капитонычъ такъ сильно и густо храпѣлъ, съ такими игривыми переходами отъ высокихъ тоновъ къ самымъ низкимъ, съ такими присвистываніями и даже прищелкиваніями, что, казалось, сама перегородка вздрагивала ему въ отвѣтъ; бѣдный Владиміръ Сергѣичъ чуть не плакалъ. Въ отведенной ему комнатѣ было очень душно, и перина, на которой онъ лежалъ, охватывала все его тѣло какимъ-то ползучимъ жаромъ.

Въ отчаяньи, Владиміръ Сергѣичъ, наконецъ, всталъ, раскрылъ окно и съ жадностью сталъ вдыхать благовонную ночную свѣжесть. Окно выходило въ садъ; на небѣ было свѣтло, круглый ликъ полной луны то отражался ясно въ прудѣ, то вытягивался въ длинный золотой снопъ медленно переливавшихся блестокъ. На одной изъ дорожекъ сада, Владиміръ Сергѣичъ увидалъ какую-то фигуру въ женскомъ платьѣ; онъ приглядѣлся: это была Марья Павловна; въ лучахъ луны лицо ея казалось блѣднымъ. Она стояла неподвижно и вдругъ заговорила.... Владиміръ Сергѣичъ вытянулъ осторожно голову....

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару — властнымъ взглядомъ.

дошло до его слуха....

«Каково-подумалъ онъ-стало быть подѣйствовали стишки....»

И онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ вслушиваться.... Но Марья Павловна скоро умолкла и поворотила лицо свое еще прямѣе къ нему; онъ могъ различить ея темные большіе глаза, ея строгія брови и губы....

Вдругъ она вздрогнула, обернулась, вошла въ тѣнь, падавшую отъ сплошной стѣны высокихъ акацій, и исчезла. Владиміръ Сергѣичъ постоялъ довольно долго у окна, потомъ, однакожь, легъ, но заснулъ не скоро.

«Странное существо—думалъ онъ, переворачиваясь съ боку на бокъ—а говорятъ, въ провинціи нѣтъ ничего особеннаго.... Какъ бы не такъ! Странное существо! Спрошу ее завтра, что она дѣлала въ саду.»

А Егоръ Капитонычъ все храпѣлъ по прежнему.

III.

На другое утро Владиміръ Сергѣичъ проснулся довольно поздно, и тотчасъ, послѣ общаго чаю и завтрака въ столовой, поѣхалъ къ себѣ домой оканчивать свои хозяйственныя распоряженія, какъ ни удерживалъ его старикъ Ипатовъ. Марья Павловна также присутствовала за чаемъ; однако, Владиміръ Сергѣичъ не счелъ за нужное распрашивать ее объ ея вчерашней поздней прогулкѣ; онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ тяжело предаваться два дня сряду какимъ бы то ни было необычнымъ мыслямъ и предположеніямъ. Пришлось бы толковать о стихахъ, а такъ называемое «поэтическое» настроеніе весьма скоро его утомляло. Цѣлый день до обѣда онъ провелъ въ полѣ, покушалъ съ большимъ аппетитомъ, соснулъ, и, проснувшись, взялся было за счеты земскаго; но не окончивши первой страницы, велѣлъ заложить тарантасъ и отправился въ Ипатовку. Видно и положительные люди носятъ въ груди не каменное сердце, и скучать не любятъ они, такъ же какъ и остальные, простые смертные.

Взъѣзжая на плотину, услыхалъ онъ голоса и звуки музыки. У Ипатовыхъ въ домѣ хоромъ пѣли русскія пѣсни. Онъ засталъ все общество, оставленное имъ поутру, на террасѣ; всѣ и Надежда Алексѣевна между прочими, сидѣли въ кружкѣ около мужчины лѣтъ тридцати-двухъ, смуглаго, черноволосаго и черноглазаго, въ бархатной курточкѣ, съ небрежно повязаннымъ краснымъ платкомъ на шеѣ и гитарою въ рукахъ. Это былъ Петръ Алексѣичъ Веретьевъ, братъ Надежды Алексѣевны. Уви-

давши Владиміра Сергѣича, старикъ Ипатовъ съ радостнымъ восклицаніемъ пошелъ ему на встрѣчу, подвелъ его къ Веретьеву и представилъ ихъ другъ другу. Обмѣнявшись съ новымъ знакомымъ обычными привѣтствіями, Астаховъ почтительно поклонился его сестрѣ.

— А мы, Владиміръ Сергѣичъ, по деревенски, пѣсни поемъ, началъ Ипатовъ и, указывая на Веретьева, прибавилъ: — Петръ Алексѣичъ у насъ запѣвала — и какой! вы извольте послушать.

— Это очень пріятно, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Не угодно ли присоединиться къ хору? спросила его Надежда Алексѣевна.

— Душевно бы радъ, да голосу нѣту.

— Это не бѣда! Посмотрите, и Егоръ Капитонычъ поетъ, и я пою. Тутъ только нужно подтягивать. Садитесь-ка; а ты, братъ, начинай.

— Какую бы теперь намъ пѣсню спѣть? проговорилъ Веретьевъ, перебирая струны гитары и остановившись вдругъ, глянулъ на Марью Павловну, сидѣвшую возлѣ него. — Теперь, кажется, очередь за вами, сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ, пойте вы, возразила Марья Павловна,

— Вотъ есть пѣсня «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Нѣтъ, эту мы къ концу приберегаемъ, отвѣчалъ Веретьевъ и ударивъ по струнамъ, протяжно затянулъ: «Солнце на закатѣ».

Онъ пѣлъ славно, бойко и весело. Его мужественное лицо и безъ того выразительное, еще болѣе оживлялось, когда онъ пѣлъ; изрѣдка подергивалъ онъ плечами, внезапно прижималъ струны ладонью, поднималъ руку, встряхивалъ кудрями и соколомъ взглядывалъ кругомъ. Онъ въ Москвѣ неразъ видалъ знаменитаго Илью и подражалъ ему. Хоръ дружно ему подтягивалъ. Звучной струей отдѣлялся голосъ Марьи Павловны ото всѣхъ другихъ голосовъ; онъ словно велъ ихъ за собою; но одна она пѣть не хотѣла, запѣвалой до конца остался Веретьевъ. Много другихъ еще пѣли пѣсенъ....

Между тѣмъ вмѣстѣ съ вечеромъ, надвигалась гроза. Уже съ полудня парило и въ отдаленіи все погрохатывало; но ротъ

широкая туча, давно лежавшая свинцовой пеленой на самой чертѣ небосклона, стала расти и показываться изъ-за вершинъ деревьевъ, явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ, вѣтеръ поднялся, прошумѣлъ порывисто въ листьяхъ, замолкъ, опять зашумѣлъ продолжительно, загудѣлъ, угрюмый сумракъ побѣжалъ надъ землею, быстро сгоняя послѣдній отблескъ зари, сплошныя облака, какъ бы сорвавшись, поплыли вдругъ, понеслись по небу, дождикъ закапалъ, молнія вспыхнула краснымъ огнемъ, и громъ грянулъ тяжко и сердито.

— Уйдемте, промолвилъ старикъ Ипатовъ. — А то промочитъ, пожалуй.

Всѣ встали.

— Сейчасъ, воскликнулъ Веретьевъ: — еще послѣднюю пѣсню. Слушайте?

«Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои»...

запѣлъ онъ громкимъ голосомъ, проворно забивъ всей рукой по струнамъ гитары. «Сѣни новыя, кленовыя» подхватилъ хоръ, какъ бы невольно увлеченный. Дождикъ почти въ то же мгновенье хлынулъ ручьями; но Веретьевъ допѣлъ «Мои сѣни» до конца. Изрѣдка заглушаемая ударами грома, удалая пѣсенка казалась еще удалѣе цодъ шумную дробь и журчанье дождя. Наконецъ раздался послѣдній взрывъ хора — и все общество съ хохотомъ вбѣжало въ гостиную. Особенно громко смѣялись дѣвочки, дочери Ипатова, стряхивая съ своихъ платій дождевыя брызги. Ипатовъ, однако же, для предосторожности, закрылъ окно и заперъ дверь, и Егоръ Капитонычъ его похвалилъ, замѣтивъ, что Матрена Марковна также всегда, во время грозы, все приказываетъ запереть для того, что электричество способнѣе дѣйствуетъ въ пустомъ промежуткѣ. Бодряковъ посмотрѣлъ ему въ лицо, посторонился и уронилъ стулъ. Подобныя маленькія несчастья случались съ нимъ безпрестанно.

Гроза прошла очень скоро. Двери и окна снова раскрылись и комнаты наполнились влажнымъ благовоніемъ. Принесли чай. Послѣ чаю старички усѣлись опять за карты. Иванъ Иль-

ичъ къ нимъ, по обыкновенію, присоединился. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ было къ Марьѣ Павловнѣ, сидѣвшей подъ окномъ съ Веретьевымъ; но Надежда Алексѣевна подозвала его къ себѣ и тотчасъ вступила съ нимъ въ жаркій разговоръ о Петербургѣ и петербургской жизни. Она нападала на нее; Владиміръ Сергѣичъ началъ защищать ее. Надежда Алексѣевна, казалось, старалась удержать его близь себя.

— О чемъ вы это спорите? спросилъ Веретьевъ, вставая и приближаясь къ нимъ.

Онъ лѣниво переваливался на ходу; во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась не то небрежность, не то усталость.

— Все о Петербургѣ, отвѣтила Надежда Алексѣевна. — Владиміръ Сергѣичъ не нахвалится имъ.

— Городъ хорошій, замѣтилъ Веретьевъ: — а по моему вездѣ хорошо. Ей-Богу. Были бы двѣ-три женщины да, извините за откровенность, вино, и человѣку право ничего не остается желать.

— Это меня удивляетъ, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ: — неужели же вы дѣйствительно того мнѣнія, что для образованнаго человѣка не существуетъ.....

— Можетъ быть.... точно я съ вами согласенъ, перебилъ его Веретьевъ, за которымъ, при всей вѣжливости, водилась привычка не дослушивать возраженія: — но это не по моей части, я не философъ.

— Да и я не философъ, отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ: — и нисколько не желаю быть имъ; но тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ.

Веретьевъ разсѣянно глянулъ на свою сестру, а она, слегка усмѣхнувшись, нагнулась къ нему и вполголоса прошептала:

— Петруша, душка, представь намъ Егора Капитоныча, сдѣлай одолженье.

Лицо Веретьева мгновенно измѣнилось и, Богъ вѣдаетъ, какимъ чудомъ стало необыкновенно похоже на лицо Егора Капитоныча; хотя между чертами того и другаго рѣшительно не было ничего общаго, и самъ Веретьевъ едва только сморщилъ носъ и опустилъ углы губъ:

— Конечно, началъ онъ шептать голосомъ, совершенно напоминавшимъ голосъ Егора Капитоныча: — Матрена Марков-

на дама строгая насчетъ манеръ; но супруга за то примѣрная. Правда, что̀ бы я ни сказалъ....

— Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно, подхватила Надежда Алексѣевна, едва удерживая хохотъ.

— Все на другой же день извѣстно, отвѣтилъ Веретьевъ съ такой уморительной ужимкой, съ такимъ смущеннымъ, косвеннымъ взглядомъ, что даже Владиміръ Сергѣичъ разсмѣялся.

— У васъ, я вижу, большой талантъ къ подражанію, замѣтилъ онъ.

Веретьевъ провелъ рукой по лицу, черты его приняли обычное выраженіе, а Надежда Алексѣевна воскликнула:

— О! да! онъ всѣхъ умѣетъ передразнивать, кого только захочетъ... Онъ на это мастеръ.

— И меня бы, напримѣръ, съумѣли представить? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Еще бы! возразила Надежда Алексѣевна: — разумѣется.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, представьте меня, промолвилъ Астаховъ, обращаясь къ Веретьеву. — Я прошу васъ, безъ церемоній.

— А вы ей и повѣрили? отвѣтилъ Веретьевъ, чуть-чуть прищуривъ одинъ глазъ и придавъ своему голосу звукъ астаховскаго голоса, но такъ осторожно и легко, что одна Надежда Алексѣевна это замѣтила и прикусила губы: — вы, пожалуйста, ей не вѣрьте, она вамъ еще не то наскажетъ про меня.

— И какой онъ актеръ, еслибъ вы знали, продолжала Надежда Алексѣевна: — всѣ возможныя роли играетъ. Такъ чудесно! Онъ нашъ режиссёръ и суфлёръ и все, что хотите. Жаль, что вы скоро ѣдете.

— Сестра, твое пристрастіе тебя ослѣпляетъ, произнесъ важнымъ голосомъ, но все съ тѣмъ же оттѣнкомъ, Веретьевъ. — Что подумаетъ о тебѣ господинъ Астаховъ? Онъ сочтетъ тебя за провинціалку.

— Помилуйте, началъ было Владиміръ Сергѣичъ....

— Петруша знаешь что, подхватила Надежда Алексѣевна: — представь, пожалуйста, какъ пьяный человѣкъ никакъ не можетъ достать платокъ изъ кармана, или нѣтъ, лучше представь, какъ мальчикъ муху на окнѣ ловитъ, и она у него жужжитъ подъ пальцами.

— Ты совершенное дитя, отвѣчалъ Веретьевъ.

Однако онъ всталъ и подойдя къ окну, возлѣ котораго сидѣла Марья Павловна, началъ водить рукой по стеклу и представлять какъ мальчикъ ловитъ муху. Вѣрность, съ которой онъ подражалъ ея жалобному, прерывистому писку была точно изумительна. Казалось, дѣйствительная, живая муха билась у него подъ пальцами. Надежда Алексѣевна засмѣялась, и по немногу всѣ засмѣялись въ комнатѣ. У одной лишь Марьи Павловны лицо не измѣнилось, губы даже не дрогнули. Она сидѣла съ опущенными глазами, наконецъ подняла ихъ и, серьозно взглянувъ на Веретьева, промолвила сквозь зубы:

— Вотъ охота дѣлать изъ себя шута.

Веретьевъ тотчасъ отвернулся отъ окна, и постоявъ немного посреди комнаты, вышелъ на террасу, а оттуда въ садъ, уже совершенно потемнѣвшій.

— Забавникъ этотъ Петръ Алексѣичъ! воскликнулъ Егоръ Капитонычъ, ударивъ съ розмаху козырной семеркой по чужому тузу. — Право, забавникъ!

Надежда Алексѣевна встала и, торопливо подойдя къ Марьѣ Павловнѣ, спросила ее вполголоса:

— Что ты сказала брату?

— Ничего, отвѣтила та.

— Какъ ничего, не можетъ быть.

И погодя немного Надежда Алексѣевна промолвила: «Пойдемъ!» взяла Марью Павловну за руку и принудила ее встать и отправиться вмѣстѣ съ нею въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ поглядѣлъ обѣимъ дѣвицамъ вслѣдъ не безъ недоумѣнія. Впрочемъ, отсутствіе ихъ продолжалось недолго; черезъ четверть часа онѣ возвратились, и Петръ Алексѣичъ вошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Какая прекрасная ночь! воскликнула, входя, Надежда Алексѣевна. — Какъ хорошо въ саду!

— Ахъ, да, кстати, промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ: — позвольте узнать, Марья Павловна, васъ ли это я видѣлъ вчера въ саду ночью?

Марья Павловна быстро взглянула ему въ глаза.

— Еще вы, сколько я могъ разслышать, декламировали «Анчаръ» Пушкина.

Веретьевъ слегка нахмурился и также принялся смотрѣть на Астахова.

— Это точно была я, сказала Марья Павловла: — но только я ничего не декламировала: я никогда не декламирую.

— Можетъ быть, мнѣ показалось, началъ Владиміръ Сергѣичъ: — однако....

— Вамъ показалось, холодно промолвила Марья Павловна.

— Что это за «Анчаръ»? спросила Надежда Алексѣевна.

— А вы не знаете? возразилъ Астаховъ: — Пушкина стихи. «На почвѣ чахлой и скупой», будто вы не помните?

— Не помню что-то.... Этотъ анчаръ—ядовитое дерево?

— Да.

— Какъ датуры... Помнишь, Маша, какъ хороши были датуры у насъ на балконѣ, при лунѣ, съ своими длинными бѣлыми цвѣтами. Помнишь, какой изъ нихъ лился запахъ, сладкій, вкрадчивый и коварный.

— Коварный запахъ! воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Да, коварный. Чему вы удивляетесь? Онъ, говорятъ, опасенъ, а привлекаетъ. Отчего злое можетъ привлекать? Злое не должно бы быть красивымъ?

— Ого! какія умозрѣнія! замѣтилъ Петръ Алексѣичъ: — куда мы удалились отъ стиховъ!

— Я эти стихи прочелъ вчера Марьѣ Павловнѣ, подхватилъ Владиміръ Сергѣичъ: — и они ей чрезвычайно понравились.

— Ахъ, прочтите ихъ, пожалуйста, сказала Надежда Алексѣевна.

— Извольте-съ.

И Астаховъ прочелъ «Анчаръ».

— Слишкомъ напыщенно, произнесъ какъ бы нехотя Веретьевъ, какъ только Владиміръ Сергѣичъ кончилъ.

— Стихотвореніе слишкомъ напыщенно?

— Нѣтъ, не стихотвореніе... Извините меня, мнѣ кажется, вы не довольно просто читаете. Дѣло говоритъ, само за себя; впрочемъ я могу ошибаться.

— Нѣтъ, ты не ошибаешься, сказала Надежда Алексѣевна съ разстановкой.

— О, да вѣдь это извѣстно! я въ твоихъ глазахъ геній, даровитѣйшій человѣкъ, который все знаетъ, все бы могъ сдѣ-

лать, да только лѣнь, къ несчастью, его одолѣваетъ; не правда ли?

Надежда Алексѣевна только головой качнула.

— Я съ вами не спорю, вы это лучше должны знать, замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ и немного надулся.—Это не по моей части.

— Я ошибся, извините, поспѣшно произнесъ Веретьевъ.

Между тѣмъ игра кончилась.

— Ахъ, кстати, заговорилъ Ипатовъ, вставая: — Владиміръ Сергѣичъ, мнѣ поручилъ одинъ здѣшній помѣщикъ, сосѣдъ, прекраснѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, Акилинъ, Гаврила Степанычъ, просить васъ, не сдѣлаете ли вы ему чести, не пожалуете ли къ нему на балъ, т. е. я это такъ, для красоты слога, говорю балъ, а просто на вечеринку съ танцами, безъ церемоній? Онъ бы самъ къ вамъ непремѣнно явился, да побоялся обезпокоить.

— Я очень благодаренъ господину помѣщику, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ: — но мнѣ непремѣнно нужно ѣхать домой...

— Да вѣдь что вы думаете, когда балъ-то? Вѣдь завтра балъ. Гаврила Степанычъ завтра именинникъ. Одинъ день куда ни шелъ, а ужь какъ вы его обрадуете! И всего отсюда десять верстъ. Если позволите, мы же васъ и довеземъ.

— Я право не знаю, началъ Владиміръ Сергѣичъ.—А вы ѣдете?

— Всѣмъ семействомъ! И Надежда Алексѣевна и Петръ Алексѣичъ, всѣ ѣдутъ!

— Вы можете, если хотите, теперь же меня пригласить на пятую кадриль, замѣтила Надежда Алексѣевна. — Первыя четыре уже разобраны.

— Вы очень любезны, а на мазурку вы уже приглашены?

— Я? Дайте вспомнить.... нѣтъ, кажется, не приглашена.

— Въ такомъ случаѣ, если вы будете такъ добры, я бы желалъ имѣть честь...

— Стало быть вы ѣдете? Прекрасно. Извольте.

— Браво! воскликнулъ Ипатовъ.—Ну, Владиміръ Сергѣичъ, одолжили. Гаврила Степанычъ просто въ восторгъ придетъ. Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ хотѣлъ было, по неизмѣнной привычкѣ своей, промолчать, однако почелъ за лучше произнести одобрительный звукъ.

—

— Что тебѣ была за охота, говорилъ часъ спустя Петръ Алексѣичъ своей сестрѣ, сидя съ ней въ легонькой таратайкѣ, которой правилъ самъ: — что тебѣ была за охота навязаться этому кисляю на мазурку?

— У меня на то свои планы, возразила Надежда Алексѣевна.

— Какіе, позволь узнать?

— Это моя тайна.

— Ого!

И онъ слегка ударилъ бичомъ лошадь, которая начала было прясть ушами, фыркать и упираться. Ее пугала тѣнь отъ большаго ракитоваго куста, падавшая на дорогу, тускло озаренную мѣсяцемъ.

— А ты танцуешь съ Машей? спросила Надежда Алексѣевна въ свою очередь брата.

— Да, сказалъ онъ равнодушно.

— Да! да! повторила Надежда Алексѣевна съ укоризной. — Вы мужчины, прибавила она, помолчавъ: — рѣшительно не стоите того, чтобы васъ любили порядочныя женщины.

— Ты думаешь? Ну, а этотъ, петербургскій, кисляй этотъ, стоитъ?

— Скорѣе чѣмъ ты.

— Вотъ какъ!

И Петръ Алексѣичъ проговорилъ со вздохомъ:

Что за коммиссія, Создатель,
Быть.... братомъ выросшей сестры!

Надежда Алексѣевна засмѣялась.

— Много я тебѣ хлопотъ доставляю, нечего сказать. Мнѣ такъ вотъ коммиссія съ тобою.

— Неужели? Я этого никакъ не подозрѣвалъ.

— Я не насчетъ Маши говорю.

— На какой же счетъ?

Лицо Надежды Алексѣевны слегка опечалилось.

— Ты самъ знаешь, проговорила она тихо.

— А, понимаю! Что дѣлать-съ, Надежда Алексѣевна, люблю-съ выпить съ добрымъ пріятелемъ, грѣшный человѣкъ, люблю-съ.

— Полно, братъ, пожалуйста, не говори такъ.... Этимъ не шутятъ.

— Трамъ-трамъ-тамъ-пумъ! забормоталъ Петръ Алексѣичъ сквозь зубы.

— Это твоя погибель, а ты шутишь....

— «Хлопецъ сѣе жито, жинка каже макъ», громко запѣлъ Петръ Алексѣичъ, ударилъ возжами лошадь и она помчалась шибкой рысью.

IV.

Пріѣхавши домой, Веретьевъ не раздѣвался, и часа два спустя, заря только-что начинала заниматься въ небѣ, его уже не было въ домѣ.

На полдорогѣ между его имѣніемъ и Ипатовкой, надъ самой кручью широкаго оврага, находился небольшой березовый «заказъ.» Молодыя деревья росли очень тѣсно, ни чей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ, не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и неяркимъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнію и той невинной торжественностью первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышалось, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ, три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ, чистый легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ, вѣяло ото всего, все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только-что вымытое личико проснувшагося ребенка.

Не вдалекѣ отъ оврага, посреди лужайки сидѣлъ на раскинутомъ плащѣ Веретьевъ, Марья Павловна стояла подлѣ него, прислонясь къ березѣ и заложивъ назадъ руки.

Они оба молчали. Марья Павловна неподвижно глядѣла въ даль; бѣлый шарфъ скатился съ ея головы на плеча, набѣгавшій вѣтеръ шевелилъ и приподнималъ концы ея на-скоро причесанныхъ волосъ. Веретьевъ сидѣлъ наклонившись и похлопывалъ вѣткой по травѣ.

— Что жь, началъ онъ, наконецъ:—вы на меня сердитесь? Марья Павловна не отвѣчала.

Веретьевъ взглянулъ на нее.

— Маша, вы сердитесь, повторилъ онъ.

Марья Павловна окинула его быстрымъ взоромъ, слегка отвернулась и промолвила:

— Да.

— За что? спросилъ Веретьевъ и отбросилъ вѣтку.

Марья Павловна опять не отвѣчала.

— Впрочемъ, вы, точно, имѣете право сердиться на меня, началъ Веретьевъ послѣ небольшаго молчанья. Вы должны считать меня за человѣка не только легкомысленнаго, но даже....

— Вы меня не понимаете, перебила Марья Павловна. Я совсѣмъ не за себя сержусь на васъ.

— За кого же?

— За васъ самихъ.

Веретьевъ поднялъ голову и усмѣхнулся.

— А! понимаю! заговорилъ онъ.—Опять! опять васъ начинаетъ тревожить мысль: отчего я ничего изъ себя не сдѣлаю! Знаете что Маша, вы удивительное существо, ей Богу. Вы такъ много заботитесь о другихъ и такъ мало о себѣ самой. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право. Другой такой дѣвушки, какъ вы, на свѣтѣ нѣтъ. Одно горе: я рѣшительно не стою вашей привязанности, это я говорю не шутя.

— Тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете и ничего не дѣлаете.

Веретьевъ опять усмѣхнулся.

— Маша, выньте изъ-за спины, дайте мнѣ вашу руку, проговорилъ онъ съ ласковой вкрадчивостью въ голосѣ.

Марья Павловна только плечомъ пожала.

— Дайте мнѣ вашу красивую, честную руку, мнѣ хочется

облобызать ее почтительно и нѣжно. Такъ вѣтренный ученикъ лобызаетъ руку своего снисходительнаго наставника.

И Веретьевъ потянулся къ Марьѣ Павловнѣ.

— Полноте! промолвила она. Вы все смѣетесь да шутите, и прошутите такъ всю вашу жизнь.

— Гмъ! прошутить жизнь! Новое выраженіе! Вѣдь вы, Марья Павловна, я надѣюсь, употребили глаголъ: шутить въ смыслѣ дѣйствительномъ.

Марья Павловна нахмурила брови.

— Полноте, Веретьевъ, повторила она.

— Прошутить жизнь, продолжалъ Веретьевъ и приподнялся: — а вы хуже моего распорядитесь, вы просурьёзничаете всю вашу жизнь. Знаете, Маша, вы мнѣ напоминаете одну сцену изъ Пушкинскаго Донъ-Жуана. Вы не читали Пушкинскаго Донъ-Жуана?

— Нѣтъ.

— Да, я вѣдь и забылъ вы стиховъ не читаете. Тамъ къ одной Лаурѣ приходятъ гости, она ихъ всѣхъ прогоняетъ и остается съ однимъ, Карлосомъ. Они оба выходятъ на балконъ, ночь удивительная, Лаура любуется, а Карлосъ вдругъ начинаетъ ей доказывать, что она со временемъ состарится. — Что жь, отвѣчаетъ Лаура, теперь можетъ быть въ Парижѣ холодъ и дождь, а здѣсь у насъ: «Ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ.» Что загадывать о будущемъ? Оглянитесь, Маша, развѣ и здѣсь не прекрасно? Посмотрите какъ все радуется жизни, какъ все молодо. И мы сами развѣ не молоды?

Веретьевъ приблизился къ Марьѣ Павловнѣ, она не отодвинулась отъ него, но не повернула къ нему головы.

— Улыбнитесь, Маша, продолжалъ онъ: — только доброй вашей улыбкой, а не вашей обыкновенной усмѣшкой. Я люблю вашу добрую улыбку. Поднимите ваши гордые, строгіе глаза. — Что же вы! Вы отворачиваетесь? Протяните мнѣ хоть руку.

— Ахъ, Веретьевъ, начала Маша: — Вы знаете, я не умѣю говорить. Вы мнѣ разсказали объ этой Лаурѣ. Но вѣдь она женщина.... Женщинѣ простительно не думать о будущемъ.

— Когда вы говорите, Маша, возразилъ Веретьевъ: — вы безпрестанно краснѣете отъ самолюбія и стыдливости, кровь

такъ и приливаетъ алымъ потокомъ въ ваши щоки, я ужасно это люблю въ васъ.

Марья Павловна взглянула прямо въ глаза Веретьеву.

— Прощайте промолвила она и накинула шарфъ себѣ на голову.

Веретьевъ удержалъ ее.

— Полноте, полноте, подождите! воскликнулъ онъ. — Ну, что вы хотите? Приказывайте! Хотите вы, чтобы я поступилъ на службу, сдѣлался агрономомъ; хотите, чтобы я издалъ романсы съ аккомпаниментомъ гитары, напечаталъ бы собраніе стихотвореній, рисунковъ, занялся бы живописью, ваяньемъ, плясаньемъ на канатѣ, все, все я сдѣлаю, все, что прикажете, лишь бы вы были мною довольны! Ну, право же, Маша, повѣрьте мнѣ.

Марья Павловна опять взглянула на него

— Все это вы только на словахъ, не на дѣлѣ. Вы увѣряете, что слушаетесь меня.

— Конечно, слушаюсь.

— Слушаетесь, а вотъ я сколько разъ васъ просила....

— О чемъ?

Марья Павловна запнулась.

— Не пить вина, промолвила она, наконецъ.

Веретьевъ засмѣялся.

— Эхъ, Маша, Маша! И вы туда же! Сестра моя тоже объ этомъ убивается. Да, вопервыхъ, я вовсе не пьяница; а вовторыхъ, знаете ли вы, для чего я пью? Посмотрите-ка вонъ на эту ласточку.... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда его и броситъ! Вонъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка.... Швыряй себя куда хочешь, несись, куда вздумается....

— Да къ чему же это? перебила Маша.

— Какъ къ чему? изъ чего же тогда жить?

— А развѣ безъ вина этого нельзя?

— Нельзя, всѣ мы попорчены, измяты. Вотъ страсть.... та такое же производитъ дѣйствіе. Оттого-то я васъ люблю.

— Какъ вино.... Покорно благодарю.

— Нѣтъ, Маша; я васъ люблю, не какъ вино. Постойте, я вамъ это докажу когда-нибудь, вотъ когда мы женимся и поѣдемъ съ вами за границу. Знаете ли, я уже заранѣе думаю, какъ я приведу васъ передъ Милосскую Венеру... Вотъ кстати будетъ сказать:

Стоитъ ли съ важностью очей
Передъ Милосскою Кипридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой....

Что это я сегодня все говорю стихами? Это утро, должно быть, на меня дѣйствуетъ. Что за воздухъ! точно вино пьешь.

— Опять вино, замѣтила Марья Павловна.

— Что жь такое! Эдакое утро, да вы со мной, и не чувствовать себя опьяненнымъ! Съ важностью очей... Да, продолжалъ Веретьевъ, глядя пристально на Марью Павловну, это такъ.... А вѣдь я помню, я видалъ, рѣдко, но видалъ эти темные великолѣпные глаза, я видалъ ихъ нѣжными! И какъ они прекрасны тогда! Ну не отворачивайтесь, Маша, ну, по крайней мѣрѣ, засмѣйтесь.... покажите мнѣ глаза ваши хотя веселыми, если ужь они не хотятъ удостоить меня нѣжнымъ взглядомъ.

— Перестаньте Веретьевъ, проговорила Марья Павловна. Пустите меня, мнѣ пора домой.

— А вѣдь я васъ разсмѣшу, подхватилъ Веретьевъ: — ей Богу разсмѣшу. Э, кстати, посмотрите, вонъ заяцъ бѣжитъ....

— Гдѣ? спросила Марья Павловна

— Вонъ за оврагомъ, по овсяному полю. Его должно быть кто-нибудь вспугнулъ; они по утрамъ не бѣгаютъ. Хотите, я его остановлю сейчасъ.

И Веретьевъ громко свиснулъ. Заяцъ тотчасъ присѣлъ, повелъ ушами, поджалъ переднія лапки, выпрямился, пожевалъ, пожевалъ, понюхалъ воздухъ и опять пожевалъ. Веретьевъ проворно сѣлъ на корточки, на подобіе зайца, и сталъ водить носомъ, нюхать и жевать какъ онъ. Заяцъ провелъ раза два лапками по мордочкѣ, встряхнулся,—онѣ должно быть, были мокры отъ росы,—уставилъ уши и покатилъ дальше. Веретьевъ потеръ себя руками по щекамъ и также встряхнулся.... Марья Павловна не выдержала и засмѣялась.

— Браво! воскликнулъ Веретьевъ и вскочилъ: — Браво! Вотъ то-то и есть, вы не кокетка. Знаете ли, что если бы у

какой-нибудь свѣтской барышни были такіе зубы какъ у васъ, она бы вѣчно смѣялась! Но зато я и люблю васъ, Маша, что вы не свѣтская барышня, не смѣетесь безъ нужды, не носите перчатокъ на вашихъ рукахъ, которыя и цаловать оттого такъ весело, что онѣ загорѣли и силу въ нихъ чувствуешь.... Я люблю васъ зато, что вы неумничаете, что вы горды, молчаливы, книгъ не читаете, стиховъ не любите....

— А хотите, я вамъ прочту стихи? перебила его Марья Павловна, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Стихи? спросилъ съ изумленіемъ Веретьевъ.

— Да стихи, тѣ самые, которые вчера читалъ этотъ петербургскій господинъ.

— Опять Анчаръ?... Такъ вы точно его декламировали въ саду ночью? Онъ къ вамъ идетъ..... Но развѣ онъ такъ вамъ понравился?

— Да, понравился.

— Прочтите.

Марья Павловна застыдилась....

— Читайте, читайте, повторилъ Веретьевъ.

Марья Павловна начала читать. Веретьевъ сталъ передъ ней, скрестилъ руки на груди и принялся слушать. При первомъ стихѣ Марья Павловна медленно подняла глаза къ небу, ей не хотѣлось встрѣчаться взорами съ Веретьевымъ. Она читала своимъ ровнымъ мягкимъ голосомъ, напоминавшимъ звуки віолончеля, но когда она дошла до стиховъ:

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки....

ея голосъ задрожалъ, недвижныя, надменныя брови приподнялись наивно, какъ у дѣвочки, и глаза съ невольной преданностію остановились на Веретьевѣ....

Онъ вдругъ бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

— *Я* твой рабъ, воскликнулъ онъ: — *я* у ногъ твоихъ, ты мой владыка, моя богиня, моя волоокая Гера, моя Медея....

Марья Павловна хотѣла оттолкнуть его; но руки ея замерли на густыхъ его кудряхъ, и она съ улыбкой замѣшательства, уронила голову на грудь....

V.

Гаврила Степанычъ Акилинъ, у котораго назначенъ былъ балъ, принадлежалъ къ числу помѣщиковъ, возбуждающихъ удивленіе сосѣдей искусствомъ жить хорошо и открыто при незначительныхъ средствахъ. Имѣя не болѣе четырехъ-сотъ душъ крестьянъ, онъ принималъ всю губернію въ огромныхъ, имъ самимъ воздвигнутыхъ, каменныхъ палатахъ съ колоннами, башней и флагомъ на башнѣ. Имѣніе это досталось ему отъ отца и никогда не отличалось благоустройствомъ; Гаврила Степанычъ долго находился въ отсутствіи, служилъ въ Петербургѣ;—наконецъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ вернулся онъ на родину въ чинѣ коллежскаго ассесора, съ женою и тремя дочерьми, въ одно и то же время принялся за преобразованія и за постройки, немедленно завелъ оркестръ и началъ давать обѣды. Сначала всѣ пророчили ему скорое и неминуемое разореніе; неразъ носились слухи о продажѣ имѣнія Гаврилы Степаныча съ молотка, но годы шли, обѣды, балы, пирушки, концерты слѣдовали другъ за другомъ обычной чередой, новыя строенія какъ грибы выростали изъ земли, а имѣніе Гаврилы Степаныча съ молотка все-таки не продавалось, и самъ онъ поживалъ себѣ по прежнему, даже потолстѣлъ въ послѣднее время. Тогда толки сосѣдей приняли другое направленіе; стали намекать на какія-то важныя, будто бы утаенныя суммы, заговорили о кладѣ.... «И хотя бы хозяинъ онъ былъ хорошій—такъ разсуждали дворяне между собою—а то вѣдь нѣтъ! Нисколько! Вотъ вѣдь что удивленія достойно и непонятно». Какъ бы то ни было, но къ Гаврилѣ Степанычу всѣ ѣздили очень охотно: онъ принималъ гостей радушно и въ карты игралъ по какой угодно цѣнѣ. Это былъ маленькій, сѣденькій человѣчекъ, съ вострой головкой, желтымъ лицомъ и желтыми глазами, всегда тщательно выбритый и надушонный одеколономъ; онъ и въ будни и въ праздники носилъ просторный синій фракъ, застегнутый до верху, большой галстукъ, въ который имѣлъ привычку прятать подбородокъ, и щеголялъ бѣльемъ; онъ жмурилъ глаза и вытягивалъ губы, когда нюхалъ табакъ, и говорилъ весьма привѣтливо и мягко, съ безпрестанными слово-ериками.

Съ виду Гаврила Степанычъ не отличался бойкостью и вообще наружностью не бралъ и не глядѣлъ умницей, хотя по временамъ въ его глазахъ свѣтилось лукавство. Старшихъ двухъ дочерей онъ выгодно пристроилъ, младшая оставалась еще въ домѣ невѣстой. Была у Гаврилы Степаныча и жена, существо незначительное и безсловесное.

Владиміръ Сергѣичъ въ семь часовъ вечера явился къ Ипатовымъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ засталъ уже всѣхъ совершенно одѣтыми; дѣвочки чинно сидѣли, боясь измять свои бѣленькія, накрахмаленныя платьеца; старикъ Ипатовъ, увидя Владиміра Сергѣича во фракѣ, ласково попенялъ ему и указалъ на свой сюртукъ; на Марьѣ Павловнѣ было темно-розовое кисейное платье, которое очень шло къ ней. Владиміръ Сергѣичъ сказалъ ей нѣсколько любезностей. Красота Марьи Павловны его привлекала, хотя она видимо его дичилась; Надежда Алексѣевна ему тоже нравилась, но непринужденность ея обращенія его нѣсколько смущала. Притомъ въ ея рѣчахъ, взглядахъ, самыхъ улыбкахъ часто высказывалась насмѣшливость, и это безпокоило его столичную и благовоспитанную душу. Онъ бы не прочь былъ потрунить съ нею надъ другими, но ему непріятно было думать, что она въ состояніи, пожалуй, посмѣяться надъ нимъ самимъ.

Балъ уже начался; гостей собралось довольно много и доморощенный оркестръ трещалъ, гудѣлъ и взвизгивалъ на хорахъ, когда семейство Ипатовыхъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Сергѣичемъ вступило въ залу акилинскаго дома. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у самыхъ дверей, поблагодарилъ Владиміра Сергѣича за чувствительное доставленіе пріятнаго сюрприза, такъ онъ выразился, и взявъ Ипатова подъ руку, повелъ его въ гостиную къ карточнымъ столамъ. Гаврила Степанычъ воспитаніе получилъ плохое, и все у него въ домѣ, и музыка, и мебели, и кушанья, и вина, не только не могло назваться первостепеннымъ, но даже и во вторую степень не годилось. Зато всего было въ волю, и самъ онъ не ломался, не кичился.... дворяне больше ничего отъ него и не требовали и оставались совершенно довольны его угощеніемъ. За ужиномъ, напримѣръ, подавали икру, нарѣзанную въ кусочки и сильно посоленую; но никто не мѣшалъ брать ее пальцами, и запить ее было

чѣмъ, правда дешевенькимъ, но все же виноградным виномъ, а не другимъ какимъ-либо напиткомъ. Пружины въ мебели Гаврилы Степаныча были дѣйствительно нѣсколько безпокойны по причинѣ ихъ неподатливости и тугости; но не говоря уже о томъ, что во многихъ диванахъ и креслахъ пружинъ не было вовсе, всякъ могъ подложить подъ себя гарусную подушку, а подобныхъ подушекъ, вышитыхъ собственными руками супруги Гаврилы Степаныча, лежало вездѣ многое множество — и тогда уже ничего не оставалось желать.

Словомъ, домъ Гаврилы Степаныча пришелся какъ нельзя болѣе подъ ладъ общежительному и безцеремонному образу мыслей обитателей ....го уѣзда, и единственно скромность г. Акилина была причиною тому, что на дворянскихъ съѣздахъ въ предводители избирался не онъ, а отставной майоръ Подпекинъ, человѣкъ тоже весьма почтенный и достойный, хотя онъ и зачесывалъ себѣ волосы на правый високъ изъ-за лѣваго уха, красилъ усы въ лиловую краску и, страдая одышкой, въ послѣобѣденное время впадалъ въ меланхолію.

Итакъ балъ уже начался. Танцовали кадриль въ десять паръ. Кавалерами были офицеры близь стоявшаго полка, юные, а иные и не совсѣмъ юные помѣщики, два-три чиновника изъ города. Все было какъ слѣдуетъ, все шло своимъ порядкомъ. Предводитель игралъ въ карты съ отставнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и богатымъ бариномъ, владѣльцемъ трехъ тысячъ душъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ носилъ на указательномъ пальцѣ перстень съ алмазомъ, говорилъ очень тихо, и не раздвигалъ соединенныхъ каблуковъ ногъ своихъ, поставленныхъ въ положеніе, употребляемое танцорами прежнихъ временъ и не поворачивалъ головы, до половины закрытой отличнѣйшимъ бархатнымъ воротникомъ; богатый баринъ напротивъ все чему-то смѣялся, поднималъ брови и сверкалъ бѣлками глазъ. Поэтъ Бодряковъ, человѣкъ вида неуклюжаго и дикаго, разговаривалъ въ углу съ ученымъ историкомъ Евсюковымъ; они оба держали другъ друга за пуговицы. Возлѣ нихъ одинъ дворянинъ, съ необыкновенно длинной таліей, излагалъ какія-то смѣлыя мнѣнія передъ другимъ дворяниномъ, съ робостью смотрѣвшимъ ему въ лобъ. Вдоль стѣнъ сидѣли маменьки въ пестрыхъ чепцахъ, у дверей жа-

лись господа простаго покроя, молодые съ смущенными, пожилые съ смирными лицами; но всего не опишешь. Повторяемъ: все было какъ слѣдуетъ.

Надежда Алексѣевна пріѣхала еще раньше Ипатовыхъ; Владиміръ Сергѣичъ увидалъ ее танцующею съ молодымъ человѣкомъ красивой наружности, въ щегольскомъ фракѣ, съ выразительными глазами, тонкими чорными усиками и блестящими зубами; золотая цѣпочка висѣла полукругомъ у него на желудкѣ. На Надеждѣ Алексѣевнѣ было голубое платье съ бѣлыми цвѣтами; небольшой вѣнокъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ обвивалъ ея кудрявую головку; она улыбалась, играла вѣеромъ, весело посматривала кругомъ; она чувствовала себя царицей бала. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней, поклонился и, любезно заглянувъ ей въ лицо, спросилъ ее, помнитъ ли она вчерашнее обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?

— Вѣдь вы со мною танцуете мазурку?

— Да, конечно, съ вами.

Молодой человѣкъ, стоявшій рядомъ съ Надеждой Алексѣевной, внезапно покраснѣлъ.

— Вы, mademoiselle, вѣроятно, забыли, началъ онъ: — что вы уже прежде дали мнѣ слово на сегоднишнюю мазурку....

Надежда Алексѣевна смѣшалась.

— Ахъ, Боже мой, какъ же быть заговорила она: — извините меня, пожалуйста, мосье Стельчинскій, я такая разсѣянная: мнѣ, право, такъ совѣстно....

Мосье Стельчинскій ничего не отвѣчалъ и только глаза опустилъ; Владиміръ Сергѣичъ слегка пріосанился.

— Будьте такъ добры, мосье Стельчинскій, продолжала Надежда Алексѣевна: — мы вѣдь съ вами старинные знакомые, а мосье Астаховъ у насъ чужой: не ставьте меня въ затруднительное положеніе, позвольте мнѣ танцовать съ нимъ.

— Какъ вамъ угодно, возразилъ молодой человѣкъ. — Однако вамъ начинать.

— Благодарствуйте, промолвила Надежда Алексѣевна и порхнула на встрѣчу своему визави.

Стельчинскій глянулъ ей вслѣдъ, потомъ посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича. Владиміръ Сергѣичъ въ свою очередь посмотрѣлъ на него и отошелъ въ сторону.

Кадриль скоро кончилась. Владиміръ Сергѣичъ походилъ немного по залѣ, потомъ направился въ гостиную и остановился у одного изъ карточныхъ столовъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сзади прикоснулся къ его рукѣ, онъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Стельчинскій.

— Мнѣ нужно съ вами въ сосѣднюю комнату на пару словъ, если вы позволите, промолвилъ онъ пофранцузски очень вѣжливо и съ нерусскимъ выговоромъ.

Владиміръ Сергѣичъ послѣдовалъ за нимъ.

Стельчинскій остановился у окна.

— Въ присутствіи дамы, началъ онъ на томъ же языкѣ: — я не могъ сказать ничего другаго, какъ то, что я сказалъ; но вы, я надѣюсь, не думаете, что я дѣйствительно намѣренъ уступить вамъ мое право на мазурку съ m-lle Vereticff.

Владиміръ Сергѣичъ изумился.

— Какъ такъ? спросилъ онъ.

— Да также-съ, спокойно отвѣчалъ Стельчинскій, положилъ руку за пазуху и раздулъ ноздри.—Не намѣренъ, да и только.

Владиміръ Сергѣичъ тоже положилъ руку за пазуху, но ноздрей не раздулъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, началъ онъ. — Вы черезъ это можете вовлечь m-lle Vereticff въ непріятность, и я полагаю....

— Мнѣ самому это было бы крайне непріятно, но никто не мѣшаетъ вамъ отказаться, объявить себя больнымъ или уѣхать....

— Я этого не сдѣлаю. За кого вы меня принимаете?

— Въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду требовать отъ васъ удовлетворенія.

— То есть въ какомъ это смыслѣ.... удовлетворенія.

— Извѣстно въ какомъ смыслѣ.

— Вы меня вызовете на дуэль?

— Точно такъ-съ, если вы не откажетесь отъ мазурки,

Стельчинскій постарался выговорить эти слова какъ можно равнодушнѣе. У Владиміра Сергѣича сердце іокнуло. Онъ посмотрѣлъ своему недуманному-негаданному противнику въ лицо.

«Фу! ты Господи, какая глупость!» подумалъ онъ.

— Вы не шутите? произнесъ онъ громко.

— Я вообще не имѣю привычки шутить, отвѣтилъ съ важностью Стельчинскій: — и въ особенности съ людьми мнѣ незнакомыми. Вы не отказываетесь отъ мазурки? прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Не отказываюсь, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ, какъ бы размышляя.

— Прекрасно! Мы завтра деремся.

— Очень хорошо.

— Завтра поутру мой секундантъ у васъ.

И учтиво поклонившись, Стельчинскій удалился, видимо довольный собою.

Владиміръ Сергѣичъ остался еще нѣсколько мгновеній у окна.

«Вотъ тебѣ на! — думалъ онъ — вотъ тебѣ и новыя знакомства! Нужно было пріѣзжать! Хорошо! Славно!»

Однако онъ, наконецъ, оправился и вышелъ въ залу.

Въ залѣ уже танцовали польку. Передъ глазами Владиміра Сергѣича промелькнула Марья Павловна съ Петромъ Алексѣичемъ, котораго онъ до того мгновенія не замѣтилъ; она казалась блѣдной и даже печальной; потомъ пронеслась Надежда Алексѣевна, вся свѣтлая и радостная, съ какимъ-то маленькимъ, кривоногимъ, но пламеннымъ артиллеристомъ; на второй туръ она пошла со Стельчинскимъ. Стельчинскій, танцуя, сильно встряхивалъ волосами.

— Что, батюшка, раздался вдругъ за спиной Владиміръ Сергѣича голосъ Ипатова: — только глядите, а сами не танцуете? А признайтесь-ка, даромъ что у насъ, такъ сказать, затишье, вѣдь не дурно и у насъ, ась?

«Хорошо къ чорту затишье», подумалъ Владиміръ Сергѣичъ и, пробормотавъ что-то въ отвѣтъ Ипатову, отошелъ въ другой уголъ залы.

«Надо будетъ секунданта сыскать — продолжалъ онъ свои размышленія — а гдѣ его къ чорту найдти? Веретьева нельзя, другихъ я никого не знаю, чортъ знаетъ, что за нелѣпость такая!»

Владиміръ Сергѣичъ, когда сердился, любилъ поминать чорта.

Въ это мгновеніе, глаза Владиміра Сергѣича упали на Складную Душу, Ивана Ильича, стоявшаго въ бездѣйствіи у окна.

«Ужь не его ли? — подумалъ онъ и, пожавъ плечами, прибавилъ почти вслухъ — придется его.»

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ нему.

— Со мной очень странное происшествіе сейчасъ случилось, началъ нашъ герой съ натянутый улыбкой: — вообразите, меня какой-то незнакомый молодой человѣкъ на дуэль вызвалъ, отказаться нѣтъ никакой возможности, мнѣ необходимо нуженъ секундантъ, не хотите ли вы?

Хотя Иванъ Ильичъ отличался, какъ извѣстно, невозмутимымъ равнодушіемъ, но такое необыкновенное предложеніе поразило и его. Полный недоуменія уставился онъ на Владиміра Сергѣича.

— Да, повторилъ Владиміръ Сергѣичъ: — я бы очень вамъ былъ обязанъ, я здѣсь ни съ кѣмъ не знакомъ. Вы одни....

Не могу, промолвилъ Иванъ Ильичъ, словно просыпаясь: — совершенно не могу.

— Отчего же? Вы боитесь непріятностей, но я надѣюсь, все это останется въ тайнѣ....

Говоря эти слова, Владиміръ Сергѣичъ чувствовалъ самъ, что краснѣлъ и смущался.

«Какъ глупо! какъ все это ужасно глупо!» мысленно твердилъ онъ въ то же время.

— Извините меня, никакъ не могу, повторилъ Иванъ Ильичъ, замоталъ головой и попятился, причемъ опять повалилъ стулъ.

Въ первый разъ въ жизни ему приходилось отвѣчать на просьбу отказомъ, да вѣдь и просьба же была какова!

— По крайней мѣрѣ, продолжалъ встревоженнымъ голосомъ Владиміръ Сергѣичъ, поймавъ его за руку:—вы ужь сдѣлайте одолженіе никому не говорите о томъ, что я вамъ сказалъ, я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ.

— Это я могу, это я могу, поспѣшно возразилъ Иванъ Ильичъ: — а то не могу, воля ваша, рѣшительно не въ состояніи.

— Ну, хорошо, хорошо, промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ: — но не забудьте, я надѣюсь на вашу скромность.... Я объявлю завтра этому господину, пробормоталъ онъ про себя съ досадой:—что я не могъ найдти секунданта, пусть онъ самъ распорядится какъ знаетъ, я здѣсь человѣкъ чужой. И чортъ меня

дернулъ обратиться къ этому господину! Да что же было дѣлать?

Владиміру Сергѣичу было очень и очень не по себѣ.

Между тѣмъ балъ продолжался. Владиміръ Сергѣичъ весьма бы желалъ уѣхать тотчасъ, но до конца мазурки нечего было думать объ отъѣздѣ. Какъ дать восторжествовать противнику? Къ несчастью Владиміра Сергѣича, танцами распоряжался одинъ молодой развязный господинъ, съ длинными волосами и впалой грудью, по которой, въ видѣ маленькаго водопада, извивался чорный атласный галстухъ, проколотый огромной золотой булавкой. Молодой этотъ господинъ слылъ по всей губерніи за человѣка, до тонкости изучившаго всѣ обычаи и уставы высшаго свѣта, хотя онъ въ Петербургѣ прожилъ всего шесть мѣсяцевъ и выше домовъ коллежскаго совѣтника Сандараки и зятя его статскаго совѣтника Костандараки проникнуть не успѣлъ. На всѣхъ балахъ танцами распоряжался онъ, подавалъ музыкантамъ знакъ хлопаньемъ въ ладоши, посреди воя трубъ и визга скрыпокъ кричалъ: «En avant deux! или «Grande chaine!» или «à vous, mademoiselle», и то и дѣло леталъ, стремительно скользя и шаркая, во залѣ, весь блѣдный и въ поту. Мазурку онъ никогда раньше полуночи не начиналъ. «И это милость — говорилъ онъ — я бы васъ въ Петербургѣ до двухъ часовъ проморилъ». Длиненъ показался этотъ балъ Владиміру Сергѣичу. Онъ бродилъ какъ тѣнь изъ залы въ гостиную, изрѣдка обмѣниваясь холоднымн взглядами съ своимъ противникомъ, не пропускавшимъ ни одного танца, попросилъ было Марью Павловну на кадриль, но она уже была приглашена — и раза два перекинулся словами съ заботливымъ хозяиномъ, котораго, казалось, безпокоила скука, написанная на лицѣ новаго гостя. Наконецъ, загремѣла желанная мазурка. Владиміръ Сергѣичъ отыскалъ свою даму, принесъ два стула и сѣлъ съ ней въ послѣднихъ парахъ, почти напротивъ Стельчинскаго.

Въ первую пару сѣлъ, какъ оно и слѣдовало ожидать, молодой человѣкъ распорядитель. Съ какимъ лицомъ онъ началъ мазурку, какъ поволокъ за собой свою даму, какъ ударялъ при томъ ножкой въ полъ и вздергивалъ головой — описать все это едва ли не выше пера человѣческаго.

— А вы, мосье Астаховъ, мнѣ кажется, скучаете? начала Надежда Алексѣевна, внезапно обратясь къ Владиміру Сергѣичу.

— Я? Нисколько. Почему вамъ это кажется!

— Да такъ, по выраженію вашего лица.... Вы, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхали, ни разу не усмѣхнулись. Я этого отъ васъ не ожидала. Вамъ, господамъ положительнымъ людямъ, нейдетъ дичиться и хмуриться à la Вугоп. Предоставьте это сочинителямъ.

— Я замѣчаю, Надежда Алексѣевна, что вы часто называете меня положительнымъ человѣкомъ, какъ бы въ насмѣшку. Вы, должно быть, считаете меня холоднѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ существомъ, неспособнымъ ни на что такое.... А знаете ли, что я вамъ доложу: положительному человѣку часто бываетъ очень нелегко на сердцѣ, но онъ не считаетъ нужнымъ выказывать передъ другими, что у него тамъ внутри происходитъ; онъ предпочитаетъ молчать.

— Что вы хотите сказать этимъ? спросила Надежда Алексѣевна, окинувъ его взоромъ.

— Ничего-съ, возразилъ съ притворнымъ равнодушіемъ Владиміръ Сергѣичъ и принялъ таинственный видъ.

— Однако?

— Право, ничего.... Когда-нибудь узнаете, послѣ.

Надежда Алексѣевна хотѣла было продолжать свои распросы, но въ это мгновенье дѣвица, хозяйская дочь, подвела къ ней Стельчинскаго и другаго кавалера въ синихъ очкахъ.

— Жизнь или смерть? спросила она ее по-французски.

— Жизнь, воскликнула Надежда Алексѣевна: — я не хочу смерти.

Стельчинскій наклонился; она пошла съ нимъ.

Кавалеръ въ синихъ очкахъ, назвавшійся смертью, пошелъ съ хозяйской дочерью. Оба имени были придуманы Стельчинскимъ.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ Стельчинскій? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Надежду Алексѣевну, какъ только та возвратилась на свое мѣсто.

— Онъ у губернатора служитъ, очень любезный молодой человѣкъ. Онъ не здѣшній. Немножко фатъ, но это у нихъ

всѣхъ въ крови. Я надѣюсь, вы никакихъ съ нимъ не имѣли объясненій по поводу мазурки?

— Никакихъ, помилуйте, возразилъ съ маленькой запинкой Владиміръ Сергѣичъ.

— Я такая забывчивая! Вы не можете себѣ представить!

— Я долженъ радоваться вашей забывчивости, она доставила мнѣ удовольствіе танцовать сегодня съ вами.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него, слегка прищурясь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ пріятно танцовать со мной?

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ ей комплиментомъ. По немногу онъ разговорился. Надежда Алексѣевна была очень мила всегда и особенно въ тотъ вечеръ Владиміру Сергѣичу она показалась прелестной. Мысль о завтрешнемъ поединкѣ, раздражая его нервы, придавала блескъ и оживленіе его рѣчамъ; подъ вліяніемъ ея онъ позволилъ себѣ небольшія преувеличенія въ выраженіи чувствъ своихъ.... «Куда ни шло!» думалъ онъ. Во всѣхъ словахъ его, въ подавленныхъ вздохахъ, въ омрачавшихся внезапно взорахъ проступало что-то таинственное, невольно грустное, что-то изящно-безнадежное. Онъ наконецъ доболтался до того, что уже началъ разсуждать о любви, о женщинахъ, о своемъ будущемъ, о томъ, какъ онъ понимаетъ счастье и чего требуетъ отъ судьбы... Онъ изъяснялся иносказательно, намеками. Наканунѣ возможной смерти, Владиміръ Сергѣичъ кокетничалъ съ Надеждой Алексѣевной.

Она слышала его внимательно, посмѣивалась, качала головой, то спорила съ нимъ, притворялась недовѣрчивой.... Разговоръ, часто прерываемый подходившими кавалерами и дамами, принялъ подъ конецъ направленіе нѣсколько странное.... Владиміръ Сергѣичъ сталъ уже распрашивать Надежду Алексѣевну о ней самой, объ ея характерѣ, объ ея симпатіяхъ.... Она сперва отшучивалась, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно для Владиміра Сергѣича, спросила его, когда онъ ѣдетъ?

— Куда? проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

— Къ себѣ домой.

— Въ Сасово?

— Нѣтъ, домой, въ вашу деревню, за сто верстъ отсюда.

Владиміръ Сергѣичъ опустилъ глаза.

— Хотѣлось бы поскорѣе, промолвилъ онъ съ озабоченнымъ лицомъ. — Думаю завтра.... если только живъ буду. Вѣдь у меня дѣла! Но почему вамъ вдругъ вздумалось спросить меня объ этомъ?

— Такъ! возразила Надежда Алексѣевна.

— Однако, какая причина?

— Такъ! повторила она. — Меня удивляетъ любопытство человѣка, который ѣдетъ завтра, а сегодня желаетъ узнать мой характеръ....

— Но позвольте.... началъ было Владиміръ Сергѣичъ....

— Ахъ, вотъ кстати.... прочтите, со смѣхомъ перебила его Надежда Алексѣевна, протягивая ему билетъ съ конфетки, которую она только что взяла съ сосѣдняго столика, а сама поднялась на встрѣчу Марьи Павловны остановившейся передъ ней мѣстѣ съ другой дамой.

Марья Павловна танцовала съ Петромъ Алексѣичемъ. Лицо ея покрылось румянцемъ, разгорѣлось, но не повеселѣло.

Владиміръ Сергѣичъ взглянулъ на билетъ — на немъ плохими французскими буквами было напечатано:

Qui me néglige. me perd.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ взоръ Стельчинскаго, устремленный прямо на него. Владиміръ Сергѣичъ усмѣхнулся принужденно, облокотился на спинку стула и положилъ ногу на ногу

— Вотъ, молъ, тебѣ!

Пламенный артиллеристъ примчалъ Надежду Алексѣевну къ ея стулу, лихо повертѣлся съ ней передъ нимъ, поклонился, звякнулъ шпорами и ушелъ. Она сѣла.

— Позвольте узнать, началъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ: — какъ мнѣ понять этотъ билетъ...

— А что бишь на немъ стояло, проговорила надежда Алексѣевна. — Ахъ, да! Qui me neglige, me perd. Что жь! это прекрасное житейское правило, которое на каждомъ шагу можетъ пригодиться. Для того, чтобъ успѣть въ чемъ бы то ни было, не нужно ничѣмъ пренебрегать... Должно добиваться всего; можетъ быть, хоть кто-нибудь достанется. Но мнѣ смѣшно, я... я вамъ, практическому человѣку, толкую о житейскихъ правилахъ...

Надежда Алексѣевна засмѣялась и уже напрасно, до самаго конца мазурки, старался Владиміръ Сергѣичъ возобновить прежній разговоръ. Надежда Алексѣевна уклонялась отъ него съ своенравіемъ прихотливаго ребенка. Владиміръ Сергѣичъ толковалъ ей о своихъ чувствахъ, а она либо не отвѣчала ему вовсе, либо обращала его вниманіе на платья дамъ, на смѣшныя лица иныхъ мужчинъ, на ласковость, съ которой танцовалъ ея братъ, на красоту Марьи Павловны, заговаривала о музыкѣ, о вчерашнемъ днѣ, о Егорѣ Капитонычѣ и супругѣ его Матренѣ Марковнѣ:... и только при самомъ концѣ мазурки, когда Владиміръ Сергѣичъ началъ съ ней раскланиваться, съ иронической улыбкой на губахъ и во взорѣ проговорила:

— Итакъ, вы рѣшительно завтра ѣдете?

— Да; и можетъ быть, очень далеко, значительно промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути.

И Надежда Алексѣевна быстро приблизилась къ своему брату, весело шепнула ему что-то на ухо, потомъ спросила громко:

— Благодаренъ мнѣ? Да? не правда ли? а то бы онъ *её* пригласилъ на мазурку.

Онъ пожалъ плечами и промолвилъ:

— Все-таки ничего изъ этого не выйдетъ...

Она увела его въ гостиную.

«Кокетка!» подумалъ Владиміръ Сергѣичъ, и взявъ шляпу въ руку, выскользнулъ незамѣтно изъ залы, сыскалъ своего лакея, которому онъ заранѣе приказалъ быть на готовѣ, и уже надѣвалъ пальто, какъ вдругъ, къ крайнему его изумленію, лакей доложилъ ему, что ѣхать нельзя, что кучеръ неизвѣстно какимъ образомъ напился пьянъ и что разбудить его нѣтъ никакой возможности. Выбранивъ кучера необыкновенно кратко, но чрезвычайно сильно (дѣло происходило въ передней, посторонніе свидѣтели присутствовали) и объявивъ лакею, что если завтра чуть свѣтъ кучеръ не будетъ въ исправности, то никто въ мірѣ не въ состояніи себѣ представить, что изъ этого можетъ выйдти, Владиміръ Сергѣичъ вернулся въ залу и попросилъ дворецкаго отвести ему комнатку, не дожидаясь ужина, уже приготовляемаго въ гостиной. Хозяинъ дома вдругъ словно выросъ изъ-подъ полу возлѣ самаго локтя Владиміра

Сергѣича (Гаврила Степанычъ носилъ сапоги безъ каблуковъ и потому двигался безо всякаго шума) и началъ его удерживать, увѣря, что за ужиномъ будетъ икра первый сортъ, но Владиміръ Сергѣичъ отговорился головною болью. Полчаса спустя онъ уже лежалъ на небольшой кроваткѣ, подъ коротким одѣяломъ и силился заснуть.

Но ему не спалось. Какъ ни ворочался онъ съ боку на бокъ, какъ ни старался онъ думать о чемъ-нибудь другомъ, фигура Стельчинскаго неотвязно торчала передъ нимъ... вотъ онъ цѣлится... вотъ онъ выстрѣлилъ... «Убитъ Астаховъ» говоритъ кто-то. Владиміръ Сергѣичъ не могъ назваться храбрецомъ, да и трусомъ онъ не былъ; но даже мысль о поединкѣ съ кѣмъ бы то ни было никогда ему въ голову не приходила... Драться! съ его благоразуміемъ, мирными наклонностями, уваженіемъ приличій, мечтами о будущемъ благосостояніи и о выгодной партіи! Если бы дѣло шло не о собственной особѣ, онъ бы расхохотался, до того нелѣпа и смѣшна казалась ему вся эта исторія. Драться! съ кѣмъ и за что?!

— Тьфу ты чортъ! что за вздоръ! воскликналъ онъ невольно вслухъ. — Ну, а если онъ точно убьетъ меня, продолжалъ онъ свои размышленія: — надо, однако, принять свои мѣры, распорядиться... Кто-то пожалѣетъ обо мнѣ?

И онъ съ досадой закрывалъ свои широко раскрытые глаза, натягивалъ одѣяло на шею.... но все-таки заснуть не могъ....

Заря уже брезжила на небѣ, и утомленный лихорадкой безсонницы, Владиміръ Сергѣичъ начиналъ впадать въ дремоту, какъ вдругъ почувствовалъ какую-то тяжесть на ногахъ. Онъ открылъ глаза.... На его постели сидѣлъ Веретьевъ.

Владиміръ Сергѣичъ изумился чрезвычайно, особенно когда замѣтилъ, что на Веретьевѣ не было сюртука, что у него изъподъ растегнутой рубашки выказывалась обнаженная грудь, волосы падали на лобъ и само лицо казалось измѣненнымъ. Владиміръ Сергѣичъ приподнялся съ постели....

— Позвольте спросить.... началъ онъ, разставивъ руки.

— Я къ вамъ пришелъ, заговорилъ Веретьевъ сиплымъ голосомъ: — извините меня, въ такомъ видѣ.... Мы тамъ немного выпили ... Я желалъ васъ успокоить. Я сказалъ себѣ: тамъ лежитъ джентельменъ, которому вѣроятно не спится. —

Поможемъ ему. — Внемлите: вы не деретесь завтра и можете спать....

Владиміръ Сергѣичъ изумился еще болѣе.

— Что вы такое сказали? пробормоталъ онъ.

— Да; все это улажено, продолжалъ Веретьевъ; — этотъ господинъ съ береговъ Вислы.... Стельчинскій извиняется передъ вами.... завтра вы получите письмо.... повторяю вамъ: — все кончено... Спите!

И сказавши эти слова, Веретьевъ всталъ и направился невѣрными шагами къ двери.

— Но позвольте, позвольте, началъ Владиміръ Сергѣичъ.— Какъ вы могли узнать, и почему я могу повѣрить....

Веретьевъ посмотрѣлъ на него.

— Ахъ! вы думаете, что я.... того.... (И онъ слегка качнулся впередъ) говорятъ вамъ.... онъ къ намъ завтра письмо пришлетъ.... Вы не возбуждаете во мнѣ особенной симпатіи, но великодушіе моя слабая сторона. Да и что тутъ толковать.... Вѣдь это все такіе пустяки.... А признайтесь, прибавилъ онъ, подмигнувъ глазомъ: — вы таки струхнули, а?

Владиміръ Сергѣичъ разсердился.

— Позвольте, наконецъ, милостивый государь, промолвилъ онъ....

— Ну, хорошо, хорошо, перебилъ его Веретьевъ съ добродушной улыбкой. — Не горячитесь. Вѣдь вы не знаете, у насъ безъ этого ни одного бала не бываетъ.... Это ужь такъ заведено. Послѣдствій это никогда никакихъ не имѣетъ. Кому охота подставлять свой лобъ? Ну, а почему же не покуражиться, а? надъ пріѣзжимъ, напримѣръ? In vino veritas. А впрочемъ, ни вы, ни я, мы не знемъ полатыни. Однако я вижу по вашей фигурѣ, что вы желаете спать, Спокойной ночи желаю вамъ, господинъ положительный человѣкъ, благонамѣренный смертный. Примите это пожеланіе отъ другаго смертнаго, который самъ гроша мѣднаго не стоитъ. Addio mio caro!

И Веретьевъ вышелъ вонъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! воскликнулъ, немного погодя, Владиміръ Сергѣичъ и ударилъ кулакомъ въ подушку: — это просто ни на что не похоже!.... Это надо будетъ объяснить! Я этого не потерплю!

Со всѣмъ тѣмъ, пять минутъ спустя, онъ уже спалъ кротким и крѣпкимъ сномъ. Ему на сердцѣ стало легче.... Минувшая опасность наполняетъ сладостью и смягчаетъ духъ человѣка.

Вотъ что происходило передъ неожиданнымъ ночнымъ свиданіемъ Веретьева и Владиміра Сергѣича:

У Гаврилы Степаныча жилъ въ домѣ троюродный его племянникъ и занималъ въ нижнемъ этажѣ дома холостую квартиру. Когда случались балы, молодые люди, въ промежуткахъ танцевъ, забѣгали къ нему покурить наскоро Жукова, а послѣ ужина собирались у него же для дружеской попойки. Въ ту ночь къ нему нашло довольно много гостей. Стельчинскій и Веретьевъ были въ числѣ ихъ; Иванъ Ильичъ, Складная Душа, тоже приплелся туда вслѣдъ за другими. Сдѣлали жженку. Хотя Иванъ Ильичъ обѣщалъ Астахову не говорить никому о предстоявшемъ поединкѣ, однако, когда Веретьевъ случайно спросилъ его, о чемъ онъ разсуждалъ съ этимъ кисляемъ (Веретьевъ иначе не называлъ Астахова), Складная Душа не вытерпѣлъ и повторилъ весь свой разговоръ съ Владиміромъ Сергѣичемъ отъ слова до слова.

Веретьевъ засмѣялся, потомъ задумался.

— Да съ кѣмъ онъ дерется? спросилъ онъ.

— А этого я сказать не могу, возразилъ Иванъ Ильичъ.

— По крайней мѣрѣ, съ кѣмъ онъ разговаривалъ?

— Съ разными лицами.... Съ Егоромъ Капитонычемъ. Ужь не съ нимъ ли онъ дерется?

Веретьевъ отошелъ прочь отъ Ивана Ильича.

Итакъ, сдѣлали жженку, начали пить. Веретьевъ сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; веселый и разгульный, онъ первенствовалъ въ собраньяхъ молодежи, онъ сбросилъ сюртукъ и галстухъ. Его попросили пѣть, онъ взялъ гитару и спѣлъ нѣсколько пѣсенъ. Головы по немногу разгорячились; молодежь принялась провозглашать тосты. Стельчинскій вскочилъ вдругъ, весь красный, на столъ и высоко поднявъ надъ головою стаканъ, воскликнулъ громко:

— За здоровье.... ужь я знаю кого, подхватилъ онъ торопливо, выпилъ вино, разбилъ стаканъ объ полъ и прибавилъ: — пускай же завтра точно также разлетится въ дребезги мой врагъ!

Веретьевъ, который уже давно наблюдалъ за нимъ, быстро поднялъ голову....

— Стельчинскій, промолвилъ онъ: — вопервыхъ, сойди со стола; это не прилично, да у тебя же и сапоги прескверные, а вовторыхъ, поди-ка сюда, я тебѣ что-то сообщу.

Онъ отвелъ его въ сторону.

— Послушай, братъ, ты, я знаю, дерешься завтра съ этимъ джентльменомъ изъ Петербурга.

Стельчинскій дрогнулъ.

— Какъ.... кто тебѣ сказалъ?

— Я тебѣ говорю. И мнѣ также извѣстно, за кого ты дерешься.

— А именно? Это любопытно знать.

— Ахъ, ты Талейранъ этакой! Да разумѣется, за мою сестру. Ну, ну, не притворяйся удивленнымъ. Это придаетъ тебѣ гусиное выраженіе. Не могу представить, какъ это у васъ тамъ вышло, но только это вѣрно. Полно, братъ, продолжалъ Веретьевъ: — къ чему тутъ прикидываться. Вѣдь я знаю, ты за ней давно ухаживаешь.

— Да все-таки это не доказываетъ....

— Перестань, пожалуйста. Но послушай-ка, что я теперь тебѣ скажу. Я этого поединка ни подъ какимъ видомъ не допущу. Понимаешь? Вся эта глупость обрушится на сестру. Извини: пока я живъ.... этому не бывать. Мы съ тобой пропадемъ — туда и дорога, а ей еще долго надо жить и жить счастливо. Да, клянусь, прибавилъ онъ съ внезапнымъ жаромъ: — всѣхъ другихъ выдамъ, даже тѣхъ, которыя были бы готовы всѣмъ пожертвовать для меня, а у ней волоска никому тронуть не позволю.

Стельчинскій принужденно захохоталъ.

— Ты пьянъ, любезный, и бредишь.... вотъ и все.

— А ты, небось, нѣтъ? Но пьянъ ли я, нѣтъ ли, это совершенно все равно. А говорю я дѣло. Не будешь ты драться съ этимъ бариномъ, за это я ручаюсь. И охота была тебѣ съ нимъ связываться! Приревновалъ, что ли? Вотъ правду говорятъ, всѣ влюбленные люди глупы! Да она и танцовала-то съ нимъ для того только, чтобъ онъ не вздумалъ пригласить.... Ну, да не объ этомъ дѣло. А дуэли этой не бывать.

— Гм! желалъ бы я посмотрѣть, какъ ты мнѣ помѣшаешь?

— А также вотъ, что если ты сейчасъ не дашь мнѣ слова отказаться отъ этой дуэли, я самъ съ тобой драться буду.

— Будто?

— Милый мой, не сомнѣвайся въ этомъ. Оскорблю тебя, дружище, сейчасъ же при всѣхъ самымъ фантастическимъ образомъ, и потомъ хоть черезъ платокъ. А я думаю, это тебѣ будетъ непріятно, по многимъ причинамъ, ась?

Стельчинскій вспыхнулъ, началъ говорить, что это *интимидація*, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ его дѣла, что онъ не посмотритъ ни на что.... и кончилъ тѣмъ, что покорился и отказался отъ всякихъ покушеній на жизнь Владиміра Сергѣича. Веретьевъ его обнялъ, и не прошло еще полчаса, какъ ужь оба они въ десятый разъ пили Brüderschaft, т. е. пили, запустивъ руку за руку.... Юноша распорядитель также выпилъ Brüderschaft съ ними и сперва не отставалъ отъ нихъ, но заснулъ наконецъ самымъ невиннымъ образомъ и долго лежалъ на спинѣ въ состояніи совершеннаго безчувствія.... Выраженіе его маленькаго поблѣднѣвшаго личика было и забавно и жалко.... Боже! что сказали бы свѣтскія дамы, его знакомыя, еслибъ увидѣли его въ такомъ уничиженіи! Но къ его счастью, онъ не зналъ ни одной свѣтской дамы.

Иванъ Ильичъ также отличился въ ту ночь. Сперва онъ удивилъ гостей, внезапно затянулъ: «Въ деревнѣ нѣкогда баронъ.»

— Щуръ! щуръ запѣлъ! закричали всѣ:—когда это бываетъ, чтобы щуръ пѣлъ по ночамъ!

— Да будто я одну только пѣсню знаю, возразилъ разгоряченный виномъ Иванъ Ильичъ: — я умѣю и другія.

— Ну, ну, ну, покажи намъ свое искусство.

Иванъ Ильичъ помолчалъ и вдругъ началъ басомъ: «Крамбамбули отцевъ наслѣдье», но такъ нескладно и странно, что общій взрывъ хохота тотчасъ заглушилъ его голосъ, и онъ умолкъ.

Когда всѣ разошлись, Веретьевъ отправился къ Владиміру Сергѣичу, и между ними произошелъ непродолжительный, уже упомянутый нами разговоръ.

На другой день Владиміръ Сергѣичъ уѣхалъ очень рано, къ себѣ въ Сасово. Цѣлое утро провелъ онъ въ волненіи, чуть

было не принялъ проѣзжаго купца за секунданта, и отдохнулъ только тогда, когда лакей принесъ ему письмо отъ Стельчинскаго. Владиміръ Сергѣичъ нѣсколько разъ прочелъ это письмо — оно очень было ловко написано... Стельчинскій начиналъ со словъ: la nuit porte conseil, Monsieur — ни въ чемъ не извинялся, потому что по его мнѣнію, онъ своего противника ни чѣмъ не оскорбилъ; впрочемъ, сознавался, что наканунѣ излишне погорячился и кончалъ объявленьемъ, что состоитъ въ полномъ распоряженіи господина Астахова (de M-r Astakhof); но самъ уже удовлетворенія болѣе не желаетъ. Сочинивъ и отправивъ отвѣтъ, исполненный въ одно и то же время вѣжливости, доходившей до игривости, и чувства достоинства, въ которомъ однако не замѣчалось ничего хвастливаго, Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ за обѣдъ, потирая руки, съ великимъ удовольствіемъ покушалъ и тотчасъ же послѣ стола отправился во свояси, не выславъ даже подставы впередъ. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, проходила верстахъ въ четырехъ отъ усадьбы Ипатова... Владиміръ Сергѣичъ посмотрѣлъ на нее....

— Прощай, затишье! молвилъ онъ съ усмѣшкой.

Образы Надежды Алексѣевны и Марьи Павловны предстали на мгновенье его воображенью; онъ махнулъ рукой, отворотился и задремалъ.

VI.

Прошло три мѣсяца слишкомъ. Осень уже давно наступила: пожелтѣвшіе лѣса обнажались, синицы прилетѣли, и, вѣрный признакъ близости зимы; вѣтеръ начиналъ завывать и ныть. Но дождей большихъ еще не бывало, и грязь на дорогахъ не успѣла раствориться. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Владиміръ Сергѣичъ отправился для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ въ губернскій городъ. Утро онъ провелъ въ разъѣздахъ, а вечеромъ поѣхалъ въ клубъ. Въ огромной мрачной залѣ клуба встрѣтилъ онъ нѣсколько знакомыхъ и между прочими, стараго отставнаго ротмистра Флича, всѣмъ извѣстнаго дѣльца, остряка, картежника и сплетника. Владиміръ Сергѣичъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ахъ, кстати, воскликнулъ вдругъ отставной ротмистръ: — на дняхъ здѣсь проѣзжала одна ваша знакомая, кланяться вамъ велѣла.

— Какая это знакомая?

— Стельчинская.

— Я ни съ одной Стельчинской не знакомъ.

— Вы ее въ дѣвушкахъ знавали.... Она урожденная Веретьева.... Надежда Алексѣевна. Мужъ ея у нашего губернатора служилъ. Вы его тоже, должно быть, видали.... Живчикъ такой, съ усиками... Славную штучку подцѣпилъ, и съ состояньемъ.

— Вотъ какъ, проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ. — Такъ она за него вышла.... Гм! А куда жь это они ѣхали!

— Въ Петербугъ. Она еще вамъ напомнить велѣла про какой-то билетикъ съ конфетки... Что это былъ за билетикъ позвольте полюбопытствовать?

И старый сплетникъ такъ и выставилъ впередъ свой острый носъ.

— Не помню, право, шутка какая-нибудь, возразилъ Владиміръ Сергѣичъ, — А позвольте узнать, гдѣ теперь ея братъ?

— Петръ! Ну тому плохо.

Господинъ Фличъ возвелъ къ верху свои маленькіе, лисьи глазки и вздохнулъ,

— А что? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ,

— Загулялъ! Пропалъ человѣкъ.

— Да гдѣ онъ теперь?

— Совершенно неизвѣстно гдѣ. Уѣхалъ куда-нибудь, за цыганками, это вѣрнѣе всего. Въ губерніи его нѣтъ, за это я ручаюсь.

— А Ипатовъ старикъ, все тамъ же живетъ.

Михайло Николаичъ? Чудачокъ-то? Все тамъ же.

— И все у него въ домѣ.... попрежнему?

— Какъ же... какъ же. Вотъ что бы вамъ жениться на его свояченицѣ. Вѣдь это не женщина, это просто монументъ, право. Хе, хе. У насъ ужь и поговаривали... что молъ дескать....

— Вотъ какъ-съ, промолвилъ, прищуривъ глаза, Владиміръ Сергѣичъ

Въ это мгновенье Фличу предложили партію, и разговоръ прекратился.

Владиміръ Сергѣичъ располагалъ возвратиться домой скоро, но вдругъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ старосты, что въ Сасовѣ сгорѣло шесть дворовъ, и рѣшился самъ туда съѣздить. Отъ губернскаго города до Сасова считалось всего верстъ шестьдесятъ. Владиміръ Сергѣичъ прибылъ въ знакомый уже читателю флигелекъ къ вечеру, тотчасъ же велѣлъ призвать старосту и земскаго, побранилъ ихъ какъ слѣдуетъ, осмотрѣлъ утромъ мѣсто пожара, принялъ надлежащія мѣры, и послѣ обѣда, поколебавшись немного, отправился въ гости къ Ипатову. Владиміръ Сергѣичъ остался бы дома, еслибъ не услыхалъ отъ Флича объ отъѣздѣ Надежды Алексѣевны; ему не хотѣлось съ ней встрѣтиться, но онъ былъ не прочь взглянуть еще разъ на Марью Павловну.

Владиміръ Сергѣичъ засталъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, Ипатова за шашками съ Складною Душою; старикъ ему обрадовался; Владиміру Сергѣичу показалось однако лицо его озабоченнымъ, и рѣчь не лилась свободно и охотно, какъ прежде. Съ Иваномъ Ильичемъ Владиміръ Сергѣичъ переглянулся молча. Обоихъ ихъ немножко покоробило; впрочемъ, они скоро успокоились.

— Всѣ ваши здоровы? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ, усаживаясь.

— Всѣ, слава Богу, покорнѣйше благодарю, отвѣтилъ Ипатовъ. — Одна Марья Павловна не совсѣмъ... того, все больше въ своей комнатѣ находится.

— Простудилась?

— Нѣтъ... такъ. Къ чаю явится.

— А Егоръ Капитонычъ! что онъ подѣлываетъ?

— Ахъ! Егоръ Капитонычъ убитый человѣкъ. У него жена умерла.

— Не можетъ быть!

— Въ сутки умерла, отъ холеры. Вы бы не узнали его теперь, просто на себя не похожъ сталъ. Безъ Матрены Марковны, говоритъ: «жизнь мнѣ въ тягость. Умру, говоритъ, и слава Богу, говоритъ, не желаю говоритъ, жить». Да, пропалъ бѣднякъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это непріятно! воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ. — Бѣдный Егоръ Капитонычъ!

Всѣ помолчали.

— Ваша сосѣдка, я слышалъ, замужъ вышла, заговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, слегка покраснѣвъ.

— Надежда Алексѣевна? Да, вышла.

Ипатовъ косвенно посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича.

— Какъ же.... какъ же, вышла, и ужь уѣхала.

— Въ Петербургъ.

— Въ Санктпетербургъ.

— Марья Павловна, я думаю, скучаетъ по ней? Кажется, она очень съ ней была дружна.

— Конечно, скучаетъ. Безъ этого нельзя. А впрочемъ, что до дружества касается, скажу вамъ, дѣвичья дружба еще хуже мужской. Пока на глазахъ, хорошо, а то и поминайкакъ звали.

— Вы думаете?

— Да, ей-Богу такъ. Вотъ хоть бы Надежда Алексѣевна. Какъ уѣхала, ни одного письма къ намъ не написала, а вѣдь какъ обѣщалась, божилась даже. Правда, ей теперь не до того.

— А давно она уѣхала?

— Да, ужь недѣль шесть будетъ. На другой же день послѣ свадьбы ускакала, по иностранному.

— Говорятъ, и брата ея тоже здѣсь нѣтъ? проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, немного погодя.

— Да, тоже. Вѣдь они люди столичные, станутъ они долго въ деревнѣ жить!

— И неизвѣстно куда онъ уѣхалъ?

— Неизвѣстно.

— Пощебелилъ, да и за щеку, замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Пощебелилъ, да и за щеку, повторилъ Ипатовъ. — Ну, а вы, Владиміръ Сергѣичъ, что подѣлывали хорошенькаго? прибавилъ онъ, оборотясь на стулѣ.

Владиміръ Сергѣичъ началъ разсказывать о себѣ, Ипатовъ его слушалъ, слушалъ и воскликнулъ наконецъ:

—Да, что жь это Маша нейдетъ? Иванъ Ильичъ, ты бы сходилъ за ней.

Иванъ Ильичъ отправился вонъ изъ комнаты, и вернувшись, объявилъ, что Марья Павловна сейчасъ придетъ.

— Что у ней, голова болитъ? спросилъ Ипатовъ въ полголоса.

— Болитъ, отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Дверь раскрылась, и вошла Марья Павловна. Владиміръ Сергѣичъ всталъ, поклонился и отъ изумленья не могъ произнесть слова: такъ измѣнилась Марья Павловна съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ! Румянецъ исчезъ съ ея похудѣвшихъ щокъ; широкая чорная кайма окружила ея глаза; горько сжались губы, все лицо ея неподвижное и темное казалось окаменѣлымъ.

Она подняла глаза, и въ нихъ не было блеску.

— Какъ ты себя чувствуешь? спросилъ ее Ипатовъ.

— Я здорова, отвѣчала она и сѣла къ столу, на которомъ уже кипѣлъ самоваръ.

Владиміръ Сергѣичъ порядкомъ таки поскучалъ въ тотъ вечеръ. Да и всѣ были не въ духѣ. Разговоръ принималъ все такой невеселый оборотъ.

— Вѣдь вишь, сказалъ между прочимъ Ипатовъ, прислушиваясь къ завываньямъ вѣтра:—какія ноты выводитъ! лѣто-то ужь давно прошло; вотъ и осень проходитъ, вотъ и зима на носу. Опять завалитъ кругомъ сугробами. Хоть бы поскорѣй снѣгъ выпалъ. А то въ садъ выйдешь, тоска нападетъ.... Словно развалина какая-то. Деревья вѣтками стучатъ. Да, прошли красные дни!

— Прошли, повторилъ Иванъ Ильичъ.

Марья Павловна молча посмотрѣла въ окно.

— Богъ дастъ, вернутся, замѣтилъ Ипатовъ.

Никто не отозвался ему.

—А помните, какъ здѣсь тогда хорошо пѣсни пѣли? сказалъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Мало ли чего! вздохнувъ, отвѣтилъ старикъ.

— Но вы бы могли, продолжалъ Владиміръ Сергѣичъ, обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ:—у васъ такой прекрасный голосъ.

Она не отвѣчала ему.

— А что ваша матушка? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Ипатова, не зная уже о чемъ вести разговоръ.

— Слава Богу, перебивается по маленьку, при своихъ недугахъ. Еще сегодня въ колясочкѣ каталась. Она, доложу вамъ, какъ надломленное дерево, скрыпъ да скрыпъ, а глядишь, иное молодое, крѣпкое повалится, а оно все стоитъ да стоитъ. Эхъ, хе, хе!

Марья Павловна уронила руки на колѣни и наклонила голову.

—А все же плохое ея житье, заговорилъ опять Ипатовъ:— справедливо сказано: «Старость не радость».

— А молодость не въ радость, промолвила Марья Павловна.

Владиміръ Сергѣичъ хотѣлъ было вернуться на ночь домой, но такая сдѣлалась на дворѣ темнота, что онъ не рѣшился ѣхать. Ему отвели ту же комнату наверху, въ которой онъ, три мѣсяца тому назадъ, провелъ безпокойную ночь, по милости Егора Капитоныча....

«Храпитъ ли онъ теперь?» подумалъ Владиміръ Сергѣичъ, и вспомнилъ его наставленія слугѣ, вспомнилъ внезапно появленье Марьи Павловны въ саду....

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному стеклу. Его собственное лицо тускло глянуло на него съ надворья, словно въ чорную завѣсу уперлись его глаза, и только спустя немного времени, могъ онъ различить на беззвѣздномъ небѣ вѣтки деревьевъ, порывисто крутившіяся среди мрака. Ихъ тормошилъ неугомонный вѣтеръ.... Вдругъ, Владиміру Сергѣичу показалось, будто что-то бѣлое промелькнуло по землѣ.... Онъ всмотрѣлся, усмѣхнулся, пожалъ плечами и воскликнувъ въ полголоса: «Что значитъ воображенье!» легъ въ постель.

Онъ заснулъ очень скоро, но и въ этотъ разъ не было ему суждено провести спокойную ночь. Его разбудила бѣготня, поднявшаяся въ домѣ... Онъ отдѣлилъ отъ подушки голову... Слышались смятенные голоса, восклицанія, торопливые шаги, двери хлопали; вотъ раздался женскій плачъ, крики поднялись въ саду, другіе крики отозвались дальше... Тревога въ домѣ росла, становилась шумнѣе съ каждымъ мгновеньемъ... «Пожаръ!» мелькнуло въ умѣ Владиміра Сергѣича. Онъ трухнулъ, вскочилъ съ кровати и бросился къ окну, но зарева не было, только въ саду проворно двигались по дорожкамъ, мимо деревьевъ, красныя огненныя точки — то бѣгали люди съ фонарями. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ быстро къ двери, отворилъ ее и наткнулся прямо на Ивана Ильича. Блѣдный, растрепанный, полураздѣтый, онъ мчался самъ не знаю куда.

— Что такое? что случилось? спросилъ съ волненіемъ Владиміръ Сергѣичъ, сильно схвативъ его за руку.

— Пропала, утопла, въ воду бросилась, отвѣтилъ Иванъ Ильичъ задыхавшимся голосомъ.

— Кто въ воду бросился, кто пропалъ?

— Марья Павловна? Кому жь, какъ не Марьѣ Павловнѣ! Погубилъ онъ ее сердешную! Помогите! Батюшки, побѣжимте скорѣе! Голубчики скорѣе!

И Иванъ Ильичъ ринулся внизъ по лѣстницѣ.

Владиміръ Сергѣичъ кое-какъ надѣлъ сапоги, накинулъ шинель на плечи и пустился вслѣдъ за нимъ.

Въ домѣ онъ уже никого не встрѣтилъ, всѣ выскочили въ садъ; однѣ только дѣвочки, дочери Ипатова, попались въ коридорѣ возлѣ передней; помертвѣвъ отъ испуга, стояли онѣ въ своихъ бѣлыхъ юбочкахъ, съ сжатыми руками и голыми ножками, возлѣ ночника, поставленнаго на полу. Черезъ гостиную, мимо опрокинутаго стола, выбѣжалъ Владиміръ Сергѣичъ на террасу. Сквозь чащу, по направленію къ плотинѣ, мелькали огни, тѣни...

— За баграми! скорѣй за баграми! слышался голосъ Ипатова.

— Неводъ, неводъ, лодку! кричали другіе голоса.

Владиміръ Сергѣичъ побѣжалъ на крикъ. Онъ нашелъ Ипатова на берегу пруда; фонарь, повѣшенный на суку, ярко освѣщалъ сѣдую голову старика. Онъ ломалъ руки и шатался какъ пьяный; возлѣ него женщина, лежа на травѣ, билась и рыдала; кругомъ суетились люди. Иванъ Ильичъ уже вошелъ по колѣна въ воду и щупалъ дно шестомъ; кучеръ раздѣвался, дрожа всѣмъ тѣломъ; два человѣка тащили вдоль берега лодку; слышался рѣзкій топотъ копытъ по улицѣ деревни... вѣтеръ несся съ визгомъ, какъ бы силясь задуть фонари, а прудъ плескалъ и шумѣлъ, чернѣя грозно.

— Что я слышалъ, воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ, подбѣгая къ Ипатову: — возможно ли?

— Багры давайте, багры! простоналъ старикъ ему въ отвѣтъ.

— Да вы, можетъ быть, ошибаетесь, помилуйте, Михаилъ Николаичъ...

— Нѣтъ! какое ошибается, заговорила слезливымъ голосомъ женщина, лежавшая на травѣ, горничная Марьи Павловны: —

сама я окаянная слышала, какъ она, голубушка моя, въ воду бросилась, какъ билась въ водѣ, какъ закричала: спасите, а тамъ еще разочекъ: спасите!

— Какже ты не помѣшала ей, помилуй!

— Да какъ, батюшка, сударикъ, мой, помѣшать, вѣдь, я когда ея хватилась, то ужь ея въ комнатѣ не было, а мое сердечко знать чуяло, послѣдніе-то денечки она все такъ тосковала и не говорила ничего, да ужь я знала, я прямо такъ въ садъ и побѣжала, словно надоумилъ меня кто, слышу, вдругъ бултыхъ что-то въ воду: спасите, слышу, кричитъ.... спасите.... Охъ! голубчики мои. Охъ, свѣтики мои...

— Да тебѣ, можетъ быть, такъ почудилось...

— Какое почудилось! Да и гдѣ же она? куда дѣвалась?

«Такъ вотъ что мнѣ показалось, бѣлое въ темнотѣ» подумалъ Владиміръ Сергѣичъ...

Между тѣмъ, прибѣжали люди съ баграми, притащили неводъ, стали разстилать его по травѣ, народу набралось пропасть, суета поднялась, толкотня... кучеръ схватилъ одинъ багоръ, староста другой, оба вскочили въ лодку, отчалили и принялись искать баграми въ водѣ; съ берега свѣтили имъ. Странны и страшны казались движенія ихъ и ихъ тѣней во мглѣ, надъ взволнованнымъ прудомъ, при невѣрномъ и смутномъ блескѣ фонарей.

— Во-вотъ зацѣпилъ, закричалъ вдругъ кучеръ...

Всѣ такъ и замерли на мѣстѣ...

Кучеръ потянулъ къ себѣ багоръ, нагнулся... Что-то рогатое, чорное, медленно всплыло...

— Каряга, проговорилъ кучеръ и отдернулъ багоръ...

— Да вернись, вернись, закричали съ берега: — баграми ничего не сдѣлаешь, надо неводомъ.

— Да, да, неводомъ, подхватили другіе...

— Стойте, промолвилъ староста: — и я зацѣпилъ... что-то, кажись, мягкое, прибавилъ онъ, погодя немного.

Бѣлое пятно показалось возлѣ лодки...

— Барышня! вдругъ крикнулъ староста. — Она!

Онъ не ошибся... Багоръ зацѣпилъ Марью Павловну за рукавъ ея платья. Кучеръ ее тотчасъ подхватилъ, вытащилъ изъ воды... въ два сильныхъ толчка лодка очутилась у берега...

Ипатовъ, Иванъ Ильичъ, Владиміръ Сергѣичъ, всѣ бросились къ Марьѣ Павловнѣ, подняли ее, понесли на рукахъ домой, тотчасъ раздѣли ее, начали ее откачивать, согрѣвать.... Но всѣ ихъ усилія, ихъ старанія, остались тщетными.... Марья Павловна не пришла въ себя.... Жизнь уже ее покинула.

Владиміръ Сергѣичъ, на другой день, рано, оставилъ Ипатовку; передъ отъѣздомъ онъ пошелъ проститься съ покойницей. Она лежала на столѣ въ гостиной, въ бѣломъ платьѣ... Густые ея волосы еще не совсѣмъ высохли, какое-то скорбное недоумѣніе выражалось на ея блѣдномъ лицѣ, не успѣвшемъ исказиться; раскрытыя губы, казалось, силились заговорить и спросить что-то.... стиснутыя крестъ на крестъ руки, какъ бы съ тоской прижимались къ груди... Но съ какой бы горестною мыслью не погибла бѣдная утопленица, смерть наложила на нее печаль своего вѣчнаго безмолвія и смиренія.... и кто пойметъ, что выражаетъ мертвое лицо въ тѣ немногія мгновенія, когда оно въ послѣдній разъ встрѣчаетъ взглядъ живыхъ передъ тѣмъ, чтобы навсегда исчезнуть и разрушиться въ могилѣ?

Владиміръ Сергѣичъ постоялъ съ приличной задумчивостью передъ тѣломъ Марьи Павловны, перекрестился три раза и вышелъ, не замѣтивъ Ивана Ильича, тихо плакавшаго въ уголкѣ...

И не одинъ онъ плакалъ въ въ тотъ день, вся прислуга въ домѣ плакала горько; Марья Павловна оставила по себѣ добрую память.

Черезъ недѣлю, вотъ что писалъ старикъ Ипатовъ въ отвѣтъ на пришедшее, наконецъ, письмо отъ Надежды Алексѣевны.

«За недѣлю передъ симъ, милостивая государыня Надежда «Алексѣевна, несчастная свояченица моя, ваша знакомая, «Марья Павловна, самовольно кончила жизнь свою, бросившись «ночью въ прудъ, и мы уже предали землѣ ея тѣло. Она рѣши-«лась на сей горестный и ужасный поступокъ, не простившись «со мною, не оставивъ даже письма или хотя бы записочки, «для изъявленія своей послѣдней воли... Но вамъ, лучше всѣхъ «извѣстно, Надежда Алексѣевна, на чью душу долженъ пасть «этотъ великій и смертный грѣхъ! Суди Господь Богъ вашего «братца, а моя свояченица не могла ни разлюбить, ни пережить «разлуку...»

Надежда Алексѣевна получила это письмо уже въ Италіи, куда она уѣхала съ своимъ мужемъ, графомъ де-Стельчинскимъ, какъ его величали во всѣхъ гостинницахъ. Впрочемъ, онъ посѣщалъ не однѣ гостинницы, его часто видали въ игорныхъ домахъ, въ Куръ-Залахъ на водахъ... Онъ сперва проигрывалъ много денегъ, потомъ пересталъ проигрывать, и лицо его приняло особое выраженіе, не то подозрительное, но то дерзкое, какое бываетъ у человѣка, съ которымъ совершенно неожиданнымъ образомъ случаются исторіи.... Съ женой онъ видался рѣдко. Впрочемъ, Надежда Алексѣевна не скучала въ его отсутствіи. Въ ней проявилась страсть къ искусствамъ и художествамъ. Она все бо́льше зналась съ артистами и любила разсуждать о прекрасномъ съ молодыми людьми. Письмо Ипатова огорчило ее чрезвычайно, но не помѣшало ей, въ тотъ же день, поѣхать въ «Собачью Пещеру» посмотрѣть, какъ задыхаются бѣдныя животныя, погруженныя въ сѣрные пары.

Она поѣхала не одна. Ее сопровождали разные кавалеры. Въ числѣ ихъ самымъ любезнымъ считался нѣкто г. Попеленъ, неудавшійся живописецъ изъ французовъ, съ бородкой и въ клетчатой курткѣ. Онъ пѣлъ жирненькимъ теномъ новѣйшіе романсы, острилъ весьма развязно, и хотя сложенья былъ худощаваго, однако кушалъ весьма много.

VII.

Былъ солнечный, морозный январьскій день: на Невскомъ гуляло множество народа. Часы на башнѣ Думы показывали три часа. По широкимъ плитамъ, усѣяннымъ жолтымъ песочкомъ, шелъ между прочими старичный нашъ знакомый, Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ. Онъ очень возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, обложился бакенбардами и пополнѣлъ во всемъ корпусѣ, но не постарѣлъ. Онъ подвигался за толпой, не торопясь и изрѣдка посматривая кругомъ; онъ ожидалъ жену свою; она вмѣстѣ съ своею матерью хотѣла подъѣхать въ каретѣ. Владиміръ Сергѣичъ уже лѣтъ пять какъ женился, именно такъ, какъ всегда желалъ; жена его была богата и съ самыми лучшими связями. Привѣтливо при-

поднимая превосходно вычищенную шляпу при встрѣчѣ съ многочисленными знакомыми, Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ выступать свободною поступью довольнаго судьбою человѣка, какъ вдругъ, около самаго Пассажа, на него чуть не наткнулся какой-то господинъ, въ испанскомъ плащѣ и фуражкѣ, съ лицомъ уже порядкомъ изношеннымъ, крашеными усами и большими, слегка заплывшими глазами. Владиміръ Сергѣичъ съ достоинствомъ посторонился, но господинъ въ фуражкѣ посмотрѣлъ на него и вдругъ воскликнулъ:

— А! г. Астаховъ, здравствуйте!

Владиміръ Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ и остановился въ изумленіи. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ господинъ, рѣшившійся идти по Невскому въ фуражкѣ, зналъ его фамилію.

— Вы меня не узнаете, продолжалъ господинъ въ фуражкѣ: — я видѣлъ васъ лѣтъ восемь тому назадъ въ деревнѣ, въ Т—ской губерніи, у Ипатовыхъ. Меня зовутъ Веретьевымъ.

— Ахъ! Боже мой! извините меня! воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ: — но какъ вы измѣнились съ тѣхъ поръ...

— Да, я постарѣлъ, возразилъ Петръ Алексѣичъ и провелъ по лицу рукою, на которой не было перчатки: — а вотъ вы не измѣнились.

Веретьевъ не столько постарѣлъ, сколько осунулся и опустился. Мелкія, тонкія морщины покрыли его лицо, и когда онъ говорилъ, его губы и щоки слегка подергивало. По всему замѣтно было, что сильно пожилъ человѣкъ.

— Гдѣ вы все это время пропадали, что васъ не было видно? спросилъ его Владиміръ Сергѣичъ.

— Скитался кой-гдѣ. А вы все въ Петербургѣ находились?

— Большей частью въ Петербургѣ.

— Женаты?

— Женатъ.

И Владиміръ Сергѣичъ принялъ нѣсколько строгій видъ, какъ бы желая сказать Веретьеву: «ты, братецъ, не вздумай просить меня, чтобы я представилъ тебя моей женѣ.»

Веретьевъ, казалось, понялъ его. Равнодушная усмѣшка чуть тронула его губы.

— А что ваша сестрица? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ. — Гдѣ она?

— Не могу вамъ сказать навѣрное. Должно быть въ Москвѣ. Я давно отъ нея писемъ не получалъ.

— Супругъ ея живъ?

— Живъ.

— А самъ г. Ипатовъ?

— Не знаю; вѣроятно, тоже живъ, а можетъ и умеръ.

— А тотъ господинъ, какъ бишь его, Бодряковъ, что ли?

— Тотъ-то, кого вы въ секунданты себѣ просили, помните, когда вы такъ струсили. А чортъ его знаетъ!

Владиміръ Сергѣичъ помолчалъ съ важностью на лицѣ.

— Я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ тѣ вечера, продолжалъ онъ: — когда я имѣлъ случай (онъ чуть было не сказалъ: честь) познакомиться съ вашей сестрицей и съ вами. Она очень любезная особа. Что, вы все также пріятно поете?

— Нѣтъ, голосъ пропалъ.... Да, хорошее тогда было время!

— Я еще разъ посѣтилъ потомъ Ипатовку, прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ, приподнявъ печально брови, — вѣдь такъ, кажется, звали ту деревню — въ самый день одного страшнаго событія...

— Да, да, это ужасно, это ужасно, торопливо перебилъ его Веретьевъ. — Да, да. А помните, какъ вы чуть было не подрались съ моимъ теперешнимъ зятемъ?

— Гм! помню! возразилъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ. — Впрочемъ, я долженъ вамъ признаться, столько времени съ тѣхъ поръ прошло, мнѣ иногда это все представляется какъ сонъ какой-то...

— Какъ сонъ, повторилъ Веретьевъ, и его блѣдныя щоки покраснѣли: — какъ сонъ... нѣтъ, это не былъ сонъ, по крайней мѣрѣ для меня. Это было время молодости, веселости и счастья, время безконечныхъ надеждъ и силъ неодолимыхъ, и если это былъ сонъ, такъ сонъ прекрасный. А вотъ что мы теперь съ вами постарѣли, поглупѣли, да усы красимъ, да шляемся по Невскому, да ни на что не стали годны, какъ разбитыя клячи, повыдохлись, повытерлись, не то важничаемъ и ломаемся, не то бьемъ баклуши, да, чего добраго, горе виномъ запиваемъ, вотъ это скорѣе сонъ и сонъ самый безобразный. Жизнь прожита даромъ, нелѣпо, пошло прожита — вотъ что горько! Вотъ это бы стряхнуть какъ сонъ, вотъ отъ этого бы

очнуться... И потомъ вездѣ, всюду одно ужасное воспоминаніе, одинъ призракъ А, впрочемъ прощайте.

Веретьевъ быстро удалился, но поровнявшись съ дверьми одной изъ главныхъ кондитерскихъ Невскаго проспекта остановился, вошелъ въ нее, выпивъ у буфета рюмку померанцовой водки, отправился черезъ билліардную, всю туманную и тусклую отъ табачнаго дыма, въ заднюю комнату. Тамъ онъ нашелъ нѣсколько знакомыхъ, прежнихъ товарищей: Петю Лазурина, Костю Ковровскаго, князя Сердюкова и еще двухъ господъ, которыхъ звали за просто Васюкомъ и Θилатомъ. Всѣ они были люди уже не молоды, хотя и холостые; у иныхъ волосы повылѣзли, а у другихъ сѣдина пробилась, лица ихъ покрылись морщинками, подбородки сводились, словомъ—господа эти всѣ уже давно, какъ говорится, перешли періодъ растенія. Всѣ они, однако, продолжали считать Веретьева человѣкомъ необыкновеннымъ, предназначеннымъ удивить вселенную, и онъ только потому и былъ умнѣе ихъ, что самъ очень хорошо сознавалъ свою совершенную и коренную безполезность. И внѣ его кружка находились люди, которые думали о немъ, что не погуби онъ себя, изъ него чортъ знаетъ что́ бы вышло... Эти люди ошибались: изъ Веретьевыхъ никогда ничего не выходитъ.

Пріятели Петра Алексѣича встрѣтили его съ обычными привѣтствіями. Онъ сначала озадачилъ ихъ своимъ мрачнымъ видомъ и жолчными рѣчами, но вскорѣ успокоился, развеселился и дѣло пошло своимъ обычнымъ порядкомъ.

А Владиміръ Сергѣичъ, какъ только ушелъ отъ него Веретьевъ, нахмурился и выпрямилъ станъ. Неожиданная выходка Петра Алексѣича чрезвычайно озадачила, даже оскорбила его.

— Поглупѣли, вино пьемъ, усы красимъ... parlez pour vous, mon cher, сказалъ онъ, наконецъ, почти вслухъ и, фыркнувъ раза два отъ прилива невольнаго негодованія, собрался было продолжать свою прогулку.

— Кто это съ вами говорилъ? раздался громкій и самоувѣренный голосъ за его спиною.

Владиміръ Сергѣичъ обернулся и увидѣлъ одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, нѣкоего г. Помпонскаго. Этотъ г. Помпонскій, человѣкъ высокаго роста и толстый, занималъ до-

вольно важное мѣсто и ни разу съ самой ранней юности не усомнился въ себѣ.

— Такъ, чудакъ какой-то, проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, взявши г. Помпонскаго подъ руку.

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣичъ, развѣ позволительно порядочному человѣку разговаривать на улицѣ съ индивидуемъ, у котораго на головѣ фуражка? Это не прилично! Я удивляюсь! Гдѣ вы могли познакомиться съ такимъ субъектомъ?

— Въ деревнѣ.

— Въ деревнѣ... Съ деревенскими сосѣдями въ городѣ не кланяются... ce n'est pas comme il faut. Джентльменъ долженъ всегда держать себя джентльменомъ, если хочетъ, чтобы...

— Вотъ моя жена, поспѣшилъ перебить его Владиміръ Сергѣичъ. — Пойдемте къ ней.

И оба джентльмена направились къ низенькой, щегольской кареткѣ, изъ окна которой выглядывало блѣдное, усталое и раздражительно-надменное личико женщины еще молодой, но уже отцвѣтшей.

Изъ-за нея виднѣлась другая дама, тоже словно разсерженная, ея мать. Владиміръ Сергѣичъ отворилъ дверцы кареты, предложилъ женѣ руку, Помпонскій пошелъ съ его тещей, и обѣ четы отправились по Невскому, въ сопровожденіи невысокаго черноволосаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ и съ большой кокардой на шляпѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.